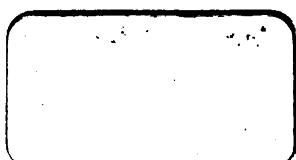

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1855.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К°

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ CII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К°.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 31 августа 1855 года.

Цензоры А. Фрейгангъ и Ю. Шидловскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

СЕНТЯБРЬ.

I. Словесность.

СТР.

II. Науки и Художества.

III. Критика.

IV. Библіографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЕРЕВОДЫ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

стр.

V. Современная Хроника Россіи.

VI. Смѣсь.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

I.

ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ЗАПИСКИ.

I.

Зиму прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ, мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія одни только трехверстныя поѣздки по непромятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ встрѣтилъ я весну. И—Боже мой! кàкъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею, способность, которая—не могу скрыть—была мною утрачена въ городской жизни, посреди чиновничьихъ и другаго рода мірскихъ треволненій. Настоящимъ образомъ таять нàчало съ апрѣля, и я ужь цѣлый день оставался на воздухѣ, походя на больнаго, которому, послѣ полугóдичнаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра, ни ревматизма, ходилъ въ легкомъ платьѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неутомимаго вниманья: по нѣскольку разъ въ день я наблюдалъ, кàкъ онъ больше-и-больше расширяется, свѣжѣй-и-свѣжей зеленѣетъ; появившіяся на садовыхъ вербахъ почки я почти пересчитывалъ, какъ-будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь, верхомъ, по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ,

посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все, попадающее ей на встрѣчу: и сухое дерево, поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ, ради заманки въ нее неопытныхъ щуратъ. Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше-и-больше свою теплотворную силу и припекаетъ гдѣ-нибудь у стѣны точно лѣтомъ. И сколько птицъ появилось, и какъ онѣ всѣ вдругъ ожили, откуда прилетѣли и всѣ поютъ: токуютъ на своихъ сладострастныхъ ассамблеяхъ тетерева, свищетъ по временамъ соловей, кукуетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется иволга, тамъ прокричитъ коростель... Господи! сколько силы, сколько страстности, и въ то же время сколько гармоній въ этихъ звукахъ оживающаго міра! Но вотъ снѣгу больше нѣтъ: лошадей, коровъ и овецъ, къ большому ихъ, сколько можно судить по наружности, удовольствію, сгоняютъ въ поля—наступаетъ рабочая пора; впрочемъ, весной работа еще ничего — не такъ торопятъ: съ Христова-дня по петровъ-постъ воскресенья называются *гулящими;* въ поляхъ возятся только мужики; а бабы и дѣвки еще ткутъ крàсна и, которыя изъ нихъ помоложе и повеселѣй да посвободнѣй въ жизни, такъ ходятъ въ сосѣднія деревни или въ усадьбы на гульбища; ихъ обыкновенно сопровождаютъ мальчишки въ ситцевыхъ рубахахъ и непремѣнно съ крашенымъ яйцомъ въ рукѣ. Гульбища эти по нашимъ мѣстамъ нельзя сказать, чтобъ были одушевлены: бабы и дѣвки больше стоятъ, переглядываются другъ съ другомъ и, долго-долго сбираясь и передумывая, станутъ наконецъ въ хороводъ и запоютъ безсмертную: «Какъ по морю, какъ по морю»; причемъ одна изъ дѣвокъ, надѣвъ на голову фуражку, представитъ парня, убившаго лебедя, а другая—красну дѣвицу, которая подбираетъ перья убитаго лебедя дружкỳ на подушечку; или, раздѣлясь на два города, ходятъ другъ къ другу на встрѣчу и поютъ—однѣ «А мы просо сѣяли, сѣяли», а другія «А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ». Самой живой сценой бываетъ, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдругъ колесомъ и врежется въ самый хороводъ, причемъ какая-нибудь баба, посердитѣе на лицо, не упуститъ случая, проговоря «я ти, пёсъ-баловникъ этакой!», толкнуть его ногой въ бокъ, а тотъ повалится на землю и начнетъ дрегать ногами: дѣвки смѣются...

Иногда привяжется къ хороводу только-что воротившійся съ базара пьяный мужичонка, и туда же лѣзетъ цаловаться съ дѣвками, которыя покрасивѣе; но этакого срамного—кто ужь поцалуетъ? такъ онъ начнетъ выкидывать другія штуки: возьметъ, напримѣръ, двѣ палки, изъ которыхъ одну представитъ будто смычокъ, а изъ другой скрипку и начнетъ наигрывать языкомъ *комаринскую*, или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащитъ съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ *балалайку* и, тоже наигрывая языкомъ комаринскую, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится наконецъ куда-нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропоютъ иногда «Калинушка съ малинушкой лазоревый цвѣтъ»; мальчики еще подерутся между собой и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ... Вотъ вамъ и игрище все!

Между-тѣмъ, время идетъ: яровое допахиваютъ. Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галереѣ дома, обращенной во дворъ. Въ залѣ шумятъ двое маленькихъ сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю, второй годъ. Они всѣми силами стараются перекричать другъ друга, вскрикивая «пли, пли, пли!» Это они играютъ въ солдаты и воюютъ съ турками; вдругъ одинъ заревѣлъ. «Поля! ты опять брата дразнишь?» кричу я, напередъ зная, что старшій, буянъ, обидѣлъ младшаго, и хочу идти; но слышу пришла мать: она лучше возстановитъ миръ. Поля преназвно объявилъ, что онъ братца пикой закололъ; ему объясняютъ, что братца стыдно колоть пикой, потому-что братецъ маленькій, и, въ наказанье, уводятъ въ гостиную, говоря, что его не пустятъ гулять больше на улицу и что онъ долженъ сидѣть и смотрѣть книжку съ картинками; а Колю, между-тѣмъ, успокоивъ леденцомъ, выносятъ ко мнѣ на галерею. Онъ такъ огорченъ, что все еще продолжаетъ всхлипывать; большіе голубые глазёнки полны слезъ.

— Что, Коля, тебя обидѣли? говорю я, беря его за подбородокъ.

Онъ нѣсколько времени смотритъ на меня, потомъ прижимаетъ головку къ плечу няньки и, какъ-бы вспомнивъ тяжко-нанесенную ему обиду, горько-горько опять заплачетъ.

— Полно, батюшка, полно! Вонъ, посмотри, какая идетъ а, а, а, кошка, кошка, кисъ, кисъ, кисъ!.. говоритъ ему въ утѣшенье нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенокъ занялся.

— Кисъ, кисъ, кисъ! шепчетъ онъ тихонько.

— Да̀, батюшка, кисъ, кисъ, кисъ, повторяетъ за нимъ нянька, и оба, очень-довольные другъ другомъ, отправляются въ залу баюкаться. — Бай, бай, бай! начинаетъ напѣвать старуха. «О, о, о!» о̀кается ребенокъ, а я все-еще продолжаю сидѣть: не хочется въ комнаты, отрадно на воздухѣ, хоть и становится свѣжо. Однако дѣдушка Өаддей прошелъ ужь за квасомъ—значитъ, девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Өаддей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ и—не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ; всегда первый нацѣдитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу; ну, а дворня не маленькая, какъ-разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ и за услуги, оказанныя еще въ юности, по случаю секретныхъ поѣздокъ верхомъ, верстъ за шесть, за пять, въ самую глухую полночь и во всевозможную погоду—чалка этотъ вдругъ заржалъ; это значитъ, слышитъ лошадей—такой ужь конь табунный, живъ-сгорѣлъ по своемъ бра тѣ; значитъ, это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики-мальчишки верхами на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что есть духу, мчится, но, завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца-мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, напримѣръ, за грибами, а онъ поймаетъ въ полѣ чью-нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой, да верстъ въ десять конецъ и дастъ взадъ и впередъ.

«Однако, что жь это оральщики не шабашатъ?» думаю я самъ съ собою: «но и оральщики отшабашали, ѣдутъ! Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Завирохи; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: онъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ, и все крикомъ кричитъ; поэтому его Завирохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худощавый и съ озабоченнымъ лицомъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе, сильно-загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ, снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галереи.

— Здравствуй, Семенъ; надѣвай шапку. Что̀ скажешь хорошаго? говорю я.

— Овесъ выкидали, отвѣчаетъ Семенъ неторопливо.

— Ну, и слава Богу! во̀-время, значитъ, управляемся; теперь, стало-быть, ячмень и ленъ только остался, продолжаю я.

— Ленъ и ячмень остался теперь, подтверждаетъ Семенъ.

Нѣсколько времени мы оба молчимъ.

— Теперь бы дождичка надо, замѣчаю я.

Семенъ вздыхаетъ.

— Не мѣшало бы и дождичка, соглашается онъ.

Вообще, онъ говоритъ какъ-то лѣниво: видно усталъ да и... Я, впрочемъ, понимаю, чтò это значитъ.

— Эй! кто тамъ? кричу я: — скажите ключницѣ, чтобъ дала старостѣ водки.

Лицо Семена въ минуту освѣщается удовольствіемъ; ключница выноситъ стаканъ водки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поллоmтя густо-насоленнаго хлѣба. Она, по разнымъ сношеніямъ, большая пріятельница Семену и всѣхъ почти дѣтей у него крестила.

Семенъ беретъ стаканъ, крестится и, проговоря:

— Съ засѣвомъ, батюшка, поздравляю! выпиваетъ съ-разу и потомъ морщится.

— Закусите, говоритъ ключница, подавая ему хлѣба.

Семенъ отламываетъ небольшой кусочекъ, съѣдаетъ и откашливается.

— Озими, сударь, ныньче, слава Богу, хороши подымаются, заговариваетъ ужь онъ самъ.

— Хороши, братецъ, хорòши, видѣлъ я; и травы, кажется, тоже будутъ порядочныя.

— Травы важныя засѣли-съ, подтверждаетъ Семенъ: — весна-то ныньче, сударь, чтò Богъ дастъ впередъ, вольготна для всего идетъ; оно, выходитъ, тепло, да и дождички перепадаютъ.

— Заморозкòвъ чтобъ не было — это вотъ скверно для всего, замѣчаю я.

Семенъ усмѣхается.

— Пожалуй, что того и жди, подтверждаетъ онъ. — Покойный вашъ папенька тоже говаривалъ, какъ, этакъ, съ весны теплая погода начнетъ: «ну, говоритъ, будетъ вычетъ; какъ подуетъ отъ Николы любезный, такъ и ходи недѣли двѣ въ шубахъ.»

(Никола — приходъ, отъ насъ въ сѣверной сторонѣ).

— Не-уже-ли каждый годъ это бываетъ?

— Почесть, что каждый годъ, что вотъ я ни живу; Богъ знаетъ отчего это! кто говоритъ, что пахать начнутъ, пластъ поднимутъ, такъ земля изъ себя холодъ дастъ, а кто и на черемуху приходитъ, что какъ черемуха цвѣтетъ, такъ отъ нея сиверко дѣлается... Богъ знаетъ, кàкъ и сказать.

— Это волй Божья, братецъ; значитъ, такъ надо, говорю я ему на это, и прибавляю: —куда завтра народъ пошлешь?

— Завтра на дороги надо выгнать: выбиваютъ. Сотской два раза прибѣгалъ, исправникъ его хлестать хочетъ, что дороги долго не чинятъ.

— Ну, на дороги, такъ на дороги, откладывать нѐчего въ дальній ящикъ, не отвертишься! говорю я.

— Извѣстно-съ, соглашается Семенъ: — за нами хоть бы и безъ васъ, прибавляетъ онъ:—хошь кого извольте спросить, никогда супротивъ прочихъ ни въ чемъ остановки нѣтъ; какъ другіе вышли, такъ и мы.

— Это хорошо; тàкъ и надо. Ступай, однако, отдыхай, заключаю я. Семенъ сначала пошелъ-было, но потомъ пріостановился, подумалъ немного и опять воротился ко мнѣ.

— Насчетъ плотника вы приказывали... проговорилъ онъ.

— Ну, дà; чтò жь?

— Наказывалъ я: на этой недѣлѣ обѣщался побывать.

— И хорошо; только сдѣлаетъ ли онъ ригу-то?

— Кàкъ бы, кажись, не сдѣлать: по мужикамъ здѣсь на всемъ околоткѣ работаетъ; рига не какая хитрость, не барскіе хоромы.

Тѣмъ разговоръ мой съ Семеномъ и кончился.

II.

Дня черезъ три, я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу, кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшаго роста, съ татарскимъ отчасти складомъ лица: глаза угловатые, лицо карявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ, но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а, должно быть, франтоватый: голова расчесанная, намаслянная, въ сурмленной поддёвкѣ нараспашку, въ пестрядиной рубашкѣ, въ шелковомъ поясѣ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и, не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцаловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Чтò это за глупости? сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку. Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ, опосля Бога и царя, первый, ваше высокопривосходительство, проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? что̀ ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Что̀ такое Пузичъ?

— Фамилія такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и такъ-какъ теперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежели теперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что этта говорили, разрѣшилъ, наконецъ, Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужь очень говоришь ты, братецъ, сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежели теперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно, сказалъ я:—только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здѣсь на знати́; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ; я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должо̀нъ сказать, колесо мое большое, ваше привосходительство, должо̀нъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Теперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, цыркулемъ, или теперь по ватерпасу прикинуть—все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что̀ мужикъ?—дуракъ, такъ-сказать, больше ничего! возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то, что... вмѣшался Семенъ.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло, отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно-непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько-лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо-скрытымъ невниманьемъ и презрѣньемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Брать ли намъ его? спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка—глушь: хоть бы и изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость! подхватилъ Пузичъ.

— Что жь ты возьмешь? какъ твоя цѣна будетъ? спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство, началъ Пузичъ:—будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходитъ двѣсти рублёвъ серебромъ.

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ что-ли? сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копейки, Семенъ Яковличъ, взять не могу, отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя — сто, сказалъ я, думая, что снесъ, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто — много, помилуйте! семидесяти рублёвъ съ него заглаза будетъ, произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то, что объ семидесяти, а и объ ста рубляхъ, Семенъ Яковличъ, разговаривать нѣчего. Этой цѣны малой ребенокъ не

возьметъ! сказалъ онъ съ такой ужь физіономіей, какъ-будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! полно! Что языкъ понапрасну треплешь! возразилъ Семенъ, начинавшій выходить изъ терпѣнья.

— Може вы сами языкъ понапрасну треплете, Семенъ Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значитъ, понимаемъ съ кѣмъ и предъ кѣмъ говоримъ, возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ—хорошо, а нѣтъ—такъ можешь убираться, сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство, началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу: — такъ-какъ теперича я оченно желаю, чтобъ знакомство промежь насъ было; значитъ, полтораста серебромъ вы извольте положить, и то въ убытокъ—вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся! рѣшилъ я.

— Ваше высокородіе, позвольте! продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу:—кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значитъ, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копейку противъ меня уваженья сдѣлаетъ.

— Ломается еще туда же, дура-голова! проговорилъ Семенъ.

— Ломаться мы не ломаемся, Семенъ Яковличъ, ужь это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значитъ, дѣло, выходитъ, неподходящее.

— Неподходящее? повторилъ Семенъ сердито.—Мало тебѣ, жиду, ста рублёвъ! Двадцать-пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ-будто бы не слыхалъ этого замѣчанія и обратился ко мнѣ.

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; сй-Богу безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Это что говорить, продолжалъ Пузичъ: — сработать можно всяко; только я худаго слова, значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и на предки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому Уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь, такъ, по своей глупости, сказать, строжающій, въ настоящемъ видѣ, значитъ... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ [illegible]ленья доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и те-

перичa, когда онъ сталъ требовать меня: «что жь, думаю, буди воля Царя Небеснаго! а я готовъ завсегда служить господамъ, ваше привосходительство». И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу, первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра пересчитаны были палкой; разъ пять, можетъ-статься, кровянилъ меня; но я, по своему чувствію, ваше привосходительство, не то,.. что бралъ бы въ обиду, а еще въ удовольствіе—значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда теперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Эка подлая натуришка!» подумалъ я и молчалъ, догадываясь, что онъ вретъ.

— Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, продолжалъ опять Пузичъ:—генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублёвъ серебромъ лишнихъ. «Нà, говоритъ, тебѣ, Пузичъ, за тò, что нраву моему, значитъ, угодилъ. И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала мильйоннаго: значитъ, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать—больше того, ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображалась досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста, сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несообразно, проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно-долго, присовокупилъ, вздохнувъ: — прощенья, значитъ, просимъ, и сталъ молиться, и молился опять долго.—Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ, пробунчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! возразилъ Семенъ.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, и пошелъ; Семенъ за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому-что шелъ онъ очень-медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ, сказалъ Семенъ.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, присовокупилъ Пузичъ съ подло-просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копейки не прибавлю, возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Ка̀къ и на свѣтѣ ныньче стало жить — не знаешь, началъ онъ: — господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя... Задаточку, ужь, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать, прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько жь тебѣ?

— Двадцать-пять рубликовъ серебромъ, отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужь неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать-пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь, проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожанную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, отвѣчалъ Семенъ.—Теперь, вотъ ты у насъ работу берешь, а я тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ опосля чего не вышло: ты тамъ ка̀къ знаешь, а чтобъ на нашей работѣ Петруха былъ безпремѣнно.

Пузичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Петруха? повторилъ онъ съ усмѣшкою и обратился ко мнѣ. — Когда я, ваше привосходительство, самъ на работѣ, что̀ же значитъ Петруха? Какое онъ званіе можетъ имѣть, когда самъ подрядчикъ тутъ, извините вы меня, Семенъ Яковличъ! отнесся онъ къ Семену.

— Изъ нашихъ, вѣдь, братъ, мужицкихъ извиненій не шубу шить, это что̀! возразилъ, въ свою очередь, Семенъ: — не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ — знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нѐчего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужь съ того спросить много нѣчего.

— А Петруха-то кто жь такой? спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надёжный, отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говоритъ! мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованіе, значитъ, кладемъ ему сполна, проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ вострый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ разсчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникѣ мнѣ ужь совѣстно было отказать — я ему далъ, но Семенъ и противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима! проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости, сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ, очень-хорошо знаютъ, что стройка по деревнѣ—благодать, самое живое развлеченіе; точно должность получилъ приличную своимъ способностямъ: каждое утро и сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотрѣть; вечеромъ тоже.

Все это дѣлалъ, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четвёртъ: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глуповатымъ на-лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень-благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень-красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ-складъ. Уставщикъ Петруха былъ мужикъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совер-

шенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Матюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ? спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается, отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой—другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы, для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что̀? аль неладно? спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался, и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что̀, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить, заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка? отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ: — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поётъ—да̀! Хоть-бы и мое дѣло, не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ... Пора бы не брёвна катать, а лыко драть, да на печкѣ лежать — да̀!

— Отчего это ты все вотъ въ-складъ говоришь? замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ молоду, государь мой милостивый, отвѣчалъ онъ: — такая ужь моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то — не помню; съ хороводъ да съ пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой ты былъ? сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то, что̀ просто дружка; меня ажно изъ Ярославля купцы ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублёвъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка—да̀! Ты вотъ, государь милостивый,

въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ-складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что̀ твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунныя!

— Ка̀къ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? съ чего? спросилъ я.

— Сговоры, государь мой милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень-довольный моимъ вопросомъ:—начинаются, ежели дружка дѣломъ правитъ по порядку, какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: «у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ; товаръ вашъ покажите, а купца нашего посмотрите...» Тутъ сейчасъ съ ихниной, съ невѣстиной стороны, свашка, по-нашему, немытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да̀! Теперича невѣста, значитъ, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чествуетъ хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: «товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ разступился, пожалуйте шубу на столъ, станемъ Богу молиться и по рукамъ биться»—да̀! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обвывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ, дураковъ-мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значитъ, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, пріѣзжай, значитъ, припасенный.

— А дары когда жь дарятся между женихомъ и невѣстой? перебилъ я.

— Дары тутъ же дарятся, продолжалъ Сергѣичъ: — какъ теперича, по молитвѣ это рукобитье совершится, старички, выходитъ, по другому, по третьему стаканчику выпили, дружка сейчасъ и ведетъ жениха за занавѣску, по началу молитву читаетъ: «Господи! помилуй насъ»—да̀! тутъ женишокъ и спрашиваетъ: «красна дѣвица, дайте знать, ка̀къ васъ звать?» Она—хоша Катерина Степановка; значитъ—«Катерина Степановна, извольте наши дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много». Невѣста дары пріемлетъ; тутъ они и цалуются,—впервые, значитъ, а другіе може и больно не впервые, губы-то може до мозолей ужь трепаны, особливо по нашей гулящей сторонкѣ... Теперича и невѣста въ оборотъ жениху говоритъ: «Господи, помилуй насъ! Добрый молодецъ, какъ васъ звать?» Примѣрно, Николай Иванычъ; выходитъ—«Николай Иванычъ, извольте отъ меня

дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много!» Отдаривается, значитъ — да!

— А какъ же невѣста обвываетъ свой дѣвичій вѣкъ? спросилъ я.

— Хорошо, сударь, обвываетъ, отвѣчалъ Сергѣичъ съ какимъ-то умиленьемъ: — причитываетъ все къ отцу-къ-матери такими рѣчами: «Не лѣсъ къ сырой землѣ клонится, добрые люди Богу молятся. Стрѣчай-ка ты, родимый батюшка, своихъ дорогихъ гостей, моихъ разлучниковъ; сажай-ка за столъ подъ окошечко, свата-сватьюшку, дружку-засыльничка ко свѣтцу, ко присвѣтничку; не сдавайся, родимый батюшка, на слова ихъ на ласковыя, на поклоны низкіе, на стаканъ пива пьянаго, на чару зелена вина; не отдавай меня, родимый батюшка, изъ теплыхъ рукъ въ холодныя, ко чужому къ отцу, къ матери»—да! приговоры хорошіе идутъ. У насъ вѣдь лучше, обряднѣе, чѣмъ у васъ, у бары. Я вотъ тоже съ улицы въ окошко на господскія свадьбы гляживалъ—что?... ничего нѣтъ потѣшнаго; схватятся только за руки, да ходятъ, а ничего разговоровъ нѣтъ.

— Это на сговорахъ; а на свадьбахъ, я думаю, еще больше приговоровъ бываетъ, продолжалъ я спрашивать, видя, что Сергѣичъ былъ въ-душѣ мастеръ по свадебному дѣлу, и я убѣжденъ, что онъ нѣкоторые приговоры самъ былъ способенъ сочинить. Вопросъ мой окончательно расшевелилъ старика; онъ откашлялся, обдернулъ бороду и сталъ ужь называть меня, вмѣсто государь мой милостивый, другъ сердечный.

— Въ самую свадьбу, другъ сердечный, началъ онъ: — приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье; дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочитъ съ саней и бѣжитъ къ невѣстиной избѣ подъ окошко, съ такимъ приговоромъ: «стоятъ наши добрые кони, во чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ чистыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, сватъ и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?» Изъ избы имъ откликаются: «Милости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ». Теперича, по его командѣ поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, а онъ, государь мой милостивый, все впереди, никому впередъ себя идти не даетъ. По сѣнямъ идетъ, молитву творитъ и себѣ приговоръ говоритъ: «Идетъ друженька лѣсенкой кленовою, мостикомъ калиновымъ, берется друженька за скобочку полужоную. Растворите, во имя Отца и Сына

и Святаго Духа, дверечки широкія: самъ *я*, сватушка, двери на петлѣ поведу, а безъ *аминя* не войду!» Тѣмъ, другъ сердечный, что въ свадебномъ дѣлѣ ничего безъ молитвы починать нельзя, весь поѣздъ, значитъ, *аминя* и ждетъ—да̀! Какъ теперича, имъ *аминь* изъ избы оголосили, дружка опять впереди всѣхъ. Первый его приговоръ, какъ въ избу вошелъ: «Скокъ чрезъ порогъ, насилу ножки переволокъ!» значитъ, чтобъ съ шутки начать, да и дѣло кончить—да̀! Втрой приговоръ его: «Всѣ люди смотрящіе, всѣ люди глядящіе! покажите мнѣ хозяина настоящаго въ дому». Третій его приговоръ: «Сватьюшка любезный, кто у васъ въ домѣ началъ?» — «Началъ у насъ въ домѣ Спасъ, Пресвятая Богородица!» отвѣчаютъ ему. Четвертый приговоръ дру̀жки, значитъ: «Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклонимся, сватьюшка любезный, въ нѣкоторые годы, въ нѣкоторыя времена, ходили промежь насъ старушонки, дѣла наши свашили, были промежь насъ и сговоры!» Теперича, значитъ, дѣло наше сужено, ряжено: къ молодому нашему князю пожалуйте молодую княгиню, къ большому барину большаго барина, къ меньшему барину меньшаго, къ тысяцкому тысяцкаго, а ко мнѣ, дураку-дружкѣ, такого же дурака-дружку. Теперича, сейчасъ невѣсту и выводитъ изъ-за занавѣски братъ родной, али тамъ крёстный. Дружка опять-было первый идетъ, брату пива подноситъ, только на тотъ разъ ему говорятъ—да̀: «пришлите себя помоложе, подороже и повѣжливѣе!» значитъ, надо женишка посылать. Идетъ тотъ сначала съ пустымъ пивомъ, безъ денегъ, значитъ, братъ ему и говоритъ: «кушайте сами; наша сестричка недешевая: не по бору ходила, не шишки брала, а золотомъ шила; у нашей сестрички по тысячѣ косички, по рублю волосокъ» — значитъ, выкупъ надобно дѣлать, денегъ въ пиво класть.

— А дружка что̀ тутъ дѣлаетъ? спросилъ я.

— Дружка промежь тѣмъ свое справляетъ, отвѣчалъ Сергѣичъ. — Тоже, грѣшнымъ дѣломъ, бывало, попересохнетъ въ горлѣ-то, такъ нарочно и закашляешься: и кашляешь, и кашляешь, а тутъ такой приговоръ и ведешь: «Сватьюшки любезные, что-то въ горлѣ попершило, позакашлялось: нѣтъ ли у васъ водицы испить, а коли воды нѣтъ, мы пьемъ и пивцо, а пивца нѣтъ, выпьемъ и винца!» Ну, и на другой хорошей свадьбѣ, гдѣ виномъ-то просто, тутъ же стакана три въ тебя вольютъ; такъ и считай теперь, сколько въ цѣлый день-то попадетъ. Съ другой, бывало, богатенькой свадебки, послѣ друженья, пріѣдешь домой, такъ цѣ-

лую недѣлю въ баню ходишь свадебную дурь пàромъ выгонять. Хорошо дружкѣ бываетъ, нèчего сказать, больно-хорошо.

— Хорошо-то, хорошо, да вѣдь и это дѣло не всякій справитъ: надобно тоже разумъ имѣть, замѣтилъ я.

— Еще какой разумъ-то, другъ сердечный! разумъ большой надо имѣть, отвѣчалъ Сергѣичъ: — вотъ тоже нынѣшніе дрýжки, посмотришь, званье только носятъ... Хоть-бы теперь приговоръ вести надо такъ, чтобъ кажинное слово всякъ въ толкъ взялъ, а не чтò на вѣтеръ языкомъ проболтать. За поясъ бы, кажись, въ экіе годы свои, всѣхъ ихъ заткнулъ, заключилъ онъ и началъ тесать.

— А ужь ныньче развѣ ты не дружничаешь? спросилъ я.

— Нѣтъ, государь мой милостивый, давно ужь отсталъ; что-что съ рожи-то цвѣтенъ да румянъ, а глаза больно-плохи — дà! Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажинный годъ раза три со слѣпа-то обрубишься, а ужь гдѣ дружничать: тутъ надо глаза быстрые, ноги прыткія!

— Ты семейный, али одинокій?

— Какое, другъ сердечный, одинокій! возразилъ Сергѣичъ: — родомъ-то видно изъ кустовой ржи. Было-боло въ избѣ всякаго колосья — и мужиковъ и дѣвья: пятерыхъ дочекъ однѣхъ возвелъ, да чужой человѣкъ пенья копать увелъ, въ замужства, значитъ, роздалъ — дà! Двухъ-было сыновьевъ возрастилъ, да и тѣмъ что-то мало себѣ угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ наказываетъ. Іовъ праведный былъ, да и на того Богъ посылалъ испытанье; а намъ, окаяннымъ, еще мало, что по ребрамъ попало — дà!

— А сыновья гдѣ жь у тебя?

— Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей Божьею, на Низý холеркой померъ, а другаго, больно ужь любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши годы будутъ отъ него подмоги, а выходитъ, видно такъ, что человѣкъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже ростетъ, чѣмъ на чужихъ кулакахъ — дà!

— Гдѣ жь онъ? спился, чтò ли?

— Я ужь и сказать тебѣ не знаю кàкъ, въ кою сторону онъ туракъ; недолго бы, кажись, пилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали его, гдѣ грѣху не быть, съ мірскими деньгами въ городъ; уѣхать-то уѣхалъ въ поддёвкѣ, а оттель

привели на верёвкѣ—да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулъ тамъ; добрые люди, спасибо, подсобили — дà! Онъ-то благовалъ, а батька въ отвѣтъ попалъ: мірскіе рублики, батюшка; не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье сдалъ—дà! Не стерпѣлъ я этого: дѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ худы ли, добры — все сладки. Дѣлать нѐча, пошелъ къ Пузичу, сталъ ему въ ноги кланяться...

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— Нештò, нештò, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати, отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ: — изстара еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ; дѣды его еще этимъ промышляли.

— Помилуй! самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка! замѣтилъ я.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Дà, то-то вотъ, чтò-что разумомъ мелокъ, да какъ сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжитъ, а рубль сорвать норовитъ; мало Бога знаетъ, неча похвалить, татарскій родъ проклятый, чтò-что крещеные! Хоша бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ — далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ не старъ, а все въ эту пору рубль серебра стòю, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ.

— Ну, а прочіе кàкъ же живутъ у него? спросилъ я.

— А чтò, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, отвѣчалъ старикъ тихо. — Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хоть-бы этотъ Матюшка, дурàшный, дурàшный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить.

— Не-уже-ли же онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю? воскликнулъ я.

— Али больше! отвѣчалъ Сергѣичъ: — онъ тоже пригульный: дѣвка по лѣсу шла, да его нашла, бобылка согрѣшила—землицы, значитъ, и не было у нихъ, хлѣбцомъ-то и бились... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ это одолженіе: давалъ на пропитаніе, а теперь и разсчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ калачика не уболемъ съись; лапотокъ новыхъ нѐ на что купить, а все денегъ нѣтъ—дà! Каковы наши богатые-то мужички, а нашъ ужь, пожалуй, изо всѣхъ хватъ, чорту братъ.

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ, вѣрно на особомъ у Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублёвъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, а ужь это до кого ни доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творитъ.

— Отчего жь Пузичъ трусить его, кажется?

— Ну дà, батюшка, по работѣ-то нужный ему человѣкъ: чтò бы онъ безъ него?—какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то... послѣ болѣсти, что-ли, съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ, значитъ. Теперича, чтò маненько Пузичъ сдѣлаетъ не по немъ, онъ сейчасъ ему и влѣпитъ: «ты, баетъ, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано».

— Не-уже-ли же онъ это вправду говоритъ? спросилъ я.

Сергѣичъ засмѣялся.

— Нѣту, сударь, какое, кажись, вправду! отвѣчалъ онъ:— мужикъ богобоязливый, сдѣлаетъ ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутоватъ-плутоватъ; а вѣдь заячьяго разуму человѣкъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ много.

Петръ сталъ меня очень интересовать, и я хотѣлъ-было о немъ поподробнѣе разспросить Сергѣича, но въ это время подошелъ Пузичъ и началъ нести какую-то чушь о работѣ, и я, чтобъ отдѣлаться отъ него, ушелъ въ комнаты.

IV.

Когда срубы были срублены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ.

— Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть штофчикъ имъ выставить — и будетъ съ нихъ! проговорилъ онъ.

— Хорошо, сказалъ я:—чтò жь ты мнѣ давно не напомнишь? Я-было и забылъ.

— Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить, отвѣчалъ Семенъ, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Что жь, тебѣ для Пузича жаль ужь стакана водки? сказалъ я.

— Еще бы не жаль! Будетъ съ него; и то сорвалъ сто рублей: есть на что выпить, разбойникъ этакой! проворчалъ Семенъ, никакъ-нехотѣвшій простить мнѣ перадачу Пузичу.

— Когда жь имъ дать? спросилъ я.

— Да вотъ хоть ужо вечеромъ, какъ отшабашатъ.

— Хорошо... Зайди ты передъ тѣмъ въ горницу за виномъ, и я выйду къ нимъ, сказалъ я.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Семенъ, и неторопливо пошелъ къ своему дѣлу.

Вечеромъ я, дѣйствительно, въ сопровожденіи Семена, вооруженнаго штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣроятно, ужь предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. При моемъ приходѣ Сергѣичъ и Матюшка привстали-было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, выпейте, сказалъ я, садясь около нихъ тоже на бревно. Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— Благодарствуй, государь нашъ милостивый, благодарствуй, проговорилъ Сергѣичъ.

Матюшка глупо улыбнулся. Я велѣлъ подать первому Петру. Онъ выпилъ, откашлялся опять, и проговорилъ:

— Вотъ кабы этимъ лекарствомъ почаще во рту полоскать, словно здоровѣе былъ бы.

— Будто? спросилъ я.

— Право, славно бы такъ; мужику вино, что мельницѣ деготь: смазалъ и ходчей на ходу пошелъ, отвѣчалъ Петръ.

— Вино сердце веселитъ, вино разумъ творитъ, присовокупилъ Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

Матюшка, выпивши, только сталъ облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли.

Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба, Сергѣичъ взялъ ломоть, акуратно посолилъ его и началъ жевать небольшимъ числомъ оставшихся зубовъ. Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два пріема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты, и не закусываешь? сказалъ я ему.

— Нѣтъ, не закусываю. Мы, вѣдь, не чайники, а водочники: пососалъ языкъ — и баста! отвѣчалъ онъ, и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Я, баринъ, батьку еще твоего зналъ: старикъ былъ важный.

— Важный?

— Важный; лучше тебя.

— Чѣмъ же лучше? спросилъ я.

— Да словно бы умнѣй тебя былъ, отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему жь онъ умнѣй меня былъ?

— А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужь онъ бы, братъ, Пузичу за немшоныя стѣны не далъ ста серебромъ — шалишь! Денегъ видно у тебя благихъ много.

— То-то и есть, что не много, а мало! сказалъ я.

— И денегъ-то мало? Ну, братъ, видно ты взаправду не больно уменъ, подхватилъ Петръ. Выпитый стаканъ водки очень, кажется, подѣйствовалъ на его разговорчивость.

Матюшка при этомъ засмѣялся. Сергѣичъ покачалъ головой.

— Ты по городамъ, вѣдь, больше финтилъ, продолжалъ Петръ, и батькинымъ денежкамъ, чай, глаза протёръ. Кàкъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу прикащику твоему Семену Яковличу. Чтò, черномазое рыло, водки не подносишь? али нелюбо, что противъ шерсти глажу? обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мèлево ты, Петруха! но совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— То-то мèлево. Свернули вы, ребята съ бариномъ домокъ, нѣчего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать позаимствоваться? въ Раменье... А ныньче, посмотришь, кто въ Карцовѣ хлѣба покупаетъ? все раменскій Семенъ Яковличъ.

— Божья воля; колькой годъ все неурожаи, да червь побиваетъ, замѣтилъ Семенъ; но Петръ какъ-бы не слыхалъ этого, и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь; еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики почнутъ собираться. «Куда, ребята?» спросишь. — «На задѣлье». — «Да что рано?» — «Лучше завремя, а то баринъ забранится»... А ныньче, голова, въ понедѣльникъ, послѣ завтрака, только еще запрягать начнутъ. «Что, плуты, поздно ѣдете?» — «Успѣемъ-ста. Семенъ Яковличъ проститъ».

Семена начинало зàживо наконецъ трогать.

— Чтò, паря, больно ужь конфузишь, и еще передъ бариномъ? проговорилъ онъ.

Петръ сначала засмѣялся, потомъ закашлялся.

— Чтò мнѣ тебя, голубчикъ, конфузить? началъ онъ, едва отдыхая отъ кашля:—не за чтò! Ты, вѣдь, выдался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.

Семенъ махнулъ рукой. Мнѣ стало ужь жаль его.

— Я, напротивъ, очень-доволенъ Семеномъ; мнѣ такого смирнаго и добраго прикащика и надо, сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— У тебя какой чинъ-то, большой али нѣтъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ—капитанъ, значитъ, отвѣчалъ я.

— Не чиновенъ же ты, братъ! Вонъ у насъ баринъ, такъ генералъ; а ты, видно, и служить-то неохочь. Барыню-то въ замужство хошь богатую ли взялъ?

— Нѣтъ, не богатую, а пò сердцу.

— Пò сердцу, ну дà! возразилъ Петръ.—Пропащее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя! А ты бы дослужился до большихъ чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою пріѣхалъ въ каретѣ осьмерикомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстоилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ, сказалъ я.

— Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А пожалуй, выходитъ, что и въ-заправду въ меня пошелъ: такой же дурàшный! отрѣзалъ на-чисто Петръ.

— Больно ужь смѣлò, Петръ Алексѣичъ, говоришь! замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, кажется, чтобъ я не обидѣлся.

— Чтò смѣло-то? Али по-твоему, лиса безхвостая, лясы да балясы гладкія точить? отвѣчалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича.—Вѣдь прелукавый старичишко, кто его знаетъ, еще по сю пору за дѣвками бѣгаетъ, уговоритъ да умаслитъ ловчѣй молодаго.

Сергѣичъ слегка покраснѣлъ.

— Полно, другъ сердечный! возразилъ онъ:—чтò тебѣ на меня воротить, лучше объ себѣ открыть; теперь-то на седьмую версту носъ вытянулъ, а молодымъ тоже помнимъ: высокій да пригожій, только дѣвкамъ и угожій.

При этихъ словахъ, неизвѣстно почему, Матюшка вдругъ засмѣялся. Петръ на него посмотрѣлъ.

— Ты чему, дуракъ, смѣешься? али знаешь, ка̀къ дѣвки любятъ? спросилъ онъ.

— Нѣту, дяденька, я этого не знаю, нѣту-ти, отвѣчалъ тотъ простодушно.

— И ладно, что нѣту; дуракова рода, говорятъ, ныньче разводить не приказано. Пузичевъ сынишко, послѣдній въ племя пущенъ, проговорилъ Петръ и потомъ прибавилъ, какъ-бы самъ съ собою: — было видно и наше времечко; бывало, можно такъ, что молодицы въ Семеновскомъ-лапотномъ, на базарѣ изъ-за Петрушки шлыками дирались — подопьютъ тоже.

— Изъ-за кости съ мозгомъ, Петръ Алексѣичъ, и собаки грызутся... Хорошую ягоду издалече ходятъ брать, сказалъ Сергѣичъ.

— Стало-быть ты, смолоду, Петръ, волокита былъ? спросилъ я его.

Онъ усмѣхнулся.

— Волокитствовалъ, сударь, отвѣчалъ за него Сергѣичъ: — сторонка наша, государь мой милостивый, не противъ здѣшнихъ мѣстъ: веселая, гулливая; дѣвки толстыя, изъ-себя пригожія, нарядныя; Петръ Алексѣичъ по-началу въ нѣгѣ жилъ, молвить такъ: на пивѣ родился, на лепешкахъ поднялся—да̀!

— Въ Дьяковѣ, голова, была у меня главная притона, слышь, началъ Петръ:—день-то деньской, вѣстимо, на работѣ, такъ ночью, братецъ ты мой, по этой филинской пустынѣ и лупишь. Теперь, голова, днемъ идешь, такъ боишься, чтобы на звѣря не наскочить, а въ тѣ поры ни страху, ни ўстали!

— Значитъ, сердцемъ шелъ, а не ногами, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое тутъ къ ляду, сердцемъ! возразилъ Петръ: я на это былъ крѣпокъ, особой привязки у меня никогда не было, а такъ, баловство, вонъ какъ у Сеньки же.

— Что тебя Сенька-то трогаетъ? все бы тебѣ Сеньку задѣть! отозвался Семенъ.

— Ты молчи лучше, клинья борода, не серди меня, а не то сейчасъ обличу, сказалъ ему Петръ.

— Нѐ въ чемъ, братъ, меня обличать, проговорилъ кротко, но несовсѣмъ-искренно Семенъ.

— Нѐ въ чемъ? А ну-ка сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать проститъ, а она и помни это: получка послѣ будетъ!

Семенъ не вытерпѣлъ и плюнулъ.

— Тьфу, грѣховодникъ! мели больше! проговорилъ онъ.

— Ты не плюйся, а водку-то подноси, сказалъ Петръ.

— Мѣлево, мѣлево и есть, говорилъ Семенъ, поднося водку.

Петръ, выпивъ, опять надолго закашлялся какимъ-то глухимъ, желудочнымъ кашлемъ.

— Вели подносчику-то своему выпить: у него давно слюньки текутъ, обратился онъ ко мнѣ, едва отдыхая отъ кашля, и замѣчаніемъ этимъ сконфузилъ и меня, и Семена.

— Выпей, Семенъ; что жь ты самъ не пьешь? поспѣшилъ я сказать.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ растерявшійся Семенъ, налилъ себѣ черезъ край стаканъ и выпилъ.—Я теперь пойду и отнесу штофъ въ горницу, прибавилъ онъ.

— Ступай, сказалъ я.

Семенъ ушелъ. Онъ, кажется, нарочно поспѣшилъ уйдти, чтобъ избавиться отъ колкихъ намековъ Петра; тотъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ съ насмѣшкою и обратился ко мнѣ:

— Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ я и отстану.

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— Это, вѣдь, ужь мы съ этимъ старымъ дѣвушникомъ, Сергѣемъ, давно смекнули.

— Смекнули? спросилъ я.

— Смекнули, отвѣчалъ Петръ.—Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а, вѣдь, на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердишься, что съ тобой просто говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный — слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сенькѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку-понукалку не на палатяхъ держалъ, а и на полосу временемъ выносилъ: нашъ братъ, мужикъ, плутъ! какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезётъ, да тебя еще осѣдлаетъ. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ.

— За совѣтъ твой спасибо, сказалъ я: — только самъ вотъ ты отчего все кашляешь?

— Боленъ я, братецъ ты мой.

— Чѣмъ же?

— Нутромъ, порченный я, отвѣчалъ Петръ, и лицо его мгновенно приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жь это тебя испортилъ? спросилъ я.

Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ? отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла! отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ, отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може и знаемъ, да только то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь, отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который, кажется, чувствовалъ къ Петру если не страхъ, то по-крайней-мѣрѣ замѣтное уваженіе.

— Что не угодить-то? не на дорогу ходилъ! сказалъ Петръ и задумался.

— Что̀ такое съ нимъ случилось? спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло, отвѣчалъ опять непрямо старикъ. Мы, вѣдь, батьки-мужики — дураки, мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ и я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ и давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работящую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— Въ моемъ, голова, дѣлѣ, батька ничего, возразилъ Петръ: — все отъ Ѳедоски идетъ. Въ самую еще мою свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошло...

— Что̀ жь такъ неугодно было? спросилъ Сергѣичъ.

— Неугодно ей, братецъ ты мой, показалось, что наливкой не угощали, для дѣдушки Сидора старуха была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ вотъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не подчивали, отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужь и тѣни не оставалось веселости.)

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья? спросилъ я.

— Мачиха наша, отвѣчалъ Петръ и продолжалъ: стола-то, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, проситъ: ничто не властвуетъ — выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди, батька, значитъ, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только въ тѣ поры было!

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слыхали мы это и видывали.

— Комадирша такая, голова, была, что синя-пороха безъ ея воли въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то, что ужь хозяйка моя, приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры прійдутъ иной разъ изъ лѣсу, голодныя, не смѣютъ, вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать: все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговоритъ: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?

— Злая баба въ дому хуже чорта въ лѣсу — дà: отъ того хоть молитвой да крестомъ отойдешь, а эту и пестомъ не отобьешь, проговорилъ Сергѣичъ, и потомъ, вздохнувъ, прибавилъ: —Ваша Өедосья Ивановна, другъ сердечный Петръ Алексѣичъ, у сердца у меня лежитъ. Сережка мой, може, изъ-за нея и погибаетъ. Много народу видѣло, кàкъ она въ Галичѣ съ нимъ въ харчевнѣ деньгами руководствовала.

Петръ махнулъ рукой.

— Говорить-то только неохота, пробунчалъ онъ про-себя.

— Дà, то-то, продолжалъ Сергѣичъ:—было ли тамъ у нихъ чтò— не вѣдаю, а болтовни про неё тоже много шло. Вотъ и твое дѣло: за краснымъ столомъ въ обиду вошло, а може, не съ наливки сердце ея надрвалось, а жаль было твоего холоства и свободушки — дà!

Петръ еще больше нахмурился.

— Песъ её, голова, знаетъ! А пожалуй, на то смахивало, отвѣчалъ онъ и замолчалъ; потомъ, какъ-бы припомнивъ, продолжалъ: —разъ, братецъ ты мой, о Казанской это было дѣло, поѣхала она праздничать въ Суровцово, нарядилась, голова, знаешь, чтò купчиха твоя другая; жеребенокъ у насъ тогда былъ, выкормокъ, конь богатый; коня этого для неё заложили; батька самъ не поѣхалъ, и меня, значитъ, въ кучера присудилъ.

— А у кого въ Суровцовѣ-то гостились? перебилъ Сергѣичъ.

— Гости, голова, у насъ въ Суровцовѣ были хорошіе: у Лизаветы Михайловны, коли знавалъ, отвѣчалъ Петръ.

— Знавалъ другъ сердечный, знавалъ: гости наипервые, сказалъ Сергѣичъ.

— Гости важные, подтвердилъ Петръ и продолжалъ:—все, голова, наша Өедосья весело праздничала; бесѣды тоже повечеру; тутъ, братецъ ты мой, дворовые ребята изъ Зеленцына наѣхали; она, слышь, съ тѣми шутитъ, балуетъ, жгутомъ лупмя ихъ

лупитъ; другой, сердечный, только выгибается, да еще въ стыдъ ихъ вводитъ, голова: купите, говоритъ, дѣвушкамъ пряниковъ; какіе вы парни, коли у васъ денегъ на пряники не хватаетъ!

— Какая! пряниковъ проситъ! проговорилъ Матюшка.

— Бойкая была женщина, смѣлая! замѣтилъ Сергѣичъ.

— Поѣхали мы съ ней, такимъ дѣломъ, ужь на четвертый день поутру, продолжалъ Петръ, подперши голову обѣими руками и замѣтно-увлеченный своими воспоминаніями: — на дорогу, извѣстно, поохмелились маненько; только Ѳедоска моя не пѣсни поетъ, а сидитъ, пригорюнившись. Ладно! ѣдемъ мы съ ней такимъ-дѣломъ, путемъ-дорогою... вдругъ, голова, она схватила меня за руку и почала ее жать, крѣпко сжала. «Петрушка!» говоритъ «поцалуй меня!»—«Полно, говорю, мамонька, что̀ за цалованье!»—«Ну, Петруша», говоритъ она мнѣ на это: «кабы я была не за твоимъ батькой, я бы замужъ за тебя пошла!» Я, знаешь, голова, и разсмѣялся. «Что̀, песъ, говоритъ, смѣешься? а то, дуракъ, може, не знаешь, что хоша бы родная мать у тебя была, такъ такъ бы тебя не любила, какъ я тебя люблю!»—«На томъ, говорю, мамонька, покорно благодарю».—«Ну, говоритъ, Петруша, никому, говоритъ, николи не говорила, а тебѣ скажу: твой старый батька заѣдаетъ мой молодой вѣкъ!»—«Это, мамонька, говорю, старуха надвое сказала, кто у васъ чей вѣкъ заѣдаетъ!»—«Да̀, говоритъ, ладно, разсказывай! Ныньче, говоритъ, батька тебя женить собирается; ты, говоритъ, не женись, лучше въ солдаты ступай, а не женись!»—«Что же, я говорю, мамонька, я такой за обсѣвокъ въ полѣ?»—«Та̀къ, говоритъ, противъ тебя здѣсь дѣвки нѣтъ, да и я твоей хозяйки любить не стану.»—«За что же, говорю, твоя нелюбовь будетъ?»—«А за то, говоритъ, что не люблю бабъ, у которыхъ мужья молодые и хорошіе».

— Ты, однако, женился? перебилъ я Петра.

— На̀; али испугаться и не жениться? возразилъ онъ.

— По любви, или нѣтъ?

— Почемъ я знаю, по любви, али такъ. Нашелъ у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была, на той, значитъ, и женился! отвѣчалъ ужь съ нѣкоторымъ неудовольстіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло, что на улицѣ взглянулись, на посѣдкахъ поссидѣлись, а домой разошлись—стали жалость другъ къ дружкѣ имѣть.

— Чтò за особливая жалость, голова! а извѣстно, дѣвку бралъ зазнаемо: высмотрѣнную, отвѣчалъ Петръ еще съ бòльшей досадой.

Русскій мужикъ не любитъ признаваться въ нѣжныхъ чувствахъ.

— А мачиха дѣйствительно не любила жены твоей? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не любила, отвѣчалъ онъ мнѣ коротко и обратился болѣе къ Сергѣичу. Тутъ тоже, голова, кàкъ и судить: хоть бы бабѣ моей супротивъ дѣвокъ первые годы житье было не въ примѣръ лучше, только то, братецъ ты мой, что все она мнѣ ее подводила! Вотъ тоже этакъ, въ отлучкѣ когда, на работѣ, рубашекъ, говоритъ, тебѣ не послала, поклону не приказывала, и кажинный, голова, разъ, какъ съ работы воротишься, кажинный разъ такъ сдѣлаетъ, что я Катю́шку либо прибраню, либо и зуботычину дамъ. Та, братецъ ты мой, терпѣла, терпѣла, да и стала говорить: — «За что ты, говоритъ, меня тиранишь? Это, говоритъ, ототого, что у тебя полюбовница есть». — «Какая, говорю, полюбовница?» — «Бочариха» говоритъ. Ну и тоже грѣха не утаишь: въ парняхъ съ бочарихой гулялъ, только то, что года два, почесть, ее и въ глаза ужь не видалъ. «Кто это тебѣ, говорю сказывалъ?» Сначала, голова, не открывала, а тутъ, говоритъ, матка сказывала, слышь!

— Такъ, такъ, сомущали, значитъ, подтвердилъ Сергѣичъ.

— Еще, кàкъ, голова, сомущали-то, продолжалъ Петръ.—Вышла мнѣ тогда оказія, братецъ, въ Кострому идти работать — ладно. Только передъ самымъ моимъ этимъ отходомъ, Ѳедоска такую штуку подвела, слышь: сложила, ужь будто-бы Катю́шку съ извощикомъ Гришкой—знавалъ може?—что будто-бы, братецъ ты мой, Катю́шка бѣгала безъ меня къ маткѣ на праздникъ; весь народъ по улицѣ гулялъ, а они съ Гришкой ушли въ лѣсъ по черницу. Дѣло-то, знаешь, на отходѣ было, выпивши; я на Катю́шку и взъѣлся, а она стала съ глупа-то браниться: пошто пью. Я и прибилъ ее, и шибко прибилъ. Что же, голова, опосля узналъ? Катю́шка, слышь, и на праздникъ къ маткѣ не ходила. Стало, мнѣ ее, голова, хошь бы и жалко. Какъ пришелъ въ тѣ поры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два плата, босовики, и послалъ съ ходокомъ. И ты, братецъ ты мой! и пошла у нихъ изъ-за этого пановшина: дѣвки позавиствовали, обозлились на Катю́шку, матка тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой. «Вотъ, говоритъ, онъ какой: ни мнѣ, ни дѣвкамъ твоимъ

по наперстничку не присылывалъ, а все въ женнинъ сундукъ валитъ». Батька, извѣстно, осерчалъ, говоритъ Катю́шкѣ: «Поди, принеси наряды, что̀ мужъ прислалъ». Ну та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ и спрятала, и сама домой не йдетъ: боится. Батька, однако, оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.

— Какой же имѣлъ поводъ батька взять твои подарки у жены? спросилъ я Петра.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ-бы удивясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое, отвѣчалъ за него Сергѣичъ: — ежели теперича, мужичокъ хозяйкѣ что̀ посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли, примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату, али сережки. Это ужь нельзя: не порядокъ, значитъ, будетъ, коли теперича промышленникъ въ домѣ сталъ только супружницу обряжать да наряжать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ, али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, немного нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— Вѣстимо, что по сердцамъ, отозвался Петръ. — Въ тѣ поры, какъ воротился, Катю́шка тоже все мнѣ это говоритъ; я такъ, братецъ ты мой, и положилъ: плюнуть, отступиться; только то вижу, голова, что бабёнкѣ ни за̀ што, ни про̀ што, житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а по-ихнему все спитъ, дѣлаетъ все не такъ, да неладно — дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Наложили, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотчинѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла — ладно. Батька, извѣстно, присудилъ, чтобъ это справилъ я, слышь; а чтобъ, примѣрно, не медлить дѣломъ сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса шла бы въ лѣсъ Катька моя. Бабенка той порой была, голова, на сносѣ. Я батькѣ и говорю: «Какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться? Ну, какъ я говорю, надорвется, да какой грѣхъ выйдетъ?» — «Что-ста, говоритъ, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу?» — «Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣга̀ю; а что теперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру со мной, а хозяйку мою побереги; я, говорю, заслужу вамъ за это». Батька

ничего, голова, пробунчалъ только маненько, а Өедоска и слѣзаетъ съ голбца: «Наши дѣвки, говоритъ, про васъ не работницы, вы-ста, говоритъ, съ твоей толсторожей хозяйкой только даромъ хлѣбъ ѣдите!»—«Какъ, я говорю, матка, мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ? За что̀, про что̀ ты насъ этимъ попрекаешь? Я со всего дома подушную оплатилъ, за себя оброкъ предоставилъ; теперь, говорю, за батьку и задѣльничаю; а хоша бы и хозяйка моя, за тебя же круглый годъ на задѣлье бѣгала; какъ же, я говорю, такъ: мы у васъ даромъ хлѣбъ ѣдимъ?» Заругалась, заплевалась, голова, и все на Катьку больше: «Ты, говоритъ, мужа, сомущаешь, а онъ того не знаетъ, что ты и то и сё, съ тѣмъ и другимъ»—выходитъ, Катька гуляетъ! Ну та, братецъ ты мой, на всю избу этакъ срамитъ, заплакала. «За что̀, говоритъ, мамонька, ты противъ хозяина такъ меня губишь?» Я тоже, братецъ, не стерпѣлъ: «Что же, я говорю, Өедосья, и выругалъ ее—согрѣшилъ грѣшный—долго ли, выходитъ, мы должны отъ тебя обиды принимать? Вы, я говорю, у хозяйки моей, словно разбойники какіе, всѣ наряды обобрали, морите бабу на работѣ, куска ей не уболите съѣсть, какъ надо, да еще поносишь этакими словами; а по правдѣ, може-быть, не Катька моя, а ты сама такая!» И, ты, братецъ ты мой! и батька поднялся, будто за наряды, что о нарядахъ помянулъ, и драться, голова, лѣзетъ. Я повиннымъ дѣломъ, руки-то маненько ему и попридержалъ; еще пуще старикъ обозлился, сгребъ, голова, меня за шиворотокъ и прямо къ бурмистру въ сборную стащилъ. Такъ и такъ, сынъ буянствуетъ. Тотъ мнѣ сейчасъ плюхи двѣ далъ и приказываетъ, чтобъ я батькѣ въ ноги поклонился. Я въ ноги поклониться — поклонился, да бурмистру и говорю: «Батькѣ, говорю, Иванъ Васильичъ, я за всегда покорствую; а что теперича мы всѣ пропадаемъ изъ-за мачихи; хозяйка моя на работѣ измаяна, словомъ обругана. Може вы теперь мнѣ довѣрья не сдѣлаете, такъ извольте, говорю, нашихъ дѣвокъ, сестеръ моихъ, спросить: пускай онѣ передъ образомъ скажутъ, что̀ онѣ отъ нея понесли да потерпѣли...» Ну такъ, вѣдь, то же нашего Ивана Васильича, помнишь, чай: немного было правды...

— Правда его была, кто больше чаемъ поитъ да денегъ носитъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

Петръ кивнулъ, въ знакъ согласія головой и продолжалъ:

— Закричалъ на меня, голова. «Цыцъ! молви еще слово противъ батьки—выхлещу!» и вонъ выгналъ... Ладно... разсудилъ...

и что мы, голова, опосля того, съ хозяйкой притерпѣли — и Боже ты мой! Батька не глядитъ, не смотритъ; въ большой избѣ, видишь, тѣсно отъ насъ стало: поселили въ коровью, безъ полу, безъ лавокъ, вмѣстѣ съ телятами. Коли мы теперь съ бабой что-нибудь на работѣ позамѣшкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ, совьютъ, соберутъ и отобѣдаютъ; коли щей тамъ останется, такъ Ѳедоска въ лаханку выльетъ, чтобъ только намъ не доставалось—до чего эхидствовала!.. Проговоря это Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ, продолжалъ: — кабы не это дѣло, по што бы мнѣ съ батькой дѣлиться, на грѣхи эти идти? Старика оборвалъ и себя надорвалъ!

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать! возразилъ Сергѣичъ: — не даромъ поговорка идетъ: врагъ захотѣлъ — браться въ раздѣлъ! Хотѣли, значитъ, мильйоны нажить, а стали пò-міру ходить... Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ бариномъ, кàкъ еще смѣлости вашей хватило идти до него по экому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что жь, развѣ у васъ баринъ строгій? сказалъ я.

— Нѣтъ, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ: — какое строгій: строгости особливой нѣтъ, а, больше того надобно сказать, добрый. Извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходитъ; не всѣ, вѣдь, этакіе господа, какъ твой покойной папенька былъ: съ тѣмъ, бывало, говоришь словно съ своимъ братомъ: все до послѣдней нитки по крестьянству зналъ; ну а нашъ баринъ въ усадьбу тоже наѣзжаетъ временно, а мужички наши — глупой, вѣдь, батюшка, народецъ—и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами, правыми и неправыми, такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все смирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, еле и ноги уплетутъ — дà!

Горячъ ужь больно, кричать такой здоровый... замѣтилъ Петръ.

— Горяченекъ-то горяченекъ, подтвердилъ Сергѣичъ: — зато ужь тѣмъ, батюшка, нашъ господинъ хорошъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — что не памятозлобенъ. Оборвать, значитъ, оборветъ, а черезъ двѣ минуты опять съ тобой и разговариваетъ, какъ словно ничего не бывало.

— До барина бы прямо и я не пошелъ, продолжалъ Петръ: — прахъ все возьми, гдѣ тутъ съ нимъ разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ

съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. «Есть ли, говоритъ, у тебя жена?» спрашиваетъ меня, слышь. «Есть, говорю, барыня».—«Любишь ли ты, говоритъ, ее?»—«За что, говорю, не любить! не чужая, а своя, пѣтая... только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабёнки моей малый грудной ребенокъ, грудью покормить почесть-что и нѐкогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска, и та еще коли-нé-коли въ ротъ попадетъ».—«Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка! Папаша! папаша!» кричитъ, голова; барина, мужа батькой обзываетъ, слышь!

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ, подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ! отозвался Матюшка, и засмѣялся.

— Баринъ, голова, подходитъ, продолжалъ Петръ. «Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста».

— У ней у самой, другъ сердечный, маленькій барчикъ былъ: ну такъ, она, значитъ, по себѣ и прикидывала, жалѣла, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Не знаю, къ чему ужь она прикидывала, отвѣчалъ Петръ, и снова продолжалъ: — баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по-свòему: «Какъ, говоритъ, у тебя коровы нѣтъ? пропилъ, каналья!»—«Никакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачихи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при домѣ не держитъ какъ надо». Онъ маненько и смякъ. «Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцомъ: я васъ разберу». Я, голова, пришелъ домой, говорю батькѣ: «Къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуетъ».—«Пошто?» говоритъ; слышь, испугался старикъ. «Жаловался, что ли, разбойникъ, на меня?»—«Нѣтъ, говорю, батька, чтò жаловаться! въ отдѣлъ только просился: у тебя семья своя, у меня своя, чтò намъ на грѣхѣ жить!» Батька и заплакалъ, слышь; ну, старый ужь человѣкъ былъ, извѣстно! «Богъ съ тобой, говоритъ, Петруша, поилъ-кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть». Мнѣ стало жаль его, голова. «Чтò, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя, кабы не твоя Ѳедосья Ивановна».—«Полно, говоритъ, Петрушка, поживи со мной, все будетъ хорошо». Тàкъ мы и порѣшили, го-

лова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужь другое поретъ. «Мнѣ-ста, говоритъ, тебя, супротивника, не надо; ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину».—«Пойдемъ» говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что-нибудь: на меня этакъ посмотрѣлъ — ничего, а на батьку взмахнулъ глазами. — «Говорите!» говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и курицъ-то припутали, я то еще говорю, словно бы какъ и дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю: «Не грѣхъ ли, говорю, батька тебѣ это говорить?» Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку: «Ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнъ, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Сейчасъ, говоритъ, старая лисица, плутъ, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ!» И пошелъ, голова!... Тутъ лакей подвернулся—на того; барыня пришла: «Что, ты, говоритъ, душечка, сердишься и себя не бережешъ!—и на ту затопалъ. Мы съ батькой ужь ничему и не рады, драло изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Ѳедосью Ивановну куда-то ведутъ, слышь...

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значитъ, Варвара на расправу: такъ ее бестію и надо, проговорилъ онъ.

— Воротилась, голова, домой и прямо на печку, продолжалъ Петръ: — ничего ужь и не говоритъ, только прооxиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— А что̀, я словно забылъ, міромъ васъ дѣлили, али такъ разошлись по-себѣ? спросилъ онъ.

— Коли́, братецъ ты мой, мужики по-себѣ разойдутся! отвѣчалъ Петръ: — когда еще это бывало? Послѣдняго лыка каждому жалко; а мы съ батькой развѣ лучше другихъ? Прикидывали, прикидывали—все ни ему, ни мнѣ неладно, и пошли на міръ... Ну, а міровщину нашу тоже, знаешь: весь разумъ и совѣтъ идетъ изъ дьяковскаго кабака. Батька, извѣстно, съѣздилъ туда по приказу мачихи, ведерко, другое въ сѣняхъ, въ сборной, выставилъ, а мнѣ, голова, не то, что ведро вина, а луковицы купить было нѐ на что.

— Такъ, такъ; по тебѣ, значитъ, и мало говорили? замѣтилъ Сергѣичъ.

— А такъ по мнѣ говорили: худъ ли, хорошъ ли я, а все въ домѣ, коли не половинникъ, такъ третевикъ; а на міру присудили: хлѣба мнѣ — ржи только на ѣжу, и то до Спасова-дня, слышь; а яроваго и совсѣмъ ничего: худо тѣмъ годомъ родилось; изъ скотины: телушку недойную, бычка-годовика, да овцу паршивую; на житье отвели, почесть, безъ угловъ баню — разживайся, какъ хошь, словно послѣ пожара вышелъ; изъ одёжи-то, голова, что̀ ни есть, и того, какъ слѣдуетъ, не отдали: сибирочка тоже синяя была у меня и кушакъ при ней астраханскій, на свои, голова, денежки до копейки, и заводилъ передъ свадьбой, и про ту старикъ, по мачихину наущенью, закрестился, забожился, что отъ него шло — та̀къ и оттягалъ.

Сергѣичъ качалъ головою.

— Бревенъ, братецъ ты мой, было у меня на пустоши нарублено триста съ полсотней, продолжалъ Петръ: — сталъ этихъ я бревенъ у батьки просить на обзаведенье, по-крайности сухія — и того старикъ не далъ; руби, значитъ, съизнова, да изъ сыраго лѣса. И строить принялся; прихватить хошь бы какого плотничишка нѐ на што; та̀къ съ одной хозяйкой и выстроилъ. Срамоты-то одной, голова, ни за што бы не взялъ: я сижу на одномъ углѣ, а баба на другомъ, потяпываетъ, какъ умѣетъ; а ужь какъ свою-то спину нагнулъ да надломилъ такъ... тутъ Петръ остановился и махнулъ рукой.

— Покойный родитель твой, началъ Сергѣичъ: — былъ благопріятель мой, самъ знаешь, а не скажу по немъ: много противъ тебя грѣха на душу принялъ.

— Нѣтъ, братецъ, не то, возразилъ Петръ: — дѣло теперь прошлое, батьку мнѣ грѣхъ помянуть много лихомъ: не со зла старикъ дѣлалъ, а такое, видно, наважденіе на него было.

— Эхъ, другъ сердечный! возразилъ въ свою очередь Сергѣичъ: — да развѣ на немъ одномъ эти примѣры? Старому мужику молодую бабу въ домъ привести — семью извести.

Я видѣлъ, что Сергѣичъ и Петръ такъ разговорились, что ихъ не надобно ужь было спрашивать, а достаточно было предоставить имъ говорить самимъ, и они многое разсказали бы; но мнѣ хотѣлось направить разговоръ на предметъ, преимущественно, меня интересовавшій, и потому я спросилъ:

— Тебя мачиха твоя, вѣроятно, и испортила?

Петръ, вмѣсто ответа, кивнулъ мнѣ головой.

— Какимъ же образомъ она тебя испортила?

Петръ, посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкой и отвѣчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Да я почемъ знаю? Какой ты баринъ, право!

— Что жь такое?

— Да какъ же! Я скажи ему, какъ портятъ? я не колдунъ.

— Почему жь ты думаешь, что тебя испортили?

— Перестань-ка; разговаривать что-то съ тобой не охота: больно ужь ты любопытенъ! отвѣчалъ Петръ съ досадою.

Предъидущій разговоръ замѣтно возбудилъ въ немъ желчное расположеніе.

— Не собою, государь милостивый, узналъ, вмѣшался хитрый Сергѣичъ, видѣвшій, что мнѣ любопытно знать, а Петръ не хочетъ отвѣчать и начинаетъ сердиться: — самому гдѣ экое дѣло узнать! продолжалъ онъ: — то же хворалъ, хворалъ, значитъ, и выискался хорошій человѣкъ — да! сказалъ, какъ и отчего.

— Кто же это такой хорошій человѣкъ? спросилъ я.

— Колдунъ у насъ, батюшка, былъ въ деревнѣ Печурахъ, отвѣчалъ Сергѣичъ: — такъ и прозывался «печурскій старичище».

— Плутомъ, голова, въ народѣ обзывался, а мнѣ все сказалъ, перебилъ Петръ.

— Плутъ ли тамъ, али нѣтъ, кто про то знаетъ? возразилъ Сергѣичъ: — а что старикъ былъ мудрый, это что говорить! Что, вѣдь, народу къ нему ѣздило всякаго: и простаго, и купечества, и господъ—другой тоже съ болѣстью, другой съ порчей этой, иной погадать, гдѣ пропащее взять, али поворожиться, чтобы съ милой подружиться. И какое, государь, заведенье у него было, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — жилъ онъ тоже бобылькомъ, своимъ домкомъ, въ избушкѣ, далече отъ селенья, почесть-что на полѣ; и все калитка на-заперти. Теперича, другое-иное время, народъ видитъ, что онъ подъ окошечкомъ сидитъ, лапотки поковыриваетъ, или тамъ около печки кряхтитъ, стряпаетъ тоже кое-что про-себя; а какъ кто, сударь, подъѣхалъ, онъ калитку отперъ и въ голбецъ сейчасъ спрятался; ты, примѣрно, въ избу идешь, а онъ оттоль изъ голбца и лѣзетъ: сѣдой, старый, бородища нечесаная; волосища на головѣ какъ овинъ, носъ красный, голосище сиплый. Я тоже старшую сношку посылалъ къ нему: овцы у насъ запропали; такъ въ избу-то войдти вошла, а какъ увидала его, взвизгнула и бѣжать—испугалась, значитъ. И кто бы теперь къ

нему ни пришелъ, сейчасъ и ставь штофъ вина, а то и разговаривать не станетъ—ломъ былъ такой пить, что на удивленіе только.

— Штофъ купить не разоренье, возразилъ Петръ: — я тѣмъ временемъ въ Галичѣ рублевъ полтораста пролечилъ: бралъ-бралъ у Пузича денегъ, да и полно! Дошелъ до того, голова, ни хлѣба въ домѣ, ни одёжи ни на себѣ, ни на хозяйкѣ; на работу силы никакой не стало; голодный еще кое-какъ маешься, а какъ поѣлъ—смерть да и только: у сердца схватитъ, съ души тянетъ; бывало, иной разъ на работѣ, али въ полѣ, повалишься на лугъ, да и катаешься часъ-два, какъ лошадь въ чемерѣ. Не смогъ, братецъ ты мой, до Печуръ-то дойдти, хозяйкѣ велѣлъ ужь телегу заложить, повалился словно пластъ; до чего бы дошелъ, и Богъ вѣдаетъ. Пріѣхали въ тѣ поры къ нему; хозяйка подала ему полштофчика—вылилъ, голова, въ ковшикъ, выпилъ сразу и тутъ же ворожить сталъ: «Поди, говоритъ хозяйкѣ, почерпни въ этотъ ковшикъ въ сѣняхъ изъ кадки воды; вино, говоритъ, не споласкивай, а такъ и черпай, какъ я пилъ». Принесла та, братецъ ты мой; онъ подалъ мнѣ: «гляди, говоритъ, отъ кого твоя болѣсть идетъ»; тутъ, голова, мачиху мнѣ въ водѣ и показалъ.

— Какъ же ты въ ковшѣ ее и видѣлъ? спросилъ я.

— Въявь, словно въ зеркалѣ, отвѣчалъ Петръ.

— Полно, Петръ; ты это думалъ, такъ тебѣ тàкъ и показалось, сказалъ я.

— Ну дà, показалось. Вы, баря, все не вѣрите; больно ужь умны! Не пьяному показалось: у меня, въ тѣ поры, не то, что вина, куска во рту не бывало. Смотрю, голова, и вижу. «Видишь ли?» говоритъ онъ мнѣ. «Вижу, говорю, дѣдушка».—«Ну, братъ, ладно, говоритъ, что на меня наскочилъ. Твой лихой человѣкъ себя на сорока травахъ заговорилъ, никто бы тебѣ, окромя меня, не открылъ бы его».

— Осилилъ, значитъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Осилилъ, голова. «Я, говоритъ, знаю пятьдесятъ-три травы; теперь, говоритъ, клади на столъ сколько денегъ привезъ, а тутъ и скажу, чтò надо». Хозяйка, голова, положила четвертакъ—удовольствовался.

— Капиталы не жадный былъ копить; вино чтобъ было только пить, а денегъ сколько-нибудь дай—доволенъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое, голова, жадный! взялъ хоша бы тутъ четвертакъ, и все сдѣлалъ. «Теперь, говоритъ, ступай ты домой, слышь? Пять зорь умывайся росой, на шестую зорю ступай къ третьимъ отъ

здѣшняго селенья воротцамъ, и иди ты все вправо, по перегородѣ; тутъ ты увидишь, что всѣ колья, что̀ подпираютъ, нескобленые; одинъ только колъ скобленый; ты этотъ колъ переруби, обкопай его кругомъ и найдешь ты тутъ ладонку и на этой ладонкѣ наговоръ противъ тебя и сдѣланъ».

— Онъ, вѣроятно, самъ этотъ колъ и воткнулъ, сказалъ я.

Петръ разсердился.

— Да̀, да̀, разсудилъ, какъ размазалъ! возразилъ онъ.— Вотъ онъ тоже этакого хватика-баринка, какъ ты—тотъ тоже все смѣялся да не вѣрилъ—такъ онъ та̀къ ему отшутилъ, что хозяйка опосля любить и не стала, да и въ люди еще пошла.

— Было, было это дѣло, подтвердилъ Сергѣичъ:—а теперича, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — коли свадьбы облизь его были, всѣ ужь забезпремѣнно звали его да угощали, а то на вѣкъ жениха не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Да что̀, голова, перебилъ Петръ: — пять лѣтъ, вѣдь, братецъ ты мой, я ходилъ и колъ этотъ видѣлъ, только ничего не помякалъ на него. Всю перегороду опосля хозяйка обѣжала: всѣ колья на подборъ нескобленые — одинъ только онъ оскоблёный. Для́ ча?.. для какой надобности?..

— Такъ ужь видно надо имъ было, возразилъ Сергѣичъ.

— А, окромя кола, продолжалъ Петръ: — всѐ, до послѣдней малости, нашелъ по его сказанью, какъ по писанному. «Какъ, говоритъ, ты эту ладонку сыщешь, въ ней, говоритъ, бумажка зашита — слышь? Бумажку эту ты вынь и дай кому хошь грамотному прочесть, и ка̀къ, говоритъ, тебѣ ее прочитаютъ, ты ее часу при себѣ не оставляй, а пусти на вѣтеръ отъ себя». А про ладонку, братецъ ты мой, сказалъ: «Перелѣзь, говоритъ, ты черезъ огородъ и закопай ее на какомъ хошь мѣстѣ и воткни новый колъ, оскоблёный, и упри его въ перегороду; пять зорь опосля того опять умывайся росой, а на шестую ступай къ перегородкѣ: коли коликъ твой не перерубленъ и ладонка тутъ—значитъ, весь заговоръ ихъ пропалъ; а коли твое дѣло попорчено—значитъ, и съ той стороны сила большая». Все сдѣлалъ, голова, по его; однако на шестую зорю пришелъ: колъ мой перерубленъ и вся земля кругомъ взрыта, словно медвѣдь съ убойной возился.

— Осердились, значитъ! проговорилъ Сергѣичъ.

— То-то видно не по нраву пришлось, что дѣло ихъ узнано, отвѣчалъ Петръ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ: — удивительнѣе всего, голова, эта бумажка; написано въ ней было всего только

четыре слова: *напади тоска на душу раба Петра.* Какъ мнѣ ее, братецъ, одинъ человѣкъ прочиталъ, я всталъ подъ вѣтромъ и пустилъ ее отъ себя; такъ, голова, съ версту летѣла, изъ глазъ на-ли пропала, а на землю не падаетъ.

Проговоря это, Петръ задумался. Нѣкоторое время разговоръ между нами прекратился.

— Я все, другъ сердечный, дивуюсь, началъ Сергѣичъ глубокомысленно:—отъ кого это ваша Ѳедосья науки эти произошла? По нашимъ мѣстамъ, окромя этого старичищи, нè отъ кого заняться.

— Э, голова, нѣтъ! не то! возразилъ Петръ:—я ужъ это дѣло опосля узналъ: у нихъ въ роду это есть.

— Въ роду? вотъ ти что! воскликнулъ Сергѣичъ.

— Дà, въ роду, продолжалъ Петръ. — Може не помнишь ли ты, отъ Парѳенья старушонка къ намъ въ селенье переѣхала, нашей Ѳедоскѣ сродственница? Ну, у насъ въ избѣ, братецъ ты мой, и поселилась, на голбцѣ у насъ и околѣла— въ тѣ поры никому не въ домекъ, а она была колдунья сильная...

— Вотъ ти что!... повторилъ еще разъ Сергѣичъ.

— Батька, ты думаешь, спроста женился? продолжалъ Петръ:— какъ бы, голова, не такъ! Самъ посуди: старику былъ шестой десятокъ, пять лѣтъ вдовствовалъ, дѣвки на возрастѣ, я тоже въ подросткахъ не малыхъ—пошто было жениться?

— Еще какъ, другъ сердечный, по што-то! замѣтилъ Сергѣичъ.

— Вдругъ, голова, пожила у насъ Ѳедоска лѣто въ работницахъ, опять продолжалъ Петръ: — словно сблаговалъ старикъ, говоритъ: «я еще въ порѣ, мнѣ безъ бабы не жить!»—Такъ возьми ровню; мало ли у насъ въ вотчинѣ вдовъ пожилыхъ! А то, голова, взялъ изъ чужой вотчины дѣвку двадцати лѣтъ, въ тѣ поры скрылъ, а послѣ узналось: двѣсти-пятьдесятъ выкупу за нее далъ— отъ какихъ, паря, денегъ?

Сказавъ это, Петръ опять впалъ въ раздумье.

— Что жь тебѣ, лучше стало послѣ, какъ ты былъ у старичищи? спросилъ я его.

— Лучше не лучше, по-крайности живъ остался, отвѣчалъ онъ.

— Ты, однако, Петръ Алексѣичъ, долго про нея не сказывалъ, да не оказывалъ! сказалъ Сергѣичъ.

— Я ее совсѣмъ не оказывалъ, такъ и скрылъ: батьку все жалѣлъ, отозвался Петръ, не измѣняя своего задумчиваго положенія.

— Дà, продолжалъ Сергѣичъ: — отдастъ эта бабонька отвѣтъ

Богу; много извела она народу; какое только ей будетъ на томъ свѣту наказаніе?

— А развѣ она, и кромѣ еще Петра, портила? спросилъ я.

— Ай, сударь, ка̀къ не портила! отвѣчалъ Сергѣичъ: — теперича, первая вотъ хозяйка его стала хворать, да на нее выкликать. Была у насъ дѣвушка, Варюшка Никитина, гулящая этакая дѣвчонка: ту, по ревности къ дьячковскому цаловальнику, испортила.

— А брата-то роднаго извела! сказалъ Петръ: — и за что вѣдь, голова? самъ мнѣ сказывалъ: въ Галичѣ они тоже были; она и говоритъ: «сведи меня въ трактиръ, попой чайкомъ!» Тому, голова, было что-то нѐкогда. «Нѣту, говоритъ, послѣ!» Она обозлилась. «Ну, ладно же, говоритъ, помни это». И тутъ же, голова, и испортила: какъ пріѣхалъ домой, та̀къ и ухватило. Маялся, маялся съ мѣсяцъ, дѣлать нѐчего, пошелъ къ ней, сталъ ей кланяться: «Матушка-сестрица, помилуй!» — «А! говоритъ, братецъ любезный, ты въ тѣ поры двугривеннаго пожалѣлъ, а теперь бы и сто рублевъ заплатилъ, да поздно!»

— Слышалъ и про это дѣло, подтвердилъ Сергѣичъ: — слава Богу, присовокупилъ онъ: — что на поселенье-то ее сослали, а то бы она еще не то бы натворила.

Петръ на это ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ.

— Какимъ образомъ и за что̀ именно сослали ее? спросилъ я.

— Сослали ее, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ: — вотчина того пожелала: первое, что похваляться стала она на барина, что барина изведетъ, пошто тогда ее поучили маненько... Тебя, вѣдь, Петръ Алексѣичъ, не было въ тѣ поры, безъ тебя всѣ эти дѣла-то произошли, прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру.

— Безъ меня!... Воротился тогда съ заработки, прошелъ мимо родительскаго дому: словно выморочный — и ставни заколочены; батька померъ, дѣвокъ во дворъ взяли, а ее сослали! отвѣчалъ Петръ съ какой-то тоской и досадой.

— Такъ, такъ, продолжалъ Сергѣичъ: — на какихъ-нибудь недѣляхъ все это и сдѣлалось. Я тутъ тоже, согрѣшилъ грѣшный, маненько доказчикомъ былъ, за Сережку-то больно злоба была моя на нее, и теперича, слышавши эти ее слова про барина, слышавши, что, окромя того, селенье стращаетъ выжечь, я, прошлымъ дѣломъ, до бурмистра ходилъ: «Это, говорю, Иванъ Васильичъ, ка̀къ ты хошь, а я тебѣ заявляю, это нехорошо; ты и самъ неправъ будешь, коли что̀ случится — да̀! Съ этихъ моихъ словъ

и пошло все. Бурмистръ тоже поопасился: становому заявилъ. Тотъ сейчасъ наѣхалъ и обыскъ у ней въ домѣ сдѣлалъ: такъ однихъ травъ, сударь, у ней четыре короба нашли, а что камушковъ разныхъ — этакихъ мы и не видывали; земли тоже всякой: видно все изъ-подъ слѣдовъ человѣческихъ. Стали ее опрашивать, какіе это травы? — «не знаю»... чья земля? — «не знаю»... пошто она у тебя? — «не знаю»... Только и отвѣту было. Хошь бы въ словѣ проговорилась. Двои сутки съ ней становой бился, напослѣдокъ говоритъ бурмистру: «Чтò, говоритъ, съ ней, бестіей, дѣломъ вести! Кàкъ на нее докажешь! Пиши барину: онъ лучше распорядится». Такъ тотъ и описалъ. Баринъ и приказываетъ сослать ее на поселенье, коли міръ приговоритъ. Тутъ она и сробѣла, и чего ужь не дѣлала, Боже ты мой! И виномъ-то поила, и денегъ сулила — ни што не взяло: присудили!

— Въ острогѣ-то какъ она сидѣла, началъ Петръ: — я тоже проходилъ мимо Галича, зашелъ къ ней, калачикъ принесъ... заплакала, братецъ ты мой. «Не была бы, говоритъ, я въ этомъ мѣстѣ, кабы не одинъ человѣкъ; не пошла бы я, говоритъ, за этимъ больно-худымъ, кабы не хотѣла его приворожить, въ сорока квасахъ ему пить давала—и былъ бы онъ мой, да печурскій старичище моему дѣлу помѣшалъ». Только и сказала. «Теперь, говоритъ, меня на поселенье ссылаютъ; только ты, Петръ, этому не радуйся: тебѣ самому не будетъ счасться ни въ чемъ. Кажиный часъ сердце твое будетъ грызть тоска и печаль»... И все, вѣдь, голова, правду сказала: чтò-что живешь на свѣтѣ—ничего не веселитъ, словно темной ночью ходишь. Ни жена, ни дѣти, ни работа, ничто не мило, и самъ-себѣ словно ворогъ какой! Вотъ только и есть, какъ этой омеги проклятой стакана три огородишь, такъ словно отъ сердца чтò поотляжетъ.

Проговоря это, Петръ вздохнулъ и потомъ вдругъ поднялъ голову.

— Будетъ! баста! проговорилъ онъ, пора ужинать барину. Я вижу, любо наше калякanье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ!

Матюшка подалъ ему.

— Спасибо, продолжалъ Петръ: — я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать станутъ, за ноги подержу, и ужь крѣпко, не бойся, не вывернешься.

— Да за што меня хлестать станутъ? спросилъ Матюшка.

— И, по-моему, братецъ, не за што: душа ты кроткая, голова крѣпкая, проговорилъ Петръ и постучалъ Матюшку въ голову.— Вона, словно въ пустомъ овинѣ! Ничего, Матюха, не печалься! Проживешь ты вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршъ, ребята! заключилъ онъ, вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый, сказалъ Сергѣичъ, кланяясь.

— Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнъ! всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился на этомъ! подхватилъ Петръ, нагибая старику голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— Прощай, бавринъ, продолжалъ Петръ, надѣвая шапку. — Правда ли, дворовые твои хвастаютъ, что ты книги печатныя про мужиковъ сочиняешь? прибавилъ онъ, пріостановясь.

— Сочиняю, отвѣчалъ я.

— Ой-ли? воскликнулъ Петръ. — Въ грамотѣ я не умѣю, а почиталъ бы. Коли такъ, братецъ, такъ сочини и про меня книгу, а о дѣдушкѣ Сергѣичѣ напиши такъ: «шестьдесятъ, молъ, восьмой годъ, слышь! ни одного зуба во рту, а по закоулкамъ ходитъ»...

— Полно, балагуръ, полно! Пойдемъ лучше ужинать, коли собрался, сказалъ Сергѣичъ, слегка толкнувъ Петра въ спину.

— Пойдемте! отвѣчалъ тотъ и обнялъ одною рукой Матюшку.

Веселость Петра, впрочемъ, вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо, и я еще долго смотрѣлъ имъ въ-слѣдъ, глядя на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную, но здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

IV.

Успеньевъ день—у насъ въ приходѣ праздникъ. Это можно ужь догадаться потому, что кучеръ мой, Давыдъ, между нами сказать, сильный бахвалъ и большой охотникъ до парадныхъ выѣздовъ, еще въ семь часовъ утра, едва успѣлъ я встать, пришелъ въ горницу.

— Что̀ тебѣ? спрашиваю я.

— Изволите ѣхать молиться къ обѣднѣ, или нѣтъ-съ? Коли поѣдете, такъ лошадей надо припасти.

Собственно говоря, лошадей совершенно нѣчего припасать, а стòитъ только вывести изъ конюшни и заложить, и Давыдъ, я знаю, пришелъ спрашивать, чтобъ скорѣе успокоить свое ожиданіе на счетъ того, удастся ли ему проѣхать и пофорсить.

— Поѣду, говорю я.

У Давыда отъ удовольствія кровь бросается въ лицо.

— Жеребцовъ, вѣдь, припасти? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ, разгонныхъ бы, говорю я.

— Нè разгонныхъ нельзя, вся ваша воля: разгонныя лошади совсѣмъ смучены; а чтò эти одры стоятъ только, да овесъ ѣдятъ! Хошь мало-мальски промнутся, возражаетъ Дàвыдъ съ вытянувшимся лицомъ, и я убѣжденъ, что одна мысль: ѣхать на разгонныхъ къ празднику, было для него мученьемъ.

— Ну хорошо, на жеребцахъ поѣдемъ, говорю я: — только уговоръ лучше денегъ: въ сараѣ не изволь ихъ муштровать и хлестать, а то они у тебя выскакиваютъ, какъ бѣшеные, и, подъѣзжая къ приходу, не скакать благимъ матомъ, а то, пожалуй, или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь.

— Не извольте безпокоиться. Господи, Боже мой! не первый годъ ѣзжу! говоритъ Давыдъ и потомъ, постоявъ немного, присовокупляетъ:

— Кафтанъ синій надо надѣть-съ?

— Конечно, говорю я.

— Кушакъ тоже шелковый? прибавляетъ онъ.

— Конечно, конечно, подтверждаю я, не понимая еще, къ чему онъ ведетъ этотъ разговоръ: синій кафтанъ и шелковый кушакъ находятся совершенно въ его распоряженіи.

— Вы этта изволили говорить, перчатки зеленыя купить мнѣ въ Чухломѣ.

— Ну, дà! Что жь?

— Нè длячего покупать-съ... у Семена Яковлича еще послѣ папеньки вашего лежатъ кучерскія перчатки; не даетъ только безъ вашего приказанія, а перчатки важныя еще! разрѣшаетъ, наконецъ, Давыдъ, къ чему онъ клонилъ разговоръ.

— Хорошо; скажи, чтобъ далъ, говорю я.

И Давыдъ, очень-довольный, отправляется. Надобно сказать, что онъ очень-хорошій кучеръ и вообще малый трезваго поведенія и добраго нрава, но имѣетъ одну слабость: прихвастнуть и прихвастнуть не о себѣ, а все какъ-бы въ мою пользу. Вдругъ, напримѣръ, разскажетъ гдѣ-нибудь на станціи, на которой насъ

обоихъ съ нимъ очень-хорошо знаютъ, что я графъ, генералъ, и что у меня тысяча душъ, или ошибетъ какого-нибудь сосѣда-мужика, что у насъ двадцать жеребцовъ на стойкѣ стоятъ. Когда я бываю съ нимъ иногда въ городѣ и даю ему полтинникъ на чай, онъ этотъ полтинникъ никогда не издержитъ, но, воротившись домой, выброситъ его на столъ предъ своей семьей и скажетъ: «на-те-ста; только и осталось отъ пяти серебромъ баринова подареньица». Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, онъ любилъ меня украшать и внутренними, нравственными качествами; такъ, напримѣръ, припишетъ мнѣ храбрость неимовѣрную, въ разсказѣ такого рода: что разъ будто-бы мы ѣхали съ нимъ ночью и встрѣтили медвѣдя, и онъ, испугавшись, сказалъ: «баринъ, я пущу лошадей», а я ему на это сказалъ: «подержи немного, жалко медвѣжей шкуры», и убилъ медвѣдя изъ пистолета, тогда-какъ я въ жизнь свою воробья не застрѣливалъ.

Послѣ Давыда начинаетъ являться прочая дворня проситься на праздникъ — обычай, который заведенъ былъ еще прадѣдами и который я поддерживаю, имѣя случай при этомъ дѣлать неистощимое число наблюденій. Первая всегда является Александра, скотница, очень-плутоватая и бойкая женщина.

— Батюшка, Алексѣй Ѳеофилактычъ, позвольте на праздникъ-то сходить, говоритъ она.

— Хорошо, ступай; только какъ коровы безъ тебя останутся — смотри.

— О коровахъ, батюшка, я баушку Алёну просила: баушка походитъ. Какъ можно о скотинкѣ не думать! Я о ней кажинный часъ жалѣю. И сегодня не пошла бы, да у тётки моей праздникъ, а у меня и родни-то не свѣтъ, только тётка родная и есть, говоритъ она скороговоркой.

— Ступай, говорю я, хоть и предчувствую, что она меня обманываетъ. Только-что Александра ушла, мимо оконъ по двору идетъ Андрюшка-ткачъ, съ женой, очень-смазливый малый, годъ назадъ женившійся на молоденькой и очень-хорошенькой изъ крестьянъ бабёнкѣ, значитъ, еще *молодые* и оба, въ-отношеніи меня, несмѣлые; они стоятъ нѣкоторое время на дворѣ и перекоряются, кому идти проситься; наконецъ, подходитъ къ окну молодая и кланяется.

— Здравствуй, милушка, говорю я.

Она вся вспыхиваетъ.

— На праздникъ, что-ли, хочешь идти? спрашиваю я.

— Нешто, сударь? говоритъ она.

— Ну, ступай.

— И хозяина ужь пусти! прибавляетъ она.

— Ступайте.

Она хочетъ идти.

— Да постой! говорю я:—у тебя грудной ребенокъ: кàкъ ты его оставишь?

— Пошто оставлять: съ собой возьму.

— Помилуй, ты измучишь и сама себя и ребёнка.

— Ой, ничего, отвѣчаетъ она:—мало ли съ ребятами ходятъ, не одна я—ничего!

— Ступайте.

Она кланяется и опять краснѣетъ и, подходя къ мужу, говоритъ: «пустилъ!» Тотъ тоже издали мнѣ кланяется и уходятъ оба. Комнатный человѣкъ мой, Константинъ, сопутникъ съ десятилѣтняго возраста моей жизни, имѣющій обыкновеніе обращаться со мной строго, приготовляетъ мнѣ бриться и одѣваться съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ему тоже хочется на праздникъ, и онъ думаетъ, что не попадетъ, но я намѣренъ доставить ему это удовольствіе.

— Константинъ, ты велишь осѣдлать себѣ лошадь и поѣдешь со мной.

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ онъ голосомъ необычно-суровымъ.— Старуха Алёна пришла: просится тоже помолиться, прибавляетъ онъ, умилившись сердцемъ отъ собственнаго удовольствія.

— Кàкъ же мнѣ дѣлать? ужь я скотницу отпустилъ, воскликнулъ я. — Позовите старуху.

Старуха входитъ.

— Я, вѣдь, старуха, скотницу Александру отпустилъ: она мнѣ наврала, что ты берешься посмотрѣть за коровами.

— Ну, батюшка, вся ваша воля, отвѣчаетъ старуха покорнымъ, но укоризненнымъ тономъ: — круглый годъ изъ-за этой Александры Алексѣвны лба не перекрестишь. Она пошла пиво пить, а тебѣ и помолиться нельзя!

— Эй! кто тамъ? кричу я: — скажите Александрѣ, чтобъ она не уходила; а ты, старуха, ступай.

— Гдѣ ужь, батюшка! не воротишь ее: совсѣмъ-нарядная приходила къ тебѣ проситься, прямо изъ горницы и побѣжала; верстъ на пять теперь ужь ушла.

Мнѣ стало жаль старухи.

— На́ тебѣ двугривенный, что ты остаешься; а въ слѣдующее воскресенье я тебя на лошади отправлю Богу помолиться, говорю я.

— Ой, батюшка! что это? пошто? И такъ довольны вашей милостью, говоритъ она; впрочемъ, беретъ двугривенный и этимъ отчасти успокоивается.

Я продолжаю смотрѣть въ окно: старикъ поваръ прошелъ, въ бѣлой манишкѣ моего подаренья; молодая горничная, еще наканунѣ завившая свои виски въ мелкія косички, а теперь расчесавшая ихъ, прибѣжала, какъ сумасшедшая, къ маткѣ въ избу. Ключница прошла въ погребъ, въ терновомъ платьѣ и въ шелковомъ, повязанномъ маленькой головкой, платочкѣ. Это штатъ барыни, и они у нея, вѣроятно, отпросились. Я вижу даже, что у конскаго двора отчаянный Васька запрягаетъ имъ въ телегу лошадь, и самъ, никого не допуская, натягиваетъ супонь. Такимъ-образомъ сбирается вся почти дворня, за исключеніемъ развѣ дѣдушки Ѳаддея: и тотъ остается потому, что съ печки слѣзть не можетъ. Впрочемъ, онъ только еще нынѣшній годъ не пошелъ, а прошлый ходилъ, но, не дойдя еще до прихода, свалился въ канаву и пролежалъ тутъ почти цѣлый день. Даже Семенъ, несмотря на свою флегматичность и безстрастность характера, остался очень-доволенъ, когда я ему предложилъ, чтобъ и онъ тоже ѣхалъ. Никогда еще не замѣчалъ я въ немъ такой расторопности: не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на чалкѣ, въ синемъ кафтанѣ и какой-то высокой бобровой шапкѣ, Богъ-знаетъ отъ кого и какимъ-образомъ доставшейся ему. Однако пора и мнѣ собираться; я одѣлся и вышелъ. Давыдъ, несмотря на мои просьбы и наставленія, распорядился по-своему: лошади, весьма-добронравныя и хорошо-пріѣзженныя, вылетѣли изъ сарая, какъ обозленные дьяволы, такъ-что онъ, повалившись совершенно назадъ, едва остановилъ ихъ у крыльца. Я убѣжденъ, что они жесточайшимъ образомъ нахлестаны; кромѣ того, коренную онъ, по обыкновенію, взнуздалъ бичевкой, чтобъ круче шею держала, а бѣднымъ пристяжнымъ притянулъ головы совершенно къ землѣ, такъ-что у нихъ глаза и ноздри налились кровью. Напрасно я возставалъ противъ этой его системы закладыванья: на всѣ мои замѣчанія онъ отвѣчалъ: «Господа всѣ такъ ѣздятъ, красивѣе этакъ!...» Въ настоящемъ случаѣ я ничего ужь и не говорилъ, и только просилъ его, Бога ради, не гнать лошадей, а ѣхать легкой рысью; онъ

сначала какъ будто-бы и послушался; но въ нашемъ же полѣ, увидѣвъ, что идутъ изъ Утробина двѣ молоденькія бабёнки, не могъ удержаться и, вскрикнувъ: «Эхъ вы, миленькія!» понесся, что̀ есть духу.

— Не-уже-ли ты, Давыдъ, думаешь, что насъ молодцами за это сочтутъ? Напротивъ, дураками! принимался я-было ему втолковывать, но все напрасно. Подъѣзжая къ приходу, онъ весь какъ-то ужь изломался: шапку свернулъ на бекрень, самъ тоже перегнулся, возжи натянулъ, какъ струны, а между-тѣмъ пошевеливаетъ ими, чтобъ горячить лошадей. День былъ свѣтлый; отъ прихода несся говоръ народа и раздавался благовѣстъ во вся; по дорогѣ шло пропасть народу и всѣ мнѣ кланялись.

— Матка, чей баринъ-то? говоритъ одна старуха другой.

— Ѳилата Гаврилыча, матка, сынъ, али не узнала? отвѣчаетъ ей та.

— Ну вотъ, какой хорошій да пригожій! говоритъ первая старуха.

На худой лошадёнкѣ, которыя обыкновенно называются вертохвостками, гарцуетъ нѣкто Ѳомка Козыревъ, лакей и управляющій одной немолодой вдовы-помѣщицы. Ужь года три, какъ Ѳомка сталъ являться на всѣхъ праздникахъ, въ плисовыхъ штанахъ, въ плисовой поддёвкѣ, съ серебряными часами; путемъ поклониться ни съ кѣмъ не хочетъ, простаго вина не пьетъ, а все давай ему наливокъ, жареныхъ пышекъ; на иной ярмаркѣ на рубль серебра съѣстъ въ день, а орѣхи безъ перемежки въ карманѣ насыпаны. За это, или по другимъ какимъ причинамъ, его и прозвали *полубариномъ*. Завидѣвъ меня и замѣчая, что я начинаю его обгонять, онъ также, въ свою очередь, начинаетъ горячить лошадь, а самъ представляетъ, что совладѣть съ ней не сможетъ. Лошадёнка завертѣла хвостомъ и пошла бокомъ забирать, все дальше-и-дальше, въ сторону. Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ больше обгоняешь народу. Какія у всѣхъ довольныя лица, а между-тѣмъ ка̀къ мало надобно, чтобъ доставить этимъ людямъ это удовольствіе. Прійдетъ иной верстъ за десять пѣшкомъ къ приходу, помолится, а тутъ и отправится въ деревню, гдѣ празднуютъ. Хорошо еще у кого есть родные: тотъ прямо идетъ гоститься, то-есть выпить, пообѣдать и поболтать; а у кого нѣтъ, такъ взойдетъ въ избу несмѣло и проговоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «Съ праздникомъ, хозяева честные, поздравляемъ». Хозяинъ, который ужь дѣйствительно ничего не жалѣетъ, но котораго въ

то же время одолѣваютъ гости, проговоря: «сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ», поспѣшитъ ему дать рюмку водки, пирога и пива; гость это выпьетъ, съѣстъ и отправится въ другую избу, и такимъ образомъ къ вечеру наберется порядочно.

Къ величайшему неудовольствію Давыда, я не допустилъ его произвести эффектъ, проѣзжая по улицѣ села, а велѣлъ ѣхать задами и пошелъ самъ пѣшкомъ. У церковныхъ воротъ пересѣкъ мнѣ дорогу маленькій семинаристикъ, въ длиннополомъ нанковомъ зеленомъ сюртучкѣ.

— Здравствуйте, папенька крёстный, проговорилъ онъ.

Когда я его крестилъ — совершенно не помню.

— Здравствуй, милый! Ты чей?

— Отца дьякона, папенька крёстный, отвѣчалъ онъ.

— А! отца дьякона! Это хорошо... Что, обѣдня идетъ или нѣтъ?

— Начинается, папенька крёстный, отвѣчаетъ онъ и, какъ человѣкъ привычный, пошелъ впереди, расталкивая для меня народъ.

Въ церкви, у лѣваго клироса, стоятъ двѣ барышни, небогатыя прихожанки. Я убѣжденъ, что, до моего появленія, онѣ молились усердно, но какъ увидали меня, такъ и начали модничать. Мнѣ всегда нѣсколько-грустно видѣть ихъ у прихода. Зачѣмъ онѣ не ходятъ въ просто-причесанныхъ волосахъ, а какъ-нибудь всегда ихъ взобьютъ? зачѣмъ онѣ носятъ эти собственнаго рукодѣлья шляпы изъ полинялой шелковой матеріи, съ полинялыми лентами? зачѣмъ такъ безбожно крахмалятъ свои кисейныя платья и, наконецъ, зачѣмъ, попреимуществу старшая, произноситъ все въ носъ? Я подозрѣваю, что, говоря такимъ образомъ, она воображаетъ, что говоритъ пофранцузски.

Послѣ обѣдни я хотѣлъ-было пройдтись по ярмаркѣ, но меня остановила проживающая въ селѣ немолодая тоже дѣвица изъ духовнаго званія, по имени Арина Семеновна, дѣвица большая краснобайка и очень-неглупая.

— Позвольте, батюшка, Алексѣй Ѳеофилактычъ, начала она: — просить васъ осчастливить меня вашимъ посѣщеніемъ. Я еще пользовалась милостями вашего папеньки, маменьки; по добротѣ своей и великодушію, они никогда не брезговали посѣщать мою сиротскую хижину. Слухъ тоже, батюшка, и про васъ идетъ, что вы въ папеньку, негордые.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня; но меня звалъ отецъ Николай; чтобъ мнѣ туда не опоздать, сказалъ я.

— Отецъ Николай, батюшка, долго еще изволятъ пробыть въ церкви, такъ-какъ теперича простой народъ молебны будетъ служить, а вы, по-крайности, тѣмъ временемъ чайку или кофейку у меня откушаете. Богато-небогато, сударь, живу, а все на пріемъ такихъ дорогихъ гостей имѣю.

— Очень-хорошо, сударыня, извольте.

— Не знаю, кàкъ и благодарить за ваши милости, сказала мнѣ съ поклономъ Арина Семеновна и отнеслась къ идущимъ за мной двумъ барышнямъ:

— Нимфодора Михайловна, Минодора Михайловна, позвольте и васъ просить къ себѣ на чашку чаю: я у васъ частая гостья, гощу-гощу, и стыда не знаю, а васъ въ своемъ домѣ давно не имѣла счастія видѣть.

— О, нѣтъ, вы этого не можете сказать: мы у васъ тоже частые гости! произнесла совершенно въ носъ старшая сестра, Нимфодора.

— Кабы еще чаще, еще бы я была больше осчастливлена, сказала Арина Семеновна.

Всѣ мы такимъ-образомъ пошли къ ней. Я видѣлъ, что барышнямъ очень хочется заговорить со мной, но я, признаюсь, побаивался этого.

— Кàкъ здоровье вашей супруги? сказала наконецъ младшая, Минодора, говорившая меньше въ носъ, но за-то, судя по выраженію лица, должно-быть, болѣе желчная, чѣмъ старшая. Впрочемъ, обѣ онѣ, какъ уже немолодыя дѣвицы, были немного злы, и на меня, какъ я слышалъ, питали большую претензію за то, что я не знакомился съ ними. Предчувствуя, что вопросъ этотъ былъ сдѣланъ съ ядовитой цѣлью, я поспѣшилъ отвѣчать:

— Слава Богу, здорова, и мы съ ней все собираемся къ вамъ.

Чтò-то въ родѣ улыбки пробѣжало по губамъ обѣихъ барышень.

— И скоро исполните ваше обѣщаніе? сказала старшая, Нимфодора, еще болѣе въ носъ.

— На той недѣлѣ непремѣнно, непремѣнно, опять поспѣшилъ я отвѣчать.

— Очень-пріятно, конечно, будетъ намъ видѣть васъ у себя, хоть, можетъ-быть, вамъ будетъ у насъ и скучно, ядовито замѣтила младшая, Минодора; но потомъ, какъ-бы желая смягчить это замѣчаніе, прибавила: — мы хоть не имѣли еще удовольствіе видѣть вашей супруги, но ужь очень-много слышали о нихъ лестнаго.

— А я, матушка! счастливѣе васъ: имѣла честь видѣть супругу Алексѣя Ѳеофилактыча, и вотъ при нихъ скажу, не показалась она мнѣ: старая, беззубая, нехорошая...

— О, нѣтъ, вы шутите! произнесла старшая, Нимфодора, въ носъ.

Арина Семеновна лукаво засмѣялась.

— Не-уже-ли, матушка, вправду говорю? отвѣчала она:—красавица, писанной красоты дама. Вотъ вы, барышни, больно у насъ хорошія, а она, пожалуй, лучше васъ.

Въ такого рода разговорахъ мы шли, и я замѣтилъ, что, если младшая, Миѳодора, язвила смертныхъ больше словомъ, то старшая уничтожала ихъ презрительнымъ и гордымъ видомъ, особенно кланявшихся намъ мужиковъ и бабъ.

Когда мы пришли къ Аринѣ Семеновнѣ, она, конечно, захлопотала о приготовленіи угощенія намъ. У нея, впрочемъ, были ужь въ гостяхъ двѣ попадьи и дьяконица, которыя намъ церемонно поклонились. Барышни, чтобъ не уронить своего достоинства, сѣли на диванъ, а я, признаться, чтобъ избѣгнуть разговора съ ними, нарочно помѣстился у окна; но вдругъ, къ ужасу моему, старшая, Нимфодора, встала и сѣла около меня.

— Что вы теперь сочиняете? сказала она съ улыбкою и слегка наклоняя голову.

Вопросъ этотъ обыкновенно и при другихъ обстоятельствахъ и отъ другихъ людей всегда меня конфузитъ.

— Нѣтъ, я теперь ничего не сочиняю, отвѣчалъ я, потупившись.

— Въ деревенскомъ уединеніи, я думаю, такъ пріятно сочинять, продолжала пытать меня Нимфодора, устремивъ прямо мнѣ въ лицо пристальный взглядъ.

— Да; но я занимаюсь больше хозяйствомъ, отвѣчалъ я, чтобъ что-нибудь сказать ей.

— О, такъ вы и хозяинъ хорошій! Какъ пріятно это слышать! воскликнула Нимфодора.

Почему это ей пріятно слышать — не понимаю.

— Я недавно читала, не помню чье, сочиненье, *Вѣчный Жидъ* называется; какъ, прелестно и безподобно написано! продолжала моя мучительница.

— «Что жь это такое?» думалъ я, не зная, что съ собой дѣлать и куда глядѣть.

— Нынче, такъ это грустно, снова продолжала Нимфодора, не спуская съ меня пристальнаго взгляда:—мы не имѣемъ гдѣ книгъ

доставать. Когда здѣсь жилъ, въ деревнѣ, Рафаилъ Михайлычъ, съ которымъ мы были очень-хорошо знакомы и почти каждый день видались и всегда у нихъ брали книги. Тутъ я у нихъ читала и ваше сочиненіе, «*Тюфякъ*» называется—кàкъ смѣшно написано!

Я начиналъ приходить въ совершенное ожесточеніе. «Тебѣ смѣшно», думалъ я, «что̀ написано въ «Тюфякѣ», а развѣ ты не смѣшнѣе въ эти минуты, всего, что когда-либо я писалъ? Отчего же ты этого смѣшнаго не чувствуешь въ себѣ и не молчишь, какъ сердито молчитъ сестра твоя?» Чтобъ спасти себя хоть какъ-нибудь отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Нимфодорой, я высунулъ голову въ окно и сталъ будто-бы съ большимъ вниманіемъ глядѣть на толпящійся тутъ и тамъ народъ. Изъ толпы, окружающей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Ѳомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому слитки. Пузичъ, увидѣвъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, немного пошатываясь и засунувъ руки въ карманы плисовыхъ шальваръ, прошелъ-было сначала мимо, но потомъ тоже остановился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ поджидать товарища.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть, проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужь время, сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправлялся, куда шелъ.

— Баринъ!.. Писемскій!.. Господинъ!.. позвольте съ вами компанію имѣть! прокричалъ Пузичъ на всю ужь улицу, такъ-что Арина Семеновна, какъ хозяйка, обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Нехорошо, нехорошо, Пузичъ, сказала она: — мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть! воскликнулъ опять Пузичъ.—Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны—сейчасъ! Позови только Пузича: «Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ»—значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство, Что̀ мнѣ деньги! денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должо̀нъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій мнѣ ска-

жетъ: «Подай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!»—«Изволь, бери...» Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть, заключилъ онъ.

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка что-то съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицомъ и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та, пробормоталъ онъ.

Физіономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлалась строгой.

— Какіе твои два рубли? сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нѐчѣмъ, проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? за какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, кàкъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять, проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? и на тебѣ шапка не притàченная, проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! Поговори еще у меня! продолжалъ Пузичъ.—Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговòръ ты можешь имѣть!

— Пузичъ, идемте! проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужь, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ, Флегонтъ Матвѣичъ, отвѣчалъ Пузичъ:—дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны, отнесся онъ ко мнѣ и, очень-довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ. Бѣдняга Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? тебя не разсчитываетъ подрядчикъ? спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилитъ, да дерется еще, отвѣчалъ онъ, уходя.

Не прошло четверти часа послѣ этой сцены, мы сидѣли еще съ барышнями у Арины Семеновны, въ ожиданіи отца Николая, который присылалъ изъ церкви съ покорнѣйшею просьбою подождать его, приказывая, что какъ онъ освободится, такъ самъ зайдетъ просить достопочтенныхъ гостей. Чтобъ отклонить для

Нимфодоры всякую возможность вступить со мною въ разговоръ о литературѣ, я продолжалъ упорно смотрѣть въ окно. «Однако, отецъ Николай, что-то долго нейдетъ» думалъ я: «не-уже-ли онъ все еще молебны служитъ?» Около церкви никого ужь не видать, а между-тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку, масса народа дѣлается все гуще-и-гуще. Наконецъ, я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ! сказалъ я, вставая.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Нимфодора и даже Минодора, съ довольно, повидимому, твердыми нервами. Въ это время вошелъ отецъ Николай блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что̀ такое случилось? откуда вы? спросилъ я.

— Что̀, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужь поздно — злодѣи этакіе!

— Скажите! произнесли опять Нимфодора и Минодора въ одинъ голосъ.

— Кто такіе? кто кого убилъ? спросилъ я.

— Плотники.... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за̀ слово, да и драка... одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на-смерть, отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это? сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужичонко.

— Кто жь его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужь и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому? воскликнулъ я.

— Врядъ-ли! отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ, какъ могъ проворно, къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ продраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой, посрединѣ, лежалъ вверхъ лицомъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленникъ, лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддёвки его правый рукавъ былъ оторванъ; рубаха вся изорвана въ клочки; правая рука изсѣчена цырюльникомъ, но кровь ужь не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, тоже

съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ? сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужь видно мнѣ дорога туда сказана! проговорилъ онъ, и прибавилъ сотскому: — что больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.

Въ толпѣ, между-тѣмъ, нѣсколько бабъ ревѣло или, лучше сказать, голосило.

— Батюшка, кормилецъ мой! завывала одна.

— Ты что надсажаешься? али родня? говорилъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсажаться! все человѣческая душа, словно пробка выскочила! отвѣчала женщина.

— Пускай пореветъ; у бабъ слезы некупленныя, замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О, о, о, ой! стонала еще другая баба: — куда теперь его головушка поспѣла?

— Удивительная вещь, удивитильная вещь! толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицомъ и, должно-быть, изъ торговцовъ.

— Какъ у нихъ это случилось? отнесся я къ нему.

— Пьяные, сударь, отвѣчалъ онъ: — Пузичъ съ утра, съ Ѳомкой пьетъ; пьяные-съ! По-началу они принялись вдвоемъ въ кабакѣ этого толсторожаго парня бить; не знаю, про што его и связали: онъ ничѣмъ непричиненъ!... Цаловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ человѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. «За што, говоритъ, парня бьете?» и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ, да и на него. Пузичъ за волосы его сгребъ, а Ѳомка подъ ногу подшибаетъ, и Петруха — на моихъ глазахъ это было — раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами да и замеръ. Мы-было съ сотскимъ начали разнимать ихъ—гдѣ тутъ! за ноги хотѣли было ихъ растащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ меня сапогомъ по головѣ, такъ шабэшъ—нали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужь кричать: «воды! водой разливайте!» я-было побѣжалъ зачерпнуть—прихожу: все ужь порѣшено. Какъ, говорятъ, Петруха-то оборэнивался, оборанивался, да какъ ухва-

титъ его за-поперегъ, на аршинъ приподнялъ, да и хрясь о землю — только проохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на своего живодёрнаго коня и лупмя началъ его лупить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему: «Возьми, говорятъ, колъ; ишь плетью-то не пробираетъ, бока больно толсты!» Такой дуракъ: угналъ — словно не найдутъ.

Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался старикъ Сергѣичъ, проворно-шедшій туда своей заплетающейся походкой.

— Дѣдушка! слышалъ ли, что̀ вашъ Петръ начудилъ? сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! слышалъ, слышалъ! За-то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ — теперь бы слюбилось, отвѣчалъ старикъ и прошелъ.

Потомъ меня нагнали барышни, перебиравшіяся отъ Арины Семеновны къ отцу Николаю. По просьбѣ ихъ, я разсказалъ имъ всѣ подробности.

— Гм!... глубокомысленно произнесла младшая, Минодора.

— Что̀ за народъ эти мужики! сказала въ носъ старшая, Нимфодора.

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

1 мая 1855 г.
Санктпетербургъ.

СТАРОЙ ЗНАКОМКѢ.

Безпечной юности веселая подружка,
Чтò сдѣлалось съ тобой, вертлявая рѣзвушка?
Кàкъ измѣнилась ты! кàкъ видъ твой нынѣ строгъ!
Гдѣ звонкій дѣтскій смѣхъ, и звонкій голосокъ,
И гибкій станъ змѣи, и плутовскіе глазки?
На щечкахъ дѣвственной невидно больше краски;
А ножки крошечной носочекъ кое-какъ
Обулъ твой домочадъ въ чудовищный башмакъ.
Сурово-холодна, смѣешься ли ошибкой —
Гримаса видится подъ прежнею улыбкой;
И вмѣсто розъ — увы! надѣла, наконецъ,
Какой-то тюлевый уродливый чепецъ!
А искренность твоя? Все стало вдругъ подлогомъ,
И вѣетъ отъ тебя холоднымъ педагогомъ.
Жаль, очень-жаль тебя! Затѣмъ ли мы порой
Такъ часто, хоть давно, встрѣчалися съ тобой?
Припомни: только ночь свои раскинетъ тѣни,
Густыя тополи, пахучія сирени
Манили насъ въ твой садъ, гдѣ воздухъ такъ душистъ,
Гдѣ, теплою росой омытый, каждый листъ
Какъ-будто нѣжится, бывало, полднемъ сжатый;
И любо было намъ аллейкой кудреватой
Идти рука съ рукой... О, сколько въ тишинѣ
Тебѣ я прошепчу, а ты прошепчешь мнѣ
Обѣтовъ, нѣжныхъ клятвъ и страстныхъ увѣреній,
Которыхъ навсегда потеряно значенье
Давно-давно для насъ! Припомни, кàкъ во всемъ
Подслушать, подстеречь сочувствія кругомъ

Искали мы съ тобой: мы вѣрили, любили...
Да̀, ты пра̀ва: тогда съ тобой мы дѣти были!
Къ чему же привела вся опытность тебя?
Не лучше ль было намъ обманывать себя?
Теперь... теперь не то; смѣшно искать же смысла
Ужь въ шопотѣ травы — теперь намъ нужны числа,
Не чувство, а разсчетъ. Вотъ поле — яровой
Посѣять здѣсь велимъ; вотъ лѣсъ — на строевой
Отдѣлимъ эту часть, а на топливо лишки.
И стала намъ теперь больница отъ одышки
Природа—вотъ и все! Но грустно иногда
Какъ вспомнишь, что̀ у насъ похитили года...

Н. К — ДЪ.

КРЭНФОРДЪ.

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть третья и послѣдняя.

I.

Помолвлены.

Былъ ли Ага Дженкинсъ въ Чундерабаддадѣ «бѣднымъ Питеромъ» изъ Крэнфорда, или нѣтъ? какъ сказалъ кто-то — вотъ въ чемъ вопросъ.

У меня дома, когда людямъ нечего больше дѣлать, меня осуждаютъ за недостатокъ скромности. Нескромность — это мой главнѣйшій недостатокъ. У каждаго есть свой главнѣйшій недостатокъ, нѣчто въ родѣ отличительной черты характера, pièce de resistance для нападокъ друзей, на который они обыкновенно и нападаютъ съ усердіемъ. Мнѣ надоѣло получать упреки въ нескромности и въ неосторожности; и я рѣшилась, по-крайней-мѣрѣ на этотъ разъ, выказать себя образцомъ благоразумія и мудрости. Я даже и не намекнула о моихъ подозрѣніяхъ относительно Аги. Я хотѣла собрать доказательства и изложить ихъ дома передъ батюшкой, семейнымъ другомъ обѣихъ миссъ Дженкинсъ.

Отыскивая факты, я часто припоминала выраженія, которыми батюшка описывалъ одинъ дамскій комитетъ, въ которомъ онъ былъ президентомъ. Онъ говорилъ, что не могъ не припоминать одно мѣсто изъ Диккенса, описывавшее хоръ, въ которомъ каждый пѣлъ на свой ладъ и къ своему собственному удовольствію. Такъ и въ этомъ человѣколюбивомъ комитетѣ каждая дама выбирала свой любимый предметъ и говорила о немъ къ своему собственному удовольствію, что, впрочемъ, нисколько не подвигало впередъ предметъ, о которомъ онѣ собрались разсуж-

дать. Но даже этотъ комитетъ не могъ сравниться съ разсужденіями крэнфордскихъ дамъ, когда я пыталась собрать ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о ростѣ и наружности бѣднаго Питера, и о томъ, когда и гдѣ видѣли и слышали его въ послѣдній разъ. Напримѣръ, я помню, что спросила миссъ Поль (и думала, что вопросъ былъ очень-кстати, потому-что я сдѣлала его, встрѣтившись съ нею у мистриссъ Форрестеръ; обѣ дамы знали Питера и я вообразила, что онѣ могутъ взаимно напоминать другъ другу), какія послѣднія извѣстія она о немъ имѣла, и она начала глупѣйшій разсказъ, о которомъ я упоминала, будто онъ выбранъ тибетскимъ ламой, и это послужило поводомъ для каждой изъ этихъ дамъ развить собственную свою идею.

Мистриссъ Форрестеръ начала съ закрытаго покрываломъ предвѣщателя въ «Лалла Рукѣ», спрашивая, думаю ли я, что этотъ предвѣщатель то же самое, что̀ Далай Лама, хотя Питеръ былъ не такъ безобразенъ, даже скорѣе красивъ, еслибъ у него не было веснушекъ. Я была рада, видя, что она распространяется о Питерѣ, но, черезъ минуту обманчивая дама перешла къ Калидору Роуланда и къ достоинству косметическихъ средствъ и мазей для волосъ вообще, и разсуждала такъ плодовито, что я обернулась слушать миссъ Поль, которая отъ ламъ (вьючнаго скота) перешла къ перувіанскимъ акціямъ и къ ея жалкому мнѣнію о коммерческихъ банкахъ вообще и о томъ въ-особенности, въ которомъ находились деньги миссъ Мэтти. Напрасно я вмѣшивалась съ: «когда это было? въ которомъ году слышали вы, что мистеръ Питеръ сдѣлался великимъ Ламой?» Онѣ только продолжали спорить: мясоѣдныя ли животныя ламы или нѣтъ; въ каковомъ спорѣ онѣ оказались не совершенно-равносильны: мистриссъ Форрестеръ (послѣ того, какъ онѣ погорячились и потомъ опять охладѣли) призналась, что она всегда смѣшивала мясоядныхъ и травоядныхъ, точно такъ же, какъ горизонтальный и перпендикулярный; но она извинялась въ этомъ очень-мило, говоря, что въ ея время четырехсложныя слова употреблялись только затѣмъ, чтобъ научиться, какъ читать по складамъ.

Я узнала изъ этого разговора только одно: послѣднее извѣстіе о Питерѣ было изъ Индіи или «изъ окрестныхъ съ нею странъ», и это недостаточное свѣдѣніе достигло Крэнфорда въ томъ году, когда миссъ Поль купила себѣ платье изъ индійской кисеи, давно уже изношенное (мы его вымыли и починили и слѣдили за его упадкомъ до-тѣхъ-поръ, пока изъ него были сдѣланы сторы, прежде-чѣмъ разговоръ пошелъ далѣе), и въ тотъ годъ, когда Уомбуелль прибылъ въ Крэнфордъ, потому-что миссъ Мэтти желала видѣть слона, чтобъ лучше представить себѣ, какъ Питеръ на нихъ ѣздилъ, и видѣла тоже удава, ко-

тораго она даже не хотѣла и воображать въ своихъ мысляхъ о мѣстѣ жительства Питера; и въ тотъ годъ, когда миссъ Дженкинсъ выучила наизусть какое-то стихотвореніе и говорила безпрестанно на всѣхъ крэнфордскихъ вечеринкахъ, какъ «Питеръ обозрѣвалъ области отъ Китая до Перу» — выраженіе, которое всѣ считали очень-великолѣпнымъ и очень-ученымъ, потому-что Индія находится между Китаемъ и Перу, если вы позаботитесь перевернуть глобусъ налѣво, а не направо.

Я полагаю, что всѣ эти мои разспросы и любопытство, возбужденное ими въ друзьяхъ моихъ, сдѣлали насъ слѣпыми и глухими ко всему, что происходило вокругъ насъ. Мнѣ казалось, что солнце восходило и заходило, что дождь шелъ въ Крэнфордѣ точно такъ, какъ обыкновенно, и я не примѣчала признаковъ, которые могли бы почесться предвѣстниками необыкновеннаго происшествія. И сколько мнѣ извѣстно, не только миссъ Мэтти и мистриссъ Форрестеръ, но даже сама миссъ Поль—которую мы считали чѣмъ-то въ родѣ жрицы, за искусство ея предвидѣть обстоятельства прежде, чѣмъ они случались, хотя она не любила безпокоить своихъ друзей, сообщая имъ свои предвѣдѣнія — даже сама миссъ Поль едва переводила духъ отъ изумленія, когда явилась разсказать намъ удивительное извѣстіе. Но я должна прійдти въ себя; воспоминаніе объ этомъ, даже послѣ столькихъ лѣтъ, захватыло мнѣ духъ и сбило съ толку, и покуда я не укрощу свое волненіе, не сладить мнѣ и съ моимъ правописаніемъ.

Мы сидѣли, миссъ Мэтти и я, какъ обыкновенно, она въ синемъ ситцевомъ спокойномъ креслѣ, задомъ къ свѣту, съ чулкомъ въ рукахъ, а я читала громко газеты. Еще нѣсколько минутъ и мы отправились бы сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ туалетѣ при наступленіи визитнаго часа (двѣнадцати) въ Крэнфордѣ; я помню хорошо и сцену и день. Мы говорили о быстромъ выздоровленіи синьйора съ-тѣхъ-поръ, какъ настала теплая погода, хвалили искусство мистера Гоггинса, жалѣли о недостаткѣ утонченности въ его обращеніи (странно, что именно это составляло предметъ нашего разговора, но оно было такъ), когда послышался стукъ; стукъ гостя, три ясные удара, и мы побѣжали (то-есть миссъ Мэтти не могла уйдти слишкомъ-скоро, съ ней былъ припадокъ ревматизма) въ наши комнаты перемѣнить чепчики и воротнички, когда миссъ Поль остановила насъ, всходя на лѣстницу.

— Не уходите... мнѣ некогда ждать... я знаю, что еще нѣтъ двѣнадцати... но нужды нѣтъ какъ вы одѣты... мнѣ надо поговорить съ вами.

Мы употребили всѣ силы сдѣлать видъ, какъ-будто вовсе не производили торопливаго движенія, котораго шумъ она услыхала, потому-

что, разумѣется, намъ непріятно было заставить предполагать, будто у насъ есть старыя платья, въ которыхъ прилично быть только въ «домашнемъ пріютѣ» — какъ миссъ Дженкинсъ однажды мило назвала заднюю комнату, гдѣ она завязывала банки съ вареньемъ. Поэтому мы съ двойной силой предались аристократическому нашему обращенію и казались настоящими аристократками впродолженіе двухъ минутъ, пока миссъ Поль переводила духъ и сильно возбудила наше любопытство, съ изумленіемъ поднявъ кверху руки и молча опустивъ ихъ, какъ-будто то, что она хотѣла сказать, было слишкомъ-изумительно для словесныхъ выраженій и могло только быть выражено пантомимой.

— Что вы думаете, миссъ Мэтти? что вы думаете? леди Гленмайръ выходитъ замужъ... помолвлена, я хочу сказать... леди Гленмайръ... мистеръ Гоггинсъ... мистеръ Гоггинсъ женится на леди Гленмайръ!

— Женится! сказали мы: — женится! Какое сумасшествіе!

— Женится! сказала миссъ Поль съ рѣшительностью, свойственною ея характеру. — Я говорю точно такъ же, какъ и вы, не-уже-ли онъ женится? и я также сказала: «какую глупость дѣлаетъ миледи!» Я могла бы сказать: «безуміе», но я удержалась; потому-что услыхала объ этомъ въ лавкѣ. Куда исчезла женская деликатность? Я не знаю, мы съ вами, миссъ Мэтти, сгорѣли бы отъ стыда, узнавъ, что о нашемъ замужствѣ толкуютъ въ мелочной лавкѣ, да еще при лавочникѣ!

— Но, сказала миссъ Мэтти, вздыхая, какъ человѣкъ, оправляющійся отъ удара: — можетъ-быть, это неправда, можетъ-быть, мы къ ней несправедливы.

— Нѣтъ, сказала миссъ Поль: — я позаботилась въ этомъ удостовѣриться: пошла прямо къ мистриссъ Фицъ-Адамъ попросить у ней поваренную книгу и вставила мои поздравленія à propos, къ разговору о затруднительности для мужчинъ вести хозяйство; мистриссъ Фицъ-Адамъ встрепенулась и сказала: она полагаетъ, что это правда, хотя она не знаетъ, гдѣ и какъ я объ этомъ услыхала. Она сказала, что, наконецъ, братъ ея и леди Гленмайръ объяснились. «Объяснились!» какое варварское слово! Но миледи прійдется покориться разнымъ слѣдствіямъ недостатка свѣтскости. Я имѣю причину полагать, что у мистера Гоггинса каждый вечеръ за ужиномъ бываетъ только хлѣбъ, сыръ, да пиво.

— Женится! сказала миссъ Мэтти еще разъ. — Ну! я никогда этого не думала. Двое изъ нашихъ знакомыхъ вѣнчаются. Скоро дойдетъ очередь и до насъ.

— Такъ скоро, что мое сердце перестало биться, когда я объ этомъ услыхала, и вы могли бы сосчитать до двѣнадцати, пока я оправилась, сказала миссъ Поль.

— Никто не знаетъ, чья очередь прійдетъ прежде. Здѣсь, въ Крэнфордѣ, бѣдная леди Гленмайръ могла бы считать себя въ безопасности, сказала миссъ Мэтти съ кроткимъ состраданіемъ въ голосѣ.

— О! сказала миссъ Поль, покачавъ головою: — развѣ вы не помните пѣсню бѣднаго капитана Броуна: «Тибби Фоулеръ»:

Set her on the Tintock Tap,
The wind vill blaw a man'til her (*).

— Это потому, что Тибби Фоулеръ былъ богатъ, я полагаю.

— Ну, для леди Гленмайръ это нѣкоторый родъ расчета, который мнѣ, признаюсь, стыдно было бы имѣть.

Я выразила мое удивленіе.

— Но какъ она могла прельститься мистеромъ Гоггинсомъ? Мнѣ неудивительно, что мистеру Гоггинсу она понравилась.

— О! я не знаю. Мистеръ Гоггинсъ богатъ, хорошъ собой, сказала миссъ Мэтти: — онъ прекраснаго характера и предобрый.

— Она выходитъ затѣмъ, чтобъ пристроиться. Полагаю, что она беретъ за нимъ и аптеку, сказала миссъ Поль, сухо засмѣявшись своей собственной шуткѣ.

Но какъ многіе люди, думающіе, что уже высказали много колкаго, насмѣшливаго и вмѣстѣ остроумнаго, она начала смягчать свою угрюмость съ той минуты, какъ сдѣлала намекъ на аптеку, и мы стали разсуждать о томъ, какъ мистриссъ Джемисонъ прійметъ это извѣстіе. Особа, которой она поручила управлять домомъ и не допускать поклонниковъ до служанокъ, завела поклонника для самой себя! И поклонника такого, котораго мистриссъ Джемисонъ провозгласила пошлымъ и недостойнымъ крэнфордскаго общества; не только по причинѣ его фамиліи, но и за его голосъ, за цвѣтъ лица, за сапоги, пахнувшіе конюшней, за всю его особу, пахнувшую лекарствами. Ѣздилъ ли онъ къ леди Гленмайръ въ домъ мистриссъ Джемисонъ? Известковый хлоръ не очиститъ въ такомъ случаѣ дома въ мнѣніи его владѣтельницы. Или свиданія ихъ ограничивались случайными встрѣчами въ комнатѣ бѣднаго больнаго фигляра, къ которому они оба были такъ необыкновенно-добры, въ чемъ мы не могли не сознаться, несмотря на всѣ наши понятія о mésalliance? Те-

(*) Поставь ее на вершину Тинтокской Горы; вѣтеръ принесетъ ей мужчину.

перь открылось, что у мистриссъ Джемисонъ была больна служанка и мистеръ Гоггинсъ лечилъ ее нѣсколько недѣль. Стало-быть волкъ былъ въ самомъ стадѣ и унесъ пастушку. Чтò скажетъ мистриссъ Джемисонъ? Мы заглядывали въ мракъ будущаго, какъ ребенокъ смотритъ на ракету, поднимающуюся въ темномъ небѣ, исполненный ожиданія трескотни, взрыва и блестящаго дождя искръ. Потомъ мы опускались на землю и къ настоящему времени, разспрашивая одна другую (мы всѣ были равно, не имѣли ни малѣйшей данной, чтобъ вывести какое-нибудь заключеніе), когда *это* случится? гдѣ? Сколько лѣтъ мистеру Гоггинсу? Разстанется ли она съ своимъ титуломъ? Какъ Марта и другія служанки въ Крэнфордѣ будутъ докладывать о такихъ новобрачныхъ, какъ леди Гленмайръ и мистеръ Гоггинсъ? Но поѣдутъ ли съ визитами? Пріиметъ ли ихъ мистриссъ Джемисонъ? или мы должны будемъ выбирать между знатной мистриссъ Джемисонъ и разжалованной леди Гленмайръ? Мы всѣ любили больше леди Гленмайръ. Она была весела, ласкова, обходительна и пріятна; а мистриссъ Джемисонъ угрюма, вяла, напыщена и скучна. Но мы такъ долго признавали власть послѣдней, что намъ казалось какъ бы вѣроломствомъ даже помышлять о неповиновеніи запрещенію, которое мы предвидѣли.

Мистриссъ Форрестеръ застала насъ въ-расплохъ, въ заштопанныхъ чепцахъ и воротничкахъ, и мы совершенно объ этомъ забыли, торопясь узнать, кàкъ она перенесетъ извѣстіе, передачу котораго мы благородно предоставили миссъ Поль, хотя, еслибъ мы были расположены несправедливо воспользоваться преимуществомъ, мы могли бы сами разсказать его, потому-что съ ней сдѣлался весьма некстати сильный припадокъ кашля впродолженіе цѣлыхъ пяти минутъ послѣ того, какъ мистриссъ Форрестеръ вошла въ комнату. Я никогда не забуду умоляющее выраженіе ея глазъ, когда она смотрѣла на насъ черезъ свой носовой платокъ. Они говорили такъ ясно, какъ только краснорѣчивѣйшія слова могутъ выразить: «Не пользуйтесь случаемъ, чтобъ лишить меня принадлежащаго мнѣ сокровища, хотя на нѣкоторое время я не могу имъ воспользоваться». И мы не воспользовались.

Удивлені емистриссъ Форрестеръ равнялось нашему, а чувство оскорбленія было еще сильнѣе, потому-что она обижалась также за свое званіе и понимала гораздо-лучше насъ, до какой степени подобное поведеніе пятнало аристократію. Когда онѣ ушли съ миссъ Поль, мы старались успокоиться; но миссъ Мэтти была просто внѣ себя отъ ужаснаго извѣстія. Она считала и пересчитывала, и вышло, что болѣе пятнадцати лѣтъ не приводилось ей слышать ни о какой знакомой свадьбѣ, исключая одной миссъ Джесси Броунъ, и это, какъ она говорила, со-

вершенно ее поразило и заставляло чувствовать, какъ-будто она не можетъ ручаться за будущее.

Не знаю, мечта ли только, воображеніе ли съ моей стороны, или оно дѣйствительно такъ, но я примѣтила, что, тотчасъ послѣ того, какъ разнесется вѣсть о помолвкѣ въ какомъ-нибудь обществѣ, всѣ незамужнія въ этомъ обществѣ встрепенутся необыкновенной суетливостью, вздумаютъ наряжаться, какъ-будто говоря безмолвно и безсознательно: «вѣдь мы также дѣвицы». Миссъ Мэтти и миссъ Поль говорили и думали о шляпкахъ, платьяхъ, чепцахъ и шаляхъ впродолженіе послѣдовавшей за тѣмъ недѣли болѣе, чѣмъ впродолженіе предшествовавшихъ этому многихъ лѣтъ. Но, можетъ-быть, это происходило вслѣдствіе весенней погоды: мартъ былъ такой теплый и пріятный, а меринносъ, пухъ и всякіе разные шерстяные матеріалы были невесьма-приличны для яркихъ блестящихъ солнечныхъ лучей. Не нарядъ леди Гленмайръ завоевалъ сердце мистера Гоггинса; она, совершая свои добрыя дѣла, ходила въ платьяхъ, еще болѣе поношенныхъ, чѣмъ прежде. Хотя при торопливыхъ взглядахъ, бросаемыхъ на нее и въ церкви и въ другихъ мѣстахъ, она, казалось, какъ-будто избѣгала встрѣчи съ своими друзьями, на лицѣ ея почти расцвѣла свѣжесть юности; губы казались краснѣе и полнѣе, чѣмъ въ ихъ прежнемъ сжатомъ положеніи, а глаза покоились на всѣхъ предметахъ съ медлительнымъ блескомъ, какъ-будто она научилась любить Крэнфордъ и его обитателей. Мистеръ Гоггинсъ сіялъ радостью и полъ въ церкви скрипѣлъ подъ его совершенно-новыми сапогами — шумный и вмѣстѣ очевидный признакъ предполагаемой перемѣны положенія; потому-что ходило преданіе будто онъ до-тѣхъ-поръ носилъ все тѣ же самые сапоги, въ которыхъ пріѣхалъ въ Крэнфордъ двадцать пять лѣтъ назадъ; только они были починяемы за-ново вверху и внизу, въ носкахъ и голенищахъ, въ каблукахъ и подошвѣ, черной кожей и рыжей столько разъ, что и не перечтешь.

Ни одна изъ крэнфордскихъ дамъ не заблагоразсудила одобрить этотъ бракъ поздравленіемъ жениха или невѣсты. Мы не хотѣли принимать участія въ этомъ дѣлѣ до возвращенія нашей законной начальницы, мистриссъ Джемисонъ. Покуда она не воротится предписать намъ нашу роль, мы думали, что будетъ лучше смотрѣть на помолвку какъ на фактъ, конечно, существующій, но о которомъ чѣмъ меньше говорить, тѣмъ лучше. Это воздержаніе, наложенное на наши языки (потому-что разсудите: если мы не говорили объ этомъ никому изъ дѣйствующихъ лицъ, то какъ же могли мы получить отвѣты на вопросы, которые такъ нетерпѣливо желали предложить), начинало дѣлаться ужасно-скучнымъ,

наши понятія о достоинствѣ молчанія начинало блѣднѣть передъ силою любопытства, когда мыслямъ нашимъ вдругъ дано было другое направленіе, объявленіемъ отъ главнаго крэнфордскаго лавочника, который занимался всякой торговлей, отъ самой мелочной до модныхъ нарядовъ, что весеннія моды прибыли и будутъ выставлены въ слѣдующій вторникъ въ его магазинѣ, на главной улицѣ. Миссъ Мэтти только этого и ожидала, чтобъ купить себѣ новое шелковое платье. Я предполагала, правда, послать за выкройками въ Дрёмбль, но она отказалась отъ моего предположенія, кротко намекнувъ, что не забыла о своемъ разочарованіи касательно свѣтлозеленаго тюрбана. Я была рада, что находилась теперь съ нею и могла противиться ослѣпительному очарованію желтыхъ и красныхъ матерій.

Здѣсь я должна сказать нѣсколько словъ о себѣ самой. Я говорила о старинной дружбѣ отца моего съ семействомъ Дженкинсъ; и, право, не знаю, не были ли мы съ ними даже въ дальнемъ родствѣ. Онъ охотно позволилъ мнѣ остаться на цѣлую зиму въ Крэнфордѣ, въ уваженіе письма миссъ Мэтти, которое она написала къ нему во время общаго крэнфордскаго страха и въ которомъ, я подозрѣваю, она преувеличила мою силу и мою храбрость, какъ защитницы ея дома. Но теперь, когда дни стали и длиннѣе и свѣтлѣе, онъ началъ торопить мое возвращеніе; а я откладывала его только вслѣдствіе странной, отчаянной надежды, что если получу болѣе-ясныя свѣдѣнія, то могу найдти связь того, что мнѣ разсказывала синьйора объ Агѣ Дженкинсѣ, съ тѣмъ, что я вывѣдала изъ разговора миссъ Поль и мистриссъ Форрестеръ о появленіи и исчезновеніи «бѣднаго Питера».

II.

Банкротство.

Въ тотъ самый четвергъ, когда мистеръ Джонсонъ долженъ былъ показывать свои модные товары, почтальйонша принесла къ намъ два письма. Я сказала: «почтальйонша», но должна бы сказать: жена почтальйона. Онъ былъ хромой башмачникъ, очень-опрятный, честный человѣкъ, весьма-уважаемый въ городѣ, но никогда самъ не разносилъ писемъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, въ день Рождества или въ великую пятницу; и въ эти дни письма, которыя должны бы получаться въ восемь часовъ утра, не являлись прежде двухъ или трехъ часовъ пополудни; всѣ любили бѣднаго Томаса и ласково принимали его въ этихъ торжественныхъ случаяхъ. Онъ обыкновенно го-

ворилъ, что сытъ по горло, потому-что въ трехъ или четырехъ домахъ непремѣнно хотѣли накормить его завтракомъ, и едва окончивъ послѣдній завтракъ, онъ приходилъ къ какому-нибудь другому пріятелю, который ужь начиналъ обѣдъ; но какъ ни сильны были искушенія, Томасъ всегда былъ трезвъ, вѣжливъ и съ улыбкой на лицѣ; и какъ миссъ Дженкинсъ обыкновенно говорила, это былъ олицетворенный урокъ терпѣнія, который, она не сомнѣвалась, долженъ вызвать это драгоцѣнное качество во многихъ людяхъ, у которыхъ, не будь Томаса, оно дремало бы. Конечно, терпѣніе находилось въ состояніи весьма-сильной дремоты у миссъ Дженкинсъ. Она вѣчно ожидала писемъ, и всегда барабанила по столу, покуда не приходила или не проходила почтальйонша. Въ Рождество и въ великую пятницу она барабанила отъ чая до обѣдни, отъ обѣдни до двухъ часовъ, до-тѣхъ-поръ, пока не нужно было помѣшать въ каминѣ, и непремѣнно роняла кочергу и бранила за это миссъ Мэтти. Но также непремѣненъ былъ ласковый пріемъ и хорошій обѣдъ для Томаса; миссъ Дженкинсъ разспрашивала про его дѣтей, что̀ они дѣлаютъ, въ какую школу ходятъ, дѣлая ему упреки, если неравно еще новое чадо должно было появиться на свѣтъ; но всегда посылая ребятишкамъ шиллингъ и сладкій пирожокъ, съ полкроной прибавки для отца и матери. Почта совсѣмъ не составляла особенной важности для милой миссъ Мэтти; но ни за что̀ на свѣтѣ не уменьшила бы она ни привѣтствій, ни подарковъ Томасу, хотя я примѣчала, что она нѣсколько стыдилась этой церемоніи, на которую миссъ Дженкинсъ смотрѣла какъ на торжественный случай для поданія совѣтовъ и благодѣяній своимъ ближнимъ. Миссъ Мэтти совала деньги разомъ въ его руку, какъ-будто стыдясь себя самой. Миссъ Дженкинсъ отдавала каждую монету особенно, съ словами: «Вотъ! это для тебя... это для Дженни», и такъ далѣе. Миссъ Мэтти всегда манила Марту изъ кухни, покуда онъ ѣлъ свой обѣдъ; и однажды, какъ мнѣ извѣстно, она отвернулась, когда онъ быстро сунулъ свой завтракъ въ синій бумажный носовой платокъ. Миссъ Дженкинсъ журила его, если онъ не до-чиста съѣдалъ съ блюда, какъ бы полно оно ни было наложено, и давала ему наставленія съ каждымъ кускомъ.

Я далеко уклонилась отъ разсказа о двухъ письмамъ, ожидавшихъ насъ на столѣ въ этотъ четверкъ. Письмо ко мнѣ было отъ батюшки, къ миссъ Мэтти печатное. Письмо батюшки было совершенно мужское письмо; я хочу сказать, что оно было очень-скучно и говорило только о томъ, что онъ здоровъ, что у нихъ были сильные дожди, что торговля почти совсѣмъ остановилась и что ходятъ слухи весьма-непріятные. Онъ также

спрашивалъ, знаю ли я, есть ли еще у миссъ Мэтти акціи въ городскомъ купеческомъ банкѣ, такъ-какъ о немъ ходили весьма-непріятные слухи, которые, впрочемъ, онъ всегда предвидѣлъ и давно уже предсказывалъ миссъ Дженкинсъ, когда она отдавала туда все свое достояніе—единственный, сколько ему извѣстно, неблагоразумный шагъ, сдѣланный во всю жизнь этой умной женщиной (единственный поступокъ, на который она рѣшилась, вопреки его совѣтамъ, какъ мнѣ было извѣстно). Однако, если что-нибудь пойдетъ дурно, разумѣется, я не должна покидать миссъ Мэтти, если могу ей сколько-нибудь быть полезной, и проч.

— Отъ кого ваше письмо, душенька? А ко мнѣ очень-вѣжливое приглашеніе, подписанное Эдвинъ Уильсонъ, явиться на очень-важное собраніе акціонеровъ городскаго купеческаго банка въ Дрёмбль, въ четверкъ 25-го числа. Это съ ихъ стороны весьма-любезно, что они вспомнили обо мнѣ.

Мнѣ не понравилось извѣстіе объ этомъ «очень-важномъ собраніи», хотя я мало понимала дѣла; я опасалась, что это подтверждало слова батюшки, однако я подумала: дурныя вѣсти приходятъ всегда слишкомъ-рано, и потому рѣшилась не говорить ничего о моемъ опасеніи, а сказала только, что батюшка здоровъ и посылаетъ ей поклонъ. Она долго восхищалась своимъ письмомъ. Наконецъ сказала:

— Я помню, что они прислали Деборѣ точно такое, но я этому не удивлялась, потому-что всѣ знали, кàкъ она была умна. Я боюсь, что мало буду имъ полезна; право, если они начнутъ считать, я совсѣмъ смѣшаюсь, потому-что никогда не въ-состояніи сдѣлать счетъ въ умѣ. Дебора, я знаю, желала ѣхать и даже заказала себѣ новую шляпку; но когда настало время, она сильно простудилась и они прислали ей очень-вѣжливый отчетъ о томъ, чтò было сдѣлано. Кажется, выбирали директора. Кàкъ вы думаете, они приглашаютъ меня, чтобъ помочь имъ выбрать директора? Я тотчасъ выбрала бы вашего отца.

— У батюшки нѣтъ акцій въ этомъ банкѣ, сказала я.

— Такъ, нѣтъ! я это помню. Онъ очень отсовѣтывалъ Деборѣ, когда она ихъ покупала; но она была совершенно-дѣловая женщина и всегда сама все рѣшала; а вѣдь вы знаете, они всѣ эти года платили по восьми процентовъ.

Для меня это былъ предметъ весьма-непріятный: я ждала недобраго; потому я перемѣнила разговоръ, спросивъ, въ какое время, она думаетъ, лучше намъ идти смотрѣть модныя матеріи.

— Ну, душенька, сказала она: — вотъ въ чемъ дѣло: этикетъ не позволяетъ идти до двѣнадцати; но тогда весь Крэнфордъ будетъ тамъ

и не каждому пріятно разспрашивать при всѣхъ о нарядахъ, уборахъ, чепцахъ. Показывать любопытство въ такихъ случаяхъ неприлично людямъ благовоспитаннымъ. У Деборы была привычка всегда смотрѣть такъ, какъ-будто бы послѣднія моды ничего не значатъ для нея; это она переняла отъ леди Арлей, которая, знаете, видала всегда всѣ новыя моды въ Лондонѣ. Поэтому, я думаю, мы сегодня утромъ выйдемъ вскорѣ послѣ завтрака — мнѣ нужно полфунта чаю, а потомъ можемъ пойдти и разсмотрѣть всѣ вещи на свободѣ и посмотрѣть, какъ нужно сдѣлать мое новое шелковое платье, а потомъ, послѣ двѣнадцати, можемъ итти снова, уже нисколько не думая о нарядахъ.

Мы начали говорить о новомъ шелковомъ платьѣ миссъ Мэтти. Я узнала, что она выбираетъ въ первый разъ въ жизни что-нибудь важное для себя самой; миссъ Дженкинсъ, каковъ бы ни былъ ея вкусъ, была всегда болѣе-рѣшительнаго характера, и удивительно, какъ такіе люди овладѣваютъ другими простой силою воли. Миссъ Мэтти заранѣе такъ восхищалась видомъ шелковистыхъ складокъ, какъ-будто бы на пять совереновъ, отложенныхъ для покупки, могла скупить всѣ шелковыя матеріи изъ лавки, и (припоминая, какъ я потеряла два часа въ игрушечной лавкѣ прежде, чѣмъ рѣшила, на что издержать три пенса) я была рада, что мы пойдемъ рано, чтобъ милая миссъ Мэтти могла на свободѣ насладиться нерѣшимостью.

Если попадется матерія голубоватая, платье будетъ голубоватое; если нѣтъ, она рѣшилась на синее, а я на сѣрое, и мы разсуждали о количествѣ полотнищъ, покуда не дошли до лавки. Мы должны были купить чай, выбрать матерію, а потомъ вскарабкаться на витую желѣзную лѣстницу, ведущую туда, что было нѣкогда чердакомъ, а теперь превратилось въ выставку модъ.

Молодые приказщики мистера Джонсона, нарядные, въ лучшихъ галстухахъ, вертѣлись у прилавка съ изумительною дѣятельностью. Они предложили тотчасъ провести насъ наверхъ; но, придерживаясь правила, что дѣла прежде, а удовольствіе послѣ, мы остановились купить чай. Тутъ разсѣянность миссъ Мэтти измѣнила ей. Если она знала, что пила зеленый чай въ какое бы то ни было время, то считала обязанностью не спать потомъ цѣлую ночь (я знаю, что она нѣсколько разъ пила зеленый чай, не зная того, и не чувствовала подобныхъ послѣдствій), слѣдовательно зеленый чай былъ запрещенъ въ ея домѣ; а сегодня она сама спросила этотъ зловредный предметъ, воображая, что говоритъ о шелковой матеріи. Однако ошибка скоро была поправлена и потомъ матеріи въ-самомъ-дѣлѣ были развернуты. Въ это время лавка наполнилась; былъ рыночный день въ Крэнфордѣ, и многіе изъ мызниковъ и

окрестныхъ крестьянъ пришли, поглаживая волосы и робко поглядывая изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, желая нетерпѣливо разсказать объ этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ дома, своей хозяйкѣ или дѣвушкамъ, и чувствуя, что они тутъ не на мѣстѣ между щегольскими прикащиками, красивыми шалями и лѣтними ситцами. Одинъ изъ нихъ однако пробрался до прилавка, у котораго мы стояли, и смѣло попросилъ взглянуть на шали. Всѣ другіе деревенскіе жители ограничились бакалейнымъ товаромъ; но нашъ сосѣдъ очевидно былъ слишкомъ-исполненъ доброжелательныхъ намѣреній относительно хозяйки, жены или дочери, чтобъ быть робкимъ; и я скоро предложила себѣ вопросъ: кто, миссъ Мэтти или онъ, дольше продержитъ прикащика. Каждая вновь-подаваемая шаль казалась ему лучше прежней, а миссъ Мэтти улыбалась и вздыхала надъ каждой приносимой новой кипой; одинъ цвѣтъ служилъ прекраснымъ оттѣнкомъ другому и вся кипа вмѣстѣ, какъ она говорила, пристыдила бы самую радугу.

— Я боюсь, сказала она, колеблясь: — что̀ бы я ни выбрала, я буду жалѣть, зачѣмъ не взяла другое. Посмотрите на эту хорошенькую малиновую: ка̀къ это было бы тепло зимою. Но наступаетъ весна... знаете, мнѣ хотѣлось бы имѣть по платью для всякаго времени года, сказала она понизивъ голосъ: — какъ дѣлали всѣ мы въ Крэнфордѣ, когда говорили о чемъ-нибудь такомъ, чего желали, да не могли себѣ позволить. Впрочемъ, продолжала она громче и веселѣе: — было бы съ ними много хлопотъ, поэтому я думаю купить себѣ только одно... но которое же, душенька?

Она имѣла виды на лиловое съ желтыми крапинками, а я указывала на темнозеленое, совершенно-пропадавшее между болѣе-яркими цвѣтами, но между-тѣмъ бывшее все-таки въ своемъ смиренномъ видѣ очень-хорошей матеріей. Вниманіе наше было привлечено на нашего сосѣда. Онъ выбралъ шаль въ тридцать шиллинговъ; лицо его просіяло отъ надежды пріятнаго сюрприза, который онъ сдѣлаетъ Молли или Дженни; онъ вытащилъ кожаный кошелекъ изъ кармана панталонъ и подалъ двадцати-пяти-фунтовой билетъ за шаль и за какой-то узелъ, который принесли ему съ бакалейнаго прилавка; именно въ эту-то минуту привлекъ онъ наше вниманіе. Прикащикъ разсматривалъ билетъ съ смущеннымъ, сомнительнымъ видомъ.

— Городской банкъ! Я не знаю навѣрное, сэръ, но, кажется, мы получили только сегодня утромъ предостереженіе противъ билетовъ этого банка. Я сейчасъ спрошу мистера Джонсона, сэръ; но я боюсь, мнѣ прійдется побезпокоить васъ просьбой: заплатить монетой или билетомъ другаго банка.

Я никогда не видѣла болѣе внезапнаго смущенія и изумленія. Почти жаль было видѣть такую быструю перемѣну.

— Чтобъ ихъ тутъ!... сказалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, какъ бы затѣмъ, чтобъ попробовать, который крѣпче. — Парень говоритъ, какъ-будто бумажки и золото валяются по полу.

Миссъ Мэтти забыла свое шелковое платье изъ-за участія къ этому человѣку. Не думаю, чтобъ она разслышала имя банка; въ моей слабонервной трусости я дрожала, чтобъ она не услыхала его, и начала любоваться лиловымъ платьемъ, которое осуждала за минуту передъ тѣмъ. Но это нисколько не помогло.

— Какой это банкъ?... Я хочу сказать, изъ какого банка вашъ билетъ?

— Городскаго.

— Покажите мнѣ, сказала она спокойно прикащику, тихо взявъ у него изъ рукъ, когда онъ принесъ билетъ назадъ къ мызнику.

Мистеру Джонсону было очень-прискорбно, но, по полученному имъ увѣдомленію, билеты этого банка были ни чѣмъ не лучше простой бумаги.

— Не понимаю, сказала мнѣ миссъ Мэтти:—вѣдь это нашъ банкъ? городской?

— Да̀, сказала я: — эта лиловая матерія какъ-разъ идетъ къ лентамъ на вашемъ новомъ чепцѣ. Мнѣ кажется, продолжала я, развертывая складки, чтобъ заслонить свѣтъ и желая, чтобъ мызникъ ушелъ поскорѣе... но вдругъ новая мысль мелькнула у меня въ головѣ: благоразумно ли и справедливо ли допустить миссъ Мэтти сдѣлать такую значительную покупку, если дѣла банка до такой степени дурны, какъ показывалъ отказъ взять билетъ?

Миссъ Мэтти приняла кроткій и благородный видъ, ей свойственный, и, ласково взявъ меня за руку, сказала:

— На нѣсколько минутъ оставимъ матеріи, душенька. Я не понимаю васъ, сэръ, сказала она, обращаясь къ прикащику, ожидавшему отъ мызника денегъ:—развѣ это билетъ фальшивый?

— О нѣтъ-съ! билетъ настоящій; но видите ли-съ, носятся слухи, что банкъ этотъ скоро рушится. Мистеръ Джонсонъ только исполняетъ свою обязанность, какъ, вѣрно, извѣстно мистеру Добсону.

Но мистеръ Добсонъ не могъ отвѣчать на вопросительный поклонъ улыбкой согласія. Онъ разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ билетъ, мрачно смотря на свертокъ, содержащій выбранную шаль.

— Это тяжело для бѣднаго человѣка, который добываетъ каждую копейку въ потѣ лица, сказалъ онъ.—Впрочемъ, чѣмъ тутъ поможешь? Возьмите назадъ вашу шаль; Лидзи обойдется покамѣстъ и плащемъ.

А винныя ягоды для ребятишекъ, я имъ обѣщалъ... и возьму ихъ, но табакъ и другія вещи...

— Я дамъ вамъ пять совереновъ за вашъ билетъ, мой милый, сказала миссъ Мэтти. — Я полагаю, что тутъ есть какая-нибудь ошибка; я вѣдь одна изъ акціонеровъ, и навѣрно они увѣдомили бы меня, еслибъ дѣла не были въ порядкѣ.

Прикащикъ прошепталъ черезъ прилавокъ нѣсколько словъ миссъ Мэтти. Она взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Можетъ-быть, сказала она: — но я не имѣю притязанія знать толкъ въ дѣлахъ; я только знаю, что если банкъ обанкрутится и честные люди должны лишиться своихъ денегъ, потому-что принимали наши билеты... Я не ясно выражаю мою мысль, прибавила она, вдругъ примѣтивъ, что пустилась въ длинную рѣчь и что ее слушаютъ четверо: — только я размѣняю на золото этотъ билетъ, если хотите, заключила она, обращаясь къ мызнику: — и вы можете отнести шаль вашей женѣ. Только съ платьемъ мнѣ надо повременить нѣсколько дней, сказала она мнѣ: — тогда, я не сомнѣваюсь, все разъяснится.

— Но если разъяснится въ худую сторону? сказала я.

— Ну, что жь? я только, значитъ, поступила честно, какъ акціонерка, отдавъ деньги этому доброму человѣку. Я совершенно понимаю это въ моихъ мысляхъ; но, вы знаете, я никогда не могу говорить такъ понятно, какъ другіе; вы должны отдать мнѣ вашъ билетъ, мистеръ Добсонъ, если хотите сдѣлать покупки на эти соверены.

Мызникъ посмотрѣлъ на нее съ безмолвной признательностью, не умѣя выразить ее словами, но попятился назадъ, комкая свой билетъ.

— Мнѣ не хочется заставить другаго потерять вмѣсто себя, если надо потерять; только видите: пять фунтовъ—деньги большія для человѣка семейнаго; а какъ вы говорите, можно побиться объ закладъ, что черезъ два-три дня билетъ будетъ приниматься по той же цѣнѣ, какъ золото...

— Не надѣйтесь, мистриссъ, сказалъ прикащикъ.

— Тѣмъ больше причины мнѣ взять его, сказала спокойно миссъ Мэтти.

Она подвинула свои соверены къ мызнику, который нерѣшительно вручилъ ей билетъ.

— Благодарствуйте. Я подожду дня два покупкой шелковой матеріи; можетъ-быть, у васъ будетъ тогда большой выборъ. Душенька, пойдемте наверхъ.

Мы разсматривали модные фасоны съ такимъ мелочнымъ и любопытнымъ участіемъ, какъ-будто бы платье, которое должно было сшиться по нихъ,

было куплено. Я не примѣтила, чтобъ маленькое происшествіе въ лавкѣ хоть сколько-нибудь уменьшило любопытство миссъ Мэтти насчетъ того, какъ дѣлаются рукава и юбки. Она нѣсколько разъ выражала мнѣ свое удовольствіе о томъ, что мы такъ свободно и уединенно можемъ разсматривать шляпки и шали; но я все время не была увѣрена, чтобъ наше посѣщеніе было совершенно уединенно, потому-что мнѣ мелькнула фигура, выглядывавшая изъ плащей и мантилій и, торопливо обернувшись, очутилась лицомъ къ лицу съ миссъ Поль, которая, тоже въ утреннемъ костюмѣ (главная черта котораго состояла въ томъ, что она была безъ зубовъ и въ вуалѣ, чтобъ скрыть ихъ недостатокъ), пришла съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и мы. Но она тихо отправилась домой, потому-что, какъ говорила, страдала сильной головною болью и чувствовала себя не въ-состояніи поддерживать разговоръ.

Возвращаясь назадъ черезъ лавку, мы нашли вѣжливаго мистера Джонсона, ожидавшаго насъ; онъ узналъ о размѣнѣ билета на золото и съ большимъ чувствомъ и съ истинной добротою, но съ маленькимъ недостаткомъ такта, пожелалъ выразить свое участіе къ миссъ Мэтти и разсказать ей настоящее положеніе дѣла. Я могла только надѣяться, что до него дошли преувеличенные слухи, потому-что онъ сказалъ, будто ея акціи стали хуже, чѣмъ ничего, и что банкъ не можетъ заплатить даже шиллинга за фунтъ. Я была рада, что миссъ Мэтти, казалось, несовсѣмъ этому вѣрила; но я не могла сказать, дѣйствительно ли она не вѣрила, или притворялась, съ тѣмъ умѣньемъ владѣть собою, которое было свойственно дамамъ въ положеніи миссъ Мэтти въ Крэнфордѣ, дамамъ, полагавшимъ, что онѣ компрометируютъ свое достоинство малѣйшимъ выраженіемъ удивленія, смущенія или тому подобнаго чувства, въ присутствіи низшаго имъ по званію, или въ публичномъ мѣстѣ. Однако домой шли мы молча. Стыдно сказать, что мнѣ было и непріятно и досадно, зачѣмъ миссъ Мэтти такъ рѣшительно взяла себѣ билетъ. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ у ней было новое шелковое платье, которое, къ-сожалѣнію, такъ было ей нужно; вообще она была такъ нерѣшительна, что всякій могъ переувѣрить ее во всемъ; но тутъ я чувствовала, что напрасно будетъ покушаться на это и тѣмъ неменѣе была раздосадована.

Какъ бы то ни было, послѣ двѣнадцати мы обѣ признались, что насмотрѣлись до-сыта на моды, что чувствовали нѣкоторую усталость (которая въ дѣйствительности была унылніемъ) и рѣшились не идти туда опять. Но все-таки мы ничего не говорили о билетѣ, какъ вдругъ что̀-то побудило меня спросить миссъ Мэтти: не-уже-ли

она считаетъ обязанностью давать соверены за всѣ билеты городскаго банка, которые ей попадутся? Я хотѣла бы прикусить себѣ языкъ, только-что успѣла это выговорить. Она взглянула на меня нѣсколько-грустно, какъ-будто я бросила новое недоумѣніе въ ея уже измученное сердце и нѣсколько минутъ не говорила ничего. Потомъ сказала: — о моя милая миссъ Мэтти — безъ тѣни упрека въ голосѣ:

— Душенька! я никогда не находила въ своемъ умѣ большой, какъ говорится, остроты; и часто мнѣ довольно-трудно рѣшить, что̀ я должна дѣлать. Я была очень-рада, очень-рада, что сегодня утромъ увидѣла прямую свою обязанность, когда этотъ бѣдный человѣкъ стоялъ передо мною; но для меня очень-тяжело все думать-и-думать о томъ, что̀ я должна дѣлать, когда случится то-то или то-то; и я полагаю, мнѣ лучше ждать и посмотрѣть что̀ будетъ; я не сомнѣваюсь, что мнѣ тогда помогутъ, если я не стану тревожиться и безпокоиться заранѣе. Вы знаете, милочка, я не похожа на Дебору. Будь жива Дебора, я не сомнѣваюсь, она не допустила бы ихъ дойдти до такого положенія.

Никто изъ насъ не имѣлъ большаго апетита за обѣдомъ, хотя мы старались весело разговаривать о постороннихъ предметахъ. Воротясь въ гостиную, миссъ Мэтти открыла бюро и начала пересматривать свои счетныя книги. Я такъ раскаявалась въ томъ, что̀ сказала утромъ, что не хотѣла взять на себя смѣлости предположить, будто могу ей пособить; я предоставила ей заниматься одной; съ нахмуренными бровями слѣдовала она взоромъ за перомъ, бѣгавшимъ взадъ и впередъ по страницѣ. Потомъ она закрыла книгу, заперла бюро и придвинула ко мнѣ свое кресло; я сидѣла въ угрюмой печали передъ каминомъ. Я протянула ей руку, она сжала ее, но не сказала ни слова. Наконецъ, проговорила съ принужденнымъ спокойствіемъ въ голосѣ:

— Если дѣла этого банка кончатся дурно, я потеряю сто сорокъ девять фунтовъ тринадцать шиллинговъ и четыре пенса въ годъ; у меня останется только тринадцать фунтовъ годоваго дохода.

Я сжала крѣпко ея руку, но не знала что̀ сказать. Я почувствовала (было темно, я не могла видѣть ея лица), какъ ея пальцы судорожно зашевелились въ моей рукѣ, и угадала, что она сбирается съ духомъ, чтобъ продолжать. Мнѣ слышались рыданія въ ея голосѣ, когда она сказала:

— Надѣюсь, что это не грѣхъ, если скажу, но я... но, о, я такъ рада, что бѣдная Дебора избавилась отъ этого: она никогда не могла бы перенести униженія... у ней была такая благородная, высокая душа.

Вотъ все, что̀ она сказала о сестрѣ, настоявшей на томъ, чтобъ

отдать ихъ маленькое состояніе въ этотъ несчастный банкъ. Въ тотъ вечеръ мы еще позже, чѣмъ обыкновенно, зажгли свѣчи и сидѣли безмолвныя и грустныя.

Однако мы принялись за работу послѣ чая съ какой-то принужденной веселостью (которая скоро сдѣлалась искреннею), разговаривая о помолвкѣ леди Гленмайръ. Миссъ Мэтти почти начала находить это дѣломъ хорошимъ.

— Я не намѣрена отрицать, чтобъ мужчины не были помѣхой въ домѣ. Я не могу судить о неисчерпаемой новости по собственному опыту, потому-что отецъ мой былъ олицетворенной опрятностью и всегда, возвращаясь домой, вытиралъ башмаки такъ же старательно, какъ женщины; но все-таки мужчина понимаетъ, ка̀къ должно поступать въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и очень-пріятно имѣть человѣка подъ-рукою, на котораго можно положиться. Вотъ хоть бы леди Гленмайръ, вмѣсто того, чтобъ колебаться и не знать, гдѣ ей поселиться, будетъ имѣть домъ среди общества пріятныхъ и добрыхъ людей, каковы, напримѣръ, наши добрыя миссъ Поль и мистриссъ Форрестеръ. А мистеръ Гоггинсъ вѣдь, право, видный собой мужчина; ну, а что̀ касается до его обращенія, то если оно неслишкомъ-изящно, я скажу, что знала людей съ прекраснымъ сердцемъ и преумныхъ, которые хотя не могли похвалиться тѣмъ, что̀ нѣкоторые считаютъ свѣтскостью, но отличались и благородствомъ и добротою.

Она предалась нѣжной мечтательности о мистерѣ Гольбрукѣ и я не прерывала ее, будучи занята соображеніемъ одного плана, который занималъ мои мысли уже нѣсколько дней, но который угрожающее банкротство привелъ къ кризису. Въ этотъ вечеръ, когда миссъ Мэтти улеглась спать, я вѣроломно опять зажгла свѣчу и сѣла въ гостиной сочинять письмо къ Агѣ Джонкинсу, письмо, которое должно было тронуть его, если онъ былъ Питеръ, и показаться простымъ изложеніемъ сухихъ фактовъ, если это человѣкъ посторонній. Церковные часы про̀били два прежде, чѣмъ я кончила.

На слѣдующее утро явились извѣстія и офиціальное и частное, что городской банкъ прекратилъ платежи. Миссъ Мэтти была разорена.

Она пыталась говорить со мной спокойно; но когда дошла до обстоятельства, что должна жить только пятью шиллингами въ недѣлю, не могла удержать нѣсколькихъ слезъ.

— Я пла̀чу не о себѣ, душенька, сказала она, отирая ихъ: — я полагаю, что пла̀чу о той глупой мысли, ка̀къ огорчилась бы матушка, еслибъ это знала; она заботилась о насъ гораздо-больше, чѣмъ о себѣ самой. Но сколько бѣдныхъ людей имѣютъ еще меньше; а я, слава

Богу, неочень расточительна: когда выдамъ Мартѣ жалованье, расплачусь за баранину и за наемъ квартиры, то не останусь должна ни одной копейки. Бѣдная Марта! думаю, ей будетъ жаль меня оставить.

Миссъ Мэтти улыбнулась мнѣ сквозь слезы и какъ-будто хотѣла показать мнѣ только улыбку, а не слезы.

III.

Истинные друзья.

Видѣть, кàкъ миссъ Мэтти тотчасъ принялась за сокращенія, которыя она считала необходимыми при своихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, было для меня примѣромъ и, думаю, могло бы быть примѣромъ и для другихъ. Пока она пошла поговорить съ Мартой и увѣдомить ее обо всемъ, я, съ моимъ письмомъ къ Агѣ Дженкинсу, ускользнула къ синьйорамъ, чтобъ узнать вѣрный адресъ. Я обязала синьйору соблюдать молчаніе; и дѣйствительно, ея военные пріемы имѣли нѣкоторую степень рѣзкости и осторожности, заставлявшую ее говорить какъ-можно-меньше, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она находилась подъ вліяніемъ сильнаго волненія. Къ-тому же (чтò дѣлало мою тайну вдвое-надежнѣе) синьйоръ до того теперь оправился отъ своей болѣзни, что помышлялъ ѣхать дальше, показывать фокусы и черезъ нѣсколько дней съ своей женою, маленькой Фебой, оставлялъ Крэнфордъ. Я нашла его разсматривающимъ огромное черное съ краснымъ объявленіе, гдѣ разсказывались всѣ совершенства синьйора Брунони и гдѣ недоставало только имени города, въ которомъ онъ намѣревался играть. Они съ женою были такъ погружены въ рѣшеніе того, гдѣ красныя буквы будутъ эффектнѣе, что я насилу могла вставить свой вопросъ, и то уже подавъ предварительно различныя мнѣнія, въ основательности которыхъ сама усомнилась, когда синьйоръ возобновилъ свои сомнѣнія и размышленія объ этомъ важномъ предметѣ. Наконецъ я достала адресъ, и кàкъ казался онъ страненъ! Я бросила письмо на почту, возвращаясь домой, и съ минуту стояла смотря на деревянный ящикъ съ раскрытой щелью, отдѣлявшей меня отъ письма, за секунду передъ тѣмъ находившагося въ моихъ рукахъ. Оно ускользнуло отъ меня, какъ жизнь, безвозвратно. Оно будетъ качаться по морю, можетъ-быть, забрызжется волнами, унесется къ пальмамъ, пропитается всѣми тропическими благоуханіями; клочокъ бумажки, только часъ назадъ такой обыкновенный и знакомый и пошлый, отправится въ свой путь къ дикимъ странамъ за Гангъ. Но

я не могла терять много времени на эти размышленія. Я поторопилась домой: можетъ-быть, я нужна миссъ Мэтти. Марта отворила мнѣ дверь съ лицомъ, распухшимъ отъ слезъ. Увидѣвъ меня, она залилась снова, схватила меня крѣпко за руку, притащила въ переднюю и захлопнула дверь, спрашивая, справедливо ли то̀, что̀ сказала миссъ Мэтти.

— Я никогда ее не брошу, нѣтъ, не брошу — такъ я ей сказала; не знаю, говорю, какъ у васъ хватило духу отпускать меня. На ея мѣстѣ я бы этого не сдѣлала. Я вѣдь не такая мерзавка, какъ Розка у мистриссъ Фиц-Адамъ, что готова отойдти, если не прибавятъ жалованья, проживши семь съ половиной лѣтъ у однихъ хозяевъ. Я сказала, что не хочу служить дьяволу такимъ манеромъ, что я, дескать, понимаю, что̀ значитъ добрая барыня, коли она не понимаетъ, что̀ значитъ хорошая служанка...

— Но, Марта... сказала я, перебивая ее, покуда она вытирала себѣ глаза.

— Не говорите мнѣ этого, отвѣчала она на мой умоляющій голосъ.

— Выслушай причины...

— Не хочу слушать вашихъ причинъ, сказала она теперь твердымъ голосомъ, который прежде прерывался отъ рыданій.—Всякій можетъ приводить причины по-своему. У меня тоже есть хорошія причины. Ужь причина тамъ или нѣтъ, а я все буду это говорить, вотъ хоть меня убейте. У меня есть деньги въ Сохранной Казнѣ, есть-таки довольно изъ одёжи и не уйду я отъ миссъ Мэтти, нѣтъ, не уйду, хоть отпускай она меня каждый часъ и каждый день!

Она сложила руки фертомъ, какъ-бы вызывая меня на бой; и точно, я не знала бы какъ начать ее уговаривать — такъ сильно я чувствовала, что миссъ Мэтти, при своемъ увеличивающемся нездоровьи, нуждалась въ попеченіи этой доброй и вѣрной женщины.

— Хорошо, сказала я наконецъ.

— Я рада, что вы начали съ «хорошо»! Еслибъ вы сказали «но», какъ прежде, я бы васъ не стала слушать. Теперь вы можете продолжать.

— Я знаю, что миссъ Мэтти много потеряла бы въ тебѣ, Марта...

— Я такъ ей и сказала. Потеряла да вѣчно бы жалѣла, перебила Марта съ торжествомъ.

— Однако у ней будетъ такъ мало... такъ мало... средствъ къ жизни, что я не знаю, чѣмъ будетъ она тебя кормить... она и себя-то прокормитъ съ трудомъ. Я говорю это тебѣ, Марта, потому, что считаю тебя другомъ миссъ Мэтти; но, знаешь, можетъ-быть, ей будетъ непріятно, чтобъ говорили объ этомъ.

Вѣроятно, это былъ предметъ болѣе печальный, нежели какъ хотѣла говорить о немъ миссъ Мэтти, потому-что Марта бросилась на первый стулъ, который случился у ней подъ-рукой, и зарыдала громко (мы стояли въ кухнѣ). Наконецъ она опустила передникъ и, посмотрѣвъ мнѣ пристально въ лицо, сказала:

— Не по этой ли причинѣ миссъ Мэтти не заказала пуддинга сегодня? Она сказала, что ей не хочется сладкаго и что вы съ нею будете кушать просто баранью котлетку, но я перехитрю. Не говорите ей, а я сдѣлаю славный пуддингъ на свои деньги. Смотрите же, чтобъ она его скушала непремѣнно. Многимъ становится легче на сердцѣ, когда хорошее блюдо на столѣ.

Я была рада, что энергія Марты приняла немедленное и практическое направленіе къ дѣланію пуддинга и прекратила споръ, останется ли она или не останется въ услуженіи у миссъ Мэтти. Она надѣла чистый передникъ и приготовилась идти въ лавку за масломъ, за яицами и всѣмъ, что̀ было нужно; она не хотѣла взять для своей стряпни ни крошки изъ того, что̀ находилось въ домѣ, но отправилась къ старой чайницѣ, въ которой хранились ея деньги, и взяла сколько ей было нужно. Я нашла миссъ Мэтти очень-спокойной и порядочно-грустной; мало-по-малу она начала улыбаться для меня. Было рѣшено, что я напишу къ батюшкѣ и попрошу его пріѣхать, чтобъ посовѣтоваться; какъ-только отправилось письмо, мы начали говорить о будущихъ планахъ. Миссъ Мэтти намѣревалась нанять одну комнатку, оставивъ только ту мёбель, какая была ей необходима, продать остальное, и тихо жить тѣмъ, что̀ останется ей отъ найма за квартиру. Я была болѣе честолюбива и менѣе довольна. Я думала о томъ, сколько можетъ женщина, старѣе средняго возраста и съ воспитаніемъ, какое получали женщины за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, добывать для жизни, не выходя изъ своего сословія; но, наконецъ, я отложила въ сторону этотъ послѣдній пунктъ и желала узнать, что́ хочетъ дѣлать миссъ Мэтти.

Уроки, разумѣется, прежде всего приходили на мысль: еслибъ миссъ Мэтти могла чему-нибудь учить дѣтей, то жила бы, окруженная маленькими созданіями, которыми восхищалась ея душа. Я перебрала въ умѣ ея дарованія. Какъ-то разъ она сказала, что можетъ съиграть: «Ah! vous dirai-je, maman?» на фортепьяно; но это было давно, очень-давно; и слабая тѣнь музыкальнаго дарованія исчезла, много лѣтъ назадъ. Она умѣла также когда-то рисовать очень-милые узоры для кисейныхъ вышивокъ, наложивъ сквозную бумагу на узоръ, приложивъ стекло, проводя карандашомъ по зубцамъ и кружечкамъ.

Но это были самые искусные подвиги въ рисованьи, и не думаю, чтобъ съ ними можно было уйдти далеко. Что касается до отрасли серьёзнаго англійскаго образованія—женскаго рукодѣлья и географіи съ ариѳметикою—чему бралась учить начальница женскаго пансіона, въ который всѣ крэнфордскіе купцы посылали своихъ дочерей, глаза миссъ Мэтти измѣняли, и я сомнѣваюсь, могла ли она счесть нитки въ гарусномъ шитьѣ, или достодолжно оцѣнить различныя тѣни, требуемыя для лица королевы Аделаиды въ вышиваньи шерстями, теперь самомъ модномъ рукодѣльѣ въ Крэнфордѣ. Что касается до употребленія глобусовъ, съ которыми я никакъ не могла сладить сама и потому, можетъ-быть, была несовсѣмъ-хорошей судьею о способностяхъ миссъ Мэтти къ обученію этой отрасли воспитанія; но мнѣ казалось, что экваторъ, тропики и тому подобные мистическіе круги были для нея истинно-мнимыми линіями, и что она смотрѣла на знаки зодіака какъ на остатки чернокнижія.

Въ дѣлѣ искусствъ она гордилась только умѣньемъ дѣлать фитили, чтобъ зажигать свѣчи, или, какъ она ихъ называетъ, fidibus, изъ разноцвѣтной бумаги, вырѣзанной наподобіе перьевъ, и вязаньемъ подвязокъ самыхъ превосходыхъ узоровъ. Я сказала однажды, получивъ въ подарокъ такую вязаную пару, что очень желала бы потерять одну на улицѣ, чтобъ заставить ею полюбоваться, но нашла, что эта шуточка, кажется, очень-невинная, до такой степени оскорбила ея чувство приличія и была принята съ такимъ серьёзнымъ испугомъ, какъ бы искушеніе не увлекло меня на-самомъ-дѣлѣ, что я сожалѣла, зачѣмъ сказала это. Эти нѣжно-сработанныя подвязки, сотня разноцвѣтныхъ свѣчныхъ фитилей, подмотки, намотанные шелкомъ по фантастическому способу, были вѣрными признаками благосклонности миссъ Мэтти. Но захочетъ ли кто платить за то, чтобъ дѣти выучились такимъ искусствамъ? и захочетъ ли миссъ Мэтти продавать, изъ–за прибыли, искусства и свѣдѣнія, изъ которыхъ она дѣлаетъ вещи цѣнныя для тѣхъ, кто ее любитъ?

Я возратилась къ чтенію, письму и ариѳметикѣ; читая главу изъ Библіи каждое утро, она всегда кашляла, когда дѣло доходило до длинныхъ словъ. Я сомнѣвалась, въ–состояніи ли она докончить главу даже при помощи всего своего кашля. Писала она хорошо и четко, но правописаніе!... Она думала, что чѣмъ страннѣе будетъ ея слогъ, чѣмъ болѣе она будетъ въ немъ затрудняться, тѣмъ бóльшую любезность окажетъ она своему корреспонденту, и слова, которыя она ставила почти правильно въ своихъ письмахъ ко мнѣ, становились сущими загадками, когда она писала къ моему отцу.

Нѣтъ! ничему она не могла научить возростающее поколѣніе Кранфорда; оно могло учиться у нея развѣ только подражать ея терпѣнію, смиренію, кротости, умѣнью не завидовать тому, чего она не умѣла дѣлать. Я обдумывала объ этомъ, покуда Марта не доложила объ обѣдѣ съ лицомъ, раздувшимся и распухшимъ отъ слезъ.

У миссъ Мэтти были нѣкоторыя особенности, которыя Марта считала причудами, нестоющими вниманія, и дѣтскими фантазіями, отъ которыхъ старая, пятидесяти-восьми-лѣтняя дама должна постараться отстать. Но въ этотъ день на все обращалось самое заботливое попеченіе. Хлѣбъ былъ разрѣзанъ съ совершенствомъ, доведеннымъ до идеала въ воображеніи миссъ Мэтти, такъ, какъ любила ея мать; занавѣсы были задернуты такъ, чтобъ закрыть голую кирпичную стѣну сосѣдней конюшни, и чтобъ показать нѣжные листки тополя, находившагося тогда во всей своей весенней красотѣ. Тонъ Марты съ миссъ Мэтти былъ точь-въ-точь такой, какой эта добрая, грубая служанка сохраняла для маленькихъ дѣтей и какимъ она никогда не говорила съ взрослыми.

Я забыла сказать миссъ Мэтти о пуддингѣ и боялась, что она станетъ кушать его, ка́къ должно; у ней въ этотъ день было очень-мало апетита; я воспользовалась тѣмъ временемъ, когда Марта унесла блюдо, чтобъ ввести ее въ секретъ. Глаза миссъ Мэтти наполнились слезами; она не могла даже выговорить ни слова, чтобъ выразить удивленіе или восхищеніе, когда Марта воротилась, неся торжественно пуддингъ, сдѣланный удивительно, въ видѣ лежачаго льва. Лицо Марты сіяло торжествомъ; она поставила его передъ миссъ Мэтти съ ликующимъ: «вотъ!» Миссъ Мэтти хотѣла изъявить благодарность, но не могла; она взяла руку Марты и съ жаромъ ее пожала, отчего Марта расплакалась и я сама съ трудомъ могла сохранить приличное спокойствіе. Марта бросилась вонъ изъ комнаты, а миссъ Мэтти должна была прокашляться разъ или два прежде, чѣмъ могла заговорить. Наконецъ она сказала:

— Я хотѣла бы сохранить этотъ пуддингъ подъ стекломъ, душенька!

Мысль о возлежащемъ львѣ съ его изюмными глазами, на почетномъ мѣстѣ надъ каминомъ, разсмѣшила меня до истерики и я начала хохотать, что̀ нѣсколько удивило миссъ Мэтти.

— Я увѣрена, душенька, что видѣла подъ стекломъ вещи гораздо-менѣе достойныя вниманія, сказала она.

И я также, да еще ка́къ часто. Я постаралась успокоиться, но съ трудомъ могла удержаться отъ слезъ, и мы обѣ напали на пуддингъ,

который былъ точно превосходенъ, только каждый кусокъ, казалось, давилъ насъ — такъ наши сердца были переполнены.

Мы были такъ заняты мыслями, что не могли много разговаривать въ этотъ день. Онъ прошелъ очень-молчаливо. Но когда принесла Марта чайный приборъ, новая мысль пришла мнѣ въ голову. Почему бы миссъ Мэтти не продавать чаю, не быть агентомъ Чайнаго Общества Восточной Индіи, тогда существовавшаго? Я не видѣла препятствія къ исполненію этого плана, между-тѣмъ, какъ выгодъ было много, предположивъ, впрочемъ, что миссъ Мэтти можетъ спуститься до униженія заниматься чѣмъ-нибудь въ родѣ торговли. Чай не былъ ни липокъ: ни жиренъ, этихъ двухъ вещей миссъ Мэтти не могла терпѣть. Выставлять въ окошкѣ небольшое аристократическое увѣдомленіе о полученномъ ею позволеніи продавать чай, правда, будетъ необходимо, но я надѣялась, что оно помѣстится тамъ, гдѣ его никто не увидитъ. Чай былъ веществомъ нетяжелымъ и не могъ обременить слабыя силы миссъ Мэтти; единственная вещь, представлявшая затрудненіе, была покупка и продажа.

Между-тѣмъ, какъ я давала разсѣянные отвѣты на вопросы миссъ Мэтти, почти такіе же разсѣянные, мы услышали на лѣстницѣ шумъ, дверь отворилась и затворилась какъ-будто какой-то невидимой силой. Вскорѣ явилась Марта, таща за собою высокаго молодаго парня, раскраснѣвшагося, какъ рака, отъ робости, и находящаго единственное спасеніе въ приглаживаньи своихъ волосъ.

— Извините, это Джимъ Гэрнъ, сказала Марта вмѣсто рекомендаціи; она такъ запыхалась, что мнѣ представилось, не выдержала ли она драку, прежде чѣмъ побѣдила его сопротивленіе быть представлену въ аристократическую гостиную миссъ Матильды Дженкинсъ.

— Онъ желаетъ на мнѣ жениться. Онъ имѣетъ желаніе также взять жильца, тихаго жильца, и мы возьмемъ очень-покойный домъ. Ахъ, милая миссъ Мэтти, если смѣю предложить, не будете ли вы согласны жить у насъ? Джимъ тоже этого желаемъ. (Джиму) Ну ты, болванъ! развѣ ты не можешь подтвердить что̀ я говорю; но ему все-таки больно хочется—не такъ ли Джимъ? — только изволите видѣть, онъ потерялся, потому-что не привыкъ говорить съ барыней.

— Совсѣмъ не то, вмѣшался Джимъ. — Ты вдругъ на меня напала; я совсѣмъ не думалъ жениться такъ скоро, а такое торопливое дѣло совсѣмъ ошеломитъ человѣка. Не то, чтобъ я былъ противъ этого, сударыня (обращаясь къ миссъ Мэтти), только Марта ужь такая проворная, коли заберетъ что̀ себѣ въ голову, а женитьба, су-

дарыня, женитьба вѣдь на вѣкъ связываетъ человѣка. Осмѣлюсь сказать, какъ обвѣнчаюсь, такъ тогда ужь мнѣ будетъ все-равно.

— Извините, сударыня, сказала Марта, которая дергала его за рукавъ, толкала подъ локоть и всячески старалась перебить его во все время, какъ онъ говорилъ:—не слушайте его, онъ образумится. Вотъ прошлый вечеръ онъ приставалъ ко мнѣ—да́, приставалъ, зачѣмъ я говорила, что не бывать этому еще много лѣтъ; а теперь это онъ свихнулся отъ радости. Только ты вѣдь, Джимъ, также, какъ я, желаешь имѣть жильца? (Опять толканье подъ локоть).

— Ну если миссъ Мэтти будетъ у насъ жить, пожалуй; а то я не хочу напичкать домъ чужими, сказалъ Джимъ съ недогадливостью, взбѣсившею Марту, которая старалась представить, будто они ужасно желаютъ имѣть жильца и будто миссъ Мэтти окажетъ имъ большую милость, если согласится съ ними жить.

Миссъ Мэтти была сбита съ толку этой четой: внезапное рѣшеніе несогласной пары, или, скорѣе, одной Марты, въ пользу брака изумило ее и помѣшало ей согласиться на планъ, принятый Мартой къ сердцу. Миссъ Мэтти начала:

— Бракъ дѣло весьма-важное, Марта.

— Точно такъ, сударыня, молвилъ Джимъ.— Не то, чтобъ я имѣлъ что-нибудь противъ Марты...

— Ты приставалъ ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, чтобъ я назначила день нашей свадьбы, сказала Марта съ лицомъ въ огнѣ и готовая заплакать отъ досады: — а теперь стыдишь меня передъ барыней.

— И, нѣтъ Марта, право нѣтъ! право нѣтъ! только вѣдь надо же перевести духъ, сказалъ Джимъ, стараясь поймать ее за руку, но напрасно. Видя, что она серьёзнѣе обижена, нежели онъ предполагалъ, онъ старался собрать свои разсыпавшіяся мысли и съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели за десять минутъ передъ тѣмъ я ожидала отъ него. Онъ обернулся къ миссъ Мэтти и сказалъ: — Надѣюсь, сударыня, вамъ извѣстно, что я питаю почтеніе ко всѣмъ, кто былъ милостивъ къ Мартѣ. Я давно считалъ, что она будетъ моей женой. Она зачастую говорила объ васъ, какъ о добрѣйшей барынѣ на свѣтѣ; и хотя, по правдѣ сказать, мнѣ нежелательно имѣть жильцовъ простыхъ; а если вамъ, сударыня, угодно сдѣлать намъ честь жить съ нами, я знаю навѣрнякъ, что Марта все сдѣлаетъ, чтобъ васъ успокоить; а я постараюсь всегда какъ можно меньше попадаться вамъ на глаза, что̀, какъ мнѣ сдается, самое лучшее дѣло, какое только можетъ сдѣлать такой неуклюжій парень, какъ я.

Миссъ Мэтти весьма старательно снимала свои очки, вытирала ихъ и надѣвала; но могла только сказать:

— Пожалуйста не примѣшивайте мысль обо мнѣ къ вашей женитьбѣ; пожалуйста не примѣшивайте! Бракъ дѣло весьма-важное.

— Миссъ Матильда подумаетъ о твоемъ предположеніи, Марта, сказала я, пораженная выгодами, которыя оно представляло, и не желая потерять случай обдумать его. — И, будьте увѣрены, ни она, ни я, мы никогда не забудемъ твоего добраго расположенія, ни твоего также, Джимъ.

— Ну точно такъ, сударыня. Я, право, говорилъ по сердечному расположенію, хоть немножко одурѣлъ, что мнѣ такъ вдругъ вбили въ голову женитьбу, и не могу выразиться по приличеству. А право, охоты у меня довольно и, дай срокъ, привыкну. Ну, дѣвка, полно хныкать, къ-чему дуешься, коли я подхожу?

Послѣднее было сказано sotto voce и имѣло слѣдствіемъ заставить Марту броситься стремглавъ изъ комнаты; женихъ побѣжалъ за нею успокоивать ее. Миссъ Мэтти заплакала отъ чистаго сердца и объяснила это тѣмъ, что мысль о скоромъ замужствѣ Марты совершенно ее поразила, и что она никогда не проститъ себѣ, что заставила бѣдняжку поспѣшить. Я кажется, больше сожалѣла о Джимѣ; но обѣ мы съ миссъ Мэтти оцѣнили добрыя расположенія доброй четы, хотя говорили объ этомъ мало, а напротивъ того, очень-много о выгодахъ, невыгодахъ и опасностяхъ брака.

На слѣдующее утро, очень-рано, я получила записку отъ миссъ Поль, такъ таинственно-сложенную и столькими печатьми запечатанную, что не могла распечатать и должна была разорвать бумагу. Что же касается до содержанія, я съ трудомъ могла понять его — до-того оно было запутано и загадочно. Я успѣла, однако, понять, что миссъ Поль проситъ меня къ себѣ въ одиннадцать часовъ; *одиннадцать* было написано и прописью и числами, а утромъ два раза подчеркнуто, какъ-будто я могла вздумать прійдти въ одиннадцать часовъ ночи, между-тѣмъ, какъ весь Кренфордъ обыкновенно лежитъ въ постели и спитъ глубокимъ сномъ въ десять часовъ. Подписи не было, исключая начальныхъ буквъ имени и фамиліи миссъ Поль; но такъ-какъ Марта, подавая мнѣ записку, сказала: «миссъ Поль приказала кланяться», то не требовалось колдовства, чтобъ узнать, кто прислалъ ее; а такъ-какъ имя особы, написавшей записку должно было оставаться въ-тайнѣ, то хорошо случилось, что я была одна, когда Марта подала ее.

Я отправилась къ миссъ Поль. Дверь отворила мнѣ ея маленькая служанка, Лидзи, въ праздничномъ нарядѣ, какъ-будто какое-нибудь

важное происшествіе предстояло въ этотъ будничный день. Гостиная была убрана сообразно съ этой мыслью. Столъ былъ накрытъ лучшею скатертью съ нужными матеріалами для письма. На небольшомъ столикѣ стоялъ подносъ съ только-что откупоренной бутылкой настойки изъ скороспѣлокъ и нѣсколькими бисквитами. Сама миссъ Поль была въ торжественномъ уборѣ, какъ-будто для пріема гостей, хотя было только одиннадцать часовъ. Мистриссъ Форрестеръ, которая была тутъ, плакала тихо и грустно, и мой приходъ вызвалъ новыя слезы. Прежде чѣмъ мы кончили обычныя привѣтствія, произнесенныя съ плачевной таинственностью, раздался новый стукъ и явилась мистриссъ Фиц-Адамъ, раскраснѣвшаяся отъ ходьбы и волненія. Казалось, что все это были гостьи приглашенныя, потому-что миссъ Поль сдѣлала разныя приготовленія, чтобъ приступить къ открытію митинга, поправила огонь, растворила и затворила дверь, прокашлялась и высморкала носъ. Потомъ посадила насъ всѣхъ вокругъ стола, позаботившись помѣстить меня напротивъ себя, и напослѣдокъ освѣдомилась у меня, справедливо ли, какъ она того опасалась, грустное извѣстіе, что миссъ Мэтти лишилась всего своего состоянія?

Разумѣется, я могла отвѣчать только «да», и никогда не приводилось мнѣ видѣть болѣе неподдѣльной печали, какъ та, которая выразилась теперь на лицахъ трехъ женщинъ, сидѣвшихъ передо мной.

— Я желала бы, чтобъ мистриссъ Джемисонъ была здѣсь, сказала наконецъ мистриссъ Форрестеръ; но, судя по лицу мистриссъ Фиц-Адамъ не раздѣляла этого желанія.

— Но и безъ мистриссъ Джемисонъ, сказала миссъ Поль, съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства въ голосѣ: — мы, кренфордскія дамы, собравшіяся въ моей гостиной, можемъ рѣшить что-нибудь. Я полагаю, что ни которая изъ насъ не можетъ назваться богатой, хотя всѣ мы обладаемъ приличнымъ состояніемъ, достаточнымъ для особъ со вкусомъ изящнымъ и утонченнымъ, которыя, еслибъ даже имѣли возможность, не предались бы пошлому чванству.

Тутъ я примѣтила, что миссъ Поль взглядываетъ на небольшую бумажку, скрытую въ рукѣ ея, на которой, я полагаю, она сдѣлала нѣкоторыя отмѣтки.

— Миссъ Смитъ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ (болѣе извѣстную предстоящему собранію, какъ «Мэри»; но это былъ торжественный случай, я совѣщалась съ этими дамами), я сочла нужнымъ сдѣлать это вчера, узнавъ о несчастіи, приключившемся съ нашей пріятельницей, и всѣ мы согласились, что если у насъ есть излишекъ, то это не только обязанность, но и удовольствіе, истинное удовольствіе, Мэри...

голосъ ея нѣсколько тутъ прервался и она должна была вытереть свои очки прежде, чѣмъ стала продолжать: — сдѣлать все, что мы можемъ, чтобъ помочь миссъ Матильдѣ Дженкинсъ. Но въ уваженіе чувствъ деликатной независимости, существующей въ мысляхъ каждой благовоспитанной персоны изъ числа дамъ (я примѣтила, что она опять обратилась къ своей бумажкѣ) мы желаемъ помочь ей нашими крохами тайнымъ и скрытнымъ образомъ, чтобъ не оскорбить чувствъ, о которыхъ я упоминала. Предметъ нашей просьбы къ вамъ, пожаловать ко мнѣ сегодня утромъ, состоитъ въ томъ, что, считая васъ дочерью... что вашъ отецъ, ея довѣренный совѣтникъ во всѣхъ финансовыхъ случаяхъ, мы полагали, что, посовѣтовавшись съ нимъ, мы можемъ придумать какой-нибудь способъ, по которому наше содѣйствіе можетъ показаться законнымъ правомъ, получаемымъ миссъ Матильдой Дженкинсъ отъ ... вѣроятно, отецъ вашъ, зная, гдѣ вложены ея деньги, можетъ дополнить пропускъ.

Миссъ Поль заключила свой адресъ и осмотрѣлась кругомъ, ища одобренія и согласія.

— Я выразила ваши мысли, милостивыя государыни, не такъ ли? и пока миссъ Смитъ обдумываетъ отвѣтъ свой, позвольте мнѣ предложить вамъ небольшую закусочку.

Мнѣ нечего было придумывать отвѣтъ; я чувствовала въ сердцѣ слишкомъ-много благодарности за ихъ добрую мысль, чтобъ выразить ее громкими словами; поэтому я только пробормотала что-то въ родѣ, что «я увѣдомлю батюшку о томъ, что сказала миссъ Поль и, если можно, что-нибудь устроить для милой миссъ Мэтти...» Здѣсь я должна была совершенно остановиться и освѣжиться стаканомъ воды прежде, чѣмъ могла скрыть слезы, накопившіяся въ эти послѣдніе два или три дня. Хуже всего было то, что всѣ мы плакали. Плакала даже миссъ Поль, говорившая разъ сто, что выказывать волненіе передъ кѣмъ бы то ни было она считаетъ знакомъ слабости и недостаткомъ самообладанія. Она пришла въ себя съ нѣкотораго рода досадою, направленною противъ меня, какъ зачинщицы, и, кромѣ-того, я думаю, ей было прискорбно, что я не могла отплатить ей рѣчью такою блистательною какъ ея рѣчь, еслибъ я знала напередъ, что будетъ сказано, и еслибъ у меня была бумажка съ приготовленными выраженіями насчетъ чувствъ, которыя должны были возбудиться въ моемъ сердцѣ, я попробовала бы сдѣлать ей удовольствіе. Какъ бы то ни было, мистриссъ Форрестеръ заговорила первая, когда мы пришли въ себя.

— Я не затрудняюсь сказать между друзьями, что я... нѣтъ! я собственно не бѣдна, но не думаю, чтобъ могла считаться тѣмъ, что

называется богатая женщина. Я желала бы быть богатой ради миссъ Мэтти... но позвольте, я напишу въ запечатанной бумажкѣ, чтò могу дать. Я желала бы бòльшаго, право желала бы, милая Мери.

Теперь я увидѣла, зачѣмъ были приготовлены перья, бумага и чернила. Каждая дама написала сумму, которую могла давать ежегодно, подписала бумагу и запечатала ее таинственно. Въ случаѣ принятія ихъ предложенія, отецъ мой долженъ былъ распечатать бумажки подъ обязательствомъ хранить тайну. Если нѣтъ, онѣ должны быть возвращены по принадлежности.

Когда эта церемонія окончилась, я стала прощаться; но каждая дама, казалось, желала имѣть со мною тайное совѣщаніе. Миссъ Поль задержала меня въ гостиной, изъясняя, кàкъ въ отсутствіе мистриссъ Джемисонъ она взяла на себя управлять «ходомъ этого дѣла» (кàкъ ей было угодно это называть) и такъ же увѣдомить меня, что она слышала изъ вѣрнаго источника, что мистриссъ Джемисонъ возвращается домой въ состояніи величайшаго неудовольствія противъ своей невѣстки, которая немедленно выѣзжаетъ изъ ея дома и, какъ кажется, ѣдетъ въ Эдинбургъ сегодня же. Разумѣется, это извѣстіе не могло быть передано мнѣ при мистриссъ Фицъ-Адамъ, особенно потому, какъ предполагала миссъ Поль, что бракъ леди Гленмайръ съ мистеромъ Гоггинсомъ не могъ состояться теперь, по причинѣ негодованія мистриссъ Джемисонъ. Дружескіе разспросы о здоровьѣ миссъ Мэтти заключили свиданіе мое съ миссъ Поль.

Спускаясь съ лѣстницы, я нашла мистриссъ Форрестеръ, ожидающую меня при входѣ въ столовую; она отвела меня въ сторону и, заперевъ дверь, пробовала нѣсколько разъ начать разговоръ, до-того далекій отъ настоящаго предмета, что я стала отчаяваться, поймемъ ли мы наконецъ другъ друга. Наконецъ она объяснилась; бѣдная старушка дрожала все время, какъ-будто объявляла о великомъ преступленіи, увѣдомляя меня, какъ мало, ужасно-мало имѣла она средствъ къ жизни; она сдѣлала это признаніе изъ опасенія, чтобъ мы не подумали, будто небольшое приношеніе, написанное на ея бумажкѣ, соразмѣрялось съ ея любовью и уваженіемъ къ миссъ Мэтти. И однако, эта сумма, которую она съ такимъ жаромъ уступала, была на самомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ двадцатая часть изъ того, чѣмъ она должна была жить, содержать домъ, дѣвочку для прислуги—все, чтò было прилично для урожденной Тиррелль. А когда весь доходъ не простирается до ста фунтовъ, то длятого, чтобъ отдавать изъ него двадцатую часть, сколько потребуется заботливой экономіи, сколько самоотверженія, героизма, ничтожнаго и незначительнаго въ разсчетахъ свѣта, но имѣю-

щаго огромную цѣну въ другой счетной книгѣ, о которой я слыхала. Она такъ хотѣла бы теперь быть богатой и повторяла безпрестанно это желаніе безъ всякой мысли о самой себѣ, а единственно съ сильнѣйшимъ, горячимъ расположеніемъ быть въ-состояніи увеличить мѣру удобствъ миссъ Мэтти.

Нескоро я могла на столько ее утѣшить, чтобъ рѣшиться ее оставить; и, выходя изъ дому, нашла подстерегавшую меня мистриссъ Фицъ-Адамъ, которая также хотѣла сообщить мнѣ по секрету нѣчто совершенно-противоположное. Ей не хотѣлось написать все то, чтó она можетъ и готова предложить: ей казалось, что она не будетъ въ-состояніи взглянуть въ лицо миссъ Мэтти, если она осмѣлится дать ей столько, сколько бы ей хотѣлось.

— Миссъ Мэтти, продолжала она: — такая была благородная барышня, когда я была ничто иное, какъ деревенская дѣвушка, ходившая на рынокъ съ яицами и масломъ и тому подобными принадлежностями. Батюшка, хотя зажиточный человѣкъ, всегда заставлялъ меня ходить на рынокъ, какъ до меня ходила матушка; я отправлялась въ Крэнфордъ каждую субботу прицѣниваться, и такъ далѣе. Разъ я, помню, встрѣтилась съ миссъ Мэтти въ переулкѣ, который ведетъ въ Кумгёрстъ; она шла по тропинкѣ, которая, вы знаете, гораздо-выше большой дороги, а за нею шелъ какой-то господинъ и говорилъ ей что-то, а она глядѣла на цвѣты, только-что ею сорванные и ощипывала ихъ, и мнѣ показалось, будто она плакала; а потомъ, пройдя мимо, она вернулась и подбѣжала ко мнѣ спросить, да кàкъ ласково, о моей бѣдной матери, лежавшей на смертномъ одрѣ; а когда я заплакала, она взяла меня за руку, чтобъ успокоить, а господинъ ждалъ ее все время. Ея бѣдное сердечко было полно чѣмъ-то. Для меня казалось такой честью, что дочь пастора, бывшая въ Арлей-Галлѣ, разговариваетъ со мною такъ ласково. Я полюбила ее съ-тѣхъ-поръ, хотя, можетъ-быть, не имѣю на это права; но если вы можете придумать, какимъ бы образомъ я могла дать ей побольше и чтобъ этого никто не зналъ, я буду вамъ очень обязана, моя душечка, а братъ мой будетъ такъ радъ лечить ее даромъ, доставлять лекарства и піявки, и все. Я знаю, что онъ и ея сіятельство... (душечка! я ужь никакъ не думала въ то время, о которомъ я вамъ говорила, что буду когда-нибудь свояченицей сіятельной дамы)... и ея сіятельство будетъ рада сдѣлать что-нибудь для нея. Всѣ мы будемъ рады.

Я сказала ей, что совершенно въ этомъ увѣрена и согласилась на все, чего ей хотѣлось, чтобъ воротиться скорѣе домой къ миссъ Мэтти, которая могла удивиться, чтò сдѣлалось со мною, уходившею изъ дома

на два часа, однако она не примѣтила, сколько прошло времени, потому-что занималась безчисленными приготовленіями къ великому шагу— перемѣнѣ квартиры. Въ сокращеніи своихъ расходовъ она находила очевидное облегченіе, потому-что, говорила она, когда воспоминаніе о бѣдномъ мызникѣ съ его пропавшимъ пятифунтовымъ билетомъ приходило ей на умъ, она чувствовала себя лишенною чести: если это такъ ее безпокоило, то какъ же должны были безпокоиться директоры банка, которымъ гораздо-болѣе извѣстны бѣдственныя послѣдствія этого банкротства? Она почти разсердила меня, раздѣляя свое сочувствіе между этими директорами (которые, какъ она воображала, вѣрно поражены упреками совѣсти за дурное управленіе чужими дѣлами) и тѣми, кто пострадалъ подобно ей. Дѣйствительно, изъ двухъ этихъ золъ, она считала бѣдность ношей не столь тяжелой, какъ упреки совѣсти; но я тайно сомнѣвалась, чтобъ директоры были согласны съ нею.

Старыя вещи были пересмотрѣны и оцѣнены; къ-счастью, цѣнность ихъ оказалась не велика, такъ-что и продавать ихъ было безполезно; иначе миссъ Мэтти горько было бы разстаться съ такими вещами, какъ, напримѣръ, обручальное кольцо матери, или странная грубая пряжка, которой отецъ ея обезображивалъ свою манишку и проч. Однако мы привели вещи въ порядокъ, сообразно ихъ цѣнности, и были совершенно готовы къ пріѣзду батюшки на слѣдующее утро.

Я не буду утомлять васъ подробностями нашихъ дѣловыхъ занятій, и одна изъ причинъ, по которымъ я этого не разсказываю, состоитъ въ томъ, что я тогда не понимала, что̀ мы дѣлали, и теперь не могу припомнить. Мы съ миссъ Мэтти сидѣли погруженныя въ счеты, проекты, доклады и документы, въ которыхъ ни одна изъ насъ не понимала ни слова. Батюшка мой былъ проницателенъ и рѣшителенъ, какъ необыкновенно-дѣловой человѣкъ; и если мы дѣлали какіе-нибудь вопросы или выражали малѣйшее желаніе понять въ чемъ дѣло, онъ всегда рѣзко отвѣчалъ:

— Э, это ясно, какъ Божій день. Что̀ вы хотите возразить?

А такъ-какъ мы не понимали ничего изъ того, что̀ онъ предлагалъ, то намъ казалось нѣсколько-затруднительно излагать наши возраженія; сказать по правдѣ, мы сами не знали, есть ли тутъ что̀ возражать. Поэтому миссъ Мэтти пришла въ нѣкоторое нервное состояніе соглашенія и говорила: «да̀» и «конечно», при каждой паузѣ, кстати или нѣтъ; но когда я разъ присоединила и свое согласіе къ «рѣшительно» произнесенному миссъ Мэтти дрожащимъ, сомнѣвающимъ тономъ, батюшка накинулся на меня съ вопросомъ:

— Что̀ тутъ ты рѣшаешь?

Я и до-сихъ-поръ не знаю, чтò... Но я должна отдать ему справедливость, что онъ пріѣхалъ изъ Дрёмбля помочь миссъ Мэтти, хотя не могъ терять времени и хотя собственныя его дѣла находились въ весьма-плачевномъ состояніи.

Пока миссъ Мэтти вышла изъ комнаты отдать приказанія для завтрака въ грустномъ недоумѣніи между желаніемъ почтить батюшку какимъ-нибудь деликатнымъ блюдомъ и убѣжденіемъ, что теперь, потерявъ все свое состояніе, она не имѣетъ права предаваться этому желанію, я разсказала ему о собраніи крэнфордскихъ дамъ у миссъ Поль. Онъ все потиралъ глаза рукою, пока я говорила; а когда я дошла до предложенія Марты взять миссъ Мэтти въ жилицы, онъ отошелъ отъ меня къ окну и началъ барабанить пальцами по стеклу. Потомъ вдругъ обернулся и сказалъ:

— Видишь, Мэри, какъ добродѣтельная, невинная жизнь пріобрѣтаетъ друзей. Эхъ, чортъ побери! будь я пасторъ, вывелъ бы изъ этого прекраснѣйшее нравоученіе; жаль, что не хочу сказать, только путаюсь всегда; но я увѣренъ, ты чувствуешь, чтò я хочу сказать. Мы пойдемъ съ тобою прогуляться послѣ завтрака и поговоримъ побольше объ этихъ планахъ.

Завтракъ состоялъ изъ горячей сочной бараньей котлетки и остатка отъ холоднаго льва. Отъ этого послѣдняго блюда не осталось ни одного кусочка, къ великому удовольствію Марты. Потомъ батюшка сказалъ прямо миссъ Мэтти, что желаетъ поговорить со мной одной и что онъ побродитъ немножко и посмотритъ на старыя знакомыя мѣста, а я потомъ разскажу ей, чтó мы придумали. Когда мы уходили, она воротила меня, говоря:

— Помните, душенька, я осталась одна... я хочу сказать, что никто не осрамится отъ моихъ поступковъ. Я желаю сдѣлать все, чего требуетъ справедливость и честность, и не думаю, что если Дебора узнаетъ о моихъ поступкахъ тамъ, гдѣ она теперь, то будетъ стыдиться меня за поступки, несовсѣмъ-приличныя благовоспитанной дамѣ, потому-что, видите, она будетъ все знать, душенька. Только дайте мнѣ посмотрѣть, чтò я могу сдѣлать, дайте заплатить бѣднымъ людямъ сколько я могу.

Я съ чувствомъ ее поцаловала и побѣжала за батюшкой. Слѣдствія нашего разговора были таковы: если всѣ будутъ согласны, Марта и Джимъ женятся какъ-можно скорѣе и будутъ жить въ теперешней квартирѣ миссъ Мэтти; сумма, которую ежегодно жертвуютъ крэнфордскія дамы, будетъ достаточна, чтобъ заплатить за квартиру, давая

Мартѣ возможность употребить часть денегъ, получаемыхъ отъ миссъ Мэтти на доставленіе ей нѣкотораго комфорта.

Что касается продажи вещей, то сначала батюшка нѣсколько сомнѣвался. Онъ сказалъ, что старая пасторская мёбель, хотя старательно сбереженная, весьма-немного доставитъ денегъ и что это немногое будетъ какъ капля въ морѣ въ долгахъ городскаго банка. Но когда я представила, какъ деликатная совѣсть миссъ Мэтти успокоится чувствомъ, что она сдѣлала все, что̀ могла, онъ уступилъ, особенно послѣ того, какъ я ему сказала о происшествіи съ пятифунтовымъ билетомъ, хотя порядкомъ побранилъ меня, зачѣмъ я это допустила. Потомъ я намекнула на мою идею о томъ, что она могла бы увеличить свой доходъ, продавая чай, и, къ великому моему удивленію (потому-что я почти отказалась отъ этого плана), батюшка схватился за него со всей энергіей торговца. Я полагаю, что онъ сталъ считать цыплятъ прежде, чѣмъ они вывелись, потому-что тотчасъ насчиталъ выгоду, которую она можетъ получить отъ продажи болѣе чѣмъ въ двадцать фунтовъ въ годъ. Небольшая столовая должна превратиться въ лавку, безъ всякихъ унизительныхъ ея принадлежностей; столъ будетъ прилавкомъ; одно окно останется въ своемъ видѣ, а изъ другаго сдѣлается стеклянная дверь. Я очевидно поднялась въ его уваженіи за то, что придумала такой великолѣпный планъ. Я только боялась, что намъ не удастся уговорить миссъ Мэтти.

Но она была послушна и довольна всѣми нашими распоряженіями. Она знала, говорила она, что мы устроимъ для нея все какъ-можно-лучше, и только надѣялась, только полагала непремѣннымъ условіемъ, что она заплатитъ до послѣдняго фартинга все, что̀ она должна, для чести памяти своего отца, который былъ такъ уважаемъ въ Крэнфордѣ. Мы съ батюшкой условились какъ можно меньше говорить о банкѣ, даже вовсе не упоминать о немъ, если только это возможно. Нѣкоторые изъ плановъ очевидно приводили ее въ недоумѣніе, но она видѣла, какой выговоръ я получила утромъ за недостатокъ пониманія, и не отваживалась теперь на слишкомъ-многочисленные разспросы. Все кончилось прекрасно, съ изъявленіемъ надежды съ ея стороны, что никто не поторопится заключить бракъ ради ея. Когда мы дошли до предложенія, чтобъ она продавала чай, это нѣсколько ее поразило, не по причинѣ униженія личнаго достоинства, но единственно потому, что она не довѣряла своимъ силамъ въ дѣятельности на новомъ поприщѣ жизни, и робко предпочитала лишенія всякому занятію, къ которому считала себя неспособной. Однако, когда она увидѣла, что батюшка хочетъ этого непремѣнно, то сказала, что попробуетъ; и если не пойдетъ хорошо, то,

разумѣется, оставитъ это дѣло. Одно было для нея пріятно: она не думала, чтобъ мужчины когда-нибудь покупали чай; она боялась особенно мужчинъ: они всегда такъ шумятъ и пересчитываютъ сдачу такъ скоро! Еслибъ она только могла продавать конфекты дѣтямъ, она была увѣрена, что дѣти остались бы ею довольны!

IV.

Счастливое возвращеніе.

Прежде, чѣмъ я оставила миссъ Мэтти въ Крэнфордѣ, все было устроено для нея самымъ комфортэбльнымъ образомъ; даже одобреніе мистриссъ Джемисонъ на продажу чая было получено. Этотъ оракулъ затруднялся нѣсколько дней рѣшеніемъ: потеряетъ ли миссъ Мэтти этимъ поступкомъ права свои на преимущества въ крэнфордскомъ обществѣ. Думаю, что мистриссъ Джемисонъ отчасти намѣревалась досадить леди Гленмайръ даннымъ наконецъ ею рѣшеніемъ, то-есть «между-тѣмъ, какъ замужняя женщина принимаетъ званіе мужа по строгимъ законамъ этикета, незамужняя удерживаетъ положеніе, которое занималъ ея отецъ». Итакъ Крэнфорду дано было позволеніе ѣздить къ миссъ Мэтти, а онъ и безъ позволенія намѣревался ѣздить къ леди Гленмайръ.

Но каково было наше удивленіе, наше смущеніе, когда мы узнали, что мистеръ и *мистриссъ Гоггинсъ* возвращаются въ слѣдующій четвергъ. Мистриссъ Гоггинсъ! Итакъ она рѣшительно отказалась отъ своего титула и изъ хвастовства отрѣшилась отъ аристократіи, чтобъ сдѣлаться Гоггинсъ — она, которая до самой своей смерти могла называться леди Гленмайръ! Мистриссъ Джемисонъ радовалась. Она сказала, что это окончательно убѣдило ее въ томъ, чтó она знала съ самаго начала: у этой женщины были самые низкіе вкусы. Но «эта женщина» казалась такою счастливою въ воскресенье въ церкви! Мы не сочли нужнымъ опустить наши вуали съ той стороны нашихъ шляпокъ, съ которой сидѣли мистеръ и мистриссъ Гоггинсъ, какъ сдѣлала это мистриссъ Джемисонъ, лишившаяся черезъ это случая видѣть улыбку блаженства на его лицѣ и милый румянецъ на ея щекахъ. Я не увѣрена, казались ли болѣе счастливы даже Марта и Джимъ, когда послѣ обѣда они также явились глазамъ нашимъ въ первый разъ. Мистриссъ Джемисонъ утишила волненіе своей души, спустивъ стору у оконъ, какъ-будто для похоронъ, въ тотъ день, когда мистеръ и мистриссъ

Гоггинсъ принимали посѣщеніе, и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ рѣшилась продолжать подписываться на «Сен-Джемскую Хронику» — въ такомъ была она негодованіи за то, что въ этой газетѣ было напечатано извѣщеніе о бракѣ Гоггинсовъ.

Распродажа вещей миссъ Мэтти шла безподобно. Она оставила мёбель въ гостиной и въ спальнѣ; первую она должна была занимать до-тѣхъ-поръ, пока Марта найдетъ жильца, который можетъ пожелать купить ее; и эту гостиную и спальню она должна была набить разными вещами, которыя (какъ увѣрилъ ее аукціонистъ), были куплены для нея при распродажѣ неизвѣстнымъ другомъ. Я всегда подозрѣвала въ этомъ мистриссъ Фиц-Адамъ; но у ней, должно быть, былъ помощникъ, знавшій, какіе предметы особенно были дороги для миссъ Мэтти по воспоминаніямъ юности. Остальная часть дома казалась нѣсколько-пуста, разумѣется, исключая одной крошечной спальни, которой мёбель батюшка позволилъ мнѣ купить для моего собственнаго употребленія, въ случаѣ болѣзни миссъ Мэтти.

Я издержала свой небольшой запасъ денегъ, накупивъ всякаго рода конфектъ и лепешечекъ, чтобъ привлечь малютокъ, которыхъ миссъ Мэтти такъ любила, приходить къ ней. Чай красовался въ яркихъ зеленыхъ цыбикахъ, а конфекты въ банкахъ; мы съ миссъ Мэтти почти возгордились, осматривая все вечеромъ наканунѣ открытія лавки. Марта вымыла досчатый полъ до необыкновенной чистоты; онъ украсился блестящимъ кускомъ клеенки, на которомъ должны были становиться покупатели передъ прилавкомъ. Свѣжій запахъ штукатурки и извести проникъ всю комнату. Мелкія буквы вывѣски: «Матильда Дженкинсъ имѣетъ позволеніе продавать чай» были скрыты подъ косякомъ новой двери и два ящика чаю съ кабалистическими надписями стояли, готовые опорожнить свою внутренность въ чайники покупатетьницъ.

Миссъ Мэтти, какъ бы мнѣ должно было упомянуть прежде, чувствовала нѣкоторое угрызеніе совѣсти продавать чай, потому-что въ городѣ былъ уже мистеръ Джонсонъ, включавшій и этотъ предметъ въ списокъ своихъ безчисленныхъ товаровъ; и прежде чѣмъ она могла совершенно примириться съ своимъ новымъ занятіемъ, отправилась она въ его лавку, ничего мнѣ не сказавъ, поразсказать ему о замышляемомъ проектѣ и узнать, не можетъ ли это повредить его торговлѣ. Батюшка назвалъ этотъ поступокъ ея «великой глупостью» и пожелалъ узнать, что̀ сталось бы съ торговцами, еслибъ они безпрестанно совѣщались объ интересахъ другъ друга; не остановило ли бы это всякое конкуренцію? Можетъ-быть, это не годилось бы въ Дрёмблѣ, но въ Крэнфордѣ имѣло прекрасныя слѣдствія, потому-что не только мистеръ Джонсонъ ласково

уничтожилъ всякое сомнѣніе у миссъ Мэтти о возможности повредить его торговлѣ, но, какъ я знаю навѣрно, постоянно посылалъ къ ней покупателей, говоря, что чай, который онъ держитъ, самаго простаго сорта, а у миссъ Дженкинсъ находятся всевозможные отборные сорты. Дорогой чай составляетъ любимую роскошь торговцовъ и женъ богатыхъ мызниковъ, пренебрегающихъ обыкновеннымъ фамильнымъ чаемъ, который водится у многихъ порядочныхъ людей, и берутъ непремѣнно только цвѣточный и желтый.

Но воротимся къ миссъ Мэтти. Истинно-пріятно было видѣть, какъ ея безкорыстіе и простой здравый смыслъ пробуждали тѣ же самыя качества и въ другихъ. Она никогда не предполагала, чтобъ кто-нибудь вздумалъ обмануть ее, потому-что ей самой было бы такъ прискорбно обмануть другихъ. Я слышала, какъ она остановила клятвенное увѣреніе человѣка, принесшаго ей уголья, сказавъ спокойно:

— Я увѣрена, что тебѣ будетъ жаль, если ты принесъ мнѣ не полную мѣру.

И если въ угольяхъ была, утайка на этотъ разъ, я не думаю, чтобъ она случилась въ другой разъ. Всякій стыдился обмануть ея довѣріе, какъ бы стыдился сдѣлать это съ ребенкомъ. Но батюшка говорилъ: «такая простота можетъ существовать въ Крэнфордѣ, но въ свѣтѣ никуда негодится». И я воображаю, какъ долженъ быть дуренъ свѣтъ, когда, при всемъ подозрѣніи батюшки къ каждому, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и несмотря на его многочисленныя предосторожности, онъ потерялъ болѣе тысячи фунтовъ вслѣдствіе чужаго плутовства, не далѣе, какъ въ прошломъ году.

Я оставалась на столько, чтобъ утвердить миссъ Мэтти въ ея новомъ образѣ жизни и уложить библіотеку, купленную пасторомъ. Онъ написалъ любезное письмо къ миссъ Мэтти, говоря о томъ, «какъ онъ радъ имѣть библіотеку, составленную съ такимъ прекраснымъ выборомъ, какая была у покойнаго мистера Дженкинса, за какую бы то ни было цѣну». И когда она согласилась, съ чувствомъ грустной радости, чтобы эти книги опять воротились въ пасторскій домъ и снова стояли на знакомыхъ стѣнахъ, онъ прислалъ сказать, что боится, достанетъ ли у него для нихъ мѣста, и что, можетъ-быть, миссъ Мэтти будетъ такъ добра, оставитъ у себя нѣсколько томовъ. Но миссъ Мэтти сказала, что у ней есть Библія и лексиконъ Джонсона, и что она опасается имѣть мало времени для чтенія. Однако я оставила нѣсколько книгъ, изъ уваженія къ любезности пастора.

Деньги, заплаченныя имъ и вырученныя отъ продажи мебели, частью были издержаны на покупку чая, а частью отложены на черный день,

то-есть старость или болѣзнь. Сумма, правда была небольшая и послужила причиною нѣсколькихъ уклоненій отъ правды и невинныхъ обмановъ (которые я считала всегда очень-дурными въ теоріи, и желала бы не употреблять на практикѣ), потому-что мы знали, въ какое миссъ Мэтти прійдетъ недоумѣніе относительно своей обязанности, если узнаетъ, что для нея отложена небольшая сумма, между-тѣмъ какъ долги банка не заплачены. Кромѣ-того, ей никогда не говорили о томъ, что друзья ея платили за наемъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать ей объ этомъ; но таинственность придавала интересъ ихъ доброму дѣлу, и дамы не хотѣли бы отъ нея отказаться; сначала Марта должна была уклоняться отъ многихъ вопросовъ относительно ея способовъ и средствъ жить въ такомъ домѣ; но мало-по-малу благоразумное безпокойство миссъ Мэтти перешло въ уступчивость существующему устройству дѣлъ.

Я оставила миссъ Мэтти въ хорошемъ расположеніи духа. Продажа чая въ первые два дня превзошла самыя ревностныя мои ожиданія. Цѣлому городу, казалось, вдругъ показалась нужда въ чаѣ. Я желала бы измѣнить въ миссъ Мэтти только то, чтобъ она не умоляла такъ жалобно нѣкоторыхъ покупателей не брать зеленаго чаю, называя его медленнымъ ядомъ, разстроивающимъ нервы и производящимъ всякаго рода бѣдствія. Упорство ихъ въ покупкѣ его, несмотря на всѣ предостереженія, такъ ее огорчало, что я, право, думала не броситъ ли она продавать его и лишится такимъ-образомъ половины своихъ покупщиковъ; я ломала голову, придумывая примѣры долголѣтія происходившаго отъ постояннаго употребленія зеленаго чаю. Но окончательный аргументъ, рѣшившій вопросъ, была удачная моя ссылка на ворвань и сальныя свѣчи, которыя эскимосы не только любятъ ѣсть, но даже ѣдятъ съ пользой для здоровья. Послѣ этого она созналась, что «пища одного человѣка можетъ быть для другаго ядомъ», и довольствовалась только случайными нравоученіями, когда считала покупателя слишкомъ-молодымъ и невиннымъ, не знакомымъ съ вредными дѣйствіями зеленаго чая на нѣкоторыя организаціи, или привычнымъ вздохомъ, когда люди довольно-пожилые, которые должны бы поступать благоразумнѣе, предпочитали этотъ чай.

Я уѣзжала изъ Дрёмбля разъ въ три мѣсяца, чтобъ пересмотрѣть счеты и дѣловыя письма. Когда я говорю о письмахъ, мнѣ становится очень-стыдно при воспоминаніи о моемъ письмѣ къ Агѣ Дженкинсу, и я рада, что никогда не упоминала никому о моемъ посланіи. Я надѣялась, что письмо затерялось. Отвѣта не являлось, никакихъ признаковъ, что оно дошло по назначенію, не было.

Около года послѣ того, какъ миссъ Мэтти открыла лавку, я получила одно изъ іероглифическихъ посланій Марты, просившей меня пріѣхать въ Крэнфордъ какъ-можно-скорѣе. Я боялась, не занемогла ли миссъ Мэтти, отправилась въ тотъ же день и чрезвычайно удивила своею поспѣшностью Марту, отворившую мнѣ дверь. Мы пошли въ кухню, по обыкновенію, для тайныхъ совѣщаній, и тамъ Марта сказала мнѣ, что она ожидаетъ въ скоромъ времени своихъ родовъ, черезъ недѣлю или двѣ, и не думаетъ, чтобъ миссъ Мэтти это знала и желаетъ, чтобъ я увѣдомила ее объ этомъ.

— Право, миссъ, продолжала Марта съ истерическими слезами: — я боюсь, что ей это не понравится, и не знаю, кто будетъ ухаживать за нею такъ, какъ слѣдуетъ, когда я слягу въ постель.

Я успокоила Марту, сказавъ, что я останусь пока она оправится, и жалѣю только, зачѣмъ она прежде не объяснила мнѣ причины своего внезапнаго вызова, потому-что тогда я привезла бы необходимый запасъ одежды; но Марта была такъ слезлива, чувствительна и непохожа на самоё себя, что я какъ-можно-меньше говорила о себѣ, и старалась только разувѣрить Марту во всѣхъ вѣроятныхъ и возможныхъ несчастіяхъ, которыя толпились въ ея воображеніи.

Я потомъ проскользнула въ главную дверь и явилась, какъ покупательница, въ лавку, чтобъ сдѣлать миссъ Мэтти сюрпризъ и посмотрѣть, какова она въ своемъ новомъ положеніи. Былъ теплый майскій день и потому затворена была только половинка двери; миссъ Мэтти, сидя за прилавкомъ, вязала затѣйливую пару подвязокъ; затѣйливы показались онѣ мнѣ, но трудный узоръ не отягощалъ ея голову, потому-что она тихо пѣла, быстро шевеля спицы. Я назвала это пѣніемъ, но смѣю сказать, что музыкантъ не употребилъ бы такого выраженія для нескладнаго, хотя нѣжнаго жужжанья чуть-слышнаго избитаго голоса. Я поняла скорѣе изъ словъ, нежели изъ покушенія на тонъ, что она пѣла про-себя церковный псаломъ, но спокойный звукъ говорилъ объ удовольствіи и внушилъ мнѣ пріятное чувство, совершенно-гармонировавшее съ этимъ нѣжнымъ майскимъ утромъ. Я вошла. Сначала она не узнала кто это, и встала спросить, что̀ мнѣ нужно; но черезъ минуту бдительная кошка схватила вязанье, выпавшее изъ ея рукъ, отъ радости при моемъ видѣ. Я нашла послѣ небольшаго разговора, что Марта сказала правду: миссъ Мэтти вовсе не подозрѣвала о приближающемся домашнемъ событіи. Я подумала, что лучше предоставить дѣла идти своимъ чередомъ, будучи увѣрена, что когда я пріиду къ ней съ малюткой на рукахъ, то легко получу Мартѣ прощеніе, въ которомъ напрасно она сомнѣвалась, полагая, что миссъ Мэтти подумаетъ, буд-

то новорожденный потребуетъ отъ матери попеченіе, которыя будутъ измѣной службѣ миссъ Мэтти.

Но я была права. Думаю, что это качество наслѣдственное, потомучто батюшка говоритъ, что онъ рѣдко ошибается. Въ одно утро, черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, я явилась къ миссъ Мэтти съ сверткомъ фланели въ рукахъ. Она чрезвычайно была поражена, когда я показала ей, что̀ это, сыскала очки на уборномъ столикѣ и разсматривала съ любопытствомъ, съ какимъ-то нѣжнымъ удивленіемъ его крошечные члены его тѣла.

Она не могла опомниться отъ изумленія цѣлый день, но ходила на цыпочкахъ и была очень-молчалива. Она отправилась къ Мартѣ и обѣ заплакали отъ радости. Она начала поздравительную рѣчь Джиму, не знала, какъ изъ нея выпутаться и освободилась отъ своего затрудненія только звукомъ колокольчика, облегчившимъ также застѣнчиваго, и гордаго Джима, который такъ сильно сжалъ мнѣ руку, когда я поздравляла его, что, кажется, будто мнѣ еще больно и теперь.

Я была ужасно занята, пока Марта лежала. Я ухаживала за миссъ Мэтти, приготовляла ей кушанье, повѣряла счеты и разсматривала состояніе ея цыбиковъ и ящиковъ. Иногда помогала ей въ лавкѣ; и наблюденіе затѣмъ, ка̀къ она тамъ поступаетъ, забавляло меня, а иногда и нѣсколько тревожило. Если ребенокъ приходилъ спрашивать унцію миндальныхъ конфектъ—а четыре такія конфекты вѣсили нѣсколько больше — она всегда прибавляла одну лишнюю, чтобъ «дополнить вѣсъ», какъ она это называла, хотя вѣсъ и безъ того перетягивалъ. Когда я возражала противъ этого, она отвѣчала:

— Малютки такъ любятъ конфекты!

Говорить ей, что пятая конфекта вѣсила четверть унціи и составляла въ каждой продажи убытокъ для ея кармана—не было никакой пользы. Я припомнила зеленый чай и хотѣла поразить миссъ Мэтти ея собственнымъ оружіемъ. Я сказала ей, ка̀къ нездоровы миндальныя конфекты и ка̀къ вредны онѣ для маленькихъ дѣтей. Этотъ аргументъ произвелъ нѣкоторое дѣйствіе: съ-тѣхъ-поръ, вмѣсто пятой конфекты она всегда заставляла протягивать ихъ крошечныя ручонки и всыпа̀ла въ нихъ или имбирныя или мятныя лепешки, какъ предохранительное средство отъ опасностей, могущихъ произойдти отъ проданнаго вреднаго товара. Торгъ, производимый на этихъ основаніяхъ, не обѣщалъ большаго вознагражденія; но я рада была узнать, что она получила болѣе двадцати фунтовъ въ прошлый годъ отъ продажи чая, и, сверхъ-того, привыкнувъ, полюбила свое занятіе, которое ставило ее въ дружескія сношенія съ многими изъ окрестныхъ жителей. Если она

прибавляла имъ вѣсу, они, въ свою очередь, приносили разные сельскіе подарочки старой пасторской дочери: сыръ, свѣжія яица, пучокъ цвѣтовъ. «Прилавокъ бываетъ иногда совершенно покрытъ этими подарками», говорила она мнѣ.

Что касается до Крэнфорда вообще, то все въ немъ шло какъ обыкновенно. Вражда Джемисоновъ и Гоггинсовъ все еще продолжалась, если можно назвать враждою, когда только одна сторона поддерживаетъ ссору. Мистеръ и мистриссъ Гоггинсъ были очень счастливы вмѣстѣ, и, какъ многіе очень-счастливые люди, были совершенно расположены жить въ мирѣ со всѣми, и дѣйствительно, мистриссъ Гоггинсъ желала войдти снова въ милость къ мистриссъ Джемисонъ, возстановить съ нею прежнюю короткость; но мистриссъ Джемисонъ считала ихъ счастіе оскорбленіемъ для гленмайрской фамиліи, къ которой она имѣла еще честь принадлежать, и упорно отвергала всякій шагъ къ сближенію. Мистеръ Мёллинеръ, какъ вѣрный вассалъ, принялъ сторону своей госпожи. Если онъ встрѣчалъ мистера или мистриссъ Гоггинсъ, то переходилъ на другую сторону улицы и казался погруженъ въ созерцаніе жизни вообще и своего пути въ-особенности, покуда не проходилъ мимо нихъ. Миссъ Поль забавлялась желаніемъ узнать, что̀ будетъ дѣлать мистриссъ Джемисонъ, если она, или мистеръ Мёллинеръ, или кто-нибудь изъ домашнихъ, заболѣютъ; какъ она рѣшится призвать мистера Гоггинса послѣ выраженій своего презрѣнія къ нимъ. Миссъ Поль почти съ нетерпѣніемъ ожидала нездоровья, или какого-нибудь приключенія съ мистриссъ Джемисонъ, или съ ея слугами, чтобъ Крэнфордъ могъ видѣть, ка̀къ она будетъ дѣйствовать въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Марта начала оправляться и я уже назначила срокъ, неочень-отдаленный, моему отъѣзду, когда, въ одинъ день, сидя въ лавкѣ съ миссъ Мэтти (я помню, что погода была теперь холоднѣе чѣмъ въ маѣ, за три недѣли передъ тѣмъ, каминъ былъ разведенъ и дверь плотно притворена), мы увидѣли мужчину медленно-прошедшаго мимо окна и потомъ остановившагося прямо противъ двери, какъ-бы отъискивая имя, такъ старательно-скрытое. Онъ взялъ лорнетъ и нѣсколько времени отъискивалъ его; наконецъ отъискалъ. Вдругъ меня, какъ молнія, поразила мысль, что это самъ Ага! Одежда его была страннаго, чужеземнаго покроя, а лицо чрезвычайно-смугло, какъ-будто загорѣло и перегорѣло отъ солнца. Цвѣтъ лица его составлялъ странную противоположность съ густыми, бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами; глаза его были темны и проницательны; онъ какъ-то странно щурилъ ихъ, какъ-то странно съёживалъ щеку въ безчисленныя морщины, когда пристально

присматривался къ предметамъ. Онъ посмотрѣлъ такъ на миссъ Мэтти, когда вошелъ. Взглядъ его сначала остановился на мнѣ, потомъ обратился съ особеннымъ испытующимъ выраженіемъ на миссъ Мэтти. Она нѣсколько смутилась, но не болѣе того, какъ случалось съ нею всегда, когда какой-нибудь мужчина входилъ въ лавку. Она подумала, что у него, вѣрно, билетъ или по-крайней-мѣрѣ соверенъ, съ котораго ей прійдется давать сдачи, чего она весьма не жаловала. Но покупатель стоялъ прямо противъ нея, не спрашивая ничего, только смотря на нее пристально и барабаня пальцами по столу, точь-въ-точь, какъ дѣлывала это миссъ Дженкинсъ. Миссъ Мэтти собиралась спросить его, чтò ему нужно (какъ она сказывала мнѣ послѣ), когда онъ вдругъ обернулся ко мнѣ съ вопросомъ:

— Васъ зовутъ Мэри Смитъ?

— Дà, отвѣчала я.

Всѣ мои сомнѣнія касательно его личности разсѣялись и я только желала знать, чтò онъ скажетъ или сдѣлаетъ, и кàкъ миссъ Мэтти перенесетъ радостное волненіе при извѣстіи, которое онъ долженъ ей сообщить. Очевидно онъ не зналъ, кàкъ объявить о себѣ, потому-что осмотрѣлся кругомъ, какъ-бы отъискивая, чтò купить ему, чтобъ выиграть время; случилось, что глаза его упали на миндальныя конфекты и онъ смѣло спросилъ фунтъ «этихъ вещей». Я сомнѣваюсь, чтобъ у миссъ Мэтти былъ цѣлый фунтъ въ лавкѣ, и кромѣ необычайной огромности требованія, ее смутила мысль о разстройствѣ желудка, какое произведутъ онѣ, употребляемыя въ такомъ неограниченномъ количествѣ, и подняла голову, чтобъ сдѣлать возраженіе. Что-то нѣжное въ его лицѣ поразило ее въ самое сердце. Она сказала:

— Это... о, сэръ! не Питеръ ли вы? и задрожала съ головы до ногъ. Въ минуту онъ обѣжалъ кругомъ стола и схватилъ ее въ объятія, съ безслезными рыданіями старости. Я принесла ей стаканъ вина, потому-что она поблѣднѣла такъ, что и я и мистеръ Питеръ испугались. Онъ повторялъ:

— Я испугалъ тебя, Мэтти, испугалъ, моя крошка!

Я предложила, чтобъ она сейчасъ прилегла въ гостиной на диванъ; она пристально взглянула на брата, котораго крѣпко держала за руку, хотя была готова упасть въ обморокъ; но, при его увѣреніяхъ, что онъ ее не оставитъ, она позволила ему повести ее наверхъ.

Я подумала, что ничего лучше не могу сдѣлать, какъ побѣжать приготовить чаю и потомъ заняться лавкой, оставивъ брата и сестру размѣниваться другъ съ другомъ безчисленными разсказами. Я поспѣшила также разсказать новость Мартѣ, которая приняла ее съ потокомъ слезъ,

почти заразившимъ меня. Опомнившись, она спросила меня, точно ли я увѣрена, что это братъ миссъ Мэтти? Вѣдь я говорю, что у него сѣдые волосы, а она всегда слышала, что онъ былъ красивый молодой человѣкъ. Это приводило и миссъ Мэтти въ недоумѣніе за чаемъ, когда она сидѣла въ большомъ покойномъ креслѣ противъ мистера Дженкинса, чтобъ до-сыта на него наглядѣться. Она съ трудомъ могла пить, все смотря на него; а что̀ касается до ѣды, то о ней не было и рѣчи.

— Я полагаю, что жаркіе климаты очень-скоро старѣютъ людей, сказала она, какъ-бы сама-себѣ. — Когда ты уѣхалъ изъ Крэнфорда, у тебя не было ни одного сѣдаго волоса на головѣ.

— А сколько этому лѣтъ? спросилъ мистеръ Питеръ, улыбаясь.

— Ахъ, да̀! правда! Я знаю, что мы съ тобой состарѣлись, но я все-таки не думала, чтобъ мы были такъ ужь стары! Бѣлые волосы очень къ тебѣ идутъ, Питеръ, продолжала она, нѣсколько испугавшись, не оскорбила ли его замѣчаніемъ, ка̀къ его наружность поразила ее.

— Кажется, что и я тоже забываю время, Мэтти. Что̀, ты думаешь, я привезъ тебѣ изъ Индіи? Въ моемъ чемоданѣ, въ Портсмутѣ, есть для тебя платье изъ индійской кисеи и жемчужное ожерелье.

Онъ улыбнулся, забавляясь несообразностью подарка съ наружностью сестры; но это сначала не такъ ее поразило, какъ изящество привезенныхъ ей вещей. Я видѣла, что съ минуту ея воображеніе самодовольно покоилось на мысли видѣть себя въ такомъ нарядѣ; инстинктивно поднесла она руку къ шеѣ, къ этой нѣжной шеѣ, которая (какъ миссъ Поль мнѣ говорила) составляла въ юности одну изъ ея лучшихъ прелестей; но рука встрѣтилась съ складками мягкой кисеи, закрывавшими ее всегда до самаго подбородка, и это ощущеніе возвратило ее къ чувству несовмѣстности жемчужнаго ожерелья съ ея возрастомъ.

— Я боюсь, что я ужь слишкомъ-стара, сказала она: — но ка̀къ ты добръ, что подумалъ объ этомъ. Ка̀къ бы мнѣ это понравилось прежде... когда я была молода!

— Я такъ и думалъ, моя милая Мэтти. Я вспомнилъ твой вкусъ; онъ былъ такъ похожъ на матушкинъ.

При этомъ имени братъ и сестра еще нѣжнѣе пожали другъ другу руки, и хотя они хранили совершенное молчаніе, я подумала, что, можетъ-быть, они найдутъ что̀ сказать, когда мое присутствіе не будетъ стѣснять ихъ, и собиралась пойдти приготовить мою комнату для мистера Питера, намѣреваясь сама раздѣлить постель съ миссъ Мэтти. При моемъ движеніи онъ вскочилъ.

— Я долженъ пойдти занять комнату въ гостинницѣ Сен-Джорджа. Мой дорожный мѣшокъ уже тамъ.

— Нѣтъ! сказала миссъ Мэтти, въ сильномъ безпокойствѣ: — не уходи, пожалуйста, милый Питеръ... пожалуйста, Мери, не уходи!

Она была такъ взволнована, что мы оба обѣщали исполнить все, чего она желаетъ. Питеръ опять сѣлъ и протянулъ ей руку, которую, для бòльшей вѣрности, она схватила обѣими руками, а я вышла изъ комнаты, чтобъ сдѣлать распоряженія по хозяйству.

Долго, долго ночью, поздно, поздно утромъ разговаривали мы съ миссъ Мэтти. Ей такъ много надобно было разсказать мнѣ о жизни брата и приключеніяхъ, которыя онъ сообщилъ ей, когда они оставались одни. Она сказала, что все было для нея совершенно-ясно; но я ничего не могла понять изъ всей исторіи; и когда, въ слѣдующіе дни, перестала бояться мистера Питера и рѣшилась разспросить его сама, онъ засмѣялся моему любопытству и разсказалъ мнѣ исторіи до-того похожія на «не любо не слушай, а лгать не мѣшай», что я была увѣрена, что онъ насмѣхается надо мною. То, чтò я слышала отъ миссъ Мэтти, состояло въ томъ, что онъ служилъ волонтеромъ при осадѣ Рангуна, былъ взятъ въ плѣнъ, вошелъ въ милость и получилъ наконецъ свободу, пустивъ кровь начальнику небольшаго племени въ какой-то опасной болѣзни; что, освободившись послѣ нѣсколькихъ лѣтъ рабства, онъ получилъ назадъ письма свои изъ Англіи съ зловѣщей подписью: «Возвращается за смертью», и, считая себя послѣднимъ въ родѣ, поселился плантаторомъ индиго и располагалъ провести остатокъ жизни въ странѣ, къ образу жизни и къ обитателямъ которой онъ началъ привыкать. Получивъ мое письмо, онъ съ странной пылкостью, отличавшей его и въ старости, какъ въ юности, продалъ свою землю и всѣ свои владѣнія первому покупателю и вернулся домой къ бѣдной старухѣ-сестрѣ, которая считала себя счастливѣе и богаче всякой принцессы, когда глядѣла на него. Она говорила до-тѣхъ-поръ, покуда я не заснула. Я вскорѣ была пробуждена легкимъ стукомъ въ дверь, въ чемъ она попросила у меня прощенія, съ раскаяніемъ, добравшись до постели; но когда я перестала утверждать ее въ мысли, что пропавшій любимецъ былъ дѣйствительно тутъ, подъ одной кровлей съ нею, она начала бояться, не вообразила ли она себѣ все это: можетъ-быть Питеръ вовсе не сидѣлъ съ нею въ этотъ благословенный вечеръ, онъ, можетъ-быть, лежалъ мертвый далеко подъ морскими волнами, или какимъ-нибудь страннымъ восточнымъ деревомъ. И такъ было сильно ея опасеніе, что ей захотѣлось встать и пойдти убѣдиться, дѣйствительно ли онъ тутъ, прислушиваться сквозь дверь къ его правильному дыханію

(мнѣ не хочется назвать это храпѣньемъ, но я сама слышала его дыханіе сквозь двѣ запертыя двери); наконецъ мало-по-малу миссъ Мэтти успокоилась и заснула.

Не думаю, чтобъ мистеръ Питеръ воротился изъ Индіи мильйонеромъ-Набобомъ, онъ даже считалъ себя бѣднымъ; но ни онъ, ни миссъ Мэтти неочень заботились объ этомъ. По-крайней-мѣрѣ онъ имѣлъ довольно, чтобъ жить «очень-прилично» въ Крэнфордѣ вмѣстѣ съ миссъ Мэтти. Черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда, лавка была заперта и группы маленькихъ мальчишекъ радостно ждали дождя конфетъ и лепешекъ, падающаго на нихъ время-отъ-времени, когда они стояли, глазѣя на окошки миссъ Мэтти. Иногда миссъ Мэтти говорила имъ, полузакрытая занавѣсами: «милыя дѣточки, не заболѣйте», но сильная рука тянула ее назадъ и начинался еще сильнѣйшій дождь. Часть чаю была подарена крэнфордскимъ дамамъ, а остальное роздано старикамъ, помнившимъ мистера Питера въ дни его шаловливой юности. Платье изъ индійской кисеи было оставлено для милой Флоры Гордонъ (дочери миссъ Джесси Броунъ). Гордоны были за границей эти послѣдніе годы, но ихъ вскорѣ ожидали, и миссъ Мэтти, въ своей сестринской гордости, заранѣе восхищалась, какъ она покажетъ имъ мистера Питера. Жемчужное ожерелье исчезло и вскорѣ послѣ того множество красивыхъ и полезныхъ подарковъ явилось въ жилищахъ миссъ Поль и мистриссъ Форрестеръ; нѣкоторыя рѣдкія и деликатныя индійскія вещицы украсили гостиныя мистриссъ Джемисонъ и мистриссъ Фицъ-Адамъ, и я не была забыта. Между прочимъ, я получила въ красивѣйшемъ переплетѣ лучшее изданіе сочиненія доктора Джонсона; и милая миссъ Мэтти, со слезами на глазахъ, просила меня считать это подаркомъ отъ ея сестры столько же, какъ отъ нея. Словомъ, никто не былъ забытъ, и скажу болѣе, каждый, какъ бы ни ничтоженъ ни былъ, кто только показалъ дружбу къ миссъ Мэтти, могъ быть увѣренъ въ дружескомъ уваженіи мистера Питера.

V.

Миръ Крэнфорду.

Неудивительно, что мистеръ Питеръ сдѣлался любимцемъ Крэнфорда. Дамы соперничали другъ съ другомъ, кто больше будетъ имъ восхищаться, и неудивительно: ихъ спокойная жизнь была такъ оживлена пріѣзжимъ изъ Индіи, особенно потому, что пріѣзжій разсказывалъ болѣе удивительныхъ исторій, чѣмъ Синдбадъ мореходецъ, и,

какъ миссъ Поль говорила, точь-въ-точь, какъ изъ «Тысяча Одной Ночи». Что касается меня, я странствовала всю свою жизнь между Дрёмблемъ и Крэнфордомъ, и почитала весьма возможнымъ, что исторіи мистера Питера были справедливы, хотя удивительны; но потомъ я открыла, что если мы проглотили анекдотъ довольно-порядочнаго размѣра на одной недѣлѣ, то на слѣдующей чудеса значительно увеличивались, и начала сомнѣваться, особенно, когда примѣтила, что въ присутствіи сестры разсказы объ индійской жизни значительно смягчались не потому, чтобъ она знала больше насъ, напротивъ, можетъ-быть, потому именно, что она была слишкомъ-простодушна. Я примѣтила также, что когда приходилъ пасторъ, мистеръ Питеръ гораздо-скромнѣе говорилъ о тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ былъ. И я не думаю, чтобъ крэнфордскія дамы считали его удивительнымъ путешественникомъ, еслибъ слышали только его спокойные разговоры съ пасторомъ. Онѣ любили его больше всего за то, что онъ былъ, какъ онѣ называли, настоящимъ жителемъ Востока.

Однажды на избранной вечеринкѣ въ честь его, которую давала миссъ Поль и изъ которой, такъ-какъ мистрисъ Джемисонъ почтила ее своимъ присутствіемъ и прислала даже мистера Мёллинера служить, мистеръ и мистрисъ Гоггинсъ и мистриссъ Фиц-Адамъ, разумѣется, были исключены — на этой вечеринкѣ у миссъ Поль мистеръ Питеръ сказалъ, что онъ усталъ сидѣть на безпокойныхъ жесткихъ стульяхъ, и спросилъ не можетъ ли сѣсть положивъ ноги крестъ-на-крестъ. Согласіе миссъ Поль было дано съ жаромъ и онъ воспользовался имъ съ величайшею важностью. Но миссъ Поль спросила меня внятнымъ шопотомъ: «не напоминаетъ ли онъ мнѣ азіатскаго муллу», и между-тѣмъ, какъ мистриссъ Джемисонъ пространно разсуждала объ изяществѣ и удобствѣ этой позы, я припоминала, какъ мы всѣ слѣдовали примѣру этой дамы, осуждая мистера Гоггинса за пошлость, потому-что онъ просто клалъ ноги крестъ-на-крестъ, когда сидѣлъ на своемъ стулѣ. Многія изъ привычекъ мистера Питера въ ѣдѣ были нѣсколько-странны при такихъ свѣтскихъ дамахъ, какъ миссъ Поль, миссъ Мэтти и мистриссъ Джемисонъ, особенно, когда я припоминала неотвѣданный зеленый горошекъ и двухзубцовыя вилки на обѣдѣ бѣднаго мистера Гольбрука.

Имя этого господина напоминаетъ мнѣ разговоръ между мистеромъ Питеромъ и миссъ Мэтти въ одинъ лѣтній вечеръ. День былъ очень-жарокъ; миссъ Мэтти было очень-душно отъ жару, которымъ братъ ея наслаждался. Я помню, что она была не въ-состояніи нянчить ребенка Марты, что сдѣлалось ея любимымъ занятіемъ въ по-

слѣднее время, и которому было такъ же ловко у ней на рукахъ, какъ у матери. Въ тотъ день, о которомъ я говорю, миссъ Мэтти казалась болѣе обыкновеннаго слаба и томна, и оживилась только, когда солнце закатилось и диванъ ея подвинулся къ открытому окну, сквозь которое, хотя оно выходило на главную крэнфордскую улицу, вылеталъ, время-отъ-времени, душистый запахъ, приносимый съ сосѣдняго сѣнокоса нѣжнымъ вѣтеркомъ, волновавшимъ душный воздухъ лѣтнихъ сумерекъ и замиравшимъ вдали. Безмолвіе знойной атмосферы терялось въ глухомъ шумѣ, выходившемъ изъ открытыхъ оконъ и дверей; даже дѣти возились на улицѣ, несмотря на позднее время, одиннадцатый часъ вечера, наслаждаясь игрою, къ которой не были расположены во время дневнаго жара. Для миссъ Мэтти было источникомъ наслажденія видѣть, какъ немного свѣчей было зажжено даже въ тѣхъ домахъ, изъ которыхъ выходили самые веселые признаки жизни. Мы всѣ, мистеръ Питеръ, миссъ Мэтти и я, сидѣли тихо, задумавшись каждый о своемъ; вдругъ мистеръ Питеръ сказалъ:

— Знаешь ли ты, Мэтти, я готовъ бы поклясться, что ты была на дорогѣ выйдти замужъ, когда я уѣзжалъ изъ Англіи! Еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что ты проживешь и умрешь старой дѣвой, я засмѣялся бы ему въ лицо.

Миссъ Мэтти не отвѣчала. Я напрасно придумывала, какъ бы дать другой оборотъ разговору; но я какъ-будто оглупѣла и не успѣла ничего изобрѣсть; онъ продолжалъ:

— Я думалъ, что мою Мэтти возьметъ Гольбрукъ, тотъ прекрасный юноша, что жилъ въ Уддлеѣ. Вы не повѣрите теперь, Мери, но моя сестрица была нѣкогда прехорошенькой дѣвушкой, по-крайней-мѣрѣ я такъ думалъ и знаю, что думалъ такъ и бѣдный Гольбрукъ. Очень-нужно было ему умереть прежде, чѣмъ я вернулся домой поблагодарить его за всѣ его ласки къ такому негодному мальчишкѣ, какимъ я былъ тогда! Вотъ что заставляло меня думать, что онъ занятъ тобою: на всѣхъ нашихъ рыбныхъ ловляхъ мы говорили только о Мэтти и о Мэтти. Бѣдная Дебора! Какое нравоученіе она прочитала мнѣ, когда я привелъ его къ намъ завтракать однажды, а она увидала экипажъ мистриссъ Арлей и думала, что миледи заѣдетъ къ намъ. Ну, съ того времени прошло много лѣтъ, прошло болѣе, чѣмъ пол-жизни, а кажется, будто все было только вчера! Я не знаю человѣка, котораго болѣе желалъ бы имѣть зятемъ. Ты, вѣрно, дурно повела свою игру, Мэтти—вотъ и жаль, что не было братца сватомъ. Э! прибавилъ онъ, протянувъ руку, чтобъ взять ея руку, лежавшую на со-

фѣ: — что жь ты дрожишь, Мэтти? Вѣрно, отъ этого проклятаго окна. Закройте его, Мери, сію минуту!

Я такъ и сдѣлала, и потомъ, нагнувшись, чтобъ поцаловать миссъ Мэтти, увидѣла, что дѣйствительно она была холодна. Она схватила мою руку и крѣпко ее сжала, но думаю, сжала безсознательно; минуту или двѣ она говорила потомъ съ нами совершенно-обыкновеннымъ голосомъ и разъсѣяла наше безпокойство; однако терпѣливо покорилась нашимъ требованіямъ: легла въ постель и выпила стаканъ слабаго нигуса (*). Я уѣзжала изъ Крэнфорда на слѣдующій день и до отъѣзда удостовѣрилась, что все вредное вліяніе дѣйствія открытаго окна совершенно миновалось. Я надзирала за перемѣнами въ домѣ и по хозяйству впродолженіи нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль. Лавка опять превратилась въ гостиную; пустыя комнаты снова наполнились мёбелью до самаго чердака.

Были предположенія помѣстить Марту съ Джимомъ въ другой домъ, но миссъ Мэтти не хотѣла объ этомъ и слышать. Точно, я никогда не видала ее въ такомъ волненіи, какъ въ то время, когда миссъ Поль увѣряла ее, что это будетъ прекрасное распоряженіе. Пока сама Марта захочетъ остаться съ миссъ Мэтти, миссъ Мэтти будетъ слишкомъ-рада имѣть ее возлѣ себя, и Джима тоже, потому-что онъ очень-пріятный мужчина въ домѣ, потому-что она не видѣла его по цѣлымъ недѣлямъ. А что касается до дѣтей, если они всѣ будутъ такъ милы, какъ крестница ея, Матильда, то миссъ Мэтти очень-рада, если ихъ будетъ и много, лишь бы Марта была тому рада. Кромѣ-того, слѣдующая дочь должна называться Деборой; миссъ Мэтти съ трудомъ уступила упорной рѣшимости Марты, чтобъ и первая непремѣнно называлась Матильдой. Итакъ миссъ Поль надо было уступить, и она сказала мнѣ, что такъ-какъ мистеръ и мистриссъ Горнъ будутъ попрежнему жить съ миссъ Матильдой, то мы, конечно, поступили благоразумно, нанявъ въ помощницы имъ племянницу Марты.

Я оставила миссъ Мэтти и мистера Питера спокойными и довольными; единственный предметъ сожалѣнія для нѣжнаго сердца одной и для кроткой натуры другаго была несчастная ссора между мистриссъ Джемисонъ и плебеями Гоггинсами и ихъ послѣдователями. Шутя, я предсказала однажды, что это продолжится только до первой болѣзни мистриссъ Джемисонъ, или мистера Мёллинера, потому-что тогда они сами будутъ рады сдѣлаться друзьями мистера Гоггинса; но миссъ Мэтти непріятно было видѣть, что я ожидаю чьей-нибудь болѣзни такимъ

(*) Вино съ водой, приправленное лимономъ, сахаромъ и мушкатнымъ орѣхомъ.

легкомысленнымъ образомъ; и прежде, чѣмъ прошелъ годъ, все устроилось самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Я получила изъ Крэнфорда два письма въ одно прекрасное октябрское утро. Миссъ Поль и миссъ Мэтти приглашали меня пріѣхать повидаться съ Гордонами, которые воротились въ Англію живы и здоровы, съ двумя дѣтьми, теперь уже почти-взрослыми. Милая Джесси Броунъ сохранила свой милый характеръ, хотя перемѣнила имя и званіе, и написала, что она съ майоромъ Гордономъ надѣется быть въ Крэнфордѣ четырнадцатаго, и проситъ напомнить о себѣ мистриссъ Джемисонъ (упомянутую прежде всѣхъ, какъ требовало ея сіятельное званіе), миссъ Поль и миссъ Мэтти... можетъ ли она когда-нибудь забыть ихъ доброе расположеніе къ ея бѣдному отцу и сестрѣ?... также мистриссъ Форрестеръ, мистеръ Гоггинсъ (тутъ опять слѣдовалъ намекъ на доброту, оказанную покойнымъ ея родственникомъ), его супругѣ, которая должна позволить мистриссъ Гордонъ съ ней познакомиться, и которая, кромѣ-того, была знакома еще по Шотландіи ея мужу. Словомъ, было упомянуто о всѣхъ, начиная отъ пастора, поселившагося въ Крэнфордѣ въ промежутокъ времени между смертью капитана Броуна и замужствомъ миссъ Джесси, до миссъ Бетти Баркеръ; всѣ были приглашены къ завтраку, въ гостинницу Сен-Джорджа, всѣ, исключая мистриссъ Фиц-Адамъ, пріѣхавшей въ Крэнфордъ послѣ отъѣзда миссъ Джесси Броунъ, которая была приведена въ нѣкоторое уныніе этимъ исключеніемъ. Всѣ удивлялись, какъ миссъ Бетти Баркеръ включена въ почетный листъ; но миссъ Поль сказала, что мы должны припомнить незнаніе приличій жизни, въ какомъ бѣдный капитанъ воспиталъ дочерей своихъ, и ради этого измѣнить наши сомнѣнія; а мистриссъ Джемисонъ сочла даже комплиментомъ себѣ, что миссъ Бетти *ея* бывшую служанку поставила наравнѣ «съ этими Гоггинсами».

Но когда я пріѣхала въ Крэнфордъ, намѣренія мистриссъ Джемисонъ еще не были извѣстны: поѣдетъ ли эта сіятельная дама, или не поѣдетъ? Мистеръ Питеръ объявилъ, что поѣдетъ непремѣнно; миссъ Поль покачала головой и не надѣялась. Но мистеръ Питеръ былъ человѣкъ находчивый. Вопервыхъ, онъ уговорилъ миссъ Мэтти написать къ мистриссъ Гордонъ, увѣдомить ее о существованіи мистриссъ Фиц-Адамъ и попросить, чтобъ особа такая добрая, такая радушная, такая великодушная, была включена въ пріятное приглашеніе. Отвѣтъ пришелъ по первой почтѣ, съ премиленькой записочкой къ мистриссъ Фицъ-Адамъ и просьбой къ миссъ Мэтти, чтобъ она сама ее вручила и изъяснила причину прежняго опущенія. Мистриссъ Фиц-Адамъ была ужасно-рада и безконечно благодарила миссъ Мэтти. Мистеръ Питеръ

сказалъ: «предоставьте мнѣ уговорить мистриссъ Джемисонъ», и мы согласились, тѣмъ болѣе, что не знали, какъ измѣнить рѣшеніе, однажды ею принятое.

Ни миссъ Мэтти, ни мы не знали, о положеніи дѣлъ, когда миссъ Поль спросила меня наканунѣ пріѣзда мистриссъ Гордонъ: какъ мнѣ кажется, нѣтъ ли между Питеромъ и мистриссъ Джемисонъ чего-то похожаго на брачное предположеніе, потому-что мистриссъ Джемисонъ ѣдетъ завтракать въ гостинницу Сен-Джорджа. Она послала туда мистера Мёллинера изъявить желаніе, чтобъ была приготовлена скамеечка на самомъ тепломъ мѣстѣ въ комнатѣ, такъ-какъ она намѣревалась быть и знала, что тамъ кресла очень-высоки. Миссъ Поль узнала эту новость и выводила изъ нея разныя заключенія и тужила еще больше:

— Если Питеръ женится, что̀ станется съ бѣдной миссъ Мэтти? а мистриссъ Джемисонъ...

Миссъ Поль, казалось, думала, что въ Крэнфордѣ были другія дамы, которыя сдѣлали бы больше чести его выбору, и мнѣ кажется, она имѣла въ предметѣ какую-то дѣвицу, потому-что повторяла безпрестанно: «Какой недостатокъ деликатности въ женщинѣ вдовой думать о такихъ вещахъ!»

Воротившись къ миссъ Мэтти, я точно начала думать, что Питеръ располагаетъ жениться на мистриссъ Джемисонъ, и была такъ же озабочена этимъ предположеніемъ, какъ и миссъ Поль. Когда я вошла, Питеръ держалъ въ рукѣ корректуру огромной афиши. Синьйоръ Брунони, чародѣй Великаго Могола делійскаго, Раджи удскаго и великаго тибетскаго Далай ламы, и проч. и проч. дастъ въ Крэнфордѣ одно только представленіе въ слѣдующій вечеръ»; миссъ Мэтти въ восторгѣ показала мнѣ письмо Гордоновъ, обѣщавшихъ остаться въ Крэнфордѣ для этого представленія, которымъ, какъ миссъ Мэтти говорила, обязаны мы Питеру. Онъ написалъ, чтобъ синьйоръ пріѣхалъ и бралъ на себя всѣ издержки. Билеты будутъ даромъ розданы всѣмъ, и публики будетъ столько, сколько можетъ помѣститься въ комнатѣ. Словомъ, миссъ Мэтти была въ восхищеніи и говорила, что завтра Крэнфордъ напомнитъ ей праздникъ, на которомъ она была въ молодости, завтракъ въ гостинницѣ Сен-Джорджа, съ милыми Гордонами и представленіе синьйора въ залѣ собранія вечеромъ. Но я... я только смотрѣла на роковыя слова:

«*Подъ покровительствомъ* ея сіятельства мистриссъ Джемисонъ.»

Итакъ она была выбрана покровительницей увеселеній, которыя даетъ городу мистеръ Питеръ; можетъ-быть, она замѣнитъ милую миссъ Мэтти въ его сердцѣ и сдѣлаетъ жизнь ея снова одинокой! Я не могла ожи-

дать съ удовольствіемъ завтрашняго дня, и невинная преждевременная радость миссъ Мэтти только увеличивала мою досаду.

Въ-сердцахъ, въ раздраженіи, преувеличивая каждое маловажное обстоятельство, которое могло дѣйствовать на мою раздражительность, я безпокоилась и тосковала до-тѣхъ-поръ, какъ мы всѣ собрались въ гостинницу: мистеръ и мистриссъ Гордонъ, и хорошенькая Флора, и мистеръ Лудовикъ—всѣ сіяли и красотой и хорошимъ расположеніемъ духа; но я почти не обращала на нихъ вниманія, наблюдая за мистеромъ Питеромъ; я примѣтила, что миссъ Поль также была занята праздникомъ. Я никогда не видала мистриссъ Джемисонъ прежде въ такомъ восторгѣ: лицо ея было исполнено участія къ тому, что̀ говорилъ мистеръ Питеръ. Я подвинулась ближе, чтобъ послушать. Велика была моя радость, когда я услышала не слова любви; несмотря на его серьёзное лицо, онъ разсказывалъ ей о своихъ путешествіяхъ въ Индіи и описывалъ удивительную высоту Гималайскихъ Горъ; каждое новое слово увеличивало ихъ вышину и каждая новая фраза превосходила предъидущую неправдоподобіемъ, но мистриссъ Джемисонъ вѣрила всему чрезвычайно-искренно. Я полагаю, что она нуждалась въ сильныхъ ощущеніяхъ, чтобъ выйдти изъ своей апатіи. Мистеръ Питеръ довершилъ разсказъ свой, говоря, что, разумѣется, на такой высотѣ не находится животныхъ, какія существуютъ въ нижнихъ областяхъ; дичь... и все совершенно тамъ въ другомъ родѣ. Выстрѣливъ однажды въ какое-то улетающее существо, въ какое пришелъ онъ смущеніе, увидѣвъ, когда оно упало, что онъ застрѣлилъ Пери! Мистеръ Питеръ встрѣтился глазами со мной въ эту минуту и такъ лукаво мнѣ подмигнулъ, что я удостовѣрилась съ этой секунды, что онъ не думаетъ жениться на мистриссъ Джемисонъ. Она, казалось, была непріятно изумлена.

— Но, мистеръ Питеръ... убить Пери... какъ вы думаете... это несовсѣмъ-хорошо!

Мистеръ Питеръ тотчасъ же состроилъ новую гримасу и выразилъ сожалѣніе. Этотъ выстрѣлъ представился ему въ новомъ свѣдѣ въ первый разъ; но мистриссъ Джемисонъ должна припомнить, что онъ такъ долго жилъ между дикарями. Увидѣвъ, что подходитъ миссъ Мэтти, онъ торопливо перемѣнилъ разговоръ и, немного погодя, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Не оскорбляйтесь, моя миленькая, скромная Мери, моими удивительными исторіями; я смотрю на мистриссъ Джемисонъ, какъ на хорошую добычу и, кромѣ того, расположенъ умилостивить ее; а первый шагъ къ этому—разбудить ее хорошенько. Я приманилъ ее сюда, попросивъ принять подъ свое покровительство моего бѣднаго фокусника; и

не желаю оставлять ей ни минуты свободнаго времени помнить о нерасположеніи къ Гоггинсамъ, которые входятъ теперь сюда. Я желаю, чтобъ всѣ были друзьями: Мэтти не можетъ безъ огорченія слышать объ этихъ ссорахъ. Я буду продолжать свои продѣлки съ этой цѣлью, и потому вы не должны оскорбляться. Я намѣренъ войдти въ залу собранія сегодня вечеромъ съ мистриссъ Джемисонъ подъ одну руку, а съ мистриссъ Гоггинсъ подъ другую. Вотъ посмотрите, исполню ли я это.

Ужь не знаю, какъ онъ это сдѣлалъ, только ввелъ ихъ въ разговоръ между собою. Мистеръ и мистриссъ Гордонъ помогали доброму дѣлу съ совершеннымъ невѣдѣніемъ о существовавшей когда-то холодности между обитателями Крэнфорда.

Съ-этихъ-поръ въ крэнфордскомъ обществѣ наступило прежнее общее дружелюбіе, которому я очень-рада, по любви милой миссъ Мэтти къ миру и дружбѣ. Мы всѣ любимъ миссъ Мэтти и мнѣ кажется, что всѣ мы становимся добрѣе, когда она съ нами.

СТАРУХА.

I.

«Не гони неутомимо
По широкой мостовой,
Не скачи такъ скоро мимо
Ты, мой всадникъ удалой!
Не гляди ты такъ спѣсиво,
Ты не слушай такъ слегка:
Знаю я, ка̀къ молчаливо
Дума точитъ смѣльчака,
Ка̀къ просиживаетъ ночи
Онъ угрюмъ, неизлечимъ,
Ка̀къ напрасно блещутъ очи
Всѣхъ красавицъ передъ нимъ.
Средь веселій залы шумной,
Въ тишинѣ лѣсной глуши,
Знаю бредъ его безумный,
Грусть блажной его души.

«Усмѣхайся ты притворно,
Погоняй коня ты въ скокъ;
Не всегда же такъ проворно
Пронесешься, мой ѣздокъ!
Хоть стучатъ коня копыты,
Не заглушатъ словъ моихъ,
Хоть скачи ты, хоть спѣши ты,
Не уска̀чешь ты отъ нихъ!
И войдешь въ мою лачужку,
Мой красавецъ, въ добрый часъ;

Ты послушаешь старушку,
Не сведешь съ нея ты глазъ!»

Пыль вдали столбомъ взвивалась,
Проскакалъ ѣздокъ давно,
И старуха засмѣялась,
И захлопнула окно.

И какъ только слышенъ снова
Звонкій топотъ бѣгуна,
Ужь красавца молодаго
Ждетъ старуха у окна,
Слово, какъ стрѣлу вонзаетъ
Въ глубину сердечныхъ ранъ,
Взоръ за юношей бросаетъ
Какъ невидимый арканъ.
И пришло то время скоро,
Что съ утра до тьмы ночной
Ржалъ у ветхаго забора
Быстроногій вороной.

Что̀ творится у старухи
Съ чернобровымъ молодцомъ?
Ужь въ народѣ ходятъ слухи,
Слухи странные о томъ.

II.

Близь лампады одинокой
Онъ сидитъ, нетерпѣливъ,
Въ сумракъ комнаты глубокой
Очи жгучія вперивъ.
Что̀ младому сердцу снится?
Ждетъ чего оно теперь?
Дверь, бѣлѣя, шевелится,
И старуха входитъ въ дверь.
Входитъ дряхлая, сѣдая,
И садится — и опять,
Обольщая, возмущая,
Начинаетъ рѣчь шептать.

Юной грусти бредъ мятежный,
Сокровенныя мечты
Одѣваетъ въ образъ нѣжный,
Въ непорочныя черты.
Говоритъ про дѣву-чудо,
Такъ-что вѣрится едва,
И беретъ, Богъ-вѣсть откуда,
Ненаслушныя слова.
Ка̀къ щеки ея душистой
Томно блещетъ красота!
Ка̀къ сомкнуты думой чистой
Недоступныя уста!
Ка̀къ очей синѣетъ бездна
Лучезарной темнотой!
Ка̀къ они сіяютъ звѣздно
Надъ мірскою суетой!
Ка̀къ спокоенъ взоръ могучій,
Ка̀къ кудрей густая мгла
Обвиваетъ черной тучей
Юность строгаго чела!
Ка̀къ любить ее напрасно,
Ка̀къ, всесильная, она
Увлекательно-прекрасна,
Безнадежно-холодна!

А въ покоѣ темно, глухо.
Бьетъ вдали за часомъ часъ.
Соблазнительно старуха
Шепчетъ-шепчетъ свой разсказъ:
Говоритъ про дѣву-чудо,
Такъ-что вѣрится едва,
И беретъ, Богъ-вѣсть откуда,
Ненаслушныя слова...

III.

На конѣ неутомимо
По широкой мостовой
Ужь давно не скачетъ мимо
Нашъ красавецъ удалой.

Въ зимней стужѣ, въ лѣтнемъ зноѣ,
Онъ и ночью, онъ и днемъ
Въ запертомъ сидитъ покоѣ
Со старухою вдвоёмъ.
Неподвижный, весь исчахлый,
Онъ сидитъ, какъ самъ не свой,
И въ лицо старухѣ дряхлой
Смотритъ съ жадностью нѣмой.

КАРОЛИНА ПАВЛОВА.

ДНЕВНИКЪ ЧИНОВНИКА.

Статья пятая.

1807-й ГОДЪ.

1-го апрѣля. Понедѣльникъ.

Обѣдалъ сегодня въ павильйонѣ: Марья Лукична именинница. Пили за здоровье ея какимъ-то новымъ виномъ — сен-пре или сен-пере, о которомъ я никогда не слыхалъ; оно въ родѣ шампанскаго или нашего цимлянскаго, только съ горечью и на вкусъ мой вовсе-нехорошо.

Именинница проплакала почти весь обѣдъ. «Да о чемъ вы плачете?» — «Такъ». — «Безъ причины плакать нельзя». — «Можно». — «Я догадываюсь, о чемъ». — «Вѣдь вы не графъ де-Блакасъ». — «Хотите, скажу?» — «Скажите; только если также ошибетесь и заставите меня покраснѣть, то и васъ возненавижу, какъ этого рыжаго демона».

Изъ павильйона заходилъ къ Гнѣдичу; засталъ его за работой: корпитъ надъ «Леаромъ». Мнѣ показалось очень-страннымъ, что, будучи такимъ поклонникомъ Шекспира, онъ вздумалъ поправлять его; у него «Леаръ» не только не шекспировъ, но даже и не дюсисовъ: всѣ патетическія сцены сумасшествія Леара выкидываются; а, кажется, на нихъ основанъ весь интересъ пьесы. Роль, назначаемая Яковлеву, ничтожна. Замѣтно, что заботы Гнѣдича объ одной только роли Корделіи для Семеновой. Онъ началъ также переводить «Танкреда», но не хочетъ продолжать его, покамѣстъ не спуститъ съ рукъ «Леара».

Говорили о сатирѣ князя Шаховскаго, которую третьяго-дня читали у Захарова. Гнѣдичъ уже слышалъ ее у Шаховскаго, и она ему не понравилась. «Въ ней нѣтъ никакой силы», сказалъ онъ. «Ужь если писать сатиры, такъ надобно подражать Ювеналу». — «Почему жь не

подражать и Горацію?» отвѣчалъ я: «сатира князя Шаховскаго—пріятная шутка, написанная прекрасными стихами, и многіе характеры обрисованы вѣрно». — «Не спорю» возразилъ онъ: «но князь Шаховской колетъ булавками, тогда-какъ въ сатирѣ надобно поражать кинжаломъ. Впрочемъ, у него есть другая сатира: «Разговоръ цензора съ другомъ» — эта будетъ лучше, хотя и въ томъ же родѣ».

Гнѣдичъ предложилъ познакомить меня съ княземъ Шаховскимъ. Я съ радостью принялъ предложеніе, но попросилъ недѣли на двѣ отсрочки. «Или опять голова не въ порядкѣ?» спросилъ онъ меня: «и не *замытились* ли опять?»—«Нѣтъ, не то», отвѣчалъ я, «а не хочется идти къ нему съ пустыми руками; надобно рекомендоваться ему чѣмъ-нибудь: у меня есть стихи подъ заглавіемъ «Осень». На-дняхъ принесу показать ихъ вамъ; вы мнѣ скажете ваше мнѣніе, и тогда отправимся къ Шаховскому.

2-го апрѣля. Вторникъ.

Ѳедоръ Даниловичъ (*) читалъ намъ духовное завѣщаніе одного изъ старинныхъ своихъ пріятелей, Ивана Михайловича Морсочникова, умершаго, въ глубокой старости, у него на рукахъ, лѣтъ пятнадцать назадъ; оно замѣчательно какъ по странному слогу, такъ и по ребяческой, забавной откровенности завѣщателя. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи списать для своего музеума литературныхъ курьёзностей нѣкоторые параграфы этой пространной исповѣди Морсочникова, о которомъ Ѳедоръ Даниловичъ отзывается, какъ о примѣрномъ христіанинѣ, заслужившемъ въ кругу своихъ знакомыхъ смиреніемъ, добротою и самоотверженіемъ своимъ въ пользу ближняго, названіе праведника. Несмотря на этотъ отзывъ, покойникъ, кажется, былъ большой чудакъ, хотя и занималъ въ 1772 году довольно-важный постъ—секретаря, или едва-ли не члена Розыскной Экспедиціи.

«Лѣта 1784 мая въ осмый день, въ онь же празднуется память святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, я нижеименованный надворный совѣтникъ Иванъ Михайловъ сынъ Морсочниковъ, отъ-роду 68 лѣтъ, хотя и обрѣтаюся по благодати Божіей въ здравіи тѣлесномъ, полномъ умѣ и свѣжей памяти, но, помня часъ смертный, разсудилъ учинить при нижеозначенныхъ свидѣтеляхъ сіе мое духовное завѣщаніе въ примѣръ и назиданіе родному племяннику моему, единственному сыну здравствующей и понынѣ родной сестры моей Ирины Михайловой, по мужѣ Епанчиной, Гаврилѣ Алексѣеву Епанчину, ко-

(*) Контролеръ Ивановъ.

торому, окромѣ сего отеческаго моего назиданія, оставляю по кровному съ нимъ родству моему все мое имущество, поелику другихъ наслѣдниковъ, опричь его, племянника Гаврилы съ матерью, у меня нѣтъ, а именно...»

Здѣсь въ трехъ пунктахъ слѣдуетъ исчисленіе оставляемаго имущества, состоящаго въ небольшомъ домишкѣ, въ иконахъ, нѣсколькихъ серебряныхъ ложкахъ, портретѣ императрицы Екатерины II, чайной, столовой и кухонной посудѣ, небольшомъ количествѣ кой-какой мёбели, платья, и бѣлья, и наконецъ въ суммѣ 500 рублей, изъ которой половина назначалась на похоронныя издержки, раздачу по церквамъ и подаянія нищимъ; а затѣмъ уже начинаются оригинальныя наставленія племяннику.

«Пунктъ IV. Поелику означенному племяннику моему Гаврилѣ, съ егорьева дня, сирѣчь съ 23-го числа апрѣля, отъ роду минуло 21 годъ, и оный совершеннолѣтній племянникъ мой стараніемъ моимъ записанъ на службу въ Сенатскій Архивъ, въ который, по благословенію родительницы своей, а моей родной сестры, ежедневное прилежное хожденіе имѣть началъ, а потому завѣщаю ему племяннику моему Гаврилѣ, первое: идучи изъ дома на службу, такожде и со службы домой, ни въ какія увеселительныя сходбища, а наипаче зазорныя мѣста не заходить и долговременнаго стоянія на улицахъ у лотковъ съ блинами и пирогами не имѣть, и разныхъ неприличныхъ рѣчей и прибаутокъ бывающихъ около нихъ во множествѣ разнаго званія людей не слушать; второе: по приходѣ въ Архивъ довлѣетъ ему племяннику моему сотворить въ началѣ троекратное поклоненіе, при крестномъ себя знаменованіи, образу Пресвятыя Богородицы Казанскія, и посемъ съ учтивостію, какъ благовоспитанному юношѣ надлежитъ, раскланявшись съ товарищи, благочинно сѣсть на свое мѣсто, и съ достодолжнымъ вниманіемъ приступить къ переписыванію порученной отъ повытья бумаги, безошибочно; а буде бы таковой бумаги не случилося, то въ молчаніи ждать приказа отъ начальства, а тѣмъ временемъ не сидѣть въ праздности, но имѣть занятіе или чиненіемъ перьевъ, каковыхъ должно имѣть всегда немало въ запасѣ, или пробою оныхъ на подкладочномъ листѣ, дабы почеркъ былъ всегда одинаковъ, безъ царапанья и крючковъ, на каковые крючки и разводы начальствующія особы нынѣ весьма негодуютъ. А какъ бываетъ, что въ товарищахъ тѣхъ случаются такіе насмѣшники и озорники, что того и глядятъ, какъ бы надъ благовоспитаннымъ человѣкомъ учинить какое невѣжество или издѣвку, какъ тò неоднократно случалось и со мною въ началѣ моего въ Экспедиціи служенія, сирѣчь: яко бы не нарокомъ закапать тебя съ обѣихъ сторонъ черни-

лами, или напудрить пескомъ, или, стянувъ изъ кармана носовой платокъ, запачкать оный разною дрянью и всунуть его опять въ карманъ, а потомъ и спросить, «что де у тебя замаранъ носъ, ты бы молъ утерся» — а ты бывало хвать и вытащишь изъ кармана платокъ такой загаженный, что самому противно станетъ; или же оные насмѣшники доходятъ и до такого нахальства, что иной разъ приколятъ, невдомекъ тебѣ, сзади какую хульную картину, на прикладъ: козла съ рогами, или облезьяну, и подпишутъ, это молъ такой-то, а какъ ты изъ должности выдешь, такъ народъ на тебя смѣяться станетъ и указывать пальцами. Почему въ таковыхъ оказіяхъ завѣщаваю племяннику моему Гаврилѣ не имѣть огорченія и жалобами своими начальству не стужать; а поступать по обычаю христіанскому и всякую таковую издѣвку и обиду принимать со смиреніемъ и въ молчаніи, поелику обидчикамъ и познестроителямъ судитъ Богъ, а ты имъ не судья.

«Пунктъ VI. Извѣстно моему племяннику Гаврилѣ, что я отъ рожденія моего никакихъ хмѣльныхъ напитковъ не употреблялъ, и не точію заниматься горѣлкою или пивомъ, но и краснаго бутылочнаго не вкушалъ, и великое къ онымъ напиткамъ отвращеніе имѣю; чего ради за таковую трезвость отъ начальства всегда похваленъ бывалъ и Господомъ Богомъ въ здоровьѣ не оставленъ; почему и слѣдуетъ тако жь и племяннику моему отъ горячихъ напитковъ всемѣрно воздерживаться и, окромѣ двукратнаго въ сутки питія чаю, никакихъ заморскихъ и россійскихъ ошалѣніе производящихъ напитковъ не вкушать.

«Пунктъ VII. Извѣстно также племяннику моему отъ матери его, а моей сестры, скорбное житіе мое при покойницѣ женѣ моей, Авдотьѣ Никифоровнѣ—царство ей небесное и вѣчная память—колико претерпѣлъ я отъ нея истязаній біеніемъ палкою и бросаніемъ горячими утюгами; наипаче же за непринятіе отъ просителей богопротивныхъ подносовъ, неоднократно залѣпленіемъ мнѣ глазъ негодными и протухлыми яицами: того ради племяннику моему Гаврилѣ завѣщаваю жить въ безбрачіи, и прошу Господа Бога, да избавится онъ отъ неистовства женскаго, мѣру терпѣнія человѣческаго превосходящаго; а буде бы оный племянникъ мой, по Божію попущенію какимъ ни наесть случаемъ обрачился, то да не мудрствуетъ и не препирается съ сожительницею своею, паче же удаляется гнѣва ея, понеже наважденіемъ бѣсовскимъ поразить его можетъ ударомъ смертельнымъ.»

Всѣ пункты завѣщанія въ такомъ же родѣ и, дѣлая наставленія племяннику, старикъ просто разсказываетъ происшествія своей жизни. Θедоръ Даниловичъ говоритъ, что встарину помѣщать наставленія въ

завѣщаніяхъ было въ нѣкоторой модѣ. Не-ужь-то же и на формы завѣщаній могла быть мода?

5-го апрѣля. Середа.

Вчера познакомился я у гостепріимнаго А. И. Андреева (*) съ придворнымъ протодьякономъ, Петромъ Николаевичемъ Мысловскимъ (**), и смотрителемъ Эрмитажа, Васильемъ Степановичемъ Кислымъ. Пили чай съ подливкою какой-то ананасной настойки и наговорились вдоволь. Мысловскій знаетъ музыку и играетъ на фортепьяно. Голосъ у него не огромный, какъ у прочихъ протодьяконовъ, но, въ-замѣну, онъ отлично образованъ и, кажется, недолго останется въ настоящемъ званіи, а поступитъ на какую-нибудь видную священническую или протопопскую вакансію. Что касается до Кислаго, то этотъ Кислый для меня слаще сахара: звалъ къ себѣ и обѣщалъ дозволить мнѣ свободный входъ въ Эрмитажъ во всякое время. Это будетъ совершеннымъ для меня благодѣяніемъ, потому-что доставитъ мнѣ веселое занятіе по утрамъ, которыя до-сихъ-поръ проводилъ я въ одной коллежской болтовнѣ о вещахъ не только безполезныхъ, но даже и незанимательныхъ.

Толковали о нѣкоторыхъ придворныхъ чинахъ. Я удивился, что при дворѣ такъ мало штатс-дамъ: ихъ всего считается восемь, но на службѣ только четыре. Старшая изъ нихъ, княгиня Дашкова, находится въ Москвѣ, графиня Анна Родіоновна Чернышева и графиня Браницкая живутъ по своимъ деревнямъ, а графиня Салтыкова хотя и здѣсь, но во дворецъ не ѣздитъ, потому-что, по слабости нервъ, не можетъ сносить запаха помады, пудры и духовъ; остаются графини де-Литта и Ливенъ, да княгини Лопухина и Наталья Петровна Голицына, единственная штасдама, которая возведена въ это званіе нынѣшнимъ государемъ императоромъ; княгиня Голицына, вопреки существовавшему въ подобныхъ случаяхъ обычаю, пожалована штас-дамою не за заслуги мужа, который былъ только бригадиръ въ отставкѣ, но за семейныя свои добродѣтели и во вниманіи къ общему уваженію, которымъ она пользуется. Впрочемъ, она происхожденія знатнаго: дочь графа Петра Григорье-

---

(*) Коммиссаръ придворной конторы. См. «Дневникъ» 11-го января.

(**) П. Н. Мысловскій впослѣдствіи былъ ключаремъ, а наконецъ и протоіереемъ Казанскаго Собора, и въ этомъ санѣ занималъ нѣкоторое время должность увѣщателя подсудимыхъ. Авторъ «Дневника», впродолженіе своего съ нимъ знакомства, не можетъ достаточно нахвалиться дружескимъ расположеніемъ этого достойнаго человѣка и обязанъ ему многими любопытными свѣдѣніями, не всякому доступными.

Позднѣйшее примѣчаніе.

*

вича Чернышева, была фрейлиною еще въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II-й, и въ свое время считалась такою красавицею, что назначена была царицею знаменитаго турнира, о которомъ досихъ-поръ не наговорятся старожилы, съ восхищеніемъ описывая ловкость и удальство «молодцовъ» графовъ Орловыхъ.

Андреевъ увѣряетъ, что обер-гофмаршалъ графъ Толстой до такой степени бережливъ въ расходахъ по управленію и содержанію дворца, что государь иногда смѣется надъ нимъ, и одинъ разъ въ шутку назвалъ его скрягою. «Такъ не угодно ли будетъ вашему величеству поручить должность мою А. Л. Нарышкину?» отвѣчалъ графъ Толстой. Государь изволилъ расхохотаться.

4-го апрѣля. Четвергъ.

Заходилъ изъ Коллегіи къ Александрѣ Васильевнѣ. Засталъ у нея одного чиновника изъ Министерства Военныхъ Силъ, который принесъ извѣстіе о назначеніи ей за службу мужа вдовьяго пенсіона. Толстая моя красавица въ восхищеніи : обстоятельства ея округляются; показывала письмо отъ тётки, которая увѣряетъ, что будетъ доставлять ей акуратно по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, и, сверхъ-того, дастъ ей возможность обзавестись и экипажемъ. «А продолжаете ли вы гулять однѣ?» спросилъ я названную свою сестрицу. «Гуляю ежедневно и во всякую погоду» отвѣчала она : «потому-что это необходимо для моего здоровья; иногда попадаются мнѣ франты, которые подшучиваютъ надо мною, но я отшучиваюсь». Нельзя милѣе сносить положенія своего, какъ сноситъ его эта добродушная и откровенная Александра Васильевна.

Рѣшено, что «Князь Пожарскій» представленъ будетъ на театрѣ въ половинѣ будущаго мая. Роль маленькаго Георгія, сына Пожарскаго, поручена воспитаннику театральной школы, Сосницкому, который, говорятъ, подаетъ большіе надежды. Шушеринъ недоволенъ своею ролью и говоритъ, что скоро, пожалуй, заставятъ его играть наперсниковъ, слѣдуя пословицѣ : «изъѣзженному коню навозъ возить». — «Что жь это вы равняете себя съ лошадью?» сказалъ ему бывшій нà-веселѣ Прытковъ. «Не равнять же мнѣ себя съ твоимъ братомъ — осломъ», отвѣчалъ Шушеринъ.

5-го апрѣля. Пятница.

Августъ Альбанусъ, рижскій пасторъ, написалъ похвальное слово государю, которое ходитъ по рукамъ у всѣхъ здѣшнихъ именитыхъ нѣмцевъ. Всѣ, кто только имѣетъ счастье знать государя лично, утверж-

даютъ, что изображеніе его чрезвычайно-вѣрно и безъ малѣйшей лести. Меня забираетъ охота перевести нѣкоторыя мѣста изъ этого прекраснаго сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть что-то давно мнѣ знакомое: какъ-будто я уже читалъ его, или кто-нибудь подробно мнѣ о немъ разсказывалъ. На будущей страстной недѣлѣ займусь этимъ переводомъ непремѣнно: дѣло стоитъ труда.

П. Сумароковъ скомпановалъ преужасную драму «Мареа Посадница», въ которой всѣ дѣйствующія лица, другъ за другомъ, убиваются сами или другими, кромѣ одного, которое остается на сценѣ для закончанія драмы. Мареа представлена героинею, но геройство ея въ разладѣ съ здравымъ смысломъ, потому-что она въ перепискѣ съ королемъ польскимъ Казиміромъ и умышляетъ предать ему Новгородъ и своихъ согражданъ. Хороша героиня! Сумароковъ настаивалъ, чтобъ этотъ сумбуръ представленъ былъ на театрѣ; но князь Шаховской не рѣшился принять его, и поэтому между ними возникло неудовольствіе. Сумароковъ теперь аппелируетъ къ публикѣ и напечаталъ свою драму съ слѣдующимъ забавнымъ предисловіемъ:

«Актеръ г. Шушеринъ, убѣдившій меня «на скоро» (было зачѣмъ торопиться!) написать сію драму, есть «виновникъ ея порожденія» (хорошаго дѣтища далъ Богъ Шушерину!), а театръ, «обраковавшій» (точно ленъ или пеньку) оную за единое ея содержаніе, есть причиною непоявленія ея на сцену. Станокъ тиснулъ листы, мое дѣло окончено, талантъ въ продажѣ за семь гривенъ (дорого!), и читателямъ остается судить, стóитъ ли чернилъ произведеніе». (Я — читатель и сужу: не стоитъ.)

Прочитавъ это предисловіе, я подумалъ, что нахожусь въ прежнемъ своемъ галиматейскомъ обществѣ оперныхъ переводчиковъ. Если здѣшніе драматурги всѣ похожи на Сумарокова, то землякъ мой, Кобяковъ, не даромъ почитается въ мнѣніи актёровъ грамотнымъ человѣкомъ.

6-го апрѣля. Суббота.

Очередной вечеръ А. С. Хвостова отлагается до субботы ѳоминой-недѣли.

Таскался по гулянью около Гостинаго Двора. Грязь престрашная. Чадолюбивыя маменьки и бабушки толпятся около столовъ, на которыхъ разставлены игрушки, а наша братья-зѣваки бóльшею-частью глазѣютъ съ бульвара. Я замѣтилъ одного пожилаго съ огромнымъ носомъ барина, который отъискивалъ вербы о двѣнадцати херувимчикахъ и, къ крайней досадѣ своей, отъискать такой не могъ; одинъ изъ торгашей, по-

сметливѣе другихъ, подряжался изготовить ему къ вечеру огромную вербу, хоть о пятидесяти херувимчикахъ: «это все въ нашей власти» говорилъ онъ: «лишь извольте пожаловать впередъ деньги»; но баринъ на это не согласился.

Между здѣшнимъ и московскимъ гуляньями въ лазареву-субботу пребольшая разница: въ Москвѣ на Красной Площади просторъ, богатые экипажи, кавалькады — настоящее гулянье народное; здѣсь же, напротивъ, люди жмутся по одной кратчайшей линіи Гостинаго Двора такъ-что не только проѣхать, но и пройдти съ трудомъ можно: какая-то невыносимая давка, а отъ грязи только и спасенья, что бульваръ посрединѣ Невскаго Проспекта, да и на тотъ попасть не всякому удастся, потому-что сплошь покрытъ народомъ, который толчется на одномъ мѣстѣ и безотчетно зѣваетъ на всѣ четыре стороны. Это — не пріятное гулянье, а скорѣе: непріятное *стоянье*.

7-го апрѣля. Воскресенье.

Со времени войны съ французами появился въ Москвѣ особый разрядъ людей подъ названіемъ «нувеллистовъ», которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобъ собирать разныя новости, развозить ихъ по городу и разсуждать о дѣлахъ политическихъ. Разумѣется, всѣ ихъ разсужденія имѣютъ одинъ припѣвъ: «Я поступилъ бы иначе; у меня пошло бы поживѣе» и проч. Мерзляковъ въ своей пѣснѣ прекрасно обрисовалъ одного изъ этихъ господъ, живущихъ политическими новостями:

Тамо старый дуралей,
Снявъ очки съ густыхъ бровей,
Исчисляетъ въ важномъ тонѣ
Всѣ грѣхи въ Наполеонѣ.

Я думалъ, что эти люди составляютъ принадлежность одной только Москвы, въ которой иному точно и дѣлать другаго нѣчего, какъ развозить новости и толковать о политикѣ; но сегодня обѣдалъ я съ такими отчаянными (по выраженію Настасьи Дмитріевны Офросимовой) «политикантами», что наши московскіе въ подметки имъ не годятся, и пѣсня Мерзлякова какъ-будто нарочно на-счетъ ихъ была сложена; а между-тѣмъ это люди совсѣмъ не праздные и даже сановники, хотя, кажется, и не съ большимъ вѣсомъ. Одинъ изъ нихъ осуждалъ дѣйствія главнокомандующаго арміею, другой назначалъ своихъ генераловъ, а третій утверждалъ, что онъ для окончанія войны «просто взялъ бы Парижъ

а Бонапарте повѣсилъ бы какъ разбойника» и проч. и проч. Всѣ эти толки сопровождались такими неистовыми возгласами и кулачными ударами по бѣдному столу, что хозяйка дрожала за столовый свой хрусталь, а намъ становилось страшно. Охота же такъ горячиться изъ ничего! И развѣ нельзя сочувствовать общему дѣлу и принимать участіе въ теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не выходя изъ себя и не выставляя на-показъ вздорныхъ своихъ мнѣній? Я увѣренъ, что эти господа такъ гомозятся оттого, что ихъ не спрашиваютъ; а попробуй спросить ихъ — станутъ въ-тупикъ.

Но такъ-какъ всякому человѣку случается въ жизни обмолвиться умнымъ словомъ, то и одинъ изъ моихъ ораторовъ сдѣлалъ подъ конецъ обѣда очень-дѣльное замѣчаніе: «нынче у всѣхъ молодыхъ людей» сказалъ онъ «есть страстишка щегольнуть умомъ и своими способностями, а между-тѣмъ кто выходитъ въ люди? только тѣ, которые умѣютъ скрывать ихъ до благопріятнаго случая. Повѣрьте, что тотъ дурачится, кто хочетъ выказываться и возбуждать зависть въ началѣ служебной своей карьеры; онъ не кончитъ ея благополучно, если скоро не будетъ въ отставкѣ».

8-го апрѣля. Понедѣльникъ.

Похвальное слово государю, которымъ такъ мы восхищаемся и которое полагали «сочиненіемъ» пастора Альбануса, оказывается просто извлеченіемъ изъ похвальнаго слова Траяну Плинія-младшаго; но пусть и такъ: все же нельзя не поблагодарить Альбануса за то, что онъ такъ удачно и мастерски умѣлъ примѣнить плиніево изображеніе Траяна къ особѣ и качествамъ государя; напримѣръ:

«Oft versuchte ich mir den Mann zu denken, an dessen Winke Länder und Meere, Friede und Krieg hängen. Mein Geist strengte sich an, sich das Bild eines Selbstherrschers vorzustellen, der wie die Gottheit durch seinen blossen Willen alles bestimmt; aber es gelang mir nie, ein Bild zu ersinnen, das dem gleiche, welches unser aller Geiste und Herzen nun vorschwebt. — Noch kannten wir keinen Fürsten, dessen Tugenden so fleckenlos gewesen wären. Aber in diesem Fürsten—welche Harmonie, welcher Einklang aller Vorzüge und Vollkommenheiten! Welche Einfachheit, ohne den Herrscherglanz zu verdunkeln! Welche Majestät bei welcher Humanität! — Diese Festigkeit, dieser schöne Wuchs des Körpers, diese reine Schönheit der Stirn, diese männlichen Reize des Antlitzes, diese liebliche Reife des blühendesten Alters, diese schönschmückende, Vollendung verkündende blonde Haar, wie eine anerschaffne

godne Krone um das erhabene Haupt, beurkundet es nicht des Welt den gebohrnen Kaiser?»

C. IV. — Sæpe ego mecum tacitus agitavi, qualem quantumque esse oporteret, cujus ditione nutuque maria, terræ, pax, bella, regerentur: quum interea fingenti formantique mihi principem, quem aequata diis immortalibus potestas deceret, nunquam voto saltem concipere succurit similem huic, quem videmus. — Adhuc nemo excitit, cujus virtutes, nullo vitiorum confinio laederentur. At Principi nostro quanta concordia, quantusque concentus omnium laudum, omnisque gloriæ contigit! Ut nihis severitati ejus hilaritail, nihil gravitati simteicitate, nihil majestati humanitate detrahitur! Jam firmitas, jam proceritas corporis, jam honor capitis, et dignitas oris, ad hoc aetatis indeflexa maturitas, nec sine quodam munere deum festinitatis senectutis insignibus ad augendam majestatem ornata cæsaries: nonne longe lateque principem ostentant?

Или:

«Längst schon verdientest Du, die Völker zu beherrschen; aber wir hätten nicht gewusst, wie unermässlich viel Dir das Reich zu verdanken hat, wenn Du die Krone frücher getragen hättest. Der Staat hatsich an dein Herz angeschmiegt, seitdem nun du regierst, bist Du allein sorgenvoller, und alles Andere ist sorgenfreier geworden».

C. VI. — Olim tu quidem — merebare; sed nescissemus. Quantum tibi deberet imperium, si ante — esses. Confugit in sinum tuum—respublica; imperio sollicitior tu, illa securior — est.

«Seit dem das Vaterland auf Deinen Schultern ruht, ist es stark geworden durch deine Kraft, und verjüngt durch Deine Tugend».

C. VIII. — Tuis humeris se patria sustentans, tua juventa, tuo robore invaluit.

«Du hast Freunde, denn du weisst selbst Freund zu sein. Liebe wird auch von der höchsten macht nicht geboten: Liebe ist stolz, und frei, und unabhängig, und fordert Erwiederung. Ein Fürst kann zwar, vielleicht unbillig, gehasset werden, ohne selbst zu hassen; aber, ohne selbst Liebe zu geben, kann er Liebe nicht nehmen. Du liebst und wirst geliebt. Beseligend ist das für uns alle, aber der Ruhm davon ist Dein».

C. LXXXV. — Habes amicos, quia ipse amicus es. — Neque enim, ut alia subjectus, ita amor Imperatur: neque est ullus affectus tam erectus, et liber, et dominationis impatiens, nec qui magis vices etigat. Potest fortasse princeps inique, potest tamen odio esse nonulis, etiamsi ipse non oderit: Amari, nisi ipse amet, non potest. Diligis ergo, quum diligaris, et in eo, quod utrinque honestissimum est tota gloria tua est.

Нельзя безъ сердечнаго удовольствія читать этого «слова», которое все состоитъ изъ отрывковъ пліниева панегирика, почти-буквально переведеннаго; и читая его, невольно удивляешься, какъ могъ римскій писатель, за семнадцать столѣтій предъ симъ, такъ вѣрно изобразить обожаемаго нашего государя безъ особаго дара предвидѣнія и вдохновенія свыше, потому-что не только наружность, не только плѣнительныя свойства, не только возвышенный образъ мыслей, но и смыслъ самыхъ указовъ и постановленій императора Александра изображаются съ изумительною подробностью. Жаль одного, что это прекрасное «слово», не есть произведеніе писателя русскаго.

9-го апрѣля. Вторникъ.

Получено извѣстіе, что 4-го числа государь изволилъ быть съ прусскимъ королемъ въ Шиппенбейлѣ, куда прибыла и гвардія въ отличномъ порядкѣ, несмотря на форсированные марши, которые принуждена она была дѣлать. 5-го числа, въ Бартенштейнѣ, у главнокомандующаго Беннигсена былъ огромный обѣдъ, на которомъ государь присутствовалъ и былъ, говорятъ, до такой степени милостивъ къ заслуженному генералу, что при всѣхъ изъявилъ совершенное довѣріе къ его военнымъ соображеніямъ и опытности, и предоставилъ ему полную свободу дѣйствовать, какъ онъ, по обстоятельствамъ, признаетъ за лучшее. Эти вѣсти радуютъ здѣсь многихъ почтенныхъ людей, которыхъ-было встрѣвожили кой-какіе смутные слухи о предстоящихъ будто-бы перемѣнахъ въ военномъ начальствѣ.

Вечеромъ сидѣли у меня Гнѣдичъ съ Юшневскимъ, говорили, разумѣется, большею-частью о трагедіяхъ и объ актёрахъ, хотя, правду сказать, и не то время, чтобъ толковать о театрѣ, а скорѣе бы надобно было читать канонъ покаянный и особенно мнѣ, грѣшному. Гнѣдичъ увѣряетъ, что съ нѣкоторыхъ поръ русскій театръ видимо совершенствуется и, не говоря уже о прежнихъ извѣстныхъ талантахъ, которые впродолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, благодаря многимъ новымъ пьесамъ, на театръ поступившимъ, необыкновенно оживились и, можно сказать, переродились, являются на сцену таланты молодые, свѣжіе, съ лучшимъ образованіемъ и современными понятіями объ искусствѣ (*). Юшнев-

(*) Такъ прежде казалось и мнѣ; но я убѣдился впослѣдствіи, что прежніе актёры, вопреки мнѣнію Гнѣдича, не менѣе новыхъ имѣли образованіе и понятія объ искусствѣ, а сверхъ-того, обладали еще и большими физическими способностями, нужными для сцены. По этому случаю,

скій, соглашаясь съ Гнѣдичемъ, что театръ нашъ точно становится лучше, не хотѣлъ, однакожь, согласиться съ нимъ въ томъ, чтобъ это усовершенствованіе могло имѣть такое сильное вліяніе на наше общество, чтобы, какъ онъ утверждаетъ, люди большаго свѣта, пріученые иностраннымъ воспитаніемъ смотрѣть съ нѣкоторымъ равнодушіемъ на отечественныя театральныя произведенія и русскихъ актёровъ, вдругъ стали предпочитать русскій театръ иностранному и охотнѣе посѣщать его, чѣмъ французскій, и что «Эдипъ», «Димитрій Донской», «Модная Лавка» и нѣсколько другихъ пьесъ не въ-состояніи такъ скоро перемѣнить направленіе вкуса публики высшаго круга. Если жь она съ такою жадностью бросилась смотрѣть на эти пьесы, такъ не потому ли, что, по замѣчанію статскаго совѣтника Полетики, она хотѣла убѣдиться въ двухъ невѣроятныхъ для нея вещахъ, то-есть, что русскій авторъ написалъ хорошую пьесу, а русскіе актёры хорошо ее разъиграли. «Пожалуй» сказалъ онъ смѣясь: «вы, Николай Иванычъ, и опять станете увѣрять, что нѣсколько хорошихъ пьесъ и хорошихъ актёровъ нечувствительно могутъ перемѣнить образъ мыслей и поведеніе нашихъ слугъ, ремесленниковъ и рабочихъ людей и заставить ихъ, вмѣсто питейныхъ домовъ, проводить время въ театрѣ. До этого еще далеко.»

«Далеко или нѣтъ» отвѣчалъ Гнѣдичъ: «но это послѣдуетъ непремѣнно, если только явятся писатели съ талантомъ и станутъ сочинять пьесы занимательныя по содержанію и достоинству слога; если жь эти пьесы будутъ, сверхъ-того, и въ нашихъ нравахъ, то успѣхъ несомнителенъ: театры будутъ наполнены и переполнены зрителями; но та бѣда, что трудно написать хорошую пьесу, и особенно пьесу въ нашихъ нравахъ. Я знаю только одну въ этомъ родѣ, которая заслуживаетъ полнаго уваженія: это драма Ильина «Рекрутскій Наборъ»; въ ней все есть: и правильность хода, и занимательность содержанія, и ясность мысли, и теплота чувства, и живость разговора, и все это какъ-нельзя-болѣе приличествуетъ дѣйствующимъ лицамъ; жаль только, что авторъ безъ нужды заставилъ въ одной сценѣ втораго акта философствовать извощика Герасима: не будь этого промаха, драма Ильина могла бы назваться совершенною. Впрочемъ, какъ быть! Вотъ болѣе десяти лѣтъ, какъ нѣмцы соблазняютъ насъ, и я первый приношу покаянную въ прежнемъ безотчетномъ моемъ удивленіи и подражаніи нѣмецкимъ драматургамъ-философамъ».

невольно приходятъ на память слова П. А. Плавильщикова, сказанныя имъ за обѣдомъ у князя М. А. Долгорукаго. См. «Дневникъ Студента» 30-го октября 1805 г. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

10-го апрѣля. Среда.

Мнѣ доставили только-что появившіяся чрезвычайно-интересныя записки знаменитой англійской актрисы мистриссъ Робинзонъ, которой отецъ служилъ въ нашемъ флотѣ капитаномъ и умеръ здѣсь, въ Петербургѣ, въ 1785 году. Эта милая женщина, получившая отличное воспитаніе, вдругъ, по внушенію страсти къ театру, сдѣлалась, на восьмнадцатомъ году своего возраста, актрисою. Наставникомъ ея въ искусствѣ былъ Гаррикъ, который предпочиталъ игру ея въ роляхъ Юліи, Дездемоны, Офеліи и другихъ, требующихъ наиболѣе чувства, игрѣ всѣхъ актрисъ, когда-либо украшавшихъ англійскую сцену. Къ-несчастью, сценическое ея поприще было непродолжительно: на двадцать-пятомъ году, въ наиблистательнѣйшую эпоху красоты своей и таланта, она впала въ какое-то нервическое разслабленіе, приковавшее ее къ постели, съ которой не сходила уже она до самой своей кончины, послѣдовавшей на сорокъ-второмъ году ея жизни.

Болѣе шестнадцати лѣтъ провела геніальная страдалица почти въ совершенной неподвижности, лишенная употребленія рукъ и ногъ; но, твердая духомъ и бодрая умомъ, она умѣла найдти отраду въ занятіяхъ литературныхъ и нравственномъ образованіи дочери, которой диктовала прекрасныя свои стихотворенія и записки. Первыя преисполнены красотъ поэтическихъ, проникнуты глубокимъ чувствомъ, плѣнительны игривостью воображенія и свѣжестью колорита въ описаніяхъ; а послѣднія, кромѣ интересной біографіи самой писательницы, заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ и, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно-вѣрныхъ замѣчаній объ искусствѣ театральномъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи перевести нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній; оно жь кстати: эти дни ходить мнѣ нѣкуда и дѣлать нѣчего; займусь работой, которая вмѣстѣ будетъ для меня и разсѣяніемъ; по-крайней-мѣрѣ въ это время несносныхъ предчувствій не дамъ тоскѣ овладѣть собою.

11-го, 12-го и 13-го апрѣля. Четвергъ, пятница и суббота.

Die Blätter fallen, говоритъ Карлъ Мооръ; Die Blätter fallen, говорю за нимъ и я, потому-что обманывать себя безполезно; а между-тѣмъ, милая мистриссъ Робинзонъ говоритъ кой-что поумнѣе:

«Какимъ бы прекраснымъ слогомъ драматическая пьеса ни была написана и сколько бы ни было въ ней красотъ поэтическихъ, но если она не заманчива содержаніемъ и ситуаціями персонажей, то никогда не будетъ имѣть успѣха въ представленіи. Въ краткій періодъ бытно-

сти моей на сценѣ я замѣтила, что публика предпочтительно любитъ тѣ пьесы, въ которыхъ положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ болѣе или менѣе сообразно съ положеніемъ каждаго изъ зрителей: они рѣдко принимаютъ участіе въ судьбѣ какого-нибудь завоевателя или политика; имъ дѣла нѣтъ до смерти Кесаря, ни до видовъ Антонія, ни до замысловъ Октавія и борьбы этихъ честолюбцевъ за обладаніе Римомъ, но они сочувствуютъ Отелло, Леару и Гамлету, трепещутъ за Дездемону, скорбятъ объ Офеліи и плачутъ объ участи Ромео и Юліи. Справедливость сказаннаго мною еще очевиднѣе въ трагедіяхъ и драмахъ новѣйшихъ, которыхъ содержаніе взято изъ быта народнаго; какъ ни плохъ переводъ драмъ «Беверлея» и «Отца Семейства» Дидро, «Евгеніи» Бомарше и другихъ, имъ подобныхъ, но публика любитъ смотрѣть ихъ, потому-что положеніе и чувства персонажей, въ нихъ изображенныхъ, для нея понятны. Впрочемъ, несмотря на успѣхъ этихъ пьесъ, я не любила въ нихъ участвовать. Слишкомъ-изнѣженныя чувствованія, запутанныя любовныя интриги съ вѣчными клятвами безусловной вѣрности, вопреки судьбѣ и людямъ, великодушіе на ходуляхъ, припадки безразсудной и неумѣстной ревности, оканчивающіеся обыкновенно мольбою о прощеніи, низкія слабости, унижающія человѣчество, какъ-то нарушеніе супружеской вѣрности, страсть къ игрѣ и проч., эти пружины новѣйшихъ драмъ были не въ моемъ вкусѣ, и мнѣ часто случалось отказываться отъ такихъ ролей, въ которыхъ, по мнѣнію другихъ, я могла бы заслужить благоволѣніе публики.

«Вообще въ трагедіяхъ и драмахъ должно избѣгать надутаго и неестественнаго слога. Величіе всегда просто, и напыщенный разговоръ неприличенъ даже самому Кесарю. У древнихъ трагиковъ и у Шекспира люди говорятъ и дѣйствуютъ, какъ они говорить и дѣйствовать должны; но драматурги нашего времени, кажется, незнакомы съ приличіями сцены: они не заставляютъ своихъ персонажей говорить и дѣйствовать свойственнымъ каждому образомъ и часто обращаютъ царей въ поселянъ, и обратно.

«Первымъ качествомъ трагедіанта должна быть глубокая чувствительность; качествомъ комедіанта — увлекательная веселость; но главнѣйше требуется отъ обоихъ — истины. Трагедіантъ не долженъ быть проповѣдникомъ, а комедіантъ—площаднымъ шутомъ. Пусть первый ужасаетъ и трогаетъ, но не доводитъ ужаса до отвращенія и омерзѣнія; пусть другой заставляетъ смѣяться, но не доводитъ смѣха до презрѣнія. Они не должны забывать, что благородное искусство декламаціи требуетъ совокупныхъ качествъ и великаго ритора и великаго живописца; искусство декламаціи также, какъ искусство ритора и живописца, не

терпитъ посредственности, и тѣ изъ сценическихъ художниковъ могутъ одни достигнуть истинной славы, которые достигли совершенства; прочіе же бываютъ по-необходимости только терпимы и часто презираемы.

«Природа рѣдко надѣляетъ людей нужными способностями для сценическаго поприща; но если находятся счастливцы, надѣленные ея дарами, то сколько необходимо имъ труда и терпѣнья для развитія этихъ способностей! сколько требуется ученія, изслѣдованій и соображеній для усовершенствованія этого развитія, а послѣ сколько настойчивыхъ усилій, чтобъ уже пріобрѣтенное искусство обратить опять въ природу!

«Всякое театральное сочиненіе безъ хорошихъ актёровъ—тѣло безъ души; но въ трагедіи соединеніе первоклассныхъ талантовъ невозможно, и до-сихъ-поръ никто не встрѣчалъ его. Довольно и того, если общее согласіе дѣйствующихъ лицъ неслишкомъ-разительно нарушается посредственностью нѣкоторыхъ второразрядныхъ актёровъ, сравнительно съ первостепенными; но часто случается, что эти бѣдные люди, незнающіе различія между дикціею естественною и пошлою, равно какъ и между величавою, благородною декламаціею и напыщенною, бываютъ вовсе не на своихъ мѣстахъ и мѣшаютъ ходу пьесы. Опасаясь насмѣшекъ публики, они обыкновенно не смѣютъ выдвигаться на авансцену и произносятъ въ глубинѣ театра стихи какъ прозу и прозу какъ стихи, не чувствуя ни мѣры стиховъ, ни плавнаго теченья прозы и требуемыхъ смысломъ на слова удареній. А между-тѣмъ, сколько великолѣпныхъ стиховъ, сколько прекрасныхъ мыслей заключается иногда въ ихъ роляхъ, хотя и второстепенныхъ! Къ-сожалѣнью, однообразная и фальшивая интонація голоса и неестественная дикція отнимаютъ у нихъ всю красоту, и они исчезаютъ незамѣтно для публики.

«Безъ соблюденія основныхъ правилъ декламаціи, долговременными опытами усвоенныхъ сценѣ, нельзя быть ни великимъ актёромъ, ни великою актрисою—это аксіома. Однакожь, сильное ощущеніе страстей, развитыхъ въ роли, болѣе содѣйствуетъ успѣху актёра на сценѣ, чѣмъ строгое соблюденіе сценическихъ правилъ, и отступленіе отъ нихъ бываетъ иногда извинительно. Такъ, напримѣръ: театральными правилами запрещается актёру на сценѣ оборачиваться спиною къ зрителямъ и поднимать руки выше головы; но если это сдѣлалъ актёръ, исполненный огня и силы, въ пылу увлеченія своей ролью, то кто жь не проститъ ему такого отступленія отъ правилъ?

«Искусство слушать на сценѣ — камень преткновенія для бо́льшей части актёровъ. Какими бы блистательными физическими средствами природа ихъ ни надѣлила, какимъ бы даромъ декламаціи ни обладали они, но безъ искусства хорошо и прилично слушать они не будутъ

никогда признаны великими актёрами. Для достиженія въ этой необходимой принадлежности театральной игры возможнаго совершенства, Гаррикъ совѣтовалъ мнѣ изучать роли и тѣхъ персонажей, съ которыми я должна была находиться на сценѣ, и мнѣ кажется, что это единственный и легчайшій способъ пріучить себя къ разумному и отчетливому слушанію на сценѣ соотвѣтственно смыслу своей роли.

«Если прискорбно видѣть искуснаго актёра, унижающаго высокое дарованіе разными излишествами и поведеніемъ, невсегда-согласнымъ съ правилами доброй нравственности, то при видѣ талантливой актрисы, отступившей отъ сихъ правилъ, невольно сжимается сердце. Актрисѣ, для пріобрѣтенія уваженія, недостаточно одного таланта: она должна помнить, и во всѣхъ случаяхъ своей жизни имѣть въ виду, что она прежде всего женщина, и что качества, которыя должны отличать ее отъ закулисной толпы, заключаются въ благонравіи, цѣломудріи и умѣренности. Талантъ актрисы, какъ бы превосходенъ ни былъ, не можетъ быть долговѣчнымъ, если онъ соединяется съ презрѣніемъ къ лицу самой актрисы. Я до-сихъ-поръ не могу безъ слезъ вспомнить о бѣдственной участи, постигшей одну великую актрису вслѣдствіе ея неблагоразумія и легкомысленнаго поведенія.»

Эта великая актриса, о которой такъ сокрушается мистриссъ Робинзонъ, была, знакомка ея, миссъ Беллами, актриса Ковентгарденскаго Театра въ роляхъ первыхъ любовницъ. Она воспитывалась у сестры извѣстнаго герцога Мальборо, мистриссъ Годефрей, и на четырнадцатомъ году возраста вступила на сцену. Красота ея была поразительна, а талантъ приводилъ въ восторгъ и удивленіе. Гаррикъ называлъ ее «царицею актрисъ» (The Queen of the Actress), хотя почему-то и неочень ей доброжелательствовалъ. Обожателями ея были большею-частью люди знаменитые, и въ-особенности славные государственные мужи Честерфильдъ и Фоксъ. Послѣднему она сопутствовала въ Парижъ, гдѣ, послѣ блистательной и роскошной жизни, умерла въ забвеніи и нищетѣ.

Не знаю, хорошо ли я передалъ эти отрывки изъ замѣчаній умной актрисы, но, во всякомъ случаѣ, за буквальный смыслъ ихъ ручаюсь.

Изъ числа великихъ актёровъ англійскихъ и французскихъ немного было такихъ, которые приняли бы на себя трудъ образовать другихъ подобныхъ имъ великихъ актёровъ. Неподражаемый Лекенъ не имѣлъ

учениковъ. Гаррикъ былъ скупъ на совѣты и, кромѣ двухъ-трехъ женщинъ, въ числѣ которыхъ была и мистриссъ Робинзонъ, не давалъ ихъ никому. Кембль-отецъ былъ только его подражателемъ и то въ нѣкоторыхъ роляхъ, какъ-то: Гамлета, Коріолана, Макбета и Отелло. Бризаръ не оставилъ послѣ себя даже и преданій и тайну патетичной игры своей унесъ съ собой въ могилу. Мамзель Дюмениль играла по одному вдохновенію, безъ правилъ, слѣдовательно и не могла оставить по себѣ ни правилъ, ни учениковъ. Офренъ, окончившій театральное свое поприще на петербургской придворной сценѣ, давалъ совѣты только Деглиньи, наслѣдовавшему его дикцію и занявшему на той же сценѣ его амплуа; но Деглиньи слишкомъ растолстѣлъ и получилъ одышку, слѣдовательно первоклассныиъ актёромъ быть не могъ. Остаются: Превиль, образовавшій Дюгазона и Дазенкура, лучшихъ комическихъ актёровъ на Французскомъ Театрѣ въ Парижѣ, которые, въ свою очередь, продолжаютъ дѣло образованія многихъ молодыхъ талантовъ въ Консерваторіи Парижской; Монвель имѣлъ только одну ученицу: дочь свою, мамзель Марсъ; но эта одна стôитъ сотни другихъ. Самолюбивая мамзель Клеронъ была наставницею Ла-Рива и мамзель Рокуръ, которая, въ свою очередь, образовала мамзель Жоржъ—перлъ нынѣшней французской трагедіи. Ла-Ривъ не оставилъ учениковъ, но подражателей немало, и лучшій изъ нихъ Лафонъ, дублёръ великаго Тальма. Самъ же Тальма не имѣлъ учителей и, вѣроятно, не будетъ имѣть и учениковъ, потому-что онъ создалъ особенный родъ декламаціи, свойственный только одной его натурѣ. Онъ типъ въ своемъ родѣ и, можно сказать, типъ неподражаемый, потому-что всѣ тѣ, которые подражать ему хотѣли, дѣлались смѣшными и должны были возвратиться къ собственной своей природѣ; впрочемъ, онъ не старъ: ему не болѣе 42 или 43 лѣтъ и впродолженіе жизни его можетъ найдтись кто-нибудь, кто усвоитъ себѣ его методу, тѣмъ болѣе, что Тальма добрый и благонамѣренный человѣкъ и никому не отказываетъ въ своихъ совѣтахъ.

Все это разсказалъ мнѣ серьёзный подагрикъ Ларошъ, котораго завелъ ко мнѣ добрякъ графъ Монфоконъ на чашку чаю. Ларошъ забылъ сказать одно, что самъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ трагическихъ актёровъ въ Ліонѣ и Бордо и поступилъ на сцену петербургскаго театра преемникомъ Флоридора. Скромникъ!

Я слышалъ, что здѣшніе французскіе актёры строго слѣдуютъ правиламъ перваго Французскаго Театра въ Парижѣ (Théatre Français), существующимъ съ самаго начала его учрежденія. По этимъ правиламъ:

1) роли распредѣляются актёрамъ непремѣнцо по тѣмъ амплуа, на которыя кто изъ нихъ ангажированъ, несмотря ни на какія уваженія въ отношеніи къ ихъ измѣнившимся иногда отъ времени физическимъ средствамъ, и 2) что въ распредѣленіи ролей актёрамъ одного амплуа наблюдается между ними старшинство поступленія ихъ на театръ, по которому младшій, будь онъ во сто кратъ талантливѣе своего сотоварища, находится всегда въ зависимости у старшаго (chef d'emploi); изъ этого происходитъ, что, въ первомъ случаѣ, актёры уже устарѣвшіе, какъ, напримѣръ, Ларошъ, Дюкроаси или Фрожеръ, должны иногда играть роли, особенно въ пьесахъ стараго репертуара, вовсе несвойственныя ихъ лѣтамъ и наружности; а во второмъ, что старшіе актёры заставляютъ занимать свои роли младшихъ, часто къ неудовольствію публики; или же, если послѣдніе при дебютахъ своихъ публикѣ понравились, не даютъ имъ вовсе никакого хода, и лучшія роли, которыя бы они могли выполнить съ успѣхомъ, играютъ всегда сами, во избѣжаніе невыгоднаго для себя сравненія.

Извѣстный уличный стихотворецъ старикъ Патрикѣичъ, котораго необыкновенной способности низать рифмы завидуетъ самъ остроумный Маринъ (*), а оригинальными виршами такъ восхищается мой другъ Кобяковъ, обмолвился преисправедливымъ двустишіемъ:

Горемъ бѣдѣ не пособишь,
Натуру свою лишь уходишь.

(*) Въ одной изъ сатиръ своихъ, въ которой жалуется на затрудненіе въ пріисканіи рифмъ:

«О еслибъ я умѣлъ свою принудить музу,
Чтобъ тяжкихъ правилъ сихъ сложить съ себя обузу:
Когда я съ Пиндаромъ сравнить кого готовъ,
Державинъ на умѣ, а подъ перомъ Хвостовъ;
Самъ у себя весь вѣкъ я, находясь въ неволѣ,
Завидую твоей о, *Патрикѣичъ!* долѣ.

Патрикѣичъ въ свое время былъ въ модѣ и служилъ потѣхою многимъ умнымъ людямъ, въ томъ числѣ и Фонвизину, на котораго написалъ онъ, такъ-называемую имъ, эпиграмму:

«Открылся нѣкій Діонистръ (то-есть Денисъ)
Мнимый намѣстникъ и министръ,
Столпотворенію себя уподобляетъ!» и проч.

Авторъ «Недоросля» отвѣчалъ ему также стихами, оканчивающимися такъ:

«Счастлива та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жерёба!»

Почему, на основаніи этой аксіомы, не должно бы и мнѣ такъ сокрушаться «о томъ, о семъ, слѣдующемъ и прочемъ» (*) и тосковать одному, запершись въ четырехъ стѣнахъ, когда для меня открыты всѣ четыре стороны свѣта; но можно ли сладить съ собою? Я по-крайней-мѣрѣ сдѣлать этого не умѣю, и притворство покамѣстъ еще не мое ремесло. Какъ это дѣлаютъ другіе — не знаю; но казаться веселымъ, когда змѣя грызетъ сердце; отвѣчать кстати на вопросы любопытныхъ, когда не слышишь и не понимаешь о чемъ тебя спрашиваютъ; говорить *да*, когда надобно сказать *нѣтъ* и обратно — все это для меня непостижимо, и я боюсь, что, при первомъ свиданіи съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ, того-и-смотри, разболтаю всю подноготную. Что̀ изъ этого можетъ выйдти, одинъ Богъ вѣсть; но мнѣ кажется, что откровенность — лучшее лекарство для облегченія страданій души.

А между-тѣмъ завтра свѣтлое воскресенье; у меня уже раздается въ ушахъ божественная пѣснь Дамаскина: «Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, сѣвера и моря и отъ востока чада твоя, благословяще Христа во вѣки!» Пойдемъ въ церковь, новый Сіонъ нашъ, «просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ и рцемъ: братіе, ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!» Легче будетъ...

14—20-го апрѣля. Воскресенье — суббота.

Христосъ воскресе!

Кромѣ Державина, я рѣшительно ни у кого съ поздравленіями не былъ и не буду впродолженіе цѣлой недѣли. Гаврила Романовичъ пенялъ, что пришелъ утромъ, и приглашалъ обѣдать, но я отговорился нездоровьемъ. Съ участіемъ посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ, что я

Но верхомъ совершенства въ нелѣпомъ сочетаніи рифмъ были стихи, поднесенные Патрикѣичемъ калужскому преосвященному. Они начинались такъ:

«Преосвященному пою Ѳеофилакту,
Во краснорѣчіи наукъ
Кой Вильманстрандскому подобенъ катаракту...»

а оканчивались желаніемъ, чтобъ преосвященный взглянулъ *любезно* на его посланіе *безмездно*; но въ выноскѣ замѣчено, что послѣднее выраженіе употреблено только для рифмы, а сочинитель не прочь отъ подарка.

Позднѣйшее примѣчаніе.

(*) Такъ записалъ извѣстный всѣмъ чиновникъ содержаніе одной полученной бумаги въ дежурную книгу.

Позднѣйшее примѣчаніе.

въ-самомъ-дѣлѣ измѣнился въ лицѣ, и чтобъ я велъ себя осторожнѣе, потому-что всякое излишество гибельно въ Петербургѣ для новичковъ, что̀ знаетъ онъ по собственному опыту. При ссылкѣ на свое нездоровье, я краснѣлъ и чувствовалъ біеніе сердца: меня мучила совѣсть. Сто̀итъ только однажды сбиться съ прямаго пути, такъ и начнешь вилять вкривь и вкось по окольнымъ дорожкамъ, покамѣстъ не застрянешь въ какой-нибудь волчьей ямѣ. Я сказалъ неправду—и кому? какъ бы не было впередъ хуже.

Ainsi que la vertu le crime a ses degrés.

Неблагодарно съ моей стороны не быть въ павильйонѣ; но ка̀къ идти туда, когда напередъ знаю, что попадусь въ руки безпощадной инквизиціи и что вопросамъ и разспросамъ любопытныхъ и сметливыхъ моихъ пріятельницъ конца не будетъ; да и безъ разспросовъ онѣ великія мастерицы угадывать по одному моему взгляду, движенію губъ и даже по моей походкѣ, что̀ происходитъ у меня на душѣ. Нѣтъ, какъ ни скучно, но рѣшусь просидѣть всю эту недѣлю дома подъ предлогомъ болѣзни, а тамъ что̀ Богъ дастъ!

Веселый хозяинъ мой заходилъ приглашать меня на вечеръ, который, вмѣсто четверка, назначается въ среду, по случаю именинъ жены его. «Wir werden singen und springen» сказалъ онъ, подмигивая и припрыгнувъ: «Die Dame wird auch da seyn». Нашелъ чѣмъ заманивать меня добрый Торсбергъ! Не до пѣсенъ и пляски мнѣ, грустному затворнику, у котораго въ головѣ теперь одна мелодія. Das waren mir seelige Tage!

Я всегда любилъ дѣлить досугъ свой съ людьми добрыми, ка̀къ бы ничтожны они ни были; но теперь совокупное посѣщеніе такихъ оригиналовъ, какъ Т. Ф. Дурновъ и землякъ мой Кобяковъ, почитаю благодѣяніемъ судьбы. Они рады были приглашенію моему бывать у меня ежедневно и обѣщались даже обѣдать со мною во все продолженіе праздниковъ; народъ неприхотливый и довольствуется больше количествомъ, чѣмъ качествомъ. Не заведетъ ли благопріятный случай ко мнѣ еще и Вельяминова? Онъ былъ бы для меня сущею отрадою: съ нимъ время проходитъ незамѣтно.

Краснопольскій началъ переводить оперу Das neue Sonntags Kind, подъ заглавіемъ: «Домовые»; но едва-ли онъ въ-состояніи будетъ удержать въ своемъ переводѣ весь комизмъ арій, дуэтовъ и особенно

преуморительнаго финала перваго дѣйствія: для этого нужно много веселости, а Краснопольскій переводитъ очень-равнодушно, какъ ученикъ по лексикону, и вовсе-незнакомъ съ нѣмецкими вицами (Witz), иногда очень-пошлыми и глупыми, но за-то всегда смѣшными. Ну кàкъ, напримѣръ, онъ справится съ входною аріею студента-жениха, которою молодой педантъ изъясняетъ такое смѣшное участіе въ здоровьѣ своей невѣсты:

Ich frag's obsequialiter,
Das heisst, ergebner massen,
Ob sie heut nocturnaliter,
Geschlafen wie ein Ratz?

Еслибъ переводъ могъ удасться, то, нѣтъ сомнѣнія, что эта оперка, не во гнѣвъ будь сказано Якову Степановичу Воробьеву, который такой ненавистникъ нѣмецкихъ и французскихъ оперъ и оперетокъ, чрезвычайно бы понравилась веселой части публики, тѣмъ болѣе, что могла бы удачно быть обстановлена; всѣ роли въ ней, какъ нарочно, созданы для Воробьева, Пономарева, Рожественскаго, Чудина, Лебедева, Самойлова, жены его, Болиной и Рахмановой.

Сказываютъ, что въ Дирекцію Театра поступаетъ такое множество драмъ оригинальныхъ и переводныхъ, что она не знаетъ, чтò съ ними дѣлать, а пуще кàкъ отбиться отъ назойливыхъ авторовъ, рѣшительно ее осаждающихъ; эти авторы большею-частью подкрѣпляемы бываютъ рекомендательными письмами значительныхъ особъ, на которыя театральное начальство отвѣчать должно, чтò приводитъ его въ великое затрудненіе. Многія изъ поступающихъ драмъ остаются даже и непрочитанными. Казначей театра, П. И. Албрехтъ, получившій недавно анненскій крестъ на шею, великій экономъ, предлагалъ князю Шаховскому употреблять ихъ для топки печей вмѣсто дровъ, потому-что у него въ квартирѣ всегда холодно. «Да за чтò жь, батюшка Петръ Иванычъ, ты меня совсѣмъ заморозить хочешь?» возразилъ сочинитель «Новаго Стерна»: «отъ нихъ еще пуще повѣетъ холодомъ».

И въ-самомъ-дѣлѣ, сколько авторовъ только и дѣлаютъ, что сочиняютъ драмы, Богъ-вѣсть для кого и для чего, потому-что ихъ почти никогда не принимаютъ на сцену и даже не читаютъ, если они бываютъ напечатаны! Намедни Дмитревскій очень-ясно истолковалъ причину этой несчастной страсти къ сочиненію драмъ и другихъ театральныхъ пьесъ прозою: «Естественно, мы всегда хотимъ успѣха» сказалъ онъ: «который бы не стоилъ намъ большихъ усилій; а драму написать легче, чѣмъ трагедію или комедію, и сочиненіе въ прозѣ не требуетъ

столько труда и таланта, сколько сочиненіе въ стихахъ». По словамъ его, Вольтеръ былъ большой врагъ драматическихъ пьесъ въ прозѣ и говорилъ, что онѣ изобрѣтены «бездарною лѣностью».

Кто-то замѣтилъ очень-остроумно, что правильная драматическая пьеса, трагедія или комедія, должна быть подобна золотой монетѣ, то-есть имѣть надлежащіе вѣсъ, цѣнность и звонъ. Вѣсъ ея — мысли, цѣнность — изящная чистота слога, звонъ — гармонія стиховъ.

Сегодня было у меня стеченіе преразнообразныхъ посѣтителей: чиновники, сочинители, актёры и художники, всѣ сошлись вмѣстѣ, и даже, какъ нарочно, явилась неожиданно красавица Александра Васильевна. Время прошло бы превесело, еслибъ я только могъ быть веселымъ. Сначала смотрѣли на сестрицу мою съ какимъ-то любопытнымъ изумленіемъ и какъ-будто ея дичились, но она такъ мило и ловко сама подтрунивала надъ толщиной своей и такъ умно обо всемъ говорила и разсуждала, что мои гости забыли о толщинѣ ея, чтобъ любоваться необыкновенной прелестью ея плѣнительной головки и красивыхъ рукъ. Оригиналъ Дурновъ, какъ художникъ, не сводилъ съ нея глазъ. «Чтò вы такъ смотрите на меня?» сказала она ему, улыбаясь: «вы вѣрно удивляетесь, что такая прекрасная голова присажена къ такому неуклюжему тѣлу? Это длятого, скажу вамъ, чтобъ я неочень гордилась преимуществами красоты своей, не была кокеткою и не сводила съ ума тѣхъ, которые, подобно вамъ, такъ пристально на меня смотрятъ».

Въ качествѣ сестрицы, навѣстившей больнаго братца, Александра Васильевна разливала намъ чай, и гости мои не положили охулки на руку: нѣсколько разъ подливали въ самоваръ воды и подсыпали въ чайникъ чаю. Гебгардъ болталъ безъ умолку и очень смѣшилъ разсказами о послѣдствіяхъ нашего пикника въ честь Иффланда и объ одномъ извѣстномъ баринѣ, который, не такъ давно принимая одну, также извѣстную, барышню съ нѣмецкой сцены подъ свое покровительство, непремѣнно хотѣлъ, чтобъ это покровительство ознаменовано было съ его стороны возможнымъ великолѣпіемъ, и потому, заказавъ въ квартирѣ, изготовленной для пріема покровительствуемой особы, пышный банкетъ, онъ пригласилъ къ ужину всѣхъ ея сотоварищей и каждому предоставилъ въ распоряженіе особую карету, съ тѣмъ, чтобъ всѣ они изъ прежней квартиры красавицы слѣдовали за нею на приготовленное ей новоселье. «Это была преуморительная процесія» говорилъ Гебгардъ: «точно какія-нибудь похороны; да и въ-самомъ-дѣлѣ» прибавилъ онъ: «это были похороны здраваго смысла, потому-что не прошло двухъ

«недѣль, какъ тщеславный покровитель чуть не былъ выброшенъ за «окошко такимъ же другимъ, имѣвшимъ на покровительство преимуще-«ственное право давности». Мнѣ всего больше понравилась наивность, которою заключилъ Гебгардъ свой разсказъ: «Надобно быть совершеннымъ нѣмцемъ» сказалъ онъ: «чтобъ это выдумать».

Изъ павильйона присылали спросить, отчего такъ давно не видать меня и, въ случаѣ болѣзни, узнать, не имѣю ли въ чемъ нужды. Добрые люди! Были также старикъ Самсоновъ съ своими разсказами и братья Харламовы, которымъ я объявилъ, что въ половинѣ мая переѣду къ нимъ въ домъ, и хотѣлъ условиться съ ними о квартирѣ; они не хотѣли о томъ и слышать, говоря, что сочтемся, и безъ памяти рады, что пріобрѣтаютъ себѣ жильца данковца. У всякаго своя слабость.

Кстати о слабостяхъ. Самсоновъ разсказывалъ, что извѣстный Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, весьма-умный, образованный и притомъ отлично-добрый человѣкъ, имѣлъ, кромѣ слабости къ женскому полу, еще другую довольно-забавную слабость: онъ не любилъ, чтобъ другіе, знакомые и пріятели его ѣли въ то время, когда у него самого апетита не было, ходили гулять, когда у него болѣла нога, и вообще дѣлали то, что̀ иногда онъ самъ дѣлать былъ не въ-состояніи. У него ежедневно былъ роскошный столъ, и безъ гостей онъ никогда не бывалъ. Если чувствовалъ онъ себя хорошо, тогда потчивалъ на-пропалую, выговаривая безпрестанно, что мало ѣдятъ и пьютъ; когда же не имѣлъ апетита, или, по предписанію доктора, обязанъ былъ воздерживаться отъ разныхъ кушаньевъ, то начиналъ всегда разсужденіе о томъ, ка̀къ люди не берегутъ себя и безразсудно предаются излишеству въ пищѣ; что для насыщенія человѣка нужно немногое, а между-тѣмъ онъ поглощаетъ всякую дрянь (тутъ онъ называлъ поименно всѣ лакомыя блюда стола своего) въ предосужденіе своего здоровья. Такъ и въ другихъ случаяхъ: ѣдетъ ли кто въ страстно-любимый имъ театръ (котораго онъ былъ главнымъ директоромъ) въ такое время, когда, по нездоровью или особымъ дѣламъ, онъ не могъ присутствовать при представленіи, и вотъ Елагинъ начнетъ ворчать: «Право, не понимаю этой страсти къ театру: что за нѐвидаль такая? Добро бы что-нибудь новое, а то все одно и то же; что̀ вчера, то̀ и нынче: тѣ же пьесы, тѣ же актёры и тѣ же кулисы».

Однакожь, мнѣ кажется, что эта слабость Елагина — общая слабость всѣхъ людей; только они не хотятъ въ ней сознаться и ея не высказываютъ. Въ сердцѣ каждаго, и самаго добраго человѣка, непре-

мѣнно таится, больше или меньше, проклятая зависть—клочокъ грѣха первороднаго; иначе отчего бы я, напримѣръ, добрый человѣкъ, такъ былъ доволенъ, что сегодня скверная погода и мѣшаетъ гулянью? Оттого, что мнѣ самому гулять не приходится, и я долженъ сидѣть дома.

Сегодня убѣдился я еще болѣе, что Вельяминовъ очень-начитанный и образованный малый. Несмотря на то, что средства его не позволяютъ ему часто бывать въ спектакляхъ, онъ знаетъ теорію театральнаго искусства, а о нашемъ театрѣ и нашихъ актёрахъ судитъ вообще основательно и остроумно. «Самолюбіе» говоритъ онъ: «есть неизлечимая слабость всѣхъ авторовъ и актёровъ, и въ людяхъ талантливыхъ также извинительно, какъ въ безталанныхъ смѣшно и даже гадко. Но писатель съ талантомъ всегда почти имѣетъ достаточно инстинкта для оцѣнки своихъ произведеній, и потому не потребуетъ хвалы какому-нибудь своему сочиненію, явно-погрѣшающему противу правилъ языка или вкуса; исключенія рѣдки и бываютъ только въ авторахъ, или слишкомъ-молодыхъ, или слишкомъ-устарѣвшихъ. Отчего же всѣ наши актёры, молодые и старые, чѣмъ даровитѣе, тѣмъ болѣе ѣослѣпляются своимъ самолюбіемъ, и не только никогда не чувствуютъ своихъ погрѣшностей, но даже отвергаютъ всѣ благоразумные совѣты и почитаютъ себя непогрѣшимыми? Мнѣ кажется, въ томъ виновата наша публика, которая слишкомъ-безотчетно бываетъ снисходительна къ тѣмъ актёрамъ, которыхъ она однажды навсегда признала своими любимцами. Я слыхалъ отъ многихъ французовъ, любителей и знатоковъ театра, что во Франціи не было и нѣтъ ни одного столь искуснаго актёра, который бы не ошибался иногда въ пониманіи и исполненіи своей роли, хотя правила сценическаго искусства во Франціи опредѣлены точнѣе, нежели гдѣ-нибудь; но во Франціи строгая взыскательность публики тотчасъ замѣчаетъ и исправляетъ погрѣшности актёра, между-тѣмъ, какъ у насъ актёры сами управляютъ вкусомъ публики, потому-что она мало образована и, не имѣя достаточныхъ познаній для настоящей оцѣнки ихъ талантовъ, увлекается ими безотчетно. Впрочемъ, гдѣ же можетъ наша публика и пріобрѣсть эти необходимыя для вѣрнаго сужденія объ игрѣ актёровъ познанія? Кромѣ спеціальнаго изученія искусства, они пріобрѣтаются сравненіемъ одного актёра съ другимъ въ однѣхъ и тѣхъ же роляхъ; а у насъ театръ одинъ; главныхъ актёровъ на всякое амплуа по одному, и больше того ихъ едва-ли и быть можетъ, по той причинѣ, что нѣтъ сцены, на которой бы молодые таланты имѣли случай подготовлять себя прилежнымъ упражне-

ніемъ въ искусствѣ, и, сверхъ-того, нѣтъ особенныхъ преподавателей декламаціи и репетиторовъ, которые могли бы развить природныя ихъ способности. Наши актёры большею-частью самоучки и поступаютъ прямо на большую сцену петербургскаго или московскаго театровъ, для занятія главныхъ ролей: если удается имъ понравиться публикѣ съ перваго раза, они остаются обладателями своего амплуа безъ раздѣла и дѣлаются фаворитами этой публики; въ противномъ случаѣ, перемѣняютъ амплуа: изъ драматическихъ дѣлаются комическими, а при новой неудачѣ сходятъ со сцены и погружаются въ прежнюю неизвѣстность.»

Александръ Васильевичъ Приклонскій сказывалъ, что, несмотря на праздники, въ канцеляріи нашего министра существуетъ большая дѣятельность вслѣдствіе полученнаго вчера извѣстія о заключеніи въ Бартенштейнѣ договора между государемъ и королемъ прусскимъ. Этотъ договоръ, состоявшійся въ самый первый день пасхи, имѣетъ основаніемъ возстановленіе Пруссіи и Австріи и защиту другихъ государствъ отъ властолюбія Бонапарте, угрожающаго имъ совершеннымъ разореніемъ. Говорятъ, что планъ государя для дѣйствій въ пользу Пруссіи и Австріи очень-обширенъ и составленъ имъ съ необыкновенною проницательностью и знаніемъ дѣла; но боятся, чтобъ исполненіе этого плана не встрѣтило препятствій, съ одной стороны, въ нерѣшительности Австріи, а съ другой, въ недобросовѣстности Англіи, которая обѣщала прежде до тридцати тысячъ вспомогательныхъ войскъ для высадки въ Пруссію, французамъ въ тылъ, а теперь уменьшаетъ ихъ до десяти тысячъ. Приклонскій слышалъ также отъ Ивана Андреевича Вейдемейера, что Будбергъ рѣшительно проситъ увольненія отъ званія министра иностранныхъ дѣлъ, и что мѣсто его непремѣнно займетъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Я воображаю, какъ обрадуются всѣ, служащіе въ Коллегіи, этой перемѣнѣ начальства: можетъ-быть, новый министръ захочетъ употребить на что-нибудь и насъ «считающихся при разныхъ должностяхъ» и неимѣющихъ не только никакой должности, но даже и никакого занятія.

Къ слову о графѣ Румянцовѣ. Анна Никитична Нарышкина назначила его единственнымъ наслѣдникомъ своего огромнаго имѣнія, которое, по совѣсти, слѣдовало бы въ родъ Нарышкиныхъ, Александра Львовича съ братомъ, какъ доставшееся ей послѣ роднаго дяди ихъ, Александра Александровича. Это назначеніе давно уже предвидѣли, и по се-

му случаю между графомъ Румянцовымъ и Нарышкиными существовала большая холодность, обратившаяся съ недавняго времени въ явную непріязнь. Острый Александръ Львовичъ неутомимо преслѣдуетъ Румянцова разными колкостями, хотя и прекрасно-выраженными, но, къ-несчастью, безсильными для поправленія дѣла.

Завтра, дастъ Богъ, выползу изъ своего заточенія. Я такъ одичалъ въ эту недѣлю, что, право, не знаю, ка̀къ встрѣчусь съ знакомыми и что̀ буду отвѣчать имъ на неминуемые ихъ вопросы.

21-го апрѣля. Воскресенье.

Слава Богу, все обошлось благополучно! Вмѣсто ожидаемой пытки, я встрѣтилъ однѣ довольно-сносныя насмѣшки: «Oh, l'enfant! Oh, le pauvre enfant! Voyez le grand malheur qui lui arrive! Mais c'est charmant, c'est impayable!»—«Да̀, да̀», подумалъ я: «смѣйтесь, смѣйтесь, павильйонскія мои трещоточки, хохочите себѣ на-обумъ, а все-таки, несмотря на гасконскія выходки стараго зажиги, вашего папа̀, вы отъ меня ничего не узнаете: я отмолчусь. И точно: отмолчался.

За обѣдомъ много толковали о путешествіи государя. Всюду принимаютъ его, какъ будущаго своего избавителя отъ ига новаго Чингис-Хана. Все это хорошо; но старые эмигранты ропщутъ на тѣ государства, за которыя онъ такъ великодушно вооружился, что они, съ своей стороны, мало предоставляютъ ему средствъ для продолженія войны болѣе-энергическимъ образомъ. Мсьё виконтъ, который бываетъ у Марьи Антоновны ежедневно, и къ которому она имѣетъ полную довѣренность, потому-что онъ завѣдываетъ ея интимною корреспонденціею, слышалъ отъ нея, что государь встрѣчаетъ немало огорченія отъ нерѣшительности Австріи, которая дѣйствуетъ какъ-бы нѐ-хотя, и что, кажется, надобно̀ отложить всякую надежду на какое бы то ни было съ ея стороны содѣйствіе. Грустно слышать, что эти нѣмцы заблуждаются насчетъ своего положенія и не хотятъ понять благихъ намѣреній нашего государя въ ихъ собственную пользу. Виконтъ говоритъ, что со времени Суворова намъ не удался ни одинъ союзъ съ Австріей, которая всегда хочетъ загребать жаръ чужими руками.

Съ завтрашняго дня начинаются спектакли. Меня пригласили въ ложу, на комедію «Два Фигаро» (Les deux Figaros), въ которой, говорятъ, такъ превосходны Дюранъ, Калланъ и мадамъ Туссенъ; но, признаюсь, мнѣ хотѣлось бы еще взглянуть на Яковлева въ «Донскомъ» и опять послушать прекрасныхъ стиховъ Озерова. Впрочемъ, «Двухъ Фи-

гаро» я еще не видалъ, и потому, благо есть случай, надобно идти во французскій спектакль. За-то во вторникъ пойду смотрѣть на Рыкалова въ «Скапиновыхъ Обманахъ», а въ среду къ нѣмцамъ.

Челищевъ разсказывалъ, что въ минувшемъ февралѣ двое секретарей посольства, англійскаго и австрійскаго, отправились на медвѣжью охоту въ окрестностяхъ Тосны. Два медвѣдя были обойдены за недѣлю до ихъ пріѣзда и, по наблюденіямъ сторожившихъ его крестьянъ, получавшихъ за то хорошую плату, оба преспокойно сосали лапы въ своихъ берлогахъ; но въ самый день пріѣзда охотниковъ, какъ-будто встревоженные предчувствіемъ ожидавшей ихъ бѣды, вдругъ исчезли и охотники, проѣхавшіе около ста верстъ, нашли только однѣ логовища да свѣжіе слѣды скрывшихся мишуковъ. Молодые дипломаты предались ужасному негодованію и гнѣву, обвиняя мужиковъ, что медвѣди ушли по одной ихъ неосторожности, и что, слѣдовательно, они должны возвратить имъ полученные за обходъ деньги. Сколько ни увѣряли мужики, что они вовсе не причиною такого своеволія медвѣдей, но дипломаты не хотѣли ничего слушать и требовали возвращенія своихъ денегъ. Къ-счастью, одинъ крестьянинъ, посмышленѣе другихъ, вызвался поставить имъ «охоту» почище медвѣжьей — охоту на лося. «Вотъ извольте, отцы мои, покушать да поотдохнуть, а ужь къ утру вамъ будетъ лось». Охотники согласились. «А видали ли вы мои батюшки лосей-то?» Оказалось, что ни одинъ изъ нихъ живыхъ лосей не видывалъ. «Ну такъ завтра же изволите увидѣть, родные мои: такого представлю, что на подивленье». Повѣривъ обѣщанію, горячіе охотники въ нетерпѣливомъ ожиданіи застрѣлить незнакомаго имъ звѣря, расположились ночевать въ деревнѣ, а между-тѣмъ проворный крестьянинъ добылъ гдѣ-то старую, яловую и комолую корову бурой шерсти, отвелъ ее въ самую чащу лѣса и, бросивъ голодной яловкѣ охапку сѣна, явился, ни свѣтъ ни заря, къ охотникамъ съ донесеніемъ, что онъ обошелъ слѣды молодой лосихи, и что, для удачной охоты, должно слѣдовать за нимъ тотчасъ, чтобъ на мѣстѣ быть до разсвѣта. Разумѣется, охотники тотчасъ же поскакали съ вожатымъ своимъ въ лѣсъ и, несмотря на темноту ночи, успѣли разглядѣть въ чащѣ лосиху, смирно стоящую и незамѣчающую ихъ появленія. Думать было нѣчего: оба Нимврода взвели курки, прицѣлились и въ одно время дали залпъ, которымъ бѣдное животное было убито на-поваль. Происшествіе кончилось тѣмъ, что дипломаты щедро наградили своего вожатаго и, сверхъ-того, поручили ему, за извѣстную плату, немедленно доставить убитую ими лосиху въ Петербургъ на-показъ ихъ пріятелямъ. «Но вы можете угадать» сказалъ Челищевъ въ заключеніе своей исторіи, «ка́къ испол-

нилъ мужичокъ это порученіе: лосиха-корова была съѣдена крестьянами всей деревни, за здравіе проницательныхъ охотниковъ».

22-го апрѣля. Понедѣльникъ.

Вмѣсто «Двухъ Фигаро» я попалъ на «Реньярова Игрока» и въ томъ не раскаяваюсь. Актёры всѣ почти тѣ же и всѣ играли восхитительно: Дюранъ и Калланъ въ роляхъ, первый — игрока, а второй — слуги, превосходны! ка̀къ они мастерски читаютъ стихи: самый привычный слухъ не отличитъ ихъ отъ прозы. Какой огонь въ игрѣ! какой натуральный комизмъ и вмѣстѣ какое благородство! Въ сценѣ, когда проигравшійся игрокъ, для разсѣянія, заставляетъ слугу читать себѣ книгу и слуга, такъ не-кстати, выбираетъ для чтенія главу изъ Сенеки о презрѣніи къ богатству, «Du mepris des richesses», игра обоихъ актёровъ изумительно-хороша. Особенно отличился Дюранъ въ той сценѣ, въ которой игрокъ, при безденежьѣ, возвращается къ предмету любви своей и съ восторгомъ воспоминаетъ о прелестяхъ своей невѣсты; но вдругъ, неожиданно получивъ деньги, забываетъ все: и невѣсту, и наставленія отца, заботится только о томъ, какъ бы поскорѣе отъиграться съ барышомъ и ломаетъ голову надъ предположеніями, какой бы ему поставить кушъ на первую карту. Деглиньи прекрасно игралъ роль отца. Надобно удивляться, ка̀къ, при своей толщинѣ, онъ такъ развязенъ на сценѣ, такъ ловко носитъ шитый французскій кафтанъ и непринужденно владѣетъ шляпою съ плюмажемъ. Смотря на него, нельзя не согласиться съ Монфокономъ, que c'est un modèle des vieux courtisans de l'ancienne Cour des rois de France, moins leur fatuité.

Послѣ комедіи дана была комическая оперка «Le Bouffe et le Tailleur», въ которой Меесъ въ роли меломана-портнаго былъ удивительно-забавенъ. Какая богатая въ этомъ человѣкѣ натура! что̀ за голосъ и что̀ за энергія въ игрѣ! ка̀къ онъ благородно-смѣшонъ въ своей роли! а что̀ за мимика! Въ той сценѣ, гдѣ онъ, развалясь въ креслахъ, слушаетъ арію итальянскаго пѣвца, воображая, что ее поетъ его подмастерье, онъ одною мимикою, одними восклицаніями: «ah! ah!» такое производилъ дѣйствіе на публику, что она забыла слушать и Сен-Леона и мадамъ Монготье и только смотрѣла на Мееса. И какое разнообразное дарованіе! Сегодня играетъ онъ роль комическую, а завтра драматическую; то портнаго, то Титзикана, то стараго, неуклюжаго слугу въ «Monsieur des Chalumeaux», то слѣпца Эдипа въ «Oedipe à Colonne», и все это съ одинаковымъ совершенствомъ!

Нѣчего сказать: здѣшній французскій спектакль — совершенство въ своемъ родѣ, настоящій спектакль для избраннаго общества. Нынѣшнимъ составомъ французской труппы публика обязана Александру Львовичу, или, скорѣе, князю Шаховскому, который, будучи вмѣстѣ съ нимъ въ Парижѣ, имѣлъ весьма-близкія сношенія со всѣми перво-классными артистами знаменитаго французскаго театра (Théâtre Français), особенно съ Дюгазономъ, Дазенкуромъ и Сен-Фалемъ, руководствовавшими его въ выборѣ большей части актёровъ для петербургской сцены. Таланты Дюрана и Каллана были извѣстны въ самой Франціи, потому-что они играли всегда на большихъ сценахъ въ Бордò, Ліонѣ и Марсели; а Деглиньи уважаемъ былъ и самимъ Офренемъ.

23 апрѣля. Вторникъ.

Еслибъ комедія «Скапиновы обманы» была сочинена въ наше время, то ее назвали бы не комедіею, а фарсомъ, чтò она въ сущности и есть. «Скапиновы обманы»—фарсъ, но какой фарсъ! Содержаніе просто: плутъ-слуга дурачитъ хозяина, стараго скрягу. Происшествія несбыточныя, характеры дѣйствующихъ лицъ неправдоподобные, завязка невѣроятная, развязка неестественная, а между-тѣмъ вся эта галиматья такъ увлекательна, что все кажется и вѣроятнымъ и естественнымъ. Мнѣ кажется, что геній Мольера нигдѣ не проявляется съ такою силою, какъ въ фарсахъ, то есть въ «Скапиновыхъ обманахъ», «Мнимомъ больномъ», «Мѣщанинѣ во дворянствѣ», «Пурсоньякѣ» и «Мнимомъ рогоносцѣ», потому-что всѣ эти пьесы, будучи основаны на характерахъ нелѣпыхъ и происшествіяхъ невозможныхъ, требовали необычайнаго таланта, чтобъ заставить извинить въ нихъ недостатокъ вымысла и отсутствіе всякаго правдоподобія въ дѣйствіи (*).

Но разсужденія въ сторону; поговоримъ о представленіи. Рыкалова можно назвать актёромъ par excellence. Онъ игралъ роль Жеронта. Какая великолѣпная комическая фигура! Лицо, станъ, походка, движенія—все это въ немъ такъ неуклюже, такъ натурально-глупо, что, при одномъ появленіи его, нельзя удержаться отъ смѣха; а органъ, а дикція — это совершенная натура: никакихъ натяжекъ, никакого преувеличенія, ничего площаднаго; словомъ, видишь передъ собою не актёра, а настоящаго Жеронта. Но въ сценѣ, когда Скапинъ объявляетъ

(*) Авторъ «Дневника» думаетъ теперь иначе и проситъ извиненія за безсновательныя сужденія молодаго чиновника о великомъ Мольерѣ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

ему, что турокъ захватилъ его сына и требуетъ за него выкупа, Рыкаловъ превзошелъ мои ожиданія: все, что̀ я прежде ни слышалъ о превосходной игрѣ его въ этой сценѣ, ничего не значило въ-сравненіи съ тѣмъ, что̀ я увидѣлъ. Ка̀къ уморительно-смѣшно было его отчаяніе! съ какою забавно-жалобною миною развязывалъ онъ кошелекъ свой, повторяя безпрестанно эти извѣстныя восклицанія: «Да зачѣмъ чортъ его на галеру-то носилъ? О, проклятый турка! о, проклятая галера!» Ка̀къ мастерски съиграна имъ сцена, въ которой Скапинъ прячетъ его въ мѣшокъ и потчуетъ палочными ударами! Сначала его нетерпѣливыя движенія и корчи въ мѣшкѣ, потомъ удивленіе и ужасъ его при открытіи обмана, и наконецъ бѣшенство, съ какимъ онъ, избитый, вылѣзаетъ изъ мѣшка и преслѣдуетъ Скапина—все это выражено Рыкаловымъ превосходно и съ необыкновенною вѣрностью. Я теперь понимаю, почему старые французскіе актёры отзываются о немъ съ такимъ уваженіемъ: онъ имъ передаетъ Мольера «à la Preville».

Роль Скапина игралъ Прытковъ довольно-развязно; но быть развязнымъ на сценѣ и быть настоящимъ Скапиномъ, какъ Рыкаловъ былъ настоящимъ Жеронтомъ — большая разница. Сказать откровенно: роль Скапина Прыткову не по силамъ: Прытковъ былъ безцвѣтнымъ плутишкою, когда надобно было быть отъявленнымъ, дерзкимъ плутомъ, то-есть имѣть тотъ безстыдный взглядъ, ту рѣшительную походку, ту наглую поговорку, которая всегда отличаетъ первоклассныхъ плутовъ. Для роли Скапина, кажется, у насъ единственный актёръ—Сила Сандуновъ. Я воображаю, ка̀къ бы этотъ молодецъ, такъ всегда превосходный въ роляхъ плутоватыхъ слугъ, отличился въ роли Скапина, и ка̀къ бы онъ былъ подъ-пару Рыкалову; но въ томъ-то и бѣда, что у насъ (впрочемъ, какъ и вездѣ, кромѣ Французскаго Театра въ Парижѣ) соединеніе на одной сценѣ первоклассныхъ талантовъ невозможно.

О прочихъ актёрахъ, игравшихъ въ пьесѣ, сказать нѐчего: ихъ роли ничтожны; но желательно было бы видѣть въ роли молодаго любовника кого-нибудь поразвязнѣе Щеникова: не-уже-ли же онъ сладитъ съ ролью въ «Магометѣ», котораго надѣюсь увидѣть въ пятницу? Что-то не вѣрится.

Во все продолженіе спектакля одинъ старичокъ, сѣдой какъ лунь, сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, обращалъ на себя безпрерывное вниманіе участіемъ, которое громогласно изъявлялъ къ дѣйствующимъ лицамъ. Покажется ли на сцену Рыкаловъ, и вотъ старичокъ заговоритъ: «Вишь какой старый скряга, вотъ ужо тебѣ достанется!» Начнетъ ли свою сцену Прытковъ, и старичокъ тотчасъ же встрѣтитъ его громкимъ привѣтствіемъ: «Экой мошенникъ! экая бестія! вотъ

ужь настоящій каторжникъ!» При палочныхъ ударахъ Скапина Жеронту въ мѣшкѣ, старичокъ помиралъ со смѣху, приговаривая: «Дѣльно ему, дѣльно; хорошенько его, хорошенько стараго скрягу!» Но, при появленіи на сцену Болиной, игравшей роль цыганки, выходка старичка произвела общій взрывъ необыкновенной веселости и аплодисментовъ: «Ахъ, какая хорошенькая! то-то лакомый кусочекъ! Кому-то ты, матушка, достанешься?» При выходѣ изъ театра я любопытствовалъ узнать, кто этотъ старичокъ, такъ безцеремонно думающій вслухъ. Мнѣ сказали, что это дѣйствительный статскій совѣтникъ Полянскій, человѣкъ, принадлежащій къ высшему обществу, богатый и очень-уважаемый за доброту души и благонамѣренность, но, по старости лѣтъ, никуда невыѣзжающій кромѣ спектаклей, въ которыхъ онъ бываетъ ежедневно, попеременкамъ: то въ русскомъ, то во французскомъ, а иногда и въ нѣмецкомъ, когда играетъ Линденштейнъ, и всюду получаемыя имъ впечатлѣнія раздѣляетъ со всей публикой.

23 апрѣля. Среда.

Вмѣсто нѣмецкаго театра, попалъ къ Рахманову и вечеръ провелъ у него вмѣстѣ съ Вельяминовымъ. Они оба въ большихъ заботахъ о своемъ «Орфеѣ»: прійимутъ ли его на театръ? кому пѣть Эврицику? Рахмановъ полагаетъ, что для партіи Эврицики голосъ Самойловой низокъ. Я объявилъ ему, что скоро на русской сценѣ будетъ дебютировать въ роли Зетюльбы дочь какого-то француза-гитариста, Фодоръ, дѣвка знатная, кровь съ молокомъ, у которой, говорятъ, голосъ огромный; слѣдовательно, ему и безпокоиться нè о чемъ: Орфей есть — и Эврицика будетъ. Рахмановъ былъ въ восхищеніи отъ этой новости и добивался, отъ кого я слышалъ. «Отъ кого же другаго я могъ ее слышать» отвѣчалъ я, «какъ не отъ друга моего Кобякова, который, какъ настоящая театральная ищейка, все знаетъ, чтò происходитъ за кулисами и, надобно отдать ему справедливость, свѣдѣнія его всегда вѣрны. «Ну, такъ и я тебѣ скажу добрую новость» сказалъ Рахмановъ: «я наконецъ добылъ себѣ «Псаммитъ Архимеда». — «Это чтò такое?» «Это, братецъ ты мой, исчисленіе песку въ пространствѣ, равномъ шару неподвижныхъ звѣздъ—книга, которой я здѣсь на французскомъ языкѣ отъискать не могъ и которую уступилъ мнѣ Гурьевъ». Радуюсь пріобрѣтенію Петра Александровича, не зная, впрочемъ, къ чему это исчисленіе песку служить можетъ: не при мнѣ писано.

Толковали о вчерашнемъ спектаклѣ и объ игрѣ Рыкалова. Рахмановъ видѣлъ «Les fourberies de Scapin» въ Парижѣ и въ роли Скапи-

на превозносить Дазенкура, съ которымъ былъ знакомъ и о которомъ отзывается съ энтузіазмомъ: «На сценѣ — это воплощенный бѣсъ» говоритъ онъ, «но внѣ сцены умный, ученый и солидный человѣкъ, какихъ мало встрѣчаешь въ обществѣ». Слава Дазенкура началась со времени представленія «Севильскаго Цирюльника» Бомарше, и вотъ какимъ образомъ: когда, послѣ многихъ долговременныхъ и безполезныхъ домогательствъ всего парижскаго общества и самого Бомарше о дозволеніи представить par les comediens ordinaires du roi, какъ называли тогда актёровъ Французскаго Театра, комедію «Севильскій Цирюльникъ», дворъ наконецъ согласился даровать это дозволеніе; Бомарше распредѣлилъ роли своей пьесы всѣмъ первоклассымъ актёрамъ, и, между-прочимъ, роль цирюльника назначилъ знаменитому Превилю; но Превиль былъ французъ стараго покроя, un français de la vieille roche, простодушный, честный и добросовѣстный человѣкъ; онъ выучилъ и даже репетировалъ роль на сценѣ, но чувствовалъ, что лѣта лишили его надлежащей энергіи для успѣшнаго исполненія предъ взъискательною публикою этой роли, требующей, по его понятіямъ, кромѣ глубокихъ соображеній, молодости, силы и свѣжести звучнаго органа, и потому рѣшился объясниться съ Бомарше. «Послушайте» сказалъ онъ ему «вѣрите ли вы мнѣ и хотите ли, чтобъ ваша комедія имѣла успѣхъ?» — «Кто жь не повѣритъ Превилю?» отвѣчалъ Бомарше: «и какой же авторъ не пожелаетъ успѣха своей пьесѣ?» — «Такъ позвольте мнѣ передать роль мою — не удивитесь! Дазенкуру». — «Какъ Дазенкуру? Да онъ и не sociétaire вашъ, а покамѣстъ на жалованьѣ; онъ даже и не дублёръ вашъ, а третій по старшинству занимаемаго амплуа». — «Въ томъ-то у насъ и вся бѣда, что покамѣстъ иному старому чорту, главному въ амплуа, не вздумается отойдти ad patres, молодой талантъ долженъ гибнуть въ неизвѣстности и часто пропадать безъ занятія. Могу васъ честью удостовѣрить, что, для роли вашего цирюльника, другаго актёра, подобнаго Дазенкуру, не родилось еще во Франціи. Теперь рѣшайте сами, кто изъ насъ играть долженъ: я, или Дазенкуръ; я сдѣлалъ свое дѣло и за послѣдствія отвѣчать не буду; je m'en lave les mains. Но, чтобъ доказать вамъ, что объясненіе мое съ вами было слѣдствіемъ одного только уваженія къ вашему труду, а не другихъ постороннихъ побужденій, въ которыхъ насъ, старыхъ актёровъ, такъ часто упрекаютъ, то въ случаѣ передачи роли Фигаро Дазенкуру, я вызываюсь принять на себя самую незначительную роль въ вашей пьесѣ и надѣюсь дать ей замѣчательную физіономію».

Бомарше передалъ роль цирюльника Дазенкуру и не имѣлъ повода въ томъ раскаяваться: онъ съигралъ ее мастерски и съ-тѣхъ-поръ

сдѣлался любимцемъ публики. Спустя нѣсколько времени, старѣющійся Превиль всѣ лучшія роли свои раздѣлилъ между нимъ и Дюгазономъ, оставивъ себѣ только небольшія, считавшіяся ничтожными, роли, которыя, какъ, напримѣръ, роль Бридоазона, отдѣлывалъ онъ съ неизвѣстнымъ до него искусствомъ.

25-го апрѣля. Четвергъ.

Гаврила Романовичъ удивлялся, что я съ перваго дня праздника у него не былъ. «Я думалъ, что въ-самомъ-дѣлѣ не занемогъ ли ты, а ты рыскаешь по театрамъ!» Я не выдержалъ и разсказалъ ему *все*. «Только то?» спросилъ онъ, усмѣхнувшись. «Ну, это еще не бѣда: впередъ наука. Между-тѣмъ изготовь-ка что-нибудь къ хвостовской субботѣ, а завтра вечеромъ предварительно мнѣ прочитай». Я предложилъ ему на выборъ «Бардовъ», или новое стихотвореніе «Осень»; только просилъ увольненія отъ завтрашняго вечера по случаю именинъ моихъ и потому, что сбираюсь въ театръ смотрѣть «Магомета». «Ну такъ въ субботу приходи обѣдать, а тамъ и поѣдемъ вмѣстѣ къ Хвостову».

Въ Коллегіи сказывали, что какой-то неважный чиновникъ, Коженковъ, въ припадкѣ бѣшеной ревности, зарѣзалъ жену. Опамятовавшись, онъ бросился въ полицію и самъ объявилъ о своемъ преступленіи, прося поступить съ нимъ по законамъ и не извиняя себя никакими обстоятельствами. Говорятъ, что этотъ новый Отелло отчаяніемъ своимъ возбуждаетъ невольное состраданіе, тѣмъ болѣе, что жена его, по сдѣланному изслѣдованію и показанію сосѣдей, вовсе не похожа на Дездемону.

Заходилъ къ Гнѣдичу пригласить его завтра на скромную трапезу: угощу чѣмъ Богъ послалъ. Пригласилъ бы и Яковлева, еслибъ онъ не игралъ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на мое одиночество, найдутся люди разломить пирогъ надъ головою именинника. Отпраздную тезоименитство свое по преданію семейному: иначе было бы дурное предзнаменованіе для меня на цѣлый годъ.

А между-тѣмъ въ обществахъ замѣтно какое-то безпокойство: вѣсти изъ главной квартиры государя не утѣшительны. По милости нѣмцевъ, армія наша нуждается въ продовольствіи, и англичане отказали не только въ обѣщанномъ количествѣ войскъ, но даже и въ условленныхъ для нашихъ союзниковъ денежныхъ субсидіяхъ. Говорятъ, что шведскій король такъ огорчился этою недобросовѣстностью, что не хочетъ посылать десанта и входить въ переговоры съ Бонапарте. Ай-да союзники!

26-го апрѣля. Пятница.

Мнѣ очень хотѣлось узнать, нѣтъ ли здѣсь церкви, или хотя придѣла во имя св. Стефана, чтобъ отслушать обѣдню и отслужить святому просвѣтителю Перми молебенъ, но къ-сожалѣнію, по всѣмъ справкамъ, ни церкви, ни придѣла во имя его не оказалось; я слушалъ обѣдню въ Казанской. Не даромъ вчера въ Коллегіи добрый контролеръ нашъ, Ѳедоръ Даниловичъ, который признается за лучшаго статистика по части церквей, монастырей и всего принадлежащаго къ духовному вѣдомству, совѣтовалъ не терять времени въ пустыхъ разспросахъ, сказавъ рѣшительно: «Ужь если я говорю: нѣтъ, такъ вѣрно и не сыщешь; да и въ Москвѣ-то у васъ, кромѣ церкви Спаса, что̀ на Бору, гдѣ почиваютъ мощи святителя и гдѣ учреждено въ память его празднество, другихъ церквей и придѣловъ во имя его нѣтъ».

Именинное «учрежденіе» мое хоть куда: трапеза исполнена, и телецъ упитанный есть. Графъ Монфоконъ, Гнѣдичъ, Юшневскій, Хмѣльницкій, Вельяминовъ и Кобяковъ—приглашенные гости; а пожалуетъ кто еще невзначай — милости просимъ: не отпустится тощъ. Попируемъ во славу и воспоминаніе Московскаго Университета, а тамъ и въ театръ.

Гаврила Романовичъ, которому вчера я неосторожно намекнулъ о своихъ именинахъ, присылалъ поздравить. Боюсь, чтобъ онъ не подумалъ, что я напросился на это поздравленіе. Недѣльки три назадъ, вспомнили бы меня и другіе-прочіе! Досадно...

27-го апрѣля. Суббота.

«Умѣренность — лучшій пиръ» сказалъ Державинъ въ стихотворномъ приглашеніи своемъ къ обѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что афоризмъ выраженъ прекрасно. Но я, виноватъ, не очень его понимаю: что̀ кажется умѣреннымъ одному, то̀ для другаго казаться можетъ излишествомъ, а для третьяго сущимъ недостаткомъ. Все это относительно и трудно для опредѣленія. По-моему, вчерашняя трапеза моя была очень-умѣренна: именинный пирогъ, щи, окорокъ ветчины, да часть телятины; но для моего Кобякова она казалась роскошною; а попотчуй я такими же блюдами его дражайшаго родителя, избалованнаго роскошью Измайловскаго стола, онъ навѣрно бы сказалъ: «жить не умѣетъ; обѣдъ у него какъ на постояломъ дворѣ».

Ка̀къ бы то ни было, только гости мои были очень-довольны, не исключая и стараго эмигранта, который увѣрялъ, что наѣлся на недѣлю. Время провели въ разговорахъ и разсказахъ. Добрый Гнѣдичъ все съ-высока: удивлялся, ка̀къ могъ я съ удовольствіемъ смотрѣть на

«Скапиновы обманы»; добро бы на «Мизантропа», «Тартюфа» и прочія пьесы de caractère, а то площадный фарсъ — фи!» Вотъ поди, толкуй съ нимъ! Въ качествѣ хозяина я не хотѣлъ возражать Гнѣдичу, но Хмѣльницкій вступился за комедію и очень-забавно доказывалъ, что смѣяться гораздо-пріятнѣе, чѣмъ зѣвать.

Была рѣчь и о «Магометѣ». Гнѣдичъ негодовалъ, что Магомета, Омара и Сеида костюмируютъ турками, тогда-какъ они просто арабы-бедуины и, слѣдовательно, должны быть одѣты бедуинами. Графъ Монфоконъ вслушался и, вѣрный преданіямъ французскаго театра, вступился за костюмъ Магомета, присвоенный ему первоначальнымъ исполнителемъ роли, Лекеномъ. «Это очень-хорошо было въ свое время» сказалъ Гнѣдичъ: «и лучше, нежели бы Лекенъ игралъ Магомета во французскомъ кафтанѣ; но теперь, съ развитіемъ образованности, усовершенствованіями театральной сцены и сценическихъ принадлежностей, турецкій костюмъ Магомета — такая же непростительная несообразность, какъ, еслибъ, слѣдуя прежнему обычаю, надѣть на Агамемнона огромный напудренный парикъ и затянуть Федру въ длинный корсетъ и фижмы».— «C'est incontestable» подхватилъ старый французъ, засмѣявшись: «et pourtant j'ai bien vu de mes propres yeux m-lle Duclos jouer Electre avec une robe ronde à queue, des paniers et une coiffure à trois étages, poudrée et couronnée des fleurs; et pour vous dire tout, messieurs, c'est moi, qui lui avait fourni la robe». Мы померли со смѣху.

Въ театръ отправились мы вмѣстѣ съ Кобяковымъ и чуть-чуть не опоздали къ началу. Я очень удивился, когда, по поднятіи занавѣса, вмѣсто палатъ зопировыхъ, увидѣлъ на сценѣ морской берегъ, множество народа въ древне-ирландскихъ костюмахъ, Самойлова съ арфою въ рукахъ и Семенову на какомъ-то возвышеніи, окруженную толпою молодыхъ подругъ. «Петръ Николаевичъ, это что̀ такое?»—«Это «Фингалъ».—«Но вѣдь назначенъ былъ «Магометъ?»—«Видно, перемѣнили спектакль по болѣзни кого-нибудь изъ актёровъ». — И прекрасно! «Магометъ» впереди, а теперь посмотримъ на «Фингала», котораго я еще не видалъ.

«Фингалъ», по мнѣнію Мерзлякова, трагедія плохая; онъ говорилъ— а ему можно вѣрить—что Озеровъ, какъ школьникъ, написавъ «Фингала» послѣ «Эдипа», спустился съ первой лавки на послѣднюю. Но я собственно интересовался не самою трагедіею, а игравшими въ ней Шушеринымъ, Яковлевымъ и Семеновою. Они всѣ трое играли хорошо; но изъ нихъ Шушеринъ лучше всѣхъ, потому-что въ занимаемой имъ роли есть страсть, жажда мщенія, которою онъ могъ воспользоваться, чтобъ дать роли своей надлежащую физіономію; между-тѣмъ, какъ изъ

ролей Фингала и Моины, персонажей страдательныхъ и безцвѣтныхъ въ самой взаимной любви своей, едва-ли чтò можно было сдѣлать другое, кромѣ того, чтò сдѣлали Яковлевъ и Семенова, то-есть прекрасно читали прекрасные идиллическіе стихи и обворожали зрителей прелестью своей наружности. Въ-самомъ-дѣлѣ, Яковлевъ, въ роли Фингала, можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ художнику для картины: это настоящій вождь Морвена: черты лица, станъ, походка, тѣлодвиженіе, голосъ—все было очаровательно въ этомъ баловнѣ природы. Что жь касается до искусства его въ роли «Фингала», то мнѣ кажется, оно заключалось въ одномъ отсутствіи всякаго искусства: онъ игралъ съ одушевленіемъ и непринужденно, кàкъ и слѣдовало играть роль «добраго малаго» Фингала, который пороху не выдумалъ и котораго, по собственному его сознанію,

...Искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ...

но затѣмъ и баста. Впродолженіе всей пьесы я замѣтилъ одну только сцену, въ которой Яковлевъ былъ истинно-превосходенъ, потому-что, видно, нашелъ ее достойною того, чтобъ надъ нею потрудиться. Это сцена спора, когда Фигналъ упрекаетъ Старна въ недобросовѣстности:

Царь, измѣняешь ли ты слову своему:
Коль намъ не вѣрить, царь, то вѣрить ли кому?

и затѣмъ отвѣтъ его на угрозу Старна: «Ты въ областяхъ моихъ!»—

Я здѣсь не въ первый разъ!

Это полустишіе сказано было Яковлевымъ съ такою энергіею, что у меня кровь прихлынула къ сердцу. За это полустишіе, которымъ онъ увлекъ всю публику и отъ котораго застоналъ весь театръ, можно было простить геніальному актёру все его своенравіе въ исполненіи прочихъ частей роли Фингала.

Семенова — красавица, Семенова — драгоцѣнная жемчужина нашего театра, Семенова имѣетъ все, чтобъ сдѣлаться одною изъ величайшихъ актрисъ своего времени; но исполнитъ ли она свое предназначеніе? Сохранитъ ли она ту постоянную любовь къ искусству, которая заставляетъ избранныхъ пренебрегать выгодами спокойной и роскошной жизни, чтобъ предаться неутомимымъ трудамъ для пріобрѣтенія нужныхъ познаній? Не слишкомъ ли рано нарядилась она въ бархатные капоты, облеклась въ турецкія шали и украсилась разными дорогими погремушками? Сколько я отъ всѣхъ слышу, да и самъ частью испыталъ на репетиціи «Дмитрія Донскаго», когда она такъ грубо отпотчивала меня своимъ высокомѣрнымъ «чего-съ?» — въ ней недостаетъ образованности,

простоты сердца и той душевной теплоты, которую французы разумѣютъ подъ словомъ : amenité; а эти качества, за малымъ исключеніемъ, всегда бываютъ принадлежностью великихъ талантовъ. Семенова прекрасно съиграла Моину, безподобно играла Антигону и Ксенію, но этихъ ролей недостаточно, чтобъ положительно судить о рѣшительной будущности ея таланта. Эти роли могла играть она по внушенію другихъ: бывали же у насъ актрисы, которымъ, по безграмотству ихъ, начитывали роли, но которыя, однакожь, имѣли успѣхъ, покамѣстъ не предоставляли ихъ самимъ себѣ. Милая Семенова, вы, безспорно, красавица, безспорно драгоцѣнная жемчужина нашего театра, и вами не безъ причины такъ восхищается вся публика; но скажите, отчего я, профанъ, не плачу, смотря на игру вашу, какъ обыкновенно плачу я по милости товарища вашего, Яковлева?...

Но время къ пѣвцу Фелицы, чтобъ до обѣда успѣть прочитать ему мою «Осень», или, скорѣе «Осень» мистриссъ Робинзонъ, которую передѣлалъ я на свой ладъ.

28-го апрѣля. Воскресенье.

Вечеръ А. С. Хвостова не дается, какъ кладъ, и отложенъ опять до будущей субботы, по внезапному нездоровью хозяина.

Гаврила Романовичъ былъ очень-доволенъ моею «Осенью», но замѣтилъ, что въ «Бардахъ» больше воображенія и силы. Разумѣется, такъ : въ этой небольшой поэмѣ столько такой разнообразной чухи, какой не отъищешь и въ сочиненіяхъ самого Семена Сергѣевича Боброва, сумбуротворца по-преимуществу.

Сегодня у графа А. Н. Салтыкова по какому-то случаю танцовальная вечеринка. Молодая хозяйка любитъ повеселиться и потанцовать; и это очень-естественно въ такой пригожей и любезной женщинѣ; жаль только, что, за отсутствіемъ гвардіи, теперь въ городѣ мало хорошихъ танцоровъ, и чтобъ помочь горю, графъ Соллогубъ набираетъ изъ статскихъ «мастеровъ бальнаго дѣла»; но, кажется, наборъ неочень удается : всѣ заумничали и лѣзутъ въ серьёзные и дѣловые люди.

29-го апрѣля. Понедѣльникъ.

Изъ Коллегіи ѣздилъ съ запоздалыми визитами : былъ у Ададуровыхъ и Воеводскихъ. Анна Ивановна пополнѣла, а Катерина Петровна, мнѣ кажется, еще болѣе похорошѣла. У первой засталъ обер-гофмейстера Тарсукова, свояка извѣстной Марьи Савичны Перекусихиной, первой и любимой камер-фрау императрицы Екатерины II-й. Онъ очень-

богатъ, и это состояніе наслѣдовала жена его послѣ смерти сестры. Говорятъ, что ей досталось однихъ только брильянтовъ и жемчуговъ на полмильйона. Анна Ивановна тоскуетъ о другѣ своемъ, Протасовѣ, который находится въ походѣ вмѣстѣ съ полкомъ Конной-Гвардіи. Понимаю это чувство : привычка—великое дѣло. Воеводская же разсказывала, что она не чувствуетъ ногъ подъ собою : протанцовала у графини Салтыковой цѣлую почти ночь и пріѣхала домой на разсвѣтѣ! Я совѣтовалъ ей беречь себя и красоту свою, которая отъ неумѣренныхъ танцевъ, и особенно отъ ночей, проведенныхъ безъ сна, пострадать можетъ. «А на что̀ мнѣ красота?» возразила она : «я замужемъ и прельщать никого не намѣрена. Годомъ прежде, годомъ послѣ, а все же надобно будетъ подурнѣть и состарѣться : по-крайней-мѣрѣ, пока время не ушло, напрыгаюсь и навеселюсь вдоволь, а тамъ и пріймусь за нравоученія своимъ дѣтямъ». Это въ своемъ родѣ также логика. Я спрашивалъ, справились ли съ кавалерами? — «Множество ихъ было» отвѣчала она: «и всякаго разбора : ловкихъ и неловкихъ; но для меня все-равно, какіе эти господа ни были бы, лишь бы шаркали по паркету». Ну, и это дѣло, подумалъ я. Слѣдовательно , «Vous n'etes pas pour les grands sentiments?» спросилъ я опять премилую мою хозяйку. — «Eh, mon Dieu, monsieur, je n'ai jamais etudié la metaphysique, et en verité, je ne sais pas à quoi peuvent ils servir». Послѣ этой выходки для меня все стало ясно, какъ день, и я вышелъ отъ красавицы съ новыми познаніями въ физіологіи женщинъ. «Courte et bonne», говорятъ французы; «kurz, aber lustig», повторяютъ нѣмцы; а какой смыслъ дать этимъ фразамъ на русскомъ языкѣ — я еще не придумалъ.

30-го апрѣля. Вторникъ.

Забывъ, что мой гасконецъ католическаго исповѣданія и что онъ не можетъ быть сегодня именинникомъ, я пришелъ поздравить его, какъ водится, со днемъ ангела, и принесъ ему большую банку варенья полевой клубники, здѣсь малоизвѣстнаго, которое такъ ему нравилось въ Липецкѣ. Старикъ очень обрадовался вниманію моему, а также, думаю, и варенью, и тотчасъ спряталъ его въ свой кабинетный шкапъ, объявивъ дочерямъ и внучкѣ, что имъ не удастся отвѣдать изъ него ни ягодки; а барышни напустились на меня, зачѣмъ я не отдалъ этого варенья имъ, потому-что старикъ въ одинъ день *все* съѣстъ и послѣ оттого занеможетъ : «Comme si vous ne connaissez pas notre cher papa!» Но дѣлать было нѐчего : подслужился не въ-попадъ.

Лабаты танцовали также третьягодня у графини Салтыковой и разсказывали о подвигахъ Катерины Петровны : «Croyez vous, говорили

онѣ, qu'elle n'a pas quitté le parquet depuis 10 heures du soir jusqu'à 5 heures du matin, et puis toujours gaie, prevenante et aimable. En verité, c'est un ange.» Я объявилъ, что вчера провелъ у нея больше часу, и пересказалъ имъ весь нашъ разговоръ. «Oui, oui, подхватили онѣ: c'est elle même, ни лучше, ни хуже, какъ ее создалъ Богъ». Я оставилъ ихъ въ этихъ мысляхъ и не договорилъ того, что̀ я думаю.

Завтра гулянье въ Екатерингофѣ. Мнѣ очень хочется сравнить его съ нашимъ московскимъ гуляньемъ 1-го мая въ Сокольникахъ. Говорятъ, что нынѣшній годъ оно будетъ бѣдно какъ щегольскими экипажами, такъ и кавалькадами, потому-что гвардія въ отсутствіи и что смотрѣть нѐчего. Нужды нѣтъ: надобно побывать изъ любопытства.

1-го мая. Среда.

Екатерингофское гулянье въ сравненіи съ сокольницкимъ то же, что̀ здѣшняя толкотня въ лазареву-субботу по линіи Гостинаго Двора въ-сравненіи съ гуляньемъ на Красной Площади въ Москвѣ: узко, тѣсно, бѣдно и неуклюже. Нарядныхъ экипажей и охотничьихъ упряжекъ нѣтъ, а о богатыхъ барскихъ палаткахъ, которыя бы служили сборнымъ мѣстомъ для лучшаго общества, какъ это бываетъ въ Сокольникахъ — нѣтъ и помину. Вмѣсто трехъ-четырехъ табаровъ удалыхъ цыганъ, вмѣсто нѣсколькихъ отличныхъ хоровъ русскихъ пѣсенниковъ и роговой музыки, разставленныхъ тамъ-и-сямъ по сокольничей рощѣ на полянкахъ, ближайшихъ къ дорогѣ, по которой движутся ряды экипажей, въ Екатерингофѣ красуются однѣ питейныя выставки, около которыхъ толпится народъ, а по мѣстамъ сѣрѣютъ запачканные парусинные навѣсы и полупалатки — пріютъ самоварниковъ; при нѣкоторыхъ изъ этихъ походныхъ трактировъ поются пѣсни и слышится по-времеменамъ рожокъ, или кларнетъ; но хриплые, давленые голоса и сиплый дребезжащій звукъ вполовину-расколотаго инструмента отнимаютъ охоту наслаждаться такою музыкою.

Пробираясь лѣсомъ все далѣ-и-далѣ, мы наконецъ пришли къ деревушкѣ, состоящей изъ ряда небольшихъ однофасадныхъ домишекъ въ три окошка на улицу. Эта деревушка называется Екатерингофскою Слободкою и, кажется, есть le nec plus ultra гулянья, потому-что вереница экипажей отъ нея поворачивала въ обратный путь. Всѣ окна въ домишкахъ были отворены настежъ, и проходящіе могли видѣть все, что̀ происходило въ комнатахъ; а происходило въ нихъ то̀, что̀ большею частью происходитъ у хозяевъ, угощающихъ пріятелей, наѣхавшихъ

къ нимъ по случаю гулянья, то-есть, попойка. Проходя мимо одного домишка, вросшаго почти въ землю, я вдругъ увидѣлъ предлинную и прехудощавую фигуру, которая, высунувшись изъ окна, схватила безъ церемоніи за воротникъ друга и вожатаго моего, Кобякова, и съ громкимъ восклицаніемъ: sta viator! потащила его къ себѣ въ окошко, приговаривая: «такъ-то пріятель, мимо проходишь, къ намъ не заходишь; все бы тебѣ къ актёрамъ и актрисамъ; нѣтъ, любезный, теперь не вывернешься».—«И радъ бы, Левонтій Герасимычъ, да нельзя: я не одинъ», пропищалъ мой Кобяковъ».— «Съ кѣмъ же ты? съ актёромъ что ли какимъ?» — «Нѣтъ, съ землякомъ, который недавно здѣсь и въ Коллегіи служитъ».—«Такъ и его проси».—«Да онъ, можетъ, не пойдетъ».— «Ну такъ притащи его» и вдругъ, оборотясь ко мнѣ, Левонтій Герасимычъ закричалъ: «Гей, милостивый государь, какъ ваше имя и отечество—не знаю! покорнѣйше прошу сдѣлать мнѣ честь пожаловать на стаканъ пуншу: не то, я земляка вашего задушу».— Видя, что народъ собирается около насъ и опасаясь скандалу, я рѣшился идти на выручку Кобякова, у котораго такіе пріятные и безцеремонные знакомцы, и сказалъ, что зайду съ удовольствіемъ. Услышавъ это, Левонтій Герасимычъ ослабилъ желѣзную свою лапу и освободилъ моего карапузика.

Мы вошли въ комнату: съ полдюжины гостей сидѣли развалившись, кто на софѣ, кто на креслахъ, и потягивали пуншикъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ баринъ, довольно-плотный, съ краснымъ угреватымъ лицомъ, въ синемъ, выложенномъ черными шнурками казакинѣ, шелковомъ пестромъ канареечнаго цвѣта жилетѣ и широкихъ плюсовыхъ шароварахъ, который бренчалъ на какой-то балалайкѣ особенной конструкціи, припѣвая себѣ подъ-носъ. Всѣ пальцы пухлой руки его изукрашены были кольцами и перстнями разныхъ величинъ и фасоновъ. «Это знаменитый Хруновъ», шепнулъ мнѣ Кобяковъ, какъ-бы желая пріятно удивить меня.— «Кто Хруновъ: хозяинъ, или баринъ съ балалайкою?»—«Баринъ съ балалайкой».—«Чѣмъ же знаменитъ онъ?»— «А вотъ увидишь».

Между-тѣмъ, долговязый хозяинъ явился съ нѣсколькими стаканами горячаго пуншу и прямо къ намъ: «милости просимъ выкушать!»— Товарищъ мой схватилъ стаканъ, но я попросилъ увольненія, потомучто неохотно пью пуншъ, да и запахъ родимой горѣлки какъ-то непріятно подѣйствовалъ на мое обоняніе. «Отчего же вы не пьете?»— «Признаюсь, не люблю».—«Не хотите ли мадеры»?—«Нѣтъ, благодарю покорно».—«Да впрочемъ мадеры-то у меня и нѣтъ; не хотите ли лучше шампанскаго?»—«Извините; что-то не хочется».—«У меня

и шампанскаго нѣтъ; но, можетъ-быть, вы любите сладкіе напитки, малагу, напримѣръ?» — «За обѣдомъ иногда пью». — «Ну и малаги нѣтъ у меня. Чѣмъ же просить васъ?» — «Не безпокойтесь: право, ничего не хочется». — «Да надобно же выпить что-нибудь». Тутъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу и какъ-бы спохватившись: «Знаете ли», сказалъ онъ, «у меня есть отличный квасъ: не выпить ли квасу?»—«Квасу выпью съ большимъ удовольствіемъ», отвѣчалъ я: «это мой обыкновенный напитокъ». И вотъ услужливый хозяинъ мой побѣжалъ за квасомъ, но чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ извиненіемъ, что квасъ весь вышелъ, но за-то есть свѣжая колодезная вода, которую многіе предпочитаютъ невской, и потому онъ совѣтуетъ мнѣ выпить хоть воды. Разумѣется, я согласился на воду, едва-едва удерживаясь отъ смѣха.

Обнеся собесѣдниковъ пуншемъ, Левонтій Герасимычъ обратился къ «знаменитому», по словамъ Кобякова, Хрунову съ просьбою потѣшить новоприбывшихъ гостей пѣсенкою: «Ужь не откажите, Матвѣй Григорьичъ, не откажите; вѣдь не часто намъ выдаются аказіи васъ послушать».—«Почему жь и не такъ?» отвѣчалъ Хруновъ очень-самодовольно, «насъ достанетъ для всѣхъ: для васъ и для вашего частнаго пристава, у котораго сегодня, послѣ гулянья, я долженъ быть на *банкетѣ*». И вотъ «знаменитый» Хруновъ, ударивъ по струнамъ своей балалайки такъ сильно, что онѣ чуть не лопнули, запѣлъ знакомую пѣсню «Барыня, барыня», но съ припѣвами, какъ видно, собственнаго сочиненія и такими оригинальными приговорками, что невольно заставилъ насъ внимательно его слушать. Сначала игралъ и пѣлъ онъ довольно-тихо, но по мѣрѣ того, какъ входилъ, по выраженію хозяина, «въ пассію» игра, его, пѣніе и поговорки становились все бойчѣе-я-бойчѣе, такъ-что, подъ-конецъ, онъ, вскочивъ съ креселъ, началъ сперва притопывать ногою въ кадансъ и потомъ, постепенно оживляясь, какъ шаманъ, пустился изъ всей мочи въ плясъ, приговаривая на виршахъ всякій вздоръ о себѣ и о другихъ, какой только могъ ему прійдти въ голову:

А Хруновъ, сударь, Хруновъ
Изъ числа большихъ вруновъ.
Барыня, барыня!
У Хрунова ни гроша
За то слава хороша.
Барыня, барыня!
У Хрунова нѣтъ родни:
Лишь измайловцы одни.
Барыня, барыня!

Между-тѣмъ, начинало смеркаться, и меня подмывало домой. Я напомнилъ товарищу, что въ гостяхъ какъ ни хорошо, а дома лучше, и звалъ его въ обратный путь; но хозяинъ, замѣтивъ наши сборы, предложилъ закуску: «Вѣдь надобно же закусить на дорогу: котлетку, напримѣръ, или цыплёночка — что̀ полегче; правда, котлетъ у меня не стряпаютъ, да и цыплятъ нѣтъ; за-то есть славная колбаса и жареный глухарь: покорнѣйше прошу, сейчасъ подадутъ». Но я на этотъ разъ остался глухъ къ приглашенью и, несмотря на явное желаніе Кобякова отвѣдать колбасы и глухаря, увелъ его отъ оригинальнаго обитателя Екатерингофской Слободки.

Дорогою Кобяковъ разсказалъ мнѣ, что титулярный совѣтникъ Леонтій Герасимычъ Максютинъ — его сослуживецъ и занимаетъ должность столоначальника въ Военной Коллегіи; что онъ очень-любимъ начальствомъ за свою дѣятельность и, сверхъ жалованья, получаетъ ежегодное награжденье. «Человѣкъ очень-хорошій» прибавилъ Кобяковъ: «но престрашный чудакъ. Недавно женился на мѣщанкѣ, дочери лавочника, которая принесла ему въ приданое тотъ самый домишко, гдѣ онъ угощалъ насъ, и тысячъ пять рублей деньгами. Вотъ ему теперь и чортъ не братъ». — «Ну, а Хруновъ что̀ за птица?» — «Хруновъ, нетолько пѣвецъ и плясунъ, но и главный полковой актёръ, отличавшійся въ роли Самозванца (*). Онъ изъ солдатскихъ дѣтей, служилъ унтер-офицеромъ въ Измайловскомъ Полку, теперь въ отставкѣ; поетъ, пляшетъ и составляетъ необходимую принадлежность вечеринокъ офицеровъ Измайловскаго Полка, и даже самого шефа этого полка, генерала Малютина (**). Малой разбитной: его весело слушать».

Я не хотѣлъ возражать, потому-что о вкусахъ не спорятъ.

3-го мая. Пятница.

Борисъ Ильичъ пригласилъ меня вчера на взморье поохотиться на утокъ. Я согласился единственно изъ любопытства и отъ-нечего-дѣ-

---

(*) Полковые спектакли на святкахъ и на масляницѣ бывали очень-любопытны. Обыкновенно игрались трагедіи и, чаще другихъ, «Дмитрій Самозванецъ» — пьеса преимущественно-любимая солдатами. Въ ней можно было встрѣтить иногда Ксенію съ усами и Георгія двухъ аршинъ тринадцати вершковъ ростомъ.

(*) Генерал-лейтенантъ Малютинъ и шефъ Лейб-гусарскаго Полка, Андрей Семеновичъ Кологривовъ, были извѣстные bons vivants въ русскомъ духѣ. Въ тогдашнее время о нихъ говорили: «кто у Малютина пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умрётъ, тотъ два вѣка проживетъ». *Позднѣйшее примѣчаніе.*

лать, вовсе не считая на потѣшную охоту и не полагая, по словамъ самого Бориса Ильича, найдти много дичи около береговъ Финскаго Залива: «Таскаешься, таскаешься цѣлый день, да и убьешь чирка», сказалъ онъ мнѣ еще прошедшею зимою. Однакожь, на мое счастье, мы охотились довольно-удачно: убили нѣсколько паръ разной дичи и поймали тюленя, а, главное, время провели не скучно.

Послѣ простаго, но сытнаго обѣда у добраго казначея, мы сѣли въ коллежскій катеръ, запасшись графинчикомъ водки, нѣсколькими бутылками квасу и холодною закускою, и отправились изъ коллежскаго дома, по теченью Невы. Обогнувъ Васильевскій Островъ и миновавъ Вольные и Крестовскій Острова, гребцы наши поставили парусъ и не болѣе какъ въ часъ времени достигли того мѣста на берегу залива, гдѣ обыкновенно останавливается Борисъ Ильичъ для охоты и гдѣ построилъ онъ на свой счетъ шалашъ, стоившій ему «около семи рублей». По выходѣ изъ катера, мы прошли саженъ двѣсти вдоль по берегу и засѣли въ кустахъ ожидать приближенья къ намъ утокъ, которыхъ множество плавало по заливу, но такъ далеко, что выстрѣлы наши долетѣть до нихъ не могли, и, вѣроятно, пришлось бы намъ долго дожидаться ихъ приближенья, еслибъ, по-счастью, другіе охотники, разъѣзжавшіе на лодкахъ и елботахъ по взморью, выстрѣлами своими не прогнали птицъ подъ самые наши выстрѣлы. Я убилъ двухъ утокъ, а Борисъ Ильичъ и одинъ изъ гребцовъ застрѣлили по одной. Бывшая съ нами лягавая собака очень-ловко перетаскала ихъ изъ воды на берегъ; но тутъ между нами возникло недоразумѣнье: въ числѣ четырехъ убитыхъ птицъ находилось два нырка, которыми пренебрегаютъ охотники по ихъ отвратительному рыбному запаху: кто убилъ этихъ нырковъ, по которымъ добрые охотники даже и не стрѣляютъ? Разумѣется, вся вина пала на меня, потому-что, видишь, я «не здѣшній, и петербургская орнитологія мнѣ незнакома»; а такъ-какъ для меня это было совершенно все-равно, то я охотно и согласился быть виноватымъ. Вскорѣ поднялась еще ватага утокъ со взморья и пролетѣла почти надъ нашими головами; мы дали залпъ, и еще три птицы повалились къ ногамъ нашимъ — всѣ онѣ были хорошаго сорта. Возвращаясь изъ нашей засады къ катеру, Борисъ Ильичъ, къ великому своему удовольствію, застрѣлилъ пару куличковъ, а я дрозда, который, на бѣду свою, порхалъ надъ кустарникомъ.

На обратномъ пути, замѣтивъ, что у одного изъ заколовъ на взморьѣ стоялъ катеръ и закидывалась тоня, мы подъѣхали къ нему, любопытствуя узнать, начался ли уловъ лососей, какъ вдругъ съ плота послышался голосъ: «Это вы, Борисъ Ильичъ? Откуда?»—«А! это вы,

Матвѣй Григорьичъ? Вы какъ здѣсь очутились?» — «Да вотъ видите: плотно пообѣдали и трохи подгуляли, такъ пріѣхали поосвѣжиться. Вы съ охоты?» — «Съ охоты и довольно-счастливой: парочкой уточекъ и вамъ служить будемъ». — «Благодаримъ на пріязни; а вотъ мы четвертую закидываемъ—ни молявки». — «Такъ и быть должно: лососкамъ пора еще не пришла». — «Да выйдьте къ намъ, Борисъ Ильичъ, на стаканчикъ шампанеи. Кто тамъ еще съ вами?» — «Пріятель-сослуживецъ: я сегодня охотился его счастьемъ». — «Ну, такъ милости просимъ; авось его счастьемъ и намъ попадется что-нибудь».

Мы взошли на заколъ; намъ тотчасъ же поднесли по стакану шампанскаго и подали въ корзинѣ хлѣба, сыру и ветчины для закуски. Вечеръ былъ тихій и ясный. Все взморье представляло видъ огромнаго, гладкаго зеркала. Не умѣю выразить, ка̀къ подѣйствовало на меня это очаровательное однообразіе необозримой массы водъ и эта, ничѣмъ почти невозмущаемая, тишина. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть такую картину...

«А что̀, Борисъ Ильичъ, не закинуть ли намъ тоню на счастье вашего сослуживца?» сказалъ Матвѣй Григорьевичъ, и потомъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ: «позволите?» Я отвѣчалъ, что готовъ подѣлиться съ нимъ своимъ счастьемъ, но прежде желалъ бы испытать самъ удачи и закинуть тоню собственно для себя. «Ну, такъ съ Богомъ! прежде вамъ, а послѣ намъ».

Между-тѣмъ рыбаки вытащили закинутую уже тоню, въ которой ничего не нашлось, кромѣ двухъ или трехъ мелкихъ корюшекъ, и немедля стали завозить неводъ для меня. Покамѣстъ продолжалась эта завозка, Матвѣй Григорьевичъ подчивалъ опять шампанскимъ, до котораго, кажется, былъ большой охотникъ, и наконецъ, приказалъ поставить самоваръ, спросивъ предварительно: «не позабыли ли взять съ собою рому?» — «Все есть» откликнулся бойкій малый лѣтъ двадцати: «и ромъ, и водка; ничего не забыли». — «Инъ ладно!»

Но вотъ рыбаки начали выбирать на плотъ мою тоню и что-то перешептываться между собою. Я спросилъ ихъ, о чемъ говорятъ они. «Да что-то не въ мѣру тяготно. Лососкамъ лову большаго нѣтъ: попадется одинъ, много два; думаемъ: не осетръ ли?» Услышавъ объ осетрѣ, всѣ бросились къ неводу и съ любопытствомъ стали ожидать выгрузки матни съ возвѣщеннымъ осетромъ. Однакожь, общія ожиданія не сбылись, и «на счастье» мое вытащена была не красная рыба, а сѣрый, прежирный тюлень.

Всѣ захохотали, но я вовсе не тужилъ: вопервыхъ, я радъ былъ случаю увидѣть тюленя, о которомъ только по картинкамъ имѣлъ нѣ-

которое понятіе; а вовторыхъ, хотя бы и осетръ былъ пойманъ, то все же онъ, по принятому правилу, долженъ былъ принадлежать не мнѣ, а хозяину закола.

Послѣдняя закинутая тоня была на мое счастье, но въ пользу Матвѣя Григорьевича, и на этотъ разъ онъ не имѣлъ причины жаловаться на неудачу: вытащили довольно разной рыбы: сиговъ, окуней, ершей и, между-прочимъ, двухъ угрей, которыхъ я также прежде не видывалъ. Старые пріятели раздѣлили тоню между собою и, послѣ двухъ-трехъ стакановъ пунша, мы отправились по домамъ, потому-что былъ уже первый часъ ночи.

Дорòгой спросилъ я Бориса Ильича, кто такой этотъ Матвѣй Григорьичъ и съ кѣмъ онъ былъ на тонѣ. «Это извѣстный Валежниковъ» отвѣчалъ онъ: «имѣющій дѣла съ Коммиссаріатомъ и Провіантскимъ Департаментомъ, большой пріятель Перетца, а товарищи его, кажется, коммиссаріатскіе или провіантскіе чиновники; онъ человѣкъ очень-хорошій и знаетъ свое дѣло».—«А кто жь такой Перетцъ?»—«Перетцъ, богатый еврей, у котораго огромныя дѣла по разнымъ откупамъ и подрядамъ, и особенно по перевозкѣ и поставкѣ соли въ казенные магазины».—«Ну» подумалъ я: «это долженъ быть именно тотъ, о которомъ говорятъ: «гдѣ соль, тутъ и перецъ».

4-го мая. Суббота.

Сейчасъ отъ Александра Львовича. Удивительный человѣкъ! Съ нимъ время проходитъ незамѣтно. Засталъ у него Бантыша-Каменскаго, обыкновеннаго его спутника въ утреннихъ прогулкахъ, и плѣшиваго Константинова, который считается послѣднею отраслью великаго Ломоносова. Александръ Львовичъ сѣтовалъ, что нынѣшній годъ корабли съ устрицами опоздали, потому-что Нева вскрылась слишкомъ-поздно. «Да ужь мнѣ эта Нева!» подхватилъ Константиновъ: «я проигралъ въ Англійскомъ Клубѣ два заклада на нее, проклятую; осенью держалъ пари, что она станетъ не прежде 4-го ноября, а ныньче, великимъ постомъ, что вскроется прежде 20-го апрѣля, и, къ-несчастью, не случилось ни того, ни другаго. Кто жь могъ предвидѣть, что эта капризница въ первомъ случаѣ поспѣшитъ, а въ другомъ опоздаетъ? Я такъ несчастливъ, что, на бѣду мою, измѣняются и самые законы природы.»

Вскорѣ пріѣхалъ Павелъ Михайловичъ Арсеньевъ, поклонникъ Крюковскаго, и сталъ увѣрять при всѣхъ, что его трагедія «Пожарскій», которая будетъ представлена на театрѣ въ концѣ этого мѣсяца, первая трагедія въ свѣтѣ. Некстати было возражать ему, а, признаюсь,

сердце порывалось на споръ, потому-что Павелъ Михайловичъ, хотя и добрый человѣкъ, но городитъ ахинею, какъ пьяный школьникъ.

Александръ Львовичъ сказалъ мнѣ: «Je crois que vous etes accablé d'affaires au Collège». Я отвѣчалъ, что по службѣ рѣшительно никакого дѣла нѣтъ, но занимаюсь литературою, а иногда хожу въ театръ, и, еслибъ позволялъ карманъ, то ходилъ бы ежедневно. Это замѣтилъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, что не вызовется ли онъ предложить мнѣ даровой входъ въ театръ на порожнія мѣста; но его высокопревосходительство догадаться не изволилъ.

Сегодня очередной вечеръ Хвостова. Удивляюсь, ка̀къ онъ опять по какому-нибудь случаю не отказанъ. Не знаю, какіе стихи заставитъ меня читать Гаврила Романовичъ: «Барды» или «Осень». Ему нравятся «Барды», но мнѣ они вовсе не по душѣ и, право, совѣстно читать ихъ; а дѣлать нѐчего: самъ кругомъ виноватъ.

5-го мая. Воскресенье.

Вчерашній литературный вечеръ А. С. Хвостова былъ послѣднимъ изъ литературныхъ вечеровъ, и до осени ихъ болѣе не будетъ. Гаврила Романовичъ уѣзжаетъ въ свою Званку, на берега Волхова, и хочетъ, на досугѣ, заняться стихотворнымъ описаніемъ сельской своей жизни. «Лира мнѣ больше не по силамъ» говоритъ онъ: «хочу приняться за цѣвницу». Но, кажется, что онъ только такъ говоритъ, а думаетъ иначе, и при первомъ случаѣ не утерпитъ, чтобъ опять не приняться за оду: ка̀къ бы человѣкъ въ силахъ ни ослабѣлъ, онъ не можетъ идти наперекоръ своему призванію. «Chassez le naturel, il revient au galop».

Я нѣсколько опоздалъ къ чтенію и вошелъ въ гостиную, когда оно уже началось. А. С. Шишковъ читалъ какую-то дѣтскую повѣсть, одну изъ многихъ, приготовленныхъ имъ къ изданію и составляющихъ продолженіе къ изданнымъ уже имъ въ прошедшемъ году. Разумѣется, не было конца похваламъ повѣсти, а еще болѣе намѣренью автора; послѣднее точно сто̀итъ добраго ему спасиба отъ всѣхъ честныхъ людей. Каково бы ни было достоинство повѣсти въ литературномъ отношеніи, о которомъ, впрочемъ, я ничего сказать не могу, потому-что слышалъ ее только вполовину, но, признаюсь, нельзя было безъ особаго уваженія смотрѣть на этого почтеннаго человѣка, который съ такою любовью посвящаетъ труды свои дѣтямъ.

За этимъ князь Шихматовъ читалъ свое подражаніе восьмой сатирѣ

Буало (*). Всѣ удивлялись, что Шихматовъ вдругъ сдѣлался сатирикомъ, потому-что этотъ родъ поэзіи несвойственъ его таланту. Однакожь, сатира его имѣетъ свои достоинства и по мыслямъ и по языку. Преудивительный человѣкъ этотъ Шихматовъ! Кàкъ я ни вслушивался въ риѳмы, но не могъ замѣтить ни одного стиха, оканчивающагося глаголомъ. Особый даръ и особая сила слова (*)!

Ныньче, видно, мода на сатиры: вотъ ужь четвертая, которую удается мнѣ слышать: Горчакова, Шаховскаго, Марина и, наконецъ, Шихматова.

Послѣ чаю Крыловъ попотчивалъ насъ баснею: «Медвѣдь и Пустынникъ»; это переводъ изъ Лафонтева; но какой переводъ! прелесть! стòитъ оригинала. Медвѣдь у него совершенно-живой:

. . . . Завидя муху,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу
И думаетъ: постой, вотъ я тебя, воструху!

А кàкъ читаетъ этотъ Крыловъ! внятно, просто, безъ всякихъ вычуръ и, между-тѣмъ, съ необыкновенною выразительностью; всякій стихъ такъ и врѣзывается въ память. Послѣ него, право, и читать совѣстно.

Собесѣдники дѣлали ему множество комплиментовъ и, между-прочимъ, чрезвычайно хвалили комедію его «Урокъ Дочкамъ». Лабзинъ замѣтилъ, что, кромѣ нравственной цѣли, которую Крыловъ умѣлъ развить съ такимъ искусствомъ въ своей комедіи, въ ней, какъ въ пьесахъ Мольера, есть величайшее достоинство *совершеннаго отсутствія самого автора*, и что, онъ умѣлъ избѣжать этого нестерпимаго притязанья нашихъ комиковъ на острословіе, которымъ они желаютъ высказываться сами, тогда-какъ надобно выказывать характеры своихъ персонажей. «Жаль одного» сказалъ онъ: «что комедія «Урокъ Дочкамъ», не написана стихами: тогда была бы она еще совершеннѣе.»

«А почему жь бы она была совершеннѣе?» возразилъ прозаикъ И. С. Захаровъ: «ничего не бывало: эта комедія, хотя она и въ одномъ дѣйствіи, имѣетъ всѣ достоинства des pièces de caractère и легко обой-

---

(*) De tous les animaux qui s'elevent dans l'air
Qui marchent sur la terre ou nagent dans la mer, и проч.

(*) Такъ прежде казалось автору «Дневника», и онъ сознается, что удивленіе его было безотчетно и неосновательно. Это литературный фокусъ-покусъ, одна побѣжденная трудность и не заключаетъ въ себѣ большаго достоинства. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

дется безъ стиховъ, которыми нужно только скрашивать les pièces de circonstance, по ничтожности ихъ содержанія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ.»

«А потому» подхватилъ Карабановъ: «что острое слово въ стихахъ скорѣе врѣзывается въ память и поступки людей разительнѣе представляются въ стихахъ, нежели въ прозѣ.»

«Избави насъ Богъ!» сказалъ Шишковъ: «отъ острословія въ комедіяхъ, которое годится только для эпиграммъ. Надобно, чтобъ комедія возбуждала смѣхъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а не остротами. Возьмемъ въ примѣръ хоть бы сцену изъ «Модной Лавки» Ивана Андреича, когда провинціалъ-мужъ находитъ въ шкапу моднаго магазина, вмѣсто предполагаемой въ немъ контрабанды, старуху, жену свою: въ этой сценѣ нѣтъ ни одной остроты, а она заставляетъ хохотать отъ всей души. Но вотъ и другой примѣръ. Въ первой сценѣ комедіи Павла Иваныча Сумарокова «Деревенскій въ столицѣ», которую онъ читалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, слуга, на замѣчаніе помѣщика, что Петербургъ очень измѣнился съ-тѣхъ-поръ, какъ они его не видѣли, отвѣчаетъ: «И сколько желтыхъ домовъ! не пересчитаешь». Вотъ, пожалуй, и острота, а смѣха не производитъ.»

Наконецъ заставили читать меня. Гаврилѣ Романовичу хотѣлось, чтобъ я прочиталъ «Бардовъ», но я извинился, что наизустъ ихъ не помню, и прочиталъ «Осень», однакожь, не безъ робости. На диванѣ, противъ меня, сидѣлъ человѣкъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ — пожилой генералъ съ двумя звѣздами, съ живой, умной физіономіей и насмѣшливой улыбкой: это былъ извѣстный острякъ и знаменитый разскащикъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, пріѣхавшій къ хозяину невзначай и, кажется, очень-довольный тѣмъ, что нашелъ у него литературное собраніе. Львовъ устремилъ на меня выразительный взглядъ и заставилъ сконфузиться: я читалъ плохо, спѣшилъ и заикался, однакожь стихи мои, кажется, понравились; впрочемъ, мудрено было бы имъ и не понравиться послѣ такихъ стихотвореній, каковы, напримѣръ: «Къ Трубочкѣ», «Къ Пѣночкѣ», «Видѣніе», «Къ Честану» и проч.; въ моихъ, по-крайней-мѣрѣ, есть воображеніе, чувство и чистота слога (*). Да здравствуетъ Москва!

Генералъ Львовъ спросилъ меня, не родня ли мнѣ бывшій вятскій губернаторъ Ж.? Я отвѣчалъ, что онъ родной мнѣ дѣдъ и, сверхъ-

---

(*) Авторъ «Дневника» проситъ извиненія за нескромность юноши, но поправлять не намѣренъ: еже писахъ, писахъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

того, крестный отецъ. «Такъ было бы вамъ извѣстно, что я знавалъ его въ моей молодости, когда онъ былъ полковникомъ и командовалъ полкомъ; а слыхали ли вы когда-нибудь объ управленіи его Вятскою Губерніею, и какимъ образомъ заставилъ онъ вятскихъ лекарей оживить умершую купчиху?» Я объявилъ, что кое-что̀ о томъ слышалъ отъ Николая Петровича Архарова (*). «Прекурьёзная исторія!» подхватилъ Гаврила Романовичъ: «я былъ друженъ съ дѣдомъ С. П. въ бытность мою губернаторомъ въ Тамбовѣ и слышалъ объ этомъ происшествіи отъ него самого. Рѣшительный былъ человѣкъ!»

За ужиномъ Сергѣй Лаврентьевичъ не истощался въ разсказахъ, и еслибъ у меня память была вдвое-лучше, то и тогда бы я не могъ запомнить половины того, что̀ говорилъ этотъ въ-самомъ-дѣлѣ необыкновенно-краснорѣчивый и острый старикъ. То разъяснялъ онъ нѣкоторыя событія своего времени, загадочныя для насъ; то разсказывалъ о такихъ любопытныхъ происшествіяхъ въ арміи при фельдмаршалахъ графѣ Румянцовѣ и князѣ Потемкинѣ, о которыхъ никто и не слыхивалъ; то забавлялъ анекдотами о причинѣ возвышенія при дворѣ многихъ извѣстныхъ людей и непріязненныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они бывали между собою, и все это пересыпалъ онъ своими замѣчаніями, чрезвычайно-забавными, такъ-что умѣлъ расшевелить самихъ Державина и Шишкова, которые, кажется, отъ-роду своего не смѣялись такъ отъ чистаго сердца.

Между-прочимъ, на вопросъ Шишкова, что̀ побудило его отважиться на опасность воздушнаго путешествія съ Гарнереномъ, Львовъ объяснилъ, что, кромѣ желанія испытать свои нервы, другаго побужденія къ тому не было. «Я бывалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ» сказалъ онъ: «большихъ и малыхъ, видѣлъ непріятеля лицомъ-къ-лицу и никогда не чувствовалъ, чтобъ у меня забилось сердце. Я игралъ въ карты, проигрывалъ все, до послѣдняго гроша, не зная, чѣмъ завтра существовать буду, и оставался такъ же покоенъ, какъ-бы имѣя мильйонъ за пазухою. Наконецъ вздумалось мнѣ влюбиться въ одну красавицу полячку, которая, казалось, была отъ меня безъ памяти, но въ-самомъ-дѣлѣ безбожно обманывала меня для одного венгерскаго офицера; я узналъ объ измѣнѣ со всѣми гнусными ея подробностями—и мнѣ стало смѣшно. Ка̀къ же, думалъ я, дожить до шестидесяти лѣтъ и не испытать въ жизни ни одного сильнаго ощущенія! Если оно не далось мнѣ на землѣ, дай поищу его за облаками: вотъ я и полетѣлъ. Но за пре-

(*) «Дневникъ Студента», 25-го іюля 1805. «Москвитянинъ» 1843.

дѣлами нашей атмосферы я не ощутилъ ничего, кромѣ тумана и сырости: немного продрогъ — вотъ и все».

Чиновникъ Невѣдомскій, хромой піита, надъ которымъ безпрестанно подтрунивали товарищи, называя его піитомъ-Вулканомъ, получилъ неожиданно, по протекціи И. С. Захарова, мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и содержаніемъ. По этому случаю онъ написалъ басню: «Калѣка и скороходы», и напечатавъ ее въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, разослалъ по своимъ сослуживцамъ. Эта басня, въ родѣ басенъ графа Хвостова, оканчивается слѣдующимъ нравоученіемъ:

Кому помощникъ Богъ,
Того ничто не отсторонитъ,
И будь онъ хоть совсѣмъ безъ ногъ,
А все другаго перегонитъ.

Захаровъ находитъ, что басня очень-хороша.

6-го мая. Понедѣльникъ.

Сегодня былъ на первой репетиціи «Пожарскаго» на сценѣ. Авторъ сидѣлъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и Дмитревскимъ и что-то очень былъ не въ духѣ. Яковлевъ не игралъ, а говорилъ, а Шушеринъ даже и не говорилъ, но бормоталъ себѣ подъ-носъ. Одна Каратыгина читала свою роль кàкъ слѣдуетъ, хотя тихо, но со всѣми измѣненіями голоса. Георгія играетъ воспитанникъ Сосницкій, прекрасный мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Эта репетиція только длятого, чтобъ актёры узнали мѣста свои, равно входы и выходы на сцену и со сцены.

По милости Дмитревскаго, я познакомился съ княземъ Шаховскимъ. Онъ безъ церемоніи приглашалъ меня къ себѣ, сказавъ, что всякій вечеръ бываетъ дома и что я ежедневно найду у него кого-нибудь изъ литераторовъ и, между-прочимъ, Крылова, который живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ и даже стѣна-объ-стѣну.

Князь Шаховской толстъ и неуклюжъ, однакожь ходитъ проворно. Вся фигура его очень-оригинальна, но всего оригинальнѣе носъ и маленькіе живые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ; говоритъ скоро, пришепётывая и, судя по тому, чтò говоритъ, надобно полагать, что любитъ подсмѣяться. Не понимаю, кàкъ онъ можетъ съ своею фигурою и своимъ произношеніемъ преподавать правила трагической декламаціи: ученики его должны во время уроковъ помирать со смѣху.

7-го мая. Вторникъ.

Былъ въ нѣмецкомъ театрѣ и насмѣялся до-сыта: давали «Суматоху», комедію Коцебу; Линденштейнъ въ роли Herr von Langsalm и мадамъ Эвестъ въ роли жены его, уморительны; но, кромѣ-того, какая вѣрность въ игрѣ ихъ и какая натура! Когда они на сценѣ, забываешься, что сидишь въ театрѣ. А ка̀къ гримируется Линденштейнъ! Я понимаю, что лысину и сѣдины можно поддѣлать парикомъ, но претвориться въ беззубаго человѣка, когда у него рядъ здоровыхъ бѣлыхъ зубовъ — этого не понимаю: не въ карманъ же онъ ихъ прячетъ!

Послѣ «Суматохи» играли маленькую комедію въ двухъ персонажахъ «die Beichte», которую Гебгардъ и мамзель Леве разъигрываютъ отлично. Оба молоды, оба хороши собою, оба развязны на сценѣ и объясняются тономъ людей самаго лучшаго общества: слушая ихъ, думаешь, что они говорятъ не понѣмецки, а поитальянски—такъ легко и непринужденно ихъ произношеніе. Вообще, я очень-доволенъ былъ моимъ вечеромъ.

Заходилъ мой добрый хозяинъ Торсбергъ уговаривать меня остаться у него въ домѣ, какъ-будто-бы мнѣ самому этого не хотѣлось и я переѣзжаю изъ каприза. Какъ быть! съ силою обстоятельствъ не сладишь. Квартира, которую приготовили для меня услужливые Харламовы, вовсе не по моему вкусу: шесть комнатъ, изъ которыхъ одна большая зала съ балкономъ; половину этихъ комнатъ, неопрятныхъ и даже грязныхъ, съ ветхимъ поломъ и дребезжащими окончинами, я долженъ буду запереть, потому-что мёбели у меня недостаточно, а покупать ее нѐ на что̀. Впрочемъ, унывать нѣчего: все впереди!

Еслибъ случилась скоро оказія, прислали мнѣ одного изъ дураковъ моихъ. Я никогда не чувствовалъ такой нужды въ товарищѣ, какъ теперь, и буду ждать его съ нетерпѣніемъ.

9-го мая. Четвергъ.

Вчера вечеромъ я былъ у князя Шаховскаго. Онъ живетъ у Синяго Моста, въ домѣ Гунаропуло, на углу Большой Морской. Меня встрѣтилъ высокій лакей, довольно-засаленный, котораго, какъ я послѣ узналъ, зовутъ Макаромъ. «Дома ли князь?»—«Никакъ нѣтъ-съ, онъ во французскомъ театрѣ, но сейчасъ пріѣдетъ; пожалуйте: Катерина Ивановна у себя». Я вошелъ. Женщина небольшаго роста, худощавая, лѣтъ 24-хъ, сидѣвшая на диванѣ за какимъ-то шитьемъ, встрѣтила меня очень-привѣтливо, спросивъ: «что̀ вамъ угодно?» Я сказалъ ей

свое имя, прибавивъ, что князь приглашалъ меня къ себѣ на репетиціи «Пожарскаго», назначивъ время по вечерамъ, въ которые, по словамъ его, обыкновенно бываетъ дома. «Ахъ, батюшки! да онъ васъ дожидался еще на другой день репетиціи!» заговорила вдругъ Катерина Ивановна (это была она), такъ громко и нецеремонно, какъ-будто мы съ нею цѣлый вѣкъ были знакомы: «вѣдь вы пишете стихи и сочинили трагедію, которую Петръ Николаичъ очень хвалитъ». — «Правда, что я пишу стихи и сочинилъ трагедію» отвѣчалъ я: «но такую, которая, по мнѣнію знающихъ людей и по собственному моему убѣжденію, не можетъ быть представлена на театрѣ, и Кобяковъ въ этомъ случаѣ сказалъ наобумъ, потому-что онъ даже и не читалъ ее». — «О! да̀, да̀! онъ ничего не смыслитъ и только побирается стишками. Вотъ намедни присталъ къ князю: сочини ему стихи въ его оперку, которую онъ перевелъ съ французскаго, «Les amants Protées»; вообразите, съ безсмыслицей для роли Самойлова сладить не могъ (*); а когда есть время князю заниматься такимъ вздоромъ? Вы не повѣрите, какъ онъ занятъ: такъ занятъ, что не имѣетъ часу свободнаго времени. Петръ Николаичъ у насъ почти всякій день, приноситъ разныя новости, въ которыхъ и половины нѣтъ правды; а впрочемъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ».

Я узналъ моего друга; но узналъ также, что Катерина Ивановна любитъ поговорить.

Между-тѣмъ князь Шаховской возвратился изъ театра вмѣстѣ съ Павломъ Михайловичемъ Арсеньевымъ. Послѣдній тотчасъ съ великою радостью объявилъ Катеринѣ Ивановнѣ, что Матвѣй Васильѐвичъ (Крюковскій) вслѣдъ за ними ѣдетъ. Князь обласкалъ меня и просилъ быть у него безъ церемоніи. «Только мнѣ и отрады» примолвилъ онъ: «что по вечерамъ дома съ людьми грамотными».

Вскорѣ пріѣхали Крюковскій и за нимъ князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ, покровитель Семеновой. «Теперь всѣ на-лицо, Катенька» сказалъ князь: «ка̀къ бы чаю?»—«Ивана Андреича еще нѣтъ» отвѣчала она и тотчасъ послала сказать Крылову, что чай готовъ.

(*) Во свѣтлой мрачности блистающихъ ночей
Явился черный блескъ отъ солнечныхъ лучей;
Ужасный слышу громъ въ молчаньѣ непрерывномъ...
Спокоенъ былъ и весь отъ страха трепеталъ...
Закрылъ свои глаза и съ быстротой взиралъ, и проч., и проч.

Оборотни, *опера въ одномъ дѣйствіи.*

Мы усѣлись вокругъ большаго круглаго стола, а Шаховской съ Гагаринымъ развалились на диванѣ и закурили трубки. Крыловъ не замедлилъ явиться и сѣлъ на креслахъ въ углу, у печки. «Спасибо, умница, что мѣсто мое не занято» сказалъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ: «тутъ потеплѣе».

Арсеньевъ завелъ рѣчь о «Пожарскомъ» и началъ хвалить автора на чемъ свѣтъ стоитъ: чего-чего не наговорилъ онъ ему! что онъ первый-то у насъ драматическій писатель; что трагедія его — первая современная трагедія въ цѣломъ свѣтѣ; что на немъ одномъ теперь сосредоточены надежды всѣхъ любителей драматической поэзіи, и проч. и проч. Крюковской краснѣлъ и молчалъ, Крыловъ улыбался, князь Гагаринъ очень-серьёзно и съ удивленіемъ посматривалъ на своего пріятеля, который осмѣливался такъ превозносить пьесу, въ которой не было роли для Семеновой; но князь Шаховской не выдержалъ и вспыхнулъ какъ фейерверкъ: «Да помилуй, братецъ, Павелъ Михайлычъ! откуда ты вдругъ набрался такой премудрости, что выдаешь себя за оракула драматической поэзіи и увѣряешь автора въ томъ, въ чемъ онъ и самъ по совѣсти сознаться не можетъ. Безспорно, пьеса Матвѣя Васильича имѣетъ свои достоинства; но чтобъ она была первою пьесою въ свѣтѣ, такъ это, голубчикъ, вздоръ; а то еще и пущій вздоръ, чтобъ одинъ только авторъ ея былъ надеждой и опорой русской сцены. Не говоря о другихъ, куда жь ты дѣвалъ Озерова?»

«Ну, это только такъ говорится» отвѣчалъ Арсеньевъ.

«Говорится?» возразилъ князь Шаховской: «а зачѣмъ же на вечерахъ у Марьи Алексѣвны проповѣдуешь ты эту чепуху барынямъ и барышнямъ, которыя ни бельмеса не смыслятъ въ нашей драматической поэзіи? Ты сказалъ, а онѣ повторять пошли: «на русскомъ театрѣ ничего-де путнаго нѣтъ, кромѣ трагедіи «Пожарскій». И вотъ пирогъ испеченъ, мнѣніе готово! Нѣтъ, любезный, прямо просишься въ мою сатиру или въ комедію Ивана Андреича.»

«Знаешь ли, князь, отчего нашъ Арсеньевъ такъ пристрастенъ къ трагедіи Матвѣя Васильича, которой, впрочемъ, я самъ отдаю полную справедливость, хотя и не знаю, какой она будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ? Оттого, что онъ въ жизни своей не читалъ никакой другой пьесы, а эту какъ-то удалось ему выучить наизустъ. Не правда ли, Павелъ Михайлычъ?»

Арсеньевъ засмѣялся.

«Смѣйся или нѣтъ, что̀ правда, то̀ правда» продолжалъ князь Гагаринъ: «ну-ка назови еще трагедію или комедію, которую бы ты читалъ когда-нибудь.»

Арсеньевъ признался, что онъ точно не читывалъ ни одной театральной пьесы, но за-то, по страсти къ театру, всѣ ихъ пересмотрѣлъ на сценѣ.

Въ одиннадцать часовъ заѣхалъ за княземъ Гагаринымъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ, очень-толстый, но пріятной наружности человѣкъ съ открытымъ лицомъ и добродушною физіономіею; онъ большой любитель спектаклей французскаго и русскаго и ежедневно бываетъ въ одномъ изъ нихъ. «Или сегодня у тебя неприсутственный день» спросилъ онъ князя· «что ничего не читаютъ?» — «Да еще не размололись» отвѣчалъ Шаховской: «и вмѣсто пролога, бранимся пока съ Арсеньевымъ».

Между-тѣмъ Крюковской подсѣлъ къ столику, на которомъ Катерина Ивановна разливала чай и тихомолкомъ болталъ съ нею. Изъ всего, что̀ они говорили, я могъ только разслушать нѣсколько словъ: «И сегодня были?» — «Были утромъ». — «Хорошо читаетъ?» — «Прекрасно; князь очень-доволенъ». — «А чѣмъ дебютируетъ?» — «Кажется, Дидоной или Пальмирой». — «Ка̀къ жаль, что я не былъ!»

«А ты не слыхалъ» сказалъ князь Шаховской графу Пушкину: «что Крыловъ написалъ новую басню, да и притаился, злодѣй!» (съ этимъ словомъ онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и поклонился въ-поясъ Крылову.) «Батюшка Иванъ Андреичъ, будьте милостивы до насъ бѣдныхъ — разскажите намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы умѣете такъ хорошо разсказывать». Шаховской пародировалъ сестру Шехеразады.

Крыловъ засмѣялся, а когда смѣется Крыловъ, такъ это не даромъ: должно-быть, смѣшно. Онъ придвинулся къ столу и прочиталъ новую свою басню «Оракулъ»:

Въ какомъ то капищѣ былъ деревянный богъ
И сталъ онъ издавать пророчески отвѣты, и проч.

Собесѣдники слушали съ величайшимъ удовольствіемъ и заставили автора повторить заключеніе. Странное дѣло: мы слышали басню въ первый разъ, а почти всѣ знали ее уже наизустъ.

Послѣ Крылова читалъ князь Шаховской начало комической своей поэмы «Расхищенныя шубы». Содержаніе основано на происшествіи, случившемся прошедшею зимою въ нѣмецкомъ, такъ-называемомъ Шустер-Клубѣ: пьяный швейцаръ, во время бала, перепуталъ шубы и салопы пріѣзжихъ гостей, отъ чего, при разъѣздѣ, произошелъ безпорядокъ — вотъ и все тутъ! Но князь Шаховской умѣлъ опоэтизировать анекдотъ: въ его стихотворной шуткѣ много мѣстъ, достойныхъ Буало,

поэмѣ котораго (Le Lutrin) онъ, по словамъ его, подражать хотѣлъ. Каково-то будетъ продолженіе, а начало, нѣчего сказать, прекрасно. Совѣтъ старшинъ клуба описанъ мастерски, и нѣкоторые изъ нихъ дышатъ жизнію:

Самъ мастеръ гробовой Фрейтодтъ съ умильнымъ взоромъ,
Съ улыбкой радостной, какъ-будто передъ моромъ!

«Но скажи, пожалуйста, князь», спросилъ графъ Пушкинъ: «когда ты находишь время сочинять что-нибудь? По утрамъ у тебя должностной народъ, передъ обѣдомъ репетиціи, по вечерамъ всегда общество, и преждс втораго часа ты не ложишься — когда жь ты пишешь?»

«Онъ лунатикъ, графъ, съ громкимъ смѣхомъ подхватила Катерина Ивановна, не повѣрите: во снѣ бредитъ стихами! Иногда думаешь, что онъ тебѣ что-нибудь сказать хочетъ, а онъ вскочилъ да и за перо, прибирать рифмы!»

Мы расхохотались и самъ князь Шаховской также.

Графъ Пушкинъ съ княземъ Гагаринымъ уѣхали къ княгинѣ Голицыной, прозванной la Princesse nocturne, потому-что она не принимаетъ у себя ранѣе полуночи и ночи превращаетъ въ дни; Крыловъ ушелъ спать, а наконецъ и Арсеньевъ съ идоломъ своимъ, Крюковскимъ, отправились по домамъ. Я также хотѣлъ откланяться, но князь Шаховской настоялъ, чтобъ я съ нимъ ужиналъ. Мы остались болтать втроемъ. Я расказалъ ему о моей праздной службѣ, о моихъ занятіяхъ и о страсти моей къ театру, прочиталъ ему нѣсколько сценъ изъ «Артабана» и передалъ слово-въ-слово отзывъ о немъ Дмитревскаго, которымъ онъ такъ сконфузилъ меня въ бытность мою у него въ первый разъ. Князь Шаховской очень смѣялся, Катерина Ивановна еще больше; но результатъ моей болтовни былъ для меня неожиданно-счастливъ: съ величайшимъ добродушіемъ князь предложилъ мнѣ ходить во всѣ театры, отнынѣ навсегда, безплатно въ его кресла, которыя онъ самъ никогда не занимаетъ, находясь всегда за кулисами.

Вотъ оно что̀! Теперь нѐ длячего мнѣ справляться съ карманомъ, и разбирать спектакли: ступай въ любой и, сверхъ-того, въ кресла!

10-го мая. Пятница.

Гаврила Романовичъ уѣзжаетъ завтра и что-то очень-невеселъ; впрочемъ, говорятъ, что онъ и всегда таковъ передъ отъѣздомъ, потому-что не любитъ суеты, неразлучной съ сборами въ дорогу. Мнѣ жаль сердечно старика: прощанье съ нимъ навело меня на грустныя размышленія объ одиночествѣ, которое ожидаетъ меня до будущей осе-

ни: кажется, что безъ него я совсѣмъ осиротѣю; изъ ближайшихъ моихъ знакомыхъ остаются одни только обитатели павильйона, добрые, благородные люди; но что̀ у меня общаго съ ними? Вкусы наши различны, образъ мыслей неодинаковъ и, къ-тому же, кромѣ времени обѣда, они всѣ въ разсѣяніи: то сидятъ по своимъ камерамъ, то странствуютъ по знакомымъ. По благосклонности князя Шаховскаго, вечера мои теперь могутъ быть пріятно заняты, но прежде вечеровъ есть долгіе дни... По-неволѣ вспомнишь милую толстуху Александру Васильевну, которая такъ умно и живо описывала мнѣ скуку одинокой жизни!

Въ нашей Коллегіи толковъ не оберешься: боятся, чтобъ кампанія не была неудачна. Говорятъ, что государь весьма-недоволенъ союзниками, въ-особенности Англіею, и еслибъ не увлекался сверхчеловѣческимъ своимъ великодушіемъ, то предоставилъ бы Англію и Австрію судьбѣ ихъ. Достойно замѣчанія, что превосходно-составленный самимъ государемъ планъ разбить корпусъ Нея уничтоженъ внезапно ложнымъ извѣстіемъ, сообщеннымъ государю лично самимъ главнокомандующимъ, что Бонапарте со всѣми силами пришелъ на подкрѣпленіе Нея, тогда-какъ онъ находился далеко и ничего не зналъ объ опасности, предстоявшей Нею. Трудно повѣрить, чтобъ генералъ Беннигсенъ имѣлъ такихъ негодныхъ и невѣрныхъ шпіоновъ; однакожь, въ высшемъ кругу не сомнѣваются въ справедливости этого событія.

Утверждаютъ также, что графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ надняхъ вечеромъ у себя открыто говорилъ, будто-бы графъ Н. П. Румянцовъ представилъ государю, передъ отъѣздомъ его въ армію, записку, въ которой объяснилъ, что онъ не надѣется ни на какое рѣшительное намъ содѣйствіе со стороны Англіи и Австріи впродолженіе сей войны, и что какимъ бы отъявленнымъ врагомъ ни былъ намъ Бонапарте, но никогда не можетъ причинить намъ столько зла, сколько причинитъ его Англія своею лицемѣрною дружбою и обѣщаніями, никогда неисполняемыми. Прибавляютъ, что государь съ благоволеніемъ и даже признательностью изволилъ принять эту записку къ своему соображенію.

11-го мая. Суббота.

Во французскомъ театрѣ давали «Тартюфа» и оперу «Продажный Домъ» (La maison à vendre); обѣ пьесы шли превосходно, и въ-особенности первая. Тартюфа игралъ Ларошъ; брата его, резонёра—Деглины, Оргона — Дюкроаси, служанку — мадамъ Туссенъ-Мезьеръ и Эльвиру — мадамъ Вальвиль, которая менѣе всѣхъ понравилась мнѣ: она,

безспорно, играетъ хорошо, говоритъ правильно и читаетъ стихи какъ-нельзя-лучше, но ужь слишкомъ невзрачнà собою, и въ игрѣ ея есть что-то угловатое, похожее на игру нѣмецкихъ актрисъ, представляющихъ свѣтскихъ женщинъ. Небольшую роль мадамъ Пернель занимала мадамъ Меесъ и очень-комически ее исполнила. Не знаю, отчего Ларошъ принялъ на себя роль Тартюфа? Эта роль принадлежитъ къ амплуа слугъ, la grande livrée, и на французскомъ театрѣ въ Парижѣ играютъ ее только актёры, принадлежащіе къ этому амплуа. Правда, блѣдная и тощая фигура Лароша очень идетъ къ роли іезуита-лицемѣра, но между-тѣмъ находится въ совершенномъ противорѣчіи съ наружностью того Тартюфа, котораго изобразилъ Мольеръ, то-есть цвѣтущаго здоровьемъ, тучнаго и сластолюбиваго; а изъ этой-то противоположности фигуры бузника съ лицемѣрнымъ смиреніемъ и проистекаетъ весь комизмъ положеній дѣйствующихъ на сценѣ лицъ; иначе, комедія «Тартюфъ» была бы печальною драмой, потому-что содержаніе ея чисто-драматическое.

Дюкроаси роль Оргона игралъ въ совершенствѣ. Кàкъ естественно-забавны были его разспросы о здоровьѣ Тартюфа: «et Tartuffe? le pauvre homme!» и съ какимъ комическимъ нетерпѣніемъ возился онъ подъ столомъ, при объясненіяхъ Тартюфа съ Эльвирою! Но когда, выведенный изъ терпѣнія наглостью подлаго пройдохи, онъ вылѣзъ изъ-подъ стола, и прежде, чѣмъ началъ говорить, сталъ одними знаками изъяснять свое негодованіе, тутъ надобно было видѣть Дюкроаси: черты лица его измѣнились, глаза чуть не выкатились вонъ, всѣ мускулы трепетали, и онъ, задушаемый негодованіемъ, казалось, искалъ и не находилъ словъ для выраженія своей ярости; тутъ былъ онъ въ высшей степени превосходенъ, и я, право, не знаю, кому отдать преимущество: ему или Рыкалову въ сценѣ, когда онъ, избитый Скапиномъ, вылѣзаетъ изъ мѣшка? Здѣсь сравненіе въ сторону — оба великіе актёры!

Говоря о роли Оргона, кстати привесть анекдотъ, разсказанный мнѣ самимъ Дюкроаси. Знаменитый Десессаръ, лучшій актёръ своего времени для ролей à manteaux, былъ огромнаго роста, непомѣрно-толстъ и неповоротливъ. Играя роль Оргона, онъ съ большимъ затрудненіемъ могъ умѣщаться подъ столомъ и сцену стола почиталъ величайшимъ для себя наказаніемъ, до такой степени, что желалъ передать роль свою младшему по немъ въ амплуа; но съ французскимъ партеромъ шутить нельзя, особенно, когда дѣло касается до пьесъ Мольера: онъ ни за чтò не потерпѣлъ бы второкласснаго актёра и безжалостно освисталъ бы его, да и Десессару досталось бы при первомъ его появленіи.

Однажды, по какому-то случаю поставленъ былъ на сцену не тотъ столъ, подъ которымъ обыкновенно прятался знаменитый толстякъ, а другой, несколько-меньше, такъ-что Десессаръ увязъ въ немъ, и когда надобно было вылезать изъ-подъ него, онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ освободиться отъ своей западни и долженъ былъ таскать ее за спиною по-крайней-мѣрѣ нѣсколько минутъ впродолженіе сцены. Десессаръ оставилъ по себѣ славную память въ лесажевомъ «Тюркаретѣ».

Въ оперѣ «La maison à vendre» всѣхъ лучше была мадамъ Филисъ-Андріё, а за нею Меесъ, Сен-Леонъ и Клапаредъ. Самъ Андріё, игравшій главнаго повѣсу, очень-развязенъ на сценѣ; но, кажется, его губятъ претензіи и, какъ мнѣ сказывали, страсть слѣпо подражать знаменитому парижскому актёру-пѣвцу Эльвіу. Этотъ платокъ въ рукахъ, которымъ онъ, вѣроятно pour la contenance, безпрестанно машется и потираетъ себя по лбу, вовсе не кстати; но главное несчастье Андріё — что онъ имѣетъ жену, которая превосходствомъ своимъ вовсе уничтожаетъ его, и мсьё Андріё безъ мадамъ Андріё былъ бы, конечно, болѣе теперешняго любимъ публикою. Но какъ бы то ни было, опера шла безподобно, à ravir. Во французскомъ театрѣ, надобно болѣе всего удивляться совершенству ансамбля; и если есть актёры одни лучше другихъ, то можно рѣшительно сказать, что дурнаго нѣтъ ни одного.

Признаюсь, я очень обрадовался, когда, при входѣ въ кресла, капельдинеръ, спросивъ мою фамилію, не только пропустилъ меня безъ всякихъ возраженій, но даже съ великою учтивостью указалъ мнѣ кресла князя Шаховскаго; иначе, объясняться съ нимъ при публикѣ было бы очень-неловко. Спасибо доброму князю.

12-го мая. Воскресенье.

Наконецъ я увидѣлъ оперу «Князь Невидимка», о которой мнѣ прожужжали уши. Это, вѣроятно, передѣлка какой-нибудь французской волшебной оперы, «opera feerie», которую, однакожь, г. Евграфъ Лифановъ назвалъ печатно собственнымъ своимъ сочиненіемъ. Но пусть будетъ она чѣмъ бы ни было, переводомъ или оригинальнымъ сочиненіемъ, только надобно признаться, что это ужасная галиматья, передъ которою «Русалка» ничего не значитъ; за-то великолѣпіе декорацій, быстрота ихъ перемѣнъ, пышность костюмовъ и внезапность переодѣваній—изумительны. Музыка—сочиненіе капельмейстера Кавоса: она очень-легка и пріятна; мелодіи остаются въ памяти и особенно дуэтъ Личарды и Пріяты, то-есть Воробьева и Самойловой, «Коль назначено

судьбою»—прелесть и до-сихъ-поръ раздается у меня въ ушахъ. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть такой диковинный, богатый спектакль, въ которомъ чего хочешь, того и просишь. Декораціи большею-частью кисти Корсини и Гонзаго. Это—настоящіе чародѣи; машинистъ не отсталъ отъ нихъ и удивляетъ своимъ искусствомъ: то видите вы слона, который ходитъ по сценѣ, какъ живой, поворачиваетъ глазами и дѣйствуетъ хоботомъ, то Личарда — Воробьевъ, не двигаясь съ мѣста, двѣнадцать разъ сряду превращается въ разные виды; то у Цымбалды выростаетъ саженъ въ десять рука, и все это дѣлается такъ быстро и натурально, что не успѣешь глазомъ мигнуть, какъ превращеніе и совершилось. Говори что хочешь и, пожалуй, называй все это глупостью и балаганными штуками, однакожь изрѣдка взглянуть на эти штуки весело, когда онѣ дѣлаются отчетливо, и особенно, когда находятся въ соединеніи съ такою прелестною живописью и очаровательною музыкою, а сверхъ-того оживляются игрою такихъ талантовъ, каковы Воробьевъ, Самойловы и Пономаревъ. Послѣдній въ роли Цымбалды уморителенъ: какъ онъ забавенъ на сценѣ, когда, маршируя передъ своимъ отрядомъ инвалидовъ, вдругъ громко командуетъ: «берегись!» и этимъ внезапнымъ восклицаніемъ перепугавъ свой отрядъ, а вмѣстѣ перепугавшись самъ, начинаетъ толковать имъ, что слово «берегись» не значитъ: «берегись чего-нибудь», а есть только воинская команда... Виноватъ, я съ удовольствіемъ смѣялся въ «Невидимкѣ» и пойду смѣяться въ другой разъ.

Дирекція поставила «Невидимку» послѣ двухъ первыхъ частей «Русалки», которыя нѣсколько ужь стали надоѣдать публикѣ. Впродолженіи двухъ слишкомъ лѣтъ, какъ даютъ эту оперу, театръ почти всегда бываетъ наполненъ, и казначей театра, Петръ Ивановичъ Албрехтъ, получившій недавно анненскій крестъ, тогда-какъ его не имѣютъ еще ни Майковъ, ни князь Шаховской, предпочитаетъ «Невидимку» всѣмъ трагедіямъ въ свѣтѣ, «Эдипамъ» и «Донскимъ», въ-отношеніи къ денежному сбору. Но всему свой чередъ. Говорятъ, что декораціи, костюмы и машины, приготовляемыя теперь для оперы Крылова «Илья Богатырь», несравнительно-великолѣпнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя удивляютъ насъ въ «Русалкахъ» и «Князѣ Невидимкѣ».

Вольтеръ не любилъ большихъ оперъ, хотя и самъ сочинялъ ихъ. Онъ называетъ оперу «областью овидіевыхъ превращеній». Это справедливо; но едва-ли справедливо сказанное имъ вообще о большихъ операхъ, à grand spectacle: все великолѣпіе оперъ съ ихъ декораціями, машинами, сотнею музыкантовъ и двумя сотнями всадниковъ не стоитъ четырехъ превосходныхъ стиховъ изъ трагедіи.

13-го мая. Понедѣльникъ.

Возвращаясь изъ Коллегіи съ Юшневскимъ, встрѣтили мы Петра Свиньина, который давно ужь здѣсь и также, какъ и я, бьетъ баклуши. Поговоривъ о прошломъ московскомъ житьѣ-бытьѣ и вспомнивъ о серенадахъ его подъ окнами Н. В. Бушуевой, онъ, на прощаньѣ, просилъ насъ сочинить ему нѣмецкое письмо. «А ты не знаешь развѣ самъ понѣмецки?» спросилъ его Юшневскій. «Немного знаю». — «Чтожь ты знаешь?» — «Gut morgen, küssen sie mich». — «И больше ничего?» — «Ни бельмеса». — «А къ кому письмо и какого содержанія?» — «Объясненіе въ любви къ булочницѣ, что вонъ тамъ, у Синяго Моста въ лавкѣ сидитъ». — «Да ты влюбленъ, что ли?» — «Ни крошки». — «Для чего жь вся эта процедура?» — «Надобно же что-нибудь дѣлать въ Петербургѣ». — «Ну такъ знаешь ли что̀?» порѣшилъ Юшневскій: «двухъ твоихъ фразъ очень-достаточно для объясненія, а если прибавишь третью, то и успѣхъ несомнителенъ». — «Что жь написать? Пожалуйста, научи». — «Ich habe Geld». — «Спасибо!»

Свиньинъ сказывалъ, что получилъ письмо отъ брата своего, Павла, находящагося при адмиралѣ Сенявинѣ, наполненное любопытными подробностями о нашихъ морякахъ. Въ этомъ письмѣ, между-прочимъ, Павелъ Свиньинъ намекаетъ, что скоро, можетъ-быть, мы услышимъ о сраженіи нашего флота съ турецкимъ, которое, кажется, должно произойдти неминуемо и произошло бы уже, еслибъ англійскій адмиралъ Дукворть захотѣлъ оказать намъ какое-либо содѣйствіе; но бездѣйствіе и нерѣшительность англичанъ непостижимы. То же писалъ и полковникъ Манфреди къ женѣ своей.

С. Ж—въ.

II.

ОЧЕРКИ ИЗЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Статья вторая (*).

II. РУССКІЯ РЕДАКЦІИ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ СКАЗАНІЙ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ.

Разобранная нами повѣсть, взятая изъ «Тысячи и Одной Ночи», приводитъ насъ къ любопытному вопросу въ исторіи старой нашей письменности, который теперь снова обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей. Тринадцатое столѣтіе начало новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси; внѣшнія несчастія и стѣсненіе самобытной дѣятельности должны были отразиться и на памятникахъ древней нашей словесности, такъ-что эпоха татарскаго ига кладетъ между ними рѣзкую грань. Съ тѣмъ вмѣстѣ, многія произведенія эпохи дотатарской или совершенно погибли, или остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могли развиться эти начала, внезапно-остановленныя въ своемъ распространеніи. До насъ дошло только самое незначительное число рукописей отъ того времени, и нѣтъ сомнѣнія, что это произошло не случайно; напротивъ, гибель рукописей зависѣла именно отъ невыгодныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ потерею рукописей терялись и самыя сочиненія, такъ-что нѣкоторые памятники существуютъ для насъ только въ догадкахъ и предположеніяхъ, и трудъ изслѣдователя древнѣйшаго періода нашей литературы теперь главнымъ образомъ есть трудъ реставратора.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ въ этомъ отношеніи мо-

(*) Первая статья напечатана въ № 2-мъ «Отечеств. Запис окъ» 1855 года (томъ XCVIII).

жно назвать повѣсть, занесенную въ тотъ же сборникъ, гдѣ находилось и сказаніе о Синагрипѣ. Повѣсть называлась, по словамъ Карамзина, «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита»; вмѣстѣ съ сказкой о Синагрипѣ она переведена, безъ-сомнѣнія, съ греческаго. Византійская литература среднихъ вѣковъ до-сихъ-поръ еще мало обработана и извѣстна далеко-неполнѣ; наши древнія повѣсти получаютъ важное значеніе и для ея изслѣдованія, потому-что предполагаютъ въ ней существованіе такихъ произведеній, какія до-сихъ-поръ находимы были въ ней только въ ограниченной степени. «Дѣяніе Девгеніево» своимъ характеромъ указываетъ на греческое произведеніе, относящееся именно къ темному, въ византійской литературѣ, отдѣлу сагъ и разсказовъ о герояхъ и богатыряхъ; оно, кажется, легко пріурочивается къ тому кругу фантастическихъ исторій, который былъ порожденъ крестовыми походами и странствованіями западныхъ паладиновъ и рыцарей, и который ученые обозначаютъ именемъ византійско-палестинской поэзіи (¹). Столкновеніе Востока съ Западомъ открыло въ это время новый источникъ вымыслу: рѣзкое отличіе въ характерѣ жизни, приключенія въ далекихъ путешествіяхъ, поражающій эффектъ невиданныхъ земель и ожесточенная борьба съ невѣрными, дававшая просторъ и геройскимъ подвигамъ и находчивости — все это отражается на поэтическихъ памятникахъ западноевропейскихъ литературъ, которые брали отсюда свое содержаніе. Подобные мотивы, хотя и не въ одинаковой степени, были возможны и въ греческой жизни того же времени и точно такъ же могли найдти свое выраженіе въ произведеніяхъ словесности; но, къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ въ ней остается пробѣломъ эта интересная сторона. Именно къ ней принадлежалъ прототипъ «Дѣянія Девгеніева», доказывающаго вмѣстѣ и давнишній переходъ къ намъ памятниковъ византійской беллетристики, которую представляютъ обыкновенно собраніемъ нѣсколькихъ стихотворныхъ, но не поэтическихъ произведеній.

Притомъ сказаніе это вовсе не было отдѣльнымъ примѣромъ; потеря его замѣняется отчасти нѣсколькими другими повѣстями того же происхожденія, которыя имѣли болѣе-счастливую участь и сохранились до нашего времени во многихъ спискахъ и редакціяхъ. Собирая въ одно цѣлое эти разрозненные факты древней нашей письменности, мы приходимъ къ убѣжденію, что область византійскаго вліянія была въ ней очень-обширна и не ограничивалась тѣми предѣлами, которые мы привыкли назначать этому явленію. Переводы подобныхъ произведеній об-

(¹) W. Wackernagel, Gesch. der deutschen Literatur 180—181.

наруживаютъ тѣсную литературную связь; въ нихъ она выражается, можетъ-быть, всего прямѣе, потому-что они всего-ближе къ народному пониманію.

Такое отношеніе византійской литературы къ древней русской началось уже давно. По недостатку спеціальныхъ изслѣдованій теперь еще трудно опредѣлить всѣ его обстоятельства и подробности; но оно довольно-ясно рисуется нѣкоторыми данными. Переводы греческихъ хронографовъ начались почти вмѣстѣ съ первыми попытками русской литературной дѣятельности; знаніе ихъ дало первому нашему лѣтописцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ греческаго хронографа Малалы несомнѣнно принадлежитъ X-му вѣку; столько же древенъ переводъ Георгія Амартола; въ посланіи м. Іоанна упоминается старинное изложеніе древней исторіи — палея; можно, наконецъ, дѣлать заключеніе о другихъ одинаково-древнихъ переводахъ. Въ такихъ памятникахъ, современныхъ первоначальной эпохѣ нашей литературы, уже заключается переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, которыя и не замедлили появиться у насъ изъ того же византійскаго источника. Были ли они результатомъ непосредственной дѣятельности русскихъ переводчиковъ или нѣтъ — другой вопросъ, по-крайней-мѣрѣ дѣйствіе ихъ на читателя, вліяніе на характеръ русской литературной производительности не измѣнялись отъ этихъ условій.

Первоначальная связь съ византійскою литературой не была у насъ прямою; довольно-долго, во времена своей политической самобытности и процвѣтанія, нашими посредниками были болгаре и сербы. Очень-многіе старинные памятники, на которые мы всего чаще смотримъ какъ на памятники русскіе, составляли принадлежность ихъ литературы, и уже потомъ, какъ-бы по наслѣдству, перешли къ намъ, почти не оставивъ у нихъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Аѳонская Гора: путешествія русскихъ къ святогорскимъ обителямъ упоминаются давно, и давно русскіе получили въ ней право гражданства ([2]). Тамъ составлялось много переводовъ съ греческаго, тамъ писалось множество рукописей, которыя потомъ приносимы были въ Россію и распространялись во всѣхъ краяхъ ея. Характеръ сношеній много измѣнился впослѣдствіи, когда Аѳонская Гора, съ паденіемъ Византіи, подверглась преслѣдованію и

([2]) Изслѣдованіе о сношеніяхъ русскихъ съ монастырями Аѳонской Горы въ «Тв. Св. Отц.» 1848. Кн. I, приб. 129—168. Жаль, что предметъ еще не разработанъ здѣсь вполнѣ.

угнетенію; но и тогда она не переставала еще приносить къ намъ плоды своей дѣятельности. Съ другой стороны, несомнѣнны и прямыя отношенія къ византійской литературѣ — переводы съ греческаго дѣлались и дома на Руси: языкъ этотъ, конечно, издавна былъ извѣстенъ у насъ многимъ и знаніе его не могло считаться большою рѣдкостью, тѣмъ болѣе, что у насъ было очень-много греческихъ выходцевъ. Лѣтописныя извѣстія о княжескихъ библіотекахъ и большихъ собраніяхъ книгъ , между которыми были и греческія, не могутъ не доказывать такого положенія, потому-что собираніе книгъ должно было имѣть свои основанія; лѣтопись отмѣчаетъ иногда и самые переводы. Усвоеніе чужихъ южнославянскихъ переводовъ становилось важнымъ дополненіемъ къ собственнымъ трудамъ. Отличаясь всего-болѣе чертами нарѣчія старославянскаго, эти переводы были очень-близки, или даже нисколько не отступали отъ обыкновеннаго литературнаго языка того времени; частое переписываніе постоянно сглаживало нерусскія особенности, давая мѣсто оттѣнкамъ вполнѣ-русскимъ, и въ большей части этихъ памятниковъ, такъ, какъ они сохранились теперь въ позднѣйшихъ спискахъ, только немногіе слѣды выдаютъ ихъ первобытное происхожденіе.

Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно облегчали для русскихъ знакомство съ памятниками византійской литературы. Очень-естественно ожидать, что оно не ограничивалось какою-нибудь одною отраслью и, напротивъ, искало разнообразія, которое могло бы удовлетворять зарождавшимся литературнымъ стремленіямъ и охотѣ къ «почитанью книжному». И знакомство могло укрѣпляться тѣмъ болѣе, что византійская литература нелишена была этого разнообразія. Теперь бельлетристическій отдѣлъ ея, къ которому принадлежали первообразы сказанія о премудромъ Акирѣ и Девгеніева Дѣянія, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ (или потери рукописей, или нелюбопытства ученыхъ), извѣстенъ всего-меньше; многіе памятники этого отдѣла или совсѣмъ неизвѣстны и сохранили слѣды свои только въ переводахъ, какъ обѣ русскія повѣсти, или изданы только въ послѣднее время (3).

Такова была до недавняго времени судьба и тѣхъ знаменитыхъ сказаній объ Александрѣ-Великомъ, которыя во все продолженіе среднихъ вѣковъ возбуждали общее любопытство, разсказывая подвиги завоевателя,

---

(3) Нашими учеными было уже замѣчено, что въ старинной русской, или вообще старославянской, литературѣ встрѣчаются переводы неизданныхъ, или вовсе-неизвѣстныхъ греческихъ сочиненій. Изслѣдованіе древнихъ памятниковъ нашей письменности, безъ-сомнѣнія, дастъ возможность возстановить многіе темные факты византійской литературы, особенно той отрасли ея, о которой мы теперь говорили.

одинаково-славнаго и въ Европѣ и въ Азіи. И тамъ и здѣсь сказанія объ Александрѣ пережили много вѣковъ, не теряя своего интереса; множество писателей выбирали ихъ сюжетомъ своихъ произведеній и занимались своимъ героемъ съ такой любовью, какая выпадаетъ на долю только самыхъ популярныхъ личностей изъ національныхъ преданій. Почти всѣ восточныя и западныя поэтическія обработки этого содержанія группируются около одного средоточія; первообразомъ ихъ было произведеніе греческой литературы.

Русскія редакціи сказаній объ Александрѣ произошли изъ того же источника, и притомъ прямо, и распространены были въ-старину болѣе всѣхъ другихъ повѣстей этого разряда. Особенная счастливая судьба вездѣ склоняла сочувствіе на ихъ сторону, и ученые объясняютъ его симпатичными качествами самой личности Александра и тѣмъ поэтическимъ колоритомъ, какой приданъ ему уже въ первоначальной формѣ этой саги. Его изумительно-далекіе походы съ перваго раза ускользали отъ испытующаго взгляда, и къ нему отнесли фантастическія преданія, собранныя отъ временъ миѳическихъ. Потрясеніе неподвижной Азіи, произведенное европейскимъ героемъ, вызвало сильное движеніе въ обѣихъ частяхъ свѣта; знакомство съ отдаленными странами и народами и вмѣстѣ съ тѣмъ важное значеніе его предпріятія въ отношеніи политическомъ и въ отношеніи исторіи образованія, оставили неизгладимое впечатлѣніе. Потому Александръ не забытъ для народовъ Востока даже и до нашего времени. На Западѣ онъ могъ сначала пріобрѣсти извѣстность, какъ основатель всемірной монархіи, и по связи съ другими знаменитыми личностями исторіи; но когда, съ крестовыми походами, снова все устремилось на Востокъ, открылась въ немъ и другая интересная сторона. Латинскія редакціи этихъ сказаній, конечно, были доступны уже въ-теченіе многихъ столѣтій и отдѣльные миѳы рано усвоились народу; но главныя поэтическія произведенія съ этимъ содержаніемъ всѣ относятся къ концу XII-го вѣка. Личность Александра представлялась среднимъ вѣкамъ въ высшей степени привлекательною; самое противорѣчіе его благородныхъ качествъ и недостатковъ, которое стремилась разрѣшить поэзія, имѣло особенную прелесть. Удивительная мощь этого завоевателя, его великодушіе и врожденное благородство, счастіе его оружія и даже ранняя смерть ставили его блестящимъ образцомъ для бароновъ и рыцарей... Съ другой стороны, его характеризуетъ неудержимая пытливость ума: открытія его нашли такое же участіе, какъ и военные его подвиги. Въ немъ выразилось то же стремленіе узнать невѣдомыя страны, видѣть еще невиданныхъ людей, какое руководило древними путешественниками. Историки его собрали всѣ фанта-

стическія преданія, ходившія со временъ Гомера, прибавили къ нимъ то, что̀ доставили имъ обильные источники Востока, и разсказъ объ Александрѣ сталъ романическою этнографіею и романическимъ описаніемъ природы, гдѣ нашли себѣ мѣсто бо̀льшая часть тѣхъ чудныхъ существъ, какъ гомерическіе циклопы и лестригоны, геродотовы аримаспы, ктезіевы макробіи и пр., которыми до того времени попеременно заняты были греческіе миѳы и литература. Крестовые походы пробудили желаніе найдти тѣ странныя существа, удивительные камни и растенія, о которыхъ говорили древніе; и какъ, съ одной стороны, отодвигали миѳическую Атлантиду все далѣе-и-далѣе на Западъ, гдѣ старался открыть ее Колумбъ, такъ, съ другой стороны, на отдаленномъ Востокѣ искали таинственнаго эльдорадо, полнаго опасностей и чудесъ. Опасности не останавливаютъ Александра и, превозмогши всѣ трудности странствованія, онъ достигаетъ предѣловъ, далѣе которыхъ уже не можетъ проникнуть человѣкъ... (4).

Затрогивая общее любопытство своимъ содержаніемъ и сближаясь съ любимыми народными миѳами, сказанія объ Александрѣ должны были и получить обширное распространеніе и вмѣстѣ испытать много измѣненій. Каждый народъ, къ которому переходили они, оставлялъ на нихъ слѣды вліянія своихъ національныхъ понятій; отдѣльные миѳы получали тогда бо̀льшее развитіе и новый смыслъ, или вставлялись вполнѣ изъ другаго источника, хотя бы основная форма сказанія и не допускала ихъ. Оттого сказанія отъ Александрѣ въ позднѣйшихъ видахъ отличаются смѣшаннымъ характеромъ; они соединяютъ въ себѣ разнообразныя черты, иногда лишенныя связи и порядка, потому-что появленіемъ своимъ обязаны были разнороднымъ причинамъ и обстоятельствамъ. Подъ перомъ нѣмецкихъ пѣвцовъ, труверовъ и вообще поэтовъ западныхъ, Александръ является со всѣми необходимыми качествами благороднаго рыцаря, тогда-какъ въ преданіяхъ Востока онъ рисуется истымъ мослеминомъ, который путешествуетъ въ Мекку и сражается съ врагами своего ученія.

Приноровленіе къ извѣстной національности выразилось уже и въ начальныхъ редакціяхъ этой исторіи, при первыхъ попыткахъ соединить въ одно цѣлое отдѣльные ея элементы. Зародыши ея относятъ къ эпохѣ, слѣдовавшей за смертью Александра, когда исторія его уже начала подергиваться туманомъ, и полное развитіе первоначальнаго преданія, послужившаго основой для послѣдующихъ его метаморфозъ, пріурочиваютъ къ александрійскому періоду. Этимъ объясняется, почему во

(4) C. h. Cholevius, Geschichte der deutschen Poesie nach ihren antiken Elementen I, 60 fg.

всѣхъ западныхъ редакціяхъ сказанія отцомъ Александра Македонскаго является египетскій царь Нектанебъ : происходя отъ него, Александръ становился уже не завоевателемъ Египта, а прямымъ наслѣдникомъ послѣдняго царя. Басню эту породило тайное чувство національной гордости, присвоивавшее своему народу славу чужаго героя и старавшееся скрыть свое собственное пораженіе ; такимъ же образомъ восточныя сказанія объ Искендерѣ , несмотря на свое западное происхожденіе, вводятъ здѣсь другую басню и отцомъ Искендера представляютъ не Филиппа и не Нектанеба, а персидскаго царя Дараба Преданіе о Нектанебѣ, какъ отцѣ Александра, хотя и удержалось въ западно-европейскихъ обработкахъ этихъ сказаній, но уже потеряло въ нихъ тотъ смыслъ, который соединяла съ нимъ древнѣйшая редакція. Оно принято было тамъ какъ чисто-историческій фактъ и не имѣло никакого особеннаго значенія, но въ-замѣнъ того сказаніе мѣняло другія свои подробности и опять олицетворяло собою другую жизнь и народность. Измѣненіямъ и варьяціямъ не было конца, такъ-что одно и то же произведеніе въ различныхъ литературахъ является подъ самыми разнообразными формами. Чтобъ яснѣе опредѣлить отношенія къ нему старинныхъ русскихъ разсказовъ и вмѣстѣ указать, почему эти послѣдніе иногда значительно разнятся между собою, мы сообщимъ нѣкоторыя черты изъ обширной литературной исторіи сказаній объ Александрѣ— черты, въ которыхъ не трудно замѣтить ихъ космополитическій характеръ (5).

Первоначальное греческое произведеніе приписывается всего-чаще Каллисѳену, извѣстному философу, сопровождавшему Александра въ походахъ и погибшему жертвою своего прямодушія. Въ-сущности , какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, настоящій авторъ его неизвѣстенъ, но имя псевдо-Каллисѳена осталось главнымъ обозначеніемъ баснословной исторіи. Уже въ древнѣйшихъ ея редакціяхъ Александръ,

(5) Лучшія изслѣдованія о началѣ и исторіи ихъ: — St.-Croix, Examen critique des historiens d'Alexandre le Grand. Paris 1804;—Vie d'Alexandre le Grand par *F.* (*Friedländer*, или по Б.-де-Ксиврею, *Favre*) коротенькая, но очень-любопытная статья по поводу изданія Юлія Валерія кард. Маи (Mediol. 1817) въ Bibl. univers. de Genève 1818, VII. Litterature p. 218—229 и 322—349;— Berger de Xivrey, Notice de la plupart des manuscrits... contenant l'histoire fabuleuse d'Alexandre le Grand, connue sous le nom de Pseudo-Callisthènes въ Notices et Extraits des manuscr. de la bibl. du Roi t. XIII. II, 162—219 (выписки изъ рукописей 219—307). Псевдо-Каллисѳенъ изданъ въ первый разъ К. Мюллеромъ въ дидотовой Script. graecorum bibliotheca, Paris 1846 (Arrianus. Fragmenta scriptorum de rebus A. M. Pseudo-Callisthenes), съ прекрасными предисловіемъ.

какъ мы замѣтили, называется сыномъ египетскаго царя Нектанеба (въ старинныхъ русскихъ переводахъ Нектанавъ, Невхонавтъ и т. п.). Греческая исторія, а сходно съ нею и русскіе переводы, разсказываютъ, что Нектанебъ обладалъ многими волшебными знаніями, посредствомъ которыхъ побѣждалъ всѣхъ враговъ своихъ. Но когда новое войско, составленное изъ разныхъ народовъ Востока, стало угрожать его царству, Нектанебъ увидѣлъ, что обыкновенныя средства защиты будутъ недостаточны, и что ему остается только бѣжать изъ отечества и искать спасенія въ далекихъ земляхъ. Египтяне долго ждали возвращенія своего властителя; наконецъ обратились къ оракуламъ и получили отъ нихъ такой отвѣтъ: «бѣжавшій царь снова воротится въ Египетъ, но не старцемъ, а молодымъ, и побѣдитъ враговъ нашихъ, персовъ» (6). Между-тѣмъ переодѣтый Нектанебъ поселяется въ Македоніи, пріобрѣтаетъ тамъ извѣстность своею мудростью, знакомится съ Олимпіадою (которая считается дочерью эѳіопскаго царя Фола), приходитъ къ ней подъ видомъ и символами Юпитера-Аммона и дѣлается отцомъ Александра. Опускаемъ подробности разсказа — о мудрости и остроуміи маленькаго Александра, о смерти отца его и пр. Воспитаніе Александра поручено было Аристотелю вмѣстѣ съ Нектанебомъ, и уже рано можно было замѣтить въ ребенкѣ что̀-то необыкновенное; онъ укрощаетъ бѣшенаго букефала (въ русскихъ переводахъ «воловій конь» или «дучипалъ», «дучпалъ»), который съ-тѣхъ-поръ остался любимымъ конемъ его. По смерти Филиппа, онъ начинаетъ войну съ персидскимъ царемъ, но передъ тѣмъ предпринимаетъ нѣсколько походовъ противъ сосѣднихъ народовъ, покоряетъ ихъ своей власти и присоединяетъ къ своему воинству. Онъ приходитъ даже въ Италію, принимаетъ дары и покорность отъ римлянъ и отъ всѣхъ народовъ Европы (7);

---

(6) Ὁ φυγὼν βασιλεὺς ἥξει πάλιν εἰς Αἴγυπτον, οὐ γηράσκων ἀλλὰ νεάζων, καὶ τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν Πέρσας ὑποτάξει. Müller, Pseudo-Callisthenes I, 34. Въ русскихъ переводахъ этотъ разсказъ сохранился съ нѣкоторыми варіантами.

(7) Александрія Рум. Музея № 456 л. 142 «Римляне же... отъ камени адаманта изнесоша ему оружіе Александра Фарижа, сына Пріяма, царя тройска, еже Агаменъ, царь греческіи, взялъ въ Трои, и копіе алеѳандиново з бисеромъ и каменіемъ многоцѣннымъ принесоша, Якша Келомонича (то-есть Аякса Теламонида) и инѣхъ 17, и щитъ Таркинія, царя римъскаго, кожею аспидовою повлаченъ, и славно вниде въ Римъ... и вси царіе западніе пріидоша къ нему со многими дарами, еже не воевати ихъ моляхуся — и повелѣ имъ дань даяти отъ 12 лѣтъ и воиска вооруженна». Въ изданномъ греческомъ текстѣ это передается иначе. Pseudo-Callisth. 29—31 notæ.

былъ, наконецъ, и въ Египтѣ, жители котораго признаютъ его своимъ царемъ, потому-что предсказанія Нектанеба и оракуловъ исполнились и Александръ сдѣлался настоящимъ преемникомъ своего отца. Здѣсь онъ строитъ Александрію и потомъ отправляется въ Тиръ, посѣщаетъ Финикію и Палестину...

Дарій услышалъ о странствованіяхъ Александра и написалъ къ нему высокомѣрное письмо, въ которомъ называлъ его мальчикомъ и требовалъ дани и повиновенія; онъ прислалъ Александру и разныя дѣтскія игрушки, которыми ему будто всего приличнѣе заниматься. Александръ отвѣчалъ на его насмѣшки ловко и смѣло ([8]). За первымъ письмомъ слѣдовали новыя посланія, наконецъ дѣло дошло до битвы. Здѣсь псевдо-Каллисѳенъ вообще удерживаетъ главные историческіе факты: Дарій побѣжденъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, но не хочетъ признать себя побѣжденнымъ, проситъ помощи у царя индійскаго, Пора, обѣщаетъ половину царства ему и большіе дары воинамъ, но все напрасно: семейство его попадается въ руки Александра; самъ Дарій убитъ измѣннически. Александръ рыцарски-благородно обходится съ семействомъ противника и предаетъ казни убійцъ его. Въ описаніи сраженій псевдо-Каллисѳенъ не жалѣетъ фантазіи и сообщаетъ имъ много неисторическаго блеска; къ числу его вставокъ принадлежитъ и путешествіе Александра къ Дарію подъ именемъ посла: онъ не былъ узнанъ; но когда одинъ изъ даріевыхъ вельможъ открылъ въ послѣ самого Александра, послѣдній счастливо избѣгаетъ опасности и смѣется надъ оплошностью стражей своего врага. Женившись на дочери Дарія, Роксанѣ, Алек-

---

([8]) «Нынѣ послахъ къ тебѣ (пишетъ Дарій) стругло и коло, да съ нимъ играеши, яко же и протчіи младенцы играютъ, а два ковчега праздна, и тѣ наполнишь мнѣ трилѣтными данми, а два мѣха маку, и ты макъ повелиши... подобнымъ тебѣ безумнымъ велможамъ, да изочтутъ въ число, и тако вѣдомо вамъ будетъ число войска моего». Александръ отвѣчаетъ: «.... царь Александръ македонскій Дарію царю перскому, превознесенному гордѣніемъ своимъ и сердцемъ безумно(му) и хвалящемуся своею честью — и твоя честь вся тебѣ есть — меня же млада и несмысленна и ненаказанна именуеши... и какъ дѣтемъ, игралище далъ еси мнѣ, самодержцу земли; воистинну... дарми ты образуеши самодержца мя своеи земли, прорекуеши всѣму свѣту — царемъ (мнѣ) быти въ Персидѣ. Округъ кола образуетъ обладати всей вселеннѣй... и нынѣ безумному посланію твоему дѣти глумятся, и коломъ и стругломъ твоимъ вертятъ — тако станешь отъ меня вертѣтися предо мною; а ковчези твои повелѣлъ нынѣ и праздны вмѣсто дани отъ тебя приняти, и велѣлъ ихъ соблюсти — дондеже наполню отъ твоего царства многоцѣннымъ сокровищемъ, а макъ повелѣлъ македонянамъ изжевати — тако войско (твое) будетъ пожерто». Такъ читается переписка ихъ въ одной изъ новѣйшихъ редакцій исторіи.

сандръ думаетъ о новомъ походѣ — въ Индію. Поръ встрѣтилъ его со львами и слонами и сопротивлялся очень-храбро, но Александръ побѣдилъ его хитростью въ единоборствѣ, овладѣлъ царствомъ Пора и сѣлъ на его престолѣ. Всѣ несметныя богатства индійскаго царя достались Александру; ему привели и коней Пора, «ферезей индійскихъ», львовъ ловныхъ и леопардъ («сирѣчь бобровъ», объяснилъ русскій переводчикъ), «на златыхъ чепяхъ все то ко Александру приведоша, тѣмъ Поръ царь тѣшился». Затѣмъ Александръ пошелъ къ оксидраконтамъ, чтобъ познакомиться и бесѣдовать съ славными гимнософистами (въ рус. пер. «нагомудрецы» или «голомудрецы»), обитавшими въ пещерахъ. Они удивили его строгостью жизни и презрѣніемъ земной суеты. Александръ долго говорилъ съ главнымъ между ними мудрецомъ, задавалъ ему самые трудные вопросы и отвѣтъ всегда былъ простъ, кратокъ и ясенъ. Они не хотѣли покоряться его могуществу, котораго не признавали, и Александръ не рѣшался дѣйствовать противъ нихъ враждебно, потому-что чувствовалъ ихъ умственное и нравственное превосходство. Идя съ войскомъ дальше, увидѣлъ онъ на морѣ островъ, гдѣ была царская гробница, заключавшая огромныя сокровища; одинъ изъ полководцевъ его отправился осмотрѣть островъ, но едва вступилъ на него съ своими спутниками, какъ островъ скрылся въ пучинѣ.

Еще до войны съ Поромъ, Александръ встрѣчалъ на пути много удивительныхъ вещей, останавливавшихъ его вниманіе (⁹); теперь походы

(⁹) Въ томъ же спискѣ исторіи разсказывается, что Александръ «на десную страну востока пойде и до красныя земли дойде. Въ ней бѣ земля всякимъ цвѣтомъ цвѣтящеся и древеса ростаху всякимъ прекраснымъ видомъ, и овощи, и благоуханіе испущающе велми... Позади той же красной земли бяше множество языкъ безсловесныхъ и скотовъ дивіихъ и звѣрей человѣкообразныхъ. Ини языцы кричатъ яко гуси, образомъ подобны людемъ, лише (только) пернаты, рукъ не имѣяху, вмѣсто рукъ крилѣ у нихъ малы — не летаху ими, лише махаху. Ини языцы яко коровы мичаху, подобіемъ аки человѣки, мохнаты, у рукъ и у ногъ, аки у лва когти, а платья не имѣяху.» Александръ встрѣтилъ здѣсь такихъ большихъ муравьевъ, которые таскали въ свои норы и съѣдали его воиновъ; нашелъ рѣку съ горькою водою, и потомъ другую рѣку или «езеро — сладко бяше велми, аки медъ вода въ немъ, и на край езера того стоитъ столпъ каменный высокъ, и на столпѣ въ златѣ вылитъ и поставленъ образъ Навходоносора царя...» Въ греческомъ текстѣ послѣднее мѣсто читается такъ: *ἐτύχομεν γλυκέος ὕδατος, ὥστε δοκεῖν μέλιτος διαφέρειν. Λίαν οὖν περιχαρεῖς γενόμενοι εἴδομεν ἐπὶ τοῦ ἀκρωτηρίου στήλην ψηφίνην. Ἦν δὲ ἐγγεγραμμένα ταῦτα.» Σεσόγχοσις κοσμοκράτωρ ὕδρευμα ἐποίησα τοῖς τὴν ἐρυθρὰν θάλασσαν πλοϊζομένοις».* Müller, Pseudo-Callisth. III. 17.

его представляютъ цѣлый рядъ чудесъ. Характеръ его странствованій измѣняется; прежнія воинственныя цѣли уступаютъ мѣсто другимъ; единственною причиною его походовъ становится непреодолимая и неопредѣленная любознательность. Не думая о новыхъ завоеваніяхъ, онъ старается узнать и проникнуть все таинственное, чѣмъ такъ богата природа, и она, повидимому, не скрываетъ отъ него своихъ тайнъ: множество необыкновенныхъ людей и животныхъ находитъ онъ въ невѣдомыхъ до него странахъ. Здѣсь соединяются всѣ фантастическія существа, которыми богата греческая миѳологія и разсказы позднѣйшихъ историковъ и описанія которыхъ такъ часты въ старинныхъ русскихъ сборникахъ и азбуковникахъ; это люди съ собачьими головами, люди съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, циклопы, великаны и пигмеи, или столько же уродливыя и фантастическія животныя. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ его останавливаютъ и невиданныя явленія физической природы; то приходитъ онъ въ страну, гдѣ войско его мучится отъ жестокаго зноя, то теряетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака, то встрѣчаетъ непроходимый ровъ и строитъ черезъ него желѣзную «комару». Множество препятствій и опасностей затрудняютъ его путешествіе, но ничто не въ-состояніи положить границъ его предпріимчивости: онъ отправляется и въ воздушное странствованіе на грифахъ, прислушивается къ говору птицъ, которыхъ разспрашиваетъ о ихъ жизни, законахъ, обыкновеніяхъ; опускается въ глубины моря, чтобъ видѣть морскія чудовища въ ихъ собственной средѣ, и рыбы толпами стекаются около него и изъявляютъ свою покорность его власти. Онъ приходитъ къ солнечному городу «откуду солнце восходитъ», встрѣчаетъ ужасныхъ и отвратительныхъ народовъ, въ которыхъ нѣтъ никакого человѣческаго чувства и подобія, и чтобъ избавить отъ нихъ вселенную, заключилъ ихъ камнемъ сунклитомъ въ горахъ сѣверныхъ, откуда имъ нѣтъ исхода ([10]). Въ одномъ озерѣ велѣлъ онъ поймать рыбу, и въ ней нашли «камень свѣтелъ, яко солнце сіяетъ въ нощи»; потомъ сражался съ чудными людьми «горѣ че-

---

([10]) «Сунклитъ же (асингитъ) такова вещь — никакое желѣзо его растлити не можетъ, и огнь его не возметъ.» Ср. въ рукописи Рум. Музея, № 363, л. 454 и слѣд. Александръ загналъ чудовищные народы въ тѣсное пространство между горъ и «закова не ступившееся мѣсто вратами желѣзными и сонклитомъ помаза; и сонклитъ же той есть вещь дивна такова, его же огнь не жжетъ, ни желѣзо не сѣчетъ. Внутрь же вратъ тѣхъ на 300 поприщь купиною насади, и ту поганые языцы загради». Разсказъ этой статьи взятъ именно изъ псевдо-Каллисѳена. Между заключенными народами, какъ мы увидимъ, были и татары.

ловѣкъ, долу конь, иже нарицахуся исполины» ([11]), встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ вмѣсто себя копье, какъ царя. Наконецъ, услышавъ о говорящихъ деревьяхъ, Александръ поспѣшилъ къ нимъ спросить ихъ о будущемъ; деревья предсказали ему, что онъ умретъ въ Вавилонѣ и не оставитъ потомства.

Потомъ Александръ отправляется къ Кандакіи, царицѣ земли муринской, то-есть Эѳіопіи, или, по другимъ, преемницѣ Семирамиды; до него дошелъ слухъ о ея богатствахъ и мудрости, и Александръ хотѣлъ самъ видѣть ее. Сынъ ея Кандавлусъ, или Кандаулъ, съ немногими провожатыми подошелъ случайно къ лагерю Александра и былъ стражами взятъ и приведенъ къ Птолемею, потому-что Александръ въ это время спалъ. Кандаулъ принялъ его за самого царя и разсказалъ, что онъ сынъ мудрой царицы Кандакіи, и теперь преслѣдовалъ варваровъ, которые похитили жену его, но не могъ побѣдить ихъ и снова собираетъ войско. Проснувшись, Александръ узналъ объ этомъ, но велѣлъ Птолемею поддерживать Кандаула въ его заблужденіи, помогъ Кандаулу выручить изъ плѣна супругу и, подъ имснемъ Антигона, отправился вмѣстѣ съ нимъ къ царицѣ Кандакіи. Но Александръ не могъ укрыться отъ ея проницательности, потому-что еще прежде, узнавъ о его хитростяхъ, она тайно послала изографа (живописца) снять портретъ съ Александра, и теперь узнала его съ перваго раза. Александръ дивился великолѣпію дворца и чудесамъ ея владѣній. Кандакія приняла его радушно, но предупредила объ опасности, которой можетъ онъ подвергнуться отъ младшаго ея сына ([12]), который былъ женатъ на дочери Пора и непремѣнно хотѣлъ отмстить Александру за смерть индійскаго царя. Но Александръ спасся хитростью и, послѣ новыхъ странствованій, отправился въ Вавилонъ и умеръ тамъ отъ отравы. Передъ смертью, онъ простился съ Роксаною, со всѣми придворными, воинами и конемъ Дучипаломъ, который съ яростью растерзалъ его отравителя, кравчаго Вріонуша. Александръ раздѣлилъ все свое царство, сдѣлалъ наставленіе «волостелямъ» и умеръ при восходѣ солнца. Царица Олимпіада и Роксана причитали горько и жалостно, и «толикъ плачь и рыданіе бысть тогда о царѣ Александрѣ, якоже отъ созданія міра никто такова плача не видалъ и не слыхалъ, и потомъ не чаютъ быти и до скончанія міра: понеже бо вся вселенная и вся земля рыдаху объ немъ и плакаху отъ

([11]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Александріи эти исполины называются anticipando — «полканами».

([12]) Charogos у Юлія Валерія, у псевдо-Каллисѳена и въ русскихъ переводахъ «Дориѳъ» (Δωρήφ).

мала и до велика, яко отъ гласу плачевнаго и земли возстонати и чаяти вопля того гласъ былъ и до небеси слышать»...

Исторія оканчивается исчисленіемъ городовъ, построенныхъ Александромъ.

Въ этомъ очеркѣ она передана сообразно съ старыми русскими сказаніями. Весьма-трудно, впрочемъ, согласить въ одно разные списки исторіи, потому-что нерѣдко варіанты ихъ очень-значительны и становятся иногда совершенно-независимыми одинъ отъ другаго текстами. При общемъ сходствѣ содержанія подробности разсказываются не всегда одинаково, подборъ событій не всегда одинъ и тотъ же. Это разнообразіе зависѣло и отъ самаго греческаго текста и объясняется большею-частью изъ исторіи псевдо-каллисѳенова романа. Мы коснемся ея, на сколько изъ нея видно постепенное преобразованіе сказаній изъ одной формы въ другую, и тотъ видъ ея, въ какомъ дошла она до нашей литературы.

Исторія этихъ сказаній въ главныхъ чертахъ своихъ разъяснена только въ новѣйшее время. Старинные, а иногда и нынѣшніе ученые пренебрегали псевдо-Каллисѳеномъ за совершенное отсутствіе въ немъ историческаго достоинства, называли сочиненіе его «нелѣпой выдумкой, лишенною всякой пользы и интереса» ([13]), и на этомъ основаніи считали совершенно-лишнимъ заниматься псевдо-каллисѳеновой quasi-исторіей Александра, хотя, замѣтимъ, у насъ нѣтъ никакого права налагать на нее историческія требованія. Правда, и въ-древности и въ средніе вѣка многіе понимали ее именно въ такомъ смыслѣ, но это ничего не значитъ, потому-что тогда безъ дальнѣйшихъ критическихъ соображеній принимали на вѣру и всѣ другія баснословныя сказанія; теперь интересъ ея и значеніе заключаются вовсе не въ томъ — мы, конечно, не можемъ почерпнуть изъ нея новыхъ фактовъ для объясненія эпохи и подвиговъ Александра — а въ-отношеніи къ исторіи литературы и народныхъ преданій, гдѣ она фигурируетъ какъ главный источникъ западныхъ и восточныхъ разсказовъ объ Александрѣ.

Сочиненіе, которое означаютъ обыкновенно именемъ псевдо-Каллисѳена, не дошло до нашего времени въ первобытномъ видѣ, и заключенія о немъ остаются болѣе или менѣе предположительными. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что оно было извѣстно еще въ-древности, и съ-тѣхъ-поръ слѣды знакомства съ нимъ легко замѣтить у многихъ греческихъ и

([13]) Inepta figmenta, destituta omni prorsus utilitate ac amœnitate, по отзыву Исаака Фосса; столько же строги и выраженія знаменитаго Летронна.

латинскихъ писателей; несмотря на то, определить имя автора нѣтъ никакой возможности. Кромѣ Каллисѳена, который не могъ написать этой исторіи уже и потому, что умеръ гораздо-раньше Александра (328 г. до Р. Х.), сочиненіе приписывали какому-то Езопу, Симеону Сиѳу, Антисѳену и пр. Этотъ Езопъ—личность совершенно-неизвѣстная, и онъ могъ не имѣть никакого отношенія къ исторіи Александра; ученые думаютъ по-крайней-мѣрѣ, что имя его, какъ автора ея, могло явиться случайно, потому-что древніе манускрипты часто соединяютъ басни извѣстнаго Езопа съ романомъ псевдо-Каллисѳена, и первое имя могло быть отнесено къ обоимъ произведеніямъ. Такъ же неосновательно болѣе новое мнѣніе, считающее авторомъ исторіи греческаго писателя XI столѣтія Симеона Сиѳа, который извѣстенъ переводомъ на греческій языкъ басенъ Бидпая; оно объясняется такимъ же quiproquo ([14]). Имя Антисѳена явилось вслѣдствіе ошибки переписчика, вмѣсто Каллисѳена; армянскій переводъ V столѣтія называетъ авторомъ Аристотеля, еврейскій—Птолемея; не приводимъ другихъ именъ, права которыхъ столько же неопредѣленны ([15]). Время появленія исторіи опредѣлялось различно: отъ XI-го столѣтія, когда жилъ Симеонъ Сиѳъ, его отодвигали и дальше въ древность, до александрійской эпохи и Птолемеевъ. Критика дошла, впрочемъ, до нѣкоторыхъ заключеній, согласныхъ съ несомнѣнными историческими фактами и характеромъ произведенія, и удачно-объясняющихъ спорный вопросъ. Всего-вѣроятнѣе, что псевдо-каллисѳенова исторія Александра составилась не вдругъ, и потому не имѣетъ одного автора, которому бы можно было присвоить цѣлое произведеніе. Преданія тѣсно привязаны къ македонскому герою и встрѣчаются у разныхъ писателей изъ первыхъ вѣковъ нашей эры, такъ-что становится возможнымъ, или даже необходимымъ, отнести начало ихъ къ самой эпохѣ Александра. Личность великаго человѣка уже для ближайшихъ потомковъ облекается блестящимъ ореоломъ, не-

---

([14]) I. Berger de Xivrey p. 189. Въ образчикъ того, какъ составляются подобныя запутывающія мнѣнія, приводимъ объясненіе Б. де-Ксиврея. По словамъ его, исторія Александра приписана была Симеону Сиѳу въ первый разъ Фоссомъ, который, однако, не привелъ основаній своей догадки. Дѣло въ томъ, что въ одной рукописи лейденской библіотеки передъ исторіей Александра помѣщенъ Στεφανίτης Сиѳа, и Фоссъ, который жилъ въ Лейденѣ и пользовался этою рукописью, счелъ Сиѳа авторомъ обоихъ произведеній, тогда-какъ ему принадлежало только первое, и такимъ-образомъ возникло и распространилось мнѣніе, что псевдо-Каллисѳенъ или сочиненъ Сиѳомъ, или, по аналогіи съ баснями Бидпая, переведенъ имъ съ какого-нибудь восточнаго языка.

([15]) Müller p. x not., xxiij.

рѣдко-скрывающимъ за собою ея дѣйствительное значеніе; здѣсь лежитъ начало тѣхъ неправдоподобныхъ преданій, которыми затемняется исторія каждаго лица, возбуждавшаго особенное сочувствіе и любопытство народа. Оно становится центромъ, къ которому собирается все чудесное и великое, хотя бы оно и не принадлежало ему. Это мы можемъ замѣтить и теперь на множествѣ анекдотовъ, необыкновенныхъ фразъ и поступковъ, которые приписываются, часто несправедливо, разнымъ знаменитостямъ. Какъ въ наше время распространены подложные мемуары, такъ въ древнихъ литературахъ были подложныя жизнеописанія историческихъ лицъ, подложныя сочиненія, письма, которыя заинтересовывали именемъ знаменитаго лица, получали общую извѣстность и общее довѣріе. Они появляются очень-скоро по смерти мнимаго автора, потому-что разсчитываютъ на неостывшее сочувствіе, иногда даже при жизни его. Такого рода могли быть и письма Александра къ его наставнику, Аристотелю ([16]), Олимпіадѣ, къ амазонкамъ и брахманамъ, которыя вносятся обыкновенно въ текстъ псевдо-Каллисѳена, но встрѣчаются въ древнихъ манускриптахъ и отдѣльными, независимыми статьями. Письма эти разсказываютъ о чудесахъ, видѣнныхъ Александромъ въ Индіи, и составляютъ, можетъ-быть, самую любопытную часть исторіи; немудрено, что появленіе ихъ было очень-давне и что охота читать эти разсказы долго не пропадала. Съ другой стороны, существовали, безъ-сомнѣнія, и мѣстныя преданія объ Александрѣ, въ которыхъ имя его соединялось съ частными обстоятельствами, привязывалось къ исторіи отдѣльной страны или города; авторъ исторіи могъ внести ихъ въ свое сочиненіе, на сколько самъ интересовался ими; предпочтеніе, выказанное имъ въ-отношеніи къ тому или другому разсказу, должно выражать для насъ и его собственную личность и характеръ источниковъ, которыми онъ пользовался. Ко всему этому должно прибавить сочиненія предшествовавшихъ историковъ, болѣе или менѣе вѣрныя или баснословныя, и такимъ-образомъ возникаетъ связь между Александромъ историческимъ и Александромъ псевдо-Каллисѳена. Въ разной степени эти источники можно указать и въ извѣстныхъ редакціяхъ псевдо-каллисѳеновыхъ сказаній. Къ нимъ прибавляютъ и другіе: поэмы, или вообще поэтическіе разсказы о дѣяніяхъ Александра, большею-частью недошедшіе до нашего времени или уцѣлѣвшіе въ небольшихъ фрагментахъ, не лишены были, конечно, фантастическаго колорита, и

([16]) Alexandri epistola ad Aristotelem de situ et mirabilibus Indiæ, или Epilogus de mirabilibus, quæ vidit Alexander, ad Aristotelem magistrum и др. въ разныхъ рукописяхъ парижской библіотеки.

съ своей стороны способствовали къ тому, чтобъ личность Александра, вмѣсто опредѣленныхъ фактовъ исторіи, окружена была заманчивыми картинами воображенія. Здѣсь были и прекрасные сюжеты для упражненій въ ораторскомъ искусствѣ, которыя такъ были любимы въ декламатическую эпоху греко-римской литературы. Что псевдо-Каллисѳенъ могъ пользоваться отчасти и ими, можно, кажется, заключать изъ примѣра книги Квинта Курція, наполненной высокопарными и нисколько-неисторическими рѣчами (17).

Слѣды этихъ источниковъ еще остались въ исторіи псевдо-Каллисѳена. Переписка Александра (разумѣется, подложная) существовала, вѣроятно, и до нея; уцѣлѣвшіе отрывки Клитарха, Онезикрита (πῶς Ἀλέξανδρος ἤχθη), Аристовула и другихъ не разъ сходятся съ псевдо-Каллисѳеномъ; съ нимъ согласны иногда и другіе, болѣе-поздніе писатели объ Александрѣ, заимствовавшіе свои свѣдѣнія у этихъ историковъ. Владѣя такими источниками, различные редакторы этихъ сказаній легко могли видоизмѣнять первоначальный текстъ, дополняя или сокращая его, или измѣняя тонъ и направленіе разсказа. Они могли вносить, и въ-самомъ-дѣлѣ вносили, и сами новыя подробности, которыя иногда такъ ярко отдѣляются отъ остальныхъ частей произведенія, что отличить ихъ можно безъ большаго труда. Всего опредѣленнѣе выступаютъ тѣ черты его, по которымъ ученые не сомнѣваются считать эту исторію произведеніемъ александрійской эпохи. Они уцѣлѣли почти во всѣхъ редакціяхъ и касаются главныхъ фактовъ исторіи, такъ-что очень-естественно признать ихъ основное происхожденіе: такова басня о Нектанебѣ, безъ-сомнѣнія, внесенная египтянами, которые посредствомъ ея хотѣли связать личность Александра съ своими національными династіями (18). Точно также гордости египтянъ не оскорбляло завоеваніе ихъ отечества Камбизомъ, потому-что мать Камбиза, по словамъ ихъ, была египтянка. Преданіе о Юпитерѣ-Аммонѣ было, вѣроятно, современно самому Александру. Юстинъ, заимствовавшій у Клитарха, уже знаетъ его; Эратосѳенъ считаетъ его общеизвѣстнымъ фактомъ. Что касается до личности Нектанеба, она, вѣроятно, прибавлена впослѣдствіи и, какъ замѣна Юпитера-Аммона, отзывается эвгемеристическими

(17) Müller, Pseudo-Callisthenes xviij.

(18) Слова Летронна: je pense qu'elle (то-есть выдумка о Нектанебѣ) remonte à l'époque des Ptolémées et qu'elle a été imaginée par les Egyptiens eux-mêmes pour rattacher Alexandre à leurs dynasties nationales (La statue vocale de Memnon. Paris 1831, p. 81 note), приведенныя у Б. де-Ксиврея, p. 179. Müller, Pseudo-Call. xx.

понятіями, тѣмъ неменѣе, однако, обличаетъ александрійское происхожденіе. Египетскіе папирусы, по изслѣдованіямъ Летроння, упоминаютъ о магическихъ знаніяхъ Нектанеба, и вообще въ разсказѣ о немъ есть какое-нибудь историческое основаніе, потому-что смерть его отъ руки Александра, описанная псевдо-Каллисѳеномъ, не могла льстить самолюбію египтянъ. Другое мѣсто, указывающее въ авторѣ александрійца, заключается въ разсказѣ объ основаніи этого города: авторъ упоминаетъ разныя мѣстности его, какъ извѣстныя всѣмъ, называетъ мѣсяцы египетскими именами и пр. То же пристрастіе къ Египту и Александріи замѣтно и въ другихъ случаяхъ: Александріи достается право владѣть гробомъ знаменитаго завоевателя; жителей ея Александръ называетъ «своими александрійцами» (οἱ ἡμέτεροι Ἀλεξανδρεῖς). Отдѣливъ эти и подобныя мѣста, очевидно, принадлежавшія основному тексту, можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ опредѣлилась первоначальная редакція этого романа ([19]).

Но во всѣхъ извѣстныхъ теперь греческихъ редакціяхъ замѣтно многое, что̀ появилось уже вслѣдствіе новыхъ вліяній. Александру присвоены такія особенности, которыя никакъ не были бы возможны въ первобытной формѣ исторіи. Сюда должно отнести главнымъ образомъ тѣ вставки, которыя произошли отъ еврейскихъ читателей, какъ, напримѣръ, подробное описаніе александрова похода въ Палестину, и тѣ, въ которыхъ отразились византійскія понятія ([20]). Эти вставки важны особенно потому, что вполнѣ сохранились въ русскихъ редакціяхъ, или даже получили въ нихъ бо̀льшій объемъ, тогда-какъ въ западно-европейскихъ романахъ развилась преимущественно другая сторона личности и подвиговъ Александра. Различіе редакцій могло увеличиваться и чисто-случайными обстоятельствами. Къ числу подобныхъ измѣненій относится, напримѣръ, разсказъ о походѣ Александра въ Римъ, гдѣ онъ явился побѣдителемъ и властелиномъ. Трудно объяснить его политическими обстоятельствами и какимъ бы то ни было историческимъ фактомъ, и въ случайности его появленія можно убѣдиться по рукописямъ, которыми пользовался Мюллеръ въ своемъ изданіи. Въ одной говорится, что, перейдя Граникъ, Александръ направился въ Ликаонію — область малоазійскую; въ другомъ спискѣ переписчикъ вмѣсто Ликаоніи поставилъ Луканію — область южной Италіи, потомъ и вмѣсто Луканія явились сперва Сицилія, потомъ Италія. Мы видѣли, съ какими подроб-

---

([19]) Müller, Pseud, xix—xxij.
([20]) Müller ibid. xvj.

ностями пребываніе Александра въ Римѣ описывается въ русскихъ редакціяхъ.

Такимъ-образомъ въ самомъ началѣ сказанія объ Александрѣ должны были выражать ту или другую національность, тѣ или другія черты жизни. Греческіе списки разныхъ мѣстностей, александрійскіе, еврейскіе, византійскіе, замѣтно отличаются другъ отъ друга; латинскій переводъ Юлія Валерія, относимый къ IV-му вѣку по Р. Х., имѣетъ свои варіанты... Изъ этого понятно будетъ для насъ, почему старинныя русскія редакціи псевдо-каллисѳенова романа заключаютъ иногда такъ много отличій, которыя не всегда можно объяснить изъ извѣстнаго теперь греческаго текста, и почему два перевода одного и того же произведенія бывали далеко несходны между собою.

На Востокѣ псевдо-Каллисѳенъ долженъ былъ преобразоваться еще болѣе. Онъ распространился тамъ очень-давно: Моисей Хоренскій, армянскій писатель V-го столѣтія, согласно съ нимъ разсказываетъ преданіе о Нектанебѣ; къ тому же времени относятъ и цѣлый армянскій переводъ исторіи Александра; еврейскій писатель бен-Горіонъ или псевдо-Горіонидъ буквально повторяетъ то же преданіе, какъ и христіанско-арабскій историкъ Абульфараджъ, потому-что непосредственно слѣдовали греческому прототипу. Совершенно-иначе представляется исторія Александра въ сказаніяхъ мухаммеданскихъ ([21]). Хотя, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, и у нихъ главнымъ источникомъ оставался тотъ же романъ псевдо-Каллисѳена, но восточные разсказы объ Александрѣ носятъ сильный отпечатокъ новой національности ([22]). По

([21]) Спеціально объ Александрѣ въ восточныхъ преданіяхъ: —J. v. Hammer, Alexander nach den Sagen des Morgenlandes въ его Rosenöl oder Sagen und Kunden des Morg. Stuttg. 1813 1-er Bd.;—Démétrius de Gobdelas, Histoire d'Alexandre le Grand suivant les écrivains orientaux. Varsovie 1822;—Fr. Spiegel, Die Alexandersage bei den Orientalen. Leipzig, 1851 и др.

([22]) Прежде думали объ этомъ иначе, и самого псевдо-Каллисѳена производили отъ писателей восточныхъ. «L'expédition d'Alexandre, говоритъ Фавръ, fit sans doute connôitre aux Grecs, ces écrits, qui treize siècles plus tard reparurent avec tant de succès dans notre occident, sous le nom de *Romans* de chevalerie. Ils semblent tirer leur origine de la Perse, peut-être de l'Inde, et les hauts faits des guerriers de l'Iran et du Touran sont les premiers modèles de ces compositions, dans lesquelles l'héroïsme militaire est allié aux aventures surnaturelles et aux prestiges du merveilleux.» Bibl. univ. de Genève ib. 323 sq. Въ этомъ вопросѣ надобно строго отличать вліяніе Востока на характеръ псевдо-каллисѳенова романа и способъ литературнаго заимствованія сказаній объ Александрѣ.

тѣмъ же побужденіямъ, какъ это было у александрійскихъ передѣлывателей, исторія рожденія Александра у Фирдоси приноровляется къ извѣстнымъ требованіямъ народной гордости. Здѣсь Александръ уже не сынъ Нектанеба, который былъ совершенно чуждъ персидскому писателю; онъ прямо происходитъ отъ персидскаго царя Дараба, который, начавъ войну съ царемъ Рума, Филикусомъ, принудилъ его просить мира и отдать въ супруги Дарабу свою дочь, знаменитую красавицу. Но на другой день послѣ свадьбы Дарабъ отослалъ ее къ отцу, и черезъ девять мѣсяцевъ у нея родился Искендеръ; Филикусъ усыновилъ его. Дарабъ женился снова въ своемъ отечествѣ и второй сынъ его былъ Дара (Дарій), побѣжденный впослѣдствіи Искендеромъ. Такимъ-образомъ и здѣсь варьированіе главнаго факта бросаетъ на всю исторію другой свѣтъ; дальнѣйшія подробности, хотя и взятыя у псевдо-Каллисѳена, передѣланы въ томъ же смыслѣ. То, что оставалось чуждо и непонятно въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ передѣлкѣ Фирдоси получаетъ персидскій колоритъ и оживляется новыми чертами, заимствованными изъ тогдашней современности. Потому, неизвѣстная для него Кандакія, наслѣдница Семирамиды, обращается въ Кидазу, царицу Андалузіи, знакомой Фирдоси по господству арабовъ въ Испаніи; отправляясь въ Египетъ, Искендеръ не думаетъ о Юпитерѣ-Аммонѣ и, напротивъ, посѣщаетъ Мекку, чтобы поклониться каабѣ; простую дань, которую Дарабъ заставляетъ платить своего противника, Фирдоси осмыслилъ для себя, считая ее мухаммеданскимъ «харай». Правда, отъ подобныхъ перестановокъ историческое вѣроятіе разсказа немного страдаетъ, но забота о немъ была уже второстепенною: такъ Искендеръ, разставшись съ Кидазой, быстро переходитъ изъ Андалузіи въ землю брахмановъ, то-есть Индію. Этотъ переходъ былъ очень-возможенъ у псевдо-Каллисѳена, который помѣщаетъ Кандакію недалеко оттуда, но персидскій поэтъ также скоро и безъ дальнихъ околичностей приводитъ Искендера въ Индію и изъ Андалузіи. Описаніе чудесъ, которыя видѣлъ Искендеръ въ своихъ странствованіяхъ, Фирдоси оживляетъ и богатствомъ фантазіи и связываетъ съ восточными миѳами.

Такое сближеніе чуждаго въ-сущности содержанія съ интересами на-

---

Поэтическіе разсказы Фирдоси, Низами и другихъ восточныхъ писателей, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о греческомъ ихъ прототипѣ. По мнѣнію Моля (Livre des Rois I, p. XXIX), Фирдоси замѣнилъ недостатокъ персидскихъ преданій объ Александрѣ именно греческими, которыя могъ знать при посредствѣ арабскаго перевода. Весь составъ и порядокъ разсказа Фирдоси очевидно заимствованъ изъ псевдо-Каллисѳена. Spiegel 14, 61—62.

ціональными, быть-можетъ, еще сильнѣе отразилось на поэмѣ Низами. Благодаря этому стремленію осмыслить для себя подвиги славнаго героя фактами близкими и понятными, «Искендеръ-наме» Низами становится особенно-любопытна для насъ по отношенію къ древней русской исторіи. Главная основа псевдо-Каллисѳена удерживается и здѣсь, но слабѣе, чѣмъ у Фирдоси. Искендеръ — сынъ не Филиппа и не Дараба, а просто одной благочестивой женщины, которая умираетъ, произведя его на свѣтъ; Филиппъ находитъ случайно безпомощное дитя, отдаетъ его на воспитаніе Аристотелю и, по смерти царя, Искендеръ сталъ его преемникомъ. Но замѣнивъ этимъ безразличнымъ разсказомъ преданіе, вставленное у Фирдоси, Низами вознаграждаетъ недостатокъ его другими чертами: походы Александра обращены у него къ странамъ мухаммеданскимъ (напримѣръ, странствованіе въ Аравію), или такимъ, которыя были съ ними въ ближайшихъ сношеніяхъ, такъ-что направленіе экспедицій Александра совершенно измѣнилось. Между-тѣмъ, какъ войска его непріятеля, Дара, составлены изъ жителей Ирана, Харезма, Газны, въ рядахъ своего Александръ считаетъ, кромѣ македонянъ, и египтянъ, франковъ, грековъ, *русскихъ* ([23]). Побѣдивъ Дара и женившись на его дочери Рушенгъ (Роксанѣ), Искендеръ посѣщаетъ Арменію, Абхазію, строитъ Тифлисъ и наконецъ отправляется въ Бердау (Berdaa). Тогда этотъ городъ, съ превосходной окрестной страной, повиновался царицѣ Нушабе, которая славилась мудростью и красотой. Это — та же Кидаза, но вмѣсто Андалузіи она перенесена въ другую страну, также извѣстную персидскому поэту. Искендеръ явился къ ней подъ именемъ своего посланника; Нушабе узнала его по портрету и Искендеръ не могъ ей противорѣчить. Заключивъ съ ней дружбу, онъ достигаетъ потомъ до резиденціи Кейхосру, смотритъ въ его волшебное зеркало, искусно-сдѣланное изъ разныхъ металловъ, идетъ затѣмъ въ Индію и Китай. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что *русскіе* напали на его союзницу Нушабе и разрушили Бердау. Искендеръ предпринялъ новый походъ, пришелъ сперва въ Кипчакъ, гдѣ ему очень понравилось, что женщины не закрываютъ своихъ лицъ покрывалами, и потомъ выступилъ противъ русскихъ: войско ихъ состояло изъ самихъ русскихъ и, кромѣ-того, въ немъ были буртасы, алане и хазары. Русскіе сражались мужественно, сопротивлялись геройски, но, послѣ двухъ походовъ, онъ остался побѣдителемъ и получилъ богатую добычу, между-прочимъ, много драгоцѣнныхъ мѣховъ, употребленія которыхъ сначала онъ никакъ не могъ понять. «Любопытно въ историческомъ отношеніи

([23]) Spiegel 40.

(замѣчаетъ Гаммеръ), что персидскій поэтъ VI-го вѣка геджиры, или XII-го по христіанскому лѣтосчисленію, упоминаетъ о русскихъ такъ обстоятельно и придаетъ имъ такую важность. Оканчивая въ одинъ походъ войны съ египтянами, персами, армянами, индійцами и китайцами, Искендеръ предпринимаетъ два похода противъ русскихъ, царь которыхъ, Кайталъ (или Кинталъ), дѣлается наконецъ его плѣнникомъ» ([24]). Что касается значенія русскихъ въ поэмѣ Низами, никому, конечно, не прійдетъ въ голову искать въ ней историческихъ фактовъ, которые бы говорили о дѣйствительныхъ сношеніяхъ Александра съ русскими ; но нельзя принять и мнѣнія г. Эрдмана, который думаетъ, что Низами описываетъ здѣсь походъ Игоря на Византію, отнесенный ко временамъ Александра. Низами не было нужды вставлять въ поэму событіе, нимало для него неинтересное, особенно если онъ постоянно старается сблизить это произведеніе съ исторіей и географіей своего отечества. Напротивъ, вставка разсказа о русскихъ въ Искендеръ-наме именно доказываетъ, что самъ Низами зналъ или слышалъ о русскихъ, и въ сущности вставка имѣетъ историческое основаніе : уже въ IX-мъ вѣкѣ русскіе имѣли сношенія съ этимъ краемъ Востока, а X-ое столѣтіе представляетъ двѣ извѣстныя и, кажется, несомнительныя экспедиціи русскихъ на Востокѣ, о которыхъ говорятъ Масуди и Ибн-эль-Атиръ. Отсутствіе критическаго такта у Низами, какъ и вообще у восточныхъ писателей, дало ему возможность перемѣшать совершенно эпохи и отнести къ Александру событія, хотя гораздо-позднѣйшія, но тѣмъ неменѣе дѣйствительныя ([25]). Въ то же время Низами удерживаетъ

([24]) Geschichte der Schönen Redekünste Persiens. Wien 1818, 117 fg. Отрывокъ изъ Искендер-наме Низами, о войнѣ противъ русскихъ, изданъ въ книгѣ г. Эрдмана : De expeditione Russorum Berdaam versus auctore inprimis Nisamio. Casani 1826 — 32. 3 voll., съ латинскимъ переводомъ (I, 43—67) и объясненіями. Отрывокъ, заключающій въ себѣ «описаніе похода побѣдоноснаго Александра для освобожденія Бердау и отраженія Руссовъ», раздѣленъ на шесть главъ : «1) Александръ получаетъ извѣстіе о походѣ руссовъ, 2) Александръ возвращается въ Кипчакъ, 3) руссы узнаютъ о приходѣ Александра, 4) сраженіе Александра съ царемъ руссовъ, 5) второе сраженіе Александра съ руссами, 6) Александръ освобождаетъ Нушабе».

([25]) Ср. Карамз. III, пр. 279. Г. Григорьевъ, въ статьѣ «о походахъ Руссовъ на Востокъ», въ «Ж. М. Н. Пр.» 1835. II, 229—287, признаетъ въ поэмѣ Низами, несмотря на вымыслы, много историческаго. Въ «Bulletin de la classe historico-philologique» (1847. t. IV, № 13, pag. 197—202) акад. Куникъ сообщилъ разсказъ Ибн-эль-Атира о походѣ русскихъ на Бердау въ 944 году. «Ученыя Записки» I и III Отд. А. Н. II, 636, 794.

много подробностей и мелкихъ обстоятельствъ, принадлежащихъ псевдо-Каллисөену: точно также описываетъ онъ посольство Дарія къ Александру, посѣщеніе Дарія Александромъ инкогнито, подъ именемъ посла, какъ и къ царицѣ Кандакіи ([26]) и др.; но вообще всему содержанію приданъ чисто-мусульманскій характеръ и Александръ получаетъ физіономію тѣхъ неудержимыхъ воителей, которые явились первыми распространителями ислама.

Также рѣзко измѣнился характеръ псевдо-каллисөенова романа въ передѣлкахъ западно-европейскихъ, но въ противоположномъ направленіи. Мы замѣтили, что уже въ греческихъ его рукописяхъ замѣтно вліяніе новыхъ понятій, не тѣхъ, которыми проникнуто было это произведеніе въ первоначальномъ видѣ; эти новыя понятія принадлежали уже христіанскому обществу. Въ западныя литературы псевдо-Каллисөенъ перешелъ, вѣроятно, въ византійской передѣлкѣ, хотя былъ извѣстенъ и болѣе-древній переводъ, Юлія Валерія. При-всемъ-томъ западныя обработки этого сюжета внесли и свой элементъ; онѣ были вообще очень-обширны и очень-самостоятельны. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ нѣкоторые характеристическіе факты. Сказанія объ Александрѣ распространялись тамъ сперва въ греческихъ рукописяхъ, потомъ гораздо-болѣе въ латинскихъ переводахъ; между послѣдними очень-древенъ переводъ, который былъ напечатанъ вскорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія, подъ названіемъ: Liber Alexandri Magni de preliis, и пользовался огромной популярностью. Латинскія редакціи во многомъ отличаются одна отъ другой, что̀ говоритъ въ пользу ихъ извѣстности, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже носятъ слѣды вліянія различныхъ національностей. Эта макароническая латинь, столь общая въ средніе вѣка, бываетъ иногда очень-любопытна; въ старинной латинской рукописи этой исторіи, одно заглавіе передается слѣдующими словами, обличающими въ переводчикѣ, или передѣлывателѣ, итальянца: «Sicut rex Alexander invenit *unum* hominem agrestem et fecit eum ardere quia non habebat ullum intellectum, sed erat sicut *una* bestia», или «*comodo* rex Alexander est in suis tendis et loquitur eum suis *baronibus*». Въ подобныхъ переводахъ, употребляющихъ нисколько не латинскія слова, лежитъ зародышъ тѣхъ передѣлокъ, которыя исторію Александра дѣлали чисто-національнымъ произведеніемъ, комментировали ее по крайнему

([26]) Шпигель, Alexandersage 62, считаетъ это посѣщеніе Дарія Александромъ выдумкою восточныхъ писателей, вѣроятно, потому, что не нашелъ этого разсказа въ греческомъ текстѣ; разсказъ передается, однако, и въ русскихъ редакціяхъ. Ср. Pseudo-Callisth. II, 13—15.

разумѣнію и даже превращали въ цѣлую энциклопедію. Поэтическія обработки этого содержанія, какъ нѣмецкая Лампрехта, переодѣвали классическаго героя въ образецъ средневѣковаго рыцаря, съ его дѣлами и помышленіями, трудами и забавами, и вообще обращали на него все свое сочувствіе; оно и оправдывалось тѣми качествами и особенностями, какими надѣляли его ревностные поэты. Въ романѣ оставался только голый историческій фактъ — рожденіе, походъ, встрѣча, сраженіе и т. п., но фактъ передавался въ другомъ смыслѣ; его обстоятельства и подробности не имѣли почти ничего общаго съ первоначальной формой сказанія ([27]). Во французскихъ chansons de gestes du noble roy Alixandre и другихъ подобныхъ произведеніяхъ, разсказъ объ Александрѣ связанъ съ воспоминаніями о подвигахъ Артура. Бретонскій король, въ заключеніе своихъ странствованій въ самую глубину востока, поставилъ тамъ двѣ золотыя статуи; цѣль Александра — открыть ихъ. Дѣйствительно, онъ находитъ статуи Артура; но, желая проникнуть еще дальше, теряетъ часть своей арміи и самъ едва избѣгаетъ тысячи опасностей. Вся внѣшняя обстановка, картины нравовъ, вполнѣ принадлежатъ тогдашней французской современности; романъ наполненъ турнирами и феями; Александръ постоянно является съ характеромъ феодальнаго владѣтеля; его сопровождаютъ двѣнадцать перовъ, которые такъ заботятся о своей рыцарской чести, что никто изъ нихъ не соглашается оставить поля битвы, когда нужно привести вспомогательныя войска.

Вообще, въ каждой изъ западно-европейскихъ литературъ среднихъ вѣковъ исторія Александра, съ одной стороны, возбуждала общее любопытство и сочувствіе, съ другой, принимала различныя видоизмѣненія, сообразныя съ характеромъ народа, духомъ времени, особенностями быта и образованія. Такова была судьба ея и у насъ. Въ славянскихъ литературахъ она появляется очень-давно, изъ двухъ разныхъ источниковъ: болгарамъ, сербамъ и русскимъ она стала извѣстна прямо изъ византійскихъ редакцій псевдо-Каллисеена, тогда-какъ у чеховъ и поляковъ ея происхожденіе было западно-европейское, изъ нѣмецкихъ и латинскихъ переводовъ. Въ чешской литературѣ знакомство съ псевдо-Каллисееномъ очень-давне: стихотворные отрывки чешской Александреиды, составленной, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, по французской поэмѣ Готье-де-Шатильйона, или нѣмецкой ея передѣлкѣ, относятъ еще къ XIII-му столѣтію; она удерживаетъ здѣсь тотъ колоритъ, который придамъ ей въ западныхъ произведеніяхъ, и не имѣетъ строгаго сход-

---

([27]) О нѣмецкихъ передѣлкахъ интересная глава въ книгѣ Холевіуса: Gesch. der deutschen Poesie nach ihren antiken Elem. I, 59—101.

ства съ греческимъ прототипомъ. Позднѣе является и переводъ латинской редакціи, знаменитой «Книги о сраженіяхъ Александра Великаго», какъ называется она въ первопечатныхъ изданіяхъ. Что касается польскихъ переводовъ, они появляются около половины XVI-го вѣка ([28]). Происхожденіе русскихъ исторій Александра указано въ первый разъ г. Востоковымъ ([29]); мы прибавимъ къ этому нѣкоторыя объясненія.

Старинныя русскія редакціи этихъ сказаній ведутъ свое начало отъ византійскихъ видовъ псевдо-Каллисѳена, черезъ посредство южно-славянскихъ переводовъ. Разбирая одну сербскую и нѣсколько русскихъ рукописей Румянцовскаго Музея, заключающихъ сказанія объ Александрѣ, г. Востоковъ замѣтилъ между ними большое сходство и объяснилъ, что русскія рукописи имѣли первообразомъ сербскую редакцію ([30]). Но мы несовсѣмъ согласны съ мнѣніемъ о происхожденіи этой послѣдней. «Что касается до содержанія сего, исполненнаго разными анахронизмами и небылицами, житія александрова (говоритъ онъ), довольно упомянуть только, что это не есть ни арріаново повѣствованіе, ни переводъ извѣстной баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ, о которой говоритъ Фабрицій и которая существуетъ также на греческомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος καὶ πράξεις. Но словенскому сказочнику была, какъ видно, извѣстна сія исторія объ

([28]) Отрывки чешской Александреиды собраны въ Wyboru ze star. literatury. Praha 1845, стр. 170, 1071. Другая исторія называется: Kniha o wssech skutciech welikeho Alexandra. Pilsen 1513. 8°. Польскій переводъ: Historya o zywocie i znamienitych sprawach Alexandra wielkiego krola Macedońskiego. Krakow. 1550, 1690, 1701. Maciejowski, Dod. do Piśm. 359.

([29]) Опис. Рум. Музея № 175, 454, 456. Отрывокъ изъ Александріи разсказанъ былъ Полевымъ въ «Моск. Телеграфѣ» 1832. № 11, 374—390 и № 24, 558—575 («Древнія русскія сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію и на Востокъ»), но безъ всякихъ объясненій и указаній ея источника.

([30]) Онъ вывелъ это изъ нѣкоторыхъ мѣстъ исторіи. Въ сербской рукописи сказано, что Александръ, основавъ одинъ городъ, «нарече имя ему Драмь, по сербскому же езику наречется потечище»; то же самое, по русскому списку XVII-го вѣка: «нарече имя ему Драмъ, иже по сибирскому языку наречется потечище.» Слово *сибирскій* поставлено здѣсь позднѣйшимъ переписчикомъ, по ошибкѣ, вмѣсто незнакомаго ему *сербскій*. Это вѣрное объясненіе подтверждается другими рукописями, напр. Публ. Библіотеки, по которымъ мы просматривали исторію Александра; въ погодинскомъ сборникѣ «Повѣстей и Сказокъ» изъ XVII-го столѣтія, л. 225, читается: «градъ же ту созда и нарече имя ему Драмъ, иже по *серьбскому* языку потечищо наречется.»

Александрѣ Македонскомъ; ибо онъ взялъ изъ нея главныя обстоятельства, какъ-то: приключенія Нектанава, пересылки и письма между Александромъ и Даріемъ, походъ Александра въ Римъ, и мн. друг., разсказывая, впрочемъ, многое иначе и съ большими подробностями, иное же выпуская или перестанавливая. Сербу могла быть извѣстна исторія сія, если не въ латинскомъ или греческомъ подлинникѣ, то въ переводѣ богемскомъ или польскомъ». Говоря о той же исторіи, занесенной въ хронографъ, г. Востоковъ прибавляетъ, что «сказка сія полнѣе и сербской и латинской баснословной исторіи и содержитъ противу той и другой разныя несходства, въ мѣстахъ же и согласна, особливо съ латинскою исторіею, въ названіяхъ лицъ, впрочемъ, выдуманныхъ. Но подлинникъ сей сказки писанъ, вѣроятно, на греческомъ, а не на латинскомъ. Сіе заключать можно по нѣкоторымъ греческимъ словамъ, оставленнымъ безъ перевода, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ поставлено *ангелъ* вмѣсто вѣстникъ. Переводъ словенскій весьма древенъ». Мы думаемъ, что прямымъ подлинникомъ сербскаго перевода былъ именно греческій текстъ псевдо-Каллисѳена, который скорѣе могъ быть доступнымъ въ сербской литературѣ, гораздо-больше, чѣмъ латинская, польская или чешская редакція, и что сербскій переводъ сдѣланъ, вѣроятно, много-раньше двухъ послѣднихъ; притомъ на тотъ же греческій подлинникъ указываютъ и многія мѣста русскаго текста. Разница, иногда значительная, русскихъ списковъ съ напечатанными у Мюллера кодексами, вовсе не можетъ говорить противъ этого мнѣнія, потому-что самый греческій текстъ съ теченіемъ времени измѣнялся болѣе-и-болѣе; иногда же она могла быть и чисто-русскимъ явленіемъ, происшедшимъ вслѣдствіе національизированія. Сравненіе текстовъ, которые было бы здѣсь неумѣстно, можетъ убѣдить, что переводъ сдѣланъ именно съ греческаго подлинника; старинные азбуковники приводятъ иногда изъ «Александрѣи» греческія слова, которыя невозможны въ латинской редакціи, и наоборотъ, латинскія слова, которыя встрѣчаются въ нашихъ спискахъ, зашли въ нихъ изъ греческаго подлинника ([31]). Сербскій

([31]) Извѣстно, что греческій языкъ византійской эпохи принялъ очень-много латинскихъ словъ отъ вліянія римскаго законодательства и литературы. Въ греческомъ текстѣ читаемъ: *χρόνου δὲ ἱκανοῦ γενομένου ἐξπλωράτορές τινες, ὀύτω καλούμενοι παρὰ ῥωμαίοις, κατὰ δὲ Ἕλληνας κατάσκοποι* и пр.; въ латинской исторіи de preliis эти лица названы просто custos и exors, у Юлія Валерія переведено чрезъ quodam tempore nuntiatum est; въ нѣкоторыхъ русскихъ рукописяхъ «вѣстницы Нектанава царя», но въ спискѣ Рум. Музея № 456, буквально сходно съ греческимъ: «времени жъ доволну бывшу, *ексъплоратори* нѣци, тако нарицаеміи римляне

текстъ точно также сохраняетъ нерѣдко слѣды его; въ рукописи Румянцовскаго Музея (№ 175 обор. л. 7—8) разсказывается, что Александръ научился отъ Аристотеля небесной мудрости: «научи отъ него хожденій 12 животныхъ (дѣло идетъ о зодіакѣ) и 7 планитъ, солнце и луну узна накинтій ськраеонь (испорчено) Арисъ, Азродитъ (Афродита), Ермисъ» и проч. названія планетъ — греческія. Многія мѣста русскаго текста до буквальности сходны съ греческимъ: до такой степени велико было это соотвѣтствіе въ первоначальномъ переводѣ, что оно удержалось и въ позднѣйшихъ, много разъ терпѣвшихъ перемѣны, спискахъ. Вообще, даже легкое сличеніе русскихъ редакцій съ греческимъ подлинникомъ приводитъ къ несомнѣнному заключенію о близкомъ ихъ родствѣ, тогда-какъ латинская исторія имѣетъ съ ними гораздо-болѣе отдаленное сходство.

Столько же необходимо признать и связь ихъ съ сербскимъ переводомъ. Кромѣ приведеннаго выше яснаго указанія на сербскій подлинникъ, можно представить еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ; русскія редакціи, явившіяся изъ этого источника, хотя нерѣдко отличаются значительными варіантами, но, несмотря на всѣ измѣненія, происшедшія отъ времени, во многихъ мѣстахъ буквально слѣдуютъ фразамъ сербскаго перевода, извѣстнаго изъ румянцовской рукописи. Сербскія слова оставлены иногда безъ всякой перемѣны, хотя и неупотребительны въ русскомъ языкѣ, напримѣръ, *вазнъ* (мужество, храбрость) и другія; букефалъ почти всегда называется въ нашихъ рукописяхъ *дучипаломъ*, *дучпаломъ*, въ южно-славянской передѣлкѣ, которую Альтеръ принялъ даже за чисто-славянское слово ([32]); въ нашихъ рукописяхъ даже XVIII-го вѣка сохраняется иногда слово *гусаръ*, которымъ честитъ македонскаго царя Дарій въ своихъ посланіяхъ. Языкъ этой исторіи вообще очень любопытенъ и стоитъ внимательнаго изслѣдованія.

Время происхожденія русскихъ редакцій опредѣлить довольно-трудно, по недостатку точныхъ данныхъ. Востоковъ замѣтилъ только, что славянскій переводъ «весьма-древенъ». Почти всѣ извѣстные списки исторіи относятся къ XVII-му столѣтію; прямыхъ указаній о переводѣ и переводчикахъ нѣтъ, такъ-что единственнымъ средствомъ для рѣшенія

(ошибка, вмѣсто: у римлянъ, или римлянамъ), еллинскія же расоцы». Это мѣсто неопровержимо говоритъ въ пользу греческаго подлинника. Послѣднее слово происходитъ, вѣроятно, отъ корня *соч-ити* искать и представляетъ буквальный переводъ.

([32]) Philologisch-kritische Miscellaneen. Wien 1799. 8. Не приводимъ въ доказательство сербскаго источника Александріи выписокъ, потому-что связь нашихъ рукописей съ сербскими и безъ того очевидна.

вопроса остаются филологическія и историко-литературныя вѣроятности. Старинныя формы языка проглядываютъ даже въ самыхъ позднихъ спискахъ этихъ сказаній и съ перваго раза можно видѣть, что переводъ принадлежитъ не XVII-му и не XVI-му вѣку; несмотря на испорченность списковъ, замѣтно, что подлинникъ отличался большою правильностью языка, и что новѣйшія его формы и ошибки не были въ немъ кореннымъ явленіемъ. Сербское начало исторіи должно быть отнесено еще дальше появленія русской и, вѣроятно, къ тому времени, когда сербская литература жила еще своими силами и была въ тѣсныхъ связяхъ съ произведеніями Византіи, или когда поддерживался еще интересъ этихъ сказаній и охота къ ихъ чтенію. Едва-ли могли они явиться тогда, какъ она впала въ совершенное бездѣйствіе и неподвижность; и примѣры другихъ произведеній свѣтской литературы, заимствованныхъ нами изъ переводовъ южно-славянскихъ, принадлежатъ цвѣтущей эпохѣ ея развитія. Притомъ и большое распространеніе сказаній объ Александрѣ у насъ предполагаетъ или достаточное количество времени, чтобъ оно могло совершиться, или даже существованіе нѣсколькихъ переводовъ.

Въ пользу давности этой исторіи у насъ много говоритъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что подробныя сказанія объ Александрѣ встрѣчаются уже въ переводномъ хронографѣ византійца Малалы XV вѣка, переписанномъ съ рукописи 1261 года. На 311-мъ листѣ этой замѣчательной рукописи переводъ Малалы прерванъ длинною вставкой (л. 311—341), которая озаглавлена словами «Книгы Александръ», написанными крупно киноварью. Судя по началу и окончанію этой вставки, которыя приведены кн. Оболенскимъ, эти «книгы» ничто иное, какъ псевдо-Каллисѳенъ, тѣмъ-болѣе, что вставка очень-обширна и содержаніе главъ ея принадлежитъ именно ему ([33]). Въ погодинской

([33]) «Врем. Моск. Общ. Ист. и Др.» кн. IX. Пред. къ пер. лѣт. xxij, xxxv. Эти пять главъ (108—202: «Книгы Олѣксандръ, О въшествіи Александровѣ въ Іерусалимъ, О погрѣбеніи Пора царя и о прихоженіи Александра въ Рахманы, О солнечнѣ градѣ и Кировахъ полатахъ и о смерти Олѣксандрове, Како раздѣли Олѣксандръ власти своимъ пріязнемъ») внесены въ общій счетъ ихъ въ сборникѣ. Исторія Александра начинается здѣсь такъ: «Добліи мнится быти и храборъ Александръ Макидонскый, яко все сътворивъ поспѣвающее ему имѣя присно къ доброму дѣлу промышленіе; толико бо лѣтъ проводи съ всѣми языкы брань творя и біася, яко же не можаху хотящіи грады по извѣсту исписати Александрова же дѣянія и добраа дѣла душа тѣла его и юже въ дѣлѣхъ его вазнь и мужество. Се уже речемъ начятокъ отъ рода его сътворше и котораго бѣ отца сынъ» и пр. Именно тѣми же словами начинается псевдо-Каллисѳенъ въ изданіи Мюллера I, 1: Ἄριστός μοι δοκεῖ γενέσθαι

рукописи XVI вѣка, заключающей «Лѣтописецъ еллинскій и римскій» — компиляцію изъ Амартола, Малалы и пр., на листахъ 89—105 и 106—164 находится такая же вставка, по словамъ кн. Оболенскаго представляющая «чрезвычайно-подробный разсказъ о царствованіяхъ Филиппа Македонскаго и сына его Александра, составленный изъ разныхъ историковъ» ([34]), то-есть опять того же псевдо-Каллисѳена, потому-что у насъ не было другихъ подробныхъ исторій Александра. Эта рукопись приводитъ лѣтопись Малалы въ сокращеніи, но удерживаетъ раздѣленіе подлинника, чего нѣтъ въ рукописи, разсмотрѣнной кн. Оболенскимъ; слѣдовательно, погодинскій списокъ составился независимо отъ нея, и тѣмъ-болѣе становится любопытно, что вставка Александріи повторилась и здѣсь. Она есть, наконецъ, и въ большей части хронографовъ, въ которыхъ стоитъ рядомъ съ древними переводами Георгія Амартола, Малалы, Конст. Манассіи и другихъ византійскихъ историковъ. Сущность вопроса заключается теперь въ томъ: была ли исторія Александра вставлена въ хронографъ Малалы русскимъ составителемъ сборника въ XV столѣтіи, или же она существовала въ немъ и по древнѣйшему подлиннику 1261 года? — рѣшить это окончательно можно только при ближайшемъ изученіи рукописи. Принимать бездоказательно, что Александрія вставлена Григоріемъ, переводчикомъ Малалы, какъ сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ — нельзя, и пока должно ограничиться предположеніями. Очень-возможно, что переводъ псевдо-Каллисѳена или «Книгы Александръ» (Βίβλος Ἀλεξάνδρου) былъ внесенъ въ хронографъ и въ XIII-мъ столѣтіи, или и во время самаго перевода Малалы. Судя по описанію, въ рукописи этого перевода, принадлежащей XIII—XV вѣку, нѣтъ собственнаго разсказа Малалы объ Александрѣ (p. 189—196 ed. Bonn.), такъ-что вставка Александріи служитъ замѣной этого разсказа; и общія манеры и привычки переписчиковъ нашей старины могутъ допустить предположеніе, что въ такомъ видѣ текстъ находился и въ древнѣйшемъ подлинникѣ. Быть-можетъ даже, что многія изъ тѣхъ вставокъ, которыя отмѣчаетъ кн. Оболенскій въ текстѣ хронографа, и вовсе не принадлежатъ переводчику, а находились уже въ греческомъ подлинникѣ, гдѣ къ лѣтописи Малалы сдѣланы были исправленія и дополненія по другимъ книгамъ и писателямъ ([35]). Была ли исторія псевдо-Каллисѳена составною частью са-

---

καὶ γενναιότατος Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν, ἰδίως πάντα ποιησάμενος и пр. Переводъ почти буквальный.

([34]) «Временникъ М. О.» тамъ же, стр. xcvij.

([35]) Напр., мѣсто хронографа на *л.* 354, которое кн. Оболенскій приписываетъ Малалѣ (p. 215, ed. Bonn.), принадлежитъ вовсе не ему, а

наго хронографа или вставлена въ него переводчикомъ—результатъ былъ бы для насъ одинъ, то-есть, что переводъ ея относится еще къ X-му вѣку, слѣдовательно къ началу нашей письменности.

Но если этотъ вопросъ еще теменъ, то, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что переводъ былъ не одинъ. Сказанія встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ въ двухъ видахъ: или они внесены въ хронографы и помѣщены тамъ по хронологическому порядку событій, такъ, что составляютъ часть старинной нашей всеобщей исторіи, или же заключаются въ сборникахъ смѣшаннаго содержанія и отдѣльныхъ рукописяхъ. И тѣ и другія представляютъ, впрочемъ, одно произведеніе, но видоизмѣненія и варіанты его довольно-многочисленны и касаются не только внѣшней формы, но и содержанія. Различіе по языку и вообще по внѣшности, напримѣръ, въ раздѣленіи главъ и отдѣловъ, опущеніи нѣкоторыхъ мѣстъ и пр., объясняется очень-легко, потому-что нерѣдко зависѣло отъ одного произвола переписчика; но разница въ содержаніи и разсказѣ должна была произойдти иначе. Русскія вставки могли быть общи всѣмъ спискамъ, или только нѣкоторымъ, потому-что происхожденіе ихъ было случайное; появившись одинъ разъ въ рукописи, вставки удерживались въ тѣхъ спискахъ, которые съ нея были сдѣланы, тогда-какъ въ другихъ сохранялось прежнее чтеніе и основная форма произведенія не была нарушаема. Но и русскія и греческія редакціи отличаются иногда между собою и сущностью разсказа, такъ-что одинъ и тотъ же фактъ излагается въ разныхъ рукописяхъ различно. Возьмемъ одинъ примѣръ. По кодексамъ, напечатаннымъ у Мюллера, убійцею Филиппа называется ѳессалоникскій вельможа Павзанія; онъ совершилъ убійство въ театрѣ, но Александръ тотчасъ же захватилъ преступника и предалъ его казни; въ другихъ спискахъ дѣйствующимъ лицомъ является Анаксархъ, царь («пелапольскіи»), который успѣлъ похитить Олимпіаду и бѣжать съ нею; Александръ преслѣдуетъ его съ войскомъ и побѣждаетъ въ сраженіи. Нѣкоторые греческіе списки соединяютъ оба эти разсказа или, лучше сказать, представляютъ Анаксарха и Павзанію однимъ лицомъ ([36]), но очевидно, что это соединеніе чисто-внѣшнее. Въ латинской исторіи de preliis и

взято изъ «Сокращенной Хронографіи» Іоиля, напечатанной въ нибуровскомъ изданіи въ одномъ томѣ съ Малалой (pag. 24). Вставка изъ Іоиля, была, вѣроятно, уже въ греческомъ текстѣ, а не сдѣлана болгарскимъ переводчикомъ.

([36]) Анаксархъ, онъ же и Павзанія, Ἀννάξαρχος ὁ καὶ Παυσανίας. Müller xvj. Pseudo-Callisth. I, 24.

у Юлія Валерія названъ только Павзанія; но наши редакціи приводятъ и тотъ и другой разсказъ, раздѣляя Апаксарха и Павзанію на два отдѣльныя лица, такъ-что необходимо признать два независимые перевода, въ основаніи которыхъ лежали греческіе списки, въ этомъ случаѣ несходные: совмѣстное существованіе обоихъ разсказовъ въ одномъ спискѣ было невозможно. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Александрія включена и въ болгарскій переводъ Малалы, и что языкъ извѣстныхъ отрывковъ ея здѣсь носитъ скорѣе болгарскіе, нежели сербскіе оттѣнки, и, кажется, не противорѣчитъ общему характеру языка въ трудѣ мниха Григорія, то существованіе двухъ разныхъ редакцій, сербской ([37]) и болгарской, которыми воспользовались русскіе передѣлыватели, становится внѣ всякаго сомнѣнія. Быть-можетъ, переводовъ было и нѣсколько, но вообще разница русскихъ списковъ объясняется этимъ безъ труда: переписчикъ могъ имѣть подъ-рукою обѣ, невездѣ-сходныя, редакціи и въ новомъ спискѣ измѣнялъ и дополнялъ одну по другой. Полнаго опредѣленія русскихъ видовъ исторіи и отличій ихъ въ составѣ по описываемымъ событіямъ и языку можно достигнуть только подробнымъ пересмотромъ многихъ списковъ; но изъ приведеннаго примѣра достаточно видно, что переводъ во всякомъ случаѣ былъ не единственный. Такія же отличія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ исторіи, напр. въ разсказѣ о походѣ въ Пису олимпійскую, въ Италіи, и Западную Европу, о приходѣ къ рахманамъ и др. Особенно-интересная сторона нашихъ редакцій заключается въ томъ, что многіе варіанты ихъ неизвѣстны изъ напечатанныхъ греческихъ списковъ, и для изученія греческихъ текстовъ псевдо-Каллисѳена необходимо познакомиться съ старинными нашими текстами.

Число рукописей, въ которыхъ сохранились русскія сказанія, очень велико: каждое значительное собраніе имѣетъ нѣсколько списковъ Александріи въ хронографахъ, сборникахъ и отдѣльно. Не говоря о библіотекахъ Московскаго Общества, графа Уварова, Румянцовскомъ Музеѣ, одна Публичная Библіотека имѣетъ, вѣроятно, около ста списковъ, если не болѣе. Во многихъ рукописяхъ оставлены большіе пробѣлы для картинъ, въ другихъ нарисованы и самыя картины извѣстной живописи, слѣды которой уцѣлѣли до-сихъ поръ въ лубочныхъ изданіяхъ. Любопытный образчикъ подобнаго édition illustrée нашей старины представляетъ одна рукопись Публичной Библіотеки, въ которой помѣщенъ одинъ

([37]) Которую кн. Оболенскій невѣрно называетъ болгарской, тамъ же стр. xvj.

псевдо-Каллисеенъ ([38]) ; она писана in-folio красивымъ полууставомъ XVII-го вѣка, съ искусно-нарисованными виньетками въ заглавіяхъ, и заключаетъ около трехсотъ-пятидесяти картинокъ, рисованныхъ очень-старательно и раскрашенныхъ яркими, но немногосложными красками; каждая картинка занимаетъ больше половины страницы и снабжена подписью. Вотъ нѣсколько изъ нихъ :

Л. 8. Нектанавъ пріиде къ царицѣ Алимпіадѣ.

Л. 13. Филипъ царь въ шатрѣ спитъ ; явися ему во сни богъ Аммонъ.

Л. 14 обор. Филипъ царь призва великого мужа Аристотеля учителя и даетъ сына своего Александра въ наученіе грамоты.

Л. 23. Александръ царь созда градъ съ витязи македонскими и нарече имя ему Дранимъ.

Л. 28. Александръ македонскій царь поби Куманъ много множество живыхъ поималъ и въ Македонію къ отцу своему приведе.

Л. 36 обор. Послы идутъ отъ Дарія ко Александру царю з грамотою (у одного изъ пословъ въ рукахъ пика со значкомъ, у другаго— ружье).

Л. 39. Александръ царь македонскія со властели своими въ полатѣ своеи сидятъ, к Дарію царю свою грамоту писать хочетъ.

Л. 61 обор. Александръ македонскій царь бесѣдуетъ съ римляны, піютъ и ядятъ и веселятся.

Л. 86 обор. Дареи царь перскій з бою бѣжитъ во градъ свои не со многимъ войскомъ...

Картинки изображаютъ каждое замѣчательное событіе въ исторіи Александра : походъ , сраженіе съ персами , дивіими людьми, Поромъ, который представленъ въ видѣ нескладнаго великана , разговоръ съ рахманами, заключеніе въ горѣ «поганыхъ языкъ» и т. д. Наивность рисовальщика доходитъ до-того, что на одной картинкѣ знамя Александра Македонскаго украшено русскимъ гербомъ.

([38]) Изъ толстовскаго собранія I, 34 по каталогу Публ. Библіот., Отд. XVII, F. № 8 ; рукопись , безъ конца , имѣетъ 307 листовъ. Вообще эта рукопись можетъ дать самое ясное понятіе о старинныхъ *потѣшныхъ книгахъ* , о которыхъ говоритъ г. Забѣлинъ въ послѣдней изъ его статей «Отеч. Зап.» 1854. Декабрь. Рисовали и раскрашивали или *знаменили* картинки обыкновенно иконописцы ; этимъ и объясняется характеръ живописи подобныхъ картинокъ, строго-опредѣленный и однообразный. Такъ-какъ «потѣшныя книги», или старинныя иллюстрированныя изданія, были первообразомъ нынѣшнихъ лубочныхъ картинокъ , то внѣшность и живопись послѣднихъ имѣетъ съ ними большое сходство.

Заглавіе исторіи въ нашихъ рукописяхъ гораздо-обширнѣе, нежели въ извѣстныхъ греческихъ кодексахъ. Въ этихъ послѣднихъ она называется «Книга Александра», «Жизнь и дѣла Александра Македонскаго», «Каллисѳеновъ... разсказъ о дѣлахъ Александра» и т. п. ([39]); у насъ ей придаются обыкновенно два отдѣльныя заглавія и родъ введенія, котораго также недостаетъ въ греческихъ рукописяхъ. Они приведены г. Востоковымъ при описаніи румянцовскихъ списковъ; въ названной нами рукописи Публичной Библіотеки заглавіе читается такимъ образомъ: «Книга, глаголемая Александрія, полезно и честно слышати добродѣтелнаго и велеумна мужа Александра великаго макидонскаго царя, и како и откуду бысть и... доколѣ пріиде; сихъ ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася; подобаетъ же сего чтучи разумѣти и разумѣющимъ сего воинствомъ и добродѣтелемъ уподобитися, смысла елицы разумѣютъ чтучи (умре же Александръ царь до Рож. Х-ва за 332 лѣта въ 42-е лѣто возраста своего)» ([40]). Затѣмъ слѣдуетъ «Предисловіе» (нач. «бысть великое божіе промышленіе»), написанное довольно-высокопарно; потомъ новое заглавіе: «Сказаніе и хоженіе славнаго царя Александра великія Македоніи, наказаніе храбрымъ людемъ вынѣшняго времени, чюдно и полезно слышати — аще кто хощетъ послушати, повѣсть творимъ о рожденіи и храбрости его» (нач. «глаголютъ бо его быти сына царя Филиппа, нѣсть то тако, но ложь» Pseud. I, 1). Эти заглавія варьируются почти во всѣхъ нашихъ рукописяхъ. Карамзинъ сообщаетъ другое, гдѣ названо имя Арріана: «Повѣсть о храбрости Александра, царя македонскаго, къ воинствомъ устремляющимся полезно есть слышати. Створивый есть Аріанъ, ученикъ Епиктита философа», но это взято изъ самой исторіи, и Аріанъ, какъ авторъ исторіи, поставленъ просто по ошибкѣ ([41]). Сокращенный видъ псевдо-Каллисѳена, встрѣчающійся отдѣльно и въ хронографахъ, назы-

([39]) Βίβλος Ἀλεξάνδρου, Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος καὶ πράξεις, Καλλισθένης... ἱστορεῖ Ἀλεξάνδρου πράξεις и пр. Müller vij—viij.

([40]) Годы означены неправильно, вмѣсто 323 и 33.

([41]) Карамз. V, пр. 427. Ср. выписку у Востокова, Оп. Р. Муз. 756; но надобно замѣтить, что точно такъ же стоитъ и въ греческомъ текстѣ, p. 106; мы думаемъ, что и заглавія просто переведены съ греческаго. Иногда, въ началѣ или въ срединѣ исторіи, прибавляется родословная персидскихъ царей, предшественниковъ Александра на персидскомъ престолѣ; эта генеалогія взята изъ византійскихъ хронографовъ. Собственныя имена въ позднихъ спискахъ очень изуродованы: «Дарій арсумуяниnъ» въ румянцовскомъ хронографѣ, № 456 — конечно Δαρεῖος ὁ Ἀσσαλάμου византійцевъ, напр. Малалы, p. 193 ed. Bonn. Ксерксъ передѣлывается въ Крикса или Крпса и т. п.

вается обыкновенно «избраніе отъ хоженія царя Александра Македонскаго», какъ въ хронографѣ Румянцовскаго Музея № 454, толстовской рукописи II, 104 и другихъ. Исторія раздѣляется большею-частью на главы, но очень-произвольно, такъ-что рѣдко можно встрѣтить списки одинаковые.

Распространеніе сказаній объ Александрѣ въ старинной нашей литературѣ прямо опредѣляется огромнымъ количествомъ рукописей; изящество нѣкоторыхъ изъ нихъ показываетъ, что книга принадлежала къ числу любимаго чтенія. Имя Александра было знакомо у насъ издавна: писатель XII-го вѣка желаетъ князю «силу Самсонову, храбрость Александрову»; лѣтопись нерѣдко упоминаетъ македонскаго героя; Иванъ Пересвѣтовъ говоритъ въ письмѣ къ Іоанну: «пишутъ мудрые философы, что будетъ о тебѣ слава великая, яко о цесарѣ Августѣ и Александрѣ Македонскомъ»; Павелъ Іовій замѣчаетъ, что, кромѣ отечественныхъ лѣтописей, русскіе имѣютъ на своемъ языкѣ и исторію Александра Македонскаго ([42]).

Несмотря, однако, на несомнѣнную давность перевода этой исторіи, нѣкоторыя обстоятельства какъ-будто противорѣчатъ ея извѣстности. Лѣтопись наша не разъ приводитъ одно преданіе, разсказанное псевдо-Каллисѳеномъ, но заимствуетъ его не изъ Александріи, а изъ другаго источника. Говоря подъ 1096 годомъ о побѣдахъ Владиміра надъ половцами, Несторъ въ длинномъ отступленіи передаетъ различные слухи объ этомъ народѣ, вѣроятно, ходившіе въ его время. Одни называли ихъ потомками Амона, другіе — Моава; это «безбожніи сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ. Исшьли бо суть си отъ пустыня Нитривьскыя, межю встокомъ и сѣверомъ; исшьли же суть ихъ колѣнъ 4: торкьмени и печенѣзи, торци, половци... и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заклепеніи Александромъ Македоньскымъ, нечистыя человѣкы». То же преданіе повторяетъ Несторъ, приводя разсказъ Гюряты Роговича, Новгородца. Югра, народъ, платившій дань Новгороду, сказывали его отроку, что нашли дивное чудо, «его же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ (говорили они); се же третьее лѣто поча быти. Суть горы, зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено

([42]) «Библіотека иностр. писат. о Россіи». Спб. 1836. I, 47. Одерборнъ, Ioannis Bas. vita, объ Іоаннѣ: cum ab aulicis quibusdam Alexandri Macedonis titulo per adulationem salutatus fuisset, mirum in modum animo contumuit... у Старчевскаго, Hist. Ruth. script. exteri II, 227.

оконце мало, и тудѣ молвять. и есть не разумѣти языку ихъ»... Лѣтописецъ думаетъ, что это были «людье, заклепенія Александромъ, Македоньскымъ царемъ», потому-что, разсказываетъ онъ сходно съ псевдо-Каллисѳеномъ, Александръ «взиде на всточныя страны до моря, наричемое солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя... то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны, въ горы высокія; и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы полунощныя токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локотъ; и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ й жещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь; въ послѣдняя же дни... изидуть и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ». Такимъ-образомъ извѣстный всѣмъ разсказъ прилагался и къ половцамъ и къ дивнымъ людямъ, которыхъ видѣли Югра; его отнесли и еще къ одному темному и удивительному народу — татарамъ. Всѣ лѣтописи, упоминая о первомъ ихъ нашествіи подъ 1223 — 24 годамъ, говорятъ о нихъ одними словами. Мы видѣли, что и псевдо-Каллисѳенъ приводитъ преданіе о томъ, какъ Александръ загналъ нечистыхъ народовъ въ горы и заключилъ ихъ сунклитомъ, котораго не можетъ разрушить ни желѣзо, ни огонь ([13]). Въ томъ источникѣ, откуда почерпнула свои свѣдѣнія наша лѣтопись, это мѣсто было заимствовано изъ Александріи или, можетъ-быть, изъ тѣхъ преданій, которыми воспользовался и псевдо-Каллисѳенъ, и содержаніе разсказа такъ тѣсно связано съ Александріей, что, зная ее, лѣтописецъ непремѣнно упомянулъ бы о ней. Напротивъ, онъ выписываетъ изъ другаго сочиненія, гдѣ Александръ не былъ спеціальнымъ сюжетомъ, такъ-что это упоминаніе лѣтописи объ Александрѣ не говоритъ въ пользу извѣстности у насъ псевдо-каллисѳеновой исторіи. Изъ такого же посторонняго источника, изъ Епифанія, могла быть взята и другая вставка лѣтописи, говорящая объ Александрѣ (Лавр. 122). Но, пріурочивая знакомое преданіе о «нечистыхъ народахъ» къ собы-

---

([13]) Pseudo-Callisth. 138—139. Ср. съ этимъ, и особенно съ Pseud. p. 142—143 выписку изъ Меѳодія Патарскаго, которымъ пользовались наши лѣтописцы, у Черткова въ Рус. Истор. Сборн. VI, 154—156. Карамзинъ II, пр. 64. Это мѣсто лѣтописи переводитъ и Герберштейнъ. Указываемъ также на любопытную статью въ румянцовской рук. № 363 л. 454 и слѣд., которая касается тѣхъ же преданій. Онѣ распространены были и у мухамеданскихъ народовъ, но получили у нихъ національное значеніе и связаны съ именемъ героя Дзуль-Карнеина, подвиги котораго смѣшивали съ подвигами Александра. Spiegel 57 fg.

тіямъ своей исторіи, читатели наши съ бо̀льшимъ интересомъ встрѣчали его у псевдо-Каллисеена, и потому, быть-можетъ, въ нашихъ редакціяхъ это мѣсто всегда приводится въ обширномъ переводѣ, тогда-какъ латинская исторія de preliis передаетъ его въ нѣсколькихъ словахъ, или оно подвергается особеннымъ толкованіямъ.

Общій характеръ русскихъ редакцій остался тотъ же, какъ и въ ихъ источникѣ; здѣсь также отражаются особенности византійскаго литературнаго вліянія. Въ византійскихъ редакціяхъ, какъ и въ другихъ, забывалось историческое значеніе Александра, и уже въ первые вѣка нашей эры этотъ герой облекается иными чертами, принадлежавшими жизни и понятіямъ христіанскимъ. Правда, иногда исторія удерживала прежній колоритъ нѣкоторыхъ подробностей, но онъ терялся въ глазахъ читателей, которые подчинялись новому взгляду на подвиги героя. Какъ-будто олицетворяя вражду грековъ съ ихъ вѣчными врагами на Востокѣ, Александръ вооружается противъ языческихъ народовъ, дѣйствуетъ по высшимъ опредѣленіямъ, отличается уваженіемъ къ святынѣ и, среди славы своихъ завоеваній, смиренно признаетъ ихъ ничтожность ([44]). Византійскія редакціи уже сильно развили этотъ элементъ въ исторіи Александра, такъ-что, при переходѣ ихъ въ нашу литературу, этой послѣдней оставалось только сохранить всѣ византійскіе оттѣнки, чтобъ вполнѣ соотвѣтствовать идеаламъ и удовлетворить любопытству русскихъ читателей. Сравнивъ варіанты нашей исторіи съ извѣстнымъ греческимъ текстомъ, мы найдемъ, что у насъ число вставокъ такого характера болѣе-значительно и онѣ развиваютъ предметъ полнѣе; но мы не считаемъ ихъ русскимъ явленіемъ и думаемъ, что русскіе передѣлыватели здѣсь только слѣдовали византійскому подлиннику, не прибавляя ничего, или почти ничего, сами. Притомъ напечатанные греческіе списки не принадлежатъ къ числу тѣхъ, какіе были подлинниками нашихъ редакцій; они относятся, правда, къ XI и затѣмъ XV — XVI столѣтіямъ, но не выражаютъ вполнѣ-византійскій характеръ псевдо-Каллисеена, гораздо-рѣзче выступающій въ русскихъ редакціяхъ. Въ этихъ послѣднихъ Александръ стоитъ въ связи и съ исторіей самого Царьграда: мать Александра, Олимпіада, дочь эеіопскаго царя Фола, вышла, по смерти Филиппа, за царя Виза, отъ котораго Византія и получила свое названіе. Въ другомъ случаѣ разсказывается, что, по завоеваніи Рима и всей Европы, Александръ отправился въ морское путешествіе и поручилъ три тысячи ладей воеводѣ Византу; самъ царь основалъ при устьяхъ Нила городъ «во имя

([44]) Ср. Оп. Рум. Муз. 756 о бесѣдахъ Александра съ рахманами.

свое» Александрію, Антіохъ построилъ Антіохію, а Византъ прибылъ съ флотомъ своимъ «въ тѣсноту трахинскаго моря» и основалъ городъ Византію. Очевидно, что эта вставка, которой нѣтъ въ текстахъ Мюллера (Pseud. I, 31, 36), могла быть сочинена только византійцемъ, потому-что только для него имѣла національный интересъ; исторически же извѣстно, что Византія, хотя и соединенная съ именемъ Виза, основана еще въ половинѣ VII вѣка до Р. Х., а съ Филиппомъ и Александромъ была въ постоянной враждѣ. Такимъ-образомъ въ этомъ и другихъ подобныхъ разсказахъ наши редакціи отражаютъ въ себѣ неизвѣстный еще вполнѣ-византійскій видъ псевдо-Каллисѳена, и только отчасти, можетъ-быть, придали ему бо̀льшее развитіе. Основный характеръ, приданный здѣсь псевдо-Каллисѳену, много способствовалъ тому, что исторія его, преимущественно передъ другими произведеніями фантастическаго содержанія, находила у насъ большое сочувствіе; она имѣла для читателей двойной интересъ, потому-что въ то же время давала обильную пищу воображенію разсказами о чудесахъ природы, встрѣченныхъ Александромъ. Преданія, подобныя тому, которое лѣтопись наша сообщаетъ о половцахъ и татарахъ, будто-бы заключенныхъ Александромъ въ ущельяхъ горъ и снова вышедшихъ на гибель народовъ, повторялись и въ другихъ уважаемыхъ сочиненіяхъ; авторитетъ ихъ отражался и на псевдо-Каллисѳенѣ, который чрезъ то болѣе-и-болѣе выигрывалъ въ общемъ мнѣніи. Это можно замѣтить потому, на что̀ особенно обращали читатели вниманіе; исторія и во внѣшнемъ видѣ мѣнялась довольно-оригинально ([45]).

Кромѣ мистическихъ оттѣнковъ, произведеніе псевдо-Каллисѳена получало у насъ и историческія примѣненія. Такимъ-образомъ осмысленъ былъ русскимъ, а можетъ-быть еще и болгарскимъ передѣлывателемъ походъ Александра въ Скиѳію. Разсказами объ этомъ походѣ воспользовались и польскіе лѣтописцы, повторявшіе, одинъ за другимъ, повѣсть о томъ, ка̀къ Александръ сносился со скиѳами, которыхъ они превращали въ славянъ, или даже поляковъ, точно также, какъ изъ Крака дѣлали Гракха; но гораздо-болѣе они пользовались другими историками македонскаго царя: псевдо-Каллисѳенъ не представляетъ ни стольких подробностей, ни въ такомъ свѣтѣ. Наши компиляторы XVI и XVII-го вѣковъ не мало заимствовали у баснословящихъ польскихъ анналистовъ

([45]) См. напр. въ каталогѣ гр. Толстова отд. I, № 34 оглавленіе рукописи. Ср. въ описаніи румянц. хронографа № 454, гл. 98, 3; гл. 99; гл. 100, 1 и соотвѣтствующее мѣсто въ Полн. Собр. Лѣтоп. VI, 87. Александръ въ своихъ странствованіяхъ видѣлъ и Адама.

и по слѣдамъ ихъ вводили Александра Македонскаго въ русскую исторію ([46]); но усвоенію такихъ сказокъ способствовала извѣстность Александра по псевдо-Каллисөену. Здѣсь эта война представлена была иначе; и какъ въ древнѣйшихъ видахъ исторіи Александра называютъ «сыномъ Поруна великаго» (Юпитера), такъ и скиөы замѣнены древнимъ народомъ — куманами. Имя ихъ уцѣлѣло и въ позднихъ спискахъ. Приводимъ отрывокъ изъ иллюстрированной рукописи Публичной Библіотеки ([47]).

Въ Македоніи произошло смятеніе, потому-что Филиппъ несправедливо поступалъ съ Олимпіадой, развелся съ нею и хотѣлъ, въ отсутствіе Александра, вступить въ другой бракъ съ Клеопатрой; Александръ возвратился, разстроилъ это дѣло и наказалъ злыхъ совѣтниковъ.

«Слышавъ же той мятежь, скверная страна Кумане и собраша воинства на Македонію пять сотъ тысящь и пріидоша. Сіе же царю Филиппу возвѣстиша, онъ же наипаче въ скорбь велику впаде, и Александра повелѣ призвати к себѣ и рече ему: «о любимыи мои сыне Александре! се время пришло есть битися за отечество свое и за землю; веземъ убо воинства елико хощеши и на бой поиди». И поимъ съ собою Александръ воинства четыреста тысящь и с ними на срѣтеніе поиде. Самъ же обозрѣвъ Куманское воинство, истинно урядно стояше, и въ нощи своему воинству повелѣ предложити арганы многи и огни около ихъ, и вострубити повелѣ во многогласные трубы, и ударити повелѣ в варганы, и приставцы ихъ около бити повелѣ. Сіе же видѣвше Куманяне ненадѣемаго убояшася, и бѣгати начаша съ полунощи и до солнечнаго восхожденія, замѣсившеся вкупѣ Македоняне и Кумане. Свѣту же наставшу и солнцу восіявшу, и убіенно бысть Куманъ двѣстѣ тысящь, и побѣгоша. Александръ же с воинствомъ своимъ въ слѣдъ ихъ гнашася три дни и три нощи, и уби у нихъ сто тысящь и пятьдесятъ. Коней же множество и оружія отъ нихъ веземъ, и яко побѣдоносецъ къ отцу своему возвратися и съ собою 10 тысящь приведе Куманъ живыхъ.

«Сихъ же пред царемъ Филиппомъ поставити повелѣ и пред всѣми людми македоняны рече к нимъ Александръ: «видите ли, о друзи, яко божіимъ промысломъ предаю васъ въ руки македонянамъ. Мечь бо

([46]) Таковъ разсказъ о построеніи Новгорода у Карамз. I, пр. 70. Оп. Рум. Муз. 767.

([47]) То же мѣсто у псевдо-Каллисөена I, 23 notæ. Въ приведенномъ отрывкѣ много противъ него варіантовъ и ошибокъ переписчика.

вашъ наостриша на македонское царство; днесь поразишася отъ македонскихъ рукъ; царя же вашего Тактамыша убиша...» Александръ же сихъ увѣривъ, и царя имъ постави Тура именемъ, малъ убо возрастомъ бяше, но помысломъ и храбростію великъ».

Латинская исторія de preliis и Юлій Валерій ничего не говорятъ объ этомъ походѣ. Скиѳы переведены у насъ куманами и въ другихъ мѣстахъ исторіи: они вступили въ войско Александра и были его переводчиками ([48]); но въ греческомъ текстѣ нѣтъ именъ скиѳскихъ царей. Имя Тохтамыша поставлено, разумѣется, догадливымъ переписчикомъ; въ другихъ рукописяхъ читается «Атламыша», «Атымыша», и другихъ.

Разсказъ о походѣ Александра въ Палестину и встрѣчѣ, ему тамъ сдѣланной, въ русскихъ редакціяхъ обширнѣе, нежели въ извѣстныхъ греческихъ рукописяхъ. Къ нему прибавляется иногда цѣлая отдѣльная статья о двѣнадцати камняхъ, вѣроятно, уже русскимъ передѣлывателемъ. Въ «Александріи» Румянцовскаго Музея № 456 она снова помѣщена въ концѣ рукописи, съ нѣкоторыми варіантами и толкованіями на поляхъ, и вообще встрѣчается нерѣдко. Эти описанія камней любопытны для насъ потому, что, вмѣстѣ съ другими подобными произведеніями, они получали видное мѣсто въ азбуковникахъ и отсюда переходили въ область народныхъ знаній и повѣрій ([49]). «Александрія» доставила азбуковникамъ и нѣсколько другихъ словъ; напримѣръ въ той же румянцовской рукописи записаны изъ нея слова: «анниваларикс, аѳракінскіи царь (Александрѣя)»; «грноонесъ — ногъ птица, его же гнѣздо на 15 древесехъ»; «екльспллораторе (sic) — лазущики»; «каламандра — черви, иж во огни ражаются, во огни и живутъ, а без огня не могутъ жити» и др.

Авторитетъ «Александріи» поддерживался, какъ мы замѣтили, и связью ея содержанія съ другими сочиненіями; нѣкоторыя личности ея упоминаются въ историческомъ разсказѣ хронографовъ. Космографіи описываютъ и «страну муринскую» (Эѳіопію), мнимую родину царицы Олимпіады, и стеклянныя горы подъ востокомъ солнца, гдѣ людямъ нельзя жить отъ «корванъ, великихъ змій крылатыхъ», и куда «доходилъ царь храбрый Александръ Македонскій и возвратился». Они упоминаютъ и о макарійскихъ островахъ, гдѣ живутъ счастливые рахмане «нагіе, подъ

([48]) Pseud. I, 26 not.

([49]) Сочиненіе о двѣнадцати камняхъ (περί τῶν δώδεκα λίθων) издано въ геснеровомъ De omnium fossilium genere. 1565, и потомъ одинъ древній латинскій переводъ напечатанъ Фоджини въ Римѣ, 1743.

самымъ востокомъ солнца, и царя у себя имѣютъ, вѣруютъ же на небо къ Богу, а нынѣ крещена (то-есть, страна ихъ). Житіе ихъ таково: одѣваютца листвіемъ древянымъ, а питаются овощемъ, и жены и дѣти имѣютъ, а ризъ, и скота, и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же» ([50]). Всѣ подобныя замѣтки напоминали читателямъ исторію похожденій Александра, и они съ бо̀льшимъ вниманіемъ прочитывали разсказъ о чудномъ народѣ. Вопросы Александра мудрымъ рахманамъ о томъ: «кого больше: живыхъ или мертвыхъ? что̀ крѣпче: смерть или животъ? что̀ больше: земля или море? чѣмъ началось время: днемъ или ночью?» и т. п. переносили читателей въ кругъ ихъ собственныхъ загадокъ, затрогивали эту любимую тогда сторону умственныхъ развлеченій. Немудрено, поэтому, что съ такими же чертами рахмане являются и въ народныхъ преданіяхъ, какъ въ исторіи псевдо-Каллисѳена: первоначальное происхожденіе этихъ преданій было здѣсь чисто-книжное, такъ-что имя ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій при объясненіи миѳа; и если мы находимъ въ немъ новыя особенности, то онѣ происходили уже отъ смѣшенія съ другими преданіями ([51]).

Сдѣлавшись любимой книгой старинныхъ грамотѣевъ, «Александрія» часто переписывалась самымъ старательнымъ образомъ, украшалась виньетами и картинами. Она переписывалась и въ XVIII-мъ столѣтіи; иныя картинки ея перешли въ число лубочныхъ изданій и принадлежатъ, слѣдовательно, къ древнѣйшимъ изъ нихъ. Одна, «О бою Александра с Поромъ, индѣйскимъ царемъ», на большомъ листѣ, представляетъ два войска съ копьями, знаменами и трубами, нападающія другъ на друга. Наверху листа приложено описаніе александрова похода противъ индійскаго царя, а внизу короткое перечисленіе главныхъ подвиговъ Александра. На другой картинѣ изображены «люди дивыя, найденныя царемъ Александромъ Македонскимъ», съ объясненіемъ ([52]); фантазія рисовальщика сильно разъигралась на этой картинѣ: онъ на-

---

([50]) Въ румянц. рук. № 380, л. 84 обор., л. 85 обор., л. 90. Въ Рум. Александріи любопытная вставка: «иное отъ липсапка о рихъманех», № 456, л. 167 об. О брахманахъ или гимнософистахъ упоминаютъ и другіе историки Александра — Онезикритъ, Неархъ, Арріанъ, Кв. Курцій и пр.; новѣйшія изслѣдованія о нихъ у Болена, Das alte Indien I, 319; Крейцера Symbolik (3-te Aufl.) I, 482 fg.; Лассена въ Rhein. Mus. I, 170. Müller, ibid. Fragm. 106.

([51]) Ср. статью г. Буслаева въ «Архивѣ» Калачова II, 2, 45.

([52]) До какой степени испортились эти объясненія, переходя съ самыхъ старинныхъ лубочныхъ изданій до нынѣшнихъ, можно видѣть осо-

рисовалъ этихъ чудесныхъ людей такъ мудрено, что ихъ невозможно разобрать, и кое-что прибавилъ отъ себя. «Александрія» оставила слѣды даже въ устной народной словесности: для скептиковъ, которымъ это можетъ показаться страннымъ, замѣтимъ, что подобныя заимствованія въ народной словесности возможны вездѣ, а у насъ и очень-нерѣдки. Между сербскими «приповѣдками», изданными Вукомъ Стефановичемъ, одна, о царѣ Троянѣ, принадлежитъ именно къ этому разряду. Въ ней приписанъ Трояну извѣстный у древнихъ анекдотъ о Мидасѣ и его бородобрѣѣ, который, замѣтивъ у Мидаса ослиныя уши и поклявшись не нарушать этой займы, никакъ не могъ утерпѣть, чтобъ не разсказать кому-нибудь такого любопытнаго обстоятельства, вырылъ ямку и сказалъ въ нее: «у Мидаса ослиныя уши», и потомъ зарылъ; но на мѣстѣ ея выросъ тростникъ и сталъ безпрестанно пѣть эту пѣсню... Имя Караджича ручается, что сказка принадлежитъ народу и имѣетъ у него обширную извѣстность, а не выписана изъ книги, и между-тѣмъ всякому понятно, что она могла произойдти только книжнымъ путемъ. Существованіе лубочныхъ картинокъ изъ «Александріи» также показываетъ, что для народнаго воображенія была возможность воспользоваться сюжетомъ изъ этой исторіи, взять изъ нея ея главныя черты и развить ихъ по своей собственной манерѣ и привычкамъ. Такъ зашло къ народу преданіе о рахманахъ и рахманскомъ праздникѣ. Въ одной изъ нашихъ сказокъ Александру приписано первое изобрѣтеніе и разведеніе садовъ; она разсказываетъ, что Александръ Македонскій, которому все хотѣлось узнать и всего достигнуть, старался, во время своихъ похожденій, найти рай; но это было сопряжено съ величайшими трудностями. На дорогѣ встрѣчались ему разныя препятствія: его окружалъ непроницаемый мракъ, передъ нимъ разверзались пропасти—Александръ все преодолѣвалъ. Наконецъ силъ его недостало и гордость его была побѣждена; Александръ отказался отъ своего намѣренія и утѣшился тѣмъ, что развелъ себѣ обширный и великолѣпный садъ: съ тѣхъ-поръ и пошли сады. Это разсказъ, вполнѣ-самостоятельный, но основа его содержанія, характеръ героя, очевидно принадлежатъ «Александріи», придающей ему тѣ же особенности.

Приводимъ, въ заключеніе, отрывокъ изъ этого произведенія, чтобъ познакомить читателя съ характеромъ языка и изложенія, и дать возможность сравнить текстъ съ греческимъ подлинникомъ псевдо-Каллисоена. Разсказъ приведеннаго отрывка начинается съ того, что Алек-

---

бенно изъ подписи, помѣщенной на второй картинкѣ и неимѣющей почти никакого смысла.

сандръ пришелъ къ «сладкому озеру» и увидѣлъ столбъ царя Сесонхозиса (въ русскомъ текстѣ Сонхоса), и какъ встрѣчался потомъ съ разными чудными людьми ([53]).

«...Александръ борзо на конѣ к столпу тому скочивъ, и ко образу златому пріиде, и слова греческія у образа на столпѣ обрѣте, имѣюще писаніе сицево: «человѣче, аще кто хощетъ на востокъ итти,—до сего «мѣста дошедъ, вспять возвратися; не имаши отъ сего мѣста дале «итти Азъ бо есть Сонхосъ царь, иже всему свѣту царь быхъ, край «земли восхотѣхъ видѣти, и со всѣмъ своимъ воинствомъ на се поле «великое пришедъ, и восташа на мя дивіи человѣцы и воинство «мое великое разбиша, и мене на семъ полѣ убиша». И сія слова прочетъ Александръ, убоявся зѣло и рече к себѣ — «яко да македоняне сихъ не прочтутъ», и поставецъ златъ43 вземъ, и тѣло Сонхосово огнувъ портищемъ многоцѣннымъ, и ту станомъ ставъ. Македоняне же вопрошаху его, что писано у образа того златаго на столпѣ; онъ же рече: «красну и овощну землю впереди возвѣщаетъ намъ быти». И оттолѣ два дни прешедши, и къ горѣ нѣкоей дошедъ и к ней поидоша, и видѣ люди дивіи в горѣ той горды и страшны видѣніемъ: высота ихъ—единому двѣ сажени, косматы и дерзы зѣло, все воинство видятъ, а не бѣжатъ. Александръ же на конь всѣдъ, на видѣніе ихъ изыде, и видѣвъ ихъ отъ мѣста на мѣсто преходяще и лукаво на воинство позирающе; Александръ же видѣвъ ихъ и убоявся зѣло, глаголя: «сіи суть людіе, иже нѣкогда Сонхоса царя разбиша», и воинству своему вооружатися повелѣ. И отъ тоѣ горы отвади единаго человѣка, и посла к нему жену; она же близъ его ставши, сяде: онъ же, ухвативъ, нача ясти сію, жена же та гласомъ великимъ возопи к воинству александрову; они же притекши, отняша жену отъ дивіихъ людей, единаго же человѣка копіемъ удариша. Онъ же гласомъ великимъ крикнувъ, и услышаша гласъ его дивіи людіе, нападоша на Александра множество много безчисленно з древіемъ и каменіемъ, и александрово воинство разбиша, и во околъ погнаша, дондеже Антіохъ с своимъ полкомъ приспѣ,

---

([53]) Отрывокъ взятъ изъ той же рукописи Публ. Библ. Отд. XVII. F. № 8, л. 158—171. Чтеніе наше сохраняетъ всѣ черты языка, передаетъ и ошибки подлинника, хотя мы не считаемъ нужнымъ приводить его со всею палеографическою точностью (напр. сохранять всѣ ошибки въ буквѣ ѣ и т. п.), которая была бы здѣсь излишнею роскошью, такъ-какъ мы пользовались позднею рукописью. Греческій текстъ Pseud. II, 31 и слѣд.

и тако ихъ погнаша до широкого поля. Александръ же на своемъ конѣ вмѣшався, единаго отъ нихъ за власы ухвативъ и во околъ свои вомча: бяше же десяти лѣтъ дѣтища — выше всѣхъ людей питомыхъ.

«(Статья). Александръ царь македонскіи бьется з дивіими людьми —

«И ту Александръ ихъ уби тысящу тысящь, александровыхъ же двѣ тысящи конникъ убиша. Таковъ же законъ бяше у дивіихъ людей: егда коего отъ нихъ окрововляху, они же похвативше живаго и снѣдаху.— Во утріи же день велможи и воеводы рекоша: «Александре царю, до«волно есть смерти, иже отъ вселенскихъ царей пріяли есмя, а ты «повелѣваеши намъ погибнути отъ дивіихъ людей; всею землею пріялъ «еси овладѣніе, а намъ въ чюжихъ земляхъ погибнути и безпамятнымъ «быти». Александръ же умилився рече к нимъ: «о любимія мои вел«можи и воеводи и македоняне, не будите маломощи; весь бо свѣтъ «пріемъ и нынѣ наконецъ приспѣли есмя, и тако почесть имамы», и мало оттуду шедъ, дивіихъ людей землю прешедши.

«Сказаніе о цари Ираклія и о Серамидѣ царицѣ его, и о столпѣ и о людехъ дивіихъ — бяше бо у всякого человѣка шесть рукъ и шесть ногъ, и о людехъ псоглавыхъ, и о рацехъ, и о людехъ многихъ, иже суть рохмани —

«Въ землю нѣкую дивну и красну пришедъ Александръ с воинствомъ своимъ — та же бѣ земля полна овощія различнаго, и ту два столпа обрѣтоша, златомъ искуснымъ сотворены, Ираклія царя образъ и Серамиды царицы его. И к симъ столпомъ пришедъ Александръ, проплакавъ много и рече: «о дивнія в человѣцѣхъ, Ираклія царю и Сера«мида царица, како добрѣ в мѣстѣхъ сихъ царствовасте и добрѣ умро«сте, и память ваша по смерти пребываетъ». И дворове ту пусты иракліевы, златомъ и бисеромъ и каменіемъ украшены. И тако во внутреннюю пустыню внидоша шестію дніи, и тамо чюдныхъ людей обрѣтоша: у всякого человѣка шесть рукъ и шесть ногъ, и всякъ отъ нихъ имяше рожны; и ко Александру направишася на бой битися с нимъ, и не могоша. Александръ же сихъ уби множество, и много отъ нихъ живыхъ ухватиша — хотяше ихъ во вселенную вести на диво, обычая же ихъ не вѣдаху, что ядятъ, и всѣ отъ нихъ неурядно умроша. И землю ихъ за шесть дней прешедъ, и во псоглавые люди пріиде; бяше же тіи человѣцы таковы: все тѣло ихъ человѣческое бяше, главы же у нихъ песьи, гласи же ихъ бяху человѣчестіи — глаголаху человѣчески, а друзіи яко пси лаяху. И сихъ Александръ много изби, и землю ихъ за десять дней пройде. И на мѣсто нѣкое пріиде Александръ и ту обрѣ-

те людей предивныхъ, рогатыхъ... и на море нѣкое пріиде, и ту воинству своему почивати повелѣ: и у нѣкоего воина конь умре, господинъ же его отволокъ въ море; ракъ же морскіи, нашедъ его, нача ясти, а другіи ракъ облазнися с нимъ, и абіе мнози рацы из моря взшедше, людей и коней много похвативше и в море утекоша. Сіе же Александръ видѣвъ и тростіе запалити повелѣ, и ту множество раковъ згорѣша. И оттуду на ино мѣсто поидоша, и при томъ же мори овощія много обрѣтоша различнаго, и ту воинству почивати повелѣ. Островъ же внутрь моря узрѣвше, и голіи сотвориша много, и ко острову плыти хотяше Александръ; Птоломеи же рече к нему: «царю Алек-«сандре, не ходи ты прежде мене во островъ сіи; не вѣси бо тамо «что обрѣтъ и погибнеши; но азъ прежде тебя иду, а ты по мнѣ идеши». Александръ же к нему рече: «да аще ты тамо погибнеши, лю-«бимыи мои друже, Птоломее — кто мене послушати имать сице, а «твоя бо мнѣ глава выше всѣхъ земскихъ главъ». Птоломеи же рѣче к нему: «о, царю Александре, аще Птоломеи умретъ, другаго Пто-«лomея обрящеши, а Александра другаго Птоломеи не можетъ обрѣсти». И сіе рекъ Птоломей, въ галію вшедъ и плавати начатъ ко острову отъ утра до нощи, доплы же тамо и обрѣте тамо люди греческимъ языкомъ глаголюще, мудры и красны зѣло, нази же всѣ. Видѣвъ же ихъ, Птоломей ко Александру возвратися и сказа ему вся, яже тамо видѣ. Александръ же, вшедъ въ галію и другихъ галей веземъ съ собою 30, и острова того дошедъ; людіе же острова того встрѣтиша и поклонишася ему, глаголюще: «Александре, почто пришелъ еси к намъ, «и что хощеши взяти у насъ? нази бо есмя всегда, яко же видиши «насъ, овощемъ же острова того питаемся». Александръ же к нимъ рече: «ничто же требуемъ отъ васъ, но пріидохомъ видѣти васъ; воз-«вѣстите ми, како имя мое знаете вы и греческимъ языкомъ глаголе-«те, здѣ в чюжихъ земляхъ обрѣтостеся?» Они же к нему рекоша: «имя твое прежде многихъ лѣтъ возвѣсти Ираклiи царь с Серамидою «царицею; царствоваша еллинскою и стратинскою землею, иже отъ «насъ наричется Макидонія. Неправдѣ же мнозѣ землю ту постигше, «лжи и клятвопреступленіе и кровосмѣшеніе и поганыхъ языкъ нашествіе на землю, и ту Ираклiи царь, не могіи человѣческаго беззако-«нія терпѣти, царьскіе дворы оставивъ и въ пустыняхъ изволи(хъ) жи-«ти, помышляя реченное отъ Бога: лутчи отъ великія немощи стран-«ствовати, нежели человѣческаго беззаконія терпѣти — тысящу галѣи «сотворити повелѣ, и правыя истинныя люди земли тои избравыи «з женами и з дѣтми, и в галѣи посадивъ, и самъ с царицею своею, «неправды ради, цѣло убо годище по морю плававъ, и до земли дойде,

«идѣ же, Александре, столпы обрѣте и образы изваяины видѣлъ еси «И ту много лѣтъ царствоваше Праклiи с Серамидою царицею в любови многѣ, и оба умроста; насъ же на земли оставивъ безъглавны ([54]), «и галѣи всѣ запалити повелѣ, яко да в беззаконную землю не возвратимся. Мы же, согрѣшивше, первому обычаю послѣдоваше злому, и «тако Богъ разгнѣвася на насъ за беззаконiя наша — дивiи люди, яже «видѣлъ есть ты, тѣхъ на насъ пусти, и они царство наше разориша, «и многихъ отъ насъ убиша. Мы же недоумѣяхомся, куды во вселенную изыти, въ царствiи томъ не могуще намъ жити отъ дивiихъ людей, всѣ вселихомся во островъ сей, и пребываемъ здѣ, и разумомъ «философскимъ потѣшаемся — да ничто же отъ насъ взяти, точiю отъ «мудрыхъ нашихъ: аще требуеши, возми, елико хощеши, болѣзни бо «будутъ нѣкое время». Видѣвъ же ихъ Александръ, подивися житiю ихъ, глаголя: «поистиннѣ Соломонъ рече — мужь мудръ источникъ не «изчерпаемъ есть; единъ мужь мудръ, множествомъ людей обладаетъ, «и единъ мужъ безуменъ множество людей погубляетъ». И сiе рекъ, Александръ шесть философовъ веземъ отъ нихъ и с собою поимъ. Отходящу же ему, воспроси ихъ, глаголя: «что отсюду напреди есть?» Они же к нему рекоша: «ничто же ино, токмо макорiйскiй нашъ островъ акiянскаго моря, и(дѣ)же людiе блаженни суть, иже нагомудрецы «нарицаются, иже (мы) всякiя страсти нази суть».

Кромѣ интереса для изученiя исторiи народныхъ преданiй, «Александрiя» важна особенно, какъ одинъ изъ главныхъ фактовъ того влiянiя, которое имѣла свѣтская греческая литература на древнюю нашу словесность. Обширная извѣстность ея показываетъ, ка̀къ великъ былъ кругъ этого влiянiя и ка̀къ далеко проникали иногда въ народное сознанiе чуждые миѳы и разсказы, облекаясь въ немъ новыми, нацiональными чертами. «Александрiя» любопытна, наконецъ, въ томъ отношенiи, что служитъ однимъ изъ самыхъ характеристическихъ указанiй на то, какое значенiе для старой русской образованности имѣла сербская и болгарская письменность, изъ которыхъ она прiобрѣла первоначальное знакомство съ произведенiями византiйской литературы.

А. Пыпинъ.

([54]) Догадливый рисовальщикъ, принявъ слово «безглавный» (то-есть безначальный, неимѣющiй начальника) въ буквальномъ смыслѣ, изобразилъ на картинкѣ рохманъ, съ которыми Александръ разсуждаетъ — безъ головъ. Къ выписанному здѣсь тексту, принадлежатъ въ рукописи шестнадцать картинокъ.

III.

К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ. *Эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Сочиненіе* С. Ешевскаго. *Москва. 1855.* (Посвящено памяти основателей Московскаго Университета).

Исторію Франціи политическую, общественную и литературную будутъ изучать долго. Изученіе ея въ каждомъ новомъ поколѣніи будетъ привлекать къ себѣ европейскіе умы, ищущіе постоянныхъ законовъ подъ формою случайныхъ явленій; ибо нерѣдко самыя кажущіяся аномаліи имѣютъ свой корень въ глубинѣ народнаго духа и характера. Большинство останавливается на первомъ впечатлѣніи и по немъ обыкновенно судитъ о самой природѣ явленія; но недостойно истиннаго знанія не умѣть пойдти далѣе поверхности вещей и цѣнить ихъ лишь на основаніи внѣшнихъ чувствъ. Какъ бы ни мало симпатично было явленіе, знаніе всегда кончитъ тѣмъ, что постарается отъискать истинныя его основы, и тогда только произнесетъ оцѣнку ему. Уже въ наше время можно видѣть, какъ исторія Франціи становится мало-по-малу общимъ достояніемъ европейскихъ изслѣдователей, и какъ все больше-и-больше усиливается общее участіе въ разработкѣ ея по частямъ. Пока воздѣлывается особенно-ближайшее къ намъ пространство времени, принадлежащаго ей. Такъ Шлёссеръ, изучая прошлое столѣтіе, долженъ былъ широко раздвинуть предѣлы своей рамы, чтобъ дать въ ней какъ-можно-болѣе простора современной исторіи Франціи. Ранке, послѣ своихъ классическихъ произведеній по исторіи реформаціи и возбужденной ею реакціи, и послѣ другаго—болѣе ли случайнаго, или болѣе обязательнаго труда, мы не можемъ въ точности опредѣлить — посвященнаго важнѣйшей части исторіи Пруссіи, не нашелъ для своего плодовитаго пера болѣе занимательной темы, какъ исторія Франціи въ XVI и XVII вѣкахъ, и всякій, кто знаетъ вышедшіе доселѣ томы новаго его произведенія, согласится съ нами, что своими тонкими и вѣрными очерками авторъ не мало способствовалъ къ болѣе-строгому опредѣленію хода и развитія давно-извѣстныхъ событій. Недавно-появившееся сочиненіе Сольдана все посвящено исторіи французской реформаціи. Англійская

мысль, напротивъ, занята всего-болѣе ближайшимъ къ ней переворотомъ въ той же исторіи. Довольно припомнить здѣсь оригинальное произведеніе Карлейля, какъ образчикъ того, что можетъ каждое индивидуальное воззрѣніе прибавить къ уразумѣнію огромнаго событія. Не говоримъ о другихъ историческихъ трудахъ въ той же литературѣ, посвященныхъ обозрѣнію всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій того же переворота. Итальянцевъ, естественно, занимали и занимаютъ всего-болѣе тѣ эпохи французской исторіи, на которыхъ всего-виднѣе печать національнаго итальянскаго генія. Каждый подходитъ къ исторіи другаго народа съ своей стороны и отъискиваетъ для ея обзора удобнѣйшую для себя точку зрѣнія.

Причины такого дружнаго соединенія многихъ усилій въ стремленіи къ одной цѣли лежатъ главнымъ образомъ въ свойствахъ самого народа, котораго жизнь разсказываетъ эта исторія. Послѣднее всего-осязательнѣе: хотя и невсегда признанное, оно тѣмъ не менѣе остается неотразимымъ фактомъ въ исторіи многихъ другихъ народовъ. Вопервыхъ, тѣ изъ нихъ, которые смежны съ Франціею, несвободны ни одного дня отъ ея вліянія; но оно давно ужь не условливается болѣе одною сопредѣльностью странъ. Путями различныхъ международныхъ отношеній оно проникаетъ гораздо-далѣе тѣхъ предѣловъ, гдѣ оканчиваются политическія симпатіи націи. Внѣшній объемъ его приблизительно можно обозначить распространеніемъ самаго языка. Этимъ началомъ нечувствительно переходитъ многое въ понятія и нравы заимствующихъ народовъ. Начинаютъ подражаніемъ чужому говору — оканчиваютъ нѣкоторымъ приспособленіемъ въ самомъ быту. Такъ когда-то языкъ римлянъ служилъ дѣятельнымъ проводникомъ римской цивилизаціи: усвоивъ его себѣ, галлы мало чѣмъ потомъ отличались отъ самихъ римлянъ. Завоеванія этого рода такъ дѣйствительны, что противъ нихъ безсильны всѣ успѣхи обыкновеннаго оружія. Остановить ихъ въ предѣлахъ умѣренности можетъ только крѣпкое чувство самостоятельности въ націи. Такъ старая Англія осталась вѣрна себѣ даже послѣ того, какъ норманскіе завоеватели, вышедшіе изъ Франціи, успѣли навязать ей свой языкъ. Но и тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста практическому завоеванію, или вліянію на нравы и бытъ народа, языкъ образованной націи удерживаетъ по-крайней-мѣрѣ свое теоретическое значеніе. Онъ пролагаетъ за собою путь цѣлой литературѣ, а черезъ нея, иногда вовсе незамѣтно, начинается знакомство и съ самою исторіею народа, которому она принадлежитъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ литература вѣка Лудовика XIV обошла весь образованный міръ, никому уже въ этомъ мірѣ не приходитъ въ голову отзываться ея незнаніемъ. Быть-можетъ, своимъ всесвѣтнымъ успѣхомъ она обязана не столько своему содержанію, сколько прекрасной формѣ, нерѣдко возвышающейся до художественности; но, такъ или иначе, она сдѣлала свое дѣло, то-есть, привила свой языкъ и свои формы къ современному знанію, несмотря на мѣстныя различія въ

немъ, какъ одно изъ необходимыхъ его пособій. Съ-тѣхъ-поръ то же самое дѣйствіе неослабно продолжается до нашего времени, постоянно-поддерживаемое возобновляющимся въ каждомъ поколѣніи обиліемъ литературныхъ произведеній. Бельгійская контрафакція была не случайнымъ явленіемъ; лишь благодаря Байрону, Валтеру Скотту, Диккенсу, англійская литература стала въ послѣднее время возвышаться до того же уровня; но она еще далека отъ того, чтобъ знакомство съ нею предполагало въ той же степени знаніе самого языка. Литература же, которая процвѣтаетъ по другую сторону Ламаншскаго Пролива, почти уже не нуждается въ переводчикахъ. Языкъ еще носитъ названіе той націи, которой обязанъ своимъ происхожденіемъ и совершенствованіемъ, но литературныя его формы давно уже составляютъ общую собственность образованнаго міра. Потому даже перемѣна въ политическихъ отношеніяхъ не имѣетъ вліянія на ихъ употребленіе: каждый пользуется ими во всякое время, какъ неотъемлемою принадлежностью образованности, не подвергаясь ни малѣйшему упреку въ подражаніи. Въ тѣсной связи съ литературою идетъ знакомство съ нравами народа и его исторіею. Матеріалъ для послѣдней подъ-руками у всѣхъ образованныхъ людей; имъ запасаются, почти вовсе не помышляя о томъ. Одно столько распространенное въ наше время чтеніе мемуаровъ даетъ его уже въ большомъ обиліи. И кто хотѣлъ бы еще болѣе увеличить его—чего стоило бы тому ввести въ кругъ своихъ занятій другія литературныя пособія чисто-историческаго характера, писанныя на томъ же самомъ языкѣ? Какая разница съ исторіею другихъ странъ, которыхъ языки, несмотря на степень ихъ образованія, все еще составляютъ довольно-рѣдкую спеціальность за предѣлами естественнаго ихъ распространенія! Сошлемся для примѣра на испанскую историческую литературу. Въ ней есть много своихъ замѣчательныхъ именъ; но многіе ли за предѣлами Испаніи знаютъ ихъ болѣе, чѣмъ только по слуху, и довольно ли только пожелать познакомиться съ ихъ произведеніями ближе, чтобъ тотчасъ же имѣть ихъ подъ-руками?

Въ постоянныхъ свойствахъ того же народа лежитъ далѣе заставлять много говорить о себѣ. Отсюда происходитъ, что, принужденные часто возвращаться къ нему, посторонніе зрители его дѣлъ хотятъ уловить эти постоянныя черты его физіономіи и твердо запечатлѣть ихъ въ своей памяти, какъ самыя положительныя данныя, безъ которыхъ невозможно понимать отдѣльныхъ событій. Но физіономія народа опредѣляется только его исторіею. Напрасно думаютъ, что достаточно нѣсколько частныхъ наблюденій, чтобъ судить о народномъ характерѣ. Наблюдатели народныхъ нравовъ никогда не могутъ поручиться, что они не смѣшиваютъ постояннаго съ случайнымъ. Нѣкоторыя постоянныя свойства, принадлежащія одному народу въ-особенности, можно вездѣ встрѣтить въ видѣ исключеній; и если не отличать строго частныя явленія отъ общихъ, то произойдетъ смѣшеніе понятій, противъ котораго

не устоитъ никакая народность. Проѣзжайте какую угодно страну, и вы, навѣрное, встрѣтите нѣсколько лицъ, которымъ знакомы понятія о чести: слѣдуетъ ли отсюда заключать, что они укоренены и въ самыхъ нравахъ народа? Вы попали на одного честнаго человѣка, и не-уже-ли по немъ будете судить о цѣломъ обществѣ, среди котораго онъ живетъ? По нашему мнѣнію, только то качество надобно считать постояннымъ въ народѣ, которое можно провѣрить его исторіею. Возращаясь нѣсколько разъ къ народной жизни, въ различныя ея эпохи, оно тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей неизмѣнности. Обыкновенная логика, любящая брать свои посылки отъ одного настоящаго, сама напрашивается на превратныя заключенія. Не видя ничего далѣе своей современности и о ней судя лишь по одностороннимъ извѣстіямъ, она, подъ-часъ, готова бываетъ, пожалуй, отвергать у иной народности и ея прошедшее значеніе. Ей иногда ничего не стòитъ провозгласить ничтожество отжившихъ великихъ дѣятелей, на томъ единственно основаніи, что, за дальностью разстоянія, она не можетъ болѣе различить ихъ настоящихъ размѣровъ. Знаніе, которому дорогà истина, никогда не пойдетъ этою фальшивою дорогою. Оно наоборотъ располагаетъ свои умозаключенія согласно съ самымъ ходомъ исторіи. Какъ въ ней настоящее есть обыкновенно результатъ всего предшествующаго жизненнаго процеса, такъ и знаніе ищетъ въ прошедшей жизни народа твердыхъ посылокъ для заключенія о послѣдующихъ ея явленіяхъ. Подобно большимъ монументальнымъ постройкамъ, великія историческія народности сооружаются цѣлыми вѣками. Каждое вновь-приходящее поколѣніе строитъ на одномъ и томъ же данномъ основаніи; каждый вновь-выводимый ярусъ есть естественное продолженіе одного и того же зданія. Иногда мѣняется стиль, допускаются чужіе орнаменты, но основа остается неизмѣнно та же самая. Чтобъ опредѣлить характеръ цѣлаго зданія, необходимо посмотрѣть на него снизу. Крайнія линіи, которыми заканчивается вся постройка, обыкновенно условливаются направленіемъ и формою нижнихъ частей ея. Готическій храмъ не могъ быть заключенъ вершиною египетской пирамиды, и наоборотъ. Послѣдніе строители миланскаго катедраля, допустивъ въ постройкѣ нѣкоторыя отступленія въ новѣйшемъ вкусѣ, завершили, однако, зданіе согласно съ общимъ его характеромъ. Если наши современники берутся достроивать нѣкоторые готическіе храмы, оставшіеся недоконченными еще отъ среднихъ вѣковъ, то они продолжаютъ только выводить далѣе линіи, начатыя давно-отжившими основателями тѣхъ же сооруженій. Такъ и въ исторіи все разнообразіе явленій сводится къ одному первоначальному очерку, котораго крайнія линіи большею-частью совпадаютъ съ очертаніемъ или характеристикою самой народности. Поэтому и одна изъ главныхъ задачъ историка состоитъ въ томъ, чтобъ собрать разсѣянныя во множествѣ періодическихъ явленій черты одного народнаго òбраза и, по возможности, соединить ихъ въ одинъ наглядный очеркъ.

Какой, однако, огромный трудъ возьметъ на себя тотъ, кто захочетъ приложить эту задачу ко всей исторической жизни французскаго народа! Какая необыкновенная сила соображенія нужна длятого, чтобъ не потерять изъ виду одной главной цѣли и не потеряться самому, проходя мысленно это множество вѣковъ и все наполняющее ихъ разнообразіе событій, направленій, лицъ, характеровъ! Ибо внѣшнія проявленія исторической жизни въ разныя эпохи прежде всего поражаютъ своимъ несходствомъ, часто даже совершенною противоположностью. Что̀, напримѣръ, общаго между Франціею эпохи крестовыхъ походовъ и Франціею 90-хъ годовъ прошедшаго столѣтія? Или какое можно указать сходство между феодальною Франціею времени первыхъ Капетинговъ и монархическою XVII-го и XVIII-го вѣка? Какъ потомъ соединить въ одной и той же исторической рамѣ такія явленія, какъ Лудовикъ IX-й и Лудовикъ XI-й, Генрихъ III-й и Генрихъ IV-й, Лудовикъ XIV-й и Лудовикъ XVI-й? или такіе характеры, какъ Лопиталь и кардиналъ Рецъ, Жанна д'Аркъ и Шарлотта Кордѐ? Или, наконецъ, какого единства ждать отъ литературы народа, у котораго были Боссюэтъ и Вольтеръ, Раблѐ и Паскаль, Монтенъ и Шатобріанъ? Не исчезаетъ ли все больше-и-больше твердая почва подъ ногами историка, чѣмъ дальше простирается онъ впередъ съ политической, общественной и литературной исторіи народа и входитъ въ ея подробности?

Приступая къ изученію исторіи того или другаго народа, никто, разумѣется, не приноситъ съ собою готовый его образъ. Его надобно бываетъ еще отъискивать въ лабиринтѣ развивающихся одно изъ другаго и одно другимъ смѣняющихся событій. Историческое изученіе и есть настоящій путь къ тому. Такъ нравственный образъ писателя слагается въ воображеніи читателей изъ послѣдовательнаго чтенія его твореній и изъ сравненія ихъ между собою. Оттого въ наше время не можетъ быть правильной оцѣнки автора безъ хронологическаго расположенія его произведеній. Тому, кто хотѣлъ бы прослѣдить исторически постепенное образованіе французской національности, пришлось бы начать очень-издалека. По самой крайней мѣрѣ ему слѣдовало бы подняться до временъ первыхъ Капетинговъ и тамъ уже стараться уловить первыя, хотя и смутныя черты ея. Собрать ихъ вмѣстѣ въ этой эпохѣ тѣмъ труднѣе, что онѣ раздѣлены между собою давнею, почти, можно сказать, исконною противоположностью сѣверной и южной Франціи, продолжающеюся видимымъ образомъ и во все время крестовыхъ походовъ. Много національнаго въ энтузіазмѣ, который, вспыхнувъ впервые въ Клермонѣ, распространяется отсюда на всю Францію и связываетъ разрозненныя части ея однимъ живымъ чувствомъ! Если присоединить сюда двѣ литературы, сѣверную и южную, которыя потомъ сливаются одна съ другою, то предчувствіе возможности національнаго единства въ естественныхъ предѣлахъ страны оправдывается еще болѣе въ глазахъ изслѣдователя. Въ религіозномъ вліяніи и въ рыцарствѣ тутъ же отъищутся и первые

зачатки цивилизаціи, принадлежащей той же народности. На Лудовикѣ IX-мъ можно видѣть живой примѣръ ея дѣйствія. Основанный около того же времени Парламентъ скоро принялъ характеръ истинно-національнаго французскаго учрежденія, который еще болѣе раскрылся впослѣдствіи. Но, уловивъ одно постоянное свойство народа, не надобно думать, что найдено уже полное его опредѣленіе. Исторія не есть варіація одного и того же неизмѣннаго мотива. Въ политикѣ Филиппа IV легко открыть другую черту народнаго характера, или врожденныхъ ему стремленій. Они же впослѣдствіи еще ярче раскрылись въ цѣлой эпохѣ итальянскихъ походовъ, въ иностранной политикѣ Лудовика XIV-го и въ завоевательныхъ войнахъ Французской Республики и Имперіи. Никто, конечно, не будетъ отрицать во всѣхъ этихъ событіяхъ излишней притязательности. Во время того же Филиппа скрѣпился еще тѣснѣе союзъ между королевскою властью и среднимъ сословіемъ, союзъ, который основанъ былъ на ихъ общихъ интересахъ и начался еще въ эпоху феодальнаго преобладанія. Но никогда національное не достигаетъ такой степени напряженности, какъ въ минуты общаго кризиса. Тогда дурное и хорошее, чтò есть въ націи, выступаетъ наружу одинаково-ярко. Такой кризисъ не одинъ разъ повторялся для Франціи въ большой столѣтней борьбѣ ея съ Англіею, и всякій знаетъ, кàкъ отразился онъ на внутренней жизни народа — въ крайностяхъ парижскаго возстанія и жакеріи, въ непримиримой враждѣ орлеанской и бургундской партій, губившихъ страну своею взаимною ненавистью и, наконецъ, въ совершенномъ упадкѣ народнаго духа, какъ бываетъ только передъ политическою смертью націи. Но какъ глубоко было паденіе, такъ быстро и неожиданно возвышеніе. Чтò удивительнаго, если подвигъ Жанны д'Аркъ кажется безпримѣрнымъ въ исторіи, или что историки затрудняются указать ему близкія параллели въ лѣтописяхъ другихъ народовъ? Это черта въ такой степени національная, что она могла повториться еще разъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ и — conditio sine qua non — развѣ только въ предѣлахъ той же самой народности. Примѣръ высокаго энтузіазма, вдругъ охватывающаго цѣлую страну, можно было наблюдать и прежде въ той же исторіи: необыкновенный эпизодъ, разсказывающій повѣсть дѣлъ орлеанской дѣвственницы, прибавляетъ еще къ прежнему наблюденію ту особенность, что во главѣ великаго движенія становится женщина, и что оно наступаетъ послѣ страшнаго кризиса. А менѣе ли національнаго въ томъ, что освободительница Франціи скорѣе была покинута общимъ участіемъ и предоставлена своей несчастной судьбѣ, чѣмъ совершилось все предпринятое ею великое зачинаніе? Извѣстно, что Франція чрезъ свое духовенство участвовала въ произнесенномъ надъ нею безчеловѣчномъ приговорѣ, но не видно, чтобъ послѣдняя судьба ея возбудила много сочувствія въ спасенномъ ею народѣ.

Много національныхъ особенностей усмотритъ ищущій ихъ и во всей

послѣдующей исторіи Франціи. Время Лудовика XI есть новое усиліе монархической Франціи побѣдить разъединеніе страны, которое вышло изъ предъидущаго кризиса. Борьба происходила между собственною Франціею, гдѣ всего сильнѣе національное чувство, и отпавшею отъ нея Бургундіею, которая, въ свою очередь, начинала угрожать ея самостоятельности; борьба ведена была большею-частью мѣщанскими средствами, потому-что направлена была противъ феодализма, получившаго въ Бургундіи новый безопасный пріютъ и стремившагося съ ея помощью къ своему политическому возрожденію. Лудовику XI неестественно было опираться на феодальную Францію, потому-что она постоянно тянула къ Бургундіи. Ему нужны были другіе слуги и другія орудія дѣятельности. За-то паденіе Бургунскаго Герцогства рѣшило навсегда вопросъ о единствѣ Франціи и вывело ее на новые историческіе пути. Куда было дѣвать ей послѣ того избытокъ своихъ силъ, какъ не обратить ихъ на завоевательныя предпріятія внѣ своихъ естественныхъ предѣловъ? И вотъ открываются нескончаемые итальянскіе походы, завязавшіе въ войну множество государствъ и наполнившіе нѣсколько царствованій. Пользы отъ нихъ не было, но славолюбивая нація собрала отъ нихъ себѣ много новой славы. Любопытно особенно наблюдать, какъ въ вождяхъ этихъ походовъ ожилъ и дѣйствовалъ въ обновленномъ своемъ видѣ рыцарскій духъ, недавно еще побѣжденный во внутреннихъ партіяхъ. Но онъ воспитанъ былъ въ современникахъ Карла VIII, Лудовика XII и Франциска I не столько самыми нравами и образомъ жизни, сколько привитъ къ нимъ искусственно, посредствомъ чтенія, литературы. Не говоря уже о Баярдѣ, какая глубокая разница чувствуется между Францискомъ I и его неутомимымъ политическимъ соперникомъ, Карломъ V, такъ мало-разборчивымъ на средства, какъ-скоро дѣло шло о торжествѣ надъ противною партіею! Перевѣсъ, можетъ-быть, остался и на его сторонѣ, но ужь, конечно, это не былъ перевѣсъ чести. Вновь-привившійся къ монархической Франціи рыцарскій духъ недолго, впрочемъ, удержался на степени идеальнаго благородства; рядомъ съ нимъ развилось и чрезвычайно-быстро укоренилось во французскихъ нравахъ другое направленіе, которое было имъ также болѣе или менѣе родственно. Это была извѣстная французская «галантность» (мы не имѣемъ вполнѣ-соотвѣтствующаго русскаго слова этому понятію), въ которую переродились прежнія слишкомъ-идеальныя стремленія, усвоенныя Франціею и другими странами съ голоса провансальскихъ поэтовъ въ-особенности. Трудно сказать, на сколько именно способствовала этому превращенію Италія, съ которою Французы около полувѣка находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ; но несомнѣнно, что она имѣла въ немъ свою важную долю участія. Какъ бы то ни было, перо Брантома изображаетъ намъ уже новую Францію, прошедшую мало-извѣстную доселѣ школу воспитанія. Само-собою разумѣется, что женщинамъ будетъ принадлежать въ ней почти не менѣе-видная

роль, какъ и мужчинамъ. Этого требуютъ «галантные» нравы, съ особеннымъ успѣхомъ укоренившіеся во французскомъ обществѣ. Отнынѣ французская исторія представитъ изъ себя живую и разнообразную сцену, на которой ни одно дѣйствіе не можетъ обойдтись безъ тонкой женской интриги. Отнынѣ все сильнѣе-и-сильнѣе будетъ затягиваться въ ней драматическій узелъ, чтобъ искать себѣ потомъ разрѣшенія въ неизбѣжныхъ катастрофахъ. Что жь, если къ одному узлу прибавится еще другой, напримѣръ, узелъ внутренней религіозной вражды?

Даже принимая въ себѣ чужія начала, самостоятельная нація непремѣнно приспособляетъ ихъ къ своему характеру и окрашиваетъ въ свой собственный цвѣтъ. Такъ измѣнилось существенно и протестантское начало въ формахъ кальвинова ученія. Куда дѣвалась въ немъ заявленная передъ цѣлымъ свѣтомъ терпимость германскаго реформатора? Откуда, какъ не изъ національныхъ наклонностей, взялось въ немъ стремленіе къ исключительности въ религіозныхъ дѣлахъ, соприкасающееся съ фанатизмомъ? А этотъ суровый аскетическій характеръ, раскрывшійся съ такою силою въ томъ же ученіи — не былъ ли онъ прямымъ противодѣйствіемъ господствующимъ нравамъ во Франціи?... Здѣсь было бы неумѣстно останавливаться слишкомъ-долго на одномъ моментѣ исторіи Франціи; но мы можемъ сказать съ твердымъ убѣжденіемъ, что немного эпохъ болѣе-поучительныхъ и болѣе-исполненныхъ высокаго драматическаго интереса найдется въ цѣлой исторіи. Кто захочетъ изучить французскій національный характеръ въ самыхъ яркихъ и рѣзкихъ его проявленіяхъ, тотъ пусть въ-особенности займется изученіемъ эпохи гугенотскихъ войнъ во Франціи, эпохи, исполненной кровавой игры и многихъ непримиримыхъ страстей.

Если память Генриха IV особенно-дорога французамъ, то, конечно, потому, что въ немъ соединились многія, какъ блестящія стороны, такъ и самыя слабости французскаго національнаго характера. Нація любила и до-сихъ-поръ любитъ въ немъ свое живое изображеніе. Не столько любезно и дорого имъ, но за-то, можетъ-быть, еще болѣе-уважительно для нихъ воспоминаніе о великихъ заслугахъ кардинала Ришльё, который умѣлъ стѣснительное давленіе, столько лѣтъ тяготѣвшее надъ всею страною, озолотить блескомъ внѣшней роли, вновь-возвращенной Франціи послѣ многихъ колебаній и смятеній. На своей внутренней и внѣшней политикѣ онъ показалъ едва-ли не первый примѣръ того, ка̀къ легко покоряется вся Франція одной крѣпкой волѣ, если въ замыслахъ и дѣлахъ этой воли находитъ удовлетвореніе своему національному тщеславію. Говорить ли далѣе о національности Фронды, когда, какъ показываютъ современные памятники, пѣли пѣсни и воевали другъ съ другомъ въ одно и то же время (on faisait la guerre avec des chansons)? когда, за недостаткомъ крѣпкихъ мужскихъ характеровъ, политическія партіи предводимы были смѣлыми и неистощимыми въ интригахъ женщинами? когда на родной почвѣ вступали между собою въ

единоборство лучшіе вожди народныхъ силъ, тѣ самые, которые такъ дружно и безкорыстно помогали побѣдамъ одинъ другаго въ борьбѣ со внѣшнимъ врагомъ? .. Печать національнаго характера точно также лежитъ и на величавомъ обликѣ Лудовика XIV, еще въ нѣжномъ возрастѣ соединившаго въ своихъ рукахъ плоды всѣхъ усилій Ришльё и Мазарини. Франція узнавала въ своемъ властолюбивомъ королѣ вѣрнаго представителя, если не лучшихъ, то тѣмъ не менѣе очень-постоянныхъ своихъ склонностей. Она любила блескъ его царствованія. Любя распространять свое вліяніе на чужія земли, она сквозь пальцы смотрѣла на его злоупотребленія во внѣшней политикѣ, и даже въ насильственномъ присвоеніи Страсбурга, среди мирнаго времени, не видала нарушенія права. Она черезъ него достигала преобладанія во внѣшней политикѣ. Во имя національнаго начала галликанское духовенство не побоялось примкнуть тѣснѣе къ королю, хотя съ опасностью повредить своимъ добрымъ отношеніямъ къ римскому престолу. Все удавалось Лудовику XIV, потому-что за нимъ стояла цѣлая нація, увлеченная частью невольнымъ удивленіемъ къ нему, частью столько же непроизвольными симпатіями къ его дѣйствіямъ. Кто умѣетъ поразить воображеніе народа, тотъ владѣетъ Франціею. Имѣющія сомнѣнія въ приложимости этого правила къ исторіи Лудовика XIV, пусть только обратятъ вниманіе на литературу его времени. Несмотря на разнообразіе талантовъ, направленій и формъ, въ ней почти нѣтъ голоса, который бы не раздѣлялъ общаго всѣмъ удивленія и подобострастія. Свое собственное чувство поэты нерѣдко передавали и своимъ героямъ. Оттого, несмотря на весь внѣшній блескъ, чувствуется, однако, въ этой литературѣ какая-то утомительная монотонность. Таково же было и самое общество, среди котораго она процвѣтала. Кто желаетъ узнать его короче, познакомиться съ нимъ лицомъ-къ-лицу, пусть возьметъ себѣ въ руководители неутомимаго говоруна Сен-Симона: въ безконечныхъ разсказахъ, напоминающихъ собою «Тысячу и Одну Ночь», выводя на сцену все современное ему общество, онъ, собственно говоря, рисуетъ только одного героя, изображаетъ одно солнце, около котораго толпятся миріады насѣкомыхъ, привлеченныя его ослѣпительными лучами.

Лудовикъ XIV умѣлъ быть ровнымъ въ самомъ гнѣвѣ, и въ самыя горячія минуты не измѣнялъ своему достоинству никакими слишкомъ-рѣзкими движеніями. Какое, напримѣръ, различіе между нимъ и Генрихомъ VIII въ личномъ обращеніи! Можно было однимъ неосторожнымъ словомъ потерять всю его благосклонность и впасть у него въ немилость, но не потерпѣть отъ него личнаго оскорбленія. Добиваясь права «табурета», никто въ его время не рисковалъ личною честью: каждый, напротивъ, охотно жертвовалъ частью своихъ свободныхъ движеній, чтобъ только находиться въ присутствіи столько-снисходительнаго величія и удивляться его всегда благосклонному къ другимъ достоинству.

Между-тѣмъ никакая централизующая сила не въ-состояніи была совершенно подавить во Франціи всѣхъ частныхъ стремленій, несогласныхъ съ общимъ направленіемъ государственной жизни. Можно было по произволу прекратить правильныя собранія государственныхъ чиновъ или сословій, но нельзя было предотвратить стремленіе Парламента присвоить себѣ хотя часть ихъ авторитета. Когда политическому элементу заграждены были всѣ другіе выходы, онъ проникъ въ магистратуру и заставилъ ее облечься несвойственнымъ ей характеромъ. Даже послѣ Ришльё, преемникъ его власти, дѣйствовавшій въ томъ же духѣ, встрѣтилъ еще въ Парламентѣ оппозицію, съ которою долгое время не въ-состояніи былъ управиться. Чѣмъ сильнѣе напоминало парламентскимъ совѣтникамъ ихъ спеціальное назначеніе, тѣмъ больше старались они присвоить себѣ характеръ политическаго учрежденія. Можно было посредствомъ драгонадъ разбить и разсѣять массу гугенотскаго народонаселенія Франціи, но невозможно было уничтожить наполнявшій его духъ; особенно-трудно было предотвратить размноженіе его въ другихъ слояхъ общества, прираженіе къ самымъ государственнымъ учрежденіямъ. Выпустите спиртъ изъ стклянки—онъ разойдется по всей комнатѣ, хотя и смѣшается съ ея воздухомъ. Преслѣдуемый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ, старый гугенотскій духъ, незамѣтно для простаго глаза, распространялся по всей атмосферѣ. Когда, казалось, у него отняты были послѣднія убѣжища въ отдаленныхъ провинціяхъ, онъ перемѣстился ближе къ центру страны. Ни сами янсенисты, ни ихъ противники, конечно, не сознавали родства ихъ съ гугенотами; но, при всей разности доктрины, кто не узнаетъ возродившагося въ нихъ, подъ другими формами, стараго духа сопротивленія? Они также дѣйствовали во имя религіознаго начала и хотя не исключали себя изъ католическаго общества, какъ ихъ предшественники, но въ то же время рѣзко отдѣлялись отъ него и своими началами, и своею постановкою. Мѣсто прежняго, ясно-обозначеннаго внѣшняго противодѣйствія заступило менѣе-уловимое внутреннее. Его преслѣдовали въ янсенистахъ: принужденное еще разъ выйдти изъ своего тѣснаго круга, оно разсѣялось по смежнымъ съ нимъ областямъ того же французскаго общества. Выгнанное изъ разрушеннаго Порт-Ройяля, оно мало-по-малу переселилось въ стѣны Парламента и собрало въ немъ новые элементы оппозиціи. Религіозныя убѣжденія примкнули къ политическимъ и, въ соединеніи съ ними, образовали одну крѣпкую силу. Напрасны были потомъ болѣе чѣмъ полувѣковыя усилія подавить нераздѣльныя съ нею противорѣчія и принудить ее къ молчанію: чѣмъ тѣснѣе чувствовала она себя въ Парламентѣ, тѣмъ болѣе внятно и громко говорила на сторонѣ, привлекая къ себѣ большинство народонаселенія. Парламентъ въ ссылкѣ возбуждалъ едва-ли не болѣе симпатій, чѣмъ находясь въ столицѣ государства и въ милости у министровъ Лудовика XV. Когда же Парламентъ былъ закрытъ окончательно, доселѣ заключенное въ немъ политическое дви-

женіе перебросилось въ массу и, соединившись въ ней съ господствовавшими идеями, произвело то опасное броженіе, которое приготовило самый страшный изъ всѣхъ переворотовъ. Болѣе-благоразумные и проницательные совѣтники Лудовика XVI старались поправить ошибку своихъ предшественниковъ, но было ужь поздно. Когда открылось последнее собраніе государственныхъ чиновъ во Франціи, всякій чувствовалъ присутствіе въ немъ новаго, крайне-опаснаго духа, но не находилось болѣе силы, которая бы въ-состояніи была укротить его, или, по-крайней-мѣрѣ, сдержать въ должныхъ границахъ.

Цѣль наша, впрочемъ, не пересказать сполна всѣ фазы въ историческомъ развитіи французской національности (задача, которая одна потребовала бы обширнаго труда), а обратить вниманіе читателей на нѣкоторые наиболѣе-видные пункты въ немъ, чтобъ хотя немногими чертами обозначить, такъ-сказать, индивидуальный характеръ исторіи Франціи. Приведенныя нами черты принадлежатъ больше особенностямъ рисунка, нерѣдко-измѣняющаго свой видъ согласно съ движеніемъ входящихъ въ него линій; но, сверхъ-того, остается еще общій колоритъ, вытекающій прямо изъ природы народа и разлитый по всему его историческому облику. Перевести его на слова, можетъ-быть, еще труднѣе, чѣмъ схватить въ одномъ очеркѣ главные моменты историческаго развитія. Всего проще будетъ нѣсколько объяснить нашу мысль, или только намекнуть на нее хотя однимъ примѣромъ изъ области того искусства, которому понятіе колорита принадлежитъ въ собственномъ смыслѣ. Намъ кажется, сюда шелъ бы лучше всего яркій колоритъ Рубенса: его свѣтлыя краски безсильно было помрачить и самое время. Это не тотъ эффектъ, котораго достигаютъ посредствомъ углубленія однихъ предметовъ и усиленнаго освѣщенія другихъ; это не рембрандтовская игра свѣтомъ и тѣнью, поражающая и нѣкоторымъ образомъ ослѣпляющая зрѣніе, и даже не прозрачность кисти Мурильйо, сосредоточивающая лучи свои въ особо-назначенныхъ для того пространствахъ. Одна изъ особенностей въ искусствѣ великаго фламандскаго художника состояла въ томъ, что колоритъ его не зависѣлъ отъ самаго содержанія его картинъ и былъ всегда неизмѣнно-вѣренъ себѣ, несмотря на ихъ разнообразіе. Тою же равномѣрною яркостью поражаютъ событія и лица французской исторіи, безъ различія ея моментовъ и находящихся въ ней свѣтлыхъ и мрачныхъ сторонъ. Благодаря ли рельефности главныхъ дѣйствующихъ въ ней характеровъ, или свойству народной среды, въ которой они поставлены, они представляются ясно, отчетливо умственному взору изслѣдователя и твердо запечатлѣваются въ его воображеніи. Глазу свѣтло даже въ самыя смутныя и безотрадныя эпохи для мысли. Приблизившись къ нимъ съ помощью историческихъ пособій, зритель ясно можетъ разобрать въ нихъ всѣ линіи и легко отличаетъ личныя побужденія отъ общихъ цѣлому вѣку или народу направленій. Всѣ лица кажутся типичными, хотя, можетъ-быть, и не нуждаются въ

очень-тонкомъ психологическомъ анализѣ. Какой, напримѣръ, глубокій туманъ лежитъ надъ спокойною, по наружности, Германіею во второй половинѣ XVI вѣка, и какъ въ то же время ярко рисуются самыя неукротимыя страсти по другую сторону Рейна! И вдругъ все опять успокоивается во Франціи, и на свѣтломъ образѣ Генриха IV не отражается болѣе никакихъ слѣдовъ прежнихъ бурь, хотя онъ прошелъ черезъ всѣ ихъ потрясенія!

Тотъ же господствующій тонъ удерживаетъ исторія Франціи и въ два послѣдующія столѣтія. Руководимые очень-вѣрнымъ инстинктомъ, даровитѣйшіе французскіе историки послѣдняго времени, однако, не имъ посвятили свои таланты и свое изученіе. Труды, заслужившіе ихъ авторамъ наиболѣе европейской извѣстности, большею-частью имѣютъ своимъ предметомъ самыя раннія времена французской исторіи. Нѣкоторые изъ нихъ, и притомъ весьма-почтенные, восходятъ даже за черту капетингской эпохи, когда собственно нѣтъ еще рѣчи о Франціи, а все сводится къ исторіи Галліи и завоеванія ея франками. Тамъ искала и ищетъ до-сихъ-поръ французская исторіографія первоначальныхъ и твердыхъ основъ для себя. Вопросы, поднятые впервые еще въ XVII вѣкѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія вызвали нѣсколько новыхъ опытовъ рѣшенія. Но, подъ вліяніемъ духа партій, и рѣшенія историческихъ задачъ неизбѣжно принимали односторонній характеръ. Для примѣра, довольно сослаться здѣсь на Буленвилье. Строго-научное изслѣдованіе могло начаться не ранѣе, какъ въ настоящемъ столѣтіи. Гизо проложилъ ему путь своимъ классическимъ твореніемъ, изобразивъ въ немъ главные моменты въ развитіи и ходѣ новой цивилизаціи. Тогда обозначились ясно всѣ важнѣйшіе элементы, изъ которыхъ сложилось вновь разнообразное въ своихъ частяхъ историческое зданіе, заступившее мѣсто громадной римской постройки; тогда только открылась возможность разсуждать о каждомъ изъ этихъ элементовъ порознь и каждый подвергать изслѣдованію отдѣльно отъ другихъ. Распознавъ общій планъ, легко ужь было моделировать его по частямъ. Каждый выбиралъ потомъ свою особенную точку зрѣнія и съ нея описывалъ представлявшійся ему историческій горизонтъ. Такъ Форіель возстановилъ въ вѣрной картинѣ самостоятельное значеніе Южной Галліи и опредѣлилъ историческую роль ея въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ, между-тѣмъ, какъ живая кисть Огюстена Тьерри изобразила въ яркихъ очеркахъ преимущественно франкскіе типы той же эпохи. Восходя еще ранѣе, талантливый Легюеру рукою мастера реставрировалъ непрерывно-продолжающееся старое римское вліяніе среди хаоса внутреннихъ меровингскихъ и каролингскихъ отношеній. Задача была тѣмъ болѣе трудная, что прежнія понятія о великомъ переворотѣ, который произведенъ былъ въ Европѣ переселеніемъ народовъ, не оставляли почти никакого мѣста римскимъ идеямъ внутри новаго франкскаго общества. Но мѣткій взглядъ историка помогъ ему отъискать связь этого общества съ древ-

нимъ міромъ, именно въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ всего менѣе ее подозрѣвали. Послѣ Легюеру никто уже не возьметъ на себя смѣлости утверждать, что будто авторитетъ Меровинговъ утвердился въ Галліи безъ вліянія римскихъ государственныхъ началъ, или что онъ опирался болѣе на франковъ, чѣмъ на галло-римлянъ. Но въ исторіи германскихъ учрежденій на галльской почвѣ и послѣ того оставалась еще одна темная сторона. Вопросъ состоялъ въ томъ, чтобъ опредѣлить крайнія границы разселенія франковъ въ завоеванной ими странѣ и критически прослѣдить всѣ отношенія ихъ къ покоренному народонаселенію. Послѣ рѣшенія вопроса объ умственныхъ вліяніяхъ требовалось еще знать, на сколько велико было преобладаніе завоевателей въ матеріальномъ отношеніи, и точно ли во вновь-образовавшейся народности они составляли господствующій элементъ. Необыкновенно-отчетливый трудъ Петиньи, основанный на двадцатилѣтнемъ добросовѣстнѣйшемъ изученіи эпохи, содержитъ въ себѣ самый удовлетворительный по времени отвѣтъ на всѣ эти вопросы, оставшіеся отъ прежняго изслѣдованія. Строгою повѣркою и тщательнымъ сличеніемъ всѣхъ данныхъ Петиньи достигъ того, что учрежденія самой темной эпохи въ исторіи Франціи выяснились такъ, какъ еслибъ они съ точностью изложены были ихъ современниками. Вообще обширное его изслѣдованіе принадлежитъ къ числу самыхъ зрѣлыхъ и обильныхъ неожиданными результатами произведеній новой исторіографіи. Говорить ли о трудахъ Амедè Тьерри, Пардесю и другихъ изслѣдователей первоначальной исторіи Франціи? Но, имѣя въ виду большинство нашей читающей публики, мы считаемъ достаточнымъ назвать капитальныя произведенія и не станемъ перечислять всѣхъ монографій, принадлежащихъ къ той же отрасли литературы.

Никого не должно удивлять существованіе множества изслѣдованій въ нѣмецкой исторической литературѣ по тому же предмету. Нѣмецкіе ученые по праву считаютъ своимъ все, что̀ касается исторіи разселенія германскихъ племенъ, ихъ завоеваній и учрежденій. Зарейнскіе франки столько же родственны имъ, какъ и тѣ, которые остались внутри Германіи. Что̀ удивительнаго, поэтому, если, напримѣръ, лучшій сдѣланный до-сихъ-поръ анализъ творенія Григорія Турскаго, которое составляетъ неистощимый рудникъ для исторіи меровингской эпохи, принадлежитъ нѣмецкому историку? (*). Гораздо-несбыточнѣе могло бы показаться появленіе прекрасной монографіи по начальной исторіи Франціи въ русской литературѣ, повидимому столько отдаленной отъ предмета и такъ мало приготовленной къ нему существующими въ ней направленіями; однако мы дѣйствительно имѣемъ такую монографію въ сочиненіи г. Ешевскаго, которое и подало намъ поводъ высказать нѣсколь-

---

(*) Лёбелю, автору извѣстной монографіи «Gregor von Tour und seine Zeit».

ко общихъ мыслей о французской исторіи. Нельзя имѣть въ рукахъ лучшаго доказательства, что изученіе всеобщей исторіи понемногу спѣетъ у насъ и начинаетъ приносить свои плоды. Мы всегда были за него и радуемся каждому новому его успѣху. Намъ всегда пріятно было думать, что рядомъ съ дѣятельною разработкою русской исторіи можетъ идти у насъ съ успѣхомъ и основательное знакомство съ общими историческими вопросами. Ничто такъ не освобождаетъ мысль отъ односторонности, какъ сравнительное историческое изученіе; ничто не придаетъ столько твердости сужденію, какъ повѣрка однихъ историческихъ явленій другими. Во всеобщей исторіи лежитъ мѣра заслугъ каждой народности общему человѣческому дѣлу. Чѣмъ дальше раздвигаются предѣлы историческаго знанія, тѣмъ больше расширяется умственный горизонтъ вообще. Отвергающіе сравнительный способъ изученія исторіи сами себя добровольно лишаютъ средства понять смыслъ нѣкоторыхъ явленій. Не менѣе пользы ожидаемъ мы для читателя отъ всякаго основательнаго изученія, которое введетъ въ общій оборотъ нѣсколько новыхъ фактовъ изъ исторіи другихъ народовъ. Много пользы ожидаемъ мы отъ подобныхъ трудовъ, особенно для распространенія правильныхъ понятій объ историческомъ значеніи и характерѣ каждой народности сравнительно съ другими, ей современными.

Нельзя довольно похвалить умный выборъ г. Ешевскаго для исторической монографіи. Не считаемъ за нужное много настаивать на важности исторіи Галліи для живаго и нагляднаго пониманія непосредственной связи между древнимъ міромъ и новымъ. Изслѣдованія трехъ послѣднихъ десятилѣтій показали достаточно, какъ великъ былъ пробѣлъ во всеобщей исторіи Европы, пока эта любопытная страница опущена была въ ней изъ виду. Изученіе цѣлой большой эпохи г. Ешевскій умѣлъ привязать къ исторіи одного лица. Аполлинарій Сидоній самъ-по-себѣ уже достоинъ изученія, какъ вѣрный представитель своего времени. На дѣйствіяхъ Сидонія, какъ и на всемъ его историческомъ обликѣ, ярко отразились многія господствующія черты вѣка, которому онъ принадлежалъ по своей жизни и нравамъ. Но, сверхъ того, онъ оставилъ еще по себѣ богатый запасъ писаній разнаго рода, въ которыхъ кругъ дѣйствій расширяется еще далѣе и выводится на сцену множество лицъ и предметовъ, принадлежавшихъ его современности въ обширномъ смыслѣ и спасенныхъ имъ отъ забытія. Черезъ призму сочиненій Сидонія видѣнъ весь его вѣкъ и бытъ. Въ этой рамѣ историческое изученіе тѣсно соединяется съ литературнымъ, и интересъ одного возвышаетъ занимательность другаго. Въ той же эпохѣ съ Сидоніемъ можетъ сравниться по занимательности развѣ только Григорій Турскій; но какъ у Григорія преимущественно надобно изучать франковъ, поселившихся въ Галліи, такъ у Сидонія самое видное мѣсто занимаютъ галло-римляне, родственные ему по крови и духу. Онъ не писалъ ничего собственно-историческаго, но въ его литературныхъ со-

чиненіяхъ встаетъ вся исторія Галліи V вѣка со всею доставшеюся ей отъ римлянъ роскошью образованности и со всѣми недостатками политической жизни, наслѣдованными ею отъ того же народа. Новому изслѣдователю, пользующемуся этимъ обильнымъ матеріаломъ, есть надъ чѣмъ показать свой талантъ и свое знаніе.

Всѣ французскіе историки меровингской эпохи болѣе или менѣе пользовались Сидоніемъ. Форіель въ своей исторіи Южной Галліи посвятилъ цѣлую особую главу на то, чтобъ по его сочиненіямъ представить полную картину матеріальнаго и умственнаго быта страны въ данное время. Но, какъ ни много говорили о Сидоніи, до-сихъ-поръ чувствовался въ наукѣ недостатокъ спеціальнаго его изученія и вмѣстѣ полной оцѣнки всей его политической и литературной дѣятельности. Если же и были сдѣланы какія-нибудь попытки, то о нихъ почти не стоитъ упоминать. Послѣдующему изслѣдователю едва приходится извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу. Г. Ешевскій взялъ на себя задачу тѣмъ болѣе трудную, что, желая извлечь изъ Сидонія заключающійся въ немъ историческій и литературный матеріалъ, надобно напередъ много бороться съ формою его изложенія (*). Тутъ мало помогаютъ даже обыкновенныя научныя пособія. Словари средневѣковой латини часто оказываются недостаточны, когда надобно изучать писателя V-го вѣка, вообще переходнаго времени отъ римскаго міра къ средне-европейскому. Составители ихъ, занятые всего больше опредѣленіемъ средневѣковыхъ терминовъ, недовольно обращали вниманія на предшествующую эпоху, которая отличается своими филологическими особенностями. Въ странахъ, гдѣ держалось еще римское образованіе, ясность рѣчи, сверхъ-того, много терпѣла отъ господствующей страсти къ изъисканнымъ и вычурнымъ выраженіямъ. Современники Сидонія щеголяли ими какъ лучшимъ поэтическимъ убранствомъ, а для читателя нашего времени они составляютъ только лишнюю трудность и постоянный камень преткновенія при объясненіи настоящаго смысла рѣчи. На бѣду еще Сидоній былъ поэтъ, то-есть писалъ многія свои сочиненія стихами. Если современные намъ слагатели стиховъ принуждены иногда жертвовать ясностью смысла для правильнаго размѣра и звучной рифмы, то чего можно ожидать отъ латинскихъ стихотворцевъ, которымъ досталось жить въ вѣкъ всеобщаго паденія римской цивилизаціи? Раскрывая книгу нашего молодаго ученаго, къ удивленію, находимъ, что въ многочисленныхъ выпискахъ, приведенныхъ въ ней изъ Сидонія, галльскій риторъ V вѣка вездѣ выражается плавнымъ и общедоступнымъ языкомъ, и что даже съ намѣреніемъ сохраненные слѣды его искусственной, фигуральной рѣчи не мѣшаютъ ясности его смысла. Надобно отдать полную справедливость на-

(*) «Je ne sais (говоритъ Амперъ) ce qu'il peut y avoir de plus obscur que le langage de Sidoine». См. «Hist. littér. de la France», I, p. 251. Ср. Fauriel, I, p. 419.

шему автору-переводчику: посредствомъ своего собственнаго изученія, столько же умнаго, сколько и настойчиваго, онъ достигъ того, что Сидоній (по-крайней-мѣрѣ сколько вошло его въ изслѣдованіе) переданъ имъ на русскомъ языкѣ нетолько вполнѣ-вразумительными, но и весьма-вѣрными чертами. Такой трудъ самъ-по-себѣ уже заслуживаетъ благодарность тѣхъ, которые привыкли цѣнить памятники старой литературы и дорожатъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ ихъ на новыхъ языкахъ.

Сочиненіе г. Ешевскаго исполнено по обширной программѣ, начертанной самимъ авторомъ. Онъ говоритъ о ней въ предисловіи къ своей книгѣ. Приведемъ его собственныя слова: «Аполлинарій Сидоній даетъ возможность историку, не выходя почти изъ предѣловъ его біографіи, коснуться всѣхъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Прославленный литераторъ, близкій свидѣтель почти всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событій, участникъ во многихъ изъ нихъ, наконецъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и уважаемыхъ епископовъ Галліи, Аполлинарій Сидоній своими сочиненіями представляетъ драгоцѣннѣйшій источникъ для политической и литературной исторіи своего времени. Говоря о его многосторонней дѣятельности, біографъ Сидонія почти противъ воли дѣлается историкомъ Галліи, а иногда и историкомъ всего западно-римскаго міра и въ его же произведеніяхъ находитъ полнѣйшій матеріалъ для своего труда. Съ другой стороны, время Сидонія принадлежитъ къ числу самыхъ разработанныхъ эпохъ средневѣковой исторіи. Начальная исторія Франціи была предметомъ наиболѣе-внимательнаго и отчетливаго изученія. Гизо, Петиньи, Легюэру̀, Форіель, братья Тьерри не оставили безъ вниманія ни одного сколько-нибудь важнаго явленія въ политической, умственной и нравственной жизни этого времени; бенедиктинцы конгрегаціи св. Мавра съ рѣдкою добросовѣстностью собрали въ своей литературной исторіи Франціи всѣ даже самые мелочные факты, относящіеся къ дѣятельности и жизни писателей V-го вѣка. Для исторіи церкви достаточно указать на Неандера. Не говорю уже объ изданіи самыхъ памятниковъ. Біографу А. Сидонія остается только воспользоваться обильнымъ матеріаломъ и многочисленными пособіями въ трудахъ предшествовавшихъ историковъ, свести отдѣльныя изслѣдованія и сгруппировать около своего героя разнообразныя явленія политической и умственной жизни этой эпохи, чтобъ *представить полную картину Галліи во второй половинѣ V-го вѣка*. Такого рода трудъ предпринялъ я съ убѣжденіемъ, что для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе-существенную пользу, нежели спеціальныя изъисканія, относящіяся къ одному какому-либо событію, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій». Затѣмъ авторъ говоритъ о литературныхъ пособіяхъ, которыми онъ пользовался для своего труда, и въ краткомъ очеркѣ произноситъ имъ справедливую и вѣрную оцѣнку.

Въ прежнее время, когда критикъ обыкновенно бралъ на себя пере-

строивать по-своему планъ автора, программа г. Ешевскаго подверглась бы многимъ нападеніямъ. «Какъ (сказали бы ему) мѣшаете вы біографію съ исторіею, или хотите въ предѣлахъ одной человѣческой жизни и дѣятельности изобразить исторію почти цѣлаго вѣка? Стало-быть, ваша рама должна быть гораздо-тѣснѣе самой картины? стало-быть, вы нисколько не заботитесь о единствѣ произведенія? жертвуете разнообразію содержанія художественностью формы?...» И мало ли что еще могъ бы возразить не только критикъ автору, но и онъ самъ себѣ противъ смѣшаннаго плана, по которому простая біографія раздвигается до предѣла большой исторической рамы. Но г. Ешевскій имѣлъ, по нашему мнѣнію, очень-вѣрный тактъ не пожертвовать единству литературной формы богатствомъ собраннаго имъ матеріала. При разработкѣ писателей, которые отражаютъ въ себѣ свой вѣкъ, иначе почти не можетъ быть. Исторія литературы связана съ исторіею вообще гораздо-тѣснѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Если писателя нельзя удовлетворительно объяснить помимо его времени, то и полная картина эпохи, которой онъ принадлежитъ, возсоздается лишь съ помощью литературныхъ произведеній. Давно прошла та пора, когда писателемъ и его произведеніями занимались единственно ради его литературныхъ формъ и чисто-поэтическаго достоинства. Эстетическій вопросъ остается самъ-по-себѣ; но въ наше время привыкли дорожить отжившими писателями, особенно по ихъ ближайшему отношенію къ эпохѣ, которой принадлежатъ они своею жизнью и дѣятельностью. Безотносительному достоинству нѣтъ болѣе мѣста въ исторіи литературы, какъ и въ исторіи вообще. Съ исторической точки зрѣнія часто пріобрѣтаетъ высокую цѣну писатель, который въ эстетическомъ отношеніи не выдерживаетъ никакой критики. Исторія частныхъ литературъ все болѣе-и-болѣе начинаетъ служить общему историческому дѣлу. Въ жизни каждаго частнаго дѣятеля, писателя тѣмъ болѣе, кромѣ индивидуальныхъ его сторонъ, современный намъ изслѣдователь любитъ еще отъискивать общія черты вѣка. Черта, раздѣлявшая до-сихъ-поръ двѣ смежныя и часто совпадающія между собою области изученія, стирается съ каждымъ днемъ; однимъ словомъ, чѣмъ далѣе идетъ впередъ историко-литературное изученіе, тѣмъ больше сводится оно къ чисто-историческимъ результатамъ.

Перейдемъ отъ плана къ самому его исполненію, чтобъ ближе познакомить читателей съ учеными пріемами автора и способомъ его изложенія.

Какъ слѣдуетъ добросовѣстному біографу, который дорожитъ всѣми обстоятельствами жизни своего героя, г. Ешевскій начинаетъ съ подробностей, касающихся происхожденія Аполлинарія Сидонія, его воспитанія и первоначальнаго образованія. Изъ нихъ читатель узнаётъ, что Сидоній, родившійся около 430 года по Р. Хр., происходилъ отъ одной изъ аристократическихъ галльскихъ фамилій, которая удержала свой

почетъ и подъ римскимъ владычествомъ. Высшія должности по управленію провинціею были въ ней какъ-бы наслѣдственными. Итакъ, по роду и мѣсту своего происхожденія Сидоній принадлежалъ къ галло-римскому обществу, то-есть, если въ жилахъ его текла чистая галльская кровь, то умственное его образованіе и внѣшнія формы должны были носить на себѣ римскій характеръ. Къ слову о школьномъ образованіи Сидонія авторъ рисуетъ намъ полную картину умственнаго состоянія Галліи въ V-мъ вѣкѣ, которой подробности заимствованы большею-частью изъ того же писателя, хотя онъ пользовался притомъ и произведеніями другихъ его современниковъ. Картина, полная жизни и гармоніи. Авторъ умѣлъ искусно собрать разрозненныя черты когда-то цѣлаго историческаго явленія и освѣтить весь рисунокъ однимъ свѣтомъ. Подобный мозаическій подборъ фактовъ, предпринятый съ цѣлію возстановить самое понятіе, которому они служили выраженіемъ въ жизни, занимаетъ весьма-важное мѣсто въ историческомъ искусствѣ. Г. Ешевскій далъ прекрасный образчикъ его въ первой главѣ своего сочиненія, соединивъ въ одинъ живой очеркъ всѣ сохранившіяся и тщательно-собранныя имъ черты умственной физіономіи Галліи въ V-мъ вѣкѣ. Нѣкоторыя періодическія изданія уже отдали должную справедливость этому замѣчательному очерку; мы можемъ только прибавить, что, съ своей стороны, видимъ въ немъ пробу историческаго таланта, отъ котораго въ-правѣ ожидать многаго. Здѣсь наше дѣло будетъ состоять лишь въ томъ, чтобъ взять у автора нѣсколько выписокъ. Насъ затрудняетъ, впрочемъ, выборъ. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ передать всей картины, а изъ многихъ частей ея не вдругъ можно рѣшиться отдать предпочтеніе одной передъ другою.

Возьмемъ самую яркую черту въ умственномъ быту Галліи, современномъ Сидонію. Это было время торжества риторическаго искусства. Вся письменность, какъ и все литературное образованіе, носила на себѣ риторическій характеръ, и довольно было достигнуть извѣстности ритора, чтобъ заслужить себѣ громкое имя въ цѣлой странѣ. Какъ должны завидовать запоздалые риторы нашего времени Сидонію и его современникамъ! Тогда ихъ искусство вѣнчалось даже поэтическою славою; хитросплетенная фраза заслуживала своему автору дипломъ на поэтическое достоинство. Двумя-тремя громкими панегириками можно было проложить себѣ дорогу къ безсмертію. Господствующій вкусъ видѣлъ всю поэзію въ искусственной рѣчи и не позволялъ замѣчать разсыпаемой въ ней лести... Но послушаемъ г. Ешевскаго, который имѣлъ случай наблюдать это странное явленіе на самомъ близкомъ къ нему разстояніи, то-есть изучая произведенія главныхъ его представителей, сколько еще уцѣлѣло отъ нихъ до нашего времени.

«Грамматикъ (говоритъ онъ въ своемъ очеркѣ, переходя такимъ образомъ отъ занятій философіею и правомъ къ другимъ предметамъ общаго

образованія) пролагалъ дорогу риторамъ и поэтамъ; анализируя лучшія сочиненія древнихъ, онъ работалъ надъ матеріаломъ, уже прежде даннымъ. Дѣло ритора было научить пользоваться этимъ матеріаломъ для самостоятельнаго труда. Объясненіе ораторскихъ пріемовъ, правила расположенія рѣчи, употребленія фигуръ и троповъ, средства для достиженія эффекта — однимъ словомъ, вся внѣшняя сторона краснорѣчія была предметомъ риторики. Внутреннее содержаніе очевидно должно было, при такой постановкѣ, сойти на второй планъ, и можно сказать, что каждый новый успѣхъ риторики, каждый шагъ впередъ въ объясненіи законовъ краснорѣчія производился въ ущербъ самой сущности истиннаго ораторства. Среди толпы риторовъ трудно, если не невозможно, отыскать хотя одного оратора. Главнымъ средствомъ для изученія риторики были школьныя декламаціи т. е. сочиненія, написанныя на извѣстную тему, съ цѣлью впрочемъ не столько развитія мысли, сколько доведенія формы до возможной степени совершенства. Предметы декламаціи были очень разнообразны и общаго имѣли только одну нелюбовь къ простотѣ и естественности, одно постоянное исканіе эффектовъ, во что бы то ни стало. Это были или рѣчи на замѣчательнѣйшіе судебные казусы, или вымышленныя рѣчи и письма историческихъ лицъ, или сочиненія въ родѣ похвалы глупости и безобразію, или наконецъ панегирики, любимый родъ сочиненій риторовъ временъ упадка, родъ можно сказать изобрѣтенный ими. Содержаніе декламаціи не имѣло ничего общаго съ дѣйствительностію. Gemini languentes, venenum effusum, cadaveris pasti и прочее въ этомъ родѣ очевидно могло только болѣзненно раздражить воображеніе; чувство было такъ напряжено, что не могло казаться искреннимъ. Страстное выраженіе шло изъ головы, а не изъ сердца и единственное вліяніе декламацій, вліяніе въ высшей степени вредное, тѣмъ болѣе, что оно проникало всюду, состояло въ замѣчаніи дѣйствительнаго чувства фальшивой напряженностію и головной эксальтаціей. Чѣмъ менѣе было настоящаго увлеченія, тѣмъ свободнѣе было декламатору выражать его. Среди школьныхъ декламацій безвозвратно утрачивалось чувство простоты. Привыкшему къ этимъ упражненіямъ, по замѣчанію одного изъ древнихъ сатириковъ, было также трудно сохранить чистоту вкуса, какъ человѣку, цѣлый вѣкъ прожившему на кухнѣ — тонкость обонянія. За то литература, теряя во внутреннемъ достоинствѣ, выигрывала во внѣшнемъ объемѣ. Говоря о декламаціяхъ, мы упомянули о панегирикахъ, какъ о главномъ родѣ. Возникшій въ Греціи, перешедшій въ Римъ въ значеніи похвальнаго слова, панегирикъ сдѣлался какъ бы исключительнымъ достояніемъ галльскихъ ораторовъ. По крайней мѣрѣ большая часть изъ дошедшихъ до насъ панегириковъ, написана въ Галліи. Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ родъ сочиненій; скажемъ только, что въ литературѣ нигдѣ такъ рѣзко не обнаруживалась утрата нравственнаго достоинства, нигдѣ лесть не являлась въ такомъ возмутительномъ видѣ, какъ въ этихъ похвальныхъ рѣчахъ, произносимыхъ въ присутствіи самаго предмета хвалы. Нравственное чувствъ читателя страдаетъ столько же за автора, сколько почти и за того, кому обращается ораторъ. Такъ низко становится обыкновенно панегиристъ, что невольно роняетъ и того, для возвеличенія котораго истощалъ онъ всю мѣру собственнаго униженія. Говоря о панегирикахъ Сидонія, мы

будемъ имѣть случай представить образецъ такого рода сочиненій. Замѣтимъ здѣсь только то, что панегирикъ Плинія Траяну былъ прототипомъ позднѣйшихъ, хотя нигдѣ мы не находимъ большаго разнообразія внѣшнихъ пріемовъ, хотя панегиристы III и IV вѣковъ далеко оставили за собою первоначальный образецъ относительно утонченности и, если можно такъ выразиться, дерзости лести.

«Риторика составляла одинъ изъ главныхъ предметовъ образованія во всемъ древнемъ мірѣ; но нигдѣ, по крайней мѣрѣ въ западной его половинѣ, она не принялась такъ быстро, не пріобрѣла такого значенія, какъ въ Галліи. Кельтскій народный характеръ заключалъ въ себѣ всѣ условія риторства; къ тому же, въ западной половинѣ Римскаго міра, Кельты, благодаря вліянію Фокейскихъ колоній, ранѣе другихъ народовъ познакомились съ этой наукой. Первый преподаватель риторики въ Римѣ на латинскомъ языкѣ былъ Галлъ и ни одна провинція не доставила Риму бо̀льшаго числа риторовъ. Въ Галліи риторство явилось отличительными особенностями кельтскаго народнаго характера, особенностями замѣченными Римлянами при первомъ появленіи галльскихъ ораторовъ. Эти особенности: легкость рѣчи, плодовитость воображенія, эффектность, argute loqui, сохранили галльскіе риторы до послѣднихъ временъ римской литературы. Во время Сидонія школы еще были наполнены риторами. Въ Бордоской, которая приготовила, по словамъ Авзонія, тысячу изъ своихъ воспитанниковъ для форума, двѣ тысячи для сената и для тогъ, обшитыхъ пурпуромъ, преподавалъ Ламридій, одна изъ литературныхъ знаменитостей своего времени. Въ Вьеннѣ читалъ не менѣе знаменитый риторъ Сапаудъ, въ дѣятельности котораго полагалъ Мамертъ Клавдіанъ единственную надежду на возрожденіе наукъ, который соединялъ въ себѣ, по словамъ Сидонія, «правильное расположеніе рѣчи Полемона, важность Галліона, плодовитость Дельфидія, силу Альцима, деликатность Адельфа, точность Магна Арборія и нѣжность Викторія». Эти сравненія безполезны для насъ, потому что отъ знаменитостей IV и V вѣковъ остались одни имена; но Сидоній, истощивъ запасъ славныхъ современниковъ и ближайшихъ по времени предшественниковъ, уже не задумывается поставить Сапауда рядомъ съ Квинтиліаномъ. Къ нему и Прагмацію примыкали немногіе, еще заботившіеся о красотѣ и правильности латинскаго языка. Въ Клермонѣ славились Домицій, отличавшійся строгостью своихъ сужденій, и впослѣдствіи Іоаннъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей краснорѣчія среди гибели римской образованности. Современники и потомство должны бы, по мнѣнію Сидонія, воздвигнуть ему статую, какъ Демосѳену и Цицерону. Въ Ліонѣ и Марселѣ были преподаватели, составившіе себѣ извѣстность, напримѣръ, Марій Викторъ Марсельскій. Наконецъ профессоромъ же риторики былъ по всей вѣроятности и Северіанъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ Галліи въ половинѣ V вѣка. Кажется, отъ этого Северіана дошло до насъ сочинеіе: Syntomata sive præcepta artis Rhetoricæ выборка изъ разныхъ писателей о риторикѣ. Мы знаемъ также и тѣ образцы, изученіе которыхъ, по мнѣнію лучшихъ людей этого времени, было необходимо для образованія оратора. Это были Нэвій и Плавтъ для изящной рѣчи, Катонъ для важности, Варронъ для искусства, Гракхъ для ѣдкой остроты, Хризиппъ для выработанности, Фронтонъ для пышности рѣчи,

наконецъ Цицеронъ для усвоенія самой сущности красноръчія. Такимъ образомъ внѣшняя обстановка была еще довольно завидная. Стоитъ только повѣрить на слово современникамъ, даже тѣмъ, жалобы которыхъ на паденіе древней науки заставляютъ повидимому не предполагать въ нихъ излишняго и ни на чемъ неоснованнаго увлеченія, и мы можемъ подумать, что перенеслись въ цвѣтущее время римскаго краснорѣчія; такъ много мы найдемъ славныхъ преподавателей, знаменитыхъ ораторовъ по всѣмъ родамъ ораторскаго искусства. Къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ образцы не оставляютъ и тѣни сомнѣнія относительно дѣйствительнаго достоинства знаменитѣйшихъ произведеній тогдашняго времени. Надобно имѣть дѣтскую довѣрчивость ученыхъ Бенедиктинцевъ Конгрегаціи св. Мавра и какое-то наивное благоговѣніе къ тогдашнимъ авторитетамъ, чтобъ безъ улыбки повторять отзывы другъ о другѣ писателей V вѣка и основывать на нихъ свое сужденіе. Все вниманіе писателей V вѣка было обращено на форму. Эффектное сопоставленіе словъ и мыслей, мелочная отдѣлка каждой фразы, щегольство необыкновенными, изъисканными выраженіями и словами, дешевое остроуміе, игра антитезами и другими фигурами и какой-то страхъ передъ естественностью мысли и выраженія — вотъ отличительныя черты тогдашняго риторства, черты, лучше всякихъ современныхъ сожалѣній, свидѣтельствующія о глубокомъ паденіи вкуса и преданій цвѣтущаго времени литературы. Старческимъ безсиліемъ и въ то же время дѣтствомъ, въ которое впадаютъ иногда отживающіе люди и народы, отзываются произведенія риторовъ и ораторовъ. Если свѣжая, сильная мысль пробивается часто сквозь риторическую оболочку, заставляя богатствомъ внутренняго содержанія забывать о формѣ, въ которой она выражена—эта мысль возникла не изъ древней науки, не изъ языческаго сознанія, она явилась извнѣ, порождена христіанствомъ, и если облеклась въ формы языческой литературы, то это потому, что эти формы были пока единственными, что не выработались еще новыя, ей свойственныя» (стр. 19—24).

Любопытно было бы опредѣлить настоящія причины такого несовсѣмъ обыкновеннаго явленія. Авторъ и старался сдѣлать это въ своемъ очеркѣ, но, по нашему мнѣнію, недовольно-ясно различилъ въ одномъ явленіи случайное отъ существеннаго. То причину успѣховъ риторическаго направленія въ Галліи видитъ онъ въ народномъ кельтскомъ характерѣ, то приписываетъ то же самое явленіе дряхлости римской цивилизаціи и соединенной съ нею образованности, усвоенной галлами. О произведеніяхъ галльскихъ риторовъ и ораторовъ онъ говоритъ, что они отзываются «*старческимъ безсиліемъ* и въ то же время *дѣтствомъ*, въ которое впадаютъ иногда отживающіе люди и народы». Если такъ, то преобладаніе риторства въ Галліи V-го вѣка не должно удивлять насъ болѣе. Передъ нами одряхлѣвшій народъ, отживающій свой историческій вѣкъ; передъ нами безсиліе старческой мысли народа, утратившей всякую производительность; передъ нами, наконецъ, процесъ разложенія народной жизни, возвращающейся на концѣ дней почти къ дѣтскому состоянію. Галльскіе писатели V-го вѣка не что̀ иное, какъ старыя дѣти, которыя утратили настоящее чувство изящнаго и

забавляются подъ именемъ поэзіи риторическими игрушками. Отъ нихъ ужь нѣчего больше ожидать; собственно говоря, они отжили свое время и, такъ-сказать, улыбаются въ послѣдній разъ передъ закатомъ своихъ дней. Дополняя свой очеркъ характеристикою поэзіи того же времени, авторъ еще разъ утверждаетъ ту же самую мысль. «Разсматривая дошедшія до насъ поэтическія произведенія IV и V-го вѣковъ (говоритъ онъ), мы найдемъ новыя доказательства старческаго безсилія, о которомъ уже говорили». Сдѣлавъ потомъ перечень господствующихъ поэтическихъ произведеній, онъ прибавляетъ: «изъ этого преобладанія описательной поэзіи можно уже вывести заключеніе объ упадкѣ поэзіи, хотя въ стихотвореніяхъ этого рода и встрѣчаются иногда граціозные образы и довольно-счастливыя изображенія картинъ природы» (стр. 30—31). Нѣсколько-выше употребительнѣйшія поэтическія упражненія, которыя особенно были въ ходу между галльскими писателями, называются также «ребяческими». Мы очевидно попали въ очарованный кругъ народной старости и свойственнаго ей дѣтства, кругъ, изъ котораго единственно возможный выходъ — конечная гибель самой народности, неспособной болѣе удержать свое мѣсто въ исторіи.

Было бы ни съ чѣмъ несообразно защищать Римскую Имперію противъ упрека въ истощеніи жизненныхъ силъ и въ глубокомъ паденіи нравовъ и учрежденій. Но надобно знать, на кого собственно падаетъ этотъ упрекъ, или какая народность всего болѣе должна быть въ отвѣтѣ за него. Римская Имперія, какъ всякому извѣстно, означаетъ единство государственнаго начала, но не единство народностей. Понятно, что римляне одряхлѣли и даже впали въ нѣкотораго рода дѣтство передъ концомъ своего политическаго существованія; но не-уже-ли то же самое и съ тою же силою можно утверждать о другихъ народностяхъ, которыя входили въ составъ всемірной имперіи? Ахайскіе греки, давно-пережившіе свою народную славу, конечно, стояли тогда не выше римлянъ и, можетъ-быть, еще менѣе носили въ себѣ залоговъ будущаго величія; но нельзя поравнять съ ними галловъ, которые, какъ ни глубоко восходили въ древность своими началами, недавно еще выступили на историческую сцену и до-сихъ-поръ играли на ней лишь второстепенную роль. Мы не говоримъ о старыхъ походахъ галловъ въ Италію, когда еще общій племенной бытъ поглощалъ въ себѣ отдѣльныя народности. Собственно такъ-называемая галльская народность, которой внѣшнее распространеніе опредѣляется границами Галліи, впервые выступаетъ ясно только при Юліи Цезарѣ. Доселѣ разрозненная племенными раздѣленіями, она только подъ грозою римскаго завоеванія пришла къ сознанію своего единства и однимъ дружнымъ усиліемъ думала спасти свою самостоятельность. Но ея ли нестройнымъ ополченіямъ было устоять противъ геніальнаго полководца, который во всей современности не зналъ себѣ равнаго по оружію? Галлія должна была покориться Риму и при самомъ первомъ вступленіи своемъ въ истори-

ческую жизнь стать подъ чужую опеку. Ранняя зависимость отъ Рима безспорно принесла свою пользу для Галліи. Съ этого времени началось ея воспитаніе и образованіе подъ римскимъ началомъ. Благодаря счастливой воспріимчивости галловъ, римскіе понятія и нравы, римская образованность вообще, легко принимались между ними и укоренялись на новой почвѣ какъ во второмъ отечествѣ. Особенно-успѣшно шло дѣло въ областяхъ, прилегающихъ къ Италіи. Плиній въ свое время почти уже не находилъ различія между Италіею и Юго-восточною Галліею. Конечно, съ успѣхами римской цивилизаціи на галльской землѣ сюда проникали и всѣ ея недостатки, слабости, наконецъ самая эта порча понятій и нравовъ, которою она видимо страдала въ послѣднее время. Если литература въ Италіи утратила первоначальную свѣжесть и приняла фальшивое направленіе, то подражательная литература Галліи могла избѣжать этого недостатка еще менѣе. Если риторство процвѣтало въ самомъ Римѣ, то какъ было ему не имѣть успѣха въ Галліи, гдѣ ничто еще не созрѣло для самостоятельной политической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ для истиннаго краснорѣчія? Римляне утратили чувство истины и изящнаго въ искусствѣ: отчего же бы галлы, проходя сами римскую школу, имѣли его болѣе? Образованіе рѣдко начинается съ духа; большею-частью оно долго останавливается на формѣ. Признаки старческаго притупѣнія смысла, господствовавшіе въ римской письменности, какъ и въ римской жизни, не могли не привиться и къ галльской литературѣ, которая выражалась съ нею однимъ языкомъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, чтобъ галлы одряхлѣли столько же, сколько и римляне, и чтобъ дѣтство, обнаруживавшееся въ ихъ понятіяхъ объ искусствѣ, не имѣло здѣсь другаго смысла, чѣмъ въ Римѣ? или что подъ этимъ кажущимся старчествомъ скрывалось также мало свѣжихъ жизненныхъ силъ?

Въ Юліи Цезарѣ имѣемъ мы неподкупнаго свидѣтеля, что галлы въ его время имѣли уже свою оригинальную народную физіономію. Его «Комментаріи» о галльской войнѣ есть безсмертный памятникъ перваго проявленія галльской народности въ ея подлинномъ видѣ, внѣ всякаго посторонняго вліянія (*). Читая ихъ, всякій чувствуетъ присутствіе того же народнаго генія, подъ главнымъ вліяніемъ котораго сложилась и почти вся послѣдующая исторія страны. Еще нѣтъ на сценѣ того, что мы называемъ французскою націею (длятого, чтобъ она могла образоваться, должны были привзойдти сюда еще нѣкоторые посторонніе

(*) Изъ всѣхъ памятниковъ древности, касающихся Галліи, достаточно, по нашему мнѣнію, одниxъ «Комментаріевъ» Цезаря для опроверженія новой книги Гольцмана о кельтахъ и германцахъ (Kelten und Germanen) написанной съ цѣлью стереть родовое различіе между ними и слить ихъ въ одно большое племя. Подробный анализъ книги Цезаря съ этой точки зрѣнія былъ бы истинною заслугою наукѣ.

элементы), но по многимъ признакамъ вы уже узнаёте ея будущія черты. Тѣ свойства, которыя, какъ справедливо замѣчаетъ г. Ежевскій, составляютъ основу галльскаго народнаго характера, почти всѣ здѣсь на лицо. Пересказывая событія своей борьбы съ галлами, Цезарь то-и-дѣло выставляетъ на видъ ихъ безпримѣрную подвижность, легковѣрность, жадность, съ которою они бросаются на слухи, склонность къ паническому страху съ одной стороны и способность къ скорому и горячему воодушевленію съ другой. Надобно читать особенно исторію возстанія галловъ при Венцингеториксѣ, чтобъ видѣть, до какой степени чувствительны были они къ своей народной независимости, и какъ мгновенно, при угрожающей ей опасности, вся страна загоралась однимъ пламенемъ всеобщаго воинственнаго одушевленія, несмотря на различіе мѣстныхъ и племенныхъ интересовъ; но притомъ не надобно также опускать изъ виду огромное вліяніе, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, всегда имѣла у того же народа отдѣльная личность, чему самый ранній примѣръ видимъ на Верцингеториксѣ. Перенесемся отсюда въ другой періодъ исторіи Галліи, когда она, едва только окончивъ школу римскаго образованія, перешла въ руки германскихъ завоевателей. На сценѣ невидно болѣе галльской народности; но это не значитъ, чтобъ ея вовсе не было. Она не исчезла, не уничтожилась, но только временно закрыта преобладаніемъ пришлыхъ завоевателей, которые присвоили себѣ всѣ политическія права въ Галліи: ссылаемся на превосходное изслѣдованіе Петиньи. Пусть другіе, впрочемъ, отъискиваютъ неоспоримое участіе галло-римскаго элемента во внутренней и внѣшней политикѣ Меровинговъ; мы, съ своей стороны, считаемъ достаточнымъ указать на одно литературное явленіе того времени, какъ на очевидный признакъ продолжающагося дѣйствія галльской народности въ эпоху франкскаго преобладанія. Образованному читателю извѣстно хотя по слуху имя Григорія Турскаго, автора «Церковной Исторіи Галліи». Прибавимъ, что сочиненіе написано полатини, и что, подъ именемъ исторіи галльской церкви, въ немъ излагаются главнымъ образомъ дѣла Меровинговъ втораго поколѣнія и ихъ отношенія между собою, часто достигающія высокаго драматическаго интереса. Чѣмъ больше одолѣваешь трудности языка и всматриваешься въ отдѣльныя черты разсказа, тѣмъ больше видишь передъ собою живыя лица. Авторъ владѣлъ какимъ-то особеннымъ даромъ схватывать личное, индивидуальное. Онъ всего менѣе систематикъ: нерѣдко исторія его принимаетъ чисто-анекдотическій характеръ, но изъ этихъ анекдотовъ, изъ разныхъ мелкихъ подробностей и приводимыхъ краткихъ изреченій въ воображеніи читателя нечувствительно слагается полный и цѣлый образъ дѣйствующаго лица. Такимъ-образомъ, хотя въ разсѣянныхъ чертахъ, вы проходите цѣлую его исторію, знаете господствующія его наклонности и можете даже слѣдить развитіе въ немъ той или другой страсти. Обошедшіе весь образованный міръ живые очерки меровингской эпохи

Огюстена Тьерри были бы невозможны безъ Григорія Турскаго. Авторъ «Меровингскихъ Разсказовъ» лишь наложилъ руку художника на матеріалъ, иногда довольно-безпорядочный, стараго очевидца-историка того времени. Нисколько не думая писать характеристикъ, Григорій, однако, ярко изобразилъ современные ему характеры; но онъ не забылъ также и дѣятелей второстепенныхъ, которые играли въ своей современности темныя, часто едва-замѣтныя роли. Вообще, читая его, видишь передъ собою широкій театръ дѣйствія, наполненный множествомъ разнообразныхъ лицъ. Ничего подобнаго не было, да и не могло быть во всей современной исторіографіи. Франція, очевидно, имѣла въ его твореніяхъ, задолго до Жуанвиля и Фроассара, превосходные историческіе мемуары. Еще не было изобрѣтено названіе вещи, какъ она уже существовала въ той же самой странѣ, которая потомъ въ такомъ обиліи произвела Коминовъ, Флёранжей, Кастельно, Тавановъ, Сен-Симоновъ и пр. и пр. Всякій пойметъ, что явленіе находилось въ тѣсной связи съ геніемъ той народности, которой оно принадлежало, и никто, разумѣется, не подумаетъ приписать его происхожденіе франкскому или, что̀ почти то же, германскому вліянію. Этотъ родъ историческихъ произведеній всего болѣе чуждъ германскому народному духу. Остается лишь для объясненія закрытая и на-время оттѣсненная съ перваго плана галльская народность, которая и отразилась въ твореніи Григорія Турскаго. Юлій Цезарь съ одной стороны и Григорій Турскій съ другой даютъ намъ право предполагать существованіе несмѣшанной съ другими галльской народности, и въ промежуткѣ времени между обоими писателями. Ближе къ послѣднему, именно въ V-мъ вѣкѣ, выраженія ея, конечно, надобно искать также скорѣе всего въ литературѣ. Къ этимъ литературнымъ представителямъ галльской народности, кажется намъ, должно въ-особенности причислить Аполлинарія Сидонія, вмѣсто-того, чтобъ заносить его въ общій списокъ писателей, которые наполняютъ послѣдній періодъ римской литературы. Но въ такомъ случаѣ мѣняется и самая точка зрѣнія на него. Онъ перестаетъ быть для насъ представителемъ одного старческаго упадка силъ и изнеможенія: поискавъ, мы, можетъ-быть, найдемъ въ немъ признаки *другаго* дѣтства, того, которое каждый народъ необходимо переживаетъ въ началѣ своего развитія.

Если г. Ешевскій не сдѣлалъ того же, причина тому, полагаемъ мы, заключается главнымъ образомъ въ *языкѣ* и въ литературныхъ *формахъ* произведеній Сидонія. Но оба эти признака довольно-сомнительнаго свойства. Такъ языкъ не всегда еще даетъ право заключать о самой народности писателя. Не восходя далеко въ древность, можемъ сослаться на болѣе-близкій примѣръ во второй разъ возрождающейся итальянской литературы въ XV-мъ вѣкѣ. Несмотря на то, что формы литературнаго итальянскаго языка были ужь достаточно-твердо установлены твореніями Данта, Петрарки, Боккачіо и другихъ, бо̀льшая

часть писателей послѣдующаго столѣтія употребляла латинскій языкъ. Поэтическія произведенія въ-особенности писались чаще полатини, чѣмъ поитальянски. Столько же двусмысленны употребляемыя Сидоніемъ *формы* литературныхъ произведеній. Онѣ равно могутъ служить признакомъ старческой, переживающей свое послѣднее время литературы, какъ и зарождающейся вновь по чужимъ образцамъ. Всего яснѣе можно видѣть это на Италіи въ начальную эпоху такъ-называемаго возрожденія наукъ. Нѣкоторое время, до Аріоста и Тасса, почти вся обширная производительность итальянскихъ поэтовъ ограничивалась возобновленіемъ самыхъ легкихъ литературныхъ формъ, поставляющихъ свою цѣль не столько въ содержаніи, сколько въ побѣжденіи внѣшнихъ трудностей. Стихотворная форма господствовала надъ прозаическою, но наполнялась большею-частью дидактическимъ или аллегорическимъ содержаніемъ. Если даже встрѣчалось вдохновеніе, оно носило на себѣ болѣе риторическій, нежели поэтическій характеръ. Занимались гораздо-больше расположеніемъ словъ и отдѣлкою стиховъ, нежели самою мыслью, которая должна была служить имъ выраженіемъ. Таковъ былъ господствующій вкусъ времени. Подъ вліяніемъ древнихъ образцовъ возрождавшееся вновь литературное искусство въ Италіи хотѣло прежде всего овладѣть внѣшнею формою. Понтанъ—одна изъ первыхъ литературныхъ знаменитостей вѣка, писалъ свои сочиненія не иначе, какъ полатини и прославился особенно, подобно Сидонію, своими «эндекасиллабами». Воззванія къ возлюбленной, дружескія приглашенія на домашнюю пирушку и тому подобные предметы достаточно наполняли его поэтическіе досуги. Кромѣ-того, онъ написалъ «Уранію»—стихотвореніе на звѣздное небо, «Садъ Гесперидъ», въ которомъ воспѣлъ уходъ за апельсинными деревьями, и «Осла» (Asinus), родъ сатирическаго діалога, по случаю заключенія мира. Саннацаръ, другая поэтическая слава эпохи, также употреблялъ для своихъ произведеній латинскій языкъ предпочтительно передъ итальянскимъ. Латинскія элегіи и эпиграммы занимаютъ самое видное мѣсто между его сочиненіями. Надъ однимъ своимъ стихотвореніемъ (De partu virginis) онъ работалъ двадцать лѣтъ, спрашивая совѣта у критиковъ и мѣняя многіе стихи по десяти разъ. «Аркадія»—знаменитѣйшее изъ его итальянскихъ произведеній, которое до 1600 года имѣло 60 изданій, есть не что иное, какъ длинный и утомительный своимъ однообразіемъ діалогъ идиллическаго характера между аркадскими пастухами. При самой доброй волѣ въ наше время, нельзя болѣе одолѣть его безъ скуки. Есть и другіе примѣры литературной извѣстности, пріобрѣтенной, можно бы почти сказать, «дѣтскими» упражненіями въ литературѣ. Габріелю Альтилію (Altilius) достаточно было написать удачную «эпиталаму» на свадьбу герцога Сфорцы, чтобъ прославиться поэтическимъ талантомъ между своими современниками. Изъ разныхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, особенно въ ходу были «панегирики». Впрочемъ, ихъ писали также и стихотворною рѣчью.

Случалось даже, что панегирикамъ давали возвышенную эпическую форму. Въ XV-мъ вѣкѣ рѣдкій изъ итальянскихъ принцпе не имѣлъ около себя двухъ или нѣсколькихъ панегиристовъ, ничего нещадившихъ для прославленія громкими словами своихъ высокихъ покровителей. Въ одно и то же время Бембо превозносилъ заслуги Гвидобальдо Монтефельтри, герцога урбинскаго, полатини, а Кастильйоне выхвалялъ его же достоинства поитальянски. Поэтъ Аррявабене написалъ въ честь своего покровителя, Франческо Гонзаги, герцога мантуанскаго, цѣлую поэму подъ названіемъ: «Четыре книги Гонзагиды» (Gonzagidos libri IV).

Не думая, впрочемъ, истощить этотъ предметъ, мы хотѣли только показать на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ позднѣйшей литературной эпохи, что употребленіе латинскаго языка и извѣстныхъ литературныхъ формъ, которыя авторъ «Сидонія» называетъ ребяческими, не всегда можетъ служить доказательствомъ упадка и предсмертной старости въ историческомъ ходѣ народной письменности. Безъ латинскаго языка не обошлась въ своемъ началѣ ни одна изъ новыхъ литературъ въ Западной Европѣ. Еслибъ дѣло шло только о римлянахъ, не могло бы быть никакого спора о настоящемъ смыслѣ извѣстныхъ литературныхъ явленій; но какъ сюда замѣшаны еще другія народныя силы, то вопросъ о литературѣ легко можетъ принять совсѣмъ другой оборотъ. Что̀ въ-отношеніи къ римлянамъ прямо свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ упадкѣ поэтической производительности и истиннаго вкуса между ними, то̀ же самое, въ приложеніи къ другому, болѣе-молодому народу, можетъ только служить доказательствомъ незрѣлости его понятій и неопытнаго пристрастія къ внѣшнимъ формамъ. По-крайней-мѣрѣ нельзя безусловно отвергнуть задачи, не подвергнувъ ея напередъ обстоятельному изслѣдованію. Для начинающихъ самое главное въ искусствѣ — форма; и сколько разъ повторялось извѣстное явленіе, что литература, которая начала съ подражанія, долгое время не могла подвинуться далѣе усвоенія себѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ пріемовъ и поставляла всю свою задачу въ умѣньи употреблять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Какое ни дайте содержаніе новичкамъ въ литературной дѣятельности, они прежде всего постараются испытать на немъ свое формальное искусство. Кромѣ сочиненій Сидонія, г. Ешевскій приводитъ еще нѣсколько примѣровъ изъ духовной литературы того же времени, подтверждающихъ нашу мысль. Такъ Проспетъ Аквитанскій изложилъ высокое ученіе Августина въ 392 эпиграммахъ; Клавдій Марій Викторъ облекъ свои комментаріи на Книгу Бытія въ классическіе гекзаметры; Эвхаристиконъ Павлина, «одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній V-го вѣка, столько же по интересу самаго содержанія, сколько и по искреннему чувству», Эвхаристиконъ, «котораго цѣль прославленіе верховной благости, а не исканіе литературной извѣстности», написанъ тѣмъ не менѣе стихами. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть настоящее значеніе формы въ извѣстную пору литературнаго образова-

нія; тутъ едва-ли прилагается понятіе о дряхлости и соединенномъ съ нею притупленіи мысли! Упомянутые писатели принадлежали ужь обновленному христіанствомъ обществу, но далеко еще несвободны были отъ обаянія формы. Вотъ почему не можемъ мы принять безусловно и общаго заключенія автора о литературѣ того времени, состоящаго въ томъ, что «послѣдній вѣкъ существованія Западной Римской Имперіи, V-е столѣтіе было и послѣднимъ временемъ римской литературы, остававшейся въ своихъ основаніяхъ языческою» (стр. 34). О римской литературѣ нѣтъ спора; но не слѣдуетъ ли отдѣлить въ ней, несмотря на общія формы, особую отрасль литературы Галліи съ ея спеціальнымъ значеніемъ?

Надѣемся, что вопросъ разъяснится намъ еще болѣе, когда, вслѣдъ за авторомъ, мы перейдемъ къ характеристикѣ Сидонія, какъ человѣка и писателя.

Картину литературнаго образованія Галліи въ V-мъ вѣкѣ г. Ешевскій дополняетъ мастерскимъ изображеніемъ жизни самого общества, современнаго Сидонію. Тщательное изученіе подробностей въ источникахъ соединилось здѣсь съ замѣчательнымъ искусствомъ изложенія. Возстановляя историческое явленіе въ подлинныхъ его чертахъ, авторъ умѣлъ въ то же время придать ему необыкновенно-свѣтлый жизненный колоритъ. Благодаря своему собственному добросовѣстному изученію писателя, онъ нашелъ секретъ быть занимательнымъ даже послѣ Форіеля, который посвятилъ тому же предмету особую главу въ своей «Исторіи Южной Галліи». Въ нѣкоторомъ отношеніи, описаніе галльскаго общества въ V-мъ вѣкѣ, его положеніе и образъ жизни, сдѣланное нашимъ молодымъ ученымъ, заслуживаетъ даже предпочтенія—такъ хорошо умѣлъ онъ соединить въ своемъ очеркѣ отдѣльныя черты, разсѣянныя въ перепискѣ Сидонія, и составить изъ нихъ одно цѣлое! Къ сожалѣнію, и здѣсь мы должны ограничиться лишь одною частью его очерка. Избираемъ для нашихъ читатетей самое начало его, или описаніе роскошныхъ виллъ, въ которыхъ проводили свое время богатые землевладѣльцы Галліи, составлявшіе самую образованную часть тогдашняго общества.

«Обратимся къ внѣшней обстановкѣ жизни богатыхъ Галлоримлянъ и начнемъ съ жилища. Сидоній оставилъ намъ подробное описаніе Авитакума и виллы Леонція. Въ другихъ письмахъ встрѣчаются подробности о расположеніи зимнихъ и лѣтнихъ резиденцій. Виллы строились обыкновенно на красивыхъ мѣстоположеніяхъ, на берегу рѣки или озера, на возвышеніяхъ, покрытыхъ оливами и виноградниками. Передъ виллой Сидонія была равнина, окаймленная холмами, и владѣлецъ оставилъ намъ картинное описаніе озера, разстилавшагося подъ самыми окнами столовой. Замокъ Леонція стоялъ на высокой горѣ при самомъ впаденіи Дордоны въ Гаронну. На красивое мѣстоположеніе старались обратить вниманіе посѣтителей; близость воды была необходимымъ условіемъ; безъ термъ, ку-

паленъ нельзя представить себѣ римской виллы. Купальни были двухъ родовъ: горячія и холодныя. Въ помѣстьѣ Сидонія теплая ванна помѣщалась подъ лѣсистою скалою, такъ что дрова рубились почти у самой печи. Ванна устроена была полукружіемъ и горячая вода, проведенная гибкими свинцовыми трубками, струилась изъ многочисленныхъ отверстій въ стѣнкахъ. Обиліе свѣта заставляло скромниковъ, по словамъ Сидонія, еще болѣе стыдиться своей наготы. Холодная купальня была не далеко отъ теплой. Это было квадратное зданіе съ крышей, сведенной конусомъ, съ черепичными желобами по угламъ и съ окнами въ сводѣ, сквозь которые снаружи можно было видѣть искусно расписанный потолокъ. Размѣры были такіе, чтобы имѣть все нужное подъ руками, не стѣсняясь присутствіемъ толпы служителей. Лощеныя стѣны блистали бѣлизною. Сидоній говоритъ, что въ его купальнѣ нѣтъ картинъ, которыя своимъ содержаніемъ, быть можетъ, возвышаютъ искусство, но за то унижаютъ художника. Эта похвала скромности изображеній заставляетъ предполагать, что въ купальняхъ другихъ владѣльцевъ встрѣчалось противное. По стѣнамъ и у входа были написаны легкія стихотворенія, которыя читались въ первый разъ безъ принужденія, хотя и не возбуждали охоты ко вторичному чтенію. Купальни украшались мраморами. Если скромныя термы Сидонія довольствовались мраморомъ, добытымъ въ Галліи, за то въ баняхъ Леонція многочисленныя колонны изъ дорогаго краснаго камня поддерживали золоченую крышу. Имя строителя или хозяина читалось на надписи, врѣзанной у входа. Къ теплымъ ваннамъ присоединялся водоемъ (piscina), наполняемый водою, проведенной съ горъ каналами. Въ Авитакумѣ къ нему велъ тройной входъ, раздѣленный колоннами; вода лилась изъ шести львиныхъ головъ, которыя могли, по словамъ Сидонія, устрашить входящаго гривистой шеей, рядомъ зубовъ и сверкающими глазами. Шумъ воды заглушалъ разговоры; приходилось говорить на ухо и смѣшно было видѣть, какъ таинственно говорили о пустякахъ купающіеся. На устройство купаленъ обращалось большое вниманіе. Тамъ, гдѣ онѣ еще не были выстроены, замѣняли ихъ временными помѣщеніями, удовлетворявшими одной изъ существенныхъ потребностей римскаго образа жизни. На берегу рѣки или озера выкапывали небольшой ровъ, надъ которымъ изъ гибкихъ вѣтвей орѣшника устраивали навѣсъ, покрытый сверху плотнымъ покрываломъ. Въ ровъ клали раскаленные до красна камни и поливали ихъ водою. Горячій паръ собирался подъ навѣсомъ, подъ который входили на нѣсколько времени, чтобы броситься потомъ въ холодныя волны рѣки. Изнѣженный римлянинъ сошелся въ привычкахъ съ русскимъ простолюдиномъ.

«Самая вилла устроивалась въ двухъ отдѣленіяхъ, зимнемъ и лѣтнемъ. Портики, поддерживаемые колоннами, украшенные картинами, занимали одно изъ видныхъ мѣстъ. Здѣсь отдыхали послѣ обѣда, любуясь красотами природы, прогуливались и принимали гостей. Портики устраивались такъ, что могли доставлять прохладу и тѣнь во всякое время; съ разныхъ сторонъ примыкали они къ главному зданію. Въ замкѣ Леонція стѣны портика, обращеннаго къ югу, были украшены картинами битвъ Лукулла съ Митридатомъ; на стѣнахъ зимней половины изображены были сцены изъ библейской исторіи. Устроивались также криптопортики, тем-

ныя галлереи, въ которыхъ всегда можно было найти освѣжающую прохладу. Здѣсь давались обѣды для кліентовъ и слугъ, и говорливая толпа не мѣшала покою хозяевъ. Расположеніе зимней и лѣтней половины деревенскаго дома было почти одинаково. Зимняя нагрѣвалась каминами и желѣзными трубами, проводившими теплоту. Въ письмахъ Сидонія мы встрѣчаемъ описаніе вестибула, пріемной комнаты, гдѣ играли въ шары и кости, и гдѣ помѣщалась также бибіотека, триклиніевъ зимнихъ и лѣтнихъ, столовыхъ (diaeta или coenatiuncula). Въ Авитакумѣ, широкія ступени вели изъ столовой въ портикъ, гдѣ гость въ промежутокъ обѣда могъ любоваться видомъ озера, не оставляя почти своихъ собесѣдниковъ. Говорится о спальняхъ (dormitorium cubiculum), о сакраріумѣ и т. д. Статуи, картины, мраморы украшали комнаты богатыхъ Галло-римлянъ. Мы упомянули о библіотекахъ. У Сидонія мы встрѣчаемъ частыя указанія, изъ которыхъ можно заключить, что библіотека составляла почти необходимую принадлежность каждой виллы. Описывая Прузіанскую виллу Тонанція Ферреола, Сидоній входитъ въ любопытныя подробности объ устройствѣ библіотеки владѣльца. Она дѣлилась на три части. Книги, расположенныя подлѣ креселъ, предназначенныхъ для женщинъ, были исключительно религіознаго содержанія. Часть библіотеки, состоявшая изъ серьезныхъ произведеній языческой литературы Греціи и Рима, назначалась для мужчинъ. Наконецъ третій отдѣлъ состоялъ изъ книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, читавшихся безразлично и мужчинами и женщинами. Здѣсь встрѣчались творенія бл. Августина, рядомъ съ Горацiемъ и Варрономъ, Оригенъ, въ переводѣ Руфина, вмѣстѣ съ Пруденціемъ. Октавіанская вилла Консенція, не далеко отъ Нарбонны, могла похвалиться обширною и прекрасно составленною библіотекою. Есть указанія на музеи, находившіеся при виллахъ. Около господскаго дома или въ связи съ нимъ помѣщались хозяйственныя постройки. Галло-римскіе господа любили, чтобы все нужное для дома приготовлялось ихъ собственными мастеровыми и среди многочисленной прислуги были не только рабочіе, но и художники. Не забудемъ одной характеристической особенности деревенскихъ жилищъ IV и V вѣковъ. Роскошныя виллы, расположенныя на смѣющихся мѣстоположеніяхъ средней и южной Франціи, были обнесены стѣнами и многія могли выдержать осаду въ случаѣ необходимости. Высокія стѣны и башни, небоящіяся осадныхъ машинъ, окружали жилище Леонція. Безпечная жизнь Галльскихъ вельможъ невольно должна была окружать себя предосторожностями. Толпы варваровъ бродили по Галліи и защитники Римской Имперіи мало чѣмъ отличались отъ непріятелей. Ограбить имѣніе, перебить служителей было для нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Багоды въ своихъ опустошительныхъ возстаніяхъ прежде всего обращались на помѣстья и загородныя виллы, гдѣ имъ представлялась болѣе легкая добыча, нежели въ городахъ, защищенныхъ стѣнами, и гдѣ кромѣ того обитали ихъ ближайшіе и опаснѣйшіе враги, главныя орудія невыносимыхъ притѣсненій фиска. Во второй половинѣ V вѣка, мы уже не встрѣчаемъ въ Галліи большихъ возстаній багодовъ, но частные грабежи болѣе, чѣмъ когда-нибудь не были рѣдкостію. Шайки разбойниковъ нападали на деревни, уводили людей и продавали въ рабство. Населеніе Галліи звало ихъ именемъ варговъ — словомъ, без

различно употреблявшимся у Германскихъ и Скандинавскихъ народовъ въ значеніи хищнаго звѣря (werg—волкъ), разбойника и отверженника общества. Время было такое, что стѣны и башни не были только украшеніемъ виллы, а одною изъ необходимостей. Къ V вѣку относится начало многихъ замковъ южной Франціи. Недалеко отъ деревни Дромонъ, въ верхнемъ Провансѣ, еще сохранилась надпись съ именемъ Дардана, указывающая мѣсто сильной крѣпости. Пользовались остатками древнихъ, еще кельтскихъ, укрѣпленій, строили новыя въ горахъ, гдѣ самая мѣстность способствовала устройству убѣжищъ на случай опасности. Многочисленность горныхъ укрѣпленій, принадлежащихъ оверну Апру, могла затруднить владѣльца въ выборѣ. Загородная вилла мало по малу обращалась въ рыцарскій замокъ. Въ VI столѣтіи мы увидимъ, какъ начинаютъ окружаться стѣнами нетолько дома богатыхъ вельможъ, но церкви и монастыри. Жизнь становилась трудною и опасною внѣ укрѣпленій, теряла подъ вліяніемъ обстоятельствъ непринужденныя и своенравныя формы. Въ V вѣкѣ еще вся внѣшность носитъ на себѣ исключительный характеръ римскаго быта и римской образованности; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи начинаютъ уже выказываться начала новаго порядка вещей, которому суждено было навсегда упразднить старый, уже несовмѣстный съ потребностями и духомъ времени. Роскошная вилла Леонція съ крѣпостію подлѣ термъ можетъ служить лучшимъ представителемъ характера того времени. Расписные портики, термы, украшенныя статуями и колоннами, исчезнутъ въ развалинахъ; но крѣпость, занимавшая второстепенное мѣсто въ планахъ строителя, доживетъ до XVII вѣка, сохранивъ прежнее имя (Burgus Leontii–le Bourg XVII столѣтія), хотя и мѣняя свой видъ вмѣстѣ съ образомъ жизни своихъ владѣтелей. Въ варварской номенклатурѣ средневѣковыхъ замковъ еще слышится иногда изысканное названіе первоначальнаго жилища, хотя въ Théouls XII и XIII столѣтій и трудно подозрѣвать Теополисъ Дардана» (стр. 51—58).

Еще интереснѣе разсказъ о томъ, какъ жили въ этихъ виллахъ богатые галльскіе аристократы и въ чемъ они проводили свое время. Разсказанная по часамъ древняя жизнь, встаетъ передъ вами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ-будто вы сами наблюдали ея теченіе. При изображеніи ея авторъ пользовался красками, заимствованными также большею-частью у самого Сидонія. Но довольно уже приведенной нами части разсказа, чтобъ видѣть, какое это было время. Судя только по наружному виду галло-римскихъ жилищъ, скоро убѣждаешься, что старый порядокъ вещей незамѣтно уступалъ мѣсто новому. Еще по имени господствовало римское государственное начало и держался римскій образъ жизни съ его обычаями, а между-тѣмъ, внутри этого самаго общества зарождался ужь будущій феодальный міръ. Подъ грозою варварскихъ нашествій, мирная вилла—любимое убѣжище современнаго эпикуреизма, окружалась стѣнами и мало-по-малу принимала видъ укрѣпленнаго замка. Время было очевидно-переходное. Автору «Сидонія» удалось даже представить этотъ переходъ отъ одного обычая къ другому весьма-нагляднымъ образомъ. Изъ его очерка видишь ясно, какъ

могли уживаться вмѣстѣ условія прежняго быта съ новымъ, который только-что нарождался подъ неотразимою силою современныхъ обстоятельствъ. Но самъ г. Ешевскій охотнѣе замѣчаетъ усиливающіеся признаки паденія стараго порядка, чѣмъ зародыши новаго, и первые постоянно играютъ болѣе-значительную роль въ его выводахъ, чѣмъ послѣдніе. Мысль его гораздо-болѣе занята процесомъ разложенія Римской Имперіи и римской общественной жизни, чѣмъ зарожденіемъ новаго порядка на основаніи другихъ народностей. Оттого послѣднія часто вовсе уходятъ у него изъ виду; оттого призракъ разложенія думаетъ онъ уловить даже на тѣхъ явленіяхъ, которыя по тѣмъ или по другимъ причинамъ избѣжали общаго поврежденія.

Общимъ вопросомъ о состояніи общества въ V вѣкѣ авторъ завлеченъ былъ въ область другаго, болѣе-частнаго вопроса: о состояніи женщины въ то же время, и также хотѣлъ найдти ему свое рѣшеніе. Но это небольшое уклоненіе отъ главнаго предмета, по нашему мнѣнію, удалось ему всего-менѣе. Между вопросами о состояніи цѣлаго общества и о положеніи въ немъ женщины дѣйствительно есть очень-тѣсная связь: въ бо̀льшей части случаевъ, исторически извѣстныхъ, одно изъ нихъ непосредственно вытекаетъ изъ другаго. Женскій развратъ въ-особенности служитъ всегда почти вѣрнымъ признакомъ глубокаго упадка нравовъ въ цѣломъ обществѣ. Но невсегда можно заключать наоборотъ. Въ рѣшеніи частнаго вопроса г. Ешевскій, къ-сожалѣнію, слишкомъ поддался вліянію своей общей мысли. Тѣнь, брошенная ею на все состояніе римскаго общества, закрыла отъ его глазъ и настоящее положеніе женщины. Мы готовы почти подумать, что рѣшеніе явилось у него прежде, чѣмъ нашлись факты, которые бы могли послужить ему сколько-нибудь вѣроятнымъ основаніемъ. Иначе, ка̀къ объяснить себѣ, что, съ одной стороны, по сознанію самаго автора, «у Сидонія, съ такою полнотою изображающаго жизнь высшаго общества, мало подробностей о положеніи женщины, и даже немногія, мимоходомъ оброненныя указанія, такъ неопредѣленны и безцвѣтны, что *нѣтъ возможности вывести какое-нибудь положительное и вѣрное заключеніе*», и что, однако, нашъ изслѣдователь, не задумываясь произноситъ довольно-рѣзкій приговоръ надъ галло-римскими женщинами того времени? «Незавидное положеніе женщины въ обществѣ, о которомъ (?) мы заключили изъ *немногихъ* указаній, *а, главное,* изъ *молчанія Сидонія*, подтверждается прямыми свидѣтельствами другихъ современниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ *становится несомнѣннымъ,* что женщина V вѣка, послушно слѣдуя общему направленію, не ушла и отъ его гибельнаго вліянія». Такъ скоро уже выводъ можетъ казаться несомнѣннымъ—выводъ, основанный главнымъ образомъ на *умолчаніи* самаго говорливаго изъ писателей того времени? Такъ Сидоній имѣлъ, можетъ-быть, причины скрывать настоящее положеніе современной ему женщины? Сидоній не имѣлъ никакихъ причинъ скрывать то̀,

что̀ извѣстно было въ его время всякому, но не могъ изображать вопіющихъ женскихъ пороковъ, потому-что не видѣлъ ихъ вокругъ себя. Если дѣлать выводы не изъ молчанія Сидонія, а изъ того, что̀ онъ прямо выговариваетъ, то скорѣе можно заключить, что онъ чаще видѣлъ около себя примѣры женскихъ добродѣтелей, чѣмъ пороковъ. По-крайней-мѣрѣ тѣ женщины, о которыхъ онъ упоминаетъ, никакъ не могутъ быть причислены къ послѣднему разряду. Таковы были, судя по его словамъ, Папіанилла (жена Сидонія), Фронтина, Филиматія и нѣкоторыя другія. Извѣщая одного изъ своихъ друзей о смерти Филиматіи, Сидоній писалъ: «Назадъ тому три дня, мы потеряли, къ нашему общему сожалѣнію, почтенную Филиматію, добронравную супругу, кроткую госпожу, благодѣтельную мать, нѣжную дочь, которая въ своей семьѣ и внѣ дома равно пользовалась почтеніемъ со стороны низшихъ, уваженіемъ высшихъ и любовію равныхъ себѣ» (*). Подобныя черты, встрѣчающіяся по мѣстамъ въ перепискѣ Сидонія, конечно, краснорѣчивѣе его молчанія» и говорятъ больше въ пользу женщины, чѣмъ въ невыгоду. Авторъ, правда, имѣетъ за себя нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій другихъ писателей: Павлина, Марія Виктора, Сальвіана Марсельскаго; но мы имѣемъ полное право усомниться въ истинѣ ихъ слишкомъ-общихъ возгласовъ. Съ своей исключительной точки зрѣнія нападая на современные имъ нравы, они, впрочемъ, нигдѣ не говорятъ намъ живыми примѣрами. Мало ли какіе возгласы приходится слышать историку въ пользу и противъ даннаго времени: если они не воплощены въ факты, то-есть въ дѣйствующія лица и событія, ему нельзя принимать ихъ на вѣру. Въ исторической логикѣ вѣрность выводовъ зависитъ единственно отъ твердости посылокъ, или несомнѣнности фактовъ. Естественно заключить о глубокомъ паденіи женщины въ римскомъ обществѣ, когда имѣемъ передъ собою тацитовскіе женскіе типы. Ужасающее дѣйствіе необузданныхъ женскихъ страстей легко признать также въ меровингской эпохѣ, судя по такимъ лицамъ, какъ Брунгильда и Фредегонда; но ка̀къ произнесть рѣшительный приговоръ о томъ времени, изъ котораго мы не знаемъ вполнѣ ни одного женскаго типа? Подождемъ по-крайней-мѣрѣ, пока они будутъ отъисканы и приведены во всеобщую извѣстность.

Вторую главу сочиненія г. Ешевскаго мы желали бы переписать вполнѣ—такъ многое пріобрѣтаетъ въ ней наша исторіографія, до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, почти вовсе-некасавшаяся внутренней исторіи Галліи. Здѣсь историческая рама раздвигается еще шире. Чтобъ опредѣлить настоящую цѣну свѣтской дѣятельности Сидонія, какъ гражданина и писателя, авторъ долженъ былъ обозрѣть всѣ современныя политическія отношенія. Понять ихъ можно было только

(*) См. Oeuvres de C. Ap. Sidonius, изд. Грегуара и Коломбѐ, t. 1, p. 158.

въ связи съ общимъ положеніемъ Римской Имперіи: итакъ сюда вошла ея исторія, начиная отъ вступленія на престолъ Петронія Максима до смерти Антемія. Въ живыхъ очеркахъ проходитъ передъ читателемъ цѣлый рядъ римскихъ императоровъ послѣдняго времени, напрасно-истощающихъ свои усилія, чтобъ поддержать это огромное зданіе, которое ежеминутно грозитъ разрушеніемъ. Особенно рекомендуемъ читателямъ весьма-удачное изображеніе Майоріана. Не довольствуясь для своихъ очерковъ уже извѣстными данными, авторъ дополнялъ ихъ новыми, извлеченными изъ тѣхъ источниковъ, которые были предметомъ особеннаго его изученія, и умѣлъ сообщить этой общей части своего сочиненія почти неожиданную занимательность. Чтобъ подойдти ближе къ Сидонію, автору надобно было потомъ коснуться внутреннихъ отношеній Галліи. При упадкѣ центральной власти каждая провинція обширной имперіи имѣла свою особенную постановку—Галлія, по своему передовому положенію, болѣе чѣмъ всякая другая... Ни одна изъ римскихъ областей не терпѣла столько отъ вторженій варваровъ, ни одна не была такъ наводнена ими съ разныхъ сторонъ: вестготы на югѣ, бургунды и за ними аллеманны на востокѣ, франки и саксы на сѣверѣ, не говоря уже объ остаткахъ другихъ, еще болѣе варварскихъ поселеній на той же землѣ. Требовалось опредѣлить мѣсто, занимаемое внутри Галліи каждою германскою народностью и предѣлы ея распространенія. Все это сдѣлано авторомъ изслѣдованія съ большою точностью, на основаніи ближайшихъ по времени памятниковъ, между которыми Notitia Dignitatum занимаетъ самое важное мѣсто. Не менѣе ясно показаны новыя отношенія Галліи къ Риму, вслѣдствіе опасности, угрожавшей ей отъ варваровъ. Съ другой стороны, ничто не забыто авторомъ, чтобъ ввести читателя въ кругъ политики варварскихъ королей, поселившихся на галльской землѣ. Наконецъ Овернь, какъ внутренняя область Галліи, наиболѣе сохранившая свою первоначальную физіономію, также требовала отъ изслѣдователя особеннаго вниманія. Ея мѣстнымъ интересамъ и державшимся въ ней направленіямъ посвящены послѣднія страницы той же главы. Такимъ-образомъ читатель проходитъ вслѣдъ за авторомъ всѣ современныя отношенія, общія и частныя, и при свѣтѣ ихъ получаетъ возможность обсудить всю свѣтскую дѣятельность Сидонія, которая болѣе или менѣе была ими условлена. Тутъ же онъ знакомится ближе и съ авторскою дѣятельностью знаменитаго Оверньца, по-крайней-мѣрѣ съ одною ея отраслью, находившеюся въ самой тѣсной связи съ политическими отношеніями его времени. Мы разумѣемъ панегирики Авиту, Майоріану, Антемію. Г. Ешевскій умѣлъ соединить всѣ эти предметы въ одной главѣ своего сочиненія, нисколько не нарушая ея единства. Читатель нечувствительно переходитъ отъ общаго къ частному, и наоборотъ; даже эпизодическіе разсказы, почерпнутые большею-частью изъ переписки Сидонія и относящіеся или къ нему самому, или къ нѣкоторымъ мало-извѣстнымъ его современ-

нымъ, не вредятъ цѣлости впечатлѣнія. Однажды-возбужденный интересъ къ событіямъ поддерживается, сверхъ-того, живымъ и воодушевленнымъ ихъ изложеніемъ. Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ повѣствователей, которые, пересказывая дѣла давно-минувшихъ временъ, какъ-бы сживаются съ ними своею мыслью и увлекаютъ за собою участіе другихъ. Смотря по внутреннему достоинству явленія, и самый разсказъ нашего историка то проникается видимымъ сочувствіемъ къ нему, то оттѣняется противоположными ощущеніями, то, наконецъ, настроивается на печальный ладъ самыхъ событій, изъ которыхъ одно было безотраднѣе другаго. Столько умѣнья располагать разнороднымъ историческимъ матеріаломъ и вмѣстѣ столько зрѣлости въ способѣ его изложенія почти нельзя было бы и ожидать отъ перваго опыта въ исторіографіи.

Неотрадно общее заключеніе, къ которому авторъ приводитъ своимъ обзоромъ положенія дѣлъ въ Галліи и въ цѣлой имперіи. Оно высказано имъ весьма-энергически. «Скажемъ разъ навсегда (говоритъ г. Еневскій): *въ это несчастное время не было и не могло быть политическихъ убѣжденій*. Всѣ живыя начала были изжиты, общественныя отношенія измѣнились, и интересы перепутались такъ, что у самыхъ благородныхъ и добросовѣстныхъ политическихъ дѣятелей почва исчезала подъ ногами. Лучшіе изъ нихъ, искренно желавшіе возврата прежнихъ временъ Римской Имперіи, тѣ, у которыхъ идеалъ общественнаго устройства былъ назади, должны были тѣмъ неменѣе дѣйствовать совершенно-несообразно съ духомъ того государственнаго быта, къ которому они хотѣли поворотить исторію, и, что особенно замѣчательно, сами не сознавали этой несообразности. Дѣятельность Майоріана, Эгидія носитъ на себѣ печать этой непослѣдовательности съ тѣми началами, которыя они хотѣли возвратить къ жизни. А между-тѣмъ тотъ и другой далеко не принадлежали къ числу обыкновенныхъ государственныхъ лицъ своего времени; оба носили въ себѣ повидимому твердыя, прочно-установленныя убѣжденія и великодушную рѣшимость пожертвовать всѣмъ для исполненія своихъ замысловъ. Трагическая судьба этихъ послѣднихъ представителей старой римской доблести не позволяетъ на минуту усомниться въ ихъ искренности. Если Майоріанъ и Эгидій во многихъ случаяхъ шли какъ-бы ощупью, не имѣя возможности согласить своихъ дѣйствій съ тѣми началами, во имя которыхъ хотѣли бы дѣйствовать, что жь оставалось дѣлать людямъ, неимѣвшимъ ни прочности ихъ убѣжденій, ни римскаго закала ихъ характера? Самыя основныя понятія, потеряли свой смыслъ, слова точно также не выражали настоящаго понятія, какъ надпись на ассигнаціяхъ, въ минуту финансоваго кризиса ихъ номинальной цѣнности. Среди совершавшагося или частію ужь совершившагося разложенія Римской Имперіи, въ вихрѣ событій, небывалыхъ въ исторіи и слѣдовавшихъ одно за другимъ съ быстротою, недававшей времени для ихъ обсужденія, личности

оставался безграничный просторъ. Съ нея спали всѣ общепринятыя нормы, дававшія извѣстное направленіе дѣятельности. Каждый могъ давать отчетъ лишь своей собственной совѣсти, но и она большею-частью оставалась лишь безмолвнымъ совѣтникомъ относительно политической дѣятельности. Не забудемъ, что если утратился или исказился смыслъ многихъ основныхъ понятій, за-то изострилась способность софистическихъ толкованій, способность примирять между собою повидимому самыя непримиримыя вещи. За невозможностью имѣть прямое значеніе, многія понятія получили условный смыслъ. *Вотъ отчего историку такъ трудно произнести сужденіе о нравственномъ значеніи того или другаго поступка»* (стр. 222—23).

Нечасто удается историку схватить такъ вѣрно въ немногихъ словахъ нравственную физіономію времени. Не довольствуясь одною внѣшностью событій, авторъ хотѣлъ подсмотрѣть за ними внутреннія движущія силы и, поднявъ завѣсу общественнаго сознанія, не безъ ужаса открылъ подъ нею несостоятельность почти всѣхъ политическихъ убѣжденій. Такъ составился его приговоръ о политической нравственности эпохи — приговоръ строгій и неутѣшительный, но въ которомъ слышится голосъ истины. Мы, съ своей стороны, можемъ только подтвердить его нашимъ полнымъ согласіемъ. Дѣйствительно, въ Галліи, какъ и въ цѣлой Римской Имперіи, не было да и не могло быть болѣе мѣста твердымъ политическимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ водоворотѣ событій каждый пускалъ свой корабль на-удачу и думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе выйдти на твердую землю, почти не различая дружественнаго берега отъ непріятельскаго. До-сихъ-поръ, движимые чувствомъ своей народности, галло-римляне стремились оторваться отъ римскаго политическаго единства и утвердить свою самостоятельность. Эти стремленія не погасли совершенно и во время Сидонія. Манившія галло-римлянъ надежды возродились даже вновь на нѣкоторое время при вступленіи на римскій престолъ Авита. Ссылаемся на книгу г. Ешевскаго, который, разсказывая исторію галло-римскаго императора, нѣсколько разъ останавливается на этой мысли (*). Но вскорѣ-послѣдовавшая смерть Авита и со дня на день возраставшая опасность со стороны варваровъ опять разбили мечты галло-римскихъ патріотовъ и обратили ихъ мысли въ другую сторону. Тѣ, которые дорожили образованіемъ, опять старались сколько-можно-тѣснѣе примкнуть къ Риму, потому-что въ немъ только видѣли спасеніе отъ варварства; другіе, наоборотъ, потерявъ всякую вѣру въ римское величіе и могущество, искали себѣ опоры прямо въ варварахъ. Тѣ и другіе были правы по-своему, и историку, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, трудно произнести тутъ свой судъ. «Твердыхъ убѣжденій не было и не могло быть въ это несчастное время».

(*) См. особенно стр. 146 и 151.

Въ этомъ общемъ приговорѣ лежитъ, по нашему мнѣнію, неизмѣнное начало и для опредѣленія каждой *частной* дѣятельности, которая принадлежитъ той же несчастной эпохѣ. Когда патріотическое чувство утратило всякую самоувѣренность, когда другія направленія были довольно-безразличны, когда, наконецъ, цѣлый народъ не зналъ, гдѣ лучше помѣстить свои интересы, частному человѣку невозможно было избѣжать ошибокъ и колебанія при преслѣдованіи политическихъ цѣлей и выборѣ средствъ для нихъ. Если самыя крѣпкія головы не могли устоять противъ общаго водоворота и разбивались объ его волны вмѣстѣ съ своими убѣжденіями, то чего можно было ожидать отъ людей обыкновенныхъ, которыхъ ни природа, ни хорошая школа не закалили противъ тяжелыхъ испытаній времени? Никто, конечно, не скажетъ, чтобъ Сидоній принадлежалъ къ числу первыхъ; какъ по своему духу, такъ и по своей политической роли, онъ весьма-мало возвышался надъ своими современниками. Въ природныхъ его свойствахъ, какъ видно изъ его же собственныхъ признаній, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ корреспонденціи, не лежало особеннаго призванія къ значительной политичеткой дѣятельности. Какъ всѣ родовитые люди вѣка, Сидоній имѣлъ довольно честолюбія, чтобъ стараться занять видное мѣсто въ римской администраціи. Вышедши на эту дорогу съ помощью Авита, своего тестя, онъ естественно желалъ удержаться на ней и впослѣдствіи. Для того онъ ѣздилъ въ Римъ и искалъ доступа ко двору цезарей; для того писалъ свои панегирики, въ которыхъ, разумѣется, столько же страдали искренность и добросовѣстность автора, сколько превозносилось то или другое, напередъ избранное имя, не всегда заслуженною честью. Благодаря этимъ домогательствамъ, Сидонію не разъ удавалось прокладывать себѣ путь къ высокимъ должностямъ не только въ провинціи, но и въ самомъ Римѣ; но и высокое положеніе не могло создать видной политической роли, когда ея не лежало въ характерѣ дѣйствующаго лица. Если бы словоохотливый Овернецъ самъ не говорилъ много о себѣ, его политическая карьера прошла бы незамѣченною въ исторіи. Мѣста, которыя онъ занималъ время-отъ-времени, могли быть очень-важны сами-по-себѣ; но, удовлетворяя его честолюбію, они мало выдвигали его самого впередъ. Какъ человѣку безъ политической иниціативы, Сидонію не въ помощь было и высокое положеніе. Понятно, что политическая роль Сидонія не можетъ выдержать критики, если приложить къ ней строгія требованія нашей современности; но какъ бы критика стала строго судить одну частную и малозамѣтную дѣятельность, признавъ за цѣлымъ вѣкомъ недостатокъ твердыхъ нравственныхъ убѣжденій и даже полную невозможность ихъ существованія во всей политикѣ того времени?..

Вотъ почему лучшіе французскіе историки такъ снисходительны къ Сидонію. Они хорошо знаютъ его недостатки, его слабости, какъ политическаго дѣятеля, но воздерживаются отъ строгаго суда надъ ни-

ми. Сравнивая человѣка съ общимъ характеромъ его времени, они замѣчаютъ, что все же на сторонѣ перваго остаются нѣкоторыя почтенныя преимущества, какъ, напримѣръ, честныя намѣренія, хотя при совершенномъ недостаткѣ нравственной энергіи, и стараются выставить ихъ на видъ передъ другими. Таковъ, между прочимъ, отзывъ Петиньи, едва-ли не самаго безпристрастнаго изъ новыхъ судей Сидонія. Нашъ русскій изслѣдователь всмотрѣлся, можетъ-быть, еще болѣе въ его нравственныя качества и успѣлъ еще точнѣе опредѣлить политическія правила, которыми онъ руководился въ своей дѣятельности. Сидоній дѣйствительно не отличался постоянствомъ направленій и едва-ли имѣлъ твердо-установленный образъ мыслей въ политическомъ отношеніи. То, что̀ мы называемъ убѣжденіемъ, часто замѣнялось у него довѣріемъ къ отдѣльнымъ лицамъ. Къ ихъ политикѣ приноровлялъ онъ и свой собственный образъ мыслей. На эту черту въ характерѣ Сидонія г. Ешевскій указываетъ нѣсколько разъ. «Близкій свидѣтель событій въ правленіи Авита и Майоріана (говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ), Сидоній сохранилъ, однако, убѣжденіе, что съ перемѣной лица можетъ измѣниться и самое положеніе, какъ-будто гибели этихъ двухъ лучшихъ властителей падающаго Рима было недостаточно, чтобъ показать все безсиліе личности противъ неудержимаго хода событій». — По случаю вступленія на престолъ Антелія, авторъ опять возвращается къ той же мысли: «Какъ мы ужь замѣтили, Сидоній принадлежалъ къ числу лицъ, объяснявшихъ настоящее положеніе дѣлъ личными достоинствами или недостатками главныхъ дѣятелей». Это стремленіе Сидонія кажется намъ не только весьма понятно, но и очень-извинительно. Когда нѣтъ болѣе опоры въ учрежденіяхъ, на кого остается возложить всю надежду, какъ не на отдѣльныя личности? Сидоній виноватъ лишь тѣмъ, что, можетъ-быть, слишкомъ-скоро переходилъ отъ одного лица къ другому, мало замѣчая противорѣчія въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Въ полной гармоніи съ этимъ свойствомъ находится и цѣльный очеркъ характера того же лица, заключающій обозрѣніе его политической дѣятельности. «Временная забывчивость, увлеченіе настоящей минутой, чувствомъ пріязни и сожалѣнія—все это какъ нельзя лучше согласуется съ характеромъ Сидонія, который, *какъ и большая часть его современниковъ*, не любилъ задумываться надъ причинами и далекими слѣдствіями событій. Стоило измѣниться не общему ходу дѣлъ, а личнымъ отношеніямъ Сидонія къ той или другой партіи, и онъ заговоритъ совершенно другимъ языкомъ, и, что̀ всего страннѣе, самъ не замѣтитъ этого, не возьметъ на себя труда или примирить свой настоящій образъ мыслей и дѣйствій съ прежнимъ, или по-крайней-мѣрѣ объяснить причину происшедшей перемѣны. Чтобъ пробудить въ душѣ Сидонія любовь къ провинціи, замѣнившей ему родину (то-есть къ Оверни), достаточно было, чтобъ исчезли его надежды на возможность составить себѣ прочное положеніе въ Римѣ и удержаться среди враждующихъ р-на

тій. Этого ждать было недолго. Потерялъ ли Сидоній вѣру въ Антелія, узнавъ его покороче, или ссора Рицимера съ его безсильнымъ тестемъ наконецъ раскрыла ему глаза относительно дѣйствительнаго значенія варварскаго предводителя войскъ, только скоро послѣ дѣла Арванда мы находимъ Сидонія уже въ Оверни и находимъ далеко не въ томъ настроеніи духа, въ какомъ видѣли его въ Римѣ. Кажется, онъ окончательно убѣдился и въ томъ, что ему лично нѣчего ждать отъ римскаго правительства, и въ томъ, что каждой провинціи пришло время думать о спасеніи только своими собственными средствами».

Какъ нельзя не согласиться съ авторомъ въ подробностяхъ этого очерка, такъ нельзя не одобрить умѣреннаго тона въ изложеніи. Но отчего же вдругъ этотъ самый тонъ такъ чувствительно мѣняется въ концѣ главы? Отчего, пересказавъ всю политическую дѣятельность Сидонія и выписавъ мнѣніе о ней Петиньи, авторъ находитъ судъ его недостаточно-строгимъ и считаетъ нужнымъ восполнить этотъ недостатокъ своимъ собственнымъ приговоромъ? Сущность остается та же самая, а между-тѣмъ послѣдній приговоръ Сидонію принимаетъ тонъ обвинительнаго акта противъ него. Впрочемъ, надобно выслушать самого автора.

«Воспріимчивая, но поверхностная натура Сидонія, сбитая съ пути риторическимъ воспитаніемъ и діалектикой, не была вовсе способна къ сосредоточенію мысли, къ ясному и сколько нибудь глубокому пониманію и общественнаго положенія и своихъ отношеній къ современной дѣйствительности. Риторомъ выступилъ онъ на политическое поприще, риторомъ и сошелъ съ него. Даже въ послѣдній, повидимому, болѣе серьезный и сознательный періодъ его жизни, въ немъ ни разу не сказалась потребность оглядѣть пройденный путь, постараться согласить какъ нибудь свои безпрестанные переходы отъ одного мнѣнія къ другому и частыя перемѣны партій. Собирая и издавая въ свѣтъ свои письма, выбирая изъ нихъ только лучшія и тщательно выправляя слогъ, онъ ни разу не былъ пораженъ несообразностью и непослѣдовательностью своихъ поступковъ. Риторическое письмо, гдѣ онъ оплакиваетъ горькую участь предателя Арванда, помѣщено только что не рядомъ съ неменѣе риторическимъ описаніемъ Сероната, гдѣ Сидоній является ожесточеннымъ противникомъ тѣхъ самыхъ замысловъ, которые извинялъ онъ годъ тому назадъ. Описывая характеръ Пеонія и обвиняя его, какъ виновника смутъ, взволновавшихъ Галлію по смерти Авита, онъ какъ бы забываетъ, что самъ былъ главнымъ двигателемъ возстанія. Не говоримъ уже о панегирикахъ. Мало того, что Сидоній не имѣлъ политическихъ убѣжденій, едва ли онъ сознавалъ ихъ необходимость для лицъ государственныхъ. Только временное удаленіе отъ дѣлъ послѣ гибели Майоріана останавливаетъ нѣсколько историка отъ обвиненія Сидонія въ отсутствіи всякой политической нравствености» (стр. 244).

Такъ изъ политическаго дѣятеля съ слабыми и перемѣнчивыми убѣжденіями Сидоній на одной страницѣ превращается въ человѣка безъ вся-

кихъ убѣжденій и чуть-чуть не подвергается упреку въ совершенной безнравственности... Не считаемъ за нужное удерживать вниманіе читателя на этомъ видимомъ противорѣчіи: интереснѣе, кажется намъ, разъяснить нѣсколько причину послѣдняго неожиданнаго поворота въ мысли автора. Если не ошибаемся, вся бѣда произошла оттого, что Сидонію-автору досталось отвѣчать за Сидонія-политика. Въ практической его дѣятельности не осталось мѣста ничему похожему на убѣжденіе, потому-что сочиненія его проникнуты риторствомъ. Дѣйствія его не потому дурны, чтобъ они проистекали изъ тѣхъ или другихъ побужденій, но потому, что они—дѣйствія ритора. Сидоній—риторъ не на словахъ только, или въ своихъ панегирикахъ, но и во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Панегирики — лишь одно изъ многочисленныхъ выраженій направленія, проходящаго черезъ цѣлую его жизнь. Уже воспитаніе его было испорчено риторствомъ: оттого онъ никогда не могъ сосредоточиться въ себѣ и навсегда потерялъ способность глубокаго пониманія современной дѣйствительности и своихъ отношеній къ ней. Если Сидоній не замѣчалъ противорѣчія въ своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ, то это потому, что онъ былъ риторъ. На его политическихъ дѣйствіяхъ, какъ и на его перепискѣ съ друзьями, лежитъ одна и та же печать риторства. Выправляя по нѣскольку разъ слогъ своихъ писемъ, онъ не видѣлъ несообразности своихъ поступковъ...

Ясно, кажется намъ, что если нашъ авторъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и нашелъ нужнымъ подвергнуть Сидонія болѣе-строгому осужденію во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ другихъ его современниковъ, то это потому, что думалъ преслѣдовать въ немъ ритора. Другіе могли не имѣть постоянныхъ убѣжденій по обстоятельствамъ времени, Сидоній — по своему риторическому направленію, и потому долженъ быть болѣе другихъ въ отвѣтѣ.

Было бы странно хотѣть взять на себя защиту ритора. Мы вполнѣ раздѣляемъ мысль автора о разъѣдающемъ дѣйствіи риторическаго направленія; мы также не ожидали бы ничего добраго отъ человѣка, который весь проникнулся имъ. Въ вѣкъ мужества мысли особенно кажется презрѣннымъ риторъ съ своею позолоченною фразою на всякій случай и своею дешевою готовностью восхвалять всѣхъ и каждаго. Но какъ есть время мужества мысли, такъ бываетъ пора ея дѣтства. Иное значеніе имѣетъ риторическое искусство въ эпоху зрѣлости литературы и ея процвѣтанія, и иное — при первомъ ея зарожденіи на основаніи чужихъ образцовъ. Иначе сказать, есть возрастъ въ народной жизни и въ развитіи, когда свободное творчество еще не по силамъ начинающихъ дѣятелей, и когда оно хотя отчасти замѣняется искусствомъ внѣшней формы, то-есть риторическимъ искусствомъ. Сидоній жилъ именно въ одну изъ такихъ поръ, когда невозможно было образованіе безъ примѣси риторства. Еслибъ даже онъ былъ только риторъ и ничего болѣе, и тогда онъ заслуживалъ бы, по времени, въ которомъ жилъ, гораздо-

большаго снисхожденія, чѣмъ всѣ современные намъ риторы. Но не слишкомъ ли скоро нашъ авторъ рѣшилъ вопросъ о риторствѣ Сидонія? Не распространилъ ли онъ вліяніе риторства гораздо-далѣе, чѣмъ сколько оно простиралось на-самомъ-дѣлѣ?

Въ этомъ мы почти увѣрены. Нельзя согласиться съ г. Ешевскимъ, чтобъ всѣ недостатки Сидонія, какъ человѣка и писателя, происходили отъ его риторства. Какъ Римская Имперія почти закрыла отъ автора галльскую народность, такъ господствующее риторическое направленіе заставило его позабыть самую природу писателя, котораго онъ избралъ предметомъ своего изученія. Природными свойствами Сидонія гораздо-прежде и лучше объясняются его дѣйствія, чѣмъ школою и образованіемъ. Эти характеристическія черты часто попадаются въ книгѣ нашего автора: онъ уловилъ и собралъ ихъ всѣ, одну за другою; но когда надобно было сдѣлать изъ нихъ необходимый выводъ, отошелъ отъ нихъ въ другую сторону. Мы думаемъ, однако, что его же путемъ можно было бы идти прямѣе къ цѣли. Если природа Сидонія, какъ говоритъ авторъ, была воспріимчива, то удивительно ли, что онъ не останавливался долго на одномъ впечатлѣніи и скоро переходилъ къ другому? Если она притомъ была поверхностна, то нужно ли прибѣгать къ риторикѣ, чтобъ объяснить его неспособность глубокаго пониманія дѣйствительности? Если уже самый характеръ его, «живой, увлекающійся и легкомысленный», мѣшалъ ему вдумываться въ положеніе современнаго общества и — прибавимъ также — въ самого себя, то зачѣмъ еще объяснять его непостоянство другими вліяніями? Отъ риторики онъ могъ заимствовать нѣсколько ловкихъ оборотовъ, чтобъ лучше прикрыть въ рѣчи свою измѣнчивость; но недостатокъ твердости и нравственнаго мужества, конечно, имѣлъ свой источникъ гораздо-глубже. Намъ сдается, что изслѣдованіе много выиграло бы, еслибъ внимательнѣе разсмотрѣть Сидонія съ этой точки зрѣнія. Тогда, можетъ-быть, изъ-подъ общаго уровня римскаго образованія выступилъ бы передъ нами настоящій галльскій типъ съ своею неподдѣльною физіономіею. Тогда, вмѣсто того, чтобъ смѣшать его съ римскимъ обликомъ, мы въ-состояніи были бы лучше опредѣлить ихъ родовыя отличія. Сидоній же такъ откровенно говоритъ самъ о своихъ свойствахъ, недостаткахъ, слабостяхъ; онъ самъ сообщаетъ главныя черты своего характера и къ каждой изъ нихъ возвращается по нѣскольку разъ въ своей перепискѣ. Нѣкоторыя относящіяся сюда мѣста приведены г. Ешевскимъ. Напомнимъ хоть одно изъ нихъ: «Ты любишь, какъ мнѣ извѣстно (пишетъ Сидоній Фи«лагрію) людей спокойныхъ: я люблю даже трусовъ; ты избѣгаешь вар«варовъ, кажущихся злыми: я бѣгаю даже отъ добрыхъ (то-есть вар«варовъ). Ты человѣкъ религіозный: мнѣ бы хотѣлось по-крайней-мѣ«рѣ такимъ казаться. Ты не желаешь чужаго добра: я считаю при«былью, когда не теряю своего. Ты думаешь, что должно черезъ день «поститься: мнѣ не тяжело послѣдовать твоему примѣру, хотя я не

«постыжусь предупредить тебя, если дѣло касается обѣда» (стр. 41). Корреспонденція изобилуетъ подобными *наивными* чертами. Такъ, въ одномъ случаѣ, подавая совѣтъ другому, Сидоній откровенно говоритъ о себѣ: «что же касается до меня, то въ сомнительныхъ случаяхъ я предпочитаю осторожный способъ дѣйствія и охотнѣе становлюсь на сторону тѣхъ, которые боятся, хотя бы бояться было и нечего...» (*). Лучше, кажется, нельзя опредѣлить степень своего мужества! Никто, разумѣется, не захочетъ приписать врожденную слабость духа вліянію риторики, а между-тѣмъ, одною этою чертою какъ много проливается свѣта на все политическое поведеніе Сидонія! Едва-ли также риторическіе мотивы входили сколько-нибудь въ отношенія его къ Арванду. Авторъ много останавливается на нихъ, по поводу извѣстнаго письма Сидонія, но, по нашему мнѣнію, опустилъ изъ виду самое существенное. Насъ не удивляетъ, что Сидоній, забывая вину Арванда, по своей старой пріязни къ нему, не рѣшился измѣнить ему во время угрожавшаго ему несчастія. Если этотъ поступокъ и не говоритъ въ пользу твердости его убѣжденія, то онъ дѣлаетъ честь его мягкому сердцу и силѣ его личной привязанности. Впрочемъ, измѣнить Арванду въ его несчастномъ положеніи едва-ли бы кто, подобно Сидонію, не нашелъ «безчестнымъ, жестокимъ и малодушнымъ». Вмѣсто того, чтобъ подъискивать риторическіе мотивы для объясненія весьма-понятнаго чувства, намъ кажется, слѣдовало бы болѣе обратить вниманія на самое лицо Арванда. Благодаря письму Сидонія, намъ извѣстны главныя подробности его процеса и все его поведеніе во время суда надъ нимъ. Поведеніе въ высшей степени странное и съ перваго взгляда вовсе непонятное—столько въ немъ самонадѣянности, заносчивости со стороны обвиненнаго, и вдругъ послѣ того такое крайнее паденіе духа! Надобно читать у г. Ешевскаго прекрасный переводъ письма Сидонія, излагающаго все дѣло въ подробности (**). Ни съ чѣмъ несообразное поведеніе Арванда останется загадкою, если видѣть въ немъ только римскаго чиновника, или гражданина Римской Имперіи и человѣка римскаго образованія, и оно же не только много разъясняется само, но и подаетъ поводъ къ нѣкоторымъ новымъ соображеніямъ, если посмотрѣть на то же лицо со стороны его галльской природы, которая такъ ясно высказалась въ его поступкѣ. Вообще Арвандъ своимъ лицомъ могъ бы служить хорошимъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя можно взять у Сидонія, изъ его собственной жизни въ-особенности, для изображенія современной ему галльской народности.

До-сихъ-поръ мы коснулись только слабыхъ сторонъ галльскаго народнаго типа, современнаго Сидонію. У того же писателя легко было

(*) Стр. 216—221.

(**) О важности писемъ, какъ употребительнѣйшей литературной формы того времени, см. особенно Fauriel, I, p. 422—423.

бы собрать и другія, болѣе-свѣтлыя черты, принадлежащія той же народности. Многія изъ нихъ неизмѣнно прошли черезъ всѣ перевороты и сохранились, хотя въ другихъ формахъ, до нашего времени. На всей фигурѣ Сидонія лежитъ особенный отпечатокъ, котораго никогда не удастся объяснить намъ однимъ римскимъ образованіемъ, или вліяніемъ школы. Не римскія въ немъ — эта привязанность къ жизни, любовь къ удовольствіямъ, сердце, открытое впечатлѣніямъ природы, дружбы, воспріимчивость и способность къ увлеченію и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижность, любезность, общительность, однимъ словомъ urbanitas — свойства, невольно-располагающія въ пользу Сидонія, несмотря на его непостоянство и неспособность къ глубокому чувству. Чтобъ быть справедливѣе къ Сидонію, слѣдовало бы изучить его особенно съ этой стороны, и изучить sine ira et studio.

Нѣтъ никакого спора, что *въ своихъ сочиненіяхъ* Сидоній принесъ обильную дань риторикѣ. Ея вліяніе чувствуется не только на слогѣ, но и на самомъ ихъ содержаніи, какъ, впрочемъ, иначе и не могло быть въ начинающей литературѣ, которая еще не сознала своей особенности и не успѣла отдѣлаться отъ своихъ обветшавшихъ образцовъ. Но за риторическими фразами и за искусственными оборотами нельзя ли подсмотрѣть чего-нибудь болѣе-существеннаго и, такъ-сказать, болѣе-истиннаго? Въ этомъ также не можетъ быть никакого сомнѣнія. Заимствовалъ же нашъ авторъ изъ Сидонія его превосходное описаніе современнаго ему быта между галло-римлянами и живое изображеніе наружности и нравовъ варварскихъ народовъ, жившихъ тогда въ Галліи. Не будучи историкомъ своего времени, Сидоній, однако, сохранилъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ многія замѣчательныя его черты несомнѣнной подлинности. Но мы думаемъ, что въ анализѣ его, какъ писателя, можно простираться еще далѣе. Мы не видимъ причины считать его только за ритора вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о самомъ себѣ. Его часто весьма-наивныя признанія имѣютъ для насъ совсѣмъ другую цѣну. Возьмемъ въ-особенности корреспонденцію Сидонія, потому-что она также обращалась въ публикѣ почти наравнѣ съ другими произведеніями того же писателя (*). Риторическими называетъ г. Ешевскій письма Сидонія объ Арвандѣ и Се134онатѣ. Намъ кажется, наоборотъ, что эти страницы взяты прямо изъ современной жизни. По какому праву, въ-самомъ-дѣлѣ, мы стали бы считать произведеніемъ риторства живую характеристику того или другаго лица изъ отдаленнаго стараго времени? Что̀ можно сказать объ Арвандѣ и Серонатѣ, то же самое прилагается и ко многимъ другимъ мѣстамъ переписки. Риторъ ли Сидоній, когда въ письмѣ къ другу разсказываетъ цѣлую сцену съ Пеоніемъ вприсутствіи Майоріана (**)? Риторъ ли онъ, когда, въ другомъ письмѣ, къ

(*) См. Oeuvres de C. Ap. Sidonius, I, p. 338.
(**) Она приведена вся у г. Ешевскаго, см. стр. 178—184.

слову о подателѣ его, онъ разсказываетъ цѣлый «сюжетъ комедіи» (*)? Риторству ли, наконецъ, приписать, что, о чемъ ни заговоритъ Сидоній, предметъ тотчасъ оживляется подъ его руками? Ка̀къ живо, напримѣръ, изображаетъ онъ современнаго ему паразита (**)! или ка̀къ наглядно, въ другомъ мѣстѣ, по случаю смерти Мамерта Клавдіана, передаетъ памяти друзей нѣкоторыя черты его жизни, характера и философскихъ обычаевъ (***)! Чтобъ привести еще одинъ примѣръ изъ множества, укажемъ также на описаніе внѣшняго вида варварскаго князя Сигисмера съ его свитою (****). Столько рисовки, столько ненамѣренной изобразительности въ представленіи предмета не найдешь ни у кого изъ современниковъ Сидонія. У него какъ-то особенно были приспособлены на то глазъ и рука. Положимъ, что это былъ даръ очень-легкій, но никто, конечно, не скажетъ, что Сидоній обязанъ былъ имъ риторической школѣ; скорѣе можно было бы приписать его врожденной говорливости писателя. Сидоній и самъ хорошо знаетъ свою охоту поговорить, ведя письменную бесѣду съ друзьями, и часто проситъ извиненія въ своей «болтовнѣ». Но вы видите, что это не просто болтовня человѣка, незнающаго чѣмъ наполнить свое время и отъ скуки играющаго словами: у Сидонія скрывается за нею столько наблюдательности и умѣнья живо передавать свои впечатлѣнія, что хотѣлось бы назвать ее другимъ именемъ. Словоохотливость Сидонія — это врожденная галльской породѣ сообщительность и способность схватывать во всякомъ предметѣ самыя яркія и живыя его стороны. Если угодно, Сен-Симона тоже можно назвать болтуномъ; но его умной, живой и въ высшей степени занимательной болтовнѣ мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ въ его мемуарахъ самую точную и подробную картину домашняго быта Лудовика XIV и всѣхъ обычаевъ двора его, картину, съ которою въ живости и непосредственности впечатлѣнія едва-ли можетъ сравниться какая-нибудь исторія. Сидоній также исполненъ былъ этой врожденной потребности передавать впечатлѣнія своей современности и имѣлъ естественный даръ разсказа. Ему недоставало только настоящихъ формъ, чтобъ передать потомству весь собранный имъ обильный запасъ наблюденій; но мы должны быть благодарны ему и за то, что въ скромной формѣ дружескихъ писемъ онъ умѣлъ сообщить намъ такъ многое. Во всей современности Сидонія только въ Галліи можно найдти столько любопытныхъ мелочей, относящихся къ изображенію современной дѣйствительности, безъ-сомнѣнія, потому, что это лежало въ самомъ духѣ галльской народности.

(*) Ibid., p. 386.
(**) Oeuvres de C. Ap. Sidonius, I, p. 362.
(***) Oeuvres de C. Ap. Sidonius, t. II, p. 163; ср. Ampère, Hist. litteraire de la France, t. II, p. 249.
(****) См. Oeuvres, t. I, p. 284.

Вотъ какой пріемъ употребляетъ Сидоній, чтобъ извѣстить своихъ друзей, Симплиція и Аполлинарія, о потерѣ отправленнаго ими къ нему письма: «Боже мой, какъ походитъ смятенная душа на волнующееся море, когда она точно какъ бурею возмущается дурными извѣстіями! Недавно я и сынъ мой занимались вмѣстѣ разборомъ тонкихъ остротъ въ Теренціевой «Гецирѣ» (Hecyra). Отдавшись естественному влеченію и забывъ важность наставника, я сидѣлъ подлѣ моего питомца; а чтобъ помогать ему удобнѣе слѣдить за комическимъ движеніемъ нашего автора, я держалъ въ рукахъ другое сочиненіе подобнаго содержанія, то-есть Менандрова Эпитрепонта. Мы оба вмѣстѣ читали, наслаждались, шутили между собою; каждаго изъ насъ занимало свое: его плѣняло чтеніе, я больше услаждался имъ самимъ. Вдругъ входитъ слуга съ озабоченнымъ видомъ. Что̀ тамъ такое? спросили мы, обращаясь къ нему. — Тамъ у дверей, отвѣчалъ онъ, стоитъ вашъ чтецъ Константъ: онъ воротился отъ Симплиція и Аполлинарія; говоритъ, что ваши письма отданы кому слѣдуетъ, а полученныя на ваше имя потеряны имъ дорогою. Эти слова вдругъ помрачили, точно облакомъ, ясность моего тихаго удовольствія, и непріятное извѣстіе, содержавшееся въ нихъ, до такой степени возмутило мою желчь, что я нѣсколько дней былъ неумолимъ и не велѣлъ пускать себѣ на глаза этого глупаго болвана (hermam stolidissimum), требуя непремѣнно, чтобъ онъ возвратилъ мнѣ каждую строку, отъ кого бы она ни была: не говорю уже о вашихъ письмахъ, которыя, пока у меня останется хоть капля смысла, будутъ для меня тѣмъ дороже, чѣмъ рѣже они получаются. Наконецъ, однако, гнѣвъ мой поутихъ отъ времени; тогда, призвавъ вѣстника, я спросилъ у него: не можетъ ли онъ по-крайней-мѣрѣ сообщить мнѣ чего на словахъ? Но онъ, дрожа отъ страха и не смѣя поднять глазъ, какъ человѣкъ, знающій свою провинность, прошепталъ мнѣ только сквозь зубы, что все, что̀ я такъ интересовался знать, заключалось въ затерянномъ имъ письмѣ (*)!»

Въ-заключеніе Сидоній проситъ своихъ корреспондентовъ, чтобъ они взяли на себя трудъ вторично написать къ нему обо всемъ, и снова говоритъ о своемъ нетерпѣливомъ ожиданіи. Въ томъ состоитъ все содержаніе письма. Несмотря на присутствіе въ немъ нѣсколькихъ риторическихъ оборотовъ, кто скажетъ, что оно написано риторомъ?

Не отрицая риторическаго элемента въ сочиненіяхъ Сидонія, мы старались по-возможности облегчить тяжесть падающаго на него упрека указаніемъ на другіе, болѣе-постоянные мотивы авторской его дѣятельности, которые, какъ намъ казалось, нѣсколько-поспѣшно обойдены были нашимъ изслѣдователемъ. Быть-можетъ, намъ не удалось раскрыть нашу мысль съ полною ясностью; быть-можетъ, предположеніе

(*) Ibid. p. 354 et seqq.

наше нуждается еще въ болѣе-твердыхъ основаніяхъ: во всякомъ случаѣ мы считали своею обязанностью поставить на видъ автору то впечатлѣніе, которое прежде всего почерпается изъ его же книги и потомъ находитъ себѣ сильную поддержку въ произведеніяхъ самого Сидонія. Тогда-какъ г. Ешевскаго поражаетъ въ Сидоніи особенно риторъ, насъ, признаемся откровенно, гораздо-болѣе занимаетъ въ томъ же писателѣ человѣческая его сторона, хотя и нечуждая многихъ слабостей. Вообще мы можемъ сказать, что наше личное впечатлѣніе, полученное отъ всей дѣятельности Сидонія, какъ человѣка и писателя, не позволяетъ намъ допустить слишкомъ-строгаго надъ нимъ приговора. Не надобно потомъ забывать, что, какъ справедливо замѣчаетъ и г. Ешевскій, «кельтскій (то-есть галльскій) народный характеръ заключалъ въ себѣ всѣ условія риторства», то-есть «легкость рѣчи, плодовитость воображенія, эффектность рѣчи, argute loqui». Мнѣніе совершенно-справедливое, за которое говоритъ вся исторія народа: всѣ эти черты уцѣлѣли до-сихъ-поръ въ литературѣ страны, несмотря на всѣ перемѣны въ языкѣ и въ понятіяхъ. Но въ такомъ случаѣ на нихъ слѣдуетъ нападать не какъ на ложный и случайный риторическій наростъ, а какъ на постоянный недостатокъ, котораго корень лежитъ въ самой народности и едва-ли можетъ быть когда отдѣленъ отъ нея. Наконецъ надобно подумать и о томъ, чтобъ, за внѣшностью ритора, не забыть одного болѣе-существеннаго и всегда заслуживающаго уваженія качества въ томъ же писателѣ: это—глубоко-вкорененная въ немъ любовь къ образованію. Едва-ли кто изъ свѣтскихъ современниковъ Сидонія былъ искреннѣе его преданъ дѣлу просвѣщенія. Образованность была въ его глазахъ главною мѣрою достоинства человѣка. «Чѣмъ больше ты будешь предаваться литературнымъ занятіямъ (писалъ онъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ), тѣмъ больше будешь узнавать по опыту, что на сколько человѣкъ вообще выше безсловесныхъ животныхъ, на столько человѣкъ образованный выше невѣжи» (*). Это чувство тѣмъ дороже въ Сидоніи, чѣмъ неблагопріятнѣе было время для успѣховъ образованія. Отсюда тотъ ужасъ, который внушало ему усиленіе варваровъ въ предѣлахъ Римской Имперіи и даже самая ихъ наружность; отсюда же, съ другой стороны, его неизмѣнная преданность римскимъ началамъ въ противоположность варварскимъ, при всемъ непостоянствѣ въ другихъ отношеніяхъ. Императоры смѣняли одинъ другаго и часто гибли въ насильственныхъ катастрофахъ, но идея оставалась одна и та же. Кто не хотѣлъ владычества варваровъ, тотъ по необходимости долженъ былъ держаться римскаго начала, несмотря на частыя перемѣны его представителей.

Время епископской дѣятельности Сидонія составляетъ предметъ послѣдней главы въ сочиненіи г. Ешевскаго. Оставляя на-время своего

(*) Oeuvres de C. Ap. Sid., I, p. 378.

героя, авторъ опять начинаетъ съ того, что рисуетъ широкую картину христіанскаго общества въ послѣдніе вѣка Римской Имперіи — явленіе въ высокой степени поучительное и достойное вѣчной памяти исторіи. Въ то самое время, какъ падали согнившія основы древняго міра, внутри его изъ едва-замѣтныхъ зачинаній нарождался другой, носившій въ себѣ будущія судьбы человѣчества. Два общества, одной крови, но не одного духа, стояли другъ подлѣ друга, одно—умирающее, другое—полное надеждъ и свѣжихъ жизненныхъ силъ. Проводя параллель между ними, г. Ешевскій въ послѣдней главѣ своей книги коснулся многихъ сторонъ новаго общества въ противоположность его съ римскимъ. Живая связь между его разсѣянными и часто-преслѣдуемыми членами подкрѣплена вновь множествомъ историческихъ свидѣтельствъ и поставлена на первомъ планѣ общей картины. Любопытно видѣть, какъ великая идея торжествуетъ надъ препятствіями, которыя на каждомъ шагу противополагаются ея распространенію; любопытно наблюдать особенно, какими путями поддерживались почти-непрерывныя сношенія и происходилъ размѣнъ мнѣній между мыслящими людьми того времени, которые часто раздѣлены были между собою огромными пространствами и, сверхъ-того, должны были бороться съ разными стѣснительными мѣрами. Въ подземной тишинѣ, подъ завѣсою глубокой тайны, зрѣло сѣмя великаго и ничѣмъ-неотразимаго будущаго, и напрасны были всѣ усилія преслѣдующихъ погубить его въ самомъ зародышѣ. Затѣмъ, имѣя въ виду ту же противоположность, авторъ переходитъ къ внутренней организаціи церкви и въ общемъ очеркѣ изображаетъ движеніе духовной литературы. Читатель еще разъ встрѣчается здѣсь со многими литературными именами, которыхъ авторъ коснулся уже въ первой главѣ своего сочиненія. По поводу нѣкоторыхъ вопросовъ между членами новаго общества и его лучшими представителями нерѣдко возникали горячіе споры, но они большею-частью проникнуты были духомъ терпимости. «Самая борьба съ лжеучителями велась исключительно оружіемъ мысли, и духовенство съ негодованіемъ возставало противъ преслѣдованія еретиковъ». Въ книгѣ г. Ешевскаго приведено нѣсколько примѣровъ этой истинно-христіанской терпимости въ-отношеніи къ разномыслящимъ.

Нисходя отъ общаго къ частному, достигаемъ мы, вслѣдъ за нашимъ авторомъ, одного изъ самыхъ важныхъ моментовъ во всей жизни и дѣятельности Сидонія. По тогдашнему устройству христіанской общины, можетъ-быть, не такъ важенъ былъ переходъ его въ духовное званіе, какъ совпаденіе его пастырскаго служенія съ самымъ критическимъ временемъ въ исторіи Оверни, которой онъ былъ епископомъ. Овернь, внутреннѣйшая изъ областей Галліи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить прежде, долѣе другихъ сохранила свою самостоятельность отъ варваровъ; въ ней живѣе всего уцѣлѣло и чувство галльской народности; наконецъ и для Оверни пришло время послѣдняго разсчета.

Ударъ казался тѣмъ болѣе неотвратимымъ, что онъ шелъ отъ Эйриха вестготскаго, безспорно, одного изъ самыхъ умныхъ предводителей между варварскими королями того времени, человѣка съ твердою волею и притомъ еще горячаго поборника аріанства. Отъискивая естественную границу вестготскимъ завоеваніямъ въ Галліи, Эйрихъ положилъ за непремѣнное ввести въ нихъ оверискую провинцію. Понятно, что, чѣмъ ближе и грознѣе была опасность, тѣмъ сильнѣе пробуждался никогда, впрочемъ, совершенно непогасавшій патріотизмъ оверицевъ. Въ ближайшемъ соприкосновеніи съ варварами еще больше разгаралось въ нихъ чувство народной самостоятельности. Къ-тому же различіе религіозныхъ вѣрованій дѣлало вражду двухъ народностей почти-непримиримою. Недостатокъ силъ на одной сторонѣ могъ отчасти быть восполненъ отчаяніемъ. Предстоявшая борьба неминуемо должна была принять ожесточенный характеръ. Въ эту критическую минуту для гальской народности Сидонію досталось занимать епископскую каѳедру въ Оверни и нѣкоторымъ образомъ стоять во главѣ ея мужественнаго народонаселенія, на котораго падала вся тяжесть послѣдней борьбы съ варварами по.лѣвую сторону Лоары.

Нельзя не пожалѣть, что г. Ешевскій не взялъ на себя труда *послѣдовательно* пройдти главные моменты политической жизни Оверни, до паденія ея самостоятельности. Онъ часто возвращается къ событіямъ внутренней оверской исторіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ излагаетъ ихъ даже довольно-подробно, но нигдѣ не беретъ ихъ въ постепенномъ развитіи. Можетъ-быть, впрочемъ, это зависѣло отъ принятаго авторомъ плана, въ которомъ общему вездѣ дано преимущество передъ частнымъ. Если мы не ошибаемся, то главные моменты исторіи Оверни, до завоеванія ея варварами, заключаются въ слѣдующихъ чертахъ. Долгое время держится въ ней, наравнѣ съ другими областями Галліи, чувство противоположности къ римлянамъ, какъ завоевателямъ страны. Это чувство нѣсколько умѣряется распространеніемъ въ Южной Галліи римскаго образованія. При появленіи на римской землѣ варваровъ, враждебное чувство галло-римлянъ вообще, оверицевъ въ-особенности, обращается противъ нихъ. Чѣмъ сильнѣе напираютъ варвары, тѣмъ тѣснѣе примыкаетъ Галлія къ Риму, отъ котораго только и ждетъ себѣ спасенія. Римъ волею или неволею обманываетъ ея надежды, измѣняетъ ея интересамъ; варвары овладѣваютъ одною провинціею за другою; нѣкоторые изъ галло-римлянъ, не видя ни откуда спасенія, сами подаютъ руку на союзъ съ ними, или заискиваютъ ихъ покровительства. Но народное чувство не умерло между галло-римлянами: оно лишь стѣснилось на болѣе-узкомъ пространствѣ, именно въ Оверни, но еще не утратило всей своей энергіи, какъ не потеряло вовсе вѣры въ помощь имперіи. Но никогда Римъ не былъ равнодушнѣе къ участи Оверни: когда она истощала послѣднія усилія для своей защиты, онъ договаривался съ варварами объ ея уступкѣ. Естественно, что въ подобныхъ обстоятель-

ствахъ никакой героизмъ не въ-состояніи былъ спасти провинцію и, вмѣстѣ съ ней, послѣднее убѣжище галльской народности по ту сторону Лоары, отъ варварскаго завоеванія. Такъ пала Овернь, и открытая борьба двухъ народностей перешла съ того времени въ глухую или подземную. Результаты ея всего-лучше можно видѣть у Форіеля и Петиньи.

Самая исторія послѣдней борьбы овернцевъ съ варварами изложена въ сочиненіи г. Ешевскаго очень-обстоятельно, по-крайней-мѣрѣ сколько позволяло запутанное состояніе историческихъ свидѣтельствъ для этого времени. Главнымъ героемъ борьбы съ готами, «душею защиты» Оверни является Экдицій, сынъ или, какъ полагаютъ другіе, пасынокъ Авита и братъ Паніаниллы, супруги Сидонія. Изъ отрывочныхъ и часто-перемѣшанныхъ между собою извѣстій автору удалось возстановить его вполовину-затерянный образъ. Читатель имѣетъ передъ собою не только громкое имя послѣдняго поборника галльской независимости, но и живое лицо, много-говорящее воображенію. Въ его присутствіи становится понятно, какъ мирное народонаселеніе Оверни могло такъ долго бороться съ обращенными противъ него усиліями воинственнаго народа. Всматриваясь въ черты Экдиція, какъ онъ представленъ у г. Ешевскаго, вѣришь силѣ его подвиговъ. Мы не можемъ удержаться, чтобъ не привести тѣ страницы сочиненія, съ которыхъ разсказывается первое появленіе Экдиція на сценѣ.

«Сынъ, или, какъ думаютъ нѣкоторые, пасынокъ Авита, Экдицій, принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ владѣльцевъ Оверни; въ самомъ городѣ у него былъ огромный домъ, а средства, которыя извлекъ онъ изъ своихъ помѣстій во время борьбы, лучше всего доказываютъ его огромное состояніе. Первая молодость прошла въ гимнастическихъ упражненіяхъ, псовой и ястребиной охотѣ. Блестящее воспитаніе, какое давали Экдицію, собрало въ Овернь ученыхъ людей этого времени, и Сидоній говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣлъ Экдицій на аристократическую молодежь своей родины, заставивъ ее полюбить латинскую рѣчь и замѣнить ею кельтскіе діалекты, до сихъ поръ бывшіе разговорнымъ языкомъ даже высшаго общества. «Ты нѣкогда заставилъ сдѣлаться Римлянами тѣхъ, которыхъ ты же потомъ не допустилъ обратиться въ варваровъ», пишетъ къ нему клермонтскій епископъ, говоря объ его заслугахъ отечеству. Мы знаемъ характеръ тогдашняго воспитанія и тѣмъ болѣе растетъ наше уваженіе къ Экдицію, что на немъ незамѣтно ни малѣйшаго слѣда господствующаго направленія. Риторство, разъѣдавшее самыя лучшія натуры, не оказало своего обычнаго вліянія надъ умомъ Экдиція. До насъ не дошли подробности о дальнѣйшей дѣятельности сына Авита до той поры, когда событія въ Оверни не вызвали его на сцену. Знаемъ только, что, посвятивъ себя военному поприщу, онъ былъ назначенъ при Антеміѣ начальникомъ войскъ въ Италіи и ему обѣщано было достоинство Патриція, уступавшее значеніемъ только консульству. Во время заговора Сероната, Сидоній, по просьбѣ оверпской аристократіи, вызывалъ его изъ Италіи, гдѣ разрывъ Антемія съ Рицимеромъ обнаружилъ ясно безсиліе законной власти передъ

наглымъ произволомъ варварскаго временщика. Экдицій явился въ Оверни уже тогда, когда Готы осаждали главный городъ этой провинціи, хотя мы и не знаемъ, должно ли отнести его появленіе къ послѣдней осадѣ Клермона (474 г.) или къ одной изъ предыдущихъ. Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ ; защита Оверни безъ Экдиція, по крайней мѣрѣ по нашему убѣжденію, дѣло слишкомъ загадочное. Прибытіе Экдиція въ осажденный городъ напоминаетъ подвиги средневѣковаго рацарства, гдѣ личная отвага совершала чудеса. По счастію на этотъ разъ письмо Сидонія не только передаетъ намъ всѣ подробности подвига, но и довольно хорошо изображаетъ радость жителей при видѣ любимаго вождя, такъ неожиданно явившагося среди нихъ. Мы думаемъ, что это же самое письмо можетъ нѣсколько показать, какъ велико должно было быть вліяніе Экдиція на воодушевленіе защитниковъ Оверни. Разскажемъ на основаніи отзывовъ очевидца, какъ было дѣло. Жители города собрались на полуразрушенныхъ стѣнахъ, когда разнеслась вѣсть, что на обширной равнинѣ, разстилавшейся у подножія горы, на которой построена крѣпость, происходитъ жаркая схватка. Люди всѣхъ сословій, пола и возрастовъ толпились на укрѣпленіяхъ, смотря на необыкновенное событіе, совершавшееся предъ ихъ глазами, и которому, какъ справедливо замѣтилъ клермонтскій епископъ, съ трудомъ можетъ повѣрить потомство. Съ 18 всадниками пробирался Экдицій къ осажденнымъ, когда увидѣлъ, что равнина между нимъ и городомъ занята многочисленнымъ непріятелемъ. Съ отчаянною рѣшимостью бросился Экдицій въ средину враговъ, чтобъ открыть себѣ оружіемъ путь въ Клермонъ. Готы были поражены неожиданностію и дерзостію нападенія. Имя Экдиція, раздававшееся среди сѣчи, еще болѣе увеличило ихъ ужасъ. Растерявшіеся вожди позабыли, какъ велики ихъ собственныя силы, не видали, какъ ничтожно число спутниковъ Экдиція. Въ паническомъ страхѣ спѣшили Вестготы отступить къ вершинѣ довольно утѣснстаго холма, чтобы тамъ подъ защитою мѣстности выдержать нападеніе. Только не многіе, увлеченные отвагой, остались назади и погибли подъ мечемъ галлоримскаго героя. Экдицій со своею дружиною остался одинъ на всей равнинѣ, гдѣ Готы не посмѣли держаться. Ни одинъ изъ его спутниковъ не палъ въ битвѣ и, спѣша воспользоваться временемъ, побѣдитель съ торжествомъ въѣхалъ въ ворота Клермона. «Здѣсь, продолжаетъ Сидоній, мнѣ легче вообразить, чѣмъ выразить словомъ, сколько привѣтствій, рукоплесканій, слезъ и радости встрѣтило твое безпрепятственное возвращеніе въ городъ. Надобно было видѣть атріи твоего обширнаго дома, наполненные зрителями твоего славнаго тріумфа. Подъ поцалуями однихъ изчезала пыль, тебя покрывавшая; другіе брали удила, покрытыя пѣной и кровью; третьи переворачивали конскія сѣдла, смоченныя пòтомъ; тѣ разстегивали завязки гибкихъ пластинокъ твоего шлема; эти занимались развязываніемъ узловъ на твоихъ поножахъ (ocreæ); одни считаютъ зубцы мечей, притупившихся въ сѣчѣ, другіе трепещущими пальцами измѣряютъ отверстія, проколотыя и прорубленныя на твоихъ латахъ. Здѣсь, хотя многіе съ радостными тѣлодвиженіями сжимали въ объятіяхъ твоихъ спутниковъ, но бòльшій порывъ народнаго ликованія обращался къ тебѣ, и несмотря на то, что тебя окружала безоружная толпа, ты и вооруженный не скоро бы изъ нея вырвался. Съ чрезвы-

чайною вѣжливостію ты выслушивалъ даже пошлости поздравителей и, стараясь освободиться отъ горячихъ объятій тѣснившей тебя толпы, ты былъ доведенъ до того, благодушный истолкователь любви народной, что долженъ былъ благодарить особенно тѣхъ, кто свободнѣе наносилъ тебѣ оскорбленія» (стр. 295—299).

Но честь послѣдней мужественной обороны Оверни принадлежитъ не одному Экдицію. Рядомъ съ нимъ надобно еще поставить имя другаго героя: этотъ *герой* — кто бы подумалъ? — былъ Аполлинарій Сидоній... Не-уже-ли возможно было такое быстрое и внезапное превращеніе? Авторъ увѣряетъ положительно: «Люди (говоритъ онъ), у которыхъ при другихъ обстоятельствахъ незамѣтно было и слѣдовъ римскаго патріотизма, являются передъ нами *съ характеромъ, достойнымъ старыхъ временъ римской доблести*. На первомъ планѣ сталъ епископъ Оверни, *прежній риторъ* временъ упадка, политическій дѣятель безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, теперь какъ-бы переродившійся подъ вліяніемъ новаго своего положенія. *Трудно узнать Сидонія* въ этомъ новомъ лицѣ, выступившемъ на сцену, и только *вкоренившееся риторство* еще обнаруживаетъ въ его письмахъ прежняго литератора» (стр. 288). Нѣсколько ниже авторъ дополняетъ характеристику своего импровизированнаго героя новыми, еще болѣе сильными чертами. «Клермонскій епископъ (говоритъ онъ о томъ же Сидоніи) во все время борьбы съ Эйрихомъ оказался достойнымъ вождемъ православнаго населенія и обнаружилъ не только замѣчательную дѣятельность, но и *небывалую въ немъ твердость ду ха*. Ге роическій порывъ какъ бы увлекъ и поднялъ его въ уровень съ совершившимися событіями... Можно бы подумать, что *какимъ-то чудомъ измѣнились самыя основанія его характера: такъ много энергіи и самоотверженія* выказалъ онъ въ этой борьбѣ забытой и оставленной всѣми провинціи съ самымъ могущественнымъ (?) изъ германскихъ народовъ, съ даровитымъ вождемъ, умѣвшимъ занять первое мѣсто между другими варварскими предводителями» и т. д. (стр. 294).

Нельзя не быть поражену, вмѣстѣ съ авторомъ, необыкновеннымъ контрастомъ двухъ столько непохожихъ одинъ на другаго человѣкъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Чтò, въ-самомъ-дѣлѣ, общаго между прежнимъ риторомъ, человѣкомъ безъ опредѣленнаго направленія, безъ воли и убѣжденій, который лишь своимъ искательствамъ и неумѣренной лести обязанъ былъ своимъ довольно-виднымъ положеніемъ, и мужественнымъ защитникомъ страны, дѣйствующимъ для ея блага съ такою энергіею и самоотверженіемъ и съ такою твердостью духа, что дѣла его напоминаютъ историку времена старой римской доблести? Откуда вдругъ возьмется въ человѣкѣ прежде вовсе-*н бывалая* въ немъ твердост духа? Не-уже-ли она изъ ничего прививается обстоятельствами? Отку да вдругъ и героизмъ, и энергія воли, и способность къ самоотверь женію въ томъ самомъ лицѣ, въ которомъ, казалось, всѣ душевны-

движенія попорчены фальшивымъ воспитаніемъ? Или надобно допустить, вмѣстѣ съ авторомъ, что «какимъ-то чудомъ» измѣнились самыя основанія характера Сидонія, или остается предположить, что подъ однимъ и тѣмъ же именемъ скрываются два совершенно-различныя лица?...

Ни то, ни другое: истина лежитъ въ среднемъ пространствѣ между двумя крайностями. Есть, по нашему мнѣнію, очень-простой способъ отъискать ее въ настоящемъ случаѣ: не возвышайте слишкомъ вашего героя въ одномъ случаѣ и не унижайте слишкомъ въ другомъ — и вы будете имѣть передъ собою истиннаго человѣка, безъ рѣзкаго контраста въ основныхъ чертахъ его характера. На нашъ взглядъ, именно оттого и произошла ошибка г. Ешевскаго, что онъ слишкомъ-рѣзко раздѣлилъ различные моменты въ жизни Сидонія, и, сдѣлавъ его въ одной главѣ отвѣтчикомъ за всѣ слабыя стороны, въ другой, можетъ-быть, слишкомъ уже поспѣшно выставилъ на видъ лишь одни его достоинства. Одинъ и тотъ же человѣкъ разложился на свою дурную и хорошую сторону. Читатель, котораго до-сихъ-поръ старались убѣдить въ неисправимости Сидонія, какъ ритора, плохо вѣритъ, чтобъ изъ него когда-нибудь могъ выйдти національный герой. Сомнительны кажутся всѣ подвиги мужества и самоотверженія, когда во всей предшествующей жизни дѣйствующаго лица имъ не дано ни малѣйшаго основанія. Внезапное перерожденіе записнаго ритора въ героя добродѣтели тѣмъ непонятнѣе, что, какъ доказываетъ нашъ авторъ, риторство осталось при Сидоніи и въ самую важную эпоху его жизни; стало-быть, перерожденіе не было такъ всецѣло и не произошло такъ мгновенно. Стало-быть, нѣкоторые недостатки Сидонія переходили вмѣстѣ съ нимъ изъ одного его положенія въ другое; а, можетъ-быть, также и его достоинства послѣдней эпохи не были совершенно-новыя?..

Гизо гдѣ-то говоритъ, что историческій человѣкъ не слагается вдругъ, но развивается постепенно. Взятый въ различные моменты своей жизни, онъ дѣйствительно можетъ показаться непохожимъ самъ на себя. Дѣло историка въ томъ и состоитъ, чтобъ показать послѣдовательность развитія и постепенность переходовъ. Знаменитый въ русской исторіографіи контрастъ Іоанна Грознаго съ самимъ собою можетъ казаться привлекательнымъ въ художественномъ отношеніи, но въ немъ нѣтъ исторической истины. Будущій историкъ, навѣрное, постарается стереть это слишкомъ-рѣзкое и потому само себя обличающее раздѣленіе и замѣнитъ его хотя, можетъ-быть, болѣе-прозаическою послѣдовательностью въ развитіи одного и того же характера, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Изображеніе Сидонія, сколько мы можемъ судить, пострадало главнымъ образомъ отъ того же невѣрнаго пріема. Чтобъ человѣкъ не былъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ самимъ-собою, чтобъ одни его дѣйствія не исключали совершенно другихъ, слѣдовало бы, вопервыхъ, по нашему мнѣнію, менѣе сильно налегать на

извѣстные его недостатки въ двухъ первыхъ главахъ сочиненія, а постараться лучше объяснить ихъ изъ обстоятельствъ самаго времени. Еслибъ авторъ не судилъ Сидонія въ первой половинѣ его дѣятельности съ одной исключительной точки зрѣнія, многія хорошія, хотя и неочень-блестящія, качества будущаго защитника Оверни тогда уже выступили бы наружу передъ читателемъ; по-крайней-мѣрѣ не остались бы вовсе въ тѣни. Тогда было бы больше замѣчено и поставлено на видъ другимъ, что Сидоній не былъ такимъ записнымъ риторомъ, какъ кажется съ перваго взгляда, и что панегирики больше вынуждаемы были у него силою обстоятельствъ, или боязнью компрометировать себя, чѣмъ низкою угодливостью, и часто доставались ему очень-дорого. Вовторыхъ, мы полагали бы, что въ изображеніи другой половины дѣятельности Сидонія были бы умѣстнѣе нѣсколько-болѣе скромныя краски. Въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь, кромѣ самого Сидонія, мы имѣемъ немного другихъ свидѣтелей его высокихъ подвиговъ при защитѣ Оверни. Отъ насъ далека мысль унижать его заслуги и отнимать принадлежащія ему достоинства, такъ точно, какъ не хотѣлось бы намъ слишкомъ преувеличивать его слабости и недостатки въ начальной дѣятельности. Но всему должна быть настоящая мѣра. По чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась Овернь при нападеніи на нее вестготовъ, Сидоній, безъ-сомнѣнія, показалъ себя выше, чѣмъ въ то время, когда опасность была гораздо-далѣе, и когда вообще такъ трудно было оріентироваться въ современной политикѣ; но эта разность не могла же быть такъ велика, что въ одномъ случаѣ Сидоній заслуживалъ бы только порицанія, а въ другомъ—лишь удивленія и удивленія. Было бы слишкомъ-утомительно для читателей, еслибъ мы въ этой же статьѣ хотѣли вновь пересмотрѣть всю дѣятельность Сидонія, пока онъ занималъ каѳедру въ Оверни; довольно будетъ сослаться на нашего же автора: пусть онъ самъ отвѣчаетъ за то, что въ его собственномъ изложеніи событій Экдицій вездѣ занимаетъ самое видное мѣсто и играетъ главную роль при защитѣ Оверни, почти совершенно закрывая своею доблестью скромныя достоинства епископа. Но этого мало. Подъ конецъ разсказа авторъ, уже нисколько не обинуясь, сознаетъ все превосходство Экдиція передъ Сидоніемъ и, слѣдовательно, самъ беретъ назадъ часть того, что̀ сказано было о немъ прежде. «Поступокъ Сидонія, о которомъ идетъ теперь рѣчь (говоритъ онъ, разсказывая пребываніе Сидонія въ изгнаніи послѣ завоеванія Оверни), служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что *главнымъ двигателемъ героическаго сопротивленія* Оверни противъ го̀товъ былъ Экдицій, своимъ присутствіемъ и личнымъ вліяніемъ *поддерживавшій слабую волю клермонскаго епископа*» (*). Вполнѣ соглашаемся съ этимъ мнѣніемъ;

(*) Апол. Сидоній, стр. 324.

но въ такомъ случаѣ, что же будетъ значить прежде-сказанная мысль, что во время борьбы Оверни съ готами *на первомъ планѣ* стоялъ епископъ Сидоній? Не будемъ также противорѣчить г. Ешевскому, когда онъ признаетъ въ клермонскомъ епископѣ слабость воли. Кого удивитъ эта черта въ Сидоніи, если на той же самой страницѣ авторъ еще положительнѣе говоритъ о немъ: *твердости воли, стойкости характера не было вовсе въ натурѣ клермонскаго епископа.* Но если такъ, то какъ же онъ могъ, говоря словами нашего автора, *обнаружить,* то-есть показать передъ другими твердость воли, которой въ немъ никогда не было?..

Пока Овернь напрягала свои послѣднія силы въ отчаянной борьбѣ съ варварами, имперія подписывала ея смертный приговоръ въ мирномъ трактатѣ съ Эйрихомъ вестготскимъ. Вся Южная Галлія подпала наконецъ варварскому владычеству. Лѣтъ черезъ десять потомъ исчезла послѣдняя тѣнь свободы отъ варваровъ и въ Сѣверной Галліи. Побѣда надъ Сіагріемъ раздвинула предѣлы франкскаго завоеванія до самой Лоары. Черезъ нея два стана варваровъ-завоевателей могли подавать другъ другу руку — если не на союзъ, то на непримиримую вражду между собою. Галльской народности въ цѣломъ ея составѣ не было болѣе и въ поминѣ; но она не исчезла совершенно, а только сошла съ авансцены и скрылась навремя подъ другимъ народнымъ началомъ, чтобъ, передѣлавъ его по-своему, впослѣдствіи снова выступить впередъ съ обновленными силами и съ новымъ именемъ. Начинавшееся въ Галліи литературное движеніе также было прервано, но опять не на долгій срокъ времени: скоро оно снова даетъ чувствовать себя среди полнаго преобладанія варваровъ, и въ упорной борьбѣ съ ихъ вліяніемъ мало-по-малу выработываетъ для себя постоянныя формы. Изъ остатковъ римскаго образованія и галльскихъ народныхъ элементовъ, прошедшихъ не безъ поврежденія длинный періодъ варварскаго владычества, образуется потомъ новая французская литература. Григорій Турскій съ одной стороны, и Жоанвиль съ Фроссаромъ съ другой, болѣе родни между собою, нежели какъ кажется съ перваго взгляда. Промежутокъ между ними служитъ только доказательствомъ необыкновенной живучести галльской народности. Съ паденіемъ Оверни кончилась политическая роль и ея защитниковъ. Экдицій потомъ вовсе исчезаетъ изъ исторіи. По предположенію нашего автора, впрочемъ, довольно-произвольному, этотъ «доблестный римлянинъ» (?) кончилъ свою жизнь гдѣ-нибудь въ тиши уединенія, въ подвигахъ христіанскаго благочестія. Что же касается до Сидонія, то онъ, по волѣ побѣдителя, сосланъ былъ на испанскую границу и тамъ содержимъ былъ подъ строгимъ присмотромъ, отъ котораго освободился только благодаря ходатайству министра Эйриха, Леона нарбоннскаго. Возвращеніе въ Овернь куплено было Сидоніемъ цѣною новаго панегирика, разумѣется, въ честь завоевателя провинціи, что, впрочемъ, стоило автору «тяжелаго усилія»

надъ самимъ-собою. Послѣдующая дѣятельность его исключительно посвящена была исполненію пастырскихъ обязанностей. Онъ умеръ въ 488 или 89 году, переживъ нѣсколькими годами своего преслѣдователя и самаго страшнаго врага своей родины.

Читатель можетъ видѣть теперь, въ какихъ пунктахъ мы расходимся съ авторомъ новой исторической монографіи. Сводя всѣ итоги, мы еще разъ должны отдать полную справедливость общей части сочиненія, изображающей судьбы Римской Имперіи и состоянія общества въ V вѣкѣ. Наша историческая литература дѣлаетъ въ ней истинное пріобрѣтеніе. Авторъ умѣлъ достигнуть рѣдкаго единства въ изображеніи одного изъ самыхъ многосложныхъ и запутанныхъ историческихъ дѣйствій. Основательное изученіе предмета соединилось здѣсь съ замѣчательнымъ талантомъ изложенія. Сравнительно-менѣе зрѣлою и обдуманною считаемъ мы другую часть сочиненія, которая касается собственно Сидонія и имѣетъ цѣлью разсказать его жизнь и оцѣнить дѣятельность какъ человѣка и писателя. Въ изображеніи его личности мы не находимъ той цѣлостности, какой въ-правѣ были ожидать отъ историческаго разсказа. Сидоній слишкомъ двоится въ нашихъ глазахъ. Разбивъ его жизнь на отдѣльные, какъ-бы вовсе-независимые одинъ отъ другаго моменты, авторъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ-поспѣшно дѣлаетъ свои заключенія о немъ, и потому бываетъ часто одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ. Недостаетъ послѣдовательности въ развитіи его характера подъ вліяніемъ обстоятельствъ: отчего онъ иногда не только не походитъ на себя, но и впадаетъ въ рѣзкое противорѣчіе самъ съ собою и заставляетъ противорѣчить себѣ своего историка. Намъ кажется, что. менѣе-рѣзко оттѣняя нѣкоторыя отдѣльныя стороны въ Сидоніи, можно было бы достигнуть бо̀льшаго единства въ его характеристикѣ. Настоящая мѣра исторической правды иногда вѣрнѣе достигается уменьшеніемъ свѣта, чѣмъ блескомъ и яркостью красокъ; поэтому умѣренный тонъ, который употребляютъ французскіе историки, говоря о Сидоніи, кажется намъ болѣе-подходящимъ къ истинѣ, нежели сильныя укоризны ему нашего автора, вскорѣ послѣ того смѣняющіяся самыми лестными отзывами для того же лица.

Несмотря на наше разногласіе съ г. Ешевскимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, мы смотримъ, однако, на трудъ его съ уваженіемъ и даже признательностью. Нечасто достается критикѣ имѣть дѣло съ такимъ умнымъ произведеніемъ. Можно расходиться съ авторомъ во мнѣніяхъ, но нельзя не признать, что литература пріобрѣтаетъ въ немъ писателя съ сердцемъ и широкимъ, образованнымъ взглядомъ на вещи. Соединеніе литературнаго образованія съ историческимъ намъ кажется особенно заслуживающимъ вниманія. Авторъ столько же хорошій критикъ, какъ и искусный повѣствователь. Книга его, между-прочимъ, можетъ служить образцомъ приложенія результатовъ литера-

турной критики прямо къ исторіи. Исчерпывая свой предметъ, то-есть избраннаго писателя, съ литературной точки зрѣнія, она въ то же время пользуется имъ, какъ историческимъ матеріаломъ, для возстановленія въ подлинныхъ чертахъ физіономіи цѣлаго вѣка. Если есть въ книгѣ нѣкоторыя неровности или небольшіе недосмотры въ частностяхъ, то ихъ легко будетъ исправить при другомъ, болѣе-отчетливомъ изданіи; но мы въ-правѣ ожидать отъ автора не поправленій только въ прежней работѣ, а новыхъ и еще болѣе-зрѣлыхъ плодовъ литературной дѣятельности.

IV.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя. Изданіе второе. *Москва. 1855. Въ 12-ю д. л. Томъ первый. Въ университетской тип.* Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. *Часть первая. XX стр. предисловія и 168 стр. текста. Часть вторая. VIII стр. предисловія и 236 стр. текста. — Томъ второй:* Миргородъ. *432 стр. — Томъ третій. Въ тип. В. Готье:* Повѣсти. *429 стр. — Томъ четвертый. Въ тип. А. Семена:* Комедіи, Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены. *588 стр.*

Вышедшее нынѣ изданіе сочиненій Н. В. Гоголя перепечатано, *безъ всякаго измѣненія* (говоритъ издатель, г. Н. Трушковскій) съ изданія 1842 года; оно начато было еще при жизни покойнаго автора, который самъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе и, при содѣйствіи г. Шевырева, ужь бо̀льшая половина была отпечатана, какъ внезапная его кончина разстроила все. Къ четыремъ томамъ своихъ сочиненій онъ предполагалъ присоединить еще пятый томъ, въ который должны были войдти: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» въ исправленномъ видѣ, и нѣкоторыя статьи изъ «Арабесокъ». Все же прочее думалъ онъ современемъ соединить въ отдѣльный томъ подъ названіемъ «Юношескихъ опытовъ». Но такъ-какъ покойнымъ авторомъ не было сдѣлано для этого никакихъ приготовленій, то г. Трушковскій ограничился изданіемъ этихъ четырехъ томовъ, обѣщаясь современемъ присоединить къ нимъ пятый томъ, въ который должны войдти и всѣ статьи, помѣщенныя въ «Арабескахъ» и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ ожиданіи исполненія этого обѣщанія, намъ вздумалось провѣрить нынѣшнее изданіе съ изданіемъ 1842 года, чтобъ видѣть, дѣйствительно ли оно сдѣлано *безъ всякаго измѣненія*. Повѣрка привела насъ къ отрицательному отвѣту. Мы сейчасъ представимъ на это доказательства, не прося извиненія у читателей за мелкія подробности, въ какія

мы принуждены будемъ при этомъ вдаться: мы увѣрены, что всякая строка такого писателя, какъ Гоголь, интересна. Возьмемъ, для сличенія, повѣсть «Тарасъ Бульба» и, указывая отмѣны новаго изданія отъ изданія 1842 года, позволимъ себѣ иногда ссылки и на первую редакцію этой повѣсти въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ «Миргородѣ» (Спб. 1835. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли).

Изд. 1842 г.	Изд. 1855 г.
Томъ II, стр. 57. Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ *уже* домой къ отцу.	Томъ II, стр. 47. ...пріѣхавшихъ домой къ отцу.
Стр. 59. Начали *садить* другъ другу тумаки...	Стр 49. ...*насаживать*...
Стр. 71. ...всыпать имъ въ ясли крупной и *первой* пшеницы...	Стр. 61. ...*лучшей*...
Стр. 73. ...въ этомъ сборищѣ *безжизненныхъ* рыцарей...	Стр. 61. ...*безжизненныхъ*...(*)
Стр. 73. ...и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица *и за каждый кусочекъ которыхъ*, за каждую каплю крови она отдала бы *все*.	Стр. 62 ...птица, *а* за каждую каплю крови ихъ она отдала бы *себя всю*.
Стр. 77. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только *стояли на землѣ* двѣ трубы *ихъ скромнаго* домика; *однѣ только* вершины *деревъ, деревъ*, по сучьямъ которымъ они лазили какъ бѣлки; *одинъ только дальній лугъ* еще стлался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю *исторію жизни*, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо *летѣвшую* черезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ *ножекъ*.	Стр. 65 ...назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только *видны были надъ землей* двѣ трубы *скромнаго ихъ* домика, *да* вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили какъ бѣлки; *еще стлался передъ нимъ тотъ лугъ*... ...исторію *своей* жизни... *перелетавшую* *ногъ*.
Стр. 88. Раздавшійся у дверей стукъ *пробудилъ въ ней испугъ*.	Стр. 75. Раздавшійся *въ это время* у дверей стукъ *испугалъ ее*.

(*) Странно, что издателю не пришло въ голову справиться съ изданіемъ 1835 года: тамъ онъ нашелъ бы эпитетъ, который гораздо-болѣе идетъ къ казакамъ — *безженнымъ* («Миргородъ», ч. I, стр. 74).

Стр. 89. И казаки, *прилегши нѣсколько* къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть ; одна только *быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.*	Стр. 76, И казаки, *принагнувшись* къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только *струя сжимаемой травы показывала слѣдъ ихъ быстраго бѣга.*
Стр. 91. Вся музыка, *наполнявшая день*, утихала.	Стр. 78. Вся музыка, *звучавшая днемъ*, утихала.
Стр. 92. Они слышали своимъ ухомъ..... весь ихъ трескъ , свистъ, *краканье*, все это *звучно* раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ *ночномъ* воздухѣ и *доходило до слуха гармоническимъ.*	Стр. 79. ...*стрекотанье* , все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и *убаюкивало дремлющій слухъ.*
Стр. 98. Толпа, *чѣмъ далѣе*, росла; къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенья, какъ *вся толпа* отдирала танецъ самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ, и который по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, *понесъ названіе казачка* (*).	Стр. 84. Толпа росла, къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенья, какъ *все отдирало* танецъ ... *названъ казачкомъ.*
Стр. 101. Онъ, можно сказать, плевалъ на *все* прошедшее *съ жаромъ фанатика,* предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, неимѣвшихъ ни родныхъ, ни угла.	Стр. 87. Онъ, можно сказать, плевалъ на *свое* прошедшее и *беззаботно* предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, *гулякъ*, неимѣвшихъ...
Стр. 126. *Колебнулась* вся толпа. Сначала *на мигъ* пронеслося по всему берегу молчаніе, подобное тому, *которое устанавливается* передъ свирѣпою бурею...	Стр. 109. *Всколебалась* вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе , подобное тому , *какъ бываетъ* передъ свирѣпою бурею...
Стр. 131. *Какъ собаку* повелю его присмыгнуть до обозу... и т. д.	Стр. 114. Какъ собаку *за шеяку* (?) повелю его присмыгнуть и т. д.

Мы могли бы продолжать до безконечности выписки этихъ отмѣнъ, какъ видите, не совсѣмъ-ничтожныхъ: это ужь не мелкія поправки явныхъ ошибокъ, а полное *исправленіе слога,* исправленіе, на какое имѣетъ право только авторъ. Если эти перемѣны (не вездѣ, впрочемъ, удачныя) принадлежатъ самому Гоголю—такъ и быть : все же издателю слѣдо-

(*) Въ изданіи 1835 г. эта картина еще полнѣе: «Толпа, чѣмъ далѣе, росла; къ танцующимъ приставали другіе, и *вся почти площадь покрылась присѣдающими Запорожцами.* Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа» и проч. («Миргородъ», ч. I, стр. 102).

вало сказать объ этомъ. Если же на это исправленіе слога посягнулъ— какой-нибудь «стоящій на стражѣ чистоты русскаго языка», то... лучше бы онъ не посягалъ на такое дѣло!...

Во всякомъ случаѣ, даже если и самъ Гоголь при жизни сдѣлалъ какія-нибудь перемѣны въ текстѣ во время печатанія, издатель обязанъ былъ напечатать ихъ въ видѣ варіантовъ.

Добросовѣстность требовала бы даже — особенно послѣ прекраснаго примѣра, какой подалъ всѣмъ г. Анненковъ своимъ изданіемъ Пушкина — добросовѣстность требовала бы, чтобъ, въ видѣ варіантовъ, приложены были въ концѣ книги первоначальныя редакціи, по-крайней-мѣрѣ, тѣхъ повѣстей, которыя Гоголь существенно измѣнилъ въ изданіи 1842 года. Къ такимъ произведеніямъ принадлежатъ: «Тарасъ Бульба», «Вій» и «Портретъ». Положимъ, что, издавая ихъ въ измѣненномъ видѣ, онъ какъ-будто отказывался отъ прежнихъ редакцій; но у Гоголя позднѣйшее исправленіе не всегда было усовершенствованіемъ... Положимъ, что инымъ, напримѣръ, нравится гомеризмъ, которымъ пропиталъ Гоголь впослѣдствіи своего Бульбу; но вѣдь есть же люди, которые больше любятъ этого Бульбу безъ всѣхъ этихъ разумныхъ рѣчей, произносимыхъ кошевыми передъ битвой, безъ этихъ подробностей о томъ, въ какое мѣсто раненъ какой-нибудь Вовтузенко, и куда прошло копье черезъ его тѣло, и на правый, или на лѣвый бокъ повалился онъ. Можетъ-быть, оно такъ и надобно при описаніи смерти какого-нибудь Патрокла, или Гектора... Да притомъ же подобныя описанія предполагаютъ и въ читателѣ, и въ авторѣ совершенно-эпическое спокойствіе, безъ примѣси всякаго драматизма. А въ какой мѣрѣ чистый эпосъ возможенъ въ наше время, даже въ разсказѣ — это еще вопросъ нерѣшенный.

Между-тѣмъ и другую занимательную сторону представили бы варіанты этихъ повѣстей: по нимъ можно бы слѣдить за творчествомъ Гоголя, видѣть, какъ онъ постепенно выяснялъ ту или другую картину, то или другое лицо.

Но, не говоря уже объ этихъ высшихъ требованіяхъ хорошаго изданія, для удовлетворенія которымъ нужно извѣстное знаніе дѣла, по-крайней-мѣрѣ хотя бы въ типографскомъ-то отношеніи настоящее изданіе было безукоризненно. А между-тѣмъ бумага довольно-сѣрая, шрифтъ несовсѣмъ-свѣжій и болѣе сжатый, чѣмъ въ прежнемъ изданіи—какъ хотите, не могутъ быть одобрены. Расходы печатанія были, вѣроятно, менѣе прежнихъ (потому-что, напр. одинъ второй томъ, по причинѣ сжатости шрифта, выгадалъ листа три печати), а цѣна назначена прежняя (7 р. с.); слѣдственно, можно было сдѣлать лучше.

И трудъ не пропалъ бы даромъ!

Сочиненія Н. В. Гоголя, *найденныя послѣ его смерти:* Мертвыя Души, *томъ второй (пять главъ) и* Авторская Испо-

ведь. *Москва. Въ университетской типографіи. 1855. Въ большую 8-ю д. л. XI стр. отъ издателя и 304 стр.*

Въ предисловіи своемъ издатель «напоминаетъ» читателямъ, что пять главъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» списаны съ черневыхъ, давнишнихъ тетрадей, нечаянньмъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженія. Но кѣмъ они списаны и съ чьего списка напечатаны—этого, къ-сожалѣнію, онъ не объясняетъ. Вмѣсто этихъ необходимыхъ объясненій, издатель занялся оплакиваніемъ сожженнаго втораго тома, возвеличеніемъ этого сожженія, какъ великаго подвига самоотверженія... Все это прекрасно; но жаль, что за этимъ лирическимъ изліяніемъ, описаніе рукописи и ея судебъ вышло совершенно-темно.

О значеніи второй части «Мертвыхъ Душъ», объ отношеніи ея къ другимъ произведеніямъ Гоголя, и т. п., говорить въ библіографической статьѣ не мѣсто. Мы надѣемся въ скоромъ времени посвятить этому вопросу особую статью.

Ученыя Записки *Императорской Академіи Наукъ по Первому и Третьему Отдѣленіямъ. Тома III-го выпуски 1, 2 и 3. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Академіи Наукъ.*

Императорская Академія Наукъ, при самомъ своемъ основаніи, заняла самое почетное мѣсто между всѣми высшими учеными обществами въ Европѣ, даже гораздо ея старѣйшими, каковы академіи берлинская, парижская и лондонская, изъ которыхъ послѣдняя обыкновенно называется Лондонскимъ Королевскимъ Обществомъ Наукъ. Иначе не могло быть, потому-что между членами ея блистали имена: Ломоносова, Лепехина, Крашенинникова, Котельникова, Озерецковскаго, Палласа, Лекселя, Румовскаго, Иноходцова, несчастнаго Ловица, Д. Бернулли, Н. Фуса, Крафта, Эпинуса, Шуберта, Френа, Шлёцера, и наконецъ, Леонгарда Эйлера, царя геометровъ бывшихъ и будущихъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ свѣта. Этотъ списокъ давноумершихъ академиковъ весьма-неполонъ; о живущихъ же и недавно-скончавшихся не позволяетъ говорить скромность: для тѣхъ и другихъ не настало еще потомство. Какое множество открытій во всѣхъ отрасляхъ наукъ, особенно физико-математическихъ, сдѣлано членами нашей Академіи! Не они ли опредѣлили точнѣйшее разстояніе между землею и солнцемъ и утвердили величину мѣры, употребляемой астрономами для измѣренія солнечной системы и всего міра? Не они ли положили твердыя основанія для изслѣдованія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ? Не Ломоносову ли обязана физика первымъ основнымъ объясненіемъ грозы? Не онъ ли первый указалъ на погруженіе верхнихъ слоевъ атмосферы въ нижніе, какъ на одно изъ важнѣйшихъ явленій метеорологіи? Не онъ ли первый писалъ о поднятіи горъ внутренними силами земли, и тѣмъ задолго предупредилъ Эли-де-Бомона, прославившагося тою же теоріею? Не Крашенинниковъ ли составилъ первое классическое

описаніе Камчатки? Не Лексель ли предсказывалъ возвращеніе кометъ? Не въ нашей ли Академіи Эйлеръ, прибывшій въ Санктпетербургъ еще въ цвѣтущей молодости, развилъ во всей полнотѣ свой чудный геній?... Но остановимся и смѣло скажемъ, что наша Академія ожидаетъ для себя историка, который, только обладая обширными знаніями и высокимъ описательнымъ искусствомъ, можетъ создать достойный ея памятникъ.

Императорская Академія съ самаго своего начала не переставала употреблять всѣ свои средства для выполненія и другой обязанности, возложенной на нее главными основаніями ея устава, начертанными великимъ преобразователемъ Россіи — обязанности распространять свѣтъ наукъ и полезныя знанія въ массѣ народа. Первымъ тому доказательствомъ можетъ служить «Обозрѣніе академическихъ календарей», напечатанное въ географическомъ сборникѣ покойнаго Фролова; этимъ обозрѣніемъ можно убѣдиться, что Академія помѣщала въ своихъ календаряхъ множество полезнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, астрономическихъ и физическихъ, написанныхъ общепонятнымъ языкомъ, который быстро изъ темнаго и дикаго превращался въ ясный, удопонятный и даже красивый и, что̀ всего замѣчательнѣе, пріобрѣталъ истинно-русскія формы, выходилъ изъ-подъ ярма латинскаго синтаксиса и удалялся отъ ораторской надутости современныхъ русскихъ писателей. Но не одними календарями Академія старалась пріучить публику къ полезному чтенію: она предпринимала общедоступныя изданія подъ разными названіями; но, къ-сожалѣнью, всѣ они не имѣли большихъ успѣховъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главною должно считать — малое число читателей, приготовленныхъ къ изданіямъ академическимъ, которыя не могутъ спускаться до ребяческой болтовни такъ-называемыхъ *популярныхъ* сочиненій, часто-появляющихся въ настоящее время подъ громкими заглавіями. Кажется, это число читателей, желающихъ чему-нибудь научиться, а не убивать время надъ пустѣйшими сказками и романами англійскихъ фабрикъ, и нынѣ немного увеличилось: намъ часто случалось видѣть неразрѣзанными тѣ страницы «Отечественныхъ Записокъ», на которыхъ помѣщены многія превосходныя историческія и критическія статьи. Но Академія обязана входить въ сношенія съ обществомъ, достойнымъ ея образомъ, даже съ ущербомъ своихъ матеріальныхъ выгодъ. Такъ всегда и поступала наша Академія, и только въ самой крайности прекращала свои общеполезныя изданія. Нельзя не удивляться, что той же участи подверглись и «Умозрительныя изслѣдованія», выходившія въ 1808—1819 годахъ, то-есть въ то время, когда уже въ Россіи были заведены университеты и гимназіи съ высшими классами. Эти «Умозрительныя изслѣдованія» наполнены превосходными математическими статьями Эйлера, Н. Фуса, Шуберта, Гурьева и Висковатова, которыхъ изученіе необходимо для всякаго преподавателя, желающаго выйдти изъ круга учебниковъ, и физическими — Петрова, Озерецков-

скаго и другихъ зоологовъ, ботаниковъ и химиковъ. Изъ последнихъ статей укажемъ на записку Озерецковскаго «О вершинѣ рѣки Волги». Она должна быть цѣликомъ внесена въ русскія географіи; а между-тѣмъ ни въ одной изъ нихъ не видимъ точнаго описанія начала рѣки, которую Озерецковскій, по справедливости, называетъ питательницею лучшихъ русскихъ провинцій и обѣихъ столицъ. Не можемъ воздержаться отъ небольшой выписки изъ этой любопытной записки:

«Поутру, іюля 10 (пишетъ Озерецковскій) отправился я въ деревню, *Волгою* называемую, которая лежитъ при самой вершинѣ Волги. «Въ деревнѣ нечаянно я встрѣтилъ пришедшую съ работы женщину, «которая проводила меня къ источнику Волги. Перешедши чрезъ маленькій мостикъ, лежащій на ручейкѣ Волги, надобно было поворотить вправо и идти по наметаннымъ пластникамъ до самаго колодца, «который пространствомъ сажени въ полторы. Сюда вбирается вода изъ «обширнаго болота, ельникомъ поросшаго, и въ семъ водовмѣстилищѣ, «которое жители *Іорданью* называютъ, вода кажется стоячею; однакожь она тихо пробирается ручейкомъ въ обширной буеракъ. Отъ источника ручей течетъ извилисто симъ глубокимъ буеракомъ; потомъ «принимаютъ его въ себя два небольшія озерка, *Верьхиты* называемыя, отъ которыхъ, обогатясь водою, втекаетъ въ озеро *Стержъ* или «*Стержа*, гдѣ примѣтно уже его стремленье, и вода его отъ озерной «отличается. При окончаніи озера, Волга съ правой стороны принимаетъ рѣчку *Руну*, вытекающую изъ озера *Истошни*; за устьемъ «Руны вскорѣ слѣдуетъ другое озеро *Вселукъ*, посрединѣ котораго находится островъ и на немъ Новосоловецкая пустыня, которую народъ «знаетъ подъ именемъ: *Дѣло Божіе*. Къ названію сему подалъ поводъ отставной солдатъ, который вздумалъ построить на пустомъ «островѣ церковь, и, не имѣя денегъ на уплату работникамъ, на требованія ихъ всегда отвѣчалъ: *Дѣло Божіе*, а между тѣмъ собиралъ «деньги отъ подателей и уплачивалъ работникамъ, которые терпѣливо «трудились надъ Дѣломъ Божіимъ и довершили церковь».

Нынѣ издаваемыя Академіею «Ученыя Записки», должно считать продолженіемъ ея «Умозрительныхъ изслѣдованій». Но какъ эти послѣднія содержали въ себѣ только труды академиковъ Перваго, или Физико-математическаго Отдѣленія, то были полезны для ограниченнаго круга читателей, и смѣло съ сожалѣніемъ можемъ сказать, что даже изъ этихъ читателей немногіе ими пользовались. Чтобъ избѣжать такой односторонности и привлечь больше читателей, Академія поступила весьма-основательно, присоединивъ къ физико-математическимъ запискамъ труды членовъ Третьяго или Историко-филологическаго Отдѣленія. Такимъ-образомъ «Ученыя Записки» сдѣлались доступными не для однихъ спеціалистовъ, но для всѣхъ любителей наставительнаго чтенія. Въ этомъ изданіи найдутъ они рѣшеніе многихъ важныхъ историческихъ и филологическихъ вопросовъ. Теперь оканчивается ужъ

третій томъ «Записокъ». Въ свое время мы увѣдомляли читателей о выходѣ отдѣленій перваго и втораго тома; въ предлагаемой же рецензіи хотимъ съ нѣкоторою подробностью обозрѣть первый, второй и третій выпуски третьяго тома и безпристрастно оцѣнить ихъ достоинство — по-крайней-мѣрѣ достоинство тѣхъ статей, которыя по нашимъ силамъ, потому-что для полнаго разбора разнообразнаго содержанія «Ученыхъ Записокъ» недостаточно одного рецензента, если онъ захочетъ добросовѣстно сознаться, что не владѣетъ всеобъемлющею ученостью. Дѣйствительно, одинъ только ученый оріенталистъ можетъ опредѣлить важность двухъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ третьяго тома, изъ которыхъ въ одной содержится критическій разборъ книгъ объ исторіи буддизма, хранящихся въ Библіотекѣ Казанскаго Университета (профессора Васильева), а въ другой (академика Шифнера) — краткая характеристика тушскаго (тушинскаго?) языка; не-оріенталистъ же можетъ только порадоваться, что между русскими учеными широко распространяется знаніе восточной исторіи и филологіи, и, безъ-сомнѣнія, недалеко то время, когда французскіе, англійскіе и нѣмецкіе оріенталисты не будутъ въ состояніи обходиться безъ трудовъ русскихъ ихъ сподвижниковъ, которые имѣютъ болѣе средствъ трудиться на поприщѣ столь обширномъ и наполненномъ многоразличными препятствіями. Благодаря русскому оружію и географическому положенію нашего отечества, русскіе оріенталисты почти-свободно могутъ входить въ сношеніе съ восточными племенами, изъ которыхъ многія поступили уже въ составъ имперіи. Нельзя ли предположить, что и знаменитый Френъ, оставаясь въ Германіи, не сдѣлалъ бы своихъ блестящихъ открытій?... Обращаемся къ другимъ статьямъ того же выпуска.

Мы знаемъ, что многіе равнодушны къ отчетамъ о демидовскихъ наградахъ. Такое равнодушіе крайне-несправедливо, вопервыхъ, потому, что отчеты ежегодно напоминаютъ объ истинно-патріотическомъ подвигѣ русскаго богача, и, вовторыхъ, потому, что изъ нихъ можно ясно видѣть направленіе русской науки. На конкурсъ 1853 г. явилось даже твореніе богословское — самое пріятное предзнаменованіе прекращенія раздѣльнаго существованія наукъ духовныхъ отъ общаго образованія, которое безъ первыхъ остается мертвымъ, какъ тѣло безъ живой души, и на оборотъ, духовно-нравственное ученіе, какъ наука, едва-ли не нуждается не только въ знаніяхъ историческихъ, но и въ физико-математическихъ, стремящихся опытомъ и вычисленіями открыть великія тайны творенія. Чѣмъ тѣснѣе будутъ связаны оба ученія, тѣмъ вѣрнѣе путь къ познанію природы. Въ тотъ же конкурсъ увѣнчаны важныя сочиненія г. Неволина «О новогородскихъ пятинахъ», г. Муральта о «Византійской хронографіи», и атласъ сѣверныхъ береговъ Америки г. Тебенькова. Однакожь, нельзя не пожалѣть, что Академія не могла наградить послѣдняго полною преміею, потому-что она не имѣла права

лишить такой же награды автора «Сѣвернаго Урала и теоріи движенія Нептуна». Наконецъ тотъ же конкурсъ замѣчателенъ еще практическими изобрѣтеніями г. Іохима по типографскому искусству и г. Зарубина по межеванію. Итакъ сочиненія и изобрѣтенія, представляемыя на демидовскій конкурсъ, указываютъ, что русская наука и русская промышленость идутъ впередъ и укрѣпляются, и мыслящіе читатели «Ученыхъ Записокъ», безъ-сомнѣнія, не пропустятъ «Общаго Отчета о демидовскихъ наградахъ за 1853 г.», искусно-составленнаго покойнымъ П. Н. Фусомъ, незабвеннымъ секретаремъ Академіи.

Въ статьѣ «О Рогвольдовомъ камнѣ» академика Кеппена, собраны извѣстія какъ объ этомъ, такъ и о другихъ двинскихъ камняхъ, почти съ одинаковыми надписями, имѣющими почти одинаковую форму: «Господи, помоги (такому-то) рабу». Эти извѣстія составляютъ задачи для археологовъ; не-археологъ же задумается надъ тѣмъ, какимъ образомъ многіе изъ этихъ камней, носящихъ на себѣ изображеніе креста, попали въ Двину, откуда вытаскивалъ и разрывалъ ихъ порохомъ смотритель судоходства, Дебональ. Безъ-сомнѣнія, въ то время, когда высѣкались кресты и надписи, камни находились на сушѣ, какъ до-сихъ-поръ остался камень рогвольдовъ; слѣдственно Двина между городами Дисною и Динабургомъ перемѣнила свое теченье — фактъ замѣчательный для геологовъ.

Въ «историческихъ матеріалахъ и разысканіяхъ» находятся двѣ статьи: одна небольшая, но чрезвычайно-любопытная, доставленная въ редакцію г. Савваитовымъ, и которая состоитъ въ письмѣ на Вологду отъ жителей этого города, бывшихъ съ княземъ Пожарскимъ подъ Москвою. Эти великодушные воители увѣдомляютъ своего архипастыря, Сильвестра, что они четыре дня и четыре ночи сражались съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, прорывавшимся въ Москву съ войскомъ и припасами. Богъ и московскіе чудотворцы помогли имъ отбить гетмана. Въ томъ же письмѣ воложане описываютъ постыдныя интриги кн. Григорья Шаховскаго и Ивана Шереметева. По наущенью послѣдняго убитъ казаками знаменитый Прокофій Ляпуновъ, и тотъ же «Шереметевъ съ товарищами «и у атомановъ и казаковъ умышляютъ, чтобъ Литва въ Москвѣ си«дѣла, а имъ бы по своему таборскому воровскому начинанью вся со«вершати и государство розоряти и православныхъ христіанъ побивати». Въ примѣчаніи къ этому письму, открывающему истиннаго виновника убійства Ляпунова, г. Савваитовъ говоритъ, что «изъ отписки архіепископа «Сильвестра видно, что въ концѣ сентября слѣдующаго (1612) года, поль«скіе и литовскіе люди, черкесы, казаки и русскіе воры напали на «Вологду и, взявъ городъ, выжгли его и посады до основанія; околь«ничаго и воеводу к. Григорья Борисовича Долгорукаго, дьяка Истому «Карташева и множество жителей убили; самого архіепископа Сильве«стра взяли въ плѣнъ, держали подъ стражею четверо сутокъ, нѣсколь«ко разъ приводили къ казни и едва жива отпустили; а окольничій

«к. И. И. Одоевскій, при непріятельскомъ нашествіи, убѣжалъ въ «Шуйскій городокъ. Отписка архіепископа Сильвестра оканчивается слѣ«дующими замѣчательными словами: *а все, господа, дѣлалось хмѣ«лемъ; пропили городъ Вологду воеводы»*.

Вторая статья содержитъ въ себѣ «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, извлеченные изъ актовъ за 1777 годъ». Неизвѣстный авторъ этого извлеченія сперва кратко упоминаетъ объ изданіяхъ, предпринимавшихся Академіею для распространенія наукъ въ Россіи и для гласности трудовъ своихъ членовъ, писанныхъ всегда на латинскомъ языкѣ, и потому доходившихъ до свѣдѣнія однихъ только спеціалистовъ; потомъ онъ переходитъ къ библіографическому обозрѣнію двухъ томовъ «Актовъ», относящихся къ 1777 г. Выборъ палъ на эти томы не потому, чтобъ содержащіяся въ нихъ разсужденія и изслѣдованія отличались какимъ-нибудь особеннымъ достоинствомъ, но потому, что въ упомянутый годъ Академія праздновала свое пятидесятилѣтіе торжественнымъ собраніемъ (23 іюня), которое удостоилъ своимъ посѣщеніемъ шведскій король Густавъ III, путешествовавшій подъ именемъ графа Готландскаго. Описаніе пріема царственнаго посѣтителя и рѣчь директора Академіи, г. Домашнева, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно-любопытная, помѣщены въ «Извлеченіи» вполнѣ; всякій можетъ прочитать ихъ безъ нашихъ выписокъ; мы только замѣтимъ, что въ этой довольно-обширной рѣчи ясно видно направленіе свѣтскаго образованія XVIII столѣтія, величаемаго *вѣкомъ философіи и человѣколюбія*, произведшихъ во Франціи неистовства революціи. Но въ томъ же собраніи знаменитый членъ Академіи, Палласъ, читалъ разсужденіе о горахъ Азіатской Россіи вмѣстѣ съ предположеніемъ о ихъ происхожденіи на всемъ земномъ шарѣ, и какъ въ «Извлеченіи» о содержаніи этой рѣчи упомянуто весьма-кратко, то мы остановимся на ней, потому-что она представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи геологіи. Рѣчь раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой предложенъ краткій, но полный и ясный очеркъ направленія и состава сибирскихъ горъ, начинающихся отъ Урала, и которыхъ сѣть оканчивается у Амура. Рекомендуемъ этотъ очеркъ и современнымъ географамъ, несмотря на то, что онъ былъ написанъ за семьдесять-восемь лѣтъ до нашего времени. Тутъ физіономія Сибири изображена съ необыкновенною точностью, которой не находимъ даже въ извѣстномъ обширномъ сочиненіи Гумбольдта: «Центральная Азія». Палласъ не быстро проѣхалъ по одной части обширнѣйшей страны, но нѣсколько лѣтъ осматривалъ всю ее, какъ говорится, вдоль и поперегъ. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, такой наблюдатель, какъ Палласъ, не могъ не узнать основательно предмета. Притомъ нельзя не удивляться прекрасному изложенію, сжатому, сильному и живописному. Что жь касается до второй части, которая тѣсно связана съ введеніемъ, то она уже устарѣла, потому-что подлежитъ тѣмъ же недостаткамъ, въ какихъ Пал-

лись укорять Бюффона въ этомъ введеніи. Нынче ни одинъ уже геологъ не думаетъ, что сибирскіе мамонты занесены сюда быстрымъ наводненіемъ, уцѣлѣли отъ его разрушительнаго дѣйствія и немедленно замерзли. Такое рѣшительное предположеніе ученаго Палласа тѣмъ удивительнѣе, что онъ самъ въ рѣчи своей нѣсколько разъ замѣтилъ, что измѣненія земной поверхности происходили отъ многихъ и различныхъ причинъ. Внимательный и знающій читатель найдетъ и другія противорѣчія въ ипотезѣ ученаго академика, сдѣлавшаго множество великихъ открытій въ своей наукѣ. Впрочемъ, такова участь всѣхъ ипотезъ, основанныхъ на частныхъ случаяхъ объясняемаго явленія: ихъ надобно измѣнять или совсѣмъ оставлять при новыхъ наблюденіяхъ.

«Извлеченіе» оканчивается полнымъ библіографическимъ исчисленіемъ всѣхъ разсужденій, помѣщенныхъ въ двухъ томахъ «Актовъ» на 1777 г. Исчисленіе полезное и желательно, чтобъ оно продолжалось вмѣстѣ съ «Учеными Записками».. Но оно имѣетъ ту слабую сторону, что въ немъ не оцѣнено достоинство разсужденій, которое, по нашему мнѣнію, должно состоять или въ распространеніи науки, или въ такомъ упрощеніи какой-нибудь ея части, что она дѣлается доступною не для однихъ только людей съ высшими способностями, но и для всѣхъ, желающихъ пріобрѣтать знанія. Однакожь, мы не думаемъ, чтобъ знанія могли быть пріобрѣтаемы совсѣмъ безъ труда; желаемъ только, чтобъ совершенствованіе науки по возможности облегчало работу и уничтожало въ пей затрудненія мнимыя, происходящія не отъ самаго предмета, но или отъ худаго изложенія, или отъ невѣрной точки зрѣнія. Особенно мы желаемъ, чтобъ ученые не истощались въ изслѣдованіяхъ безплодныхъ вопросовъ, которые требуютъ проницательности и остроумія, но которые навсегда останутся внѣ науки.

Второй выпускъ третьяго тома «Записокъ» начинается разсужденіемъ профессора Казанскаго Университета, А. Ѳ. Попова, «Объ интегрированіи уравненій, относящихся къ равновѣсію упругихъ и движенію текучихъ тѣлъ»—разсужденіемъ, доказывающимъ искусство автора въ преобразованіи аналитическихъ формулъ; но къ нему не приложено примѣровъ, взятыхъ изъ опытности. Такіе примѣры уяснили бы смыслъ формулъ, въ которыя входятъ члены, зависящіе отъ такъ-называемыхъ *молякулярныхъ силъ*, или, проще, отъ сцѣпленія частицъ, законы дѣйствія котораго почти неизвѣстны физикамъ. Поэтому можно опасаться, что подобныя формулы не выйдутъ изъ области чисто-теоретическихъ соображеній и надолго останутся безъ приложеній къ явленіямъ природы. Кажется, чтобъ помочь въ этомъ отношеніи геометрамъ, академикъ Купферъ, директоръ Главной Физической Обсерваторіи, предпринялъ обширные опыты надъ гнутіемъ и крученіемъ металлическихъ полосъ. Краткое описаніе снарядовъ, опытовъ и ихъ любопытныхъ результатовъ помѣщены въ «Отчетѣ Главной Физической Обсерваторіи», слѣдующемъ за разсужденіемъ г. Попова. Въ оригиналѣ этотъ отчетъ

писанъ на французскомъ языкѣ, въ «Ученыхъ же Запискахъ» онъ помѣщенъ въ переводѣ академика Перевощикова. До-сихъ-поръ академикъ Купферъ достигъ до точныхъ числовыхъ выраженій коэффиціентовъ упругости желтой мѣди литой, плющеной и кованой, чугуна, стали, серебра и золота — числа драгоцѣнныя для практическаго употребленія этихъ металловъ. Къ коэффиціентамъ упругости мѣди г. Купферъ присоединилъ коэффиціенты ея расширенія отъ тепла, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что расширеніе мѣди можно считать обратно-пропорціональнымъ ея удѣльному вѣсу—законъ, чрезвычайно-важный и для теоріи и для практики, и приводитъ къ вопросу: можно ли его распространить и на другіе металлы? *à priori* рѣшить этого нельзя, и потому надобно ожидать отвѣта отъ новыхъ опытовъ г. Купфера. Въ томъ же «Отчетѣ» помѣщено описаніе новаго алькогометра или волчка, основаннаго на точныхъ началахъ и способнаго опредѣлять цѣнность полугарнаго вина и спирта съ математическою строгостью. Второе отдѣленіе «Отчета» содержитъ въ себѣ метеорологическія и магнитныя наблюденія во многихъ мѣстахъ Россіи, начиная отъ Санктпетербурга до Ситхи; между послѣдними изъ этихъ наблюденій занимаютъ почетное мѣсто наблюденія г. Мейена, производимыя въ окрестностяхъ Москвы. Нельзя также не указать географамъ на высоты многихъ точекъ около Байкала, измѣренныя г. Меглицкимъ, и изъ которыхъ видно, что это озеро 71 футомъ выше Иркутска.

Третья статья втораго выпуска содержитъ въ себѣ «Наблюденія періодически-падающихъ звѣздъ на Виленской Обсерваторіи». Это матеріалъ, который, кажется, останется безъ употребленія. Также нельзя не замѣтить, что вся статья написана худымъ русскимъ языкомъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ и самое ея заглавіе, изъ котораго трудно рѣшить, къ наблюденіямъ ли, или къ звѣздамъ относятся слова «на Виленской Обсерваторіи». Статья принадлежитъ г. Гусеву, помощнику директора упомянутой обсерваторіи.

Наконецъ «историческіе матеріалы и разъисканія» втораго выпуска чрезвычайно-богаты и разнообразны. Стòитъ только назвать ихъ содержаніе, чтобъ обратить на нихъ вниманіе читателей. «Извѣстія объ изданіи источниковъ для каноническаго права греко-восточной церкви» сообщены г. Саввантовымъ, а всѣ прочія *восемь* статей, представляющія множество любопытныхъ замѣчаній о вновь-найденныхъ одахъ Ломоносова и касательно Фенелона, принадлежатъ академику Кунику, который открылъ и самыя до-сихъ-поръ неизвѣстныя оды и обогатилъ драгоцѣннымъ матеріаломъ исторію русской словесности.

Третій выпускъ начинается разсужденіемъ «Объ эллиптическомъ движеніи планетъ» академика Перевощикова. Предметъ ея неновый и былъ обработываемъ знаменитымъ покойнымъ Гаусомъ, о чемъ говоритъ и самъ авторъ въ своемъ предувѣдомленіи; но автору посчастливилось

предложить нѣсколько новыхъ формулъ; нѣкоторыя старыя формулы выведены новыми способами и замѣнены удобнѣйшими для вычисленій. Сверхъ-того, должно считать любопытными историческія замѣтки автора, доказывающія, что Гаусъ многія формулы заимствовалъ у трудолюбивѣйшаго французскаго астронома прошедшаго столѣтія, Лакеля, котораго краткая любопытная біографія помѣщена въ третьемъ томѣ «Біографій» Араго. Важнѣйшая же польза статьи г. Перевощикова, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что астрономы, особенно преподаватели астрономіи, имѣютъ теперь подъ руками полную теорію невозмущаемаго движенья планетъ, предложенную въ маломъ объемѣ, во всей полнотѣ и такимъ яснымъ и простымъ образомъ, что изученіе ея не можетъ быть затруднительно для всѣхъ, знакомыхъ съ элементами чистой математики, безъ которыхъ никогда нельзя приниматься за астрономію. Всѣ предложенныя формулы въ разсматриваемой нами статьѣ объяснены примѣрами, изъ которыхъ видно, какой точности результатовъ можно ожидать отъ вычисленія, и между которыми намъ кажутся особенно-полезными примѣры на труднѣйшія формулы Гауса, потому-что авторъ счелъ справедливымъ объяснить законность этихъ приблизительныхъ формулъ и показать, что нельзя сомнѣваться въ ихъ удовлетворительности, чего совсѣмъ невидно изъ анализа Гауса. Если кто-нибудь изъ читателей вздумаетъ сравнить разсужденіе г. Перевощикова съ книгой Гауса, которая, впрочемъ, становится уже рѣдкою, то смѣло можемъ сказать, что онъ увѣрится въ справедливости нашего о ней отзыва, къ которому прибавимъ, что въ концѣ статьи приложены два прибавленія, одно къ чл. 24, другое же къ чл. 22. Первое содержитъ въ ссбѣ новое доказательство одной формулы Лагранжа безъ помощи загадочныхъ символическихъ выраженій синусовъ и косинусовъ, которыхъ небезполезно было бы избѣгать во многихъ случаяхъ, когда можно обойдтись безъ нихъ. Второе прибавленіе заключаетъ въ себѣ любопытное вычисленіе массы земли относительно массы солнца, приведшее автора къ самому вѣроятному результату, который, впрочемъ, должно повѣрить наблюденіями надъ *вѣковыми возмущеніями* планетъ. Ка́къ было бы хорошо, еслибъ авторъ не отказался отъ этого несовсѣмъ-легкаго труда: еслибъ повѣрка удалась, то вмѣстѣ съ тѣмъ оправдалась бы и числовая величина длины маятника, выведенная авторомъ въ одномъ изъ прежнихъ его разсужденій по наблюденіямъ Біо, а за нею и фигура земли подъ парижскимъ меридіаномъ, оказывавшемся весьма-сходнымъ съ меридіаномъ индійскимъ. Наконецъ замѣтимъ, что въ этомъ «Прибавленіи» находится опечатка: на стр. 6 должно читать: 8, 6 — вмѣсто 8, 5.

За разсужденіемъ г. Перевощикова слѣдуетъ другая капитальная статья г. Веселовскаго: «Статистическія изслѣдованія о градобитіяхъ въ Россіи». Нѣтъ сомнѣнья, что данныя и вычисленія вѣрны, и потому изслѣдованія г. Веселовскаго должно считать трудомъ во всѣхъ

отношеніяхъ полезнымъ для занимающихся хозяйственною статистикою; но мы не можемъ не поспорить съ его замѣчаніемъ о теоріи града.

«Градъ составляетъ явленіе столько же загадочное для метеоро-«гіи, сколько важное для статистики... Происхожденіе града и до-«сихъ-поръ еще принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ задачъ «во всей метеорологіи, и до-сихъ-поръ оно еще останется загадкою, «хотя мы и имѣемъ нѣсколько теорій образованія града.»

Желательно, чтобъ авторъ объяснилъ съ надлежащею точностью, что онъ находитъ загадочнымъ въ происхожденіи града. Воздухъ всегда наполненъ парами, пары превращаются въ водяныя капли, капли замерзаютъ и падаютъ—вотъ и градъ. Когда скопятся тучи, расположенныя густыми слоями, висящими другъ надъ другомъ и раздѣленными иногда значительными разстояніями, тогда онѣ дѣлаются преградою для свободнаго распространенія лучеобразнаго тепла изъ земныхъ тѣлъ; это тепло, отражаясь отъ тучъ, производитъ удушливый жаръ, чувствуемый обыкновенно передъ грозою. Въ то же время надъ верхней стороной тучъ находится ясное небо; здѣсь нѣтъ препятствій для лучеобразнаго тепла, отдѣляющагося съ поверхности тучъ, которая потому не можетъ нагрѣваться въ той степени, какой надлежало бы ожидать отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Притомъ это дѣйствіе производитъ сильное испареніе въ пузырькахъ, изъ которыхъ бываютъ образованы тучи; быстрое же испареніе сопровождается сильнымъ охлажденіемъ; отъ совокупности этихъ двухъ охлаждающихъ причинъ, пары превращаются въ капли и замерзаютъ въ непрозрачныя льдинки, или въ ядра града. 1835 года августа 2-го, извѣстный геологъ Лекокъ, застигнутый грозою на Пюи-де-Домѣ, былъ свидѣтелемъ образованія града. Западный вѣтеръ наносилъ тонкія облака, проходившія въ близкомъ разстояніи надъ головой Лекока, но незакрывавшія солнца. Потомъ другія облака отдѣлились отъ Мондора и приближались къ нему, будучи гонимы сильнымъ южнымъ вѣтромъ. Такимъ образомъ составлялись два толстые слоя облаковъ, двигавшихся по двумъ различнымъ направленіямъ; шедшія съ юга находились на малой высотѣ и, соединяясь между собою, образовывали черную тучу, которая двигалась къ сѣверу весьма-медленно и выгибалась книзу; изъ этого выгиба вскорѣ полился потокъ воды на весьма-небольшое пространство; туча облегчилась и вѣтеръ унесъ ее за предѣлы горизонта. Такое явленіе возобновлялось нѣсколько разъ впродолженіе часа. Между-тѣмъ западный вѣтеръ нагналъ столько облаковъ, что они покрыли все небо. Подъ этотъ покровъ южный вѣтеръ приносилъ бѣлыя облака, которыя не составляли непрерывной массы, но въ видѣ клочьевъ двигались быстро съ разными скоростями и въ разныхъ между ними разстояніяхъ; по-временамъ извивалась между ними молнія; иногда казалось, что она занимала все пространство между Пюи-де-Домомъ и Мондоромъ, но ограничивалась только нижнимъ слоемъ тучъ, не проникая въ воздухъ, отдѣлявшій этотъ слой отъ верхняго. *На вершинѣ*

Пюи-де-Дома вѣтеръ усилился, сдѣлалось весьма-холодно и изъ нижнихъ облаковъ выпалъ градъ, въ разстояніи 50-ти метровъ отъ вершины горы. Градъ падалъ изъ облака, имѣвшаго зубчатые края, въ которыхъ видно было особеннаго рода волненіе; однѣ градины падали снизу, другія же сверху облака. Все явленіе продолжалось отъ пяти до шести минутъ. Лекокъ ожидалъ его повторенія; но вдругъ онъ былъ окруженъ сильнымъ блескомъ молніи; опасность заставила его спуститься на покатость Пюи-де-Дома. Состояніе неба почти не перемѣнялось; два слоя облаковъ еще существовали, *южный, весьма-холодный вѣтеръ дулъ сильно и пригналъ новое облако, обремененное градомъ.* Падавшія изъ него градины были мелки, не болѣе обыкновеннаго орѣха, и состояли изъ концентрическихъ, болѣе или менѣе прозрачныхъ слоевъ; *всѣ онѣ двигались горизонтально и съ большою скоростью.* Описаніе свое Лекокъ оканчиваетъ общими заключеніями: 1) Два слоя облаковъ и два различные вѣтра необходимы для образованія града. 2) Градины не переходятъ отъ одного облака къ другому, какъ предполагалъ Вольта; напротивъ, онѣ движутся горизонтально, будучи гонимы весьма-холоднымъ вѣтромъ. 3) Нѣтъ сомнѣнія, что причина града — холодъ; объемъ градинъ увеличивается отъ новаго охлажденія, производимаго испареніемъ съ ихъ поверхностей; самое же испареніе происходитъ отъ быстраго ихъ движенія.

Остается рѣшить еще одинъ вопросъ: градъ всегда сопровождается грозою; гроза есть явленіе электрическое, слѣдственно и градъ не можетъ образоваться безъ содѣйствія электричества? Такъ думалъ Вольта и всѣ его послѣдователи, слишкомъ-обобщавшіе дѣйствіе электричества, причисляя его къ основнымъ силамъ природы; но электричество не есть ли только особенное состояніе тѣлъ при извѣстныхъ условіяхъ? Эти условія не могутъ ли производить вмѣстѣ два рода явленій, изъ которыхъ одни называемъ *электрическими*, а другія — холодомъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ находимъ въ теоріи знаменитаго Ларива, которую можно изложить весьма-кратко слѣдующимъ образомъ: «Во всякомъ тѣлѣ обнаруживается электричество, какъ-скоро тепло распространяется въ немъ неравномѣрно. Это физическое положеніе не подлежитъ нынѣ никакому сомнѣнію. Итакъ, вообразимъ вертикальную колонну атмосфернаго воздуха, въ тихое и ясное время, когда ни вѣтеръ, ни облака не перемѣняютъ физическаго ея состоянія; въ этой колоннѣ температура уменьшается отъ основанія къ вершинѣ, находящейся на предѣлахъ атмосферы, гдѣ холодъ простирается, по-крайней-мѣрѣ, до — 50° стоградуснаго термометра. Такая большая разность температуръ на концахъ воздушной колонны увеличивается еще лѣтомъ и въ странахъ теплѣйшихъ, потому-что атмосфера нагрѣвается не прямыми солнечными лучами, не тепломъ земнымъ, которое, распространяясь отъ основанія вертикальной массы воздуха, должно возбуждать электричество, котораго сила увеличивается кверху, по при-

«чинѣ возростающихъ разностей между температурами. Это теоретическое соображеніе подтверждается наблюденіями, показывающими, что «въ тихое и ясное время атмосфера содержитъ электричество положительное, котораго напряженіе увеличивается кверху; электричество же «отрицательное, скопляющееся въ нижнихъ ея слояхъ, поглощается «землей. Когда часть воздуха, наполненная парами и приносимая вѣт«ромъ, начинаетъ уменьшать прозрачность воздушной колонны и обра«зовать облако, тогда состояніе ея электричества перемѣняется, пото«му-что облака раздѣляютъ ее на двѣ части, изъ которыхъ въ нижней «скопляется земное тепло, немогущее проникать въ верхнюю, слѣд«ственно эта послѣдняя охлаждается болѣе-и-болѣе, по мѣрѣ сгущенія «облаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что нижняя поверхность должна «пріобрѣтать высшую температуру, а верхняя — несравненно-низшую. «Отсюда происходитъ, что одна изъ нихъ электрическая отрицательно, «другая же — положительно». Итакъ, по теоріи Ларива, одна и та же причина производитъ два разныя дѣйствія въ одно и то же время: возбуждаетъ явленія, называемыя электрическими, и охлаждаетъ верхнія части атмосферы, преграждая къ нимъ доступъ земнаго тепла. Это охлажденіе увеличивается лучеобразнымъ истеченіемъ тепла изъ верхней стороны тучи и испареніемъ ея влажности, такъ-что оно проникаетъ даже внутрь массы облаковъ и дѣлается причиной холоднаго вѣтра, замѣченнаго Лекокомъ. Но какъ велика можетъ быть степень охлажденія? Если туча пріобрѣтаетъ такую густоту, что ни малѣйшая часть земнаго тепла не проходитъ на верхнюю ея сторону, то первоначальное тепло, содержавшееся вверху воздушной колонны до образованія тучи, дѣйствіемъ лучеобразности должно уничтожаться, и температура ея приближаться къ температурѣ на предѣлахъ атмосферы, то-есть къ — 50°; но такая крайность совсѣмъ ненужна для замерзанія водяныхъ капель, и градины могутъ образоваться вскорѣ по наступленіи грозы или вмѣстѣ съ грозою. Само-собою разумѣется, что величина ихъ зависитъ отъ степени охлажденія и отъ количества водяныхъ паровъ въ атмосферѣ. Этимъ замѣчаніемъ, кажется, можно объяснить тѣ необыкновенные случаи, когда, вмѣсто собственно града, падали большія льдины; но для полнаго объясненія этого явленія (если оно дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію) недостаетъ одного *даннаго:* точнаго опредѣленія количества влаги въ различныхъ частяхъ атмосферы. До-сихъ-поръ метеорологи не имѣютъ вполнѣ-надежнаго снаряда для опредѣленія этого количества, потому-что Реньйо показалъ, что и августовъ психрометръ подлежитъ многимъ погрѣшностямъ.

Намъ кажется, что предложеннаго здѣсь достаточно для убѣжденія г. Веселовскаго, что градъ не таинственное явленіе; по-крайней-мѣрѣ, мы имѣемъ право надѣяться, что авторъ прекрасной статьи о градобитіяхъ будетъ такъ снисходителенъ, что объяснитъ свои сомнѣнія о недостаткахъ теоріи града.

Третій выпускъ третьяго тома «Ученыхъ Записокъ» весьма-богатъ «историческими матеріалами и разъисканіями», потому-что въ немъ содержатся большія статьи: 1) «О трудахъ византиниста Муллаха»; 2) «Академикъ Френъ и его ученая дѣятельность», г. Дорна, и 3) «Объ обработкѣ византійской хронографіи». Въ послѣдней статьѣ читатели, безъ-сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе на три слѣдующія объясненныя положенія:

1) Церковно-славянскія рукописи могутъ вознаграждать потерянныя византійскія извѣстія.

2) Церковно-славянскіе переводы могутъ пояснять темныя и трудныя мѣста византійскихъ оригиналовъ.

3) Церковно-славянскіе переводы могутъ оказывать услуги и въ исправленіи испорченныхъ греческихъ текстовъ, и въ-особенности хронологическихъ данныхъ (*).

Послѣ этого, несовсѣмъ еще полнаго обозрѣнія (потому-что мы боялись выйдти изъ предѣловъ рецензіи) только трехъ выпусковъ одного тома «Ученыхъ Записокъ», кажется, уже нельзя сомнѣваться въ ихъ высокомъ достоинствѣ, въ ихъ разнообразіи, занимательности и пользѣ для обширнаго круга читателей, и потому, въ-заключеніе имѣемъ право желать, чтобъ этотъ превосходный сборникъ не залежался въ книжномъ магазинѣ Академіи и въ лавкахъ ея коммиссіонеровъ.

О времени происхожденія славянскихъ письменъ. *Сочиненіе* О. Бодянскаго. *Съ 19-ю снимками. Москва. Въ университетской типографіи. 1855. Въ 8-ю д. л. 381—CXV стр.*

Изъ жизни славянскихъ учителей, Кирилла и Меѳодія, г. Бодянскій выбралъ предметомъ своего разсужденія одно только обстоятельство, именно *изобрѣтеніе письменъ*, которое одними приписывается Кириллу, другими—обоимъ братьямъ вмѣстѣ. Но и это обстоятельство заключается авторомъ въ тѣсныя границы: изслѣдованіе его имѣетъ въ виду указать единственно *время событія*, рѣшить вопросъ: *когда* изобрѣтена славянская азбука? Ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, авторъ исключилъ всѣ другіе предметы, имѣющіе къ ней болѣе или менѣе близкое отношеніе: онъ не входитъ въ разсужденіе о томъ, были ль у славянъ какія-нибудь письмена до появленія кирилицы, въ какомъ отношеніи кирилица находится къ другой славянской азбукѣ—глаголицѣ, и какая связь обѣихъ азбукъ съ азбуками прочихъ индо-европейскихъ народовъ. Несмотря на предѣлы задачи, рѣзко и тѣсно поставленные, сочиненіе г. Бодянскаго занимаетъ почти пятьсотъ стра-

(*) Если только хронологи будутъ справляться не съ таблицами г. Хавскаго, но съ правилами, изложенными гг. Куникомъ и Перевощиковымъ во второмъ томѣ «Ученыхъ Записокъ» и въ «Мѣсяцесловѣ» на текущій годъ.

ницъ. Уже по одному этому можно судить, что авторъ серьёзно и тщательно осмотрѣлъ свой предметъ.

Какъ же рѣшаетъ онъ предложенный вопросъ? Путь его изслѣдованія очень-простъ: сначала разбираетъ онъ источники, содержащіе въ себѣ извѣстія объ изобрѣтеніи кирилловской азбуки, потомъ сортируетъ ихъ по вѣку рукописей и по содержанію, и дѣлаетъ выводы о лицѣ ея составителя и о мѣстѣ составленія; далѣе излагаетъ исторію вопроса — мнѣнія различныхъ ученыхъ о времени появленія кирилицы; наконецъ представляетъ, какъ результатъ окончательный, собственное рѣшеніе вопроса.

Источники или свидѣтельства о письменахъ, изобрѣтенныхъ Кирилломъ, г. Бодянскій раздѣляетъ на источники собственно и пособія. Первые — трехъ родовъ: греческіе, западные и отечественные; вторые—двухъ: прологи и лѣтописи разныхъ редакцій—болгарской, сербской и русской. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ нѣтъ ни одного въ строгомъ смыслѣ современнаго, то-есть такого, которое дошло бы до насъ, если не въ подлинникѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, въ спискѣ того вѣка, когда явился подлинникъ. Древнѣйшее принадлежитъ посланіямъ папы Іоанна VIII-го, жившаго въ IX-мъ вѣкѣ, но они сохранились въ рукописи, писанной во второй половинѣ XI-го. По содержанію своему, свидѣтельства, разсмотрѣнныя авторомъ (въ числѣ двадцати-двухъ), дѣлятся на четыре разряда: одни относятся почти къ одному вѣку съ событіемъ, то-есть къ IX-му, другіе къ X-му, третьи къ XI-му, четвертые къ XII-му. Свидѣтельства перваго разряда, написанныя на церковно-славянскомъ языкѣ, суть такъ-называемыя Паннонскія Житія, составленныя немедленно, по смерти Меѳодія, однимъ изъ учениковъ его; Похвалы Кириллу и Меѳодію; Сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, папы римскаго; на латинскомъ: Исторія обращенія хорутанцевъ, сочиненная неизвѣстнымъ зальцбургцемъ, современникомъ Кириллу и Меѳодію; Посланія папы Іоанна VIII-го; Жизнь Кирилла и Меѳодія, приписываемая Гавдерику. Свидѣтельства втораго разряда, на церковно-славянскомъ языкѣ: Житіе Климента, составленное ученикомъ его; Показаніе пролога Іоанна, экзарха болгарскаго, къ Богословію Дамаскина; Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ; Житіе Вячеслава; на латинскомъ: Житіе Вячеслава, составленное по повелѣнію императора Оттона II-го; Житіе бабки его, Людмилы. Свидѣтельства XI-го вѣка: Службы Кириллу и Меѳодію, нѣкоторыя житія въ прологахъ, Житіе св. Владиміра. Свидѣтельства XII-го вѣка: сказаніе Нестора въ его лѣтописи, Сазавскаго и Градиштскаго или Опатовицкаго монаховъ, Дуклянскаго Священника, Охридскаго Апостола.

Въ третьей главѣ, содержащей въ себѣ исторію вопроса, разсматриваются мнѣнія ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ, о времени изобрѣтенія кирилицы. Изъ русскихъ ученыхъ мы видимъ здѣсь Карамзина,

митрополита Евгенія, К. Калайдовича, Новицкаго, Максимовича, Шевырева, Макарія, епископа винницкаго, Филарета, епископа харьковскаго, Григоровича, Венелина, Срезневскаго; изъ иностранныхъ: Болландиста Геншена, Паджи, Ассемани, Добнера, Добровскаго, Шафарика, Палацкаго, Копитара, Гримма, Миклошича и др.

Четвертая глава, названная «Царьградъ», представляетъ рѣшеніе вопроса. Всѣ свидѣтельства о времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ, равно какъ и мнѣнія о свидѣтельствахъ, образуютъ два главные разряда: одни не опредѣляютъ точнаго времени, другіе назначаютъ извѣстное время. Отзывы, опредѣляющіе точное время, или условны, или безусловны. Условные назначаютъ только пору, но не самый годъ; безусловные указываютъ положительно годъ изобрѣтенія. Тѣ и другіе образуютъ, однако, кругъ времени довольно-значительный, начинающійся правленіемъ греческаго императора Михаила и оканчивающійся въ царствованіе Льва Мудраго. Есть показанія, переходящія за эти двѣ крайнія черты; но ихъ надобно отнести къ грубымъ ошибкамъ. Самое раннее назначеніе времени предлагаетъ черноризецъ Храбръ. «Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ (говоритъ онъ) совершилось *въ 855-мъ году*». Это назначеніе, по изслѣдованію г. Бодянскаго, противорѣчитъ какъ тогдашнему положенію дѣлъ въ славянскомъ и греческомъ мірѣ, такъ и собственнымъ словамъ Храбра. Разсмотрѣвъ подробно обстоятельства дѣла, оцѣнивъ различныя о немъ показанія, авторъ относитъ составленіе кирилловской азбуки *къ 862-му году*. Такимъ-образомъ начало ея совпадаетъ съ началомъ Русскаго Государства, и *черезъ семь лѣтъ совершится тысячелѣтіе* тому и другому событію.

Мы представили краткій обзоръ добросовѣстнаго, почтеннаго изслѣдованія г. Бодянскаго, чтобъ дать о немъ хотя поверхностное понятіе нашимъ читателямъ. Въ отдѣлѣ Критики, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», они встрѣтятъ подробный отчетъ объ этомъ ученомъ трудѣ извѣстнаго нашего филолога.

Премудрость и Благость Божія *въ судьбахъ міра и человѣка (О конечныхъ причинахъ). Изданіе книгопродавца* Ферапонтова. *Москва. 1855. Въ тип. В. Готье. Въ 8-ю д. л. 446 стр.*

Неизвѣстный авторъ этого сочиненія, неимѣющаго ни *предисловія*, ни даже *оглавленія*, нигдѣ не объясняетъ ни цѣли, ни основной задачи своего труда. Постараемся разгадать его мысль.

«Богъ, невидимый и непостижимый (говоритъ авторъ) открываетъ Себя человѣку въ дѣлахъ Своихъ: въ устройствѣ міра естественнаго, въ судьбахъ міра нравственнаго; но человѣкъ тогда понимаетъ сіе откровеніе, когда видитъ не внѣшнюю только сторону дѣлъ Божіихъ, но проникаетъ въ ихъ внутренній смыслъ и значеніе, въ намѣренія и цѣли Дѣйствую-

щаго. Для сего и данъ человѣку разумъ (стр. 1)... Но ограниченный разумъ (продолжаетъ сочинитель) не всегда можетъ проникнуть въ цѣли и намѣренія Промысла, и, останавливаясь только на видимости, или внѣшности, дѣлъ Божіихъ, естественно заблуждается и обманывается. Единственно вѣрная и надежная опора для него — слово Божіе... Правда, и въ самомъ Писаніи открыты не всѣ совѣты Божіи о мірѣ и человѣкѣ: полнѣйшее прозрѣніе въ сіи совѣты будетъ доступно человѣку только въ жизни будущей. Въ настоящей жизни открыто столько, сколько можетъ человѣкъ вмѣстить, и сколько нужно для цѣлей земной жизни, въ которой *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7). Но такая довременная сокровенность премудрости Божіей въ высочайшихъ тайнахъ своего промышленія не препятствуетъ благоговѣйно изучать совѣты ея, уже открытые Боговдохновеннымъ созерцателямъ» (стр. 9).

Изъ этихъ отрывковъ, составляющихъ существенное содержаніе начальной статьи разсматриваемой нами книги, легко увидѣть точку зрѣнія автора на избранный имъ предметъ, опредѣляемый самымъ заглавіемъ сочиненія. Дѣйствительно, въ этомъ сочиненіи сведены въ одно стройное цѣлое свидѣтельства боговдохновенныхъ созерцателей о намѣреніи и цѣли Творца въ устройствѣ міра естественнаго и въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Задача въ высшей степени интересная и важная по обилію результатовъ, къ которымъ можетъ привести строгое, окончательное ея рѣшеніе. Но подобнаго рѣшенія нельзя, конечно, ожидать отъ перваго дѣятеля, выступившаго на такое обширное поприще, взявшагося за трудъ, для котораго необходимо полное изученіе всѣхъ книгъ св. писанія и всѣхъ твореній св. отцевъ церкви. Неизвѣстный авторъ сочиненія «О конечныхъ причинахъ» сдѣлалъ много, даже недовершивъ дѣла имъ начатаго, ограничившись сводомъ нѣкоторыхъ только (впрочемъ, весьма-многочисленныхъ) текстовъ, относящихся къ его предмету. Сознавая, вѣроятно, неполноту и недоконченность своего труда, онъ очевидно съ намѣреніемъ не придалъ ему той строгой, ученой формы, которая почти необходима для подобнаго труда, но которая могла бы дать читателю поводъ считать эту неполноту и недоконченность обыкновеннымъ послѣдствіемъ несоразмѣрности задачи съ силами изслѣдователя. Мы говоримъ, что авторъ лишилъ свое сочиненіе ученой формы очевидно съ намѣреніемъ, потому-что форма писемъ, на которыя раздѣлена вся книга, состоитъ только въ замѣнѣ названія «глава» словомъ «письмо». Во всѣхъ семи «письмахъ» только одинъ разъ встрѣчается обращеніе къ неизвѣстному корреспонденту. Наконецъ, эти «письма», наперекоръ общепринятой формѣ писемъ и по образцу обыкновенныхъ «главъ», раздѣляются на части, изъ которыхъ каждая носитъ свое особое названіе: «Цѣли творенія», «Цѣль человѣка» и т. д...

Чтобъ точнѣе опредѣлить значеніе этого замѣчательнаго сочиненія, постараемся въ краткомъ извлеченіи, сохраняя повозможности самыя

выраженія автора, представить существенное содержаніе, по-крайней-мѣрѣ, одного изъ семи «писемъ».

Указавъ въ-началѣ на св. писаніе, какъ на единственный надежный источникъ для изученія путей Провидѣнія въ судьбахъ міра и человѣка, авторъ излагаетъ въ *первомъ письмѣ* свидѣтельства боговдохновенныхъ писателей о творческихъ идеяхъ Создателя вселенной. На основаніи этихъ свидѣтельствъ «Творецъ отъ вѣчности содержитъ въ умѣ Своемъ «мысль о мірѣ въ полномъ ея раскрытіи, такъ что все бытіе міра во «времени есть продолжающееся осуществленіе вѣчной и неизмѣнной «мысли Божіей» (стр. 10). Не могло быть тѣни несовершенства въ планѣ, созданномъ всесовершеннѣйшимъ умомъ; не могли вкрасться несовершенства и при осуществленіи божественнаго плана (стр. 12). Премудрость Творца въ устроеніи видимаго міра выражается «цѣлесообразностью» всего созданнаго, стройностью и согласіемъ въ смѣшеніи противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу стихій. «Въ мірозданіи «всему назначено свое мѣсто и время, опредѣленная мѣра, количество «и форма. Каждая молнія знаетъ свой указанный ей путь; каждое «облако несетъ опредѣленное количество воды, и идетъ по указанному «мѣсту, и одной капли воды нѣтъ лишней» (стр. 21). Устроеніе бездушныхъ вещей являетъ въ себѣ дѣло великой мудрости и попечительности Творца; но еще больше чудесъ зиждительной мудрости и еще больше многопопечительной любви явилъ Строитель міра при созиданіи тварей живыхъ и чувствующихъ. Предопредѣлено число ихъ, образъ и цѣль бытія каждой. Каждому роду тварей Зиждитель міра предназначилъ свое мѣсто на землѣ: звѣрямъ — лѣса, птицамъ — деревья, высокія горы сернамъ, каменные утесы кроликамъ. Домомъ дикаго осла сдѣлалъ онъ пустыню, и жилищемъ его — степь... Творецъ, предвидя, что подчиненные человѣку звѣри нѣкогда возстанутъ на своего падшаго владыку, разъединилъ ихъ и мѣстомъ жительства и временемъ дѣятельности, звѣрямъ отдалъ ночь, человѣку — день... Ядовитыхъ тварей онъ сокрылъ въ норахъ, повелѣлъ имъ постоянно скрываться отъ людей, показываться изрѣдка, и когда выходятъ изъ своихъ норъ — по повелѣнію его бѣгутъ при одномъ видѣ человѣка, какъ владыки (стр. 26—29). Чудные инстинкты животныхъ (продолжаетъ авторъ), изумляютъ своею цѣлесообразностью. Муравей, малѣйшее изъ насѣкомыхъ, по свидѣтельству Василія Великаго, «лѣтомъ собираетъ «себѣ пищу на зиму, и не проводитъ времени въ праздности, потому «что еще не наступили зимнія скорби, а напротивъ того, съ какимъ-«то неутомимъ тщаніемъ напрягаетъ себя къ работѣ, пока не вложитъ «въ свои сокровищницы достаточнаго количества пищи. Онъ разсѣкаетъ «своими клещами каждое зерно пополамъ, чтобъ оно не проросло и «не сдѣлалось негоднымъ для употребленія ему въ пищу. Также про-«сушиваетъ зерна, когда примѣтитъ, что они отсырѣли, и не во вся-«кое время разсыпаетъ ихъ, но когда предчувствуетъ, что воздухъ бу-

«детъ долго находиться въ вёдряномъ состояніи. Вѣрно, не увидишь «льющагося изъ облаковъ дождя во все то время, когда розсыпанъ за- «пасъ у муравьевъ». Въ вопросахъ, предлагаемыхъ Іову, Господь указуетъ ему высокую целесообразность свойствъ, данныхъ той или другой твари. Если бы бегемотъ былъ животное плотоядное и лютое, то, при своей огромности, онъ истреблялъ бы огромное количество животныхъ. Но онъ ѣстъ траву, какъ быкъ, и такъ кротокъ, что около него безбоязненно играютъ и пасутся самыя малыя и слабосильныя животныя. Малоплодный орелъ, по повелѣнію Творца, кладетъ свои яица на недоступной высотѣ; между-тѣмъ, какъ многоплодный строусъ оставляетъ свои яица въ пескѣ, не заботясь, что ихъ растопчетъ нога человѣка и раздавитъ дикій звѣрь; онъ даже забываетъ свое гнѣздо. У Іова приводится еще изумительный примѣръ Творческой попечительности о тваряхъ (39, 1, 2): «лани родятъ трудно, въ сильныхъ болѣзняхъ, но, по рожденіи находятъ нѣкоторую траву (serpentinum), которая тотчасъ утишаетъ ихъ боли. Творецъ опредѣлилъ число мѣсяцевъ плодоношенія ланямъ, и притомъ такъ, что беременность ихъ оканчивается въ то время, когда созрѣваетъ нужная имъ трава. Вообще, какъ бы ни была мала и ничтожна тварь, благость Божія не только не гнушается ею, но съ любовію заботится о ея жизни и нуждахъ» (стр. 29—38). Разъясняя премудрость и благость Божію въ человѣкѣ, авторъ излагаетъ мнѣнія церковныхъ писателей относительно цѣлесообразности въ устройствѣ организма и равновѣсія нравственныхъ силъ человѣка. Затѣмъ, изучая цѣли творенія, сочинитель, основываясь на богодохновенныхъ свидѣтеляхъ, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Земля создана, обильно наполнена, великолѣпно украшена въ жилище «человѣку. Она и всѣ живущія на ней твари отданы въ полную власть «и распоряженіе человѣка, назначены удовлетворять всѣ его тѣлесныя «нужды и потребности, доставлять ему различныя удовольствія и на- «слажденія. Наконецъ, поелику всѣ земныя твари въ своихъ красотахъ «и совершенствахъ носятъ слѣды совершенствъ Творческихъ: то при- «раженіе сихъ совершенствъ къ человѣческому духу раскрываетъ внут- «реннѣйшія силы его, и возводитъ къ благоговѣйному созерцанію Пер- «вообраза и Виновника всѣхъ видимыхъ красотъ и совершенствъ. Въ «этомъ состоитъ высшее служебное назначеніе земли и всѣхъ ея тва- «рей. Но обладаніе землею и наслажденіе благами не есть послѣдняя «цѣль человѣка: эта цѣль есть блаженное единеніе съ Богомъ въ вѣч- «ности. Послѣдняя же цѣль всего сотвореннаго есть слава Божія».

Таково существенное содержаніе перваго письма. Во второмъ и третьемъ письмахъ разсматривается вопросъ о причинахъ и значеніи зла въ мірѣ и грѣха въ людяхъ. Въ четвертомъ и пятомъ письмахъ объясняются пути, которыми вело Провидѣніе народъ имъ избранный и народы языческіе, въ постепенномъ приготовленіи человѣчества къ принятію божественнаго Искупителя. Въ шестомъ письмѣ приводятся свидѣтельства

св. писателей о значеніи таинства искупленія. Послѣднее, седьмое письмо разъясняетъ мысль о послѣднемъ днѣ міра, объ осуществленіи высшей цѣли творенія въ Царствѣ Славы.

Хотя авторъ собралъ далеко не всѣ тексты св. писанія, относящіеся къ вопросамъ, разсматриваемымъ въ его сочиненіи, но повторяемъ: окончательнаго выполненія столь обширной программы несправедливо было бы требовать отъ перваго опыта, и единственное средство избѣжать этой неполноты состояло въ сокращеніи самаго плана сочиненія. Изслѣдовать вполнѣ одинъ вопросъ, конечно, гораздо-полезнѣе, нежели возбудить и оставить недоконченными въ рѣшеніи нѣсколько вопросовъ. Свести и изложить въ общей системѣ *всѣ* тексты св. писанія относительно, напримѣръ, только устройство видимаго міра, гораздо-полезнѣе собранія *нѣсколькихъ* свидѣтельствъ св. писателей о судьбахъ вселенной и человѣчества. Но и этого замѣчанія мы не можемъ поставить въ упрекъ автору разсматриваемаго сочиненія, потому-что, не зная собственнаго мнѣнія его о цѣли его труда, мы можемъ ошибиться въ своихъ предположеніяхъ.

Изданіе книги великолѣпно; объ изложеніи же можно судить по приведеннымъ отрывкамъ.

Учрежденіе Юрьевскаго Общества *Сельскаго Хозяйства съ отчетомъ за 1854 годъ. Москва. 1855. Въ университетской тип. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Юрьевское Общество Сельскаго Хозяйства, учрежденное въ мартѣ «прошедшаго года, имѣетъ цѣлью (какъ сказано въ его *уставѣ*) улу«чшеніе всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, промышленности и быта «крестьянъ въ Юрьевскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ Владимір«ской губерніи, пользующихся одинаковыми хозяйственными условіями» (стр. 3). Средства Общества въ первый годъ его существованія были самыя ограниченныя—208 рублей каждогодныхъ взносовъ и 51 рубль пожертвованныхъ его членами; всего 259 рублей; изъ нихъ, на канцелярскіе расходы выдано 131 рубль и на изданіе дипломовъ и похвальныхъ листовъ 75 рублей. Въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ Общество разсматривало вопросы: объ устраненіи препятствій къ правильному развитію промышлености во Владимірской Губерніи; о почвахъ края; о разведеніи табака въ Юрьевскомъ Уѣздѣ; о хмѣлеводствѣ въ Суздальскомъ; о дубленіи холста; о движеніи хлѣбной торговли во Владимірской Губерніи и о другихъ мѣстныхъ интересахъ. Въ 1855 году Общество предположило заняться: 1) разузнаніемъ мѣстнаго климата, 2) почвы и растительности, 3) состоянія мѣстнаго сельскаго хозяйства со всѣми его отраслями, 4) сельскихъ хозяйственныхъ построекъ, техническихъ заведеній и крестьянской упряжи, 5) сельскихъ рукодѣлій и промысловъ, 6) торговли произведеніями, какъ сельскими, такъ ремесленными и фабричными, 7) наконецъ нравовъ и обычаетъ народа,

такъ-какъ они неоспоримо опредѣляютъ характеръ и направленіе дѣятельности народа. Эта программа занятій доказываетъ, что Общество стало на прямую, самую вѣрную дорогу, ведущую къ его прекрасной цѣли. Дѣйствительно, чтобъ быть полезнымъ ближнему въ какомъ бы то ни было отношеніи, надо прежде всего узнать его потребности, и никакое общество не въ-силахъ принести пользу края, не изучивъ предварительно существенныхъ интересовъ этого края, какъ не въ силахъ никакой врачъ облегчить страданія своего паціента до-тѣхъ-поръ, пока не опредѣлитъ характера и причинъ этихъ страданій. Бо́льшая часть неудачныхъ усилій нашихъ сельскихъ хозяевъ происходитъ именно отъ того, что они въ своихъ усиліяхъ извращаютъ значеніе сельско-хозяйственныхъ теорій: возбуждаютъ вопросы теоретическіе и забываютъ, что теорія можетъ только облегчить изученіе, показать въ истинномъ свѣтѣ тѣ жизненные мѣстные вопросы, которыми обусловливаются успѣхи, какъ сельско-хозяйственой, такъ и всякой другой промышлености. Если Юрьевское Общество не уклонится съ пути, на который такъ счастливо вступило въ своемъ началѣ, если оно будетъ употреблять свои скудныя средства, даже исключительно, на изученіе интересовъ края до-тѣхъ-поръ, пока не приведетъ ихъ въ совершенную ясность, и потомъ уже, изучивъ эти интересы, приступитъ къ изысканію средствъ для ихъ удовлетворенія, въ такомъ случаѣ можно ручаться, что это Общество вполнѣ оправдаетъ то сочувствіе, которое привлекло къ нему въ короткій періодъ его существованія болѣе ста сотрудниковъ.

Записки *Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 18⁵⁴/₅₅ годъ. Москва. 1855. Въ университетской тип. Въ 8-ю д. л. 312 стр.*

Кромѣ статей, относящихся до открытія Юрьевскаго Общества и до бывшей при этомъ открытіи выставки сельскихъ и городскихъ произведеній въ г. Юрьевѣ-Польскомъ, въ «Запискахъ» помѣщено нѣсколько сельско-хозяйственныхъ статей, имѣющихъ также интересъ чисто-мѣстный.

Послѣдовательныя усовершенствованія *ручнаго огнестрѣльнаго оружія со времени его введенія въ европейскихъ войскахъ понынѣ. Составилъ полковникъ* Константиновъ 1-й. *Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. И. Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 54 стр.*

Это — отдѣльно-отпечатанная статья «Морскаго Сборника» (1855 г. № 5), составленная по сочиненіямъ Мейера, Фаве́, Анкетиля и другихъ французскихъ и нѣмецкихъ военныхъ писателей. Прекрасные, многочисленные рисунки древняго и новаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія придаютъ еще болѣе интереса брошюрѣ г. Константинова, которая,

при современномъ настроеніи умовъ, несмотря на нѣкоторые недостатки слога, найдетъ себѣ читателей во всѣхъ слояхъ общества.

Сцены *изъ военной жизни Одессы.* Я. Псарева. *Одесса. 1855. Въ городской типографіи. Въ 8-ю д. л. 81 стр.*

Пять отдѣльныхъ статей: *Бомбардированіе Одессы, Грыцько и Англичане, Наша Агафья въ плѣну, Русскіе Спартанцы* и *Русская политика*, являющіеся теперь подъ общимъ заглавіемъ «Сценъ изъ военной жизни Одессы» были уже напечатаны и перепечатаны въ русскихъ газетахъ и журналахъ. Авторъ вновь перепечаталъ эти статьи въ великолѣпномъ изданіи.

Измѣритель. *Чрезвычайно простой, дешевый, удобно и разнообразно употребляемый инструментъ для разнаго рода измѣреній и вычисленій, предстоящихъ гг. лѣсничимъ, сельскимъ хозяевамъ, инженерамъ и лѣсопромышленникамъ. Сочиненіе* М. Р. Пресслера, *профессора математики при Королевской Саксонской Академіи Лѣсоводства и Сельскаго Хозяйства, въ Таранцѣ. Вольный переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Дмитріева. 1855. Въ 12-ю д. л. 103 стр.*

Возьмите квадратную картонку и на ней въ различныхъ столбцахъ напишите: 1) величины хордъ, соотвѣтствующихъ различнымъ угламъ при центрѣ окружности, которой радіусъ выраженъ числомъ 100; 2) діаметры отъ 1 до 24 дюймовъ и противъ нихъ объемы цилиндровъ, имѣющихъ эти діаметры при постоянной высотѣ во 100 футовъ. Потомъ верхнюю половину картонки разрѣжьте пополамъ и, подогнувъ одну половинку подъ другую, составьте коробку: двѣ стороны этой коробки будутъ стороны куба, которыхъ площади вчетверо менѣе площади всей картонки. Наконецъ вообразите, что изъ общаго угла обѣихъ сторонъ кубической коробки и на каждой изъ нихъ описаны четверти окружностей; къ нимъ внѣшнія ребра сторонъ будутъ касательныя; на этихъ касательныхъ выставьте числа, выражающія величины тангенсовъ угловъ, составляемыхъ отвѣсомъ со внутренними ребрами; самый же отвѣсъ прикрѣпляется къ общему углу сторонъ коробки. Вотъ снарядъ, названный авторомъ и вольнымъ переводчикомъ «измѣрителемъ» и предлагаемый ими для употребленія лѣсничихъ, сельскихъ хозяевъ, инженеровъ и лѣсопромышлениковъ.

Если инженеры, лѣсничіе, сельскіе хозяева и лѣсопромышленики знаютъ ариѳметику, геометрію и тригонометрію, и умѣютъ обходиться съ астролябіею, кольями, вѣхами и измѣрительной цѣпью, то они никогда не будутъ употреблять «измѣритель». Инженеры и лѣсничіе учатся или въ университетскихъ или въ спеціальныхъ училищахъ, и потому знаютъ упомянутыя науки и владѣютъ искусно геодезическими

снарядами; слѣдственно, они даже не взглянутъ на «измѣрителя». Къ этому же классу принадлежатъ и многіе русскіе сельскіе хозяева. Остаются одни лѣсопромышленики. Понадобится ли для нихъ «измѣритель»? Рѣшительно нѣтъ, потому-что нѣкоторые даже имена свои подписываютъ на контрактахъ и дѣловыхъ бумагахъ совершенными іероглифами: какъ же они поймутъ описаніе снаряда, наполненное математическими формулами? Еслибъ вольный переводчикъ исключилъ эти, для многихъ страшныя формулы и въ примѣрахъ избѣжалъ десятичныхъ дробей, то первая половина переведенной имъ книжки еще могла бы быть полезна для нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, потому-что въ этой половинѣ объясняются правила вычислять величины цилиндра, цѣлаго и усѣченнаго конуса, параллелепипеда, площади круга и ихъ приложенія къ опредѣленію объемовъ деревьевъ, вмѣстимости бочекъ и другихъ цилиндрическихъ и коническихъ сосудовъ, употребляемыхъ въ хозяйствѣ.

Но и послѣ такого очищенія нѣмецкаго оригинала, «измѣритель», по нашему мнѣнію, окажется недостаточнымъ, потому-что два столбца, въ которыхъ показаны діаметры цилиндровъ и ихъ объемы, основаны на предположеніи, что всѣ цилиндры имѣютъ постоянную длину во 100 футовъ; слѣдовательно, при употребленіи «измѣрителя», нельзя избѣжать перемноженія десятичныхъ дробей, необходимаго для рѣшенія вопроса: если, напримѣръ, объемъ цилиндра длиною во 100 футовъ есть 139,8 куб. футовъ, то какъ будетъ великъ цилиндръ, котораго длина содержитъ 16, $25^1/_2$ или 25,5, и пр. футовъ? Эти перемноженія еще болѣе умножаются, когда надобно опредѣлять объемы цилиндровъ, имѣющихъ діаметры болѣе 24 дюймовъ, далѣе которыхъ не простираются столбцы «измѣрителя». Тутъ ужь надобно хорошо знать ариѳметику, безъ которой нельзя рѣшить ни одного вопроса, и «измѣритель» не оказываетъ почти никакой помощи.

Статейку, подъ заглавіемъ «Исчисленіе растущихъ деревьевъ», считаемъ любопытною въ томъ отношеніи, что изъ нея можно видѣть, до какой утонченности доведено лѣсоводство въ Германіи. Въ этой статейкѣ дѣло идетъ о сравненіи древесныхъ стволовъ съ цилиндрами извѣстной величины посредствомъ вспомогательныхъ чиселъ, называемыхъ *видовыми* и опредѣляемыхъ посредствомъ опытовъ, для которыхъ надобно срубать деревья, отдѣлять отъ нихъ вѣтви и чрезъ то давать имъ видъ, приближающійся къ виду правильнаго цилиндра. Такія сравненія даютъ упомянутыя числа, измѣняющіяся по роду и виду деревьевъ; такъ-что *видовыя числа* для дуба, березы, бука и пр., имѣютъ различныя величины, которыя также означены на картонкѣ «измѣрителя». Но самъ нѣмецкій авторъ признается, что эти числа неточны; а мы прибавимъ, что употребленіе ихъ для незнающаго ариѳметики затруднительно. Притомъ спрашивается: для чего нужна такая утонченность? Для вѣрной оцѣнки или таксаціи лѣсовъ — отвѣчаетъ авторъ. Итакъ, чтобъ оцѣнить лѣсъ, въ Германіи вычисляютъ объемъ каждаго его де-

рева. Не-уже-ли и въ Россіи можно употреблять тотъ же способъ для оцѣнки лѣсовъ? Скажите это любому русскому лѣсопромышленику, и вы увидите, онъ подумаетъ, что вы смѣетесь надъ нимъ. Русскій торговецъ по одному взгляду, почти безъ ошибки, можетъ опредѣлить, сколько выйдетъ саженъ дровъ изъ покупаемой имъ рощи. На что жь ему «измѣритель»?

Мы думаемъ, что вообще иностранныя практически-хозяйственныя сочиненія должны быть переводимы *вольно*, то-есть, надобно выбирать изъ нихъ только то, что̀ можно примѣнить къ хозяйству русскому. Башмакъ пигмея не годится для гиганта.

Вторая половина разсматриваемой нами книжки содержитъ въ себѣ нѣкоторые геодезическіе вопросы; но ихъ можно найдти во всякой практической геометріи, и объясняются они во всѣхъ русскихъ училищахъ безъ помощи тригонометріи. Нѣмецкій авторъ употребляетъ эту высшую часть геометріи по той причинѣ, что на его картонкѣ находятся столбцы чиселъ, выражающихъ величины хордъ, которыхъ половины суть синусы соотвѣтствующихъ угловъ. Инженеры и лѣсничіе совершенно знакомы съ этими вопросами, а лѣсопромышленики не имѣютъ въ нихъ никакой надобности.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ употребленіи «измѣрителя», согнутаго въ кубическую коробку. Нѣмецкій авторъ думаетъ, а переводчикъ вѣритъ, что, посредствомъ квадратной стороны этой коробки, которой ребро не болѣе полутора вершка, и посредствомъ маленькаго отвѣса, состоящаго изъ короткаго шнурка съ мѣдною бляшкою, величиной въ полушку, можно съ точностью измѣрять вертикальные углы, необходимые для вычисленія высоты деревьевъ и даже горъ. На астрономическихъ обсерваторіяхъ употреблялись прежде огромные *стѣнные квадранты*, на которыхъ такъ-называемая *колимаціонная точка* назначалась также отвѣсомъ, съ тяжелой гирькой и съ весьма-длиннымъ снуркомъ; но и этими снарядами большихъ размѣровъ, съ весьма-точными дѣленіями, и прикрѣпляемыми къ кирпичнымъ стѣнамъ, астрономы всегда были недовольны, потому-что отвѣсы всегда колебались отъ самаго легкаго движенія воздуха и никогда съ желаемой точностью не показывали колимаціонной точки. Какъ же можно надѣяться измѣрять уголъ съ какою-нибудь точностью, направляя то или другое ребро маленькой кубической коробки на вершину вѣтвистаго дерева или на отдаленную мишень, воткнутую на вершинѣ горы, когда эта коробка такъ легка, что почти неощутительна для руки, когда ея ребро не болѣе полутора вершка, и когда отвѣсъ находится въ безпрестанномъ колебаніи? Сверхъ-того, направляя ребро коробки на ту или другую цѣль, надобно ея стороны удерживать въ вертикальномъ положеніи и дожидаться того мгновенья, въ которое отвѣсъ перестанетъ колебаться. Чтобъ выполнить эти практически-трудныя условія, авторъ совѣтуетъ придерживать отвѣсъ пальцемъ, или сдѣлать неровности на нижнемъ

ребрѣ коробки, то-есть, совѣтуетъ сообщать отвѣсу неестественное направленіе. Какъ угодно автору и переводчику, а мы никогда не повѣримъ, да и другимъ не посовѣтуемъ вѣрить, чтобъ «измѣрителемъ» можно опредѣлить уголъ съ точностью до четверти градуса. Надобно пріобрѣсти необыкновенный навыкъ въ уставкѣ коробки и въ задержаніи пальцевъ отвѣса, чтобъ достигнуть этой точности. Станутъ ли инженеръ и лѣсничій употреблять трудъ и время для ненадежнаго снаряда, когда въ ихъ рукахъ снаряды совершенно-надежные относительно точности и, безъ-сомнѣнія, попрочнѣе картонной коробки? Ныньче ужь астролябія выходитъ изъ употребленія и замѣняется теодолидомъ, и потому спрашиваемъ: прилично ли рекомендовать совершенную игрушку при настоящихъ успѣхахъ землемѣрія? По нашему мнѣнію, лучше совсѣмъ не мѣрять, нежели мѣрять ошибочно, и по ошибочнымъ даннымъ производить вычисленія для серьёзнаго употребленія.

Такимъ-образомъ приходимъ къ общему заключенію: сочиненье Пресслера могло бы спокойно оставаться безъ русскаго перевода, потому-что онъ не принесетъ пользы ни одному русскому человѣку. Худое понятіе имѣлъ переводчикъ о нашихъ инженерахъ и лѣсничихъ, когда думалъ, что услужитъ имъ переводомъ ничтожной нѣмецкой брошюрки!

Начальное Ученіе Всеобщей Исторіи. *Санктпетербургъ. 1855. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. X и 285 стр.*

Авторъ этой книги, лѣтъ десять назадъ, издалъ переводъ извѣстнаго нѣмецкаго учебника Фольгера, подъ заглавіемъ: *Руководство къ первоначальному изученію Всеобщей Исторіи.* Въ предисловіи къ «Начальному Ученію» онъ говоритъ, что собственнымъ опытомъ и указаніями многихъ нашихъ педагоговъ онъ убѣдился въ многообразныхъ недостаткахъ руководства Фольгера, и поэтому рѣшился не только исправить, но даже совершенно передѣлать свой переводъ. Разсматриваемое нами сочиненіе и есть измѣненное такимъ-образомъ «Руководство къ первоначальному изученію Всеобщей Исторіи», котораго, впрочемъ, почти нельзя узнать въ его новой формѣ: многое, чего не было въ немъ прежде, теперь прибавлено, и многое, чтò было въ немъ прежде, теперь исключено. Напримѣръ, въ древней исторіи, у Фольгера, совершенно опущенна исторія Индіи, исторія македонскихъ государствъ, въ средней нѣтъ почти совершенно исторіи Франціи, Англіи: все это находится теперь въ «Начальномъ Ученіи», въ которомъ, кромѣ-того, совершенно измѣнено изложеніе основанія Персидской Монархіи, исторіи Аѳинъ, основанія Рима, исторіи Россіи и Византійской Имперіи и м. д. Несоразмѣрно-пространное изложеніе у Фольера исторіи Германіи — въ «Начальномъ Ученіи» сокращено. Не уцѣлѣлъ при этой передѣлкѣ и самый методъ изложенія Фольгера, который, какъ извѣстно, начинаетъ свой курсъ вопросами: чтò

такое исторія? какая польза отъ обученія исторіи? какія вспомогательныя ея науки? какія методы изложенія исторіи? и т. п. Авторъ «Начальнаго Ученія» смотритъ на этотъ предметъ съ другой, болѣе вѣрной точки; онъ говоритъ:

«При начальномъ ученіи лучше всего слѣдовать самой *природѣ познанія*, къ которой такъ близокъ ученикъ по складу своего ума. При естественномъ познаваніи предметовъ, мы прежде видимъ предметъ, а потомъ составляемъ о немъ понятіе, т. е. дѣлаемъ его опредѣленіе. Рѣдко случается прежде узнать опредѣленіе предмета, а потомъ самый предметъ. Если при самомъ началѣ историческаго преподаванія ученику сказать, что Исторія есть наука, то едва ли его познанія подвинутся отъ того впередъ; слово опредѣляющее, для него не болѣе знакомо опредѣляемаго. Начинать съ подобныхъ опредѣленій науки, въ которыхъ рѣдко сходятся и самые ученые, начинать съ такъ называемыхъ схемъ, значитъ дѣлать насиліе уму ученика, и насиліе безполезное» (стр. V).

Эти Фольгеровскія схемы замѣнены въ «Начальномъ Ученіи» *Предварительными понятіями*, въ которыхъ исчисляются современные племена, народы и государства всѣхъ частей свѣта и древнѣйшія племена рода человѣческаго, объясняются различные образы правленія и быта народовъ, и излагается кроткій обзоръ содержанія исторіи и раздѣленія ея на древнюю, среднюю и новую. Наконецъ, отрывочнымъ разсказомъ Фольгера придана въ «Начальномъ Ученіи» та послѣдовательность, которая даетъ ему значеніе полнаго систематическаго руководства, удовлетворяющаго такимъ-образомъ цѣли автора — «быть полезнымъ особенно тѣмъ изъ учащихся, которые по своему положенію «и занятіямъ должны довольствоваться однимъ первоначальнымъ обученіемъ и въ ранней молодости запасаться историческими свѣдѣніями «на всю жизнь» (стр. IV). Слогъ этого учебника простъ и ясенъ. Басня вездѣ отдѣлена отъ исторической истины. Единственное замѣчаніе, которое мы позволяемъ себѣ сдѣлать противъ «Начальнаго Ученія Всеобщей Исторіи» относится къ излишней, по нашему мнѣнію, сжатости и краткости его изложенія. Элементарный курсъ всякой науки можно ограничивать количествомъ избираемыхъ для него фактовъ; но эти немногіе избранные факты слѣдуетъ излагать со всею полнотою и обстоятельностью. Умъ ребенка, непривычный къ научнымъ соображеніямъ, нелегко разгадываетъ полный смыслъ сжатой фразы, невсегда постигаетъ невыраженную словами связь явленій, поставленныхъ рядомъ. Въ самомъ прочномъ, ежедневномъ разговорѣ съ дѣтьми, мы обыкновенно прибѣгаемъ къ разнымъ оборотамъ и перифразамъ, длятого, чтобъ объяснить имъ мысль, которую человѣку развитому высказали бы въ двухъ-трехъ словахъ. Разскажите ребенку, или заставьте его одинъ разъ прочесть подробную исторію первыхъ русскихъ князей — и онъ легко усвоитъ себѣ тѣ факты, которые въ сжатомъ разсказѣ онъ можетъ только заучить по руководству слово-въ-слово и которые забу-

детъ совершенно, если хотя одно слово изъ этого разсказа изгладится случайно изъ его памяти. Такое заучиваніе едва-ли не сдѣлается необходимымъ для ребенка въ-отношеніи и къ тѣмъ параграфамъ «Начальнаго Ученія», въ которыхъ встрѣчается нѣсколько собственныхъ именъ лицъ, охарактеризованныхъ иногда одною легкою чертою, однимъ сжато-выраженнымъ фактомъ. Приводимъ, для примѣра, окончаніе параграфа объ *Основаніи Рима:*

«....Послѣ Ромула, Латинскаго царя и *Тація* Сабинскаго, Римомъ попеременно управляютъ цари обѣихъ колоній. Преданіе говоритъ, что послѣ Ромула царствовалъ Сабинянинъ *Нума Помпилій*, который получилъ законы отъ богини *Эгеріи* и установилъ обряды богослуженія. Преемникъ его *Туллъ Гостилій*, Латинянинъ, велъ кровопролитныя войны съ Албанцами и разрушилъ Альбу-Лонгу (около 650 г.). Съ этого времени Римъ дѣлается первымъ городомъ въ союзѣ латинскихъ городовъ. Туллу наслѣдовалъ племянникъ Нумы Сабинскаго, *Анкъ Марцій*, который расширилъ предѣлы римскихъ владѣній до устья р. Тибра, гдѣ онъ и заложилъ гавань *Остію*. При немъ же прибыла въ Римъ и третья колонія Этруская, подъ предводительствомъ Тарквинія, котораго жизнь, какъ и Ромула, украшена баснословіемъ; вѣрно одно, что Этруская колонія соединилась съ двумя предъидущими, и такимъ образомъ основаніе Рима было окончено около 600 г.»

Впрочемъ, такіе сжатые, но точные разсказы, само-собою разумѣется-долженъ дополнять учитель занимательнымъ изложеніемъ даже баснослов дыхъ сказаній, всегда интересныхъ для дитяти, а «Начальное Ученіе» дастъ ему для этого прекрасный матеріалъ и руководство.

Кромѣ *Алфавитнаго Указателя* именъ лицъ и названій важнѣйшихъ предметовъ, встрѣчающихся въ сочиненіи, къ учебнику присоединены довольно-подробныя *Синхронистическія Таблицы*, весьма-удобныя для повторенія уроковъ. Вообще авторъ «Начальнаго Ученія», очевидно, усердно заботился о практической пользѣ своего труда, и можно смѣло сказать, что трудъ этотъ во многихъ отношеніяхъ далеко опередилъ подобные предшествовавшіе ему труды.

Опытъ учебника русскаго языка, *при первоначальномъ образованіи, составленный* Иваномъ Соснецкимъ. *Москва. Въ университетской типографіи. 1855. Въ 8-ю д. л. 152 стр.*

Раскрывая это новое руководство къ изученію русскаго языка для русскихъ, мы думали найдти въ немъ одно изъ тѣхъ безчисленныхъ подражаній Вурсту, которыхъ такъ много расплодилось въ послѣднее время и въ которыхъ авторъ непремѣнно хочетъ навязать всѣмъ преподавателямъ, какъ единую истинную, ту методу, посредствомъ которой ему лично посчастливилось достигнуть хорошихъ результатовъ. Отдавая полную справедливость благородному побужденію, которое, по-крайней-мѣрѣ, предполагается источникомъ появленія подобныхъ руководствъ,

мы хотѣли-было серьёзно побесѣдовать съ читателями, въ какой мѣрѣ могутъ быть полезны для учениковъ такія книги, въ которыхъ на каждой страницѣ говорится, ка̀къ долженъ поступать учитель въ томъ или другомъ случаѣ. Но, перелистывая «Опытъ» г. Ивана Соснецкаго, мы нашли въ немъ, кромѣ притязанія на исключительную непогрѣшимость, столько недоразумѣній, что рѣшились ограничиться единственно указаніемъ этихъ недоразумѣній, въ предостереженіе тѣмъ, кто бы вздумалъ учить дѣтей по этой книжкѣ. Начнемъ по порядку.

На первой страницѣ насъ поражаетъ фраза, которой бы, вѣрно, г. Соснецкій не простилъ даже своему ученику: «Въ сравненіи съ другими *преподавателями*, при первоначальномъ образованіи, *всѣхъ труднѣе обязанность* учителя русскаго языка» (стр. 1). Вѣдь по этой фразѣ выходитъ, что *обязанность учителя русскаго языка труднѣе всѣхъ другихъ преподавателей!*... И, выразившись такимъ образомъ о трудностяхъ своей обязанности, г. Соснецкій объявляетъ (стр. 3-я), что «*многолѣтняя педагогическая дѣятельность* заставила его углубляться въ свойства отечественнаго языка!»

Предоставляя читателямъ рѣшить, до чего довело его это углубленіе, г. Соснецкій, *кажется* (сколько можно понять изъ его Предисловія), возъимѣлъ мысль написать такую «Р(р)усскую г(Г)рамматику)», въ которой бы не было сбивчивыхъ опредѣленій, по которой бы ученикъ научился говорить и писать *сознательно*. Кромѣ-того, онъ обѣщается предложить въ своемъ трудѣ кое-что̀ новое; по-крайней-мѣрѣ, та́къ, кажется, должно заключить изъ слѣдующихъ словъ его: «Если въ трудѣ моемъ найдется что̀-нибудь новое, или даже только упрощенное, а слѣдовательно полезное, я почту себя совершенно-счастливымъ».

Такимъ-образомъ, и намъ приходится разсмотрѣть этотъ трудъ съ двухъ сторонъ: со стороны сбивчивости и со стороны новости.

Что̀ касается до сбивчивости, то въ этомъ отношеніи курсъ г. Соснецкаго не оставляетъ ничего желать (какъ говорятъ русскіе французы). Напримѣръ, вы хотите узнать: что̀ такое предложеніе?

«*Мыслію* называется *все* (!) то, что мы думаемъ. — Всякое понятное словесное выраженіе мысли называется *рѣчью*. — Рѣчь иначе называется *предложеніемъ*» (стр. 5).

Стало-быть, рѣчь и предложеніе — одно и то же? Какимъ же образомъ, послѣ этого, объясните вы ученику вашему, что рѣчь состоитъ изъ предложеній?

Ка̀къ узнать подлежащее въ предложеніи? «Для отысканія главнаго предмета надобно всегда дѣлать вопросъ *кто?* — ***Примѣчаніе***. Тутъ можетъ встрѣтиться недоразумѣніе: почему мы для отысканія подлежащаго(,) должны всегда дѣлать вопросъ *кто?* хотя подлежащимъ будетъ и неодушевленный предметъ. *Это дѣлается для того, чтобы дитя не сбивалось:* по вопросу *что?* узнается другой членъ предложенія — дополненіе» (стр. 6). Итакъ, если ребенку прійдется

разбирать предложеніе: «фракъ распоролся по швамъ» или: «молоко прокисло», то вы и тутъ заставите его спрашивать: «*кто* прокисъ? *кто* распоролся по швамъ?»

Далѣе, чтò такое *дѣепричастія?* — «Слова, которыя *похожи на* «*нарѣчія* (!), т.-е. узнаются по вопросу *какъ?* но означаютъ дѣй-«ствіе, называются дѣепричастіями, напр. *пробившись* попусту часъ «цѣлый» (стр. 11). Вопервыхъ, едва-ли ребенку, при словахъ: «пошла и говоритъ», прійдетъ въ голову спросить: *какъ* она пошла? А если его и спросятъ: *какъ* пошла лисица? то, навѣрное, онъ не скажетъ: «пробившись попусту часъ цѣлый». Всякій ребенокъ чувствуетъ, что въ этихъ словахъ выражается не то, кàкъ пошла лисица, а послѣ чего она пошла.

Любопытно «Примѣчаніе» на стр. 11-й. «Ребенокъ (говоритъ г. «Соснецкій), еще не слишкомъ утвердившійся въ разборѣ, легко можетъ «смѣшать нарѣчіе съ предлогомъ, напр. книга лежитъ *возлѣ* стола, «здѣсь слово *возлѣ* онъ легко приметъ за *предлогъ,* между-тѣмъ какъ «это нарѣчіе» (sic). Ничего удивительнаго нѣтъ, если сметливый ребенокъ, по внутреннему чутью, скажетъ, что въ приведенномъ предложеніи слово *возлѣ* — предлогъ и, пожалуй, еще прибавитъ: «потому-что оно означаетъ связь между предметами, а не качество дѣйствія». Но удивительно то, кàкъ можетъ принимать здѣсь это слово за нарѣчіе человѣкъ, котораго «многолѣтняя педагогическая дѣятельность за-«ставляла углубляться въ свойства отечественнаго языка».

Впрочемъ, для г. Соснецкаго даже цѣлыя предложенія кажутся иногда нарѣчіями. У него и *дà,* и *нѣтъ* — нарѣчія (стр. 62)!

А вотъ какъ г. Соснецкій учитъ спрягать: отъ глагола *хочу* будущее время, по его мнѣнію, будетъ *захочу* (стр. 53), отъ глагола *ѣду* — *поѣду* (стр. 54), а въ повелительномъ наклоненіи: поѣзжай — поѣзжайте, пусть онъ ѣдетъ — пусть они ѣдутъ...

Перейдемъ къ правописанію. Вотъ, на выдержку, нѣсколько тѣхъ точныхъ, сознательныхъ правилъ, какія, въ своемъ Предисловіи, обѣщаетъ г. Соснецкій:

«Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляютъ безъ различія ту и другую букву (т. е. *б* и *п*): стол*б*ъ и стол*п*ъ, ара*б*ъ и ара*п*ъ. Но въ этомъ случаѣ правильнѣе писать букву *б*, *потому что* буква *п*, употреблялась преимущественно въ С(с)лавянскомъ языкѣ!

«Есть такія слова, которыя нашими первоначальными писателями изображаются различно: *здѣсь только опытъ* (?) *можетъ научить не ошибаться.* Вотъ эти слова: близъ — межъ — ужъ (!) (*) — точь-въ-точь — настежъ — жъ.»

(*) Не-уже-ли есть еще въ наше время *первоклассные писатели,* которые пишутъ *ужъ?* Или не разумѣетъ ли подъ ними г. Соснецкій учениковъ перваго класса?

Остается привести нѣсколько образчиковъ точности въ синтаксическихъ опредѣленіяхъ:

«При глаголахъ возвратныхъ, взаимныхъ и страдательныхъ дополненіе ставится въ творительномъ падежѣ, напр:

И, мѣсто высмотрѣвъ и время
улуча, *Орломъ* на Льва пустился,
И льву въ крестецъ *всѣмъ жаломъ* впился» (стр. 149).

Почему *орломъ* будетъ дополненіе, когда оно показываетъ, *какъ* пустился комаръ на льва? А орудіе (*жаломъ*) развѣ относится къ дополненіямъ?

«Творительный падежъ употребляется при означеніи времени, мѣста, *а также при названіи предмета, отличающагося какимъ-нибудь качествомъ*» (стр. 149).

Да развѣ есть предметъ, который бы не «отличался какимъ-нибудь качествомъ»? Стало-быть, при каждомъ названіи предмета надобно ставить творительный падежъ?...

Довольно! Ясно, до какой степени г. Иванъ Соснецкій «упростилъ опредѣляемыя правила и сообщилъ имъ характеръ всеобщности» (Предисловіе, стр. 2).

Но еще интереснѣе тѣ *новыя* открытія, которыми обязаны мы «многолѣтнему углубленію г. Соснецкаго въ свойства нашего отечественнаго языка». Мы вышли бы далеко изъ предѣловъ библіографической статьи, еслибъ захотѣли познакомить читателей со *всѣми* этими открытіями, и потому ограничимся нѣкоторыми, особенно-характеристическими.

Стр 19: «Есть такія слова, которыя имѣютъ *двоякое* множественное число, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ особенное значеніе. Вотъ эти слова: ...*Камень*. Отсюда — *камни* и *каменья*. *Камни* — всякіе, а *каменья* — драгоцѣнные. Поэтому мы должны говорить: дикіе *камни* необходимы для мостовой; драгоцѣнные *каменья* служатъ предметомъ роскоши.»

Стало-быть, когда жиды побивали каменьями преступниковъ, то они осыпали ихъ брильянтами?

Стр. 20: «*Колѣно*. Отсюда — *колѣни* и *колѣна*. *Колѣни* — у человѣка и у животныхъ; а *колѣна* или *колѣнцы* — у растенія, какъ напр. у тростника...»

Жаль, что учебникъ г. Ивана Соснецкаго не вышелъ годами двадцатью прежде. Тогда Пушкинъ не написалъ бы въ своемъ «Анжело»:

«Что если дѣвица, *колѣна* преклоня...»

Или, по-крайней-мѣрѣ, прибавилъ бы въ примѣчаніи, что читатель долженъ разумѣть здѣсь не тростниковыя колѣна, а человѣческія.

«Слово *ротъ* во множественномъ числѣ употребляется *только въ именительномъ* падежѣ, но чаще замѣняется словомъ: *уста*» (стр. 25).

Итакъ Гоголь ошибся, когда оставилъ Добчинскаго и Бобчинскаго «съ разинутыми ртами» (см. послѣднюю сцену «Ревизора»)? То ли бы дѣло, еслибъ онъ сказалъ: «у самаго края сцены, Добчинскій и Бобчинскій, съ разинутыми устами и выпученными другъ на друга очами»!

На стр. 69 читаемъ: «частицы *пере, мере, тере* и т. п. всегда пишутся буквою *е*».

Что̀ это за частицы—пере, мере, тере?—спро́сите вы, никакъ не предполагая, чтобъ онѣ находились въ словахъ: запереть, умереть, вытереть, приведенныхъ въ видѣ примѣра на эти *частицы*...

А думали ли вы когда-нибудь, что нашъ русскій снѣгъ—*иностранное слово?* Справьтесь на стр. 70-й.

А отчего происходитъ *ономпьдни?*—«Отъ славянскаго *ономпь* (sic)—*дни*» (стр. 73).

А отъ какого слова происходитъ *свадьба?* Вы думаете отъ *вадить* (повадить, повадиться)? Нѣтъ, гораздо проще: «отъ глагола *сводить*». (стр. 84).

Стр. 91: «Мнѣ кажется, правописаніе иностранныхъ словъ должно быть сохранено въ Р(р)усскомъ языкѣ: тѣмъ болѣе, что Р(р)усскій языкъ чрезвычайно богатъ разнообразными звуками. Слѣдов. *раппортъ*—два *п*: отъ французскаго: le rapport; *адрессъ* — два *с*: отъ французскаго: l'adresse.»

Стало-быть, надобно писать: *флоттъ* — два т: отъ французскаго: la flotte; *сосисська*—два с: отъ французскаго: saucisse.

Стр. 95: «Названіе народовъ, государствъ и проч. *писалось* большою буквою, но *теперь* (т. е. со времени выхода въ свѣтъ учебника г. Ивана Соснецкаго?) въ этихъ словахъ употребляются маленькія буквы, когда они принимаются въ смыслѣ нарицательномъ, напр. въ Россіи много *нпьмцевъ* (т. е. людей, принадлежащихъ къ нѣмцамъ).

Стр. 115: «Дополненіе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ; *не можетъ быть при подлежащемъ.*»

Стало-быть, нельзя сказать: «писать учебники — дѣло свѣдущихъ людей»? Или въ этомъ предложеніи «учебники» не будутъ составлять дополненія?

Стр. 134: «Мы пишемъ: въ продолженіе — *е* (винит. падежъ), и въ продолженіи — *и* (предложный падежъ). Если время извѣстно, то мы должны писать· *въ продолженіе*, напр.: мы тамъ жили въ продолженіе трехъ лѣтъ. Если же время неизвѣстно, то должно писать въ продолженіи, напр. это происходило въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.»

Но на этомъ мудромъ правилѣ можно и остановиться: видно уже достаточно, что г. Иванъ Соснецкій дѣйствительно «не щеголяетъ ученостью», на что онъ «долгомъ почиталъ обратить вниманіе господъ

критиковъ» въ своемъ Предисловіи. Это пренебреженіе всякаго щегольства оказывается и въ небрежности корректуры. Такъ одна глава его книги называется: «Употребленіе *занятій*», а идетъ въ ней рѣчь о запятой (стр. 122)...

Примѣры не отличаются изобрѣтательностью. Это, большею частью, фразы въ родѣ слѣдующихъ: онъ пошелъ туда; она сидитъ подъ деревомъ; ученикъ прилеженъ, и т. д.

Но особеннымъ юморомъ отличается примѣръ, приведенный на употребленіе звательнаго падежа (стр. 22): «*столъ!* зачѣмъ отодвинутъ ты?»

Такъ же хорошо можно бы привести на этотъ падежъ и такой примѣръ: «*Учебникъ!* зачѣмъ написанъ ты?» Но этотъ примѣръ—если бъ онъ пришелъ въ голову автору прежде напечатанія его книги—можетъ-быть, лишилъ бы насъ удовольствія любоваться открытіями г. Ивана Соснецкаго.

Стихотворенія Виктора Красницкаго. *Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1855. Въ 12-ю д. л. 21 стр.*

Всѣ одиннадцать стихотвореній принадлежатъ къ элегическимъ. Авторъ ихъ постоянно находится въ грустномъ расположеніи души: внимаетъ ли онъ полночному колоколу на ложѣ сна, гуляетъ ли въ уединеніи по лугамъ и рощамъ, слушаетъ ли божественные звуки гармоніи, или стукъ дождя въ окно, сидитъ ли на высокомъ балконѣ и куритъ сигару, обращается ли къ Діанѣ (не лунѣ, а собакѣ)—всегда и вездѣ тоска, скорбь, мука, безотрадное настоящее, невозвратное прошлое, мрачное будущее. Весною то же, чтò и лѣтомъ; осенью то же, чтò зимою. Круглый годъ вздохи, мрачныя думы, иногда слезы... Отчего произошло въ авторѣ такое элегическое, полубайроновское настроеніе—мы не знаемъ, равно-какъ не знаемъ и причины появленія его стихотвореній, написанныхъ довольно-гладкими стихами и напечатанныхъ опрятно. Понастоящему, надлежало бы ихъ тиснуть на туманной бумагѣ, слезами, и облечь въ траурную обертку, съ приличной виньеткой.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими, г. Хомякова. — Статистика градобитій въ Россіи, г. Егунова.

Статья г. Хомякова: *Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими*, помѣщенная въ третьемъ выпускѣ 4-го тома «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности», сверхъ многихъ любопытныхъ сближеній русскихъ словъ съ санскритскими, обращаетъ на себя вниманіе основною своею идеею — положить *разумныя* начала сравнительной этимологіи вообще и русской въ-особенности, постановить законы *здравой этимологической науки*.

Сближая реченіе *истый* съ окончаніемъ *ище* (напримѣръ въ словѣ *домище*), авторъ замѣчаетъ: «Вообще *разумная* этимологія еще недостаточно вникла въ безпрестанное чередованіе формъ глагольныхъ и существительныхъ и потому многаго еще разъяснить не умѣетъ» (ст. 396). Сравнивая *витязь* и *витъ* (въ окончаніи миѳическихъ именъ) съ санскритскимъ *вити* — блескъ, онъ присовокупляетъ: «Выводъ отъ *Виккингъ* не достоинъ *здравой* этимологической науки» (ст. 390).

Изъ этихъ словъ автора явствуетъ, что, несмотря на блистательные успѣхи современной лингвистики, она еще недостаточно опредѣлила свои *разумныя основанія*, что *здравая этимологическая наука* — еще задача, рѣшеніе которой предоставлено будущему. Авторъ не имѣлъ намѣренія подробно развить свои понятія объ этихъ основаніяхъ; онъ занялся преимущественно только фактами, то-есть сравненіемъ русскихъ словъ съ санскритскими, и самому читателю предоставилъ догадываться о тѣхъ разумныхъ основаніяхъ, которыя проведены по всей статьѣ. Но такъ-какъ разумныя основанія науки, и особенно столь успѣшно-воздѣлываемой, какъ лингвистика, составляютъ умственное достояніе не отдѣльнаго лица, но многихъ усердныхъ и даровитыхъ дѣятелей, которые успѣли уже весьма-обстоятельно высказать свои убѣжденія, то мы, основываясь на нѣкоторыхъ общепризнанныхъ законахъ науки, рѣшаемся коснуться тѣхъ основаній, на которыя г. Хомяковъ намекаетъ. Если наши убѣжденія о *разумности здравой этимологической науки* будутъ согласны съ убѣжденіями г. Хомякова, то мы будемъ льстить себя надеждою, что принесемъ нѣкоторую пользу чита-

телямъ его статьи, объяснивъ общими началами частные факты, въ ней предложенные. Если же наши убѣжденія встрѣтятъ противорѣчіе въ сравнительныхъ сближеніяхъ г. Хомякова, то или законы, извлеченные нами изъ сочиненій лучшихъ лингвистовъ, ошибочны и потому должны быть ниспровергнуты новою, болѣе-*разумною* теоріею, или же— осмѣливаемся предположить — самыя сближенія, приводимыя г. Хомяковымъ, не выдерживаютъ критики, основанной на *здравой этимологической наукѣ*, которую съ такимъ успѣхомъ воздѣлывали В. Гумбольдтъ, Я. Гриммъ, Дицъ, Миклошичъ и мн. др.

Система *здравой этимологической науки* (мы пользуемся терминомъ г. Хомякова) слагается, по нашему мнѣнію, изъ двухъ главныхъ элементовъ: вопервыхъ, изъ *разумной цѣли*, и вовторыхъ, изъ *разумныхъ средствъ*, употребляемыхъ изслѣдователемъ для достиженія цѣли. Только тогда этимологія будетъ *разумна*, когда разумная цѣль, къ которой она направляется, будетъ достигаема разумными средствами. Разумную цѣль лингвистъ имѣетъ тогда, когда, не ограничиваясь изслѣдованіемъ буквъ, приставокъ, окончаній, стремится въ изученіи языка изучать духовную жизнь самого народа; когда въ словѣ видитъ не случайное сочетаніе звуковъ, сгруппированныхъ по законамъ благозвучія, но живой отголосокъ ощущеній, воззрѣній и нравственныхъ, умственныхъ или религіозныхъ убѣжденій народа. Разумныя средства употребляетъ лингвистъ тогда, когда въ своихъ изслѣдованіяхъ строго наблюдаетъ тѣ законы, которымъ подчиняется каждый языкъ въ самостоятельномъ своемъ развитіи, сближаясь съ родственными языками или отъ нихъ отклоняясь. Изслѣдователь можетъ задать себѣ разумную цѣль и, при всемъ стараніи своемъ постичь духъ народа въ языкѣ его, можетъ не дойдти до своей цѣли, по недостатку лингвистическихъ средствъ, по незнанію или несоблюденію лингвистическихъ законовъ, на основаніи которыхъ каждый языкъ составляетъ свой собственный организмъ звуковъ. И наоборотъ, недальновидный грамматикъ можетъ въ совершенствѣ изучить законы звуковъ и ихъ измѣненій, законы склоненій, спряженій—и въ своихъ изслѣдованіяхъ можетъ постоянно ограничиваться только одними лингвистическими мелочами, хотя и важными въ наукѣ, но, по отрывочности своей, недающими никакого понятія о жизни народа, въ членораздѣльныхъ звукахъ проявляющейся.

Никто лучше Я. Гримма не умѣлъ понять и приложить къ многостороннимъ изслѣдованіямъ этой истинно-разумной лингвистической системы, безошибочной въ ея средствахъ и исполненной жизненныхъ интересовъ въ ея результатахъ. Однимъ и тѣмъ же живительнымъ духомъ этой системы проникнуты всѣ лингвистическія изслѣдованія Гримма, отъ его «Грамматики» до «Миѳологіи» и «Древностей Нѣмецкаго Права». Такъ, «Грамматика» его служитъ образцомъ самаго точнаго изложенія этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ языка, такъ «Миѳологія», «Древности Нѣмецкаго Права» и другія литературно-историческія изслѣ-

дованія и многія лингвистическія монографіи его предлагаютъ образецъ глубокаго пониманья слова, какъ самаго чувствительнаго органа для выраженія тончайшихъ оттѣнковъ духовной жизни народа. При этомъ должно замѣтить, что какъ въ чисто-формальныхъ, грамматическихъ, такъ и въ историко-лингвистическихъ изслѣдованіяхъ своихъ этотъ великій нѣмецкій ученый умѣлъ соединять съ глубокимъ воззрѣніемъ философа и историка самую строгую точность грамматиста, останавливающаго терпѣливое вниманіе свое на каждой буквѣ, на каждомъ едва-замѣтномъ измѣненіи звука въ образованіи или измѣненіи словъ. Читая его «Грамматику», чувствуешь живую связь языка съ вѣрованіями и убѣжденіями народа; изучая его «Миѳологію», невольно соглашаешься съ его лингвистическими соображеніями, основанными на самомъ точномъ соблюденіи всѣхъ законовъ сравнительно-исторической грамматики. Мощный духъ истинно-великаго ученаго проявляется во всей обаятельной силѣ своей не только въ цѣломъ изслѣдованіи, но и въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ надъ мелочами, входящими въ составъ цѣлаго, и вездѣ, и въ цѣломъ и частяхъ, оказывается одна и та же глубина и полнота воззрѣній на самую сущность изучаемаго предмета.

Впрочемъ, мы не думаемъ утверждать, чтобъ въ изслѣдованіяхъ Гримма наука достигла до послѣдней степени своего совершенства. Онъ самъ своими позднѣйшими трудами неоднократно убѣждалъ читающую публику, что можно было дополнить и даже исправить то, что̀ написано имъ было прежде. Сравнительный элементъ выступаетъ въ его «Грамматикѣ» еще отрывочно и какъ-бы случайнымъ прибавленіемъ, но въ сороковыхъ годахъ начинаетъ значительно усиливаться и, наконецъ, въ «Исторіи Нѣмецкаго Языка» уравнивается въ полнотѣ и многозначительности съ элементомъ историческимъ. Строгая грамматическая критика, имъ же самимъ воспитанная, можетъ указать въ нѣкоторыхъ его изслѣдованіяхъ слабую сторону (потому-что всякій человѣкъ способенъ ошибаться). Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по недостатку историческихъ данныхъ, приходится ограничиться предположеніемъ, вы можете и не согласиться съ Гриммомъ: впрочемъ, къ чести добросовѣстнаго нѣмецкаго ученаго должно сказать, что въ такихъ случаяхъ свое личное мнѣніе онъ и не выдаетъ за фактъ, за непреложную истину. Такъ, въ своей монографіи о происхожденіи языка вдается онъ въ нѣкоторыя мечтанія, болѣе любопытныя, нежели важныя въ исторіи науки. В. Гумбольдтъ оградилъ себя отъ мечтательнаго рѣшенія этого вопроса глубокою мыслью, что *зачатіе всякой жизни сокрыто отъ глазъ наблюдателя въ таинственномъ лонѣ природы*: Гриммъ не внялъ предостерегавшему голосу и рѣшился съ анатомическимъ ножомъ грамматиста-аналитика проникнуть въ эту таинственную область, но изнемогъ въ борьбѣ съ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Безъ-сомнѣнія, многія подробности въ изслѣдованіяхъ Гримма со временемъ получатъ дальнѣйшее развитіе, нѣкоторыя исправятся; со-

исторія лингвистики въ послѣднее десятилѣтіе убѣждаетъ насъ, что всѣми успѣхами своими эта наука обязана методѣ, такъ блистательно созданной Я. Гриммомъ въ его лингвистическихъ сочиненіяхъ, именно методѣ *исторической*, со внесеніемъ въ нее элемента сравнительнаго. Именно только при сравнительно-исторической методѣ возможна та разумная система языкознанія, о которой говорили мы выше, и говорили съ полнымъ убѣжденіемъ потому, что могли указать читателямъ на образецъ этой системы.

Теперь перейдемъ къ статьѣ, составляющей предметъ нашего разбора. *Разумная цѣль*, къ которой постоянно стремится г. Хомяковъ въ сравнительныхъ фактахъ, имъ предлагаемыхъ, заслуживаетъ полнаго вниманія читателя. Любопытны намеки на миѳическій бытъ славянъ, въ-сравненіи съ бытомъ индусовъ, сближеніе языка русскаго съ санскритскимъ, направленное къ уразумѣнію внутренней, такъ-сказать, физіологической связи между ними, состоящей въ родствѣ не только звуковъ, но и самаго духа, проникающаго весь организмъ того и другаго. Но такъ-какъ успѣшное достиженіе цѣли зависитъ отъ основательности и законности средствъ, а также и убѣжденіе въ истинѣ результатовъ основывается на убѣжденіи въ непреложности тѣхъ соображеній, изъ которыхъ результаты выведены, то, чтобъ оцѣнить по достоинству сравнительные результаты г. Хомякова, необходимо обратить вниманіе на тотъ путь, по которому авторъ ведетъ своего читателя.

Итакъ, разсмотримъ лингвистическія средства разбираемой статьи.

Г. Хомяковъ избралъ для своихъ изслѣдованій путь чисто-сравнительный, взявъ предметомъ сравненія языки русскій и санскритскій. Такъ-какъ русскій языкъ входитъ въ составъ славянскихъ нарѣчій, то съ санскритомъ сравнивается въ разбираемой нами статьѣ не весь славянскій языкъ, а только одна изъ составныхъ частей его. Почему избранъ именно языкъ русскій—очень-понятно: это родной языкъ нашъ; онъ для насъ ближе, любезнѣе прочихъ славянскихъ нарѣчій. Но сравненіе съ санскритомъ только языка русскаго единственно тогда будетъ ясно, опредѣленно и законно, когда каждое русское слово будетъ возведено къ первоначальной, правильнѣйшей этимологической формѣ. Для опредѣленія этой правильнѣйшей формы служатъ пособіемъ всѣ прочія славянскія нарѣчія, и преимущественно языкъ церковно-славянскій, въ памятникахъ древнѣйшей редакціи. Извѣстно, что каждое изъ славянскихъ нарѣчій, нынѣ-употребительныхъ, имѣетъ, при позднѣйшихъ подновленіяхъ, ту или другую первоначальную особенность славянскаго языка, сохранившуюся отъ эпохи отдаленной. Такъ, въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сохранились окончанія прошедшихъ временъ, въ нѣкоторыхъ носовые звуки, въ иныхъ отличіе *е* отъ *ѣ*, и т. д. Церковно-славянскій языкъ, въ памятникахъ древнѣйшей редакціи, тѣмъ важенъ для лингвиста, что въ этомъ языкѣ сохранились въ наибольшей полнотѣ и чистотѣ важнѣйшія особенности славянскаго языка, неиска-

женныя временемъ, между-тѣмъ, какъ въ прочихъ нарѣчіяхъ, донынѣ живущихъ въ устахъ славянскихъ племенъ, старина значительно подновилась и даже исказилась.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сравнивать съ санскритомъ языкъ церковно-славянскій гораздо-легче, нежели которое-нибудь одно изъ прочихъ славянскихъ нарѣчій. Въ первомъ случаѣ можно ограничиться однимъ церковно-славянскимъ языкомъ (за немногими исключеніями); въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ сравниваемаго съ санскритомъ славянскаго нарѣчія, постоянно нужно имѣть въ виду не только церковно-славянское, но и прочія родственныя нарѣчія. Само-собою разумѣется, что въ-разсужденіи церковно-славянскаго слѣдуетъ строго отличать редакціи письменныхъ памятниковъ этого языка. Такъ, русская редакція уже въ XI вѣкѣ смѣшиваетъ носовые звуки съ простыми гласными *у, ю, я;* въ XII вѣкѣ замѣняетъ продолженныя формы спряженій и склоненій сокращенными; такъ, въ галицкомъ спискѣ Евангелія почти постоянно сокращаются окончанія преходящаго времени и мѣстоименнаго склоненія прилагательныхъ (напримѣръ *добраго* вмѣсто *добрааго*). Съ XII-го же вѣка эта редакція смѣшиваетъ въ произношеніи буквы *ѣ* и *е;* напримѣръ, вмѣсто *врѣдъ, врѣмя, прѣжде, прѣ, срѣда,* и т. п., встрѣчаемъ: *вредъ, время, прежде* или *преже, пре, среда* (*). Болгарская редакція удерживаетъ всѣ эти особенности въ бо̀льшей исправности, за-то уступаетъ нашей, напримѣръ, въ смѣшеніи буквъ *ъ* и *ь;* напримѣръ, употребляетъ *връба, връста, врътъ, връхъ,* вмѣсто: *врьба, врьста, врьтъ, врьхъ* (то-есть: *верба, верста, вертъ* или вертепъ, *верхъ*), и т. д. Такимъ-образомъ, для опредѣленія первоначальной церковно-славянской формы нельзя ограничиться какою-либо одною, хотя бы и древнѣйшею, рукописью, каковы «Изборникъ Святославовъ», «Супрасльская Рукопись» и т. п. Даже остромировъ списокъ Евангелія, писанный съ замѣчательною тщательностью, не можетъ вполнѣ удовлетворить этому требованію. Такъ, напримѣръ, въ немъ встрѣчаемъ различное начертаніе одного и того же слова; напримѣръ, то въ болгарской формѣ: *слънце,* но съ оттѣнкомъ русскаго произношенія: *сълнце* (вмѣсто *солнце*). Для латинскаго *vidua*, санскритскаго *відава* (**), въ остромировомъ спискѣ не находимъ соотвѣтствующей формы: въ немъ употребляется *вьдова* и, слѣдовательно, звуку *і*

(*) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для удобства печатанія, церковно-славянскій шрифтъ замѣненъ русскимъ, въ которомъ нѣтъ особыхъ начертаній для носовыхъ звуковъ. Просимъ читателя возстановить эти начертанія тамъ, гдѣ имъ быть слѣдуетъ.

(**) Для удобства печатанія, мы дѣлаемъ нѣкоторыя отступленія отъ санскритскаго правописанія, отсылая читателя къ статьѣ г. Хомякова, въ которой съ замѣчательной точностью выражены звуки санскритскаго языка русскимъ шрифтомъ.

(въ *vidua*) отвѣтствуетъ неорганически звукъ *ѣ* (*вѣдова*); между-тѣмъ, какъ въ другихъ памятникахъ находимъ *вьдова*, именно первоначальную по образованію форму, въ которой *ь* законно соотвѣтствуетъ мягкому звуку *i* (*вьдова* = *vidua*).

Несмотря на изложенныя здѣсь затрудненія, лингвистъ, коротко-знакомый съ особенностями церковно-славянскаго языка, въ наибольшей точности соблюдетъ законы лингвистики, когда, для сравненія съ прочими индо-европейскими языками, возьметъ церковно-славянскій. Но г. Хомяковъ задалъ себѣ задачу болѣе-трудную: онъ рѣшился въ своихъ сравнительныхъ наблюденіяхъ ограничиться однимъ русскимъ языкомъ, не принявъ въ пособіе не только нынѣ-употребительныхъ славянскихъ нарѣчій, но и церковно-славянскаго.

Такъ-какъ многія формы русскаго языка значительно измѣнились и даже исказились противъ первоначальнаго ихъ вида, въ наибольшей сохранности удержаннаго въ древнѣйшей церковно-славянской письменности, то, само-собою разумѣется, съ такими искаженными формами нельзя сравнивать первоначальныя формы какого-либо другаго изъ коренныхъ индо-европейскихъ языковъ. Для примѣра, возьмемъ утрату носовыхъ звуковъ въ нашемъ языкѣ. Еслибъ, напр., для русскихъ формъ *жать, чать (начать), мять*, мы указали въ какомъ-нибудь изъ родственныхъ языковъ соотвѣтствующія формы: *жа* для *жать*, *ча* для *чать*, *мя* для *мять*, то, разумѣется, впали бы въ грубую ошибку, которая обличила бы насъ въ незнаніи даже азбуки славянскаго языка. Ибо формы *жать, чать, мять* суть не что иное, какъ мѣстное и временное, именно національно-русское видоизмѣненіе первоначальныхъ формъ съ носовымъ *я*: *жяти, чяти, мяти*. Это носовое *я*, по извѣстнымъ законамъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, разлагается на *ьн*: потому отъ этихъ глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи образуются формы изъявительнаго наклоненія, напр., въ 3-мъ лицѣ ед. числа: *жьнеть, чьнеть (начьнеть), мьнеть*. Остатокъ носоваго элемента сохранился въ русскихъ: *жнетъ, чнетъ (начнетъ), мнетъ*, въ которыхъ, впрочемъ, уже неорганически замѣнено *ьн* однимъ только *н*. Слѣдовательно и тогда мы поступили бы незаконно, еслибъ, разложивъ русскія формы изъявительнаго наклоненія, извлекли изъ нихъ корни: *жн* изъ *жнетъ*, *чн* изъ *чнетъ*, *мн* изъ *мнетъ*, и стали бы искать въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствующихъ этимъ корнямъ формъ, забывъ, что первоначально эти корни приняли въ славянскомъ языкѣ тотъ видъ, который былъ удержанъ въ церковно-славянскомъ; именно: или съ носовымъ *я*: *жя, чя, мя*, или съ разложеніемъ носоваго *я* на *ьн*, а не просто на *н*: *жьн, чьн, мьн*. То же самое должно сказать объ *ѣ*. Эту букву уже въ древнѣйшую эпоху русскіе смѣшали съ *е*, и такимъ образомъ измѣнили первоначальный, правильный видъ многихъ формъ. Потому, напр., въ сравненіе съ прочими индо-европейскими языками мы должны брать первоначальныя,

правильнѣйшія формы : *врѣдъ, врѣмя, прѣ, прѣдъ,* а не позднѣйшее, уже мѣстное и временное ихъ видоизмѣненіе: *вредъ* или *вередъ, время* или *веремя, пре* и *пере, предъ* и *передъ.*

Нѣтъ сомнѣнія, что и русское нарѣчіе удержало нѣкоторыя древнѣйшія свойства славянскаго языка, но ихъ не должно смѣшивать съ подновленіями, и, сверхъ-того, слѣдуетъ доказать, почему именно тѣ или другія особенности русской рѣчи принадлежатъ древнѣйшему, первоначальному организму славянскаго языка. Такъ, чтобъ не уклоняться отъ приведенныхъ примѣровъ, возьмемъ формы *пере, передъ, веремя:* въ нихъ больше этимологическаго смысла, нежели въ искаженныхъ *пре, предъ, время,* именно потому, что долгій звукъ *ѣ,* соединенный съ плавнымъ звукомъ, разлагается на два, то-есть: *прѣ=пере, прѣдъ=передъ.* Очень можетъ быть, что это разложеніе одного гласнаго на два, это полногласіе было однимъ изъ признаковъ древнѣйшей рѣчи, сохранившихся въ языкѣ русскомъ. Уже въ остромировомъ спискѣ встрѣчаемъ *Володимиръ* вм. *Владимиръ, Новъгородъ* вм. *Новъградъ;* въ «Изборникѣ Святославовомъ»: *полонъ* вм. *плѣнъ.* Впрочемъ, несомнѣнно и то, что это полногласіе — по преимуществу діалектическая особенность нашего языка, и что въ памятникахъ древнѣйшей, болгарской редакціи — этой особенности не встрѣчаемъ.

Не принявъ въ соображеніе историческаго развитія языка славянскаго вообще и русскаго въ-особенности, г. Хомяковъ впалъ въ замѣчательныя противорѣчія со всѣми, доселѣ-признававшимися за непреложные, законами лингвистики. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ противорѣчій, преимущественно въ-разсужденіи звуковъ.

Г. Хомяковъ, кажется, не придаетъ никакого значенія носовымъ звукамѣ. Такъ онъ сближаетъ *блюду* и *мудрый* между собою и съ санскритскимъ *буд;* между-тѣмъ, какъ въ *блюду* звукъ *ю* простой, а въ *мудрый*—*у* звукъ носовой, какъ это свидѣтельствуетъ древнѣйшая письменность. Если г. Хомяковъ будетъ утверждать, что, несмотря на эту особенность древнѣйшей формы, все же наше *мудрый* сближается съ санскритскимъ *буд*, то онъ долженъ былъ бы предварительно предложить теорію носовыхъ звуковъ въ индо-европейскихъ языкахъ, потому-что мнѣніе его противорѣчитъ и факту и принятому закону. Въ сближеніи нашего *десять* съ санскритскимъ *дасан*, г. Хомяковъ опустилъ изъ виду, что *я* въ словѣ *десять* — звукъ носовой, и потому это слово вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому, съ носовымъ окончаніемъ; а онъ ищетъ ближайшей къ нашему слову формы въ предполагаемомъ санскритскомъ *дасат:* «форма *дасат,* безъ сомнѣнія, существовала также» замѣчаетъ онъ. Но что же изъ того? Эта форма дальше отъ нашей, нежели *дасан,* потому-что въ нашей удержано носовое произношеніе (разумѣется, по древнѣйшей письменности). Русское слово *клясть* г. Хомяковъ сближаетъ съ санскритскимъ *клес* — говорить, огорчать, забывъ, что эта русская форма—

позднѣйшее, неорганическое видоизмѣненіе древнѣйшей *кляти* (съ носовымъ *я*), откуда, съ разложеніемъ *я* на *ьн: кльнеть*, наше *кленетъ* (или, какъ вообще неправильно пишутъ, *клянетъ*). Наше неопредѣленное наклоненіе происходитъ уже отъ отглагольной формы *клят*, откуда съ измѣненіемъ *т* на *с: клясти* или *клясть;* корень же этого слова есть *кля* (съ носовымъ звукомъ), или *кльн* (съ разложеніемъ носоваго *я* на *ьн*). Чтобъ еще болѣе ввести читателя въ недоумѣніе, авторъ разбираемой нами статьи, кромѣ санскритскаго *клес*, приводитъ еще другое санскритское же слово *клид* (сѣтовать), имѣющее при себѣ и носовую форму *клинд*. Что же? эти формы *клес* и *клид* родственны между собою, или совершенно различнаго происхожденія? Если родственны, то по какимъ лингвистическимъ законамъ? Если же ничего общаго между собою не имѣютъ, то какимъ образомъ обѣ могутъ быть сближены съ однимъ и тѣмъ же русскимъ словомъ? Русское *мять (мну)*, съ носовымъ звукомъ, авторъ сближаетъ съ санскритскимъ *мі* — вредить: почему же у насъ носовой элементъ, когда въ санскритскомъ корнѣ его нѣтъ? Рядомъ съ этимъ производствомъ встрѣчаемъ еще странность: авторъ сближаетъ *мясо* (съ носовымъ *я*) съ словомъ *масло* (въ которомъ простой гласный звукъ *а*); глаголъ *плясать* (тоже съ носовымъ *я*) сближаетъ съ санскритскимъ *блеш* — идти.

Такъ же мало г. Хомяковъ обращаетъ вниманія и на другіе гласные звуки; мало того, онъ позволяетъ себѣ безъ всякаго основанія одни гласные замѣнять другими. Такъ въ производствѣ слова *клевета*, онъ рѣшился допустить небывалую форму съ буквою *ѣ: клевѣта*, тогда-какъ такой формы не существуетъ ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, въ которыхъ удерживается правильное употребленіе этой буквы. Но автору пришло на мысль сблизить слово *клевета* съ корнемъ *вѣт*, откуда *привѣтъ*, *навѣтъ извѣтъ*. Очевидно, его соблазнило сродство понятій, выражаемыхъ словами *клевѣта* и *навѣтъ*, *извѣтъ* — и онъ не усомнился форму *клевета* разсѣчь на два элемента: *вѣт* (кле-*вѣта*), и кле (*кле*-вета). Это *кле* г. Хомяковъ нисколько не затруднялся сблизить съ глаголомъ *клясть*, санскр. *клес*, потому-что носовой звукъ и его видоизмѣненія не представляютъ для него никакихъ препятствій. Слово *клевета* обыкновенно разлагаютъ на *клев* (= *клю*) и окончаніе *ета*, помощью котораго образуются су-ета, нищ-ета и т. п. Производство это объяснено въ «Корнесловѣ» Миклошича. Почему авторъ не опровергъ этого производства, предлагая другое?

Въ разсужденіи согласныхъ звуковъ г. Хомяковъ также не обращаетъ никакого вниманія на историческое и мѣстное развитіе славянскаго языка. Для примѣра приводимъ его сближеніе русской формы *мочь* съ санскритскою *мач* — быть высокимъ, сильнымъ. Но здѣсь между русскимъ и санскритскимъ словомъ созвучіе случайное, потому-что *ч*, въ русскомъ *мочь*, образовалось по извѣстному закону благозвучія,

свойственному русской рѣчи, въ отличіе отъ прочихъ славянскихъ нарѣчій. Такимъ-образомъ русскому *мочь* соотвѣтствуетъ въ церковно-славянскомъ *мошть* или *мощь*, въ чешскомъ *моць;* или, если *мочь* принять за неопредѣленное наклоненіе, то въ церковно-славянскомъ *мошти* или *мощи* и т. д. Для объясненія сродства между языками должно брать корень слова, форму существенную, а не случайное видоизмѣненіе ея, зависящее отъ организма того или другаго нарѣчія: корень же этихъ словъ — *мог*, откуда могу.

Должно замѣтить, что г. Хомяковъ по произволу беретъ то форму русскую, то церковно-славянскую, и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ видоизмѣняются по одному и тому же закону. Такъ въ приведенномъ примѣрѣ онъ взялъ форму русскую *мочь*, а въ объясненіи слова *дочь* онъ обращается къ церковно-славянской, между-тѣмъ, какъ и *мочь* и *дочь* (при корняхъ *мог* и *дъг* отъ формъ *могт* и *дъгт*) имѣютъ звукъ *ч*, по одному и тому же закону соотвѣтствующій церковно-славянскому *шт* или *щ: мошти, дъшти*. Замѣтимъ здѣсь кстати, что выводъ славянскаго *дъшти* или *дъщи* отъ предполагаемаго г. Хомяковымъ причастія *доящa* противорѣчитъ законамъ славянскаго языка. Вопервыхъ, должно сказать, что форма *доящa* есть причастная форма новѣйшаго и неорганическаго образованія: производить отъ нея древнѣйшую церковно-славянскую форму *дъшти* или *дъщи*—то же самое, что производить отъ нынѣ-употребительныхъ склоненій и спряженій русскаго языка склоненія и спряженія древнѣйшей церковно-славянской письменности. Причастіе женскаго рода отъ *доити* по-церковно-славянски оканчивается на *и: доящи* (съ носовымъ *я*); слѣдовательно, г. Хомякову было бы полезнѣе для своей цѣли принять эту форму для сближенія съ словомъ, оканчивающимся въ именительномъ падежѣ также на *и: дъщи* или *дъшти* (какъ *доящи* или *дояшти*); но куда дѣть гласные звуки этого причастія: *о* и *я*, если предположить, что *доящи* перешло въ *дъщи?* Точно, *ъ* переходитъ въ *о*, по мѣстному русскому видоизмѣненію славянскаго организма, почему *дъщи* и переходитъ въ *дочь;* но форма съ *ъ* есть первоначальная. Что же касается до носоваго *я* (въ формѣ *доящи*), то этотъ звукъ составляетъ существенный признакъ причастія; и если этого звука нѣтъ въ существительномъ *дъщи*, то нѣтъ никакого и права сближать это слово съ причастіемъ. Сверхъ-того, *дъщи* — форма сокращенная: тэма или основа косвенныхъ падежей есть *дъщер* или *дъштер* (какъ *матер* при сокращенной *мати*). Если бы *дщерь* было произведено отъ причастія, то какъ бы объяснить небывалый при причастіи наростъ *ер?* Вотъ сколько недоумѣній предлагаетъ читателю г. Хомяковъ своимъ остроумнымъ предположеніемъ, неоснованномъ ни на общепринятыхъ законахъ лингвистики, ни на преданіи церковно-славянской письменности!

Нельзя сказать, чтобъ авторъ вообще презиралъ всѣ доселѣ уста-

новившіяся положенія науки. Такъ онъ допускаетъ въ образованіи словъ законъ усиленія, или поднятія гласныхъ и плавныхъ (то-есть *гуна* и *вридди*). Но, по странному невниманію къ звуковой системѣ, онъ или не хочетъ, или не умѣетъ примѣнить этого закона въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые объясняются именно этимъ закономъ. Напримѣръ, сближая санскритскія слова *бавука* (счастье, счастливый) и *бу* (быть) съ нашими быть, бывать, *богъ*, г. Хомяковъ, въ-разсужденіи производства формы *бавука* отъ *бу*, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «вводное *в* напоминаетъ наши *бавить, при-, за-, у-бавлять*». Звукъ *в* здѣсь не *вводный*, а коренной, образовавшійся отъ сокращенія кореннаго гласнаго *у*. Если г. Хомяковъ допустилъ въ свои изслѣдованія законъ усиленія, или подъема гласныхъ и плавныхъ, то напрасно въ этомъ случаѣ не опровергъ мнѣнія тѣхъ лингвистовъ, которые усиленіемъ звуковъ объясняютъ производство формы *бавить* отъ *быть*, какъ *славить, словить* (благо-сло-вить) отъ *слыть*, церковно-славянское *слути*.

Впрочемъ, мы думаемъ, что и г. Хомяковъ согласится объяснить этотъ случай подъемомъ гласныхъ; выраженіе же его «*вводное в*» выказываетъ только невниманіе къ звуковой системѣ, невниманіе, которое, какъ кажется, и самъ онъ оправдываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Любопытны такіе примѣры, въ которыхъ видна живая связь звуковаго настроенія двухъ языковъ (то-есть русскаго и санскритскаго); оно во многомъ поучительнѣе анатомическаго изслѣдованія лексикона и грамматики» (ст. 420). Мы совершенно согласны съ этою мыслью, но только въ томъ случаѣ, когда выводы о живой связи двухъ или нѣсколькихъ языковъ не будутъ на каждомъ шагу противорѣчить этой скучной, сухой и безжизненной, но все-таки основательной и разумной анатоміи языка. Въ наукѣ, такъ же, какъ и въ искусствѣ, техническая часть имѣетъ высокое значеніе. Рафаэль не создалъ бы своихъ высокихъ идеаловъ, еслибъ не умѣлъ владѣть кистью; Гриммъ не написалъ бы своей «Миѳологіи», еслибъ не изучилъ анатоміи нѣмецкихъ нарѣчій. А сколько великихъ открытій и высокихъ воззрѣній на жизнь и природу было обязано своимъ происхожденіемъ въ позднѣйшее время скучнымъ и сухимъ выкладкамъ химіи и мелочнымъ открытіямъ анатоміи! Кто хочетъ стать выше всѣхъ мелочей науки, тотъ долженъ побѣдить ихъ изученіемъ; въ противномъ случаѣ, эти мнимыя мелочи всегда будутъ камнями преткновенія для возвышенныхъ общихъ воззрѣній. Нельзя спокойно созерцать небо, когда спотыкаешься идя по землѣ!

Если въ ученомъ изслѣдованіи не положено твердаго, разумнаго основанія, то въ результатѣ всегда будетъ колеблющееся, шаткое мнѣніе вмѣсто твердаго убѣжденія въ одной, неизмѣнной истинѣ. Г. Хомяковъ заподозрилъ разумность анатомическаго изученія звуковъ, намѣренно или ненамѣренно не принялъ въ основаніе ни законовъ сравнительной лингвистики, ни историческаго преданія въ развитіи языка

славянскаго вообще и русскаго въ-особенности; отвергнувъ, или не желая изучить то, что было уже установлено въ наукѣ до него, онъ рѣшился сказать свое собственное, самостоятельное объ отношеніи языка русскаго къ санскритскому. Но, къ-сожалѣнію, не развивъ своихъ лингвистическихъ основаній, онъ предложилъ только ихъ результаты въ сближеніи русскихъ словъ съ санскритскими. Къ крайнему удивленію читателя, эти результаты отличаются замѣчательною шаткостью и неопредѣленностью, которыя всегда рѣзко бросаются въ глаза въ предметѣ столь положительномъ, какъ лингвистика. Такъ, напримѣръ, г. Хомяковъ раздѣляетъ русскія слова между двумя различными корнями, тогда-какъ они происходятъ отъ одного, и потому должны быть сближены и въ санскритѣ только съ однимъ словомъ, а не съ двумя различными, какъ это дѣлаетъ г. Хомяковъ. Напримѣръ, г. Хомяковъ отдѣляетъ областное русское слово *огрѣха* (охватъ сохою, зачерпнувшею, но неподнявшею пласта въ полѣ) отъ слова *грѣхъ;* но исторія языка свидѣтельствуетъ, что и слово *грѣшить* означало *ошибиться, не попасть, совратиться*, напримѣръ, совратиться съ пути. Въ «Патерикѣ Синайскомъ», въ превосходной рукописи XII в., хранящейся въ Синодальной Библіотекѣ, читаемъ: *грѣшила есмь пути* (*) (лист. 125); въ позднѣйшей рукописи XVI в. это мѣсто подновлено такъ: *совратихся с пути*. Итакъ, умственному значенію слова *грѣхъ* (*грѣшить*) соотвѣтствуетъ вещественное, остатокъ котораго сохранился въ областномъ *огрѣха*. Осмѣливаемся думать, что такимъ только путемъ *здравая* этимологическая наука можетъ прійдти къ *разумнымъ* результатамъ. Но г. Хомяковъ нераздѣльное по понятіямъ, по корню и образованію, раздѣляетъ, и слову *огрѣха* даетъ санскритскій корень *грг* — хватать, а слову *грѣхъ* — *гри* — лгать. Положимъ, ему не извѣстно было приведенное нами мѣсто изъ Патерика, но *грѣшить* въ смыслѣ *не попасть, промахнуться, ошибиться,* встрѣчается и въ напечатанныхъ старинныхъ памятникахъ русской письменности. Сверхъ-того, Миклошичъ въ своемъ «Корнесловѣ» приводитъ выраженіе *погрѣшите царьство* (regno pirvari) — выраженіе, которое могло бы навести г. Хомякова на собственное значеніе словъ, такъ неудачно раздѣленныхъ имъ между двумя различными корнями. Еще примѣръ. Авторъ отдѣляетъ отъ глагола *гудѣть* существительныя *гулъ* и *гусли:* глаголъ *гудѣть* сближаетъ съ санскритскимъ *гудж* (гудѣть), а существительныя *гулъ* и *гусли* съ санскритскимъ *гу* (звучать), и сверхъ того эти два слова ставитъ при глаголѣ *гукать*. Существительныя *гулъ* и *гусли* происходятъ отъ кореннаго глагола *густи* (съ носовымъ *у*), откуда уже производный *гудѣть*. Отъ корня *гуд* (съ юсомъ), по извѣстному закону о переходѣ *д* въ *с*, совершенно-правильно образуется

(*) Для удобства печатанія древнѣйшая орѳографія замѣнена позднѣйшею русскою.

неопредѣленное наклоненіе *густи* и причастіе *гулъ*, перешедшее въ имя существительное. Въ формѣ *гулъ* выброшено *д* точно такъ же, какъ въ формахъ *сѣлъ*, *ѣлъ*, отъ *сѣсть*, *ѣсть* (при корняхъ *сѣд*, *ѣд*). Что же касается до слова *гусли*, то оно, происходя отъ глагола *густи*, подчиняется общему закону съ формами: *ясли* отъ *ясти* (слич. древнее *объясливый* — обжорливый), *число* и *чисмя* (съ носовымъ *я*) отъ древняго церковно-славянскаго *чисти* (честь, читать), откуда супинумъ въ остромировомъ и другихъ древнѣйшихъ спискахъ: *чистъ* (то-есть читать). Послѣ этихъ, впрочемъ, самыхъ элементарныхъ соображеній, нельзя не прійдти къ крайнему изумленію, почему г. Хомяковъ существительныя *гулъ* и *гусли* отдѣлилъ отъ глагола *гудѣть*, указавъ существительнымъ одинъ корень, а глаголу другой. Еще примѣры: *кусъ*, *кусать* и *кусить* (откуда *ис-кусить*) раздѣлены между двумя корнями; *спѣть* (дѣлаться спѣлымъ) сближено съ санскритскимъ *паи* (сохнуть) и *спаі* (ботѣть), а произведенныя отъ этого глагола *спѣхъ* и *спѣшить* — съ санскритскимъ *пес* (итти) и *пеш* (стараться усердно). Иногда даже одно и то же слово г. Хомяковъ производитъ различно, помѣщая подъ различными корнями; такъ въ одномъ мѣстѣ слово *масло* онъ правильно сближаетъ съ *мазь* и *масть*, а въ другомъ, какъ намъ кажется, совершенно-неправильно, съ словомъ *мясо* (о чемъ уже сказано выше).

Съ другой стороны г. Хомяковъ соединяетъ подъ однимъ корнемъ формы различнаго происхожденія, какъ въ выше-приведенномъ примѣрѣ *масло* и *мясо:* или еще: *кошель*, и *ковшъ*, между-тѣмъ, какъ первое слово родственно формѣ *коша*, а послѣднее имѣетъ при себѣ древнѣйшую *ковъкаль*, встрѣчающуюся, напримѣръ, въ томъ же «Синайскомъ Патерикѣ»: *имыи древянъ ковъкаль;* въ позднѣйшемъ спискѣ XVI в., вмѣсто *ковъкаль*, сказано: *сосудъ*.

Это колебаніе въ разрѣшеніи словъ по корнямъ ихъ, это раздѣленіе однороднаго и сближеніе различнаго отнимаютъ у читателя всякое убѣжденіе въ правдивости предложенныхъ авторомъ сближеній, которыя, такимъ-образомъ раздвояясь въ сознаніи, кажутся случайными мнѣніями, ни на чемъ неоснованными и ни къ чему неведущими. Скажемъ болѣе: это колебаніе естественно свидѣтельствуетъ о недостаткѣ убѣжденія самого автора въ истинѣ приводимыхъ имъ сближеній. Въ наукѣ иногда необходимо прибѣгать къ предположеніямъ и излагать ихъ въ видѣ личнаго мнѣнія; но построить цѣлую науку изъ предположеній и мнѣній, значитъ уронить разумное ея достоинство, значитъ низвести ее до праздной игры досужаго остроумія.

Къ замѣченному нами колебанію въ мнѣніяхъ присоединяетъ авторъ какую-то неопредѣленность, неоконченность, неточность въ объясненіи грамматическихъ формъ и въ разложеніи ихъ на составныя части. Нѣкоторыя формы не доведены грамматическимъ разборомъ до первоначальнаго ихъ вида, и вторичная ихъ формація принята за пер-

вобытную. Такъ, напримѣръ, глаголъ *квасить*, какъ самостоятельный, сближенъ съ санскритскимъ *дванс* (разбивать), между-тѣмъ, какъ онъ происходитъ отъ существительнаго *квасъ*, а это послѣднее, по извѣстному закону усиленія, или подъема звуковъ, образовалось отъ корня *кыс*, отъ котораго глаголъ *кыснути* (съ носовымъ *у*). *Кисть* сближено съ санскритскимъ *кишку* (рука ниже локтя), тогда-какъ сравнивать должно бы коренную форму, отъ которой *кисть* происходитъ, именно: *кит*, откуда *китица*, и даже глаголъ *китити*. Въ словѣ *кисть* звукъ *с* перешелъ изъ *т*, по извѣстному закону благозвучія. Существительное *варъ* (жаръ и кипятокъ) сближено съ санскритскимъ *вар*, *варі* — вода, тогда-какъ оно правильно образуется по закону подъема плавныхъ, отъ глагола *врѣти*, откуда производятъ и *врѣмя* (первоначально съ *ѣ*). *Лукъ* (arcus) сближено съ санскритскимъ *лудж*— быть крѣпкимъ, и это сближеніе подкрѣплено эпическою формою: *тугой лукъ;* но г. Хомяковъ не обратилъ вниманія, вопервыхъ, на то, что наше слово *лукъ* имѣетъ въ первоначальномъ своемъ видѣ носовой звукъ *у*, и вовторыхъ, на то, что *к* (въ словѣ *лукъ*) и *дж* (въ санскритскомъ *лудж*) — звуки совершенно-разнородные. Но особенное вниманіе читателя обращаемъ здѣсь на то, что г. Хомяковъ форму *лукъ* не довелъ до ея первоначальнаго вида въ корнѣ *ляк* (съ новымъ), откуда *лящати, налящати:* и *налящати лукъ* — старинное тавтологическое выраженіе.

Доселѣ мы разсматривали въ сравнительной системѣ г. Хомякова только одинъ элементъ, именно русскій. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о другомъ, то-есть санскритскомъ.

Лѣтъ двадцать назадъ, сравненіе европейскихъ языковъ съ санскритомъ было ученою новостью, теперь же стало общимъ мѣстомъ. Впрочемъ, должно отдать справедливость лингвистикѣ: она не остановилась на элементарныхъ, болѣе или менѣе одностороннихъ пріемахъ сравнительной грамматики тридцатыхъ годовъ, и въ послѣдніе двадцать лѣтъ оказала быстрые успѣхи, преимущественно въ исторической разработкѣ сравниваемыхъ языковъ. Такимъ-образомъ, тщательнѣйшее изученіе каждаго изъ индо-европейскихъ языковъ указало, съ одной стороны, на множество новыхъ точекъ соприкосновенія между ними, а съ другой — на исключительныя особенности каждаго изъ нихъ. Стòитъ только сравнить первые выпуски бопповой грамматики съ послѣдними, чтобъ составить себѣ довольно-ясное понятіе объ этихъ успѣхахъ науки на пути сравнительно-исторической лингвистики. Важнѣйшимъ результатомъ этихъ успѣховъ лингвистики для внѣшнихъ пріемовъ сравнительной этимологіи надобно почесть ту непреложную истину, что родственные языки сближаются между собою не по *внѣшнему созвучію*, которое весьма-часто бываетъ случайнымъ, но по *внутреннему соотвѣтствію*, по которому звуки одного языка оказываются *не тождественными*, а *соотвѣтствующими* звукамъ другаго языка. Зву-

ки двухъ словъ изъ различныхъ языковъ одного поколѣнія не могутъ быть во всемъ тождественными потому, что каждый языкъ по-своему развиваетъ свой собственный организмъ. Для примѣра возьмемъ самыя древнія формы: *есмь, который, три* и т. п.; въ санскритѣ: *асмі, катарас, трі*. Даже послѣднее слово, совершенно-созвучное съ нашимъ въ одной своей формѣ, уже отклоняется отъ нашей въ другихъ: *траяс, трисрас, трінi;* такимъ-образомъ даже здѣсь, при совершенномъ созвучіи (существенномъ или случайномъ), *соотвѣтствіе* беретъ перевѣсъ въ употребленіи грамматической формы, какъ въ прямыхъ, такъ и въ косвенныхъ падежахъ. Мы беремъ здѣсь въ сравненіе всѣ падежи, не останавливаясь на одной формѣ, потому-что сродство между языками основываемъ не на мимолетномъ, отрывочномъ звукѣ, а на внутреннемъ существѣ сравниваемыхъ языковъ. Въ этомъ не можетъ не согласиться съ нами и г. Хомяковъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ словъ его: «любопытны такіе примѣры, въ которыхъ видна *живая связь* звуковаго настроенія двухъ языковъ». Эта *живая связь* преимущественно выражается или въ синтаксическомъ употребленіи словъ, или же въ этимологическомъ измѣненіи, то-есть, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Чтобъ видѣть, какъ слово видоизмѣняется по организму языка, обратимъ вниманіе на сродство нашего *который* съ санскритскимъ *катарас*. Вопервыхъ, вмѣсто санскритскаго окончанія *ас*, у насъ свое, народное, и притомъ совершенно-органическое, именно *ый*, которое измѣняется по мѣстоименному склоненію: *котораго* или *которaего, которуму* или *которуему* и проч.; вовторыхъ, вмѣсто санскритскаго *а*, въ суффиксѣ *тар (катар-ас)*, у насъ, по организму славянскаго языка, или *о*: *который*, или *е*: *етеръ*. При этомъ должно замѣтить, что и *который* имѣетъ при себѣ другую, древнѣйшую форму, встрѣчающуюся въ болгарской и русской письменности XI-го и XII-го вѣка, именно: *котерый*, съ суффиксомъ *тер*, какъ въ мѣстоименіи *етеръ*. При этомъ случаѣ почитаемъ нелишнимъ слѣдующее замѣчаніе. Напрасно г. Хомяковъ суффиксъ *тер* или *тор* (санскритское *тара*) искажаетъ въ *ер* (санскритское *ара*) и такимъ-образомъ съ *который* сближаетъ *четверо, пятеро, шестеро*, гдѣ окончаніе *еро* не имѣетъ никакой связи съ *тара* или *тер, тор*, то-есть съ окончаніемъ мѣстоименія *который*. Мы не имѣемъ никакого права по собственному произволу вставлять или выбрасывать какую-либо букву въ разбираемой грамматической формѣ.

Въ настоящее время сравниваютъ съ санскритомъ индо-европейскіе языки не длятого, чтобъ убѣдить кого-нибудь въ ихъ родствѣ (въ этомъ никто ужь не сомнѣвается), но длятого, чтобъ указать на новыя точки соприкосновенія въ сравниваемыхъ языкахъ. Какія же новыя точки зрѣнія открываетъ намъ статья г. Хомякова въ сравнительной лингвистикѣ?

Къ крайнему удивленію читателя, г. Хомяковъ не только не прово-

дитъ ужь извѣстныхъ законовъ лингвистики по своимъ сравнительнымъ изслѣдованіямъ, но даже, какъ мы видѣли выше, вовсе не признаетъ ихъ, не знаетъ или не хочетъ знать. Единственнымъ руководителемъ своимъ беретъ онъ только *внѣшнее,* весьма-часто *случайное созвучіе*, и на этомъ-то шаткомъ основаніи думаетъ построить *здравую* и *разумную*, какъ онъ выражается, этимологическую науку.

Тамъ, гдѣ созвучіе, подкрѣпляется внутреннимъ соотвѣтствіемъ двухъ языковъ, сближенія г. Хомякова вѣрны, или, по-крайней-мѣрѣ, тамъ не противорѣчатъ они лингвистическимъ законамъ. Но, должно сказать правду, что такія сближенія уже не новость въ наукѣ: они замѣчены уже были Боппомъ, Поттомъ, Гриммомъ, Миклошичемъ и нѣкоторыми другими лингвистами. Такія сближенія касаются, напр., слѣдующихъ словъ: *быть, день, десный, десять, дуть, дурной, дѣва, зима, знать,который, мать, медъ, между, мясо, небо, новый, пить,* и мн. друг. Но вотъ что̀ особенно-любопытно: въ сближеніи этихъ словъ съ санскритскими, въ сближеніи, уже замѣченномъ и другими, г. Хомяковъ невольно слѣдуетъ лингвистическимъ законамъ, тогда-какъ въ своихъ собственныхъ сравнительныхъ выводахъ этимъ законамъ противорѣчитъ. Это странное противорѣчіе позволяетъ намъ думать, что едва-ли г. Хомяковъ, въ полномъ убѣжденіи, уже рѣшился ниспровергнуть всѣ, до селѣ установившіеся законы лингвистики, и въ-замѣнъ имъ дать свои, болѣе-разумные. Скорѣе можно полагать, что онъ выразилъ въ своей статьѣ колебаніе въ мнѣніяхъ, происшедшее отъ желанія сказать что-нибудь новое, частью придерживаясь общепринятыхъ положеній науки, частью (намѣренно или ненамѣренно) отклоняясь отъ нихъ. Именно вслѣдствіе этого и встрѣчаемъ въ статьѣ его, рядомъ съ совершенно-правильными сближеніями Боппа, какія-то мечтательныя и безсознательныя гаданія, шатко-зыблющіяся на самомъ случайномъ созвучіи.

Для доказательства нашей мысли войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Какъ одно только русское нарѣчіе, независимо отъ прочихъ славянскихъ, нельзя сравнивать съ санскритомъ, такъ точно и одинъ санскритскій языкъ, безъ посредства другихъ индо-европейскихъ, нельзя сближать съ славянскимъ. Конечно, при сравненіи санскрита съ которымъ-либо однимъ изъ индо-европейскихъ языковъ, не вмѣняется въ обязанность приводить слова изъ всѣхъ прочихъ, однако требуется, какъ непремѣнное условіе, чтобъ сравненіе, напримѣръ, славянскаго языка съ санскритскимъ не противорѣчило общимъ законамъ сродства языковъ индо-европейскихъ. Это-то сравненіе, при посредствѣ родственныхъ индо-европейскихъ формъ, всего болѣе предохраняетъ лингвиста отъ заманчивыхъ сближеній по внѣшнему созвучію. Такъ, напримѣръ, еслибъ г. Хомяковъ обратилъ вниманіе на греческій ὕπνος, латинское *somnus* (вмѣсто *sopnus)*, литовское sapnas, то не сблизилъ бы нашего слова *сонъ* съ санскритскимъ *саяна* (сонъ), съ нёбнымъ *с*, а обратился бы къ санскритскому *свапнас* (сонъ), отъ глагола *свап,* родственнаго наше-

му *спать* (церковно-славянскому *съпати)*. Тогда бы между санскритскою формою *сваппас* и русскою *сонъ* была посредствующею превосходная литовская *sapnas*. Сверхъ-того, допустивъ это сближеніе, г. Хомяковъ не погрѣшилъ бы противъ языка славянскаго, не оторвалъ бы существительнаго *сонъ* (церковно-слав. *сънъ*) отъ его роднаго корня, сохранившагося въ глаголѣ *съпати: сънъ,* вмѣсто *съпнъ*, происходитъ отъ *съпати* точно также, какъ *гъну* (съ носовымъ звукомъ), вмѣсто *гъбну*, отъ *гъб* или *губ, гыб,* въ глаголѣ *гыбати* (нагибать). По закону благозвучія, губные звуки иногда отметаются передъ *н*. Мы ни коимъ образомъ не можемъ понять, почему г. Хомяковъ не принялъ этого сближенія, усвоеннаго Боппомъ и Миклошичемъ, и прибѣгнулъ къ новому, которое въ основательности далеко уступаетъ нами объясненному. Или авторъ не зналъ этого сближенія, или намѣренно умолчалъ о немъ. Мы допускаемъ послѣднее предположеніе и удивляемся, почему онъ не опровергъ общепринятаго въ наукѣ мнѣнія, замѣняя его своимъ собственнымъ, доселѣ-непризнаннымъ.

Сравнительно-историческое изученіе всѣхъ индо-европейскихъ языковъ въ совокупности изгнало, наконецъ, изъ грамматической литературы нелѣпую мысль о происхожденіи одного самостоятельнаго языка отъ другаго. Теперь никто не сомнѣвается, что остатки доисторической древности въ бо̀льшей или мѐньшей мѣрѣ раздѣлены между всѣми индо-европейскими языками. Производить славянскій языкъ отъ санскритскаго столь же ошибочно, какъ и санскритскій отъ славянскаго. Безъ всякаго сомнѣнія, и г. Хомяковъ раздѣляетъ это мнѣніе; но намъ кажется, что не вездѣ умѣлъ онъ провесть по своимъ сближеніямъ эту мысль о самостоятельности коренныхъ языковъ. Такъ иногда, безъ особенной необходимости, производитъ онъ наши слова отъ санскритскихъ, иногда, наоборотъ, санскритскія отъ нашихъ, подчиняя такимъ-образомъ одинъ языкъ другому.

Безполезное подчиненіе славянскаго языка санскритскому мы позволяемъ себѣ видѣть въ производствѣ миѳическаго имени *Стри-богъ* отъ санскритскаго *срі*—свѣтъ, счастіе, власть. Правда, что *т* въ формѣ *стри* можетъ быть объяснено какъ вставное, по сравненію съ формами *страмъ, страженіе,* вмѣсто первоначальныхъ *срамъ, сраженіе;* но зачѣмъ прибѣгать къ этому лингвистическому правилу въ томъ случаѣ, когда самое слово не даетъ къ тому никакого повода? Вставка *т* въ *страмъ* очевидна, потому-что это слово искони употреблялось въ формѣ *срамъ,* откуда чисто-русская: *соромъ;* но миѳическое имя, о которомъ говоримъ, постоянно и вездѣ употребляется только въ формѣ *Стри-богъ*. Къ-тому же изъ «Слова о Полку Игоревѣ» несомнѣнно явствуетъ, что *Стри-богъ* былъ богъ вѣтра, потому и вѣтры *стри-божи внуци*. Для чего жь несомнѣнному историческому свидѣтельству г. Хомяковъ противорѣчитъ своимъ санскритскимъ производствомъ, по которому Стри-богъ оказывается *богомъ свѣта, счастія* или *власти?*

Но особенное вниманіе читателя обратимъ на то, что г. Хомяковъ въ этомъ производствѣ, какъ намъ кажется, выразилъ вновь невниманіе къ народнымъ, нашимъ собственнымъ средствамъ въ образованіи словъ. Форма *стри* чисто-славянская, означаетъ вѣтеръ, повѣтріе (смотри Словарь Юнгманни); происходитъ же она, вѣроятно, отъ того же корня, отъ котораго образовались *стрѣти*, *застрѣть* (или *застрять)*, *стрѣха, застрѣха, стрѣла, стрѣлъ* (въ сложныхъ *пострѣлъ, самострѣлъ)* и т. д.

Еще страннѣе производство сокращенной русской формы *замать* (напримѣръ, въ выраженіи *не замай*, то-есть, *не трогай)* отъ санскритскаго *шам* или *сам* — безпокоить. Русскія: *замать, замай* — не что иное, какъ сокращеніе формъ *заимать, заимай* (вмѣсто *занимать, занимай)*, сложенныхъ изъ предлога *за* и глагола *имать, иму* (отъ кореннаго *яти, емлю*, съ носовымъ звукомъ). Нынѣшнему выраженію *не замай* (то-есть, не трогай, не бери) соотвѣтствуетъ старинное, несокращенное: *не заимай*, употребленное, напримѣръ, въ слѣдующемъ мѣстѣ «Объ Акирѣ Премудромъ», по рукописи XV вѣка, принадлежащей Императорскому Московскому Обществу Исторіи и Древностей: «сыну, твое участье (то-есть, имѣнье) дай, а чюжего *не заимай*».

Мы вполнѣ убѣждены, что этотъ самый элементарный грамматическій фактъ столь же извѣстенъ г. Хомякову, какъ и всякому образованному писателю, занимающемуся отечественною грамматикою, и потому сближеніе русскаго *замать* съ санскритскимъ *шам* или *сам* должны понять въ обратномъ смыслѣ. То-есть, г. Хомяковъ въ этомъ случаѣ санскритскія коренныя формы производитъ отъ испорченной или сокращенной русской *замать* (вмѣсто *заимать* или *занимать*). Но тогда слѣдовало бы доказать, что эта сокращенная форма не позднѣйшее явленіе, а древнѣйшая особенность русской рѣчи; а мы видѣли, что еще въ XV вѣкѣ, вмѣсто искаженной, употреблялась форма правильная, полная. Вопросъ о *заимствованіи словъ* изъ чужаго языка есть вопросъ чисто-историческій, и тогда только онъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно, когда будутъ приняты въ соображеніе всѣ историческія данныя, объясняющія лингвистическое заимствованіе.

Какъ бы то ни было, но въ своей статьѣ г. Хомяковъ многими сближеніями довольно-ясно выразилъ желаніе подчинить санскритскій языкъ русскому. Этимъ, между-прочимъ, объясняемъ мы себѣ невниманіе автора къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ и къ церковнославянскому въ-особенности. Въ-самомъ-дѣлѣ, для чего бы пускаться въ даль, брать въ пособіе и родственные языки, и исторію славянскихъ нарѣчій, еслибъ можно было объяснить санскритскій языкъ какъ мѣстное нарѣчіе русскаго? Какъ ни странна эта мысль, но нельзя не подозрѣвать въ ней г. Хомякова, когда, напримѣръ, узнаёшь изъ статьи его, что русскія формы *чуждый* и *чужой* онъ сближаетъ съ сан-

скритскими *джуд* и *чуд* — отвергать. Звукъ *ч* въ формѣ *чужой* собственно принадлежитъ русскому языку. Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ этому звуку соотвѣтствуетъ или *т* : *тудь*, или *шт*, *щ*: *штуждь*, *щуждь*, или *ц* : *цужь*, *цузь*. А такъ-какъ въ санскритѣ авторъ допускаетъ именно эту русскую особенность въ формѣ *чуд*, то, очевидно, онъ разсматриваетъ этотъ языкъ какъ частное видоизмѣненіе славянскаго, какъ одно изъ славянскихъ нарѣчій, и притомъ, по организму своему, зависимое отъ языка русскаго.

Только съ этой точки зрѣнія можно сколько-нибудь оправдать, напримѣръ, слѣдующія въ высшей степени странныя сближенія г. Хомякова : санскритское *Вишну* и наше *вышній*, санскритское *Кувера* (названіе божества) и наше *ковачь*, *коваль*, будто-бы отъ корня *ков*, тогда-какъ форма *ков* есть уже вторичная, по законамъ благозвучія, образовавшаяся изъ *ку*, откуда глаголъ *кути* — *кову*, какъ *плути*— *плову* (то-есть *плыть* — *плыву*).

Какъ-скоро лингвистъ ограничивается сравненіемъ только двухъ родственныхъ языковъ, не обращая надлежащаго вниманія на прочіе соплеменные, то неминуемо впадаетъ въ односторонность, какъ естественное слѣдствіе ограниченнаго, узкаго воззрѣнія на предметъ. Г. Хомяковъ иногда беретъ въ пособіе прочіе индо-европейскіе языки, какъ, напримѣръ, въ объясненіи слова *ночь* (о чемъ скажемъ ниже), но не вездѣ держится этой методы и часто ограничивается санскритомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе языки принесли бы бо́льшую пользу его сравнительнымъ изъисканіямъ.

Индо-европейскіе языки распадаются на нѣсколько группъ, состоящихъ изъ языковъ, наиболѣе-родственныхъ между собою, а именно: санскритъ и языкъ Зендавесты; греческій и латинскій; нѣмецкій и кельтскій ; славянскій и литовскій. Такимъ-образомъ къ славянскому ближе всѣхъ стоитъ литовскій, который потому необходимо брать въ соображеніе постоянно, когда сравнивается славянскій съ которымъ-нибудь изъ прочихъ индо-европейскихъ и особенно съ санскритомъ: потому-что литовскій составляетъ средину между санскритскимъ и славянскимъ, литовскій ближе славянскаго къ санскриту и ближе прочихъ языковъ къ славянскому. Вслѣдствіе такого соотношенія языковъ, бываютъ случаи, когда литовскій языкъ оказывается необходимымъ среднимъ терминомъ при сравненіи славянскаго съ санскритскимъ; и если опустите этотъ средній терминъ, вашъ выводъ будетъ неясенъ и непослѣдователенъ. Такъ г. Хомяковъ сближаетъ русскія формы *деготь* и *Дажь-богъ* (богъ огня) съ санскритскимъ корнемъ *даг*—жечь. Но почему же въ одномъ изъ нашихъ словъ *е*, а въ другомъ *а*, то-есть *деготь* съ *е*, *Дажь-богъ* съ *а?* Что̀ означаетъ окончаніе *оть* въ словѣ *деготь?* Нѣтъ ли формы ближайшей къ русскимъ *деготь* и *Дажь-богъ*, и притомъ такой формы, которая бы указала на органическое образованіе нашего слова *деготь?* Всѣ эти вопросы превос-

ходно рѣшаетъ литовскій языкъ въ слѣдующихъ своихъ формахъ: *degu* — горю, *degas*, *degus*, *degsnis* — пожаръ, *degesis* — мѣсяцъ августъ (собственно мѣсяцъ жара) и наконецъ, *deguttas*, *deguttis*, или *daguttas*, *daggat* — деготь. Изъ этихъ литовскихъ формъ оказывается, вопервыхъ, что форма *деготь* есть не что иное, какъ причастіе отъ глагола *degu*, вовторыхъ, что древнѣйшее *а* (въ санскрит. *даг*) хотя и перешло въ *е* въ бо̀льшей части родственныхъ формъ, но кое-гдѣ еще и удержалось, какъ, напримѣръ, *daguttas*, *daggat* — деготь, *dagas* въ сложномъ *uzdagas* — возгораніе, воспламененіе. Такимъ-образомъ мы видимъ ясно, почему санскритскому *а* (въ *даг*) у насъ соотвѣтствуетъ то *е* (деготь), то *а* (Дажь-богъ). Къ этому присовокупимъ слѣдующую догадку: можетъ-быть, въ древней церковно славянской письменности этимъ гласнымъ соотвѣтствовали ъ и ь (то-есть вмѣсто *о* или *е*, происшедшихъ отъ первоначальнаго *а*). Въ такомъ случаѣ съ санскритскимъ *даг* и литовскимъ *degu* будутъ родственны формы *дъгна* или *дьгна* (*догна* или *дегна*), употребляемыя въ древней письменности въ смыслѣ раны. Тогда *дъгна*, то-есть воспламененная (причастіе отъ *degu*) будетъ соотвѣтствовать другому древнѣйшему наименованію раны, болячки, именно формѣ *блѣскъ* или *блескъ*.

Увлеченіе въ производствѣ всѣхъ словъ изъ одного какого-нибудь языка доходитъ до крайности тогда, когда лингвистъ смѣшаетъ историческое заимствованіе съ первобытнымъ лингвистическимъ сродствомъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что многія слова, относящіяся къ христіанскому исповѣданію, образовались у славянъ въ позднѣйшее время, въ періодъ между IV и X столѣтіями по Р. Х., и притомъ преимущественно подъ вліяніемъ византійскаго языка, а частью и латинскаго. Тогда-то, сверхъ многихъ греческихъ, вошли въ славянскій языкъ нѣкоторыя латинскія слова. Напримѣръ: *оцьтъ* (*оцетъ*), *цѣсарь* или *цесарь* (при греческой формѣ *кесарь*), откуда, черезъ сокращеніе: *цьсарь*, и наконецъ *царь*; латинскаго же происхожденія: *олтарь* или *алтарь*, *постъ*, *поганый* и нѣк. друг. Образованіе слова *постъ* вполнѣ-удовлетворительно объясняетъ профессоръ Бодянскій въ слѣдующихъ словахъ: «Такого же точно происхожденія и *постъ*, имѣющее во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *п* (отъ которыхъ перешло къ сосѣдямъ ихъ, чуди, *paasto*), и румун., то-есть, съ латинскаго *fasti*, первоначально дни, въ которые не работали, откуда двоякое значеніе дней *праздничныхъ* (свѣтское) и *постныхъ* (церковное), въ кои воздерживались отъ обыкновенной скоромной пищи (*fast*-und-*feier*-tag). Въ такомъ же церковномъ смыслѣ оно перешло и къ нѣмецкимъ народамъ, только съ сохраненіемъ *f*: *fasta*, *faste*, *fasten*, *fästan*, *festia*, и пр.; если же выводить отъ готскаго *fastan*, откуда *fasta*, *fastubni* — воздержаніе, пощеніе, то извѣстно, что тогда заимствованіе обойдется еще ближе и непосредственнѣе, такъ-какъ готы долго жили вмѣстѣ по сосѣдству съ славянами на сѣверѣ и на югѣ, особливо въ подунай-

скихъ и адріатическихъ краяхъ, гдѣ были до насъ уже христіанами». (См. «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», стр. 230).

Нѣкоторыя изъ латинизмовъ впослѣдствіи вышли изъ употребленія. Напримѣръ, весьма-часто встрѣчающіеся въ нашей старинной письменности *комькати, комканіе* (то-есть communicare, *communio*). Что эти слова употреблялись и на Руси, свидѣтельствуетъ Кирикъ въ своихъ вопросахъ. Древнѣйшій памятникъ, въ которомъ намъ случилось встрѣтить эти слова — «Синайскій Патерикъ», по языку относящійся, безспорно, къ XI вѣку, но въ спискѣ XII вѣка.

Того же происхожденія и прилагательное *поганый*, литовское *pagonas*, то-есть, съ латинскаго *paganus*. Это слово во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ нашихъ употребляется въ противоположность христіану, христіанскому. Такъ, напримѣръ, въ «Хожденіи игумена Даніила», въ сочиненіи XII-го, по списку XV вѣка, принадлежащему Императорскому Московскому Обществу Исторіи и Древностей: «Не видихомъ бо зла ничтоже на пути ни *отъ поганыхъ*, ни отъ звѣри (*) люта» (стр. 241 оборотъ). Здѣсь явственно говоритъ Даніилъ о путешествіи христіанъ по странѣ нехристіанской, между *погаными*. Эта противоположность *поганства* (то-есть язычества) христіанству обозначилась и въ грамматическомъ соотвѣтствіи формъ, а именно: какъ *христіанъ, христіаный* есть первоначально прилагательное, весьма-употребительное въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ, такъ и *поганъ, поганый* — и доселѣ есть прилагательное. Какъ отъ прилагательнаго *христіанъ, христіаный* образуется съ окончаніемъ *инъ* существительное *христіанинъ*, во множ. числѣ безъ *инъ: христіане*, такъ и отъ *поганъ, поганый*, въ-древности употреблялось существительное *поганинъ* (съ окончаніемъ *инъ*), во множ. числѣ *погане;* напримѣръ, въ томъ же спискѣ «Синайскаго Патерика»: *единъ поганинъ; отъ поганъ* (стр. 12).

Эти историческія данныя о происхожденіи и употребленіи словъ, заимствованныхъ славянами въ эпоху христіанскую, г. Хомяковъ трактуетъ съ точки зрѣнія чисто-сравнительной, производя слово *постъ* отъ санскритскаго *упошита*, а слово *поганый* отъ санскритскаго же *поганда* — уродъ. Къ послѣднему сближенію онъ присовокупляетъ съ тономъ рѣшительнаго убѣжденія: «слово *поганый* не имѣетъ ничего общаго съ латинскимъ *paganus* отъ *pagus*».

Изъ подробнаго разсмотрѣнія лингвистическихъ средствъ, употребленныхъ г. Хомяковымъ въ разбираемой нами статьѣ, позволяемъ себѣ вывести слѣдующее заключеніе:

1) Г. Хомяковъ *не признаетъ лингвистическихъ законовъ* о

(*) Любопытна также древнѣйшая форма родительнаго падежа: *звѣри*, вмѣсто позднѣйшей *звѣря*.

свойствѣ и измѣненіи звуковъ, или по-крайней-мѣрѣ *не слѣдуетъ* этимъ законамъ въ своихъ сравнительныхъ наблюденіяхъ.

2) Всѣ свои выводы основываетъ преимущественно *на внѣшнемъ*, весьма-часто *случайномъ созвучіи*.

3) Въ изученіи русскаго языка *отступаетъ отъ историческаго преданія*, сохраненнаго въ древней славяно-русской письменности.

4) *Не признаетъ законовъ* о правильнѣйшемъ *отношеніи* языка русскаго *къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, и преимущественно къ языку церковному*.

5) Въ сравненіи русскаго языка съ санскритскимъ *не касается прочихъ индо-европейскихъ*, и именно въ тѣхъ случаяхъ, *гдѣ это необходимо для надлежащей правильности, или для большей ясности въ изслѣдованіяхъ*.

6) *Производитъ* нѣкоторыя санскритскія формы отъ *позднѣйшихъ русскихъ*, и притомъ *отъ испорченныхъ*.

7) Смѣшиваетъ первобытное сродство съ историческимъ заимствованіемъ.

8) Предлагая нѣсколько производствъ для одного и того же слова, тѣмъ самымъ выражаетъ свое *колебаніе во мнѣніяхъ*, происходящее отъ *недостатка убѣжденія* въ истинѣ того, о чемъ говоритъ онъ.

Съ такими средствами едва-ли возможно достигнуть той цѣли, къ которой авторъ стремился. Чѣмъ болѣе сочувствуемъ мы г. Хомякову въ истинно-разумномъ стремленіи открывать въ каждомъ словѣ его внутренній смыслъ, тѣмъ болѣе жалѣемъ, что путь, избранный имъ для достиженія истины — путь (по нашему крайнему разумѣнію) самый долгій и окольный, по которому развѣ только случайно можно встрѣтиться съ истиною. И дѣйствительно, надобно признаться, что современемъ, можетъ-быть, докажется достовѣрность нѣкоторыхъ весьма-остроумныхъ сближеній г. Хомякова; но, къ-сожалѣнію, эти немногія исключенія исчезаютъ въ толпѣ самыхъ противорѣчащихъ мнѣній, отступающихъ отъ законовъ сравнительно-исторической лингвистики. Въ этихъ колеблющихся мнѣніяхъ особенно-тяжело дѣйствуетъ на читателя рѣзкая противоположность прекрасной, разумной цѣли съ шаткими, сомнительными средствами, которыми пользуется авторъ.

Для примѣра возьмемъ производство слова *ночь*. Вотъ собственныя слова г. Хомякова: «*Ночь, накта* — ночь. Этимологія санскритская отъ *надж*—стыдиться, чистый вздоръ. Настоящая же этимологія указываетъ на коренную идею *ока* въ смыслѣ органа зрѣнія и самаго зрѣнія. Русскіе называютъ ночь временемъ невидущимъ. Рус. *н-очь*, латинск. *n-oc-s* (*oculus* уменьшительное), нѣмецк. *n-acht* (*achten* — видѣть, хотя смыслъ этого слова временемъ измѣненъ); санскр. *н-акта* (отъ *акши*). Всѣ представляютъ идею зрѣнія съ отрицательнымъ *н*, котораго давность тѣмъ самымъ доказывается. Древнѣйшая форма санскр. была *накша*, а не *накта*. Звѣзда называется *накшатра*

(отъ *накша*— ночь и *трак*— ходить, или *тра*— охранять; ночеходная и ночехранительная). Этому слову даютъ санскритскіе лексикографы три разныя этимологіи, изъ которыхъ ни одна никуда не годится» (ст. 407).

Мы не будемъ защищать санскритскихъ грамматистовъ; замѣтимъ только, что рѣзкія и рѣшительныя выраженія противъ нихъ какъ-то нестройно звучатъ рядомъ съ сомнительнымъ предположеніемъ о первобытности формы *накша* вм. *накта*, и о происхожденіи наименованія *накшатра*. Для насъ любопытнѣе всего здѣсь производство слова *ночь* отъ *очи*. Итакъ *ч* въ словѣ *ночь* происходитъ отъ *к*, то-есть *ночь* вмѣсто *нок;* откуда же взялась церковно-славянская форма *нощть* или *нощь?* Извѣстно, что *к* въ церковно-славянскомъ языкѣ не переходитъ въ *шт* или въ *щ*. Иное дѣло *кт:* эта группа смягчается въ *шт* или *щ;* напримѣръ: *пекти* — *пешти* или *пещи;* тогда у насъ *ч : печь*. То же самое доселѣ полагали и о формѣ *ночь*, церковно-славян. *нощь* или *нощть*, вм. *нокть*. При всей готовности нашей принять производство г. Хомякова, мы не можемъ обойдти церковно-славянскаго языка, въ которомъ есть формы *нощть* или *нощь* и *очи*, и нѣтъ ни *ночь*, ни *ошти* или *още* въ значеніи глазъ. Итакъ, изъ уваженія къ самостоятельности церковно-славянскаго языка, изъ уваженія къ славянскому, національному преданію, мы должны отказаться отъ предположенія г. Хомякова.

Впрочемъ, несмотря на всѣ вышеизложенныя замѣчанія наши, должно признаться, что статья г. Хомякова имѣетъ нѣкоторыя и положительныя достоинства и для будущаго лексикографа можетъ служить матеріаломъ, вопервыхъ, въ тѣхъ правильныхъ сближеніяхъ, о которыхъ замѣчено выше, и, вовторыхъ, въ указаніи нѣкоторыхъ народныхъ словъ и преимущественно изъ быта охотничаго.

Что же касается до отрицательной стороны этой статьи, то и здѣсь нельзя не отдать справедливости г. Хомякому : онъ особенно увлекаетъ тамъ, гдѣ вдается въ парадоксы. Потому-то, изъ уваженія къ дарованіямъ автора, мы нашли небезполезнымъ строгой критикой отдѣлить въ его изслѣдованіяхъ истину и правдоподобіе отъ увлеченій остроумія.

Даже самыя увлеченія эти такъ игривы, такъ ускользаютъ отъ строгаго отчета, что иной разъ кажется, будто авторъ, съ свойственною ему живостью, внезапно переходитъ отъ серьёзнаго настроенія лингвиста къ легкимъ сатирическимъ выходкамъ противъ тѣхъ, которые, желая сказать что-нибудь новое, забываютъ самыя начальныя грамматическія свѣдѣнія , и которые въ національномъ увлеченіи производятъ санскритъ отъ языка русскаго и на каждомъ шагу противорѣчатъ преданіямъ церковно-славянской и русской письменности.

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

Въ 13-мъ № «Вѣстника Естественныхъ Наукъ» помѣщена статья г. А. Н. Егунова: *Статистика градобитій въ Россіи*. Самое заглавіе статьи заинтересовываетъ читателя; но статья покажется ему еще любопытнѣе, если онъ прочтетъ введеніе къ ней и узнаетъ программу изслѣдованія, которое предпринялъ г. Егуновъ. Авторъ, которому мы, впрочемъ, не осмѣливаемся присвоить эпитетъ «скромный», слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ предметъ и цѣль своего труда: «дать прочнѣйшую сравнительно основу наукѣ естества» и «разъяснить гдѣ сколько бываетъ у насъ градовъ, когда они преимущественно угрожаютъ пахарю и въ какой степени являются убыточными для нашего хозяйства». Нѣсколько строкъ ниже авторъ говоритъ, что статья написана имъ, между-прочимъ, и «въ убѣжденіи, что предлагаемыя его данныя могутъ *значительно* облегчить организацію обществъ застрахованія отъ града». Но интересное заглавіе статьи г. Егунова и программа изслѣдованія нисколько не соотвѣтствуютъ достоинству содержанія или исполненія. Впрочемъ, надо отдать честь чисто-литературному таланту автора: онъ такъ много и бойко говоритъ о необходимости «положительныхъ фактовъ», о «критикѣ» и «разумной группировкѣ» данныхъ, о ученыхъ «пріемахъ», облегчающихъ пользованіе данными, и такъ испестрилъ страницы своей статьи числами (изъ которыхъ бо̀льшая часть выражена въ сотыхъ доляхъ, что̀ прямо свидѣтельствуетъ о томъ, какую высокую степень точности имѣютъ они въ глазахъ автора), что ученый трудъ его въ-состояніи произвести поразительный эффектъ на читателей-неспеціалистовъ въ дѣлѣ, которому посвящена статья, и на тѣхъ, которые не успѣли потерять окончательно вѣры въ громкія фразы и «средніе выводы». Впрочемъ, кто жь и не поддавался обаянію фразъ и цифръ? И ка̀къ часто, благодаря этой блестящей внѣшней обстановкѣ, случается не замѣчать крайней шаткости самой сущности статьи! Ка̀къ легко люди подчиняются обаянію, о которомъ мы говоримъ, и вслѣдствіе того составляютъ себѣ самое превратное понятіе о достоинствѣ статьи, тому поразительнымъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующій отзывъ о статьѣ г. Егунова, отзывъ, написанный редакторомъ «Вѣстника» и напечатанный въ томъ же 13 № этого журнала. «Въ ней (то-есть въ статьѣ г. Егунова) находитъ прочное основаніе и повѣрку новѣйшая теорія о градѣ»... «Въ этой же статьѣ положено прочное основаніе соображеніямъ, на которыхъ могло бы опереться общество застрахованія засѣянныхъ полей отъ градобитія въ Россіи»... «Вотъ значеніе чиселъ, которыя такъ часто кажутся сухими на первый разъ! вотъ связь наукъ между собою! вотъ, между-прочимъ, связь статистики съ естественными науками! Высокій интересъ предлагаемой статьи побудилъ насъ измѣнить принятое обыкновеніе и дать вмѣсто одной таблицы двѣ: мы не желали лишить статью той наглядности и ясности въ доказательствѣ развиваемой мысли... которыя такъ рѣзко отличаютъ статью г. Егунова».

Наше мнѣніе о статьѣ г. Егунова выскажемъ съ самаго начала и прямо; доказательства же представимъ послѣ. Намъ кажется, что притязанія автора на разрѣшеніе сложныхъ метеорологическихъ вопросовъ лишены всякаго основанія; что авторъ статьи, такъ горячо хлопочущій о томъ, чтобъ «дать прочнѣйшую основу наукѣ естества», имѣетъ очень-неглубокія познанія въ этой наукѣ; что авторъ, такъ прекрасно и умно разсуждающій о «критикѣ данныхъ», чуждъ тонкаго критическаго такта; что авторъ, такъ обстоятельно-трактующій объ ученыхъ «пріемахъ», не имѣетъ достаточно яснаго понятія о сущности тѣхъ пріемовъ, которые ему приходится употреблять на дѣлѣ; что... и пр. и пр. По-крайней-мѣрѣ таково наше мнѣніе о первой статьѣ г. Егунова (слѣдующія еще не появились въ печати), которая, впрочемъ, составляетъ сама-по-себѣ нѣчто цѣльное и отдѣльное. Она посвящена изслѣдованію законовъ распредѣленія градовъ. Мы высказываемъ наше мнѣніе о первой статьѣ, не дожидаясь выхода въ свѣтъ остальныхъ статей, въ надеждѣ, что авторъ успѣетъ еще воспользоваться нашими замѣчаніями. А принять ихъ къ свѣдѣнію, смѣемъ думать, не мѣшало бы.

Мы не станемъ останавливаться на самомъ заглавіи статьи и доказывать ошибочность выраженія «Статистика градовъ въ Россіи»: заглавіе—дѣло неочень-важное, и его, пожалуй, можно перемѣнить. Обращаемся къ самой статьѣ. Здѣсь прежде всего поражаетъ насъ слѣдующее обстоятельство. Въ основаніе своихъ изслѣдованій *о градѣ* авторъ полагаетъ офиціальные отчеты *«о градобитіяхъ»* (за десять лѣтъ, съ 1844 г. по 1853 г. включительно), помѣщенные въ разныхъ томахъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Спрашивается: почему авторъ считаетъ непозволительнымъ не сдѣлать различія между словами: «градъ» и «градобитіе» и поставить какъ въ статьѣ, такъ и въ заглавіи ея, вмѣсто послѣдняго выраженія, первое? Не-уже-ли, по мнѣнію автора, «градъ» и «градобитіе» — понятія совершенно-тождественныя? Автору должно быть извѣстно, что не всякій градъ производитъ опустошеніе, другими словами: выпаденіе града не всегда сопровождаются градобитіемъ. Градъ можетъ причинить опустошеніе тогда только, когда градины имѣютъ извѣстную величину, пріобрѣтаютъ извѣстную скорость, и притомъ необходимо, чтобъ градовая туча пронеслась надъ такими мѣстами, которыя могутъ подвергаться пораженію (если градовая туча пронесется надъ моремъ, озеромъ, по мѣстностямъ ненаселеннымъ и невоздѣланнымъ, особенно въ извѣстныя времена года, то градобитія не будетъ; но то же облако, пройдя по мѣстамъ другаго рода, можетъ быть причиною большихъ опустошеній), и т. д. Не-уже-ли авторъ не знаетъ, что число градобитій далеко не соотвѣтствуетъ числу градовъ? Первое число *значительно*-меньше втораго, такъ-что по числу градобитій нельзя дѣлать заключеній о числѣ градовъ, подобно тому, какъ по числу разъ, когда люди, животныя, или зданія, были поражаемы молніею, нельзя опредѣлить числа

грозъ вообще. Къ какимъ несообразностямъ приводитъ это безразличное смѣшеніе словъ «градъ» и «градобитіе»—можно видѣть изъ нижеслѣдующаго. Въ своей статьѣ авторъ насчитываетъ до пятидесяти уѣздовъ, въ которыхъ будто-бы въ-теченіе десяти лѣтъ (1844—53 гг.) не было ни одного града! Не-уже-ли есть люди, которые повѣрятъ этому диву? Мы твердо увѣрены, что когда статья г. Егунова попадется въ руки обитателей этихъ пятидесяти счастливцевъ-уѣздовъ, то они отъ души подивятся ученому добродушію его и не разъ припомнятъ старую поговорку: «не вѣрь всему печатному». Мы предполагаемъ, авторъ «Статистики градовъ» не удовольствуется нашими голословными указаніями, а потребуетъ «положительныхъ фактовъ» въ подтвержденіе нашего обвиненія, и потому спѣшимъ представить ихъ здѣсь. На страницѣ 398-й своей статьи г. Егуновъ говоритъ, что въ Курскомъ Уѣздѣ въ-теченіе десяти лѣтъ не было ни одного града. Если же авторъ потрудится развернуть «Сводъ наблюденій, произведенныхъ въ Главной Физической и подчиненныхъ ей обсерваторіяхъ» за 1848 годъ, и, просмотрѣть метеорологическія наблюденія, произведенныя въ Курскѣ г. Ѳедоромъ Семеновымъ, то узнаетъ, что въ 1844 году въ Курскѣ (и слѣдственно въ Курскомъ Уѣздѣ) градъ выпадалъ четыре раза, въ 1845 году тоже четыре раза, въ 1846 году ни одного (за позднѣйшіе годы свѣдѣній не имѣется). Г. Семеновъ положительно говоритъ, что въ-теченіе трехъ лѣтъ (1844—46 гг.) градъ былъ восемь разъ, а г. Егуновъ, напротивъ, столь же положительно утверждаетъ, что даже въ-теченіе десяти лѣтъ не было *ни одного* града! Подобныхъ «положительныхъ фактовъ» мы могли бы провести много, но, намъ кажется, что игра не стóитъ свѣчъ, и что приведеннаго примѣра достаточно, чтобъ судить до какой степени числовыя показанія автора о числѣ *градовъ* (а не градобитій) заслуживаютъ вѣроятія. А между-тѣмъ на стр. 392-й г. Егуновъ съ увѣренностью утверждаетъ, что его относительныя (на 100 квадр. миль) числа градовъ столь близки къ истиннымъ относительнымъ, что разность между тѣми и другими едва-ли превосходитъ 0,013, то-есть «тринадцать тысячныхъ долей одного града въ десять лѣтъ»! И это авторъ говоритъ объ Архангельской Губерніи, въ которой на цѣлыя сотни верстъ тянутся тундры, вовсе-необитаемыя, или слабо-заселенныя полудикими племенами, и гдѣ, слѣдственно, нѣтъ никакой возможности собирать точныя статистическія свѣдѣнія. Вотъ вамъ образецъ критическаго такта!

Сверхъ-того, авторъ не только принималъ произвольное значеніе данныхъ о градобитіяхъ, но и въ самомъ способѣ обработки ихъ сдѣлалъ ошибку первостепенной важности. Извѣстно, что въ статистикѣ степень населенности губерніи опредѣляется отношеніемъ общаго числа жителей къ числу квадратныхъ миль, выражающихъ величину поверхности этой губерніи. Тотъ же самый ариѳметическій пріемъ г. Егуновъ употребилъ для опредѣленія относительнаго (на 100 кв. м.) чи-

сла градовъ. (Въ Московской Губерніи, по исчисленію г. Егунова, въ-теченіе десяти лѣтъ было 78 градовыхъ случаевъ, въ Санктпетербургской, въ-теченіе того же времени 19; а какъ пространство первой губерніи равняется 589,26 кв. м., второй — 969,72 кв. м., то, слѣдственно, заключаетъ авторъ, въ Московской Губерніи на каждыя 100 кв. м. пространства приходится 13,24 градовыхъ случаевъ, а въ Санктпетербургской — 1,96). Ненужно много соображенія, чтобъ понять, что авторъ не имѣлъ никакого права употребить этотъ пріемъ въ своемъ изслѣдованіи. *Единица жителя* — такая единица, которая остается тою же самою, какъ бы ни измѣнялось пространство земли. Если, напримѣръ, въ Санктпетербургской Губерніи 700,000 жителей, то раздѣлимъ ли эту губернію на двѣ, на три, на четыре, и т. д., части, общее число единицъ-жителей останется все то же, то-есть 700,000. Напротивъ, понятіе о градовомъ случаѣ, какъ единицѣ особаго рода, всегда предполагаетъ, *подразумѣваетъ*, что нѣкоторое пространство земли (губернія), какова бы ни была абсолютная величина этого пространства, тоже принимается за единицу своего рода, такъ-что съ измѣненіемъ этой послѣдней единицы (когда, напримѣръ, за единицу пространства станемъ считать не губернію, а 100 кв. м.) необходимо измѣняется понятіе о единицѣ случая града и, слѣдственно, единица градоваго случая можетъ превратиться въ 2, 3, 4 и т. д. единицы новаго рода. Объяснимъ сказанное на примѣрѣ. Пріймемъ, вмѣстѣ съ г. Егуновымъ, что въ Московской Губерніи было 78 градовыхъ случаевъ, а, съ другой стороны, припомнимъ, что градъ идетъ полосами, которыя при малой ширинѣ *по-большей-части* имѣютъ значительную длину (въ нѣсколько десятковъ верстъ). Теперь понятно, что еслибъ мы раздѣлили Московскую Губернію на двѣ равныя (по пространству) части, напримѣръ, восточную и западную, и стали вести счетъ градовымъ случаямъ въ той и другой части порознь, то насчитали бы въ каждой изъ нихъ гораздо-болѣе 39, то-есть много болѣе половины общаго числа градовъ по цѣлой губерніи (напримѣръ, въ одной половинѣ губерніи насчитали бы 60, въ другой 55), ибо нѣкоторыя (если не всѣ) градовыя полосы могутъ единовременно захватить обѣ части губерніи, и, слѣдственно, *въ каждой* изъ этихъ частей относительное число градовъ было бы уже не 13,24, а *гораздо-большее*. Другими словами: еслибъ на мѣстѣ нынѣшней Московской Губерніи находились двѣ равныя (по пространству) губерніи, то въ каждой изъ этихъ новыхъ губерній градъ выпадалъ бы чаще, чѣмъ теперь? Очевидная нелѣпость! Административное дѣленіе не можетъ имѣть вліянія на законъ распредѣленія такого естественнаго явленія, какъ градъ. Ясно, что числа, полученныя авторомъ чрезъ раздѣленіе общаго числа градовъ на число сотенъ квадратныхъ миль въ губерніи, далеко не имѣютъ характера истинныхъ относительныхъ величинъ и вовсе не выражаютъ того, въ какой степени случай града въ одной

губерніи представляется чаще, чѣмъ въ другой. Числа г. Егунова находятся въ сложной зависимости отъ абсолютной величины каждой губерніи—зависимости, отъ которой вовсе не освободилъ ихъ дѣлительный пріемъ. Этотъ послѣдній только еще болѣе осложнилъ значеніе абсолютнаго числа градовыхъ случаевъ по цѣлой губерніи. Этою зависимостью (но не ею исключительно) чиселъ отъ абсолютной величины губерніи объясняется очень-просто, почему въ губерніяхъ сибирскихъ, Архангельской, Вологодской, Оренбургской, Ставропольской и н. др., замѣчательныхъ своею обширностью, относительныя числа градовъ вышли очень-малы, а, напротивъ, въ губерніяхъ Подольской, Пензенской, Московской, Тульской и др. (сравнительно гораздо-меньшихъ) тѣ же числа, наоборотъ, очень-велики. Неумѣстность пріема, употребленнаго г. Егуновымъ, очень-ясно раскрывается на слѣдующемъ примѣрѣ. Положимъ, что въ двухъ губерніяхъ А и В, изъ которыхъ первая въ десять разъ больше второй, въ-теченіе одного и того же періода времени мѣстная эпидемія извѣстнаго рода была наблюдаема по двадцати разъ. Спрашиваемъ у автора: можно ли на основаніи этихъ данныхъ заключать, что первая губернія въ десять разъ рѣже подвергается эпидеміи, чѣмъ вторая? Отвѣчаемъ за автора: нѣтъ! Но еслибъ дѣло шло не объ эпидеміи, а, напримѣръ, о выпаденіи аэролитовъ, то въ этомъ случаѣ можно бы смѣло сдѣлать заключеніе, что въ губерніи А метеориты выпадаютъ въ десять разъ рѣже, чѣмъ въ губерніи В. Пріемъ, употребленный г. Егуновымъ для опредѣленія относительнаго числа градовъ, мы признали бы законнымъ, или, по-крайней-мѣрѣ, извинительнымъ, еслибъ возможно было допустить, что всѣ или большая часть градовыхъ полосъ имѣетъ длину очень-незначительную, сравнительно съ размѣрами губерніи— а такое допущеніе невозможно. Несообразность пріема г. Егунова бросится въ глаза еще сильнѣе, если мы опредѣлимъ, сколько приходится градовыхъ случаевъ на 1 кв. м., а не на 100 кв. м., какъ дѣлаетъ авторъ статьи. (Въ Московской Губерніи на 1 кв. м. приходится въ десять лѣтъ 0,13 градовыхъ случаевъ, а въ Санктпетербургской 0,02). Спрашиваемъ у автора: есть ли въ Московской Губерніи хоть одинъ уголокъ въ 1 кв. милю (величиною съ Москву), въ которомъ бы въ-теченіе ста лѣтъ градъ, среднимъ числомъ, выпадалъ только однажды? Не-уже-ли авторъ предполагаетъ возможнымъ существованіе въ Санктпетербургской Губерніи многихъ такихъ мѣстностей (въ 1 кв. м.), въ которыхъ градъ выпадаетъ однажды въ пятьсотъ лѣтъ или даже еще рѣже?

Но величина относительныхъ чиселъ автора «Статистики градобитій» зависитъ не только отъ абсолютной величины губерніи, но и отъ фигуры и направленія (по отношенію къ меридіану) границъ губерніи. Такъ-какъ ни авторъ, ни читатели, конечно, не предполагаютъ такого удивительнаго свойства въ этихъ числахъ, то и постараемся выставить его на видъ и всего лучше въ частномъ примѣрѣ. Для этого предва-

рительно припомнимъ, что градъ идетъ полосами, направляющимися всего чаще отъ запада къ востоку. Теперь представимъ себѣ, что Московская Губернія имѣетъ фигуру прямоугольника, растянутаго въ направленіи отъ запада къ востоку и положимъ, что общее число градовъ по цѣлой губерніи будетъ, попрежнему, 78. Если раздѣлимъ губернію на двѣ равныя части параллельнымъ кругомъ, то въ такомъ случаѣ, какъ на сѣверную, такъ и на южную половины губерніи прійдется по 39 градовъ (приблизительно; ибо вѣроятность, что неширокая градовая полоса, на пути своемъ отъ запада къ востоку, попадетъ либо въ одну сѣверную, либо въ одну южную часть губерніи, одинакова), и, слѣдственно, какъ для цѣлой губерніи, такъ и для каждой изъ двухъ частей ея получимъ одинаковыя (приблизительно) относительныя числа. Если же тотъ же прямоугольникъ раздѣлимъ пополамъ однимъ изъ меридіановъ, то, какъ объяснено было выше, въ относительное число градовъ въ каждой изъ половинъ будетъ гораздо-болѣе относительнаго числа по цѣлой губерніи. Еслибъ губернія имѣла фигуру не прямоугольника, а какую-либо другую, напримѣръ, треугольника, то, какъ легко усмотрѣть, измѣненія въ относительномъ числѣ градовъ частей, соотвѣтственно различнымъ возможнымъ положеніямъ дѣлящей линіи, были бы еще значительнѣе и сложнѣе.

Послѣ всего сказаннаго, читатели, конечно, согласятся, что относительныя числа градовъ, представленныя г. Егуновымъ, вовсе не могутъ служить «ни прочною основою наукѣ естества» (какъ думаетъ авторъ статьи), ни «прочнымъ основаніемъ и повѣркою новѣйшей теоріи града» (какъ утверждаетъ редакторъ «Вѣстника»), ни имѣть для *ушей* ихъ (то-есть читателей) «той пѣвучести, которая, какъ и всякая хорошая музыка, въ высшей степени способна увлечь и изслѣдователя и читателя, неуспѣвшаго еще охладѣть къ дѣйствительности». Въ-заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ чиселъ невѣрны уже и по одному тому, что они составляютъ выводы ошибочно-сдѣланнаго простаго, ариѳметическаго дѣленія. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что въ Калужской Губерніи на каждыя 100 кв. м. приходится 5,16 градовыхъ случаевъ, тогда-какъ слѣдовало бы сказать 7,15. Что этне простая опечатка, видно изъ того, что на таблицѣ 13-й А (литой графированной) губернія Калужская отнесена къ губерніямъ третьео категоріи, тогда-какъ ее слѣдуетъ причислить ко второй.

Показавъ, какъ ошибочны основанія, отъ которыхъ отправляется авторъ, должно ли доказывать ошибочность выводовъ, на нихъ построенныхъ? Нельзя безъ улыбки читать тѣ страницы статьи, гдѣ авторъ всячески старается дать физическій смыслъ, истолкованіе своимъ числамъ, этимъ продуктамъ всевозможнаго рода ошибокъ. Никогда авторскій произволъ въ объясненіи естественныхъ явленій не достигалъ такой безграничности! Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что «*чѣмъ выше* мѣстность надъ уровнемъ моря, тѣмъ мень-

шее разстояніе градъ долженъ пролетѣть до земли и тѣмъ чаще повторяться какъ градъ». Нѣсколько же строкъ ниже, авторъ, сказавъ, что Курскъ возвышается на 917 футовъ надъ уровнемъ океана, прибавляетъ: «*эта чрезмѣрная возвышенность* послѣдняго, открывающаго его порывамъ всевозможныхъ вѣтровъ, и послужила *вѣроятной причиной*, почему уѣзды Курскій съ сосѣднимъ Щигровскимъ *не имѣли ни одного града* въ десять лѣтъ»... Вотъ вамъ и послѣдовательность! Вотъ вамъ хваленыя «наглядность и ясность въ доказательствѣ развиваемой мысли»! Явное противорѣчіе выводовъ нисколько не безпокоитъ автора: онъ даже силится успокоить читателя, увѣряя его, что «то, что въ одномъ мѣстѣ производитъ явленіе, то самое въ другомъ предохраняетъ отъ этого явленія»! Съ помощію этой аксіомы можно объяснить все! На что̀, послѣ этого, нужны «положительные факты» и «естественныя науки»? Повторяемъ: г. Егуновъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, офиціальными отчетами «о градобитіяхъ»—отчетами, которые, по нашему мнѣнію, составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для отечественной статистики.

Ѳ. Баталинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

I.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ (*) 1853—1854.

1. ДУНАЙСКАЯ АРМІЯ.

Восточный вопросъ.—Посольство князя Меншикова въ Константинополь.—Кайнарджійскій трактатъ.—Отъѣздъ русской миссіи изъ Константинополя. — Приближеніе англо-французскаго флота къ Дарданелламъ.—Высочайшій Манифестъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію. — Прокламація главнокомандующаго россійскою арміею князя Горчакова къ жителямъ княжествъ. — Открытіе Турціею военныхъ дѣйствій.—Дѣло при Исакчи.—Дѣло при с. Ольтеницѣ.—Удаленіе турокъ на правый берегъ Дуная.—Обозрѣніе крѣпости Мачина.—Сраженіе при с. Четати.—Отбитіе турокъ отъ Калараша.—Неудачи турокъ при высадкахъ на лѣвый берегъ Дуная.—Истребленіе турецкой флотиліи, находившейся у Рущука, Систова и Никополя.—Тревога турокъ въ Калафатѣ.—Сраженіе при Каларашѣ. — Подробное описаніе перехода русскихъ на правый берегъ Дуная. — Дальнѣйшія дѣйствія русской арміи на обоихъ берегахъ Дуная. — Рекогносцировка Калафата. — Занятіе острововъ Голый, Гопа и Толкія. — Неудачная попытка турокъ утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная. — Стычка при с. Родованѣ. — Дѣло полковника Карамзина. — Отбитіе турокъ отъ острова Радомана. — Занятіе русскими Бабадага, Черноводъ, Карасу и удаленіе турокъ. — Встрѣча русскихъ съ англичанами. — Стычка русскихъ съ турками 2-го апрѣля. — Занятіе позиціи при Черноводахъ. — Осада Силистріи и дѣйствія дунайской гребной флотиліи.—Дѣло при Журжѣ. — Удачный поискъ къ Черноводамъ. — Движеніе русской арміи къ сѣверу.

Издавна уже всѣ дѣйствія турецкаго правительства, въ-отношеніи къ Россіи и къ православной церкви въ Турціи, носили печать явнаго недоброжелательства. Извѣстны сочувствія и духовныя сношенія, существующія съ незапамятныхъ временъ между Россіею и большинствомъ христіанскихъ подданныхъ Порты, порожденныя единовѣріемъ и единоплеменностью. Отъ этого получили мы въ Турціи нравственное вліяніе, котораго, конечно, не искали. Это фактъ, не созданный нами: онъ возникъ отъ времени и мѣстности. Не завися отъ трак-

---

(*) Извлечено изъ «Русскаго Инвалида» 1853 и 1854 годовъ.

таковъ, онъ произведенъ силою событій. Отъ этого произошла недодовѣрчивость, возбуждаемая имъ въ турецкомъ правительствѣ. Отъ этого произошло желаніе сего правительства ослабить восточную церковь: боялись узъ, соединяющихъ ее съ Россіею, усиливались держать ее въ униженіи сравнительно съ прочими христіанскими исповѣданіями, старались благопріятствовать распространенію этихъ исповѣданій въ ущербъ православію. Слишкомъ-долго было бы исчислять здѣсь порознь всѣ доказательства существованія этой системы, всѣ явные и скрытные удары, нанесенные турецкимъ правительствомъ въ послѣдніе годы нашему исповѣданію. Турки вмѣшивались во внутреннія его дѣла и нарушали всѣ уставы, подъ предлогомъ преобразованія духовнаго управленія, безпрерывно допускали незаконности въ выборѣ патріарховъ, разсѣвали сѣмена раздора въ духовныхъ сношеніяхъ племенъ греческихъ съ славянскими, препятствовали всячески развитію церквей въ Булгаріи и Босніи, образованію туземнаго духовенства, религіозному обученію народа; запрещали для этого употреблять при богослуженіи языкъ народный; забирали и истребляли священныя книги, привозимыя греко-славянами изъ Россіи для собственнаго своего употребленія, которыхъ нельзя было получать изъ другихъ странъ; въ одномъ мѣстѣ запрещали выстроить каменную церковь для замѣщенія обветшалой деревянной, въ другомъ— предоставляли единственную въ селеніи церковь латинамъ, преимущественно предъ греками. Словомъ: тысячи случаевъ, незначительныхъ въ частности, показывали въ общности своей, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, твердое намѣреніе турецкаго правительства способствовать распространенію другихъ исповѣданій, для уменьшенія, ослабленія нашего, числа тѣхъ, которыхъ считаютъ приверженцами Россіи. Не говоримъ здѣсь о другихъ дѣлахъ, вопіющихъ гораздо-громче этого скрытнаго преслѣдованія: объ убійствахъ въ Алепѣ, о жестокостяхъ, объ оскверненіи святыни, о насильственномъ обращеніи въ исламизмъ въ Албаніи, въ Булгаріи, въ Босніи, въ Іерусалимѣ, въ Черногоріи. Эти случаи гораздо-извѣстнѣе прочихъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ притѣсненій, о которыхъ наше правительство безпрестанно представляло Портѣ, довершенныхъ обидою, оказанною грекамъ въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ, и наконецъ вслѣдствіе явнаго нарушенія фирмана, который имѣлъ цѣлью возстановленіе равенства между православіемъ и церковью латинскою, и самыхъ оскорбительныхъ дѣйствій для Императорскаго Кабинета и Государя Императора въ-особенности, посланъ былъ, какъ извѣстно, въ Константинополь князь Меншиковъ.

Понятно послѣ этого, что простое рѣшеніе дѣла о Святыхъ Мѣстахъ посредствомъ новаго фирмана, столь же непрочнаго, какъ и предъидущій, не могло быть удовлетворительно для нашихъ требованій; что намъ слѣдовало получить на будущее время обезпеченіе дѣйствительнѣйшее, которое могло бы служить, сверхъ-того, удовлетвореніемъ за упущеніе личнаго вниманія со стороны султана, на которое Императоръ имѣлъ право жаловаться.

Утверждали, что, по окончаніи соглашенія, мы вдругъ, уже послѣ рѣшенія главнаго вопроса, предъявили требованіе этого обезпеченія, требованіе совершенно-новое. Изъ первыхъ нотъ, поданныхъ княземъ Меншиковымъ, явствуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, что оба требованія сдѣланы были въ самомъ началѣ, вдругъ и въ одно время.

Когда время разсѣетъ туманъ подозрѣній и предразсудковъ, нерѣдко-искажающихъ всѣ намѣренія Россіи во всемъ, что̀ касается до Турціи, увидятъ, что въ содержаніи сего обезпеченія не было ничего новаго, ничего неупотребительнаго, ничего такого, что̀ могло бы встревожить безопасность султана. Требованіе сіе основывалось на трактатахъ, которыми турецкое правительство уже обѣщалось намъ покровительствовать въ его владѣніяхъ православную религію и ея церкви. Обязываться въ покровительствѣ религіи и церквамъ, и въ то же время оставлять за собою право искажать по прихоти права и льготы, служащія основаніемъ ихъ существованію — совмѣстное ли это дѣло? И какую пользу могло бы принести на дѣлѣ условіе, принимаемое въ такомъ смыслѣ? Настаивая на сохраненіи правъ, обезпеченныхъ за греческою церковью вѣковымъ обладаніемъ, мы требовали только исполненія то̀го, что̀ сказано въ кайнарджійскомъ трактатѣ и въ тѣхъ трактатахъ, которыми онъ подтвержденъ; слѣдственно не требовали ничего противнаго независимости султана, если самые эти трактаты ей не были противны. Мы не требовали для грековъ никакихъ новыхъ выгодъ, кромѣ прочнѣйшаго обезпеченія правъ, имъ уже принадлежащихъ, а за собою удерживали всегдашнее свое право прилагать о нихъ пользахъ дѣятельное попеченіе. Признавая, что греки всегда пользовались и будутъ пользоваться религіозными своими правами подъ защитою султана, ихъ государя, мы ясно выразили значеніе требуемаго нами права. Въ этомъ не было ничего чрезмѣрнаго. Вотъ все удовлетвореніе, котораго мы требовали за оказанное къ намъ неуваженіе!

Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на это обезпеченіе съ истинной его точки зрѣнія, враги наши увеличили безъ мѣры объемъ его и послѣдствія. Безъ всякаго повода искали въ немъ замысловъ политическаго преобладанія, существовавшаго только въ воображеніи; развѣ что назовутъ политическимъ то вліяніе, которымъ мы всегда пользовались въ Турціи для выгодъ нашихъ единовѣрцевъ.

Не принимая въ уваженіе предшествовавшихъ событій, положенія, въ которомъ находился Государь Императоръ, его обязанности къ народу его и вѣроисповѣданію, забывъ о совершенно-особенномъ свойствѣ правительства мусульманскаго, которое въ законахъ и обычаяхъ исламизма находитъ не только затрудненія, но и невозможность наблюдать во всей строгости предписанія народнаго права, признаннаго народами христіанскими, составили о верховной власти султана какое-то безусловное, непреложное ученіе, и объявили, что всякое обязательство, въ которое войдетъ султанъ съ чужимъ правительствомъ касательно религіи и церкви, будетъ противно этой чистой выдумкѣ.

Этимъ подрывались основанія кайнарджійскаго трактата, заключающаго въ себѣ именно такое обязательство. Этимъ хотѣли насъ принудить изорвать собственными нашими руками всѣ прежнія условія, разрушить весь порядокъ вещей, освященный временемъ и пріобрѣтенный цѣною русской крови. Наше правительство тогда уже предвидѣло, что если вздумаютъ непремѣнно излагать вопросъ въ этомъ видѣ, миролюбивое рѣшеніе его сдѣлается невозможнымъ.

Скажемъ, не обинуясь: если дипломаты въ Константинополѣ хотѣли въ самомъ началѣ прекратить всякое дѣйствительное замѣшательство, имъ не слѣдовало слушать несправедливыхъ подозрѣній, не слѣдовало видѣть въ нотѣ, представленной княземъ Меншиковымъ, то, чего въ ней на самъ дѣлѣ нѣтъ: имъ надлежало употребить всѣ средства къ убѣжденію дивана принять ее. Споръ былъ бы конченъ и Европа освободилась бы отъ дальнѣйшихъ его послѣдствій. Скажемъ болѣе: послѣ всѣхъ преувеличенныхъ слуховъ, возбужденныхъ требованіями нашего посла, послѣ всѣхъ уступокъ въ формѣ и въ существѣ дѣла, какія мы сдѣлали, ограничивъ требованіе конвенціи сенедомъ, согласившись, вмѣсто сенеда, дважды измѣненнаго, удовольствоваться простою нотою, въ которой не было никакого взаимнаго обязательства, легко могли бы усмотрѣть, что въ этой нотѣ мы получали гораздо менѣе, нежели требовали сначала.

Но подъ владычествомъ постоянной мысли, будто Россія въ поступкахъ своихъ съ Турціею имѣла въ виду единственное увеличеніе своего вліянія и матеріальной силы, и будто всѣ ея помышленія обращены на разрушеніе этого государства, преувеличили, сверхъ всякой мѣры, эти требованія сохраненія правъ и льготъ для ея исповѣданія. Мало того, что достигли изложенія нашихъ требованій въ самомъ тѣсномъ объемѣ: хотѣли, чтобъ изъ нихъ не осталось ничего и чтобъ нашей политической силѣ нанесенъ былъ явный ущербъ. Ясно, что Россія не могла оставаться въ этомъ положеніи, и императорская миссія должна была выѣхать изъ Константинополя.

Здѣсь начинается цѣпь дѣйствій, которыми безпрестанно затрудняли наши миролюбивыя намѣренія, оскорбляли наше достоинство; за этими мѣрами послѣдовали другія, еще болѣе запутавшія дѣло, и наконецъ мы введены были предъ западными державами въ такое положеніе, что не могло не произойдти между нами столкновенія.

По простымъ предположеніямъ, основаннымъ на преувеличенныхъ временныхъ слухахъ, съ самаго начала посольства князя Меншикова, когда еще не знали, въ чемъ заключаются наши требованія, затѣяла это дѣло Франція, увидѣвъ, будто бы въ положеніи, принятомъ Россіею, дѣйствительное нарушеніе независимости Имперіи Оттоманской подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Она одна послала свою эскадру въ Левантъ и остановилась у береговъ Саламина лишь вслѣдствіе нерѣшительности, которую еще оказывало правительство англійское.

Но, по полученіи перваго телеграфическаго извѣстія объ отъѣздѣ нашего посла, не зная еще, на что̀ мы рѣшились, за три или за четыре недѣли до того, что̀ мы извѣстили о томъ въ Парижѣ и въ

Лондонѣ, и еще какъ о дѣлѣ нерѣшенномъ, зависящемъ отъ отвѣта, какой намъ будетъ данъ диваномъ, соединенныя Франція и Англія изготовились къ самому рѣшительному вызову на морѣ. Онѣ отправили свои эскадры для занятія залива Безики, у входа въ Дарданеллы.

Въ то время опровергали наше мнѣніе о томъ, что сія мѣра была понудительная. Старались представить занятіе водъ и портовъ Турціи двумя важнѣйшими европейскими державами въ видѣ мирной стоянки судовъ, посѣщающихъ дружественныя воды и порты, открытые для свободнаго входа морской силы. Происшествія показали, какова была въ–самомъ–дѣлѣ эта мирная стоянка.

Флоты вошли въ Безику, когда Порта разсуждала еще о послѣднихъ, предложенныхъ ей нами условіяхъ. Понятно, что она отринула ихъ, видя, что ее поддерживаютъ матеріальныя силы Англіи и Франціи.

Причинивъ отказъ въ принятіи ноты князя Меншикова и усиливъ важность дѣла, это приближеніе флотовъ принудило насъ ввести войска въ княжества.

Вотъ что̀ сказано обо всемъ этомъ въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 14-го іюня 1853 года:

«Извѣстно любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита Православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ Нашихъ. Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить Намъ наслѣдственный Престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій Нашихъ; и они, имѣя основаніемъ достославный кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными актами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ Церкви Православной. Но, къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій Нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ Нашей Православной Церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили наконецъ совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь Православію драгоцѣннаго. Старанія Наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное Намъ самимъ Султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено. Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали Мы необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены Мы начинать войны; занятіемъ Княжествъ Мы хотимъ имѣть въ рукахъ Нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался Намъ въ возстановленіи Нашихъ правъ. Не завоеваній ищемъ Мы: въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе Нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ

Нашъ, и, съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за Вѣру Православную».

Назначенный главнокомандующимъ россійскою арміею, вступившею въ княжества, генерал-адъютантъ князь Горчаковъ въ прокламаціи къ жителямъ Молдавіи и Валахіи изъяснилъ: «Государь Императоръ, Августѣйшій мой повелитель, изволилъ приказать мнѣ занять вашъ край войсками, ввѣренными моему начальству. Вступая въ ваши предѣлы, мы не намѣрены искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими вы управляетесь, и политическаго вашего положенія, утвержденнаго торжественными договорами. Временное занятіе княжествъ, которое мнѣ поручено привести въ исполненіе, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ непосредственнаго и дѣйствительнаго покровительства въ непредвидѣнныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, когда турецкое правительство, забывая многочисленные знаки искренней дружбы, которые Императорскій Дворъ не переставалъ ему оказывать, со времени адріанопольскаго трактата, отвѣтствуетъ на наши предложенія, самыя справедливыя, отказами, на наши безкорыстные совѣты—оскорбительною недовѣрчивостью. Въ Своемъ долготерпѣніи, въ Своемъ постоянномъ желаніи сохранить миръ на Востокѣ, какъ и въ Европѣ, Государь Императоръ намѣренъ избѣгать наступательной войны противъ Турціи, доколѣ сіе будетъ совмѣстно съ Его достоинствомъ и съ интересами Его Имперіи. Лишь только Его Величество получитъ должное удовлетвореніе и ручательство, котораго Онъ въ правѣ требовать для будущаго — и войска Его возвратятся въ предѣлы Россіи. Жители Молдавіи и Валахіи! По повелѣнію Его Императорскаго Величества, объявляю вамъ также, что пребываніе Его войскъ въ вашей странѣ не повлечетъ за собою никакихъ новыхъ для васъ повинностей и налоговъ, и что поставки жизненныхъ припасовъ будутъ уплачиваться въ свое время нашими военными кассами, и по цѣнѣ, напередъ условленной съ вашими правительствами. Взирайте безъ боязни на вашу будущность. Продолжайте спокойно заниматься земледѣліемъ, дѣлами торговыми, повинуйтесь законамъ земли вашей и установленнымъ въ ней властямъ. Вѣрнымъ исполненіемъ сихъ обязанностей вашихъ вы пріобрѣтете лучшія права на великодушное о васъ попеченіе и могущественное покровительство Его Величества Государя Императора».

Занятіе княжествъ, какъ сказано выше, не было объявленіемъ войны Турціи, а только мѣрою понудительною къ исполненію справедливыхъ требованій Россіи. Между-тѣмъ, съ 3-го октября 1853 г. турецкіе аванпосты начали стрѣлять по нашимъ передовымъ пикетамъ. 4-го числа турки заняли островъ на Дунаѣ, подъ огнемъ виддинской крѣпости, находящейся внѣ раіона расположенія нашихъ войскъ. Ночью съ 10-го на 11-е число турки подплыли къ казачьему пикету противъ Туртукая и послѣ залпа, которымъ убитъ одинъ казакъ, поспѣшно удалились.

11-го числа отдѣленіе нашей дунайской флотиліи прибыло въ Галацъ. Двумъ пароходамъ: «Пруту» и «Ординарцу» и восьми канонирскимъ лодкамъ, приказано было подняться изъ Измаила къ Бран-

лову. Флотиліи предстояло пройдти вверхъ по Дунаю, мимо вновь-возведенныхъ укрѣпленій Исакчи. Предположено было, для избѣжанія напрасной потери, распорядить плаваніе такъ, чтобъ суда поровнялись съ непріятельскими батареями послѣ наступленія темноты: но храбрые моряки просили, какъ милости, дозволенія пройдти мимо Исакчи среди дня. Итакъ, суда наши явились въ восемь съ половиною часовъ утра передъ турецкими укрѣпленіями, вооруженными 27-ю орудіями. Для развлеченія вниманія непріятеля, выдвинуты были четыре орудія на нашемъ берегу, близь Сатунова. Турки первые открыли сильный огонь, на который дружно отвѣчали наши суда и береговая батарея. Въ десять съ половиною часовъ утра флотилія, продолжая стройное плаваніе свое, вышла изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ и чрезъ нѣсколько часовъ прибыла въ Галацъ съ незначительными повреждeніями. Большая часть города Исакчи выгорѣла отъ пожара, произведеннаго нашими гранатами. Неустрашимости моряковъ соревновали и бывшіе на судахъ нижніе чины Модлинскаго Пѣхотнаго Полка.

20-го октября, въ часъ пополудни, нѣсколько турецкихъ судовъ съ войсками и пароходъ, буксировавшій гальйотъ о трехъ орудіяхъ, пользуясь густымъ туманомъ, пытались спуститься отъ Рущука внизъ по Дунаю. Выдвинутые въ городъ Журжу войска по одному взводу батарейной № 2-го и легкой № 20-го батарей 10-й Полевой Артиллерійской Бригады, встрѣтили непріятельскія суда меткимъ огнемъ и заставили ихъ отойдти къ правому берегу рѣки, для исправленія поврежденій, нанесенныхъ, имъ нашими выстрѣлами. 21-го числа турецкія войска переправились изъ лагеря при Тартукаѣ на лѣвый берегъ Дуная и заняли тамъ каменный карантинъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, генерал-адъютантъ князь Горчаковъ приказалъ командиру 4-го Пѣхотнаго Корпуса генералу Данненбергу атаковать непріятеля 23-го числа, съ отрядомъ, составленнымъ изъ 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, шести эскадроновъ Ольвіопольскаго Уланскаго Полка, трехъ сотенъ Донскаго № 34-го Полка, батарейной № 3-го и легкой № 5-го батарей 11-й Артиллерійской Бригады и двухъ орудій Донской № 9-го батареи. Центръ непріятельской позиціи составлялъ вооруженный шестью орудіями карантинъ, отъ котораго, вправо къ Дунаю и влѣво до Аржиса, были проведены ретраншаменты съ палисадированнымъ рвомъ. Первый флангъ обстрѣливался трехярусными батареями съ возвышеннаго праваго берега Дуная, лѣвый флангъ — двумя батареями, возведенными на островѣ противъ устья Аржиса. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ на пушечный выстрѣлъ, непріятель открылъ самый усиленный огонь изъ всѣхъ своихъ орудій. Двѣ батареи наши, выстроясь въ 450-ти саженяхъ отъ укрѣпленія, немедленно начали дѣйствіе и съ своей стороны. Оно продолжалось на этомъ разстояніи въ-теченіе часа, послѣ чего батареи понеслись впередъ и стали стрѣлять картечью. Въ то же время пѣхота наша быстро двинулась подъ самымъ смертоноснымъ огнемъ на непріятельское укрѣпленіе, достигла онаго и частью спустилась въ ровъ. Быстрый и смѣлый этотъ натискъ изумилъ турокъ до такой степени, что непріятельская

кавалерія бросилась съ берега въ Дунай, тежду-тѣмъ удачные выстрѣлы нашей артиллеріи произвели два взрыва въ карантинѣ, и орудія, въ немъ стоявшія, прекративъ огонь, поспѣшно спустились къ самому берегу рѣки. Пѣхота, занимавшая карантинъ и часть той, которая находилась въ ретраншаментахъ, равнымъ образомъ бѣжали къ берегу и сѣли на лодки. Тогда генералъ Данненбергъ, видя, что позиція, оставляемая непріятелемъ, находится подъ самыми близкими выстрѣлами 40 орудій праваго берега, приказалъ прекратить дѣло и занялъ позицію у с. Ольтеницы. Пѣхота въ этомъ блистательномъ дѣлѣ показала новый примѣръ порыва и смѣлости; артиллерія отличалась хладнокровіемъ и меткостью стрѣльбы. Съ нашей стороны убито: обер-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 150; ранено: штаб-офицеровъ 7, обер-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 629. Потеря непріятеля была значительна, особенно потонувшими въ Дунаѣ. Въ числѣ главныхъ начальниковъ съ турецкой стороны убиты Мустафа-Паша и Гассанъ-Паша.

Послѣ блистательнаго дѣла при Ольтеницѣ, турки, оставаясь подъ страхомъ нанесеннаго имъ тогда удара, не только ничего не предпринимали противъ нашихъ войскъ со стороны Туртукая, но 31-го октября зажгли карантинъ, который они занимали на лѣвомъ дунайскомъ берегу, взорвали два фугаса впереди укрѣпленій, къ нему прилегавшихъ, предали огню мостъ, который они имѣли на Аржисѣ и удалились на правый берегъ Дуная. Отступленіе это послужило доказательствомъ вліянія, произведеннаго на нихъ дѣломъ 23-го октября. Намѣреніе непріятеля укрѣпиться на островѣ Маканѣ, для переправы черезъ Дунай около Рущука, не имѣло также успѣха. Генерал-лейтенантъ Соймоновъ, удачнымъ дѣйствіемъ 28-го и 31-го октября выдвинутыхъ на берегъ батарей нашихъ, заставилъ турокъ прекратить начатыя ими для сего работы. 31-го числа, 83 охотника изъ нашихъ войскъ, на пяти лодкахъ, несмотря на перекрестный огонь непріятельскихъ орудій, переплыли на этотъ островъ и, положивъ на мѣстѣ до двадцати турокъ, удостовѣрились, что, кромѣ нѣсколькихъ заваловъ, непріятель не успѣлъ еще возвести никакихъ укрѣпленій на Маканѣ. Противъ Виддина непріятельскіе разъѣзды, при встрѣчѣ съ нашими, поспѣшно отступили къ Калафату. 3-го ноября, командиръ Казачьяго № 37-го Полка, подполковникъ Шапошниковъ, получивъ свѣдѣніе о переправѣ турокъ чрезъ Дунай противъ Никополя, прибылъ къ городу Турно съ резервными сотнями ввѣреннаго ему полка и заставилъ непріятеля, числомъ до двухъ тысячъ, съ двумя орудіями, возвратиться на правый берегъ рѣки. Войска наши, наблюдая всѣ переправочные пункты чрезъ Дунай, удобно расположились на обывательскихъ квартирахъ и частью въ землянкахъ, приспособленныхъ къ предохраненію ихъ отъ наступившаго ненастнаго времени.

1-го декабря, по распоряженію генерал-адъютанта Лидерса, произведено было генерал-майоромъ Энгельгардтомъ обозрѣніе крѣпости Мачина. Для этого назначены были пароходъ «Прутъ» съ 4-мя канонирскими лодками, а для поддержанія ихъ перевезены были на

островъ Бындой двѣ роты Замосцьскаго Егерскаго Полка, рота 5-го стрѣлковаго батальйона и 2 орудія № 8-то батареи и 15-й артиллерійской бригады. Пароходъ и лодки, подойдя къ непріятельской батареѣ ниже Мачина, вооруженной 7-ю орудіями 12-ти-фунтоваго калибра, открыли по ней огонь, а части войскъ, находившіяся на островѣ Бындоѣ, въ то же время дѣйствовали противъ турецкой пѣхоты, занимавшей ретраншаменты между батареею и городомъ. Генерал-адъютантъ Лидерсъ, лично-присутствовавшій при этомъ обозрѣніи, совершивъ оное въ той мѣрѣ, въ какой оно предполагалось, приказалъ войскамъ возвратиться въ Браиловъ. По донесенію его, у непріятеля подбито при семъ случаѣ два орудія и, въ-особенности, отъ меткаго огня стрѣлковой роты, разсыпанной на островѣ Бындоѣ, турки понесли значительный уронъ.

Для стѣсненія турецкаго отряда, находившагося въ Калафатѣ, генерал-адъютанту графу Анрепу-Эльмпту приказано было съ частью нашихъ войскъ, расположенныхъ въ Краіовѣ, сдѣлать движеніе впередъ. При этомъ случаѣ одинъ батальйонъ Тобольскаго Пѣхотнаго Полка, съ двумя орудіями и небольшимъ числомъ казаковъ, составлявшій, подъ начальствомъ командира полка, полковника Баумгартена, передовой отдѣлъ отряда, фланкировавшаго означенное движеніе около Дуная, занялъ сел. Четати. 19-го декабря, въ восемь часовъ утра, турецкая кавалерія, въ числѣ отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ, явилась передъ этою деревнею и четыре раза дѣлала нападеніе на нашъ батальйонъ, но, будучи всякій разъ отражаема картечью и ружейнымъ огнемъ, принуждена была отступить къ Гуніи и Молдовиту, потерявъ, по показанію жителей, шестьдесятъ человѣкъ убитыми и ранеными. Съ нашей стороны легко раненъ въ руку прапорщикъ Судчиловскій. Послѣ этого генерал-адъютантъ графъ Анрепъ-Эльмптъ расположилъ ввѣренный ему отрядъ въ сс. Четати, Моцецѣ и Быйлешти, дабы стѣснить кругъ дѣйствій турокъ въ Калафатѣ. 25-го декабря непріятель, въ числѣ свыше осьмнадцати тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ отъ двухъ до трехъ тысячъ кавалеріи, при двадцати-четырехъ орудіяхъ, направился чрезъ деревню Гунію на с. Четати, но встрѣченъ былъ при с. Фонтынѣ-Банулуй полковникомъ Баумгартеномъ, съ тремя батальйонами Тобольскаго Пѣхотнаго Полка, однимъ эскадрономъ Гусарскаго Генерал-фельдмаршала Князя Варшавскаго Полка и одною сотнею Донскаго № 36-го Полка, при шести орудіяхъ легкой № 1-го батареи 10-й артиллерійской бригады. Отбивая съ успѣхомъ ожесточенныя атаки турокъ, полковникъ Баумгартенъ извѣстился, что ихъ кавалерія, обскакавъ с. Четати съ шестью орудіями, заняла за этимъ селеніемъ ту позицію, на которой онъ уже сражался 19-го числа. Въ ожиданіи подкрѣпленій изъ с. Моцецея, этотъ отличный штаб-офицеръ совершилъ самое отважное движеніе въ виду непріятеля, вшестеро его сильнѣйшаго: перешелъ къ с. Четати и, пройдя это селеніе съ 3-мъ батальйономъ Тобольскаго Пѣхотнаго Полка, атаковалъ турокъ, въ тылу его стоявшихъ, съ такою быстротою и рѣшительностью, что овладѣлъ съ боя двумя орудіями. Здѣсь завязалась новая упорная битва, по прибытіи главныхъ турецкихъ силъ;

однако стойкость нашей пѣхоты сокрушила всѣ ихъ покушенія, а гусары и донцы, смявъ ихъ кавалерію въ оврагъ, захватили еще четыре орудія; между-тѣмъ генерал-майоръ Бельгардъ двинулся отъ с. Моцецея во флангъ непріятеля съ Одесскимъ Егерскимъ Полкомъ, двумя эскадронами Гусарскаго Князя Варшавскаго Полка и сотнею донскихъ казаковъ, при шести орудіяхъ. Пользуясь пересѣченною мѣстностью, турки встрѣтили эти войска сначала жестокимъ огнемъ, но, отброшенные назадъ и угрожаемые въ тылъ движеніемъ генерал-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта съ сильнымъ резервомъ изъ Быйлешти на с. Молдовиту, они отступили поспѣшно и въ безпорядкѣ къ Калафату, съ потерею на мѣстѣ трехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Все мѣсто боя покрыто было въ такой степени ихъ трупами, что въ двои сутки едва могли ихъ предать землѣ. Взято у непріятеля, кромѣ шести орудій, большое число оружія и два сотенные байрана. Къ-сожалѣнію, этотъ блистательный успѣхъ, при неравенствѣ силъ, стоилъ намъ дорого. Въ отрядѣ полковника Баумгартена убито: штаб-офицеровъ 1, обер-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 514; ранено: штаб-офицеровъ 2 (изъ нихъ полковникъ Баумгартенъ легко), обер-офицеровъ 21, нижнихъ чиновъ 801. Въ отрядѣ генерал-майора Бельгарда убито: штаб-офицеровъ 4, обер-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 290; ранено: генерал-майоръ Жигмонтъ; обер-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 357. За это сраженіе при с. Четати полковникъ Баумгартенъ произведенъ въ генерал-майоры.

1-го января изъ Силистріи переправилась на лѣвый берегъ Дуная непріятельская партія, въ числѣ 2,000 человѣкъ. Она двинулась тремя колоннами на Калярашъ; но генерал-майоръ Богушевскій, съ однимъ батальйономъ Люблинскаго Егерскаго Полка, немедленно подкрѣпилъ нашу казачью цѣпь. Появленіе его заставило турокъ отступить: они бросились на суда и поспѣшно отплыли къ правому берегу рѣки.

3-го января 1854 г. у Рущука турки высадили на лѣвый берегъ Дуная одинъ батальйонъ своей регулярной пѣхоты. Появленіе трехъ нашихъ ротъ съ двумя орудіями и рѣшительное ихъ наступленіе на непріятеля принудили его сначала отойдти подъ огонь крѣпости, а потомъ сѣсть на суда и возвратиться на правый берегъ рѣки. Послѣ того рурки еще два раза пытались переправляться, но, встрѣчаемые нашею пѣхотою и огнемъ артиллеріи, снова должны были отказаться отъ своихъ намѣреній. У Турно и Зимницы также появились непріятельскія партіи, но когда резервы наши подоспѣли на подкрѣпленіе казачьихъ цѣпей, турки и здѣсь вынуждены были поспѣшно возвратиться за Дунай.

Съ 8 по 21-е января турки снова безуспѣшно пытались переправиться черезъ Дунай у Туртукая, Рущука и Никополя, но прибытіе нашихъ резервовъ принудило ихъ, всякій разъ съ потерею, возвращаться на правый берегъ рѣки. 22-го января до 5-ти тысячъ турокъ, покровительствуемые сильнымъ огнемъ орудій изъ Рущука, съ своихъ канонирскихъ лодокъ произвели одновременную высадку у Журжи и Слободзеи (въ 7-ми верстахъ выше Журжи) и Малу-де-Жосъ (въ

8-ми верстахъ выше Слободзеи). Но у Журжи непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 2-хъ тысячъ человѣкъ, при шести орудіяхъ, былъ встрѣченъ штуцерными Колыванскаго и Томскаго Егерскихъ Полковъ, поддержанными 4-мъ батальйономъ сего послѣдняго. Начальствовавшій этимъ батальйономъ подполковникъ Верещага мгновенно повелъ на непріятеля въ штыки 10 и 12-ю роты, которыя стремительно опрокинули турокъ. Къ-сожалѣнію, храбрый подполковникъ Верещага былъ здѣсь убитъ. Вновь прибывшая на берегъ турецкая пѣхота, хотя и подкрѣпила разстроенный свой отрядъ, но принявшій команду надъ 4-мъ батальйономъ Томскаго Полка капитанъ Халкіоповъ, при содѣйствіи казаковъ, снова оттѣснилъ турокъ къ ихъ лодкамъ, причемъ часть изъ нихъ, отрѣзанная отъ рѣки, была переколота. Между-тѣмъ непріятель, получивъ свѣжія подкрѣпленія, держался еще упорно; тогда начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи генерал-лейтенантъ Соймоновъ обратилъ противъ него 1-й батальйонъ Томскаго и 1-й батальйонъ Колыванскаго Егерскихъ Полковъ, при двухъ орудіяхъ, а остальнымъ тремъ батальйонамъ Колыванскаго Полка и 5 эскадронамъ Гусарскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича Полка, при 4-хъ орудіяхъ, приказалъ также двинуться къ Журжѣ. 3-й батальйонъ Томскаго Егерскаго Полка, съ двумя легкими орудіями и однимъ эскадрономъ гусаръ переправился на островъ Радоманъ, имѣя въ резервѣ 4-й батальйонъ своего полка. За симъ общимъ наступленіемъ войскъ нашихъ, непріятель былъ смятъ и обращенъ въ бѣгство. Къ 12 часамъ утра ни одного турка противъ Журжи не оставалось. Столь же безуспѣшны были нападенія непріятеля на Слободзею и Малу-де-Жосъ: появленіе у Слободзеи двухъ нашихъ егерскихъ ротъ и дивизіона гусаръ, съ двумя пѣшими и четырьмя конными орудіями, побудило переправившихся здѣсь турокъ поспѣшно броситься къ своимъ лодкамъ, оставивъ на мѣстѣ 45 труповъ; партія же непріятельская въ 500 человѣкъ, приставшая къ берегу и Малу-де-Жосъ, была встрѣчена двумя сотнями Донскаго Казачьяго № 40 Полка подполковника Андронова и также принуждена очистить лѣвый берегъ. Потеря наша въ семъ 6-ти-часовомъ упорномъ дѣлѣ состояла убитыми: штаб-офицера 1, 2-хъ обер-офицеровъ и 39 нижнихъ чиновъ; ранеными: изъ 2-хъ обер-офицеровъ и 134-хъ человѣкъ нижнихъ чиновъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 60 тѣлъ; кромѣ-того, большое число убитыхъ и раненыхъ турокъ перевезено на лодкахъ въ Рущукъ. Одинъ ручной зарядный ящикъ и шесть патронныхъ ящиковъ были отбиты у непріятеля.

Получивъ свѣдѣніе о сборѣ значительной турецкой флотиліи у крѣпости Рущука, генерал-адъютантъ князь Горчаковъ командировалъ въ Журжу генерал-адъютанта Шильдера, чтобы сообразить мѣры къ уничтоженію этой флотиліи. Генералъ Шильдеръ, прибывъ туда и узнавъ, что дѣйствительно турки, подъ защитою артиллеріи рущукскихъ укрѣпленій, сосредоточились въ устьѣ р. Лоша въ числѣ 1 парохода, 34 двухъ-мачтовыхъ и 22 одно-мачтовыхъ транспортныхъ судовъ, 5 канонирскихъ и до 70 малыхъ лодокъ, приступилъ къ слѣдующимъ распоряженіямъ: въ ночь, съ 27 на 28-е января, онъ

произвелъ рекогносцировку острова Радомана и, избравъ мѣсто для двухъ батарей, приказалъ немедленно начать ихъ постройку; въ то же время, пользуясь неровностями мѣстоположенія острова, двинулъ къ самому берегу онаго 10 орудій батарейной № 2-го батареи, подъ начальствомъ Лейб-гвардіи Конной Артиллеріи полковника Костанды. Орудія эти, подъ прикрытіемъ батальйона пѣхоты, стали прямо противъ Рущука, не бывъ вовсе замѣчены непріятелемъ, хотя разстояніе, раздѣлявшее ихъ отъ него, не превышало 500 саженъ, и при лунномъ свѣтѣ открыли настильную рикошетную пальбу по тѣсно-стоявшей непріятельской флотиліи. Изумленные турки только послѣ третьей очереди нашихъ выстрѣловъ стали отвѣчать намъ изъ 22-хъ орудій крѣпости, но огонь ихъ не нанесъ нашей артиллеріи никакого вреда; между-тѣмъ батареи ночью же были окончены и защищены эполементами. Съ 28-го по 29-е возведены были нами еще двѣ батареи на лѣвой оконечности Радомана и на островѣ Чароѣ, съ 29-го на 30-е два эполемента противъ правой оконечности Рущука, на выдающихся пунктахъ лѣваго берега. Тогда артиллерія наша, въ числѣ 12-ти орудій, снова открыла по непріятельскимъ судамъ огонь, продолжавшійся до 3-го февраля. Вслѣдствіе столь рѣшительныхъ и искусныхъ распоряженій, непріятельская флотилія, несмотря на защищавшія ее крѣпостную артиллерію и конную батарею, вывезенную турками на берегъ, потеряла : затопленными одинъ пароходъ , 5 большихъ и 2 малыхъ судовъ , а канонирская лодка и 10 большихъ судовъ или посажены на мель, или брошены на берегъ; сверхъ-того, бо̀льшая часть прочихъ судовъ получила сильныя пробоины, такъ-что изъ всей флотиліи совершенно уцѣлѣли только тѣ лодки, которыя были введены непріятелемъ въ рѣку Лошъ и находились внѣ нашихъ выстрѣловъ. Прикрытое расположеніе нашихъ батарей было причиною, что этотъ успѣхъ достигнутъ съ весьма-малою потерею, хотя турецкая артиллерія дѣйствовала съ необыкновеннею живостью. Во все время восьмидневной канонады у насъ убиты : два нижняго чина, ранены же : командовавшій батарейною № 2-го батареею, штабс-капитанъ Кононовичъ и 9 нижнихъ чиновъ. По донесенію генерал-адъютанта князя Горчакова, замѣчательному подвигу сему преимущественно способствовали также искусство генерал-адъютанта Шильдера и дѣятельность начальника журжинскаго отряда, генерал-лейтенанта Соймонова, который вообще оказалъ примѣрную предусмотрительность и искусство, охраняя въ-теченіе 6-ти мѣсяцевъ важный постъ у Журжи. Къ числу наиболѣе-отличившихся принадлежатъ : исправлявшій должность начальника отряднаго штаба, Генеральнаго Штаба полковникъ Глѣбовъ, Лейб-гвардіи Конной Артиллеріи полковникъ Констанда, 10-й Артиллерійской Бригады : штабс-капитанъ Кононовичъ и поручикъ Толпыга, и адъютантъ генерал-адъютанта Шильдера, инженер-поручикъ Тидебель.

Дабы развлечь вниманіе турокъ и нанести возможный вредъ ихъ судамъ у Систова и Никополя, командовавшій войсками поручилъ генерал-лейтенанту Хрулеву устроить противъ помянутыхъ пунктовъ нѣсколько батарей, наподобіе тѣхъ, которыя были устроены противъ

Рущука, по распоряженію генерал-адъютанта Шильдера. Дѣйствіе ихъ калеными ядрами было увѣнчано совершеннымъ успѣхомъ: ими сожженно въ-теченіе 15-го и 16-го февраля 9 большихъ и значительное количество малыхъ турецкихъ судовъ, а также помостъ, служащій для пристани, и 10 катеровъ. Встревоженные этимъ, турки поспѣшили часть остальныхъ своихъ судовъ, уцѣлѣвшихъ отъ поврежденія, поднять вверхъ по р. Осьмѣ, а прочія раскинули на большомъ протяженіи на Дунаѣ.

Въ Калафатѣ, 19-го февраля, турки, ожидая, вѣроятно, нашего нападенія, усилили свои передовые посты. При первомъ появленіи нашихъ казаковъ, они двинули имъ навстрѣчу значительную колонну кавалеріи. Чтобъ поддержать эту тревогу, 20-го числа, въ 9 часовъ вечера, направленъ былъ къ Калафату дивизіонъ гусаръ съ 2-мя конными орудіями и казаками. Послѣ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ по передовому турецкому пикету, произошелъ въ Калафатѣ большой шумъ и былъ слышенъ бой барабановъ; казаки оттѣснили передовую непріятельскую цѣпь къ самымъ укрѣпленіямъ, и чтобъ ввести турокъ въ недоумѣніе, разложили вокругъ всего Калафата костры; обманутые турки открыли по нимъ пушечную пальбу, но она не причинила намъ никакого вреда.

Между-тѣмъ командовавшій войсками, командировавъ генерал-лейтенанта Хрулева въ г. Каларашъ, поручилъ ему возвести тамъ батареи, съ цѣлью, если можно, дѣйствовать съ оныхъ по непріятельскимъ судамъ, находившимся у крѣпости Силистріи. Генерал-лейтенантъ Хрулевъ, по осмотрѣ лѣваго берега и расположенія непріятельской флотиліи на самомъ прибрежьѣ Дуная, возвелъ семь батарей, устройство которыхъ, продолжавшееся четыре дня, 19-го февраля было совершенно окончено, но самыя батареи еще вооружены не были. На разсвѣтѣ, 20-го февраля, турки, съ цѣлью уничтожить наши работы, переправились въ большомъ числѣ, до 6,000 человѣкъ, на лѣвый берегъ Дуная и оттѣснили наши казачьи посты. При первомъ извѣстіи о нападеніи непріятеля, отрядъ, расположенный въ Каларашѣ, быстро сосредоточился къ сборному пункту, двинулся впередъ къ мѣсту высадки турокъ, отстоящему въ 8 или 10-ти верстахъ отъ Калараша и, съ приближеніемъ къ оному, построился въ слѣдующій боевой порядокъ: четыре орудія батарейной № 3-го батареи 8-й артиллерійской бригады и легкая № 8-го батарея 9-й артиллерійской бригады были выдвинуты впередъ. За ними въ первой линіи, три егерскія роты 2-го батальйона Генерал-фельдмаршала Князя Варшавскаго Полка, отъ которыхъ вторые полувзводы застрѣльщиковъ были разсыпаны въ цѣпь впереди артиллеріи: 3-й и 4-й батальйоны Егерскаго Князя Варшавскаго Полка въ колоннахъ къ атакѣ и, въ интервалѣ между ними, 2-я карабинерная рота въ ротной колоннѣ — составляли вторую линію; въ резервѣ находился 1-й батальйонъ того же полка, въ полувзводной колоннѣ изъ средины. На правомъ флангѣ егерей, въ первой линіи, стояла рота 3-го Валахскаго Полка, подъ начальствомъ командира оной, капитана Драгулинскаго. Два эскадрона Вознесенскаго Уланскаго Полка, подъ командою ротмистра

Короленко, и три орудія конно-легкой № 7-го батареи расположены были на правомъ флангѣ второй линіи; правѣе уланъ находились восемьдесятъ казаковъ 3-й и 4-й сотенъ Донскаго Казачьяго № 34-го Полковника Власова Полка. Три орудія конно-легкой № 7-го батареи были на лѣвомъ флангѣ пѣхоты, на высотѣ съ первой линіей. Не доходя одной версты до Дуная, послѣ семиверстнаго быстраго движенія, войска были остановлены для кратковременнаго отдыха. Здѣсь генерал-лейтенантъ Хрулевъ, по совѣщаніи съ генерал-майоромъ Богушевскимъ, принялъ начальство надъ правымъ флангомъ, предоставивъ генерал-майору Богушевскому дѣйствія на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ отряда.

На правомъ флангѣ казаки, подъ командою есаула Шамина, открыли наступленіе. При этомъ генерал-лейтенантъ Хрулевъ поручилъ адъютанту генерал-адъютанта Шильдера, штабс-капитану Ахбауру хорошо-знакомому съ мѣстностью, везти три орудія конно-легкой № 7-го батареи, подъ командою прапорщика Мильяновскаго, уланъ и казаковъ на лѣвый флангъ турокъ по направленію на батарею № 7-го. Турки, замѣтивъ съ праваго берега приближеніе нашихъ войскъ къ Дунаю, открыли сильный огонь изъ Силистріи; въ то же время непріятель, находившійся на нашемъ берегу, бросивъ срытіе батарей №№ 5-го и 7-го, выслалъ на встрѣчу нашей кавалеріи полкъ египетской пѣхоты, съ густою цѣпью застрѣльщиковъ. Тогда наши три конныя орудія выскакали впередъ и картечью осыпали непріятельскую пѣхоту, которая, смѣшавшись, начала отступать къ Дунаю; уланы и казаки кололи бѣжавшихъ застрѣльщиковъ. Штабс-капитанъ Ахбауръ подвелъ орудія къ самому берегу и открылъ дѣйствіе по лодкамъ. Турки въ безпорядкѣ бѣжали къ своимъ судамъ; около пятисотъ человѣкъ, неуспѣвшихъ сѣсть на лодки, толпились на узкой полосѣ, за крутизною берега Дуная. Замѣтивъ это, генерал-лейтенантъ Хрулевъ приказалъ всѣмъ офицерамъ, уланамъ, казакамъ, прислугѣ при орудіяхъ, коноводамъ и ѣздовымъ спѣшиться и повелъ ихъ на непріятеля. Казаки и уланы ударили въ пики, артиллеристы — въ шашки. При этой отважной атакѣ непріятель потерялъ убитыми (оставленными на мѣстѣ) 198 человѣкъ; въ плѣнъ взято 38 человѣкъ; нѣсколько сотъ человѣкъ, непопавшихъ въ лодки, потонули; въ числѣ сихъ послѣднихъ были замѣчены одинъ офицеръ и мулла. Во время этой атаки, есаулъ Кунаковъ съ казаками 4-й сотни овладѣлъ съ боя одною непріятельскою лодкою; между-тѣмъ, часть непріятеля, успѣвшая сѣсть на суда, стрѣляла съ оныхъ. Артиллерія наша снова открыла огонь, по отплывавшимъ судамъ и потопила одно изъ нихъ съ пѣхотою, повредивъ два другія.

Въ центрѣ нашего отряда, въ то время, когда три орудія конной артиллеріи, уланы и казаки были направлены на лѣвый флангъ непріятеля, 2-й батальйонъ Егерскаго Князя Варшавскаго Полка былъ выдвинутъ впередъ и, пройдя чрезъ интервалы артиллеріи, слѣдовалъ закрыто камышами въ направленіи къ редуту № 4-го. Непріятельская пѣхота занималась срытіемъ его укрѣпленія. Командиръ 2-го батальйона Князя Варшавскаго Полка, майоръ Симонтовскій, вытѣснивъ непрія-

тельскихъ стрѣлковъ изъ камышей, ударилъ въ штыки на редутъ. Турки встрѣтили нашу колонну ружейнымъ огнемъ, но были сбиты и, подъ покровительствомъ огня изъ крѣпости, бросились къ судамъ; егеря преслѣдовали бѣгущихъ до самыхъ лодокъ. Четыре орудія легкой № 8-го батареи 9-й артиллерійской бригады, двинутыя къ самому берегу, снялись съ передковъ и въ промежуткѣ батарей № 3-го и № 5-го открыли живой огонь по лодкамъ. Дѣйствіе этихъ орудій окончательно разстроило бѣгущаго непріятеля. Потеря турокъ на этомъ пунктѣ была весьма-значительна: 50 тѣлъ оставлены въ редутѣ и, сверхъ-того, большое число людей, не успѣвъ попасть на суда, искали спасенія вплавь и всѣ перетонули. При этомъ отличился примѣрною храбростью и мужествомъ казакъ Бекардовъ, присланный генерал-лейтенантомъ Хрулевымъ указать путь для слѣдованія батальйона къ редуту № 4-го. Казакъ Бекардовъ во все время оставался при майорѣ Симонтовскомъ и первый бросился на штурмъ укрѣпленія (*).

На лѣвомъ флангѣ, одновременно съ дѣйствіями въ центрѣ и на нашемъ правомъ флангѣ, командиръ конно-артиллерійской легкой № 7-го батареи полковникъ Зыбинъ съ тремя орудіями былъ выдвинутъ къ устроенной нами батареѣ № 3-го, гдѣ Турки, стоя на бруствертѣ, разбрасывали землю лопатами. Послѣ дѣйствія послѣдовательно съ двухъ позицій прицѣльными выстрѣлами, полковникъ Зыбинъ подскакалъ на сто саженъ къ эполементу и осыпалъ непріятеля картечью (**). Турки поспѣшно устремились къ лодкамъ, захвативъ съ собою убитыхъ и раненыхъ. Тогда артиллерія наша направила огонь по отплывавшимъ лодкамъ, и двѣ изъ нихъ, вмѣстѣ съ людьми, были потоплены. Во время общаго бѣгства турокъ, генерал-майоръ Богушевскій получилъ донесеніе, что три барки, плывшія съ лѣваго непріятельскаго фланга къ правому берегу, быстротою теченія отнесены внизъ по направленію къ острову Гаппа (Хана). Генералъ Богушевскій, взявъ четыре орудія батарейной № 3-го батареи 8-й артиллерійской бригады и роту пѣхоты, поспѣшно двинулся къ берегу Дуная и занялъ позицію подлѣ батареи № 1-го. Съ приближеніемъ увлеченныхъ теченіемъ барокъ, батарея наша открыла по нимъ огонь; меткими выстрѣлами барки были разбиты и пошли ко дну; находившаяся на нихъ пѣхота бросилась въ воду и искала спасенія на островѣ Гаппа, но только немногіе достигли острова, большая же часть погибла въ волнахъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ была весьма-незначительна: она заключается въ девяти раненыхъ. Причину столь малой потери съ нашей стороны должно отнести къ тому, что войска наши, при движеніи своемъ къ Дунаю, были скрыты отъ выстрѣловъ густымъ камышомъ и что самая атака была произведена съ такою

(*) Казакъ этотъ награжденъ знакомъ отличія ордена св. Георгія.

(**) Приблизившись на сто саженъ къ непріятелю, полковникъ Зыбинъ, чтобъ не терять времени, приказалъ картечныя жестянки дослать на ядра и гранаты, которыми уже были заряжены орудія.

стремительностью и быстротою, что непріятель помышлялъ только о собственномъ спасеніи. Генерал-лейтенантъ Хрулевъ, отдавая совершенную справедливость распорядительности и дѣйствіямъ генерал-майора Богушевскаго, свидѣтельствовалъ, что всѣ гг. штабъ и оберофицеры служили примѣромъ храбрости для своихъ подчиненныхъ, въ-особенности же обратили на себя вниманіе: командиръ 2-й Артиллерійской Бригады генерал-майоръ Проскуряковъ, командиръ Конно-Легкой № 7-го Батареи полковникъ Зыбинъ, командиръ Легкой № 8-го Батареи подполковникъ Добровольскій, командиръ 2-го батальйона Егерскаго Генерал-фельдмаршала Князя Варшавскаго Полка, майоръ Симонтовскій, артиллеріи поручикъ Соколовъ и прапорщикъ Мильяновскій, Вознесенскаго Уланскаго Полка ротмистръ Короленко, Донскаго Казачьяго № 34-го Полковника Власова Полка есаулы: Шаминъ и Кунаковъ. Адъютантъ генерал-адъютанта Шильдера, штабс-капитанъ Ахбауръ, состоящій временно при генерал-лейтенантѣ Хрулевѣ, капитанъ Зайцевъ и Корпуса Топографовъ подпоручикъ Дочинскій, впродолженіе всего дѣла, съ особою отчетливостью, подъ огнемъ непріятеля, исполняли всѣ приказанія генерал-лейтенанта Хрулева.

11-го марта войска наши блистательнымъ образомъ овладѣли правымъ берегомъ Дуная. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи Его Императорскому Величеству командующій 3, 4 и 5-мъ Пѣхотными Корпусами генерал-адъютантъ князь Горчаковъ изъяснилъ объ этомъ слѣдующее:

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ совершить переправу чрезъ Дунай въ первыхъ числахъ марта. Во исполненіе таковой Высочайшей воли, я предполагалъ перевести войска на правый берегъ Дуная, между 7-мъ и 10-мъ марта, въ двухъ пунктахъ: противъ Мачина и отъ Измаила, какъ я писалъ г. военному министру, отъ 20-го февраля. По вторичномъ прибытіи моемъ въ Браиловъ, съ достовѣрностью оказалось, что непріятель въ числѣ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ, находится противъ сего города и имѣетъ тамъ столь сильныя укрѣпленія, что хотя самая переправа при этомъ пунктѣ и могла быть исполнена, несмотря на всѣ усилія непріятеля воспрепятствовать оной (*), но дальнѣйшее наступленіе по одному направленію, для овладѣнія Мачиномъ, не могло обойдтись безъ весьма-значительныхъ потерь. Сообразивъ сіи обстоятельства, я предпочелъ дѣйствовать на Мачинъ съ двухъ сторонъ: переправою войскъ отъ Галаца и отъ Браилова. Хотя такое разобщеніе и представляло временное неудобство и, сверхъ-того, требовало два моста, тогда-какъ заготовленъ былъ только одинъ, въ Галацѣ, но зато имѣло тѣ выгоды, что развлекало вниманіе непріятеля и доставляло возможность зайдти въ тылъ Мачина по дорогѣ на Гарванъ; что же касается мостовъ, то генерал-адъютантъ Шильдеръ изъискалъ

(*) Мѣсто высадки противъ Браилова находится во входящемъ углу, образуемомъ правымъ берегомъ Мачинскаго Рукава и Большаго Дуная.

возможность изъ имѣющагося одного моста, съ помощью мѣстныхъ плову̀чихъ средствъ и понтоновъ, устроить два моста, въ Галацѣ и въ Браиловѣ. Переправу отъ Галаца я возложилъ на генерал-адъютанта Лидерса, назначивъ въ его распоряженіе $24^1/_4$ батальйона, 8 эскадроновъ, 6 сотенъ казаковъ и 64 орудія. Отрядъ, назначенный для переправы у Браилова, подъ личнымъ моимъ распоряженіемъ, состоялъ изъ $12^1/_4$ батальйоновъ, 7-ми эскадроновъ, 5-ти сотенъ казаковъ, 52-хъ орудій и одного понтоннаго парка. Генерал-адъютанту Лидерсу предписано, по совершеніи переправы, слѣдовать обходною дорогою черезъ Гарванъ къ Мачину. Независимо отъ переправы у Галаца и Браилова, были сосредоточены при Измаилѣ, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Ушакова, 14 батальйоновъ, 16 эскадроновъ, 6 сотенъ казаковъ и 44 орудія. Генерал-лейтенанту Ушакову предписано форсировать переправу черезъ Дунай нѣсколько ниже мыса Четала, овладѣть турецкими батареями, устроенными противъ сего мыса, и, утвердившись на правомъ берегу, содѣйствовать демонстраціями на Тульчу и Исакчу предпріятіямъ отрядовъ, которые переправятся у Галаца и Браилова. Время переправы въ Галацѣ, Браиловѣ и у Измаила было назначено съ 9-го на 10-е число марта. По переправѣ нѣкоторой части войскъ на судахъ, во всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктахъ приказано немедленно приступить къ наводкѣ мостовъ. Для бо̀льшаго развлеченія непріятеля, полковнику Зурову предписано съ отрядомъ изъ двухъ батальйоновъ пѣхоты, двухъ батарейныхъ орудій, шести орудій Валахской Артиллеріи, дивизіона Ольвіопольскаго Уланскаго Полка, съ двумя конно-легкими орудіями, произвесть 9-го числа сильную демонстрацію противъ Гирсова. Демонстрація эта имѣла совершенный успѣхъ: дѣйствіемъ нашей артиллеріи часть эполементовъ турецкихъ батарей разрушена, три непріятельскія орудія подбиты, остальныя имъ отвезены отъ берега. Бурная погода вынудила отложить переправу во всѣхъ трехъ пунктахъ до 11-го числа. Чтобъ поставить турокъ въ недоумѣніе, въ какомъ именно мѣстѣ переправятся наши войска, я приказалъ 10-го числа, въ четыре часа пополудни, открыть усиленную канонаду съ батарей нашихъ у Браилова, возведенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и на островѣ Бындоѣ, вдоль Мачинскаго Рукава. Батареи сіи были съ замѣчательнымъ искусствомъ устроены по распоряженію генерал-адъютанта Шильдера. Въ добавокъ къ ихъ перекрестнымъ огнямъ, для канонады 10-го числа была выдвинута канонирская лодка № 22-го къ мысу острова Бындоя, для обстрѣливанія пространства вдоль праваго берега Дуная, ниже Мачинскаго Рукава. Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ батарей было успѣшно: непріятельскія батареи, обращенныя къ Мачинскому Рукаву, были значительно повреждены; но, несмотря на то, огонь съ нихъ, хотя ослабленный, продолжался до самой ночи. 11-го марта, на разсвѣтѣ, генерал-адъютантъ Лидерсъ началъ переправу у Галаца. Турки не ожидали перехода нашего съ этой стороны, и потому переправа была совершена здѣсь безъ всякаго препятствія. Турецкій конный постъ, находившійся на правомъ берегу, тотчасъ скрылся. Въ с. Азаклы, куда направился нашъ пе-

редовой фланговый отрядъ, находилось не болѣе 50-ти кавалеристовъ, въ перестрѣлкѣ съ которыми былъ раненъ одинъ казакъ. По переправѣ первыхъ войскъ у Галаца, было приступлено къ наведенію моста; но, по случаю сильнаго вѣтра, онъ былъ оконченъ только къ пяти часамъ утра 13-го числа. 12-го марта, генералъ Лидерсъ выдвинулъ авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гротенгельма, въ направленіи къ с. Гарвану, не отдаляя отъ берега главныхъ силъ. постепенно перевозимыхъ на судахъ до окончанія наводки моста, постановка котораго, при сильномъ вѣтрѣ, шла весьма-медленно. 13-го числа мостъ былъ готовъ, что дозволило притянуть къ войскамъ ихъ обозы и транспорты съ провіантомъ и фуражемъ. Авангардъ отряда безпрепятственно прибылъ въ Гарванъ и вошелъ въ сообщеніе съ войсками браиловскаго отряда, занявшими уже Мачинъ. 14-го марта, главныя силы отряда расположились въ с. Гарванъ. Со стороны Браилова, для охраненія острова Бындоя, назначены два батальйона пѣхоты (одинъ Прагскаго Пѣхотнаго и одинъ Замосцьскаго Егерскаго Полковъ). Всѣ войска на семъ островѣ поручены были начальству Свиты Вашего Императорскаго Величества генерал-майора князя Урусова. Канонада, произведенная 10-го марта, опредѣливъ положеніе непріятельскихъ батарей, доставила намъ возможность, по случаю отложенной до другаго дня переправы, усилить впродолженіе ночи съ 10-го на 11-е марта, одну изъ промежуточныхъ батарей на островѣ Быпдоѣ, пристройкою къ ней четырехъ амбразуръ. 11-го марта, утромъ, произведена была канонада, которую я вскорѣ приказалъ прекратить, потому-что турки на нее не отвѣчали. Въ четыре часа пополудни, при возобновленіи усиленнаго огня съ нашихъ батарей, приступлено къ форсированію переправы. Начальство надъ десантомъ поручено было начальнику Штаба Войскъ, генерал-адъютанту Коцебу. Три батальйона Замосцьскаго Егерскаго Полка, двѣ роты 3-го Сапернаго Батальйона, четыре орудія легкой № 8-го батареи и 50-ти казаковъ Донскаго Казачьяго № 25-го Зарубина Полка, заблаговременно посаженные на кирлаши, чамы и малыя лодки, въ четыре часа пополудни, съ пѣсенниками и крикомъ «ура», опустились отъ пристани близь карантина, внизъ по Дунаю и благополучно пристали къ пристани Гичету, около турецкой кофейни. Во время переправы нашихъ войскъ, непріятель не дѣйствовалъ съ своихъ батарей и никого не было замѣтно ни на оныхъ, ни въ соединявшихъ ихъ ложементахъ, такъ-что можно было полагать, что турки совершенно оставили свои посты. Генерал-адъютантъ Коцебу изъ первыхъ высадившихся людей составилъ цѣпь застрѣльщиковъ, подъ начальствомъ генерал-майора Веселитскаго, дабы, подъ прикрытіемъ оной, высаживавшаяся съ судовъ пѣхота могла построиться въ ротныя колонны и, лично предшествуя цѣпи, двинулся по дорогѣ къ Мачину. Одновременно съ симъ движеніемъ онъ послалъ исправляющаго должность генерал-квартирмейстера генерал-майора Бутурлина, съ нѣсколькими человѣками греческихъ волонтеровъ, влѣво отъ дороги, на оставленную непріятелемъ батарею для осмотра мѣстности, закрытой камышомъ. Турки хранили мертвое молчаніе и ни одинъ человѣкъ не выказывался; но

какъ-скоро генерал-майоръ Бутурлинъ съ охотниками взошелъ черезъ амбразуры на самую батарею, непріятель, скрытый въ ложбинѣ за батареею и въ углубленныхъ траншеяхъ, соединявшихъ оную съ прочими батареями, открылъ сильный ружейный огонь изъ штуцеровъ. Цѣпь наша, по приказанію генерал-лейтенанта Коцебу, была пріостановлена и завязала перестрѣлку съ непріятелемъ. Между-тѣмъ наводка моста, порученная командиру 1-й бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи, генерал-майору Столпакову, была начата одновременно съ отплытіемъ десанта. Непріятель, замѣтивъ движенія отдѣленій моста къ мѣсту постановки, направилъ противъ сего мѣста артиллерійскій огонь изъ двухъ амбразуръ главной береговой батареи, обращенныхъ къ Дунаю, которыхъ, по расположенію мѣстности, нельзя было сбить. Въ это время артиллерія наша, свезенная съ судовъ, выдвинулась впередъ и, въ совокупности съ батареями съ острова Бындоя, открыла картечный огонь по ближайшимъ береговымъ батареямъ, за которыми держались непріятельскіе штуцерные и пѣхота. Въ то же время приступлено къ трасировкѣ предмостнаго укрѣпленія. Въ шесть часовъ пополудни, два батальйона Люблинскаго Егерскаго Полка и два орудія были переправлены въ подкрѣпленіе тремъ высаженнымъ уже батальйонамъ. Непріятель дѣйствовалъ изъ помянутыхъ орудій до поздней ночи: по войскамъ картечью, а по работамъ и мосту ядрами; сверхъ-того, два раза турки, вытянувшись вдоль ложементовъ, на правомъ ихъ флангѣ, открывали батальный огонь, который не нанесъ намъ никакого вреда, какъ по причинѣ отдаленія, такъ и потому, что пѣхота наша положена скрытно, за малыми ложбинами. Впродолженіе всей ночи отрядъ оставался въ наблюдательномъ положеніи, между-тѣмъ, какъ часть онаго производила постройку предмостнаго укрѣпленія. Въ ту же ночь перевезены были на правый берегъ еще два орудія легкой № 8-го батареи. Канонирскія лодки, спустившись внизъ по лѣвому берегу, прежде начатія десанта, были употреблены для обстрѣливанія той части праваго берега, гдѣ предполагалось сдѣлать высадку. По совершеніи же оной, лодки сіи расположились поперегъ рѣки, для прикрытія наводки моста и удержанія мостовыхъ судовъ, которыхъ якоря, при усилившемся отъ вѣтра теченіи, не могли держаться на мѣстѣ. По совершеніи первой высадки, пароходъ «Прутъ» много содѣйствовалъ къ наведенію моста, буксированіемъ судовъ вверхъ по теченію и помогалъ перевозкѣ войскъ и артиллеріи. При противномъ вѣтрѣ и сильномъ напорѣ воды на мостъ, наведеніе онаго шло весьма-медленно; а потому, на разсвѣтѣ 12-го марта, остальные два батальйона Люблинскаго Егерскаго Полка были доставлены на правый берегъ Дуная на судахъ. Въ ночи съ 11-го на 12-е марта, непріятель окончательно очистилъ свои батареи и отступилъ по направленію къ Мачину; передовые посты наши выдвинулись впередъ; оставленныя непріятелемъ батареи были заняты нашими войсками. Ночью съ 12-го на 13-е число, получивъ донесенія съ Бындоя, отъ Свиты Вашего Величества генерал-майора князя Урусова, что непріятель оставляетъ Мачинъ и тянется по гирсовской дорогѣ, я приказалъ къ семи часамъ утра перевезти

остальные батальйоны на правый берегъ, а на лѣвомъ берегу приказалъ собрать Донской Казачій № 9-го Подполковника Ѳомина Полкъ и три эскадрона Уланскаго Эрцгерцога Альберта Австрійскаго Полка, коль-скоро мостъ будетъ устроенъ. Въ восемь съ половиною часовъ утра мостъ былъ оконченъ; первые перешли казаки; за ними уланы и, вслѣдъ за тѣмъ, я двинулся къ Мачину съ четырьмя батальйонами пѣхоты, двумя ротами стрѣлковъ, взводомъ саперъ, тремя эскадронами уланъ и восьмью орудіями легкой № 8-го батареи 15-й артиллерійской бригады. Духовенство съ крестами и старшины города съ хлѣбомъ и солью встрѣчали наши войска. По занятіи города и осмотрѣ тамошнихъ укрѣпленій, начальство надъ войсками, занявшими Мачинъ, я поручилъ генералъ-майору Веселитскому (*). Потеря во время форсированія переправы у Браилова была весьма-незначительна; убито: 6 нижнихъ чиновъ; ранены: генералъ-майоръ Дубенскій, которому, къ общему сожалѣнію, оторвало правую ногу ниже колѣна; нижнихъ чиновъ 30; контужено: генералъ-майоръ Веселитскій весьма-легко, артиллеріи штабс-капитанъ Полубинскій и нижнихъ чиновъ 6. Съ разсвѣтомъ 11 марта, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ началъ форсировать переправу черезъ Дунай. Канонирскія лодки, съ двумя береговыми батареями, открыли огонь, продолжавшійся до 11 часовъ, и заставили замолчать турецкую батарею. По прекращеніи непріятельскаго огня, тронулись десантныя суда изъ Килійскаго Рукава Дуная въ Сулинскій и обогнули мысъ Чаталъ безъ всякой потери, не взирая на то, что турецкія батареи, увидѣвъ эти суда, снова открыли по нимъ огонь. Два батальйона Могилевскаго Пѣхотнаго, два батальйна Полоцкаго Егерскаго Полковъ и четыре орудія легкой № 2-го батареи 7-й артиллерійской бригады, первые были перевезены на правый берегъ; за ними переправились и другія войска. Егерская бригада 7-й пѣхотной дивизіи была направлена влѣво къ Сомову Гирлу, а два батальйона Могилевскаго Полка двинулись вправо на турецкую батарею, мѣшавшую наводкѣ и постановкѣ моста. Егери безъ выстрѣла дошли до Сомова Гирла, но тутъ встрѣтили сильное сопротивленіе: противоположный берегъ былъ занятъ непріятелемъ. Генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, остановивъ пѣхоту внѣ выстрѣла, приказалъ занять берегъ гирла стрѣлками; вслѣдъ за симъ, егеря быстро двинулись впередъ; непріятель поспѣшно отступилъ, не успѣвъ уничтожить моста. Между-тѣмъ два батальйона Могилевскаго Полка, шедшіе для овладѣнія непріятельскою береговою батареею, были встрѣчены пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Солдаты наши шли съ геройскою храбростью, офицеры были впереди; первое укрѣпленіе тотчасъ было взято штыками; но за нимъ находились пять траверзовъ, упиравшіеся съ одной стороны въ Дунай, а съ другой стороны въ болота; позади же сихъ преградъ былъ сильный сомкнутый веркъ. Здѣсь турки защищались съ величайшимъ ожесточеніемъ.

(*) Въ Мачинѣ отъискано два фальконета; сверхъ того, по показанію жителей, турки, оставляя городъ, бросили въ Дунай 4 орудія.

Могилевскіе батальйоны смѣло бросились на штурмъ, одинъ за другимъ; для поддержанія атаки были посланы три батальйона Смоленскаго Полка; пальба и рукопашный бой продолжались до 9 часовъ вечера; но наконецъ всѣ непріятельскія укрѣпленія были взяты и вмѣстѣ съ ними 9 мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ два осадныя; 150 человѣкъ плѣнныхъ, въ числѣ ихъ начальникъ батареи; остальная же часть гарнизона, кромѣ успѣвшихъ спастись бѣгствомъ, была положена на мѣстѣ. Съ нашей стороны потеря простиралась приблизительно до 400 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ: командиръ Могилевскаго Пѣхотнаго Полка, полковникъ Тяжельниковъ, подполковникъ Амантовъ и подполковникъ Вознесенскій; убитыхъ оберофицеровъ 5, раненыхъ 17.— 12-го марта часть флотиліи была проведена вверхъ и внизъ по Дунаю около мыса Четала и приступлено къ наводкѣ моста. Турки, изумленные претерпѣннымъ ими наканунѣ пораженіемъ, оставили Тульчу и отступили къ Бабадагу. Егерская бригада 7-й пѣхотной дивизіи заняла Тульчу и прилегающія къ сему городу укрѣпленія. Такимъ образомъ одновременно въ трехъ пунктахъ совершенъ переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Священнымъ долгомъ считаю свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что всѣ войска, въ немъ участвовавшія, отъ генерала до солдата, были одушевлены мужествомъ и отвагою. Съ веселою пѣснью и съ завѣтнымъ крикомъ «ура» всѣ радостно плыли къ правому берегу и отважно шли на встрѣчу непріятеля. Артиллерія дѣйствовала отлично, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерал-майора Остроградскаго и исправляющаго должность начальника Штаба Артиллеріи, полковника Крыжановскаго. Превосходное дѣйствіе ея было главнѣйшею причиною успѣха переправы при Браиловѣ, при столь незначительномъ уронѣ. Саперы, равно и понтеры, наводившіе мостъ подъ огнемъ непріятеля, показали себя совершенными молодцами. Какъ наиболѣе отличившихся, я долженъ поименовать: генерал-адъютанта Шильдера, которому обязаны возведеніемъ искусно-расположенныхъ батарей и созданіемъ, такъ–сказать, двухъ мостовъ (при Галацѣ и Браиловѣ) изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для одного; генерал-адъютанта Коцебу, командовавшаго передовымъ отрядомъ при высадкѣ у Браилова; генерал-лейтенанта Ушакова 3-го, начальствовавшаго войсками, прославившими себя при взятіи береговыхъ укрѣпленій близь Тульчи; инженер-генерал-майора Дубенскаго, кровью своею запечатлѣвшаго успѣхъ дѣйствій нашихъ при Браиловѣ. Равномѣрно обязываюсь свидѣтельствовать о примѣрной дѣятельности и распорядительности: генерал-адъютанта барона Остен-Сакена, на котораго были возложены всѣ приготовленія къ переправѣ у Измаила; генерал–адъютанта Лидерса, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго были исполнены всѣ, столь многосложныя приготовленія къ переправѣ въ Браиловѣ и Галацѣ; начальника артиллеріи ввѣренныхъ мнѣ войскъ генерал-лейтенанта Сержпутовскаго, подъ личнымъ направленіемъ котораго производились всѣ столь важныя въ семъ случаѣ распоряженія по артиллерійской части; инженер-генерал-лейтенанта Бухмейра, завѣдывавшаго приготовленіемъ моста и переправою при Га-

лацѣ; исправляющаго должность дежурнаго генерала ввѣренныхъ мнѣ войскъ, генерал-лейтенанта Ушакова 2-го, заботливостью котораго приняты были всѣ мѣры къ самому скорому и успѣшному призрѣнію раненыхъ какъ на полѣ сраженія, такъ и въ госпиталяхъ въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ; исправляющаго должность генерал-квартирмейстера генерал-майора Бутурлина, который, кромѣ отличнаго исполненія прямой своей обязанности, находился при первомъ десантѣ войскъ на правомъ берегу Дуная и былъ, какъ выше сказано, посланъ съ нѣсколькими охотниками для осмотра мѣстности впереди; командующаго 15-ю пѣхотною дивизіею, генерал-майора Энгельгардта, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ котораго производилось посаженіе войскъ на суда, а равно всѣ приготовленія для десанта; генерал-майора Столпакова, дѣятельностью и распорядительностью котораго, несмотря на всѣ препятствія, былъ наведенъ мостъ при Браиловѣ. Начальникъ отряда дунайской флотиліи, капитанъ 2-го ранга Бернардъ де-Граве, состоящій при отрядѣ флотиліи, флигель-адъютантъ Вашего Императорскаго Величества, капитан-лейтенантъ князь Голицынъ, состоящій при мнѣ капитан-лейтенантъ Греве, командиръ парохода «Прутъ», лейтенантъ Гавришевъ и капитан-лейтенантъ Трофимовскій, были самыми дѣятельными участниками въ содѣйствіи флотиліи къ успѣху сухопутныхъ войскъ Вашего Императорскаго Величества. Флигель-адъютантъ, полковникъ баронъ Мирбахъ находился постоянно при передовыхъ войскахъ. Прибывшій съ депешами отъ генерал-адъютанта князя Меншикова, 35-го флотскаго экипажа лейтенантъ баронъ Крюднеръ, во все время дѣйствій находился при десантномъ отрядѣ.

Немедленно послѣ переправы черезъ Дунай былъ отряженъ къ Исакчи, съ сотнею казаковъ, Житомирскаго Егерскаго Полка полковникъ Дельвигъ; онъ нашелъ этотъ пунктъ очищеннымъ отъ непріятеля. Войска наши повсюду были встрѣчаемы съ непритворною радостью, а жители Исакчи, всѣхъ сословій, вышли къ нимъ на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью. Между-тѣмъ, оставленный на лѣвомъ берегу Дуная противъ Гирсова полковникъ Зуровъ донесъ генерал-адъютанту князю Горчакову, что въ ночь съ 13-го на 14-е марта турки снялись съ позиціи противъ Гура-Яломицы, что батареи непріятельскія совершенно были очищены и на нихъ никого не осталось. Въ то же время съ поста противъ Гирсова получено донесеніе, что ни въ гирсовскихъ укрѣпленіяхъ, ни въ г. Варошѣ, ни одного непріятельскаго солдата не замѣчено. Генерал-адъютантъ князь Горчаковъ, получивъ сіи донесенія, приказалъ полковнику Зурову удостовѣриться посредствомъ казаковъ, дѣйствительно ли Гирсовъ оставленъ непріятелемъ и, въ случаѣ, если городъ очищенъ, то занять оный; если же тамъ находится незначительный непріятельскій отрядъ, то, смотря по силѣ онаго, выбить турокъ изъ Гирсова и овладѣть городомъ. 16-го марта турки съ поспѣшностью оставили Гирсовъ и этотъ городъ вслѣдъ затѣмъ занятъ казаками. По показанію жителей, непріятель отступилъ въ направленіи къ Карасу.

Генерал-адъютантъ князь Горчаковъ представилъ также слѣдующее

подробное описаніе переправы черезъ Дунай и занятія Тульчи и Исакчи, полученное имъ отъ генерал-лейтенанта Ушакова. «Согласно приказанію Вашего Сіятельства: совершить 11-го марта переправу черезъ Дунай открытою силою, сдѣланы были мною слѣдующія предварительныя распоряженія: собраны у жителей 147 лодокъ и 4 парома, къ которымъ гребцами назначены казаки и нижніе чины пограничной стражи. Для переправы выбрано мѣсто въ 800 саженяхъ ниже раздѣленія Рукавовъ Сулинскаго и Килійскаго, тамъ, гдѣ берега сближаются до 120-ти саженъ. 10-го марта придвинуты къ мѣсту раздѣленія Рукавовъ Сулинскаго и Килійскаго 15-ти канонирскихъ лодокъ гребной дунайской флотилій. На двѣ береговыя батареи, вооруженныя 6-ю крѣпостными орудіями и 4-мя мортирами, поставлено по 4 батарейныя орудія. Того же числа вся пѣхота, артиллерія и Донской № 1-го Полкъ сосредоточены на островѣ Чаталѣ; пѣхота состояла изъ полковъ: Смоленскаго, за исключеніемъ двухъ ротъ, Витебскаго и Полоцкаго, Егерскихъ и двухъ батальйоновъ Могилевскаго Пѣхотнаго Полка; артиллерія изъ 8-ми орудій батарейной № 1-го, 8-ми орудій батарейной № 2-го, 6-ти орудій легкой № 1-го, 12-ти орудій легкой № 2-го и 8-ми орудій конно-легкой № 6-го батареи. Гусарскіе: Принца Фридриха Гессен-кассельскаго и Фельдмаршала Графа Радецкаго Полки, и обозы отъ всѣхъ войскъ собраны въ кр. Измаилѣ, съ тѣмъ, чтобъ на слѣдующее утро перейдти на островъ Чаталъ. Въ полночь, съ 10-го на 11-е марта, приказано флотиліи стать на разстояніи прицѣльнаго выстрѣла передъ турецкими батареями; десантнымъ войскамъ расположиться позади флотиліи, внѣ выстрѣловъ, съ тѣмъ, чтобъ, по ослабленіи дѣйствіемъ нашихъ орудій огня непріятельскихъ батарей, суда эти могли обогнуть Чатальскій Мысъ и спуститься по Сулинскому Рукаву. Въ то же время артиллерія и пѣхота двинулись къ мѣсту, избранному для переправы, и расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: вся пѣшая артиллерія выстроилась около мѣста переправы, для сильнаго обстрѣливанія непріятельскаго берега, на случай появленія турецкихъ войскъ; конно-легкая № 6-го батарея стала на берегу противъ Сомова Гирла, для воспрепятствованія туркамъ уничтожить мосты на этомъ гирлѣ и дабы поражать непріятельскія войска, еслибъ они двинулись изъ кр. Тульчи на берегу Дуная. Вся артиллерія наша была скрыта за деревьями и кустарниками. Штуцерники отъ всѣхъ полковъ поставлены между орудіями. Пѣхота укрывалась въ камышахъ позади артиллеріи. 11-го марта въ $5^1/_2$ часовъ утра былъ открытъ огонь съ нашихъ береговыхъ батарей и флотиліи. Береговыя батареи, управляемыя своими отличными офицерами; штабс-капитаномъ Хондзынскимъ и поручикомъ Девелемъ, меткими выстрѣлами ослабили до такой степени огонь турецкихъ батарей, что около десяти часовъ утра я могъ ужь приказать десантнымъ войскамъ двинуться къ мѣсту переправы. Перевозочныя лодки, управляемыя лейтенантомъ Степановымъ, дошли бичевою вверхъ по Килійскому Рукаву до Чатальскаго Мыса, но здѣсь, по причинѣ отмели, должны были огибать оную на веслахъ. Какъ-только передовыя лодки показались изъ-за флотиліи, турецкія батареи, несмотря

на гибельные, учащенные выстрѣлы съ нашихъ береговыхъ батарей и флотиліи, истощая повидимому послѣднія усилія, обратили весь свой огонь на десантныя суда; но лейтенантъ Степановъ, находясь самъ на передней лодкѣ, провелъ подъ непріятельскими выстрѣлами, безъ всякаго поврежденія, всѣ суда къ мѣсту ихъ назначенія. Въ $11^1/_2$ часовъ утра посажены были на лодки: 2-й батальйонъ Могилевскаго Пѣхотнаго и 2-й батальйонъ Полоцкаго Егерскаго Полковъ, съ 4-мя орудіями легкой № 4-го батареи и безъ выстрѣла заняли часть непріятельскаго берега. За ними постепенно перевезли: весь Егерскій Полоцкій Полкъ, другой батальйонъ Могилевскаго Пѣхотнаго Полка, Витебскій Егерскій Полкъ и остальныя орудія легкихъ батарей. Переправа же батарейныхъ орудій была отложена, по причинѣ сильнаго вѣтра и ненадежности паромовъ. По мѣрѣ выхода нашихъ войскъ на берегъ, они мгновенно устроились, и два батальйона Могилевскаго Пѣхотнаго Полка съ 2-мя орудіями, подъ командою командира полка полковника Тяжельникова, двинуты вправо для наблюденія за непріятельскими батареями; колонну эту я поручилъ вести Генеральнаго Штаба капитану Вагнеру. Полоцкій же Егерскій Полкъ съ 4-мя легкими орудіями, подъ командою генерал-майора Копьева, направился влѣво, къ Сомову Гирлу; лѣвую колонну велъ дивизіонный квартирмейстеръ, штабс-капитанъ Будоговскій. Какъ-только непріятель узналъ мѣсто нашей переправы, то на высотахъ Старой Тульчи и въ камышахъ около Сомова Гирла начали собираться его скопища, а на скатахъ горы поставлена была батарея изъ 8-ми орудій. Генерал-майоръ Копьевъ, прикрываясь цѣпью стрѣлковъ, несмотря на выстрѣлы находившейся на возвышеніи непріятельской батареи, быстро подвигался впередъ. Въ цѣпи завязалась перестрѣлка; застрѣльщики наши усилились резервами и, произведя рѣшительное наступленіе, прогнали непріятеля за Сомово Гирло, захвативъ притомъ мостъ на немъ. Потеря наша во время сихъ дѣйствій была незначительна: убито 2 нижнихъ чиновъ, ранены 2 офицера и 39 рядовыхъ. Рѣшительному успѣху атаки лѣвой колонны генерал-майора Копьева много способствовали выставленныя мною на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Сомова Гирла, конно-легкая № 6-го и батарейная № 1-го батареи. Было уже 4 часа вечера, когда стало замѣтно скопленіе значительныхъ силъ на высотахъ Старой Тульчи; въ то же время получено мною свѣдѣніе о движеніи непріятельскихъ войскъ къ крѣпости Исакчи; почему, находя нужнымъ обезпечить къ ночи свой правый флангъ и самую переправу, я рѣшился приказать взять штурмомъ береговыя батареи, которыя казались совершенно уже ослабленными дѣйствіями нашей артиллеріи. 1-й и 2-й батальйоны Могилевскаго Полка пошли на приступъ; ихъ первый ударъ былъ направленъ на ближайшій турецкій редутъ, обороняемый одною пѣхотою, который и былъ тотчасъ взятъ 2-мъ батальйономъ; но лишь только головы колоннъ, по занятіи редута, выдвинулись впередъ для штурма другой батареи, какъ ихъ встрѣтили въ 100 саженяхъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ 6-ти орудій и ружейными выстрѣлами изъ-за обширнаго временнаго сомкнутаго укрѣпленія, которое

казалось до сего только открытою съ горжи батареею. При первомъ залпѣ ранены: командиръ полка полковникъ Тяжельниковъ, командиръ 1-го батальйона подполковникъ Амонтовъ (четырьмя пулями) и Генеральнаго Штаба капитанъ Вагнеръ въ голову. Хотя войска и потеряли своихъ начальниковъ, но бывшіе при 1-мъ батальйонѣ старшій капитанъ Добровольскій и дивизіонный жалонерный офицеръ, штабс-капитанъ Петровъ, перестроили его въ ротныя колонны, повели на приступъ укрѣпленія со стороны рѣки, и взошли уже на валъ, но были отбиты. Съ другой стороны командиръ 2-го батальйона, майоръ Богуславлевичъ также устремилъ ротныя колонны своего батальйона прямо къ главному входу и также былъ отбитъ. Войска наши, не отступивъ однако ни на шагъ, залегли во рвахъ и за деревьями и продолжали сильную перестрѣлку, а дивизіонъ легкой № 2-го батареи, подъ командою полковника Храповицкаго, дѣйствовалъ въ 100 саженяхъ картечью по входу въ укрѣпленіе. Для подкрѣпленія двухъ батальйоновъ Могилевскаго Пѣхотнаго Полка, я двинулъ, только-что переправившіеся, три батальйона Смоленскаго Полка, изъ которыхъ находившіеся впереди 3-й и 4-й батальойны не шли, а бѣжали на помощь товарищамъ. Съ крикомъ «ура» они ворвались въ укрѣпленіе, вмѣстѣ съ прежними двумя батальйонами. Уже совершенно стемнѣло, но храбрыя наши войска, овладѣвъ главнымъ валомъ, были еще встрѣчены сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ изъ цитадели; здѣсь подоспѣлъ къ нимъ на помощь, только-что совершившій переправу, 2-й батальйонъ Смоленскаго Полка, который ворвался въ укрѣпленіе съ другой стороны. Командиръ этого батальйона, подполковникъ Вознесенскій, съ знаменемъ въ рукѣ, воодушевилъ всѣхъ своимъ появленіемъ; онъ мгновенно бросился на брустверъ цитадели, войска за нимъ послѣдовали и гарнизонъ былъ большею частью переколотъ; но храбрый подполковникъ Вознесенскій заплатилъ кровью за совершенный имъ подвигъ: получивъ контузію при атакѣ цитадели, онъ былъ раненъ въ плечо на-вылетъ въ самомъ укрѣпленіи. Затѣмъ оставался еще одинъ открытый ретраншаментъ за главнымъ укрѣпленіемъ, но устрашенный непріятель недолго сопротивлялся и былъ переколотъ штыками. Въ $9^1/_2$ часовъ вечера бой прекратился. Трофеями этого штурма были 9 мѣдныхъ орудій, изъ нихъ осадныя: пудовый единорогъ и 36-ти шести фунтовая пушка, полевыя: четыре 18-ти фунтовыя пушки, одна 6-ти фунтовая пушка и двѣ полупудовыя гаубицы, передки и зарядные ящики; значительные же запасы пороха, какъ въ готовыхъ снарядахъ, такъ и въ боченкахъ, были потоплены, изъ опасенія взрыва отъ горѣвшихъ внутри укрѣпленія казармъ. Въ плѣнъ взяты: начальникъ укрѣпленія Али-Казимъ-Бей, три офицера и 9 человѣкъ рядовыхъ; остальной гарнизонъ, силою въ 1000 человѣкъ, былъ большею-частью переколотъ (*) и одни лишь только раненые при началѣ штурма, въ темнотѣ успѣли уйдти по дорогѣ къ

(*) Убитъ командиръ турецкаго пѣхотнаго полка, который, по словамъ австрійскаго консула въ Тульчѣ, былъ ренегатъ Чайковскій.

Исакчи. Потеря наша въ этомъ упорномъ бою была также значительна, ибо укрѣпленія, которыя казались только береговыми батареями, имѣли въ дѣйствительности профили крѣпостныхъ валовъ, съ болотистыми рвами; а отчаянная оборона гарнизона дѣлала ихъ почти неодолимыми. Убито у насъ 5 обер-офицеровъ, 196 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 48; ранено (*): штаб-офицеровъ 4, обер-офицеровъ 15 и нижнихъ чиновъ 491. Но за-то велики были послѣдствія этого кровопролитнаго штурма. Турки, почитавшіе свои укрѣпленія неприступными, послѣ взятія ихъ и совершеннаго истребленія гарнизона, поражены были такимъ паническимъ страхомъ, что Тульча и Исакча въ ту же ночь были очищены ими и войска непріятельскія поспѣшно отступили къ Бабадагу. При семъ отступленіи они оставили сильную, укрѣпленную батареями позицію у г. Тульчи, а также и устроенные въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ретраншаменты у г. Исакчи и противъ Сатуновской Плотины. 12-го марта была занята нашими войсками Тульча и того жь числа казаками сатуновскаго отряда генерал-майора Толстаго, назначеннаго для одной лишь демонстраціи — Исакча. Оставленные въ г. Тульчѣ запасы снарядовъ и пороху доказываютъ, какъ поспѣшно бѣжали изъ этого города турецкія войска. Всѣ чины ввѣреннаго мнѣ отряда, съ начала канонады до окончанія послѣдняго штурма, старались превзойдти другъ друга. Не нахожу словъ, чтобъ выразить усердіе, хладнокровіе и распорядительность гг. частныхъ начальниковъ; войска сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Солдаты рвались къ бою. Смоленскаго Пѣхотнаго Полка, 5-й мушкетерской роты унтер-офицеръ Игнатій Горѣлый, получивъ рану въ шею и едва перевязавъ ее, спѣшилъ снова къ товарищамъ, чтобъ отмстить за нанесенную ему рану; а подполковникъ Вознесенскій, несмотря на полученныя двѣ раны, послѣ перевязки также возвратился къ полку».

Дальнѣйшія дѣйствія русской арміи на Дунаѣ происходили на лѣвомъ и правомъ берегахъ рѣки.

На *лѣвомъ* берегу Дуная генерал-лейтенантъ Липранди произвелъ, 5-го апрѣля, съ кавалеріею усиленную рекогносцировку къ Калафату. Непріятель, занимавшій Чепурчени, былъ вытѣсненъ изъ селенія и въ безпорядкѣ отступилъ къ непроходимымъ болотамъ прибрежьевъ Дуная; большая часть бѣгущихъ изрублена, искавшіе спасенія вплавь черезъ Дунай потоплены, высланныя на помощь изъ Калафата части кавалеріи и пѣхоты опрокинуты. Непріятель потерялъ въ семъ дѣлѣ до 260 человѣкъ убитыми, значительное число раненыхъ и 10 человѣкъ плѣнныхъ; сверхъ-того, два знамени, изъ которыхъ одно отбито казаками, а другое гусарами. Съ нашей стороны убито: обер-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 9; ранено: обер-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 18; контужено: обер-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 4. Въ видахъ наступательныхъ съ нашей стороны дѣйствій на лѣвомъ флангѣ настоящаго театра войны, генерал-фельдмаршалъ князь Варшавскій

(*) Раненъ также одинъ священникъ.

принявшій начальство надъ арміею, приказалъ: мало-валахскому отряду, расположенному противъ Калафата, отойдти къ Крайову, куда отрядъ прибылъ 13-го апрѣля.

Для дѣйствія противъ непріятельскихъ батарей на правомъ берегу Дуная и для уничтоженія турецкой флотиліи, стоявшей за островомъ Гопа, съ 24-го марта по 1-е апрѣля, построены противъ Силистріи генерал-лейтенантомъ Хрулевымъ 14 батарей съ эполементами. 1-го апрѣля охотники Егерскаго Фельдмаршала Князя Варшавскаго Полка, подъ начальствомъ Вознесенскаго Уланскаго Полка майора Короленко и ротмистра Короленко, заняли острова Голый и Гопа. 3-го, 4-го и 5-го чиселъ на островахъ сихъ устроены батареи. 6-го апрѣля занятъ островъ Толкія. 10-го апрѣля открытъ былъ съ нашихъ батарей огонь, по стоявшимъ противъ нихъ лодкамъ, изъ которыхъ двѣ потоплены, а одна легла на бокъ.

16-го апрѣля, на 4-хъ большихъ и 14-ти малыхъ судахъ переправилось изъ Никополя на лѣвый берегъ Дуная до 800 человѣкъ турокъ, которые немедленно засѣли за валомъ старыхъ укрѣпленій. Дабы не дать возможности непріятелю до прибытія нашей пѣхоты утвердиться въ шанцахъ, командиръ 5-й конно-артиллерійской бригады, полковникъ Рейсихъ, направилъ противъ нихъ первый дивизіонъ Уланскаго Герцога Нассаускаго Полка, подъ начальствомъ штабс-ротмистра Реутова третью сотню Донскаго № 37-го Полковника Шапошникова Полка, подъ командою есаула Шейкина. Несмотря на сильный огонь съ батареи праваго берега, уланы и казаки устремились на шанцы и стоптали турокъ въ Дунай; но въ это самое время къ непріятелю прибыло до 1,000 человѣкъ подкрѣпленія. Между-тѣмъ, подоспѣвшій съ пѣхотою генерал-майоръ Баумгартенъ, направилъ командующаго Тобольскимъ Пѣхотнымъ Полкомъ полковника Дудицкаго-Лишина, съ $1^1/_2$ батальйонами ввѣреннаго ему полка, на шанцы, занятые турками. Батальный огонь турецкой пѣхоты и пальба никопольскихъ батарей не могли нисколько остановить храбрыхъ тобольцевъ; они мгновенно овладѣли укрѣпленіями и выбили изъ нихъ непріятеля. Три большія турецкія судна поспѣшили тогда съ подкрѣпленіями къ лѣвому берегу; но они были встрѣчены столь меткимъ огнемъ четырехъ орудій конно-легкой № 9-го батареи, что одно изъ судовъ, не дойдя до берега, повернуло назадъ; другое, съ бывшими на немъ турками, было потоплено, а третье, достигшее берега, было засыпано картечью. Турки, находившіеся на этомъ послѣднемъ суднѣ, начали бросать оружіе и просили о пощадѣ. Тогда рядовой Тобольскаго Пѣхотнаго Полка Сидоръ Ревлюкъ бросился въ воду и, прикрѣпивъ къ судну канатъ, притащилъ его къ берегу; на суднѣ этомъ находилось до 50-ти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; остальные 30 человѣкъ сдались въ плѣнъ; сверхъ-того, въ лодкѣ найдено два патронные ящика и большое количество оружія. По показанію плѣнныхъ, на нашъ берегъ переправилось до 3,000 человѣкъ; изъ нихъ: утонуло, убито и ранено до 800 челевѣкъ, въ плѣнъ взято 123 человѣка. Съ нашей стороны убито 18 человѣкъ нижнихъ чиновъ, ранено: обер-офицеровъ два (Уланскаго Герцога Нассаускаго Полка

поручикъ Ниппа и Тобольскаго Пѣхотнаго Полка поручикъ Калакуцкій) и нижнихъ чиновъ 58. Генерал–майоръ Баумгартенъ, свидѣтельствуя объ отличномъ мужествѣ и храбрости всѣхъ чиновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, съ особою похвалою отозвался: о командирѣ 5-й конно–артиллерійской бригады полковникѣ Рейсихѣ, командующемъ Тобольскимъ Пѣхотнымъ Полкомъ полковникѣ Дудицкомъ–Лишинѣ, командирѣ 4-го батальйона того же полка майорѣ Голеничепко, Гренадерскаго Императора Австрійскаго Полка штабс–капитанѣ Тизенгаузенѣ, Тобольскаго Пѣхотнаго Полка: штабс–капитанѣ Загребѣ, поручикѣ Калакуцкомъ, подпоручикѣ Шумскомъ; Уланскаго Герцога Нассаускаго Полка штабс–ротмистрѣ Реутовѣ, артиллеріи прапорщикѣ Мессингѣ и есаулѣ Шейкинѣ. Въ ночи съ 16-го на 17-е апрѣля, остатки ретраншаментовъ на лѣвомъ берегу Дуная, по распоряженію генерал–майора Баумгартена, срыты совершенно.

19-го апрѣля турки, числомъ до 15,000 человѣкъ, вышли изъ Калафата и расположились лагеремъ при селеніи Быйлешти. По извѣстію, что передовой кавалерійскій отрядъ занялъ селеніе Радованъ, посланъ былъ къ сему пункту, для ближайшаго раскрытія силъ непріятеля, командиръ Донскаго № 38 Полка полковникъ Желтоношкинъ, съ $3^1/_2$ сотнями ввѣреннаго ему и $1^1/_2$ сотнями Донскаго № 42 Подполковника Ульянова Полковъ. Не доходя трехъ верстъ до Радована, казаки сбили передовую цѣпь баши–бузуковъ, но къ ней на подкрѣпленіе поспѣшили семь эскадроновъ регулярной турецкой кавалеріи. Полковникъ Желтоношкинъ ударилъ тогда на непріятельскую конницу съ фланга и принудилъ ее отступить къ Радовану. Въ дѣлѣ этомъ, турки понесли довольно–значительную потерю.

Въ Малой Валахіи отрядъ генерал–лейтенанта Липранди оставался на лѣвомъ берегу рѣки Олты; но какъ турецкія конныя партіи начали показываться уже впереди Краіовы, то генерал–лейтенантъ Липранди счелъ полезнымъ посылать по–временамъ легкіе отряды за рѣку Олту для развѣдыванія о непріятелѣ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, состоявшій изъ шести эскадроновъ Гусарскаго Генерал–фельдмаршала Князя Варшавскаго Полка и одной сотни Донскаго Казачьяго № 38, при четырехъ орудіяхъ конно–легкой № 10-го батареи, подъ начальствомъ полковника Карамзина, за болѣзнью командира полка, флигель–адъютанта графа Алопеуса, высланъ былъ 16-го мая, по направленію отъ Слатины на Бранковени и Каракулъ. Полковникъ Карамзинъ, вопреки данной ему инструкціи, увлекся порывомъ своей отваги и, перейдя чрезъ рѣчку Ольтицу, быстро понесся къ Каракулу на встрѣчу находившагося тамъ непріятеля, сила котораго была ему совершенно неизвѣстна. Турки, стоявшіе тутъ, въ числѣ 3,000 человѣкъ, дозволивъ нашему отряду неосторожно перейдти чрезъ болотистую рѣчку Тезлуй, начали густыми толпами обходить его фланги, и затѣмъ устремились на него съ фронта. Картечные выстрѣлы нашей артиллеріи и атаки гусаръ удержали первый напоръ турецкой конницы и дали возможность полковнику Карамзину начать обратное движеніе; но толпы баши–бузуковъ, поддержанныя регулярною кавалеріею, обхватили фланги нашего отряда и притѣснили его тыломъ къ болоти-

стой рѣчкѣ. Въ столь невыгодномъ положенiи, гусары и артиллеристы продолжали еще упорно отбиваться; но какъ большая часть артиллерiйскихъ лошадей была перебита, то всѣ усилiя перевезти орудiя чрезъ болото остались напрасными и по необходимости пришлось бросить ихъ съ двумя зарядными ящиками. При этомъ неравномъ боѣ, отрядъ нашъ понесъ сильную потерю: полковникъ Карамзинъ и два оберъ-офицера убиты, шестнадцать офицеровъ ранены; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными сто-четыре. Оставшiйся старшимъ въ отрядѣ, подполковникъ Дика, собралъ эскадроны позади оврага и, несмотря на понесенную неудачу, отступалъ медленно, продолжая шагъ за шагомъ удерживать стремительные натиски непрiятеля. На другой день самъ генералъ-лейтенантъ Липранди произвелъ рекогносцировку за рѣку Олту къ селу Балашъ; но уже не нашелъ тамъ непрiятеля; изъ Каракулъ турецкiй отрядъ также отступилъ къ Краiовѣ.

30-го мая, турки вознамѣрились изъ Рущука переправиться черезъ Дунай и овладѣть островами, лежащими противъ этой крѣпости. Значительное число непрiятельскихъ судовъ, съ посаженными на нихъ войсками, и въ сопровожденiи канонирскихъ лодокъ, отплыло отъ праваго берега рѣки къ острову Радоману, и въ то же время съ крѣпостныхъ верковъ и батарей открытъ сильный огонь. Генералъ-майоръ Пашковскiй, которому поручена была защита означеннаго острова, встрѣтилъ турокъ ружейнымъ и штуцернымъ огнемъ. Два раза непрiятель пытался приставать къ разнымъ мѣстамъ острова, и оба раза былъ отраженъ съ урономъ. Между-тѣмъ турки окончательно очистили Малую Валахiю и срыли укрѣпленiя Калафата.

На *правомъ* берегу, 15-го марта, авангардъ генералъ-лейтенанта Ушакова расположился у с. Фрикацей, и сотнею Донскаго № 1-го Подполковника Власова Полка занялъ городъ Бабадагъ. Жители сего города еще наканунѣ присылали къ генералъ-лейтенанту Ушакову просить о скорѣйшемъ избавленiи отъ притѣсненiй турокъ, истреблявшихъ все на пути своего отступленiя. Въ городѣ Бабадагѣ найдено 35 бочонковъ пороха, 3 патронные ящика и до 300 четвертей ячменя. Разъѣзды, посланные въ с. Багдаутъ и Чамырла, открыли, что турки отступили по направленiю къ Карасу, гдѣ, по показанiю жителей, еще прошлою осенью устроены были батареи. Въ то же время, именно 17-го марта, отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса двинулся двумя колоннами изъ Мачина къ Гирсову. Лѣвая колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гротенгельма, направилась къ сел. Гайдаръ; правая же, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Самарина, на Туркай, Печенѣги-Молдавскiя, Ортакiой-Караджеляръ и Дояны. Обѣ колонны къ 2-му марта должны были соединиться въ Гирсовѣ. На пути ихъ слѣдованiя непрiятель нигдѣ не встрѣчался, край былъ совершенно очищенъ. Турки бѣжали съ такою поспѣшностью, что оставили на пути неуничтоженными значительные запасы хлѣба и фуража. Въ кр. Гирсовѣ, которая, какъ уже извѣстно, занята 20-го марта казаками Донскаго № 34-го Полка, взято нами 4 орудiя и значительное количество артиллерiйскихъ снарядовъ.

20-го марта ввѣренный генерал-лейтенанту Лидерсу отрядъ сосредоточился у Гирсово. Непріятель отступалъ съ такою поспѣшностью, что разъѣзды нашихъ передовыхъ постовъ нигдѣ не могли открыть его. По полученнымъ свѣдѣніямъ, бабадагская область совершенно была очищена; турки оставили Карасу и Черноводы и направились къ Базарджику, Шумлѣ и Варнѣ. 22-го марта жители с. Россевата (въ 15 верстахъ выше Черноводъ), явились къ казачьему посту къ с. Боащикъ, съ просьбою о помощи противъ партіи турокъ, грабившей окрестныя селенія. Вслѣдствіе этого Донскаго Казачьяго № 22-го Подполковника Валуева Полка есаулъ Поповъ былъ посланъ съ 25-ю казаками въ с. Россевата и нашелъ тамъ около 20 чел. турокъ, которые изъ-за строеній встрѣтили казаковъ ружейнымъ огнемъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, казаки спѣшились и, выбивъ турокъ изъ селенія, взяли въ плѣнъ одного штаб-офицера и 15 рядовыхъ; остальные затѣмъ 5 человѣкъ были убиты во время схватки. Съ нашей стороны контуженъ 1 казакъ. Разъѣздами нашими открыто, что каменный мостъ у с. Карасу оставленъ турками въ совершенной цѣлости.

30-го марта Черноводы и Карасу заняты были казачьими партіями, подъ командою подполковниковъ Валуева и Ѳомина; мосты при этихъ пунктахъ перешли въ наши руки. Посланные до Каракіой, Какерлени и Махмуд-Койсу разъѣзды наши открыли только въ семъ послѣднемъ селеніи непріятеля, числомъ до 600 человѣкъ конницы съ частью пѣхоты. Въ завязавшейся перестрѣлкѣ убитъ одинъ турокъ; съ нашей же стороны потери не было.

Того же числа, казачья партія съ есауломъ Измайловымъ была направлена въ Кистенджи; слѣдую туда морскимъ берегомъ, она встрѣтила у самаго города пѣшій пикетъ, выставленный отъ двухъ стоявшихъ на рейдѣ пароходовъ (англійскаго и французскаго). Пикетъ, сдѣлавъ залпъ изъ ружей по казакамъ, бѣжалъ къ морю на соединеніе съ своимъ резервомъ изъ 60 французо-англичанъ. Казаки устремились на непріятеля, но онъ отступилъ съ величайшею быстротою, бросился въ лодки и успѣлъ отплыть къ пароходамъ, которые открыли огонь изъ своихъ орудій. Отъ этихъ выстрѣловъ городъ загорѣлся въ двухъ мѣстахъ; казаки же не понесли никакой потери. Кистенджи и Мангалія оставлены жителями; о вывозѣ найденныхъ въ Кистенджи запасовъ ячменя для нашей кавалеріи сдѣлано распоряженіе.

2-го апрѣля, подполковникъ Валуевъ, получивъ извѣстіе, что турецкая кавалерія наступаетъ на Черноводы въ значительныхъ силахъ, выслалъ ей на встрѣчу двѣ сотни командуемаго имъ Донскаго № 22-го Полка. Турки, надѣясь на свою многочисленность, бросились въ шашки на сотню сотника Номикосова, но есаулъ Поповъ, съ другою сотнею, атаковалъ ихъ во флангъ. Подоспѣвшій съ резервомъ подполковникъ Валуевъ довершилъ пораженіе непріятеля. Преслѣдуемые на разстояніи двухъ верстъ, турки оставили на мѣстѣ 40 тѣлъ: кромѣ того, храбрые донцы взяли 17 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 1 юс-баши, 25 лошадей, 2 значка и много орудія; съ нашей стороны убитъ 1 и ранены 3 казака. Послѣ столь удачнаго покушенія, не-

пріятель очистилъ Махмуд-Койсу. Турецкія войска, бѣжавшія изъ укрѣпленій Нижняго Дуная, направились на Варну и въ Шумлу. Турки грабили христіанскія селенія; болгары вооружились для защиты божьихъ храмовъ, угрожаемыхъ разореніемъ.

Главныя силы отряда генерал-адъютанта Лидерса расположились 19-го апрѣля на позиціи при Черноводахъ, выдвинувъ авангардъ къ Россеватѣ и занявъ передовымъ постомъ с. Мальчевой. Боковой отрядъ, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Энгельгардта, поставленъ въ Девче (Девицкіой). Разъѣзды наши открыли только въ Махмуд-Койсу часть турецкой кавалеріи, которая отступила по направленію къ Базарджику, а частью къ Силистріи.

Въ прежнихъ извѣстіяхъ упомянуто было о занятіи нашими войсками острововъ Голый и Гопа, лежащихъ на Дунаѣ нѣсколько ниже Силистріи. Сверхъ батарей, прежде устроенныхъ на этихъ островахъ, равно какъ и вдоль лѣваго берега Дуная, возведены были еще новыя батареи, подъ ближайшимъ наблюденіемъ генерал-адъютанта Шильдера. Съ 18-го по 25-е апрѣля устроены также сообщенія между занятыми островами, посредствомъ мостовъ понтонныхъ и на козлахъ. Съ 29-го числа, по приказанію генерал-фельдмаршала, открытъ артиллерійскій огонь съ батарей и трехъ канонирскихъ лодокъ, выдвинутыхъ къ правой оконечности острова Салани, лежащаго впереди Гопа. Непріятель отвѣчалъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости и съ береговыхъ батарей; но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ турки покинули свой лагерь на покатости праваго берега рѣки и отошли къ горамъ. Съ наступленіемъ ночи, войска наши заняли еще одинъ островъ, ближайшій къ непріятельскому берегу (впереди Салани), и возвели на немъ укрѣпленіе. Все это исполнено было безъ всякой съ нашей стороны потери. Между-тѣмъ войска, предназначенныя для перехода чрезъ Дунай, сосредоточились къ Калարашу, тому самому пункту, гдѣ совершена была переправа и въ 1829 г.; въ то же время войскамъ генерал-адъютанта Лидерса, находившимся уже за Дунаемъ, у Черноводъ, послано отъ фельдмаршала повелѣніе начать наступленіе къ Силистріи правымъ берегомъ рѣки. На островѣ Голый приготовлены были всѣ удобства къ поспѣшному устроенію моста черезъ тотъ рукавъ Дуная, который отдѣлялъ еще наши войска отъ непріятельскаго берега. Согласно съ сими распоряженіями фельдмаршала, 30-го апрѣля собрались къ Калարашу 20 батальйоновъ пѣхоты (вся 8-я пѣхотная дивизія и одинъ полкъ 11-й), съ тремя ротами саперъ, два Уланскіе Полка (4-й легкой кавалерійской дивизіи), три сотни донскихъ казаковъ, 6 пѣшихъ батарей и 2 копныя (всего 88 орудій); кромѣ того, понтонные и осадные парки. Въ тотъ же день начали движеніе и войска генерал-адъютанта Лидерса, въ числѣ 35 батальйоновъ пѣхоты (9-я пѣхотная дивизія, части 11-й и 15-й, два стрѣлковые батальйона и одинъ саперный), съ 2 уланскими полками (3-й легкой кавалерійской дивизіи) и двумя казачьими, при 104 орудіяхъ. Войска генерал-адъютата Лидерса слѣдовали отъ Черноводъ чрезъ Россеваты къ озеру Голтино и далѣе береговою дорогою къ Силистріи; авангардъ подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Гротенгельма, состоялъ

изъ 16 батальйоновъ и 8 эскадроновъ при 56 орудіяхъ; съ лѣвой стороны слѣдовалъ боковой отрядъ генералъ-лейтенанта Энгельгардта, черезъ Карасу, Малчева, Кузгунъ и Козлуджи. На всемъ пути своемъ войска наши не встрѣчали сопротивленія со стороны непріятеля; лишь передовые и боковые разъѣзды открывали малочисленные отряды турецкіе, которые, послѣ незначительной перестрѣлки, поспѣшно отступали. Съ приближеніемъ уже къ высотамъ Силистріи, близь озера Гырлица (4-го мая), передовыя части нашихъ войскъ имѣли стычку съ непріятельскою конницею, которая также отступила, оставивъ на мѣстѣ болѣе 20 тѣлъ. Съ нашей стороны потеря состояла всего изъ 5 убитыхъ и 2 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Приближеніе войскъ генерала Лидерса къ самой Силистріи было облегчено огнемъ нашихъ батарей съ лѣваго берега Дуная и съ островов. 4-го числа непріятель вынужденъ былъ оставить свои береговыя батареи и снять лагерь, находившійся между береговыми укрѣпленіями. Въ часъ пополудни, когда всѣ войска генерала Лидерса расположились въ виду Силистріи, въ двухъ верстахъ выше с. Островъ, приступлено тутъ же къ наводкѣ моста чрезъ крайній рукавъ Дуная. Къ вечеру мостъ былъ совсѣмъ поставленъ. Силистрія считается одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей Европейской Турціи, а потому укрѣпленія ея были въ послѣднее время значительно усилены. Съ помощью европейскихъ офицеровъ, турки возвели нѣсколько передовыхъ фортовъ и редутовъ на высотахъ, господствующихъ надъ главною крѣпостью и обгибающихъ ее полукружіемъ. Въ срединѣ этого полукружія, на одной изъ высшихъ точекъ мѣстности, расположенъ главный фортъ Абдулъ-Меджидъ — сомкнутая постройка, обстрѣливаемая съ обоихъ фланговъ другими, меньшими укрѣпленіями. 5-го мая, въ одиннадцать часовъ утра, изъ числа войскъ непріятельскихъ, расположенныхъ на высотахъ позади форта Абдулъ-Меджидъ, отдѣлились два батальйона пѣхоты, около 1,000 регулярной кавалеріи и до 2,000 иррегулярной (башибузукъ), при 4 орудіяхъ. Колонна эта наступала прямо къ нашему лагерю; на встрѣчу ей выдвинулись 4 батальйона съ 8 эскадронами и 20-ю орудіями: но турки, не допустивъ нашихъ даже на дѣйствительно-пушечный выстрѣлъ, поспѣшили отступить къ своимъ укрѣпленіямъ. При этомъ они потеряли, по показанію плѣнныхъ, до 60 убитыхъ; съ нашей же стороны убиты 2 и ранены 7 чел. нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 5-го на 6-е мая открыты осадныя работы противъ восточной стороны крѣпости, трасирована траншея сквозь виноградники и до самыхъ высотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ заложены первыя батареи противъ передовыхъ верковъ крѣпости. Въ слѣдующую ночь (съ 6-го на 7-е мая) работы эти доведены до такой степени, что люди въ нихъ были совершенно прикрыты; на лѣвой оконечности траншеи заложенъ редутъ, а прежнія батареи непріятельскія, вдоль праваго берега Дуная, обращены въ ложементы для нашихъ стрѣлковъ. Работы эти распространены и довершены въ слѣдующую ночь, съ 7-го на 8-е число; средняя батарея и редутъ на высотахъ вооружены орудіями. Впродолженіе сихъ работъ ранено у насъ 10 чел. нижнихъ чиновъ. 8-го мая, въ то время, когда самъ фельдмаршалъ

осматривалъ переднія траншеи, турки сдѣлали нападеніе на штуцерныхъ, занимавшихъ впереди траншеи и ровъ въ виноградникахъ; непріятель былъ немедленно отброшенъ передовою цѣпью; но съ нашей стороны ранены при этомъ 24 чел. нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е мая приступлено къ устроенію второй траншеи, въ 30 саженяхъ отъ восточнаго передоваго форта Силистріи; 9-го мая главнокомандующій, желая отвлечь вниманіе турокъ отъ нашихъ осадныхъ работъ, поручилъ генерал-адъютанту князю Горчакову произвести усиленную рекогносцировку непріятельскихъ укрѣпленій. Отрядъ изъ 16 батальйоновъ пѣхоты, 2 батальйоновъ волонтеровъ, 1 роты саперъ, 8 эскадроновъ кавалеріи и 6 сотенъ казаковъ, при 56 орудіяхъ, выступивъ изъ лагеря въ десять часовъ утра, двинулся по высотамъ къ форту Абдул-Меджидъ. Непріятельскія войска, послѣ нѣсколькихъ нашихъ выстрѣловъ, отступили въ укрѣпленія свои. Генерал-адъютантъ князь Горчаковъ съ передовыми войсками приблизился на пушечный выстрѣлъ къ форту, а легкій кавалерійскій отрядъ направилъ еще лѣвѣе къ селенію Калапетра. Выступившія противъ этого отряда непріятельскія войска, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ нашихъ конныхъ казачьихъ орудій, бросились въ безпорядкѣ къ укрѣпленіямъ. Въ пять съ половиною часовъ вечера войска наши возвратились въ лагерь. Удачная эта рекогносцировка стоила намъ всего двухъ раненыхъ казаковъ. На разсвѣтѣ 10-го числа генерал-адъютантъ Шильдеръ, съ 500 рабочими, поддержанный слѣва ближайшимъ батальйономъ прикрытія, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Сельвана, выбилъ турокъ изъ занятой ими мѣстности противъ нашихъ траншей и вслѣдъ затѣмъ устроилъ новую траншею вдоль берега Дуная, а на оконечности ея возвелъ батарею, которую немедленно вооружилъ двумя орудіями. Непріятель пытался атаковать на высотахъ лѣвую оконечность нашихъ осадныхъ работъ, но былъ отраженъ меткимъ огнемъ орудій и штуцерныхъ.

Съ 10-го по 15-е мая осада Силистріи продолжалась съ успѣхомъ, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ. Главныя осадныя работы обращены были противъ крайняго передоваго форта и другаго отдѣльнаго укрѣпленія съ восточной стороны крѣпости. Съ этою цѣлью дѣятельно подвигались впередъ траншеи вдоль праваго берега Дуная до того мѣста, которое избрано было генерал-адъютантомъ Шильдеромъ для заложенія батареи, обстрѣливавшей въ тылъ непріятельскій отдѣльный фортъ. Въ то же время и на лѣвомъ флангѣ, по скату высотъ, строились батареи и соединявшія ихъ траншеи. Непріятель ежедневно старался мѣшать ходу осады сильнымъ огнемъ съ верковъ и вылазками; но искусное расположеніе осадныхъ работъ и меткій огонь нашихъ штуцерныхъ, разстроивали всѣ попытки турокъ, которые, послѣ каждой вылазки, принуждаемы были къ поспѣшному отступленію. Во всѣхъ этихъ стычкахъ и перестрѣлкахъ потеря съ нашей стороны была незначительная, а именно: убито нижнихъ чиновъ 13; ранено: обер-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 88 и контужено нижнихъ чиновъ 11. Съ 11-го мая, по личному указанію генерал-фельдмаршала, устроивались редуты и полевыя укрѣпленія, служащія

опорными пунктами расположенію осаднаго корпуса. 12-го числа генерал-лейтенантъ Павловъ приказалъ двумъ ротамъ Охотскаго Егерскаго Полка занять островъ, лежащій предъ Туртукаемъ. На другой день командиръ Донскаго Казачьяго № 40-го Полка полковникъ Андроновъ, съ командою казаковъ, и командиръ Охотскаго Егерскаго Полка, съ ротою егерей, переправились на правую сторону Дуная и нашли Туртукай уже совершенно оставленнымъ непріятелемъ. Генерал-лейтенантъ Павловъ, прибывъ туда лично, встрѣченъ былъ жителями съ иконами, съ хлѣбомъ и солью. Они съ восторгомъ провозглашали здравіе нашего Государя Императора и просили защиты противъ разбойничьихъ турецкихъ шаекъ, бродившихъ по окрестнымъ лѣсамъ. По показанію жителей Туртукая, еще наканунѣ было тамъ до 3,000 турокъ, которые отступили частью къ Рущуку, частью къ Шумлѣ. Генерал-фельдмаршалъ приказалъ генерал-лейтенанту Павлову занять Туртукай войсками и срыть непріятельскія укрѣпленія. Оставленное турками значительное число судовъ умножило наши средства сообщенія между обоими берегами Дуная. 13-го мая подъ Силистріею произведена была рекогносцировка для развлеченія вниманія непріятеля. Генерал-майоръ Непокойчицкій, съ 4-мя батальйонами пѣхоты, 2-мя эскадронами и 6-ью орудіями двинулся по направленію къ форту Абдул-Меджидъ. Турки открыли сильный огонь изъ своего укрѣпленія, но почти безвредно для нашихъ войскъ. 14-го числа разъѣздъ, посланный по дорогѣ на Шумлу, доходилъ до с. Афлотуръ; непріятеля нигдѣ не открыто и, по разсказамъ жителей, турки вовсе не показывались въ тѣхъ окрестностяхъ.

Непріятель, со времени начала осадныхъ работъ противъ Силистріи, неоднократно дѣлавшій уже вылазки противъ нашихъ траншей, возобновилъ подобную попытку на лѣвый флангъ означенныхъ работъ въ ночи съ 16 на 17 мая, но покушеніе его было блистательнымъ образомъ отбито. По отраженіи этой вылазки, непріятель въ ту же ночь атаковалъ нашъ правый флангъ. Командующій войсками въ траншеяхъ генерал-лейтенантъ Сельванъ, заключая изъ этого, что передовое укрѣпленіе, находящееся противъ лѣваго нашего фланга, оставлено турками съ весьма слабымъ гарнизономъ, предположилъ, безъ всякаго на то разрѣшенія, воспользоваться благопріятнымъ, по его мнѣнію, случаемъ, дабы овладѣть означеннымъ фортомъ. Съ этою цѣлью, предписавъ командиру 2-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи генерал-майору Попову слѣдовать къ нему на подкрѣпленіе съ четырьмя батальйонами, генерал-лейтенантъ Сельванъ двинулъ на приступъ бывшія у него подъ рукою три роты третьяго батальйона Полтавскаго Пѣхотнаго Полка, 3-й батальйонъ Алексопольскаго и 1-й батальйонъ Замосцьскаго Егерскихъ Полковъ. Войска мгновенно устремились на фортъ, живо спустились въ ровъ и даже частью взошли на валъ, но, по крутости его, не могли довершить этого отважнаго предпріятія. Тогда генерал-лейтенантъ Сельванъ приказалъ ударить отбой, и самъ былъ смертельно пораженъ пулями. Взлѣзшіе на валъ люди медлили еще отступать и потому состоявшій при генералѣ Сельванѣ помощникомъ генерал-майоръ Веселитскій долженъ былъ повторить

отбой; послѣ чего, собравъ войска, отвелъ ихъ въ траншеи. Между-тѣмъ генерал-майоръ Поповъ, прибывъ съ своею колонною, поручилъ Свиты Его Величества генерал-майору князю Урусову вести на штурмъ 1-й батальйонъ Алексопольскаго Егерскаго Полка. Нѣсколько человѣкъ этого батальйона съ княземъ Урусовымъ равномѣрно взошли-было чрезъ амбразуру на валъ форта, но по невозможности проникнуть далѣе, должны были отойдти назадъ вмѣстѣ съ прочими. Невзирая на порывъ войскъ и на примѣрное самоотверженіе генераловъ и офицеровъ, нападеніе это, произведенное въ глубокую ночь, безъ предварительныхъ распоряженій и разрѣшенія, не могло имѣть успѣха и, къ прискорбію, повлекло за собою чувствительную потерю. Кромѣ генерал-лейтенанта Сельвана, заплатившаго жизнью за неосторожное покушеніе, изъ строя выбыло въ штурмовыхъ батальйонахъ убитыми: обер-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 269; ранеными: генералъ 1, штабъ и обер-офицеровъ 18, нижнихъ чиновъ 421; контуженными: генералъ 1, штабъ и обер-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 127. Въ числѣ раненыхъ: командиръ 23-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи, генерал-майоръ Поповъ; флигель-адъютантъ полковникъ графъ Орловъ, изъ первыхъ взошедшій на валъ, Лейб-гвардіи Конной Артиллеріи полковникъ Костанда и командиръ 1-го батальйона Замосцьскаго Егерскаго Полка подполковникъ Гладышъ (умершій). Вылазка, направленная непріятелемъ противъ праваго фланга траншей, находившагося подъ начальствомъ полковника Оппермана, была совершенно отбита.

Затѣмъ осадныя наши работы продолжались съ 17-го по 24-е мая съ полнымъ успѣхомъ. Главнѣйшія событія осады въ-теченіе сего времени были слѣдующія: подступы къ передовому непріятельскому укрѣпленію подвинулись столько впередъ, что 21-го мая, генерал-адъютантъ Шильдеръ счелъ полезнымъ, для облегченія дальнѣйшаго движенія, тихою сапою произвести взрывъ на краю оврага, отдѣлявшаго наши траншеи отъ турецкаго форта. Турки открыли сильный огонь со всѣхъ своихъ батарей и ложементовъ, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлали вылазку съ намѣреніемъ разорить работы наши, но были отбиты съ потерею. 22-го мая, въ семь часовъ вечера, непріятель, подъ покровительствомъ своихъ батарей, снова предпринялъ сильную вылазку тремя колоннами противъ редута, возведеннаго на лѣвомъ флангѣ нашихъ траншей. Несмотря на сильный картечный огонь нашей артиллеріи, турки достигли рва и уже проникли-было чрезъ амбразуры въ укрѣпленіе, но два батальйона Елецкаго Пѣхотнаго Полка, подъ командою генерал-майора Веселитскаго, опрокинули непріятеля и нанесли ему значительный уронъ; во рву и по близости укрѣпленій турки оставили до шестидесяти тѣлъ. Для развѣдыванія о непріятелѣ посылались отряды по дорогамъ къ Шумлѣ. 22-го мая генерал-лейтенантъ Хрулевъ, съ бригадою пѣхоты, полкомъ кавалеріи, четырьмя сотнями донскихъ казаковъ и тремя батареями, получилъ приказаніе двинуться по дорогѣ на сел. Борчма. Противъ этого отряда выступила лощиною со стороны укрѣпленія Абдул-Меджидъ, значительная непріятельская колонна. Но послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ нашей конной артиллеріи, турки въ безпорядкѣ бросились назадъ

къ укрѣпленію. Въ ночи съ 23-го по 24-е мая дѣйствіемъ брандскугелей съ батарей лѣваго берега Дуная зажжены строенія, служившія казармами для прислуги береговыхъ непріятельскихъ батарей. По полученнымъ свѣдѣніямъ, самъ комендантъ крѣпости Мусса-паша убитъ. Съ 24-го по 29-е мая работы продолжались преимущественно противъ передоваго форта; въ ночь съ 26-го на 27-е мая приступлено было къ устройству спуска въ ровъ, а между-тѣмъ подведена мина подъ непріятельскій бастіонъ, который и взорванъ на разсвѣтѣ 29-го мая. Вслѣдъ за этимъ удачнымъ взрывомъ, саперы и 12-я мушкетерская рота Прагскаго Пѣхотнаго Полка изъ головы траншеи отважно устремились во внутрь непріятельскаго укрѣпленія, но турки, устроивъ вторую линію обороны, упорно продолжали сопротивленіе и даже сдѣлали изъ своего внутренняго абшнита сильную вылазку. Наши мушкетеры отошли въ свои траншеи и, съ помощью двухъ другихъ ротъ того же полка, отбили непріятельское нападеніе.

Между-тѣмъ изъ лагеря осаднаго корпуса посылались, попрежнему, отряды для развѣдыванія о непріятелѣ въ окрестностяхъ Силистріи. 28-го числа предпринята была значительнымъ числомъ войскъ усиленная рекогносцировка непріятельскихъ укрѣпленій: тридцать-одинъ батальйонъ пѣхоты и тридцать-два эскадрона кавалеріи, съ восьмью сотнями казаковъ, при двѣнадцати батареяхъ артиллеріи, подъ личнымъ предводительствомъ самого генерал-фельдмаршала, произвели безпрепятственно движеніе кругомъ всей крѣпости, къ сел. Калопетри (съ югозападной стороны). Приближаясь уже къ этому селенію, авангардъ генерал-лейтенанта Хрулева встрѣтилъ отъ четырехъ до пяти тысячъ турецкой кавалеріи, опрокинулъ ее, отнялъ знамя, взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и заставилъ турокъ въ безпорядкѣ и съ урономъ отступить къ укрѣпленію Абдул-Меджидъ. Между-тѣмъ главныя силы выстроились на высотахъ правѣе селенія Калопетри. Непріятель открылъ тогда огонь съ форта Абдул-Меджидъ, но совершенно безвредно для нашихъ войскъ. Вся потеря наша въ этотъ день, исключительно въ авангардѣ генерал-лейтенанта Хрулева, состояла изъ 1 убитаго и трехъ раненыхъ обер-офицеровъ, 12 убитыхъ и 18 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Къ вечеру всѣ войска спокойно возвратились въ лагерь. Къ крайнему сожалѣнію, должно прибавить, что во время движенія нашихъ войскъ подъ выстрѣлами форта Абдул-Меджидъ, одно ядро, упавшее у ногъ лошади генерал-фельдмаршала, причинило контузію его свѣтлости въ правое бедро. Поврежденіе это сначала казалось столь слабымъ, что генерал-фельдмаршалъ даже не обратилъ на то вниманія и оставался до конца перестрѣлки; но, по возвращеніи уже въ свою квартиру, чувствовалъ довольно-сильную боль, отъ которой нѣсколько недѣль не въ-состояніи былъ сѣсть на лошадь. Въ Силистріи, на мѣсто убитаго Мусса-Паши, назначенъ былъ комендантомъ Гусейнъ-Паша. Гарнизонъ крѣпости получилъ значительное подкрѣпленіе со стороны Разграда.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ осадныя работы продолжались противъ непріятельскаго передоваго редута. Несмотря на удачные взрывы минъ и вновь-устроенныя брешь-батареи, турки продолжали упорно

держаться за своими ретраншаментами, дѣятельно исправляли причиняемыя имъ поврежденія, производили вылазки и даже усиливали оборону новыми укрѣпленіями. Осада эта, къ-сожалѣнію, стоила намъ еще новой жертвы: генерал-адъютантъ Шильдеръ, который съ неутомимою дѣятельностію лично руководилъ всѣми работами, раненъ 1-го іюня при осмотрѣ траншей: осколкомъ гранаты раздробило ему правую ногу, которую пришлось отнять ниже колѣна; операція эта совершена весьма-удачно. Тою же гранатою контуженъ начальникъ 5-й артиллерійской дивизіи, генерал-майоръ Мейеръ. Для наблюденія за дорогами, по которымъ гарнизонъ Силистріи ожидалъ подкрѣпленій и транспортовъ, посылались отряды къ сел. Колопетри, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Павлова и генерал-майора князя Бебутова. Но турки не показывались нигдѣ въ значительныхъ силахъ. Только передовые наши разъѣзды разсѣяли нѣсколько малыхъ партій непріятельскихъ.

Дѣйствія дунайской гребной флотиліи заключались въ слѣдующемъ:

По приказанію генерал-адъютанта князя Горчакова, 10-го марта, въ три часа пополудни, канонирскія лодки №№ 18, 20, 26, 30, 31 и 32-й, подъ командою капитана 1-го ранга Бернарда де-Граве, снялись съ якоря и спустились на веслахъ внизъ по теченію рѣки Дуная. Канонирская лодка № 20-го заняла позицію по правую сторону устья Мачинскаго Рукава, впадающаго въ Дунай, а остальныя пять лодокъ поставлены, по распоряженію князя Горчакова, въ нѣкоторомъ разстояніи за кормою лодки № 20-го, вдоль по протяженію берега острова Бындой, и находились во всей готовности двинуться по первому приказанію туда, куда потребуютъ обстоятельства. По занятіи лодками вышеописанной диспозиціи, въ четыре часа пополудни со всѣхъ нашихъ батарей, построенныхъ на островѣ Бындоѣ, началась всеобщая канонада, открытая съ нашей стороны по непріятельскимъ батареямъ, построеннымъ турками впродолженіе зимы, въ то время, когда по Дунаю носился ледъ въ большомъ количествѣ и притомъ сплошными массами. Пальба ядрами, бомбами и гранатами, густымъ и непрерывнымъ батальнымъ огнемъ продолжалась съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ до девяти съ половиною часовъ; потомъ она начала рѣдѣть, и наконецъ, послѣ полуночи совсѣмъ умолкла, такъ-что съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня пальба съ непріятельскихъ батарей совсѣмъ прекратилась. Непріятельскія орудія были подбиты до того, что турки, не имѣя возможности отвѣчать на нашъ огонь, сняли орудія съ своихъ батарей и увезли въ горы. Наши же батареи продолжали сбивать непріятеля, скрывшагося за окопами. Канонирская лодка № 20-го, съ занимаемой ею позиціи, въ одно время съ нашими береговыми батареями, рѣдкими выстрѣлами анфилировала непріятельскій берегъ, не дозволяла туркамъ производить земляныхъ работъ, изъ-за которыхъ они могли бы штуцернымъ огнемъ наносить вредъ нашимъ войскамъ во время переправы чрезъ Дунай. 11-го марта бомбами и гранатами окончательно турки были выбиты и ихъ батареи нашими ядрами окончательно были разрушены. Въ это время генерал-адъютантъ Шильдеръ на пароходѣ «Прутъ» спустился внизъ по теченію Ду-

ная, подъ прикрытіемъ канонирской лодки № 31, пройдя Мачинскій Рукавъ и очистивъ берегъ отъ непріятеля ядрами, поднялъ условный флагъ, означавшій, что флотилія должна спуститься, для занятія своей позиціи, къ мѣсту переправы. По приказанію генерал-адъютанта князя Горчакова, въ четыре часа пополудни, десантныя войска, на наемныхъ карлашахъ и гребныхъ судахъ съ полевою артиллеріею, пользуясь легкимъ попутнымъ вѣтромъ, двинуты подъ парусами къ пароходу «Прутъ». Марта 11-го, при ясномъ небѣ и бом-брамсельномъ вѣтрѣ, карлаши быстро перевозили войска, высаживая ихъ на непріятельскій берегъ, при помощи нарочно-устроенныхъ сходней. Въ это время и въ слѣдующій день пароходъ «Прутъ» былъ занятъ буксировкою чамовъ, нагруженныхъ полевою артиллеріею съ зарядными ящиками и прочими тяжестями. Канонирскія лодки, за исключеніемъ № 20-го, оставшейся на прежнемъ своемъ мѣстѣ, выстроившись въ линію поперегъ Дуная, немного выше того мѣста, гдѣ назначалась переправа для кавалеріи, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ 33-го флотскаго экипажа лейтенанта Галаева, приступили къ содѣйствію саперамъ въ наведеніи моста, который, при сильномъ вѣтрѣ и теченіи, подъ непріятельскимъ огнемъ, былъ оконченъ въ тридцать часовъ. Непріятельская полевая артиллерія, подвезенная въ одну изъ ближайшихъ къ намъ батарей, подъ защитою закрытыхъ ретраншаментовъ, дѣйствовала по наводимому мосту впродолженіе двухъ часовъ, но нашими выстрѣлами была сбита. Ядромъ съ этой батареи убитъ инженер-генерал-майоръ Дубенскій, трасировавшій предмостное укрѣпленіе на непріятельскомъ берегу, и въ то же время нѣсколько человѣкъ было ранено и оконтужено. Непріятельскіе снаряды, направленные на флотилію, падали близь лодокъ у самаго борта, и въ лодкѣ № 26-й подбитъ ими кормовой пушечный станокъ, выбиты изъ сѣтокъ три матросскія койки, одинъ желѣзный секторъ и часть деревяннаго поручня, а на пароходѣ «Прутъ» вынесло изъ фальш-борта небольшую часть верхняго планцыря и перебило канатную цѣпь.

По распоряженію генерал-адъютанта Шильдера, часть прислуги канонирскихъ лодокъ отправлена была на островъ Бындой, для вооруженія на немъ двухъ земляныхъ батарей; изъ этой прислуги раненъ рядовой Мартинъ Мазуръ, оконтуженъ рядовой Моисей Покосѣевъ. Во время канонады 10-го и 11-го марта, изъ четырехъ орудій, взятыхъ съ канонирскихъ лодокъ на островъ Бындой, противъ непріятельскихъ батарей израсходовано: ядеръ двадцати-четырехфунтовыхъ 245, картечи въ кругахъ 10, дресвагля 6. Противъ батарей у Мачинскаго Рукава съ канонирской лодки № 20-й пущено пушечныхъ ядеръ двадцати-четырех-фунтоваго калибра тридцать три. 12-го числа, впродолженіе ночи вѣтеръ стихъ, такъ-что по наведенному мосту къ слѣдующему дню перешла вся наша кавалерія на правый берегъ Дуная, для присоединенія къ прочимъ войскамъ; потомъ были переправлены остальная часть пѣхоты, большой обозъ съ фуражемъ и фуры съ разными тяжестями и продовольствіемъ для войскъ. 13-го марта, въ девять часовъ утра, генерал-адъютантъ

князь Горчаковъ лично приказалъ командующему этимъ отрядомъ лодокъ, капитану 1-го ранга Бернардъ де-Граве и флигель-адъютанту князю Голицыну отправиться на пароходѣ «Прутъ» въ Мачинъ. Пароходъ, взявъ, для прикрытія своей машины, на каждую себѣ сторону, по канонирской лодкѣ (№№ 18-й и 20-й), отправился по назначенію. Пароходъ, слѣдуя Мачинскимъ Рукавомъ, видѣлъ наши войска, идущія въ боевомъ порядкѣ на правомъ берегу, по дорогѣ, ведущей къ городу, не встрѣчая со стороны непріятеля никакого сопротивленія. Такимъ-образомъ этотъ пароходъ съ двумя лодками и наши войска прибыли благополучно въ Мачинъ и безъ выстрѣла заняли городъ, оставленный жителями; тогда-какъ, судя по мѣстности, можно опредѣлительно сказать, что турки могли бы тамъ держаться весьма-долго, еслибъ пришлось Мачинъ брать съ боя. По занятіи Мачина, генерал-адъютанты: князь Горчаковъ и Шильдеръ, осмотрѣвъ мѣстность и позицію, занимаемую нашими войсками, въ шестомъ часу пополудни, 13-го марта, отправились въ Браиловъ, куда прибыли и лодки въ восемь часовъ вечера. 15-го марта, на отрядъ дунайской флотиліи генерал-адъютантъ князь Горчаковъ прислалъ для нижнихъ чиновъ, наиболѣе-отличившихся, девять знаковъ военнаго ордена; изъ нихъ шесть назначены для канонирскихъ лодокъ, одинъ на пароходъ «Прутъ» и два для прислуги, находившейся во время канонады при четырехъ орудіяхъ на островѣ Бындоѣ. Марта 6-го дня, для демонстрацій противъ гирловскихъ батарей были посланы двѣ лодки № 27-й и № 29-й, подъ командою 32-го флотскаго экипажа лейтенанта Мартына. Онѣ, дѣйствуя 9-го и 10-го марта, заставили замолчать непріятельскія батареи, производя разрушеніе въ станкахъ и пушкахъ этихъ батарей. Съ этихъ лодокъ пущено въ непріятельскія укрѣпленія сто тридцать восемь ядеръ и семь дальнихъ древгаглъ. 8-го и 9-го марта, канонирскія лодки №№ 9, 13 и 16-й, подъ командою капитан-лейтентанта Кононовича, и пароходъ «Ординарецъ» вышли въ Галацъ. По прибытіи туда, лодки заняли позиціи, по назначенію генерал-адъютанта Лидерса, для обстрѣливанія непріятельскаго берега при наведеніи здѣсь моста для переправы нашихъ войскъ на правый берегъ Дуная, а во время самой переправы они обстрѣливали непріятельскій берегъ; пароходъ «Ординарецъ» занятъ былъ, сверхъ-того, и буксировкою бревенчатыхъ плотовъ для наведенія моста. Вообще на лодкахъ не оказалось значительныхъ поврежденій. 3-го апрѣля, по предписанію командующаго войсками низовья Дуная, генерал-лейтенанта Ушакова, канонирскія лодки №№ 7, 8, 10, 14, 17, 19, 21, 24 и 28 спустились къ раздѣленію Сулинскаго и Георгіевскаго Рукавовъ, и расположились для удержанія непріятеля, имѣвшаго намѣреніе войдти въ Дунай, но 4-го апрѣля, возвратясь изъ Чатальскаго Рейда, отправились на мѣсто своего назначенія.

Марта 9-го дня, близь острова Чаталъ съ верха Дуная показался пароходъ, подъ англійскимъ флагомъ, съ тремя судами на буксирѣ безъ флаговъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ канонирской лодки и съ береговыхъ батарей, на которыя отвѣчала непріятельская бата-

рея, построенная на берегу острова Чаталъ, пароходъ, бросивъ буксиръ, пытался прорваться въ Сулинскій Рукавъ, но, поврежденный въ корпусѣ и трубѣ, остановился. Изъ документовъ его оказалось, что суда эти коммерческія съ грузомъ кукурузы и пшеницы. По распоряженію командовавшаго войсками въ Бессарабіи генерал-адъютанта барона Остен–Сакена, эти суда отпущены въ Сулинскій Рукавъ, куда они и отправились. Въ полдень марта 9-го дня флотилія изъ осьми канонирскихъ лодокъ, подъ командою контр-адмирала Кузнецова, соединилась съ шестью канонирскими лодками, находившимися на аванпостѣ у острова Чаталъ, при раздѣленіи Дуная на Сулинскій и Килійскій Рукава. Ночью съ 10-го на 11-е число собравшаяся здѣсь флотилія, по распоряженію командующаго войсками на Нижнемъ Дунаѣ, генерал-лейтенанта Ушакова, расположилась на позиціи на разстояніи прицѣльнаго выстрѣла передъ турецкими батареями; десантнымъ судамъ (147 лодокъ и 4 парохода, собранные отъ жителей), на которыхъ гребцами находились казаки и солдаты пограничной стражи, приказано расположиться позади флотиліи внѣ выстрѣловъ, съ–тѣмъ, чтобъ, по ослабленіи, дѣйствіемъ нашихъ орудій, огня непріятельскихъ батарей, суда эти могли обогнуть Чатальскій Мысъ и спуститься по Сулинскому Рукаву. 11-го марта съ разсвѣтомъ, въ пять съ половиною часовъ утра, была открыта канонада съ флотиліи и береговыхъ батарей, противъ непріятельскихъ укрѣпленій, устроенныхъ на противоположномъ берегу; непріятель отвѣчалъ въ то же время. Около десяти часовъ утра перевозныя лодки, управляемыя лейтенантомъ Степановымъ, дошли бичевою вверхъ по Килійскому Рукаву до Чатальскаго Мыса, но здѣсь, по причинѣ отмели, должны были огибать оную на веслахъ. Какъ только передовыя лодки показались изъ–за флотиліи, турецкія батареи, несмотря на гибельные, учащенные выстрѣлы съ нашихъ береговыхъ батарей, истощая, повидимому, послѣднія усилія, обратили весь свой огонь на десантныя суда, но лейтенантъ Степановъ, находясь на передней лодкѣ, провелъ всѣ суда подъ непріятельскими выстрѣлами безъ всякаго поврежденія къ мѣсту ихъ назначенія. Въ $11^1/_2$ часовъ утра посажены были на лодки: 2-й батальйонъ Могилевскаго Пѣхотнаго и 2-й батальйонъ Полоцкаго Егерскаго Полковъ, съ 4-мя орудіями легкой № 2-го батареи; они безъ выстрѣла заняли часть непріятельскаго берега. За ними постепенно перевезли весь Полоцкій Егерскій Полкъ, другой батальйонъ Могилевскаго Пѣхотнаго Полка, Витебскій Егерскій Полкъ и остальныя орудія легкихъ батарей. Переправа батарейныхъ орудій была отложена, по причинѣ сильнаго вѣтра и ненадежности паромовъ. Впродолженіе этого дня, къ восьми часамъ вечера, были перевезены еще три батальйона Смоленскаго Полка, которые своимъ прибытіемъ много способствовали къ взятію береговыхъ укрѣпленій. Канонада продолжалась до полудня, прекращаясь временно, когда умолкали непріятельскіе выстрѣлы; въ три часа пополудни сухопутныя войска пошли на приступъ, и къ осьми часамъ вечера непріятельскія укрѣпленія были взяты. Присемъ на судахъ флотиліи оконтуженъ командиръ лодки № 7-й, 4-го Флотскаго Экипажа лейтенантъ

Мартынъ; нижнихъ чиновъ убито семеро, ранено четверо, оконтужено трое. Марта 12-го флотилія заняла слѣдующую позицію: восемь канонирскихъ лодокъ, подъ командою контр-адмирала Кузнецова, расположились въ Сулинскомъ Рукавѣ, для прикрытія наводимаго чрезъ рукавъ моста, а шесть лодокъ, командуемыхъ капитаномъ 2-го ранга Китаевымъ, расположились такъ, чтобъ не допустить непріятеля къ нападенію изъ Исакчи на укрѣпленіе, взятое нашими войсками 11-го числа. Марта 13-го, до полудня, мостъ былъ окончень и войска перешли на правый берегъ Дуная. Затѣмъ лодки частями отправились въ измаильскій портъ для исправленія.

Дѣйствія передоваго отряда дунайской гребной флотиліи, съ 23-го марта до открытія траншей у Силистріи 6-го мая, были слѣдующія: отрядъ генерал-адъютанта Лидерса, перейдя на правый берегъ Дуная, сосредоточился въ Мачинѣ, а отсюда двинулся къ Гирсову; въ это время передовой отрядъ дунайской гребной флотиліи, оставленный въ распоряженіи генерал-адъютанта Шильдера, получилъ приказаніе плыть по Дунаю до Гирсова, а оттуда протокомъ Борчь къ Силистріи, по минованіи надобности въ канонирскихъ лодкахъ, удерживавшихъ Браиловскій Мостъ. Капитанъ 1-го ранга Бернардъ де-Граве, зная, что лодки не могли быть освобождены прежде 23-го марта и имѣя въ виду удаленіе ввѣреннаго ему отряда на неопредѣленное время отъ магазиновъ съ продовольствіемъ и другими запасами, воспользовался временемъ, остававшимся до отплытія, снабдилъ суда провизіею, снарядами, каменнымъ углемъ и другими необходимыми предметами. Во время этихъ приготовленій присоединились къ отряду пароходъ «Ординарецъ» и четыре канонирскія лодки, участвовавшія при переправѣ войскъ у Галаца и въ демонстраціи противъ Гирсова.

Марта 24-го и отрядъ, состоявшій изъ одиннадцати канонирскихъ лодокъ, двинулся вверхъ по Дунаю, имѣя на судахъ провизію, порохъ и снаряды и, сверхъ-того, подвижной запасъ на каботажныхъ судахъ, долженствующихъ слѣдовать за отрядомъ. Пять лодокъ, снявшись съ якорей у Гирсова нѣсколькими днями раньше другихъ, плывя по Борчу попутнымъ вѣтромъ, подошли къ деревнѣ Сатунову (Ноени) 1-го апрѣля, а за мелководіемъ вошли въ Дунай протокомъ Бале и стали на якорь въ виду Силистріи 6-го апрѣля; еще четыре лодки пришли тѣмъ же путемъ къ Силистріи 11-го апрѣля, а двѣ оставлены въ Гирсовѣ при отрядѣ генерал-адъютанта Лидерса. Генерал-адъютантъ Шильдеръ, имѣя въ виду осаду Силистріи, до прибытія къ ней лодокъ приказалъ части войскъ калярашскаго отряда занять острова, лежащіе по Дунаю ниже Силистріи, для построенія на нихъ батарей, дѣйствующихъ противъ крѣпости и внѣшнихъ ея укрѣпленій. Исполняя это приказаніе, заняты безъ боя острова: Лѣсистый, Большой Голый и Изобильный. Но такъ-какъ войска, на нихъ направленныя, не имѣли у себя въ тылу другихъ способовъ переправы, кромѣ небольшаго числа понтоновъ Бираго, обращенныхъ въ гребныя суда, и мѣстныхъ рыбачьихъ лодокъ, то канонирскимъ лодкамъ назначено было какъ прикрывать эти переправы, такъ и со-

Изъ журнала осады Силистріи и участія въ ней канонирскихъ лодокъ, со дня открытія траншей до 15-го мая, видно:

Для обзора турецкихъ укрѣпленій и осмотра ихъ мѣстности, были произведены 6-го и 9-го мая, подъ начальствомъ генерал-адъютанта князя Горчакова усиленныя рекогносцировки. Сравнительно съ предшествовавшими войнами съ Турціею, Силистрія оказалась сильно-укрѣпленною. Городъ окруженъ бастіонными фортами и расположенъ на низкомъ мысѣ, впадающемъ въ Дунай; подступы къ нему съ сухаго пути идутъ по возвышенностямъ, раздѣленнымъ оврагами и постепенно склоняющимся къ Дунаю. Ближайшая къ востоку возвышенность защищена двумя полевыми укрѣпленіями Арабскимъ (Араб-Табіасе) и Песочнымъ (Кум-Табіасе), обращенными фасами къ юго-востоку и открытыми къ Дунаю. Вторая возвышенность защищена однимъ, подобно-расположеннымъ, полевымъ укрѣпленіемъ — Среднимъ (Орта-Табіасе). На третьей, командующей всѣми прочими, расположена сильно-вооруженная цитадель Абдул-Меджидъ, въ видѣ люнета съ каменнымъ редутомъ. Кромѣ этихъ четырехъ укрѣпленій, на западной сторонѣ находятся еще два отдѣльныя укрѣпленія, невходившія въ планъ атаки. На самомъ же берегу Дуная, впереди атакуемаго фронта, находится укрѣпленіе Змѣиное (Гилан-Табіасе). Судя по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у насъ о цитадели, и соображая какъ число бастіоновъ, окружающихъ городъ, такъ и величину полевыхъ укрѣпленій съ общепринятыми размѣрами вооруженія, можно полагать, что у непріятеля было около 300 орудій. Генерал-адъютантъ Шильдеръ предложилъ вести траншеи такимъ образомъ, чтобъ лѣвымъ флангомъ подступать къ Арабскому Укрѣпленію, а правымъ, упираясь на Дунай, подвигаться къ восточнымъ веркамъ крѣпости. Съ этой цѣлью, къ 15-му мая, траншеи лѣваго фланга доведены на разстояніе около трехсотъ саженъ отъ Арабскаго Укрѣпленія, траншеи же праваго фланга, доведенныя берегомъ Дуная до той же высоты, соединены съ траншеями лѣваго фланга, и на всей линіи возведены батареи для дѣйствія по передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Для развлеченія вниманія непріятеля, былъ выдвинутъ, 14-го мая, по направленію къ цитадели Абдул-Меджидъ, отрядъ изъ четырехъ батальйоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ и шести орудій; разъѣзды, посланные отъ этого отряда по дорогѣ въ Шумлу, нигдѣ не открыли непріятеля, и, по разсказамъ жителей, турки изъ Шумлы не показывались. Генерал-фельдмаршалъ, находя нужнымъ укрѣпить нашъ лагерь, лично избралъ и указалъ мѣсто для возведенія редутовъ и полевыхъ укрѣпленій, которыя служили бы опорными пунктами расположенія осаднаго корпуса и могли защищать подступы къ мосту по прибрежью со стороны Силистріи. Сверхъ-того, его свѣтлость, признавая необходимымъ имѣть два моста для сообщенія между обоими берегами, приказалъ: Гирсовскій Мостъ поднять вверхъ къ Силистріи, для постановки котораго избралъ мѣсто, верстахъ въ семи ниже селенія Островъ. Когда восемь канонирскихъ лодокъ, служившихъ основаніемъ для моста № 4-го, были освобождены, то капитану 1-го ранга Бернарду де-Граве приказано: оставивъ двѣ изъ нихъ у моста,

съ остальными занять позицію между островомъ Малымъ-Голымъ и правымъ берегомъ Дуная, на высотѣ инженернаго лагеря, то-есть нѣсколько ниже нашей первой траншеи. На этой позиціи, кромѣ наблюденія за рѣкою, лодкамъ вмѣнено было въ обязанность содержать на гребныхъ судахъ переправу между правымъ берегомъ Дуная и островомъ Малымъ-Голымъ для всѣхъ чиновъ артиллерійскаго вѣдомства.

Съ 15-го по 28-е мая осадныя работы продолжались посредствомъ тихой сапы; на лѣвомъ флангѣ велись подступы противъ Арабскаго Укрѣпленія; на правомъ же флангѣ — противъ Змѣинаго, а въ центрѣ — противу Песочнаго. Подступы праваго и лѣваго фланговъ были соединены между собою траншеями, въ которыхъ возведены батареи, вооруженныя частью орудіями большаго калибра, для дѣйствія противъ укрѣпленій, частью полевыми орудіями и полупудовыми мортирами, для дѣйствія по непріятельскимъ заваламъ и вылазкамъ. Подойдя траншеями лѣваго фланга на близкое разстояніе къ передовому непріятельскому укрѣпленію, генерал-адъютантъ Шильдеръ, дабы имѣть возможность продолжать тихую сапу съ наивозможно-меньшею потерею, приказалъ: пространство земли между оконечностью и оврагомъ, проходящимъ подлѣ Арабскаго Укрѣпленія, взорвать и воронки короновать. Во время сего періода осады, посылались, для наблюденія за непріятелемъ по направленію къ Шумлѣ, греческіе волонтеры и небольшіе конные отряды; но они непріятеля нигдѣ не встрѣчали и о движеніи турокъ со стороны Шумлы извѣстій не было. Во все время осадныхъ работъ непріятель постоянно, при смѣнѣ нашихъ рабочихъ и траншейныхъ карауловъ, открывалъ пушечную пальбу и ружейный огонь, и неоднократно дѣлалъ вылазки противъ нашихъ траншей, но всегда былъ отражаемъ съ успѣхомъ нашими храбрыми войсками. Подобная попытка сдѣлана была турками, какъ сказано было выше, въ ночь съ 16-го на 17-е мая, на лѣвый флангъ нашихъ работъ. Изъ восьми вылазокъ, сдѣланныхъ турками по 28-е мая, замѣчательна предпринятая ими 22-го мая около семи часовъ пополудни. Непріятель, подъ покровительствомъ огня своихъ батарей, смѣло подошелъ къ редуту, находившемуся на лѣвомъ флангѣ нашихъ работъ. Несмотря на сильный картечный огонь, непріятельскія колонны двигались впередъ; турки, достигнувъ рва и вскочивъ чрезъ амбразурныя укрѣпленія, вступили въ рукопашный бой съ прикрытіемъ батареи и артиллерійскою прислугой. Два батальйона Елецкаго Пѣхотнаго Полка, подъ командою генерал-майора Веселитскаго, опрокинули непріятеля, понесшаго при семъ случаѣ значительную потерю, судя по тѣламъ, оставленнымъ имъ на мѣстѣ. Въ-теченіе сего періода осады, генерал-адъютантъ Шильдеръ, желая усилить артиллерійскій огонь на правомъ флангѣ нашихъ траншей, приказалъ принять въ немъ участіе канонирскимъ лодкамъ. Поэтому 16-го мая, съ разсвѣтомъ, пароходъ «Прутъ», съ двумя канонирскими лодками, занявъ позицію у югозападной оконечности острова Малаго Голаго, дѣйствовали по восточнымъ веркамъ крѣпости. Въ ночь того же дня, во время нашего приступа, тѣ же двѣ лодки дѣйствовали противъ не-

пріятеля. Прикрываясь островомъ и пользуясь темнотою ночи, они могли наносить ему вредъ, мало подвергаясь выстрѣламъ изъ крѣпости. 24-го мая, вмѣнено было въ обязанность капитану 1-го ранга Бернардъ де-Граве принять мѣры къ предупрежденію спуска брандеровъ на наши мосты; для сего отряжены были 4 канонирскія лодки, подъ командою капитан-лейтенанта Кононовича, для занятія позиціи поперегъ рукава, между островомъ Лѣсистымъ и лѣвымъ берегомъ Дуная; эти лодки должны были содержать въ томъ рукавѣ бонъ и посылать ночные разъѣзды на гребныхъ судахъ. Остальныя лодки, стоявшія въ рукавѣ, между островомъ Малымъ-Голымъ, и правымъ берегомъ Дуная, приняли тѣ же предосторожности относительно этого рукава.

Съ 28-го мая до снятія осады, осадныя работы продолжались преимущественно на лѣвомъ флангѣ; здѣсь окончены: спускъ въ ровъ Арабскаго Укрѣпленія, переходъ чрезъ ровъ и приставленъ минеръ къ непріятельскому валу, съ тѣмъ, чтобъ, на основаніи удобовосходной бреши, взять укрѣпленіе открытою силою. По имѣвшимся тогда извѣстіямъ, въ Шумлѣ сосредоточено было около ста тысячъ войска. Такъ-какъ, по близости такихъ силъ, совершенное обложеніе Силистріи было невозможно, то, дабы воспрепятствовать непріятелю доставлять въ крѣпость запасы и приводить гарнизону подкрѣпленія, высылаемы были на пути сообщенія непріятеля, самостоятельные отряды, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Павлова и генерал-маіора князя Бебутова. Мая 28-го, подъ личнымъ начальствомъ генерал-фельдмаршала, произведено было въ большихъ силахъ наступательное движеніе противъ крѣпости Силистріи, съ цѣлью обозрѣнія непріятельскихъ укрѣпленій, расположенія турецкихъ войскъ и съ намѣреніемъ показать непріятелю значительность нашихъ силъ. Войска въ трехъ колоннахъ, въ числѣ 32-хъ батальйоновъ пѣхоты, 32-хъ эскадроновъ кавалеріи, 8-ми пѣшихъ и 3-хъ конныхъ батарей, при 8-ми сотняхъ казаковъ, двинулись по направленію къ селенію Колопетра. Въ то время, какъ генералъ фельдмаршалъ обозрѣвалъ мѣстность по западную сторону цитадели Абдул-Меджидъ, непріятельское ядро пролетѣло близь его свѣтлости. Не почувствовавъ сперва большой боли, онъ полагалъ возможность оставаться на лошади, но потомъ вскорѣ вынужденъ былъ возвратиться въ экипажѣ въ Каларашъ, гдѣ усилившаяся боль въ боку потребовала пособія врачей. Мая 31-то, почувствовавъ облегченіе въ полученной контузіи, генерал-фельдмаршалъ отправился въ Яссы, предоставивъ продолженіе осады Князю Горчакову. Со времени открытія траншей по 1-е іюня, осадныя работы производились генерал-адъютантомъ Шильдеромъ; но въ этотъ день, обозрѣвая выведенныя ночью траншеи, онъ раненъ осколкомъ гранаты въ ногу, и съ-тѣхъ-поръ работы ввѣрены были генерал-лейтенанту Бухмейеру. Къ 7-му іюля заряжены были мины подъ валомъ Арабскаго Укрѣпленія, и въ семь часовъ пополудни произведенъ былъ взрывъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е назначенъ былъ штурмъ, какъ этого укрѣпленія, такъ и Песочнаго, которое успѣшнымъ дѣйствіемъ на

шей артиллеріи было повреждено и огонь прекратило. Назначенныя на приступъ войска, предводимыя неустрашимыми начальниками, хорошо-обученныя къ употребленію штурмовыхъ лѣстницъ, вошли въ траншеи для занятія назначенныхъ имъ мѣстъ. Канонирскимъ лодкамъ приказано было, по наступленіи темноты, занять въ обоихъ рукавахъ позиціи, наивыгоднѣйшія для дѣйствія противъ крѣпости. По пущенной съ одной изъ нашихъ батарей ракетѣ, всѣ наши орудія должны были открыть огонь, а войска идти на приступъ. Около полуночи прибылъ въ траншеи адъютантъ генералъ-фельдмаршала съ приказаніемъ: снять немедленно осаду и перейдти со всѣми силами на лѣвый берегъ Дуная. Войска возвратились къ разсвѣту въ лагерь, а канонирскія лодки, извѣщенныя объ отмѣнѣ приступа, отошли на занимаемыя ими обыкновенно мѣста. Число войскъ непріятельскаго гарнизона и расположеннаго лагеремъ корпуса, по показаніямъ плѣнныхъ, простиралось со всѣми полученными подкрѣпленіями до 20,000 человѣкъ. Турки, извѣстные умѣньемъ защищаться въ окопахъ, держались хорошо въ укрѣпленіяхъ и траншеяхъ; всѣ же ихъ вылазки, гдѣ нужна открытая сила, были неудачны и большею-частью состояли въ крикахъ и безполезной ружейной пальбѣ. Регулярное войско они видимо берегли; въ Арабскомъ Укрѣпленіи были египтяне и много арабовъ. Въ разъѣзды и противъ нашихъ рекогносцировокъ посылались баши-бузуки (иррегулярная кавалерія). Баши-бузуки, не получая долгое время обѣщанной платы и не имѣя продовольствія, роптали и собирались разойдтись по домамъ. Отъ частой и меткой пальбы нашихъ батарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и на островахъ, городъ много пострадалъ: истреблена пожаромъ казарма и взорванъ пороховой погребъ. Одно изъ предмѣстій, внѣ крѣпостнаго вала, было сожжено турками еще до начала осады. Предвидѣлся недостатокъ въ порохѣ и мукѣ, по неимѣнію мельницъ для перемола зерноваго хлѣба. Нашимъ войскамъ наибольшій вредъ въ траншеяхъ наносили осколки гранатъ и штуцерныя пули; раны, какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ въ голову были большею частью тяжелы; по замѣчанію хирурговъ изъ 10 человѣкъ, болѣе двухъ въ живыхъ не оставалось. Потеря наша со дня открытія траншей до снятія осады простиралась, убитыми: генераловъ 1, штабъ и оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 77; раненыхъ и контуженныхъ было: генераловъ 3, штабъ и оберъ-офицеровъ 30, нижнихъ чиновъ 336. Сколько можно судить, по показанію плѣнныхъ, потеря непріятеля значительно превышала нашу.

Снятіе осады и переправа на лѣвый берегъ Дуная совершились слѣдующимъ образомъ: 9-го и 10-го іюня, чтобъ скрыть отъ непріятеля дѣйствительныя наши намѣренія, продолжались въ траншеяхъ ложныя работы, а въ ночи сняты съ батарей осадныя орудія и переправлены на судахъ на лѣвый берегъ Дуная. 10-го числа приказано было дѣйствовать до поздней ночи, какъ изъ легкихъ орудій, оставленныхъ въ траншеяхъ, такъ и изъ морскихъ, которыми вооружены были батареи на островахъ Лѣсистомъ и Маломъ Голомъ; потомъ, около полуночи, приказано было всѣ орудія свезти, траншейнымъ

карауламъ и рабочимъ выйдти изъ траншей, а свѣжимъ войскамъ расположиться для зашиты въ нашей первой параллели, которая на сей предметъ предварительно была углублена, исправлена и вооружена двумя батареями. Все это было исполнено къ разсвѣту 11-го числа; команды канонирскихъ лодокъ работали всю ночь, свозя съ батарей шесть своихъ орудій, которыя приходилось тащить по землѣ на большее разстояніе, а сверхъ–того, матросы перевозили съ острововъ Лѣсистаго и Малаго Голаго войска, эти острова занимавшія. Такимъ–образомъ, когда на разсвѣтѣ 11-го числа, непріятель, не получая изъ нашихъ траншей отвѣта на свои выстрѣлы, вышелъ изъ окоповъ, наши рабочіе были уже въ лагерѣ, а канонирскія лодки, поднявъ орудія, спускались съ занимаемыхъ ими позицій къ мостамъ №№ 4 и 5–й, по которымъ въ порядкѣ переправлялись на лѣвый берегъ Дуная обозы, инженерный паркъ и часть войскъ. 12-го числа утромъ начали разводить мостъ № 4–й. Подъемъ якорей возложенъ былъ на гребную флотилію, работа эта шла медленно и была тягостна для командъ. Дунайская канонирская лодка, кромѣ одной небольшой шестивесельной шлюпки (шестерки), не имѣетъ другихъ гребныхъ судовъ; эта шлюпка удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ службы канонирской лодки, можетъ поднять ея верпъ, но слишкомъ мала для подъема якорей въ 20 и болѣе пудовъ. Избѣгнувъ этой работы, не имѣя при мостахъ барказовъ приличныхъ размѣреній, не было другаго средства, какъ обрубить канаты и пожертвовать всѣми мостовыми якорями. Тогда князь Горчаковъ, снявъ лагерь осаднаго корпуса, прикрывая себя съ юга одною дивизіею, а со стороны Силистріи небольшимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерал–лейтенанта Хрулева, отступилъ къ мосту № 6–й. Подступы къ этому мосту по прибрежью со стороны Силистріи идутъ по возвышенностямъ, круто-склоняющимся къ Дунаю, но у моста возвышенности эти, удалившись отъ берега, оставили низкое мѣсто, пресѣченное озеромъ и рѣчкою, непроходимою въ бродъ. Мостъ былъ защищенъ предмостнымъ укрѣпленіемъ, а войска, расположенныя на возвышенностяхъ, имѣли опорными пунктами своей позиціи два редута. Съ сумерками того же дня и до разсвѣта слѣдующаго, переправлены: кавалерія и дивизія пѣхоты, послѣ чего временно разведена была часть моста и пропущены внизъ по рѣкѣ канонирскія лодки, пароходы и всѣ каботажныя суда. Въ-теченіе всего 14–го числа переправлялись болгарскіе переселенцы, получившіе позволеніе слѣдовать въ Россію. Ночью на 15–е іюня остальныя войска перешли чрезъ мостъ. Когда арьергардъ переправился, начало свѣтать. Немедленно стали разводить мостъ; подъемъ якорей продлилъ бы работу на цѣлыя сутки, а потому разрѣшено было пожертвовать якорями, обрубивъ канаты. Болѣе трехъ четвертей моста были сняты, когда на силистрійскихъ высотахъ показался конный отрядъ. Увидѣвъ несовсѣмъ еще разведенный мостъ и много судовъ, непріятель ускорилъ шагъ, пустилъ впередъ цѣпь и два орудія; наши саперы ускорили работу, а на канонирскихъ лодкахъ пробили тревогу. Вскорѣ непріятельская цѣпь достигла только–что оставленнаго нами редута и ввезенныя туда

орудія открыли огонь. Канонирскія лодки немедленно отвѣчали: послѣ первыхъ ихъ выстрѣловъ, направленныхъ въ амбразуры редута, цѣпь обратилась въ бѣгство, слѣдовавшій за ней отрядъ остановился внѣ выстрѣловъ, а вскорѣ потомъ замолчали и орудія. Надобно полагать, что они были подбиты, потому-что прекращенію ихъ огня не могло быть другой причины. Они замаскированы были въ хорошемъ редутѣ, командовали совершенно рѣкою, были увѣрены въ томъ, что ихъ не отрѣжутъ и могли картечью нанести большой вредъ нашимъ саперамъ, работавшимъ послѣ того ещѐ очень-долго. Около часа пополудни послѣдній плотъ былъ снятъ и, въ виду удалившагося непріятеля, весь мостъ спущенъ между островами къ лѣвому берегу Дуная. Мосты №№ 5-й и 7-й были сняты по миновании въ нихъ надобности, но при этомъ разрѣшено было жертвовать только тѣми якорями, которые сильно забрало; несмотря на это работа была усиленная, тяжелая; но скоро исполнена шлюпками съ канонирскихъ лодокъ. По снятіи мостовъ приказано плоты, числомъ 142, спустить рѣчкою Борчь и Дунаемъ въ Измаилъ; для управленія ими назначены были три батальйона Алексопольскаго Егерскаго Полка; къ мостамъ присоединены 10 каботажныхъ судовъ съ ранеными и больными, и два флахшкоута съ снарядами осаднаго артиллерійскаго парка; конвоированіе этого транспорта возложено было на канонирскія лодки. Капитанъ 1-го ранга Бернардъ де-Граве, соображая расположеніе войскъ нашихъ на низовьяхъ Дуная, возможную скорость преслѣдованія со стороны непріятеля и время, которое займетъ проводка флахшкоутовъ по мелководьямъ протока Борчь, заключилъ, что если порученный ему транспортъ судовъ и встрѣтитъ препятствіе съ праваго берега Дуная, то это можетъ быть только на пространствѣ между устьевъ рѣки Борчь и соединеніемъ рукавовъ Браиловскаго съ Мачинскимъ: поэтому отрядилъ онъ немедленно пароходы Прутъ и Ординарецъ съ шестью канонирскими лодками для завладѣнія рѣкою въ этомъ пространствѣ и для воспрепятствованія непріятелю предпринять что-либо тамъ на своемъ берегу. Самъ же, пропустивъ мосты рѣчкою Бале въ Борчь, вошелъ вслѣдъ за ними съ остальными 5-ю лодками и пароходомъ Сулинъ. Проводка флахшкоутовъ значительно замедлила слѣдованіе транспорта; пароходъ Сулинъ, подъ командою корпуса флотскихъ штурмановъ капитана Григоренко, принадлежащій пароходству Новороссійскаго Края, оказалъ при этомъ большое содѣйствіе: флахшткоуты были выведены изъ устья Борча 23-го іюня и въ тотъ же день вошли въ Браиловскій Рукавъ; мосты и суда съ ранеными опередили ихъ нѣсколькими днями. Вслѣдъ за флахшкоутами спустились пароходы и канонирскія лодки; въ дальнѣйшемъ плаваніи нельзя было ожидать никакихъ препятствій, ибо Браиловскій Рукавъ на всемъ своемъ протяженіи отдѣленъ отъ турецкаго берега валахскими островами, а Мачинъ, Исакча и Тульча были заняты нашими войсками. Раненые и больные свезены по назначенію въ браиловскіе и галацкіе госпитали; мосты же и флахшкоуты прибыли къ измаиловскому порту; первые вводились рѣчкою Лепидою въ лиманъ Ялпухъ, вторые выгрузились, а суда передоваго отряда дунайской

гребной флотиліи исполняли приказанія князя Горчакова. Сверхъ потери въ людяхъ, показанной выше, во время осады на батареяхъ, вооруженныхъ морскими орудіями, изъ командъ канонирскихъ лодокъ, ранено: Модлинскаго Пѣхотнаго Полка 3 рядовыхъ, контужено: 5-го Ластоваго Экипажа матросъ и Модлинскаго Пѣхотнаго Полка солдатъ.

23 и 25 іюня происходило упорное дѣло у Журжи. Главныя обстоятельства сего боя заключаются въ слѣдующемъ:

Для наблюденія за турецкой крѣпостью Рущукомъ расположенъ былъ у Журжи отрядъ генерал-лейтенанта Соймонова, состоящій изъ 8-ми батальйоновъ 10-й пѣхотной дивизій (Томскаго и Колыванскаго Егерскихъ Полковъ), съ 8-ю эскадронами Гусарскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича Полка. Передовые посты отъ этого отряда занимали большой островъ Радоманъ, отдѣленный отъ лѣваго берега Дуная неширокимъ рукавомъ, черезъ который устроено было два мостэ. Правая сторона острова наблюдаема была двумя ротами и штуцерными Томскаго Егерскаго Полка, съ 4-мя батарейными орудіями, а лѣвая половина—двумя же ротами и штуцерными Колыванскаго Егерскаго Полка, также при 4-хъ орудіяхъ. Весь островъ имѣетъ въ длину до 7-ми верстъ протяженія. Другіе острова на Дунаѣ, Чарой и Маканъ, заняты были одними караулами. Съ 10-го числа къ Рущуку начали постепенно стекаться непріятельскія войска изъ Шумлы и съ Нижняго Дуная. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ пересѣлившихся на лѣвую сторону этой рѣки болгаръ, 21-го іюня у Рущука собралось уже отъ 30 до 40 т. регулярныхъ войскъ, въ томъ числѣ 10,000 египетскихъ. Въ тотъ же день, въ 11 ч. утра, изъ крѣпости и съ береговыхъ батарей непріятель открылъ по Журжѣ огонь, но почти безъ всякаго для насъ вреда. 22-го іюня, по движеніямъ непріятельскихъ войскъ на правомъ берегу Дуная, сбору судовъ въ р. Ломъ и появленію парохода, можно было предусмотрѣть намѣреніе турокъ предпринять переправу. Поэтому отрядъ генерал-лейтенанта Соймонова былъ подкрѣпленъ отъ ближнихъ частей арміи: 4-мя батальйонами Тобольскаго Пѣхотнаго Полка, съ батарейною № 1-го батареею 10-й артиллерійской бригады, и Бугскимъ Уланскимъ Полкомъ. 23-го іюня, съ 3-хъ часовъ утра турки начали, подъ прикрытіемъ вышеозначенныхъ крѣпостныхъ и береговыхъ батарей, переправляться на судахъ къ острову Макану. Наши батареи съ лѣваго берега Дуная отвѣчали также сильнымъ огнемъ и нанесли поврежденіе многимъ непріятельскимъ судамъ и пароходу. Нѣсколько разъ турки принуждены были возвращаться на судахъ къ своему берегу; однакожь, въ теченіе дня они успѣли перевезти на островъ Маканъ значительное число войскъ съ 4-мя орудіями и начали строить на островѣ батареи. 24-ое число прошло спокойно. Прибывшіе на подкрѣпленіе нашего отряда 4 батальйона Тобольскаго Пѣхотнаго Полка, съ 8-ю орудіями и эскадрономъ гусаръ, подъ начальствомъ генерал-майора Баумгартена, расположились по лѣвому берегу Дуная противъ занятаго непріятелемъ острова Макана. 25-го числа, съ 6-ти

часовъ утра, турки, снова открывъ огонь съ крѣпости и своихъ батарей, начали опять переправляться къ острову Макапу и къ обѣимъ оконечностямъ Радомана. По обширности сего послѣдняго, непріятель вышелъ безпрепятственно на правую его оконечность и быстро подавался впередъ. Тогда два батальйона Томскаго Егерскаго Полка перешли на Радоманъ для поддержанія передовыхъ своихъ ротъ, сбили непріятеля и оттѣснили его до самой оконечности острова. Въ то же время Колыванскій Егерскій Полкъ атаковалъ турецкія войска, занявшія противоположную сторону Радомана и опрокинулъ ихъ въ Дунай. Непріятель, несмотря на встрѣченный имъ мужественный отпоръ нашихъ егерей, получалъ безпрестанно новыя подкрѣпленія. Такимъ образомъ бой не прерывался до самаго заката солнца и часто обращался въ рукопашную схватку. Не разъ непріятель, опрокидываемый штыками, бѣжалъ къ своимъ судамъ; но бѣгущіе встрѣчаемы были картечью съ своихъ же канонирскихъ лодокъ и парохода. Наша артиллерія, выдвинутая на переднюю окраину острова, не взирая на сильный огонь съ крѣпости, выстрѣлами своими потопила до 15-ти непріятельскихъ судовъ съ находившимися на нихъ людьми, и всѣ покушенія турокъ переправиться съ острова Макана на лѣвый берегъ Дуная были отражены. Въ этотъ день непріятелемъ введено было въ бой болѣе 40 батальйоновъ пѣхоты; но столь значительныя силы не воспрепятствовали нашимъ 12 батальйонамъ удержать свою позицію до самой ночи. Столь упорная оборона не могла не стоить нашимъ храбрымъ войскамъ чувствительной потери: она состояла изъ 342 убитыхъ и 470 раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ генерал-лейтенантъ Хрулевъ (легко-раненый), 5 штаб-офицеровъ и 17 обер-офицеровъ. За-то, по свидѣтельству плѣнныхъ, турки понесли болѣе 5,000 чел. урону. Дождавшись ночи, генерал-лейтенантъ Соймоновъ, согласно сдѣланному предварительно распоряженію, приказалъ войскамъ перейдти съ острова на лѣвой берегъ Дуная; переправа была исполнена въ совершенномъ порядкѣ и мосты сняты. Затѣмъ отрядъ нашъ расположился внѣ Журжи на высотахъ у Фратешти и оставался тамъ въ наблюдательномъ положеніи.

Послѣ дѣла при Журжѣ турки не предпринимали ничего противъ нашихъ войскъ, расположенныхъ при Фратешти. Генерал-адъютантъ князь Горчаковъ, съ своей стороны, желая удостовѣриться въ какихъ силахъ непріятель находится на лѣвомъ берегу Дуная, произвелъ 4-го іюля отъ Фратешти усиленную рекогносцировку къ Журжѣ и Слободзеѣ (близь Журжи); но турки, устроившіе между сими двумя пунктами предмостное укрѣпленіе, ограничились встрѣчею нашихъ войскъ однимъ только огнемъ изъ своихъ окоповъ и не рѣшились выйдти изъ нихъ въ поле. Во время рекогносцировки у насъ легко контужены ядрами: исправляющій должность походнаго атамана генерал-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ и исправляющій должность генерал-квартирмейстера генерал-майоръ Бутурлинъ; сверхъ-того, контужены еще два офицера и одинъ человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ этой незначительной перестрѣлки, никакихъ другихъ дѣйствій на Дунаѣ по 6-ое іюля не происходило.

Съ 6-го по 18-ое іюля на Дунаѣ ничего замѣчательнаго также не происходило. У Журжи турки продолжали укрѣпляться на лѣвомъ берегу рѣки, но изъ окоповъ своихъ выходить не осмѣливались. Въ бабадагской области все также было спокойно; только въ ночь съ 11-го на 12-ое іюля передовые наши казачьи посты, поддержанные дивизіономъ Гусарскаго Графа Радецкаго Полка, подъ начальствомъ подполковника князя Любомирскаго, произвели удачный поискъ къ Черноводамъ, гдѣ находилось до 800 чел. турецкихъ войскъ. Казаки, пользуясь темнотою ночи и оплошностью непріятеля, стремительно ворвались въ селеніе, бросились на турокъ, стоявшихъ лагеремъ на площади, и привели ихъ въ такое смятеніе, что они должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. У нихъ осталось на площади до 150 труповъ, 10 плѣнныхъ и 65 лошадей съ сѣдлами и оружіемъ захвачены казаками; самъ начальникъ турецкаго отряда Хан-Мурза-Бей едва успѣлъ скрыться и унести съ собою знамя; но переписка его взята. Въ этой стычкѣ съ нашей стороны убитъ только 1 казакъ и 2 ранены.

Переходъ турокъ на лѣвую сторону Дуная казался благопріятнымъ случаемъ, чтобъ наконецъ вызвать ихъ на открытый бой и нанести имъ рѣшительное пораженіе. Но, послѣ двухъ недѣль напраснаго ожиданія, видя, что непріятель укрѣпленій своихъ не оставляетъ, генерал-адъютантъ князь Горчаковъ призналъ необходимымъ продолжать начатое общее движеніе арміи къ сѣверу, съ тою цѣлью, чтобъ, сосредоточивъ силы на выгоднѣйшихъ позиціяхъ, приготовиться къ сильному удару на непріятеля, съ которой бы стороны онъ намъ ни угрожалъ. Въ сихъ видахъ генерал-адъютантъ князь Горчаковъ приказалъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Фратешти, выступить 15-го іюля по направленію на Бухарестъ и Бузео; вслѣдъ затѣмъ тронулись и другіе отряды съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Непріятель и при этомъ движеніи не рѣшился слѣдить за нашими войсками.

II.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1855 ГОДА.

I. Учрежденія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

О передачѣ бывшей Собственной Канцеляріи Наслѣдника Цесаревича въ составъ Военно-походной Канцеляріи особымъ отдѣленіемъ, съ отпускомъ потребной на содержаніе онаго суммы изъ Кабинета Его Величества.

О назначеніи при Ливенскомъ мужскомъ и женскомъ приходскихъ училищахъ особаго почетнаго блюстителя.

О распространеніи преимуществъ, предоставленныхъ Севастопольскому Гарнизону, и на гражданскихъ чиновниковъ, какъ состоящихъ во всѣхъ управленіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ города Севастополя, такъ и въ морскомъ вѣдомствѣ при Севастопольскомъ Портѣ.

Объ упраздненіи должности дежурнаго генерала Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества.

О назначеніи чиновнику для письмоводства при майорѣ отъ воротъ Зимняго Дворца пенсіи по придворному положенію.

О возстановленіи въ Департаментѣ Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ мѣста вице-директора.

О предоставленіи всѣмъ лицамъ, которыя должны находиться на службѣ при вновь-учреждаемомъ въ Николаевскомъ посту госпиталѣ 1-го класса, правъ и преимуществъ наравнѣ съ дарованными служащимъ въ Камчаткѣ.

О назначеніи въ томскую и харьковскую эпархіи особыхъ архитекторовъ.

О назначеніи особаго стряпчаго въ посадъ Дубовку, Саратовской Губерніи.

О представленіи въ Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго Вѣдомства, при опредѣленіи въ службу канцелярскихъ служителей, документовъ о происхожденіи ихъ.

О новой формѣ для студентовъ, воспитанниковъ и нижнихъ служителей Учебныхъ Заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

О закрытіи землемѣрныхъ классовъ при Виленской и Минской Гимназіяхъ, и о правахъ выпущенныхъ изъ нихъ воспитанниковъ.

Высочайше утверждены:

Штатъ Собственной Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны Конторы.

Штатъ секретаря Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны.

Уставъ Компаніи полюстровскаго содо-мыловареннаго-клееваренного завода.

II. Уставы о повинностяхъ.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ квартирной повинности домовъ духовныхъ училищъ.

III. Уставы казеннаго управленія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

О дозволеніи ввоза вина въ Витебскую Губернію изъ Остзейскаго Края.

О постоянной тарѣ на нѣкоторые привозные товары.

Объ установленіи штрафа за несвоевременный взносъ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ.

IV. Законы о состояніяхъ.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о порядкѣ перечисленія евреевъ въ земледѣльцы и сложеніи съ нихъ недоимокъ.

V. Законы гражданскіе.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о дарованіи облегченій въ ходѣ гражданскихъ дѣлъ Государственному Ополченію.

VI. Уставы благочинія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія:

Объ ограниченіи еврейскихъ поселеній въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской.

О пяти-процентномъ сборѣ съ лотерей въ пользу вспомогательнаго капитала, предназначеннаго на вспоможеніе разоренныхъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ.

VII. Уставы государственнаго благоустройства.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о торговлѣ евреевъ-маркитантовъ при войскахъ.

III.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Севастополь. — Извлеченіе изъ письма начальницы Крестовоздвиженской Общины попеченія о раненыхъ. — Подвигъ сестры Крестовоздвиженской Общины Бакуниной. — Отзывъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ о благотворительныхъ женскихъ обществахъ въ Россіи. — Полковой праздникъ на инкерманскихъ высотахъ. — Пребываніе русскаго офицера Абукова въ плѣну.— Разсказъ зуава о томъ, какъ онъ попалъ къ русскимъ. — Встрѣча русскаго офицера съ французскимъ подъ Севастополемъ и въ Одессѣ. — Ополченцы Тамбовской и Ярославской Губерній. — Приближеніе курскихъ дружинъ къ Крыму. — Казачьи полки Полтавской и Черниговской Губерній. — Отраженіе непріятеля крестьянами отъ с. Лямцы. — Отбитіе туркменъ, напавшихъ на судно, кирпичами.—Актъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.— Число пораженныхъ молніей. — Преждевременные роды чрезъ 36 часовъ послѣ предполагаемой смерти матери. — Учрежденіе пароходства на Днѣпрѣ. — Открытіе на Уралѣ металла никкеля. — Цвѣтеніе въ Ботаническомъ Саду лагестреміи и викторіи. — Найденный мальчикъ.—Рѣдкій случай въ быту пчелъ.— Саранча.—Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1855 году.— Пожары вообще. — Пожаръ въ г. Саратовѣ. — Некрологъ: В. К. *Шебуевъ*, профессоръ *Витали* и И. И. *Введенскій* (*).

Скоро минетъ годъ, какъ непріятель высадился въ Крыму и осадилъ Севастополь. Интересны письма сестеръ Крестовоздвиженской Общины попеченія о раненыхъ, сообщенныя нами въ одной изъ предшествовавшихъ хроникъ. Нигдѣ жизнь осажденнаго города не представлена такъ живо и такъ натурально, какъ въ этихъ письмахъ. Въ послѣднее время получено письмо начальницы той общины г–жи Стаховичъ, изъ котораго мы извлекаемъ наиболѣе–интересное. «Я отправилась въ городъ (говоритъ г–жа Стаховичъ) и, закупивъ кое–что въ лавкахъ, поѣхала на Павловскій Мысокъ. Бомбардировка усилилась; мы съ трудомъ доѣхали до пристани; я взошла на перевязочный пунктъ и нашла всѣхъ въ дѣлѣ, при операціяхъ. Послѣ того я отправилась на сѣверную и меня окружилъ цѣлый адъ: надъ головой лопались бомбы, кругомъ свистѣли ядра, которыя такъ и падали на бухту; вѣтеръ былъ сильный со стороны Черной Рѣчки; наши пароходы разводили пары и дымъ отъ нихъ закрылъ бухту и часть города; залпы оглушали; только–что мы поравнялись съ Павловской Батареей, какъ начали стрѣлять съ нашихъ кораблей и пароходовъ; намъ нельзя было проѣхать подъ нашими выстрѣлами и потому мы переѣхали чрезъ бухту и хотѣли подъ № 4–мъ проѣхать въ бараки, но и оттуда начали стрѣлять; я велѣла вести себя на Михайловскую Батарею — вотъ была страшнѣйшая минута и картина. Въ той сторонѣ, гдѣ корабельный мостъ, отъ дыма

(*) Извлечено: изъ «Морскаго Сборника», «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Инвалида», «Врачебной Газеты», «Московскихъ Вѣдомостей» и др.

пароходовъ и выстрѣловъ была тьма кромешная и эта темнота освѣщалась только залпами; съ моря начали пускать ракеты, которыя вились змѣей въ черномъ дыму надъ частью города. Мы доѣхали до Михайловской Батареи; я взбѣжала на валъ, взглянула на эту страшную картину съ высоты и видѣла, кàкъ въ полумракѣ мелькали тысячи ружейныхъ выстрѣловъ; бомбы и ядра летали на сѣверную сторону; голоса нашихъ храбрыхъ воиновъ были слышны, когда они бросались, съ крикомъ «ура», на непріятеля. Послѣ этого, повидавшись съ сестрами, я отправилась съ ними на берегъ и еще видѣла и слышала крики сражавшихся; это было близко: только черезъ бухту. Тяжело было слышать эти крики, раздирающіе душу. Возвратившись домой, мы начали приготовлять все для перевязокъ; въ десятомъ часу къ намъ привезли на барказахъ раненыхъ и всѣ мы отправились въ палатки, куда несли ихъ. Я схватила фонарь и велѣла принести нѣсколько ведеръ водки; сестры отправились съ цѣлой толпой раненыхъ въ палатки и вмѣстѣ съ докторами занялись перевязкой раненыхъ; раздавали водку и хлѣбъ приходящимъ раненымъ, кому виноградное вино, а кому и питье изъ клюквенной эссенціи. Всѣ, отъ девяти до третьяго часа, были въ бѣготнѣ. Вокругъ меня составилась огромная толпа изъ нѣсколькихъ сотенъ солдатъ и каждый изъ нихъ разсказывалъ свое удальство, кто потчивалъ отнятыми у французовъ галетами; упрашивали: «Матушка, попробуй, какъ вкусно». Я, изъ угожденія, хотѣла откусить, но это было сухо какъ камень; я поблагодарила и сказала, что я старуха, у меня зубовъ нѣтъ. Одинъ поднесъ флягу съ ромомъ и кричитъ: «Матушка, попей вражьей водки! я отнялъ у пьянаго француза», и тутъ я должна была утѣшить браваго солдата (но не пьянаго), попробовала — прекрасный и душистый ромъ; другой мнѣ дѣлалъ подарокъ: шапку французскаго солдата—преусердно отдавалъ. Одинъ подползъ ко мнѣ и кричитъ: «Барыня, а барыня! посмотри кàкъ у меня плечо отбито; проклятый англичанинъ камнемъ меня билъ, а я его за ногу, да въ бухту швырнулъ окаяннаго». И дѣйствительно, многіе изъ нашихъ солдатъ были ранены каменьями. Всѣ сестры трудились съ удивительнымъ усердіемъ. Раненыхъ приносили на Павловскій Мысокъ и тамошнія сестры перевязывали ихъ цѣлыя сутки.»

— Страшная бомбардировка 5-го и штурмъ 6-го іюня застали наше госпитальное управленіе въ то самое время, когда приступали къ переселенію палатокъ и больныхъ на Бельбекъ и перевозкѣ другихъ въ Симферополь и Николаевъ. Все должно было пріостановиться, ибо дѣло шло уже не о перевозахъ, а о пріемѣ раненыхъ. Эта бомбардировка была не продолжительна, но весьма-сильна. Въ ночь на 6-е число, когда даже Екатерининская Площадь изрывалась бомбами и ракетами, чрезъ барказы, на которые положены были больные, поминутно со всѣхъ сторонъ падали ракеты, бомбы и ядра. Больные во все время сохраняли мертвое молчаніе, потому-что никто не рѣшался возвысить голоса, какъ-будто-бы малѣйшій звукъ имѣлъ притягательное вліяніе на смертоносные снаряды. Точно такъ же страшно было выгруженіе больныхъ съ пристани на батарею № 4-й, подвергавшуюся сильнѣйшему огню,

такъ-что нельзя было безопасно пройдти по двору ея. Какимъ образомъ не случилось во время этой перевозки ни одного несчастія—совершенно непонятно, точно также, какъ нельзя постигнуть, какимъ образомъ экскадра наша осталась цѣлою. Во время бѣготни въ Дворянскомъ Собраніи, сестра Крестовоздвиженской Общины Бакунина объявила, что даетъ слово выйдти изъ дома не ранѣе той минуты, когда въ немъ не останется ни одного больнаго, и не только сдержала это слово, но сама нѣсколько разъ провожала переносимыхъ до Графской Пристани и осталась невредимою. Женщина показала примѣръ самоотверженія и мужества, рѣдкихъ даже въ мужчинахъ.

— Послѣ этого не удивительно, что сестры Крестовоздвиженской Общины попеченія о раненыхъ въ-теченіе такого короткаго времени пріобрѣли громкую извѣстность не только у насъ, но и за границею. Шведская писательница Фредерика Бремеръ, извѣстная своими романами, переведенными на всѣ языки, учредила нѣсколько благотворительныхъ обществъ, и въ отчетѣ, читанномъ въ годичномъ собраніи Женскаго Благотворительнаго Общества въ Стокгольмѣ, сообщила, между-прочимъ, слѣдующее: «Самыя интересныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о женскихъ благотворительныхъ заведеніяхъ въ чужихъ краяхъ, неоспоримо относятся къ Россіи. Мы до-сихъ-поръ еще слишкомъ-мало знали нашу восточную сосѣдку, эту необъятную державу, населенную шестьюдесятью мильйонами жителей. Намъ говорили, что обитатели ея варвары, и что женщины этой страны бездушныя и холодныя, чему тѣмъ легче вѣрили у насъ, что до-сихъ-поръ ни одинъ женскій голосъ не заговорилъ оттуда, чтобъ опровергнуть это мнѣніе. Безмолвіемъ отвѣчали на наши обвиненія эти мильйоны женщинъ... Только иногда доходили до насъ слухи о какомъ-нибудь самопожертвованіи со стороны русской женщины, дочери или невѣсты». Далѣе г-жа Бремеръ говоритъ: «Когда я прочитала, что много русскихъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани, въ кровавомъ дѣлѣ при Альмѣ, носили на груди своей портреты женщинъ—матерей, женъ, сестеръ и т. д., тогда я сказала себѣ: «нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины достойны преданности и уваженія, достойны быть любимы до самой могилы». Исчисливъ всѣ женскія благотворительныя заведенія въ Россіи, Фредерика Бремеръ говоритъ о сестрахъ Крестовоздвиженской Общины, между-прочимъ, слѣдующее: «Въ нынѣшнее бѣдственное время войны, русскія женщины въ-особенности выказали неисчерпаемое богатство своей любви къ отечеству и благочестіе, такъ глубоко скрытое въ сердцахъ ихъ; самопожертвованію ихъ въ пользу раненыхъ и другихъ несчастныхъ жертвъ войны нѣтъ границъ, и въ госпиталяхъ Крыма онѣ съ одинаковою заботливостью исполняютъ истинно-христіанскій долгъ человѣколюбія, не только въ отношеніи къ соотечественникамъ, но и къ врагамъ своимъ».

— 29-го іюня былъ полковой праздникъ Украинскаго Егерскаго Полка, занимающаго позицію на инкерманскихъ высотахъ. На этомъ праздникѣ присутствовалъ главнокомандующій князь Горчаковъ съ своимъ штабомъ. По окончаніи обѣда князь вышелъ къ солдатамъ полка, обступившимъ баракъ обширнымъ полукругомъ, гдѣ на пло-

щадкѣ отличались плясуны, и сказалъ: «Въ присядку, ребята! — въ свое время вы работали, теперь повеселитесь!...» И вышло впередъ нѣсколько молодцовъ-усачей-егерей, одобренныхъ добрымъ словомъ начальника, они бросили шинели, и разъигралось разудалое веселье: затопали трепака, откалывая колѣнца, выкидывая ногами мудреные вывороты; тотъ руки въ боки, присвистывая, идетъ въ присядку козыремъ; другой — вертится колесомъ; за нимъ важно выходитъ, въ полосатой турецкой фуфайкѣ, въ красной фескѣ, зуавъ съ серьёзнымъ, неподвижнымъ лицомъ, и рядомъ съ нимъ удалецъ съ огромными черными бакенбардами и усами, что рукой поведетъ, плечомъ подернетъ, иль глазкомъ моргнетъ—такъ словно рублемъ подаритъ, а честная компанія помираетъ со смѣху! «Ай да молодцы» сказалъ князь. — «Ради стараться ваше сіятельство!» Между молодцами нашлись и искусники въ разныхъ гимнастическихъ штукахъ, а потомъ явился, въ костюмѣ изъ раскрашенной бумаги, *Атаманъ* съ *Офонькой* новымъ, и просилъ позволенія *лодку пристроить*, *своихъ молодцовъ показать и чужихъ посмотрѣть*. Это сценическое представленіе, исполненное солдатскихъ остротъ, всѣмъ извѣстно; содержаніе его болѣе характерное, чѣмъ водевили, которые разъигрывались зуавами въ непріятельскомъ лагерѣ. Веселье на распашку, пѣсни, музыка и пляска длились до вечера. И это пировали тѣ самые воины-герои, которые только-что, нѣсколько дней назадъ, возвратились изъ Севастополя; которые выдержали адское бомбардированіе, выдержали штурмъ, не разъ обливались своею и непріятельскою кровью; многіе явились на полковой праздникъ съ перевязанными руками; солнце зачернило загаромъ эти закаленныя въ боевомъ дыму и опасностяхъ, мужественныя и суровыя лица.

Подобный же праздникъ праздновалъ на Инкерманѣ, 1-го іюля, Днѣпровскій Пѣхотный Полкъ.

— 13-го октября 1854 года, при занятіи отрядомъ генерал-лейтенанта Липранди непріятельскихъ редутовъ, ограничивавшихъ Кадыкіойскую Долину, 1-й дивизіонъ Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича Полка атаковалъ непріятельскій лагерь близь дер. Кадыкіой. При атакѣ, произведенной нашими гусарами на англійскихъ драгунъ, состоящій при Гусарскомъ Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича Полка штаб-ротмистръ Басланъ Абуковъ (изъ черкесъ) ударомъ палаша по головѣ былъ сбитъ съ лошади и палъ замертво на полѣ битвы. Когда Абуковъ пришелъ въ себя, была глубокая ночь; бивачные огни горѣли впереди. Истощенный отъ раны, Абуковъ, среди окружавшихъ его труповъ впалъ въ новое безпамятство. Съ первыми лучами солнца, раненый пришелъ, однако, въ себя и, замѣтивъ двухъ зуавовъ, бродившихъ между трупами, мучимый жаждою, просилъ у нихъ пить; занятые грабежемъ, зуавы не подали помощи страждущему. Весь день 14-го октября и ночь съ 14-го на 15-е штаб-ротмистръ Абуковъ переходилъ отъ одного обморока къ другому. На разсвѣтѣ 15-го октября англійскій офицеръ, объѣзжавшій поле сраженія, услыхавъ стонъ раненаго, подъѣхалъ къ нашему офи-

деру. На просьбу страдальца о докторѣ, офицеръ тотчасъ же поскакалъ къ Балаклавѣ и, по прошествіи около часа, возвратился съ фургономъ, на который положили раненаго. Вожатый фургона, отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе и полагая, вѣроятно, что раненый безнадеженъ, несмотря на стонъ и просьбы Абукова, вытащилъ его изъ фургона и положилъ на землю; но наѣхавшій въ то время англійскій офицеръ приказалъ снова положить раненаго въ фургонъ. Больной былъ привезенъ въ Балаклаву и положенъ на пристани. Толпа любопытныхъ окружила полураздѣтаго Абукова; нѣкоторые изъ приходившихъ къ пристани турокъ позволяли себѣ дѣлать оскорбленія раненому, котораго, къ-счастью вскорѣ перенесли на пароходъ, снявшійся съ якоря и направившійся въ Константинополь. Какъ раненому штаб-ротмистру Абукову не было сдѣлано никакой перевязки, то во все время переѣзда, отъ большой потери крови, онъ находился въ постоянномъ безпамятствѣ. Во время прибытія парохода въ Босфоръ, сильная буря, продолжавшаяся восемь дней сряду, препятствовала переноскѣ раненыхъ на берегъ. Во все это время больнымъ никакихъ перевязокъ дѣлаемо не было, и, по разсказамъ другихъ раненыхъ, штаб-ротмистру Абукову весьма-часто давали въ это время опіумъ, отъ пріемовъ котораго въ безсознательномъ состояніи онъ перенесенъ былъ въ англійскій госпиталь въ Скутари. Всѣ находившіеся въ этомъ госпиталѣ раненые русскіе офицеры и нижніе чины лежали на полу, на грязныхъ соломенныхъ матрацахъ, безъ простынь и подушекъ. Больныхъ не лечили. Находящійся въ плѣну Суздальскаго Пѣхотнаго Полка рядовой Островскій добровольно вызвался перевязывать раны своихъ несчастныхъ соотечественниковъ и исполнялъ этотъ священный долгъ съ необыкновенною дѣятельностью и до нѣкоторой степени искусствомъ, которому многіе изъ раненыхъ обязаны своимъ спасеніемъ. Нѣкоторые изъ легкораненыхъ перевезены были въ Константинополь въ казармы Касимъ-Паши, гдѣ держали ихъ въ заперти, подъ строгимъ присмотромъ грубаго англійскаго сержанта. Штаб-ротмистръ Абуковъ около двухъ мѣсяцевъ находился въ страдальческомъ положеніи, безъ всякихъ медицинскихъ пособій, кромѣ тѣхъ, которыя оказывалъ ему рядовой Суздальскаго Пѣхотнаго Полка Островскій. Всѣ вообще раненые наши, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, терпѣли большую нужду въ бѣльѣ. По два и по три мѣсяца они оставались въ однѣхъ и тѣхъ же рубашкахъ, часто въ тѣхъ самыхъ, въ какихъ привезены были съ поля битвы; на нѣкоторыхъ не было вовсе рубахъ. Леди Редклифъ, послѣ посѣщенія этого госпиталя, подарила всѣмъ русскимъ раненымъ офицерамъ и на нѣсколько человѣкъ солдатъ по одной таковой рубашкѣ.

Содержаніе, отпускаемое здѣсь, было весьма дурное: полфунта бѣлаго хлѣба, чай и за обѣдомъ что-то въ родѣ супа съ кускомъ козлятины составляли ежедневную пищу больныхъ. Чай приготовляли въ тѣхъ же котлахъ, въ которыхъ варился супъ. На жалобы раненыхъ не было обращаемо никакого вниманія. По мѣрѣ выздоровленія, больныхъ отправляли въ казармы Касим-Паши, гдѣ они получали по семи шиллинговъ въ день. Денегъ этихъ едва было доста-

точно длятого, чтобы быть сыту, ибо английскіе служители, доставлявшіе военно-плѣннымъ провизію, брали за нее что хотѣли. Больные могли ходить только по корридору и, впослѣдствіи, по двору казармъ. Изъ казармъ не выпускали никого, подъ предлогомъ (какъ говорилъ лордъ Редклифъ) опасенія, чтобъ турки не наносили русскимъ оскорбленій.

Впослѣдствіи времени, нѣкоторые изъ выздоровѣвшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ отвезены были въ Англію; остальнымъ же, признаннымъ медиками неспособными къ службѣ, позволено, за конвоемъ, ходить по городу, съ запрещеніемъ посѣщать лавки и гостинницы. 18-го мая сего года русскіе раненые офицеры и нижніе чины, остававшіеся въ Константинополѣ, были посажены на военный пароходъ «Циклопъ», который буксировалъ транспортъ съ сардинскими войсками и присталъ въ Балаклавѣ. 28-го мая штабс-ротмистръ Абуковъ, послѣ семи-мѣсячныхъ страданій на чужбинѣ, былъ возвращенъ изъ плѣна, и въ Одессѣ вышелъ на берегъ родной земли.

— Въ города Курской Губерніи Трубчевскъ и Корочу послано нѣсколько военноплѣнныхъ изъ союзныхъ армій. Въ числѣ этихъ военноплѣнныхъ находится сержантъ-зуавъ. Вотъ что онъ разсказалъ о томъ, какъ попалъ къ русскимъ. «По должности сержанта, я завѣдывалъ извѣстною частью нашего отряда, и долженъ былъ смотрѣть за чистотою одежды и вооруженія своихъ солдатъ. Однажды офицеръ, нашъ начальникъ, дѣлавшій смотръ своимъ подчиненнымъ почти ежедневно, замѣтилъ, что у одного изъ солдатъ моего отдѣла нечисто ружье. Офицеръ обратился ко мнѣ, и спросилъ: «почему у солдата NN не вычищено ружье?» — «Не знаю» отвѣчалъ я. «Почему вы не знаете! Вы должны знать». — «Я не знаю потому, что не успѣлъ узнать, не имѣлъ времени» снова отвѣчалъ я. «Вы должны знать, говорю я вамъ», сказалъ офицеръ, начинавшій уже горячиться; потомъ онъ прибавилъ: «какъ вы смѣете возвышать голосъ, говоря со мною? Я арестую васъ на восемь дней». — «Возвышаю я голосъ потому, что вы возвышаете», возразилъ я: «вы можете арестовать меня, но я буду жаловаться полковнику». Я былъ дѣйствительно арестованъ. Пріѣзжаетъ чрезъ нѣсколько дней, полковникъ. Я жалуюсь ему на офицера. Полковникъ, разобравши наше дѣло, не одобрилъ меня, но посадилъ и моего соперника подъ арестъ также на восемь дней. Сообразивъ, что намъ, мнѣ и моему начальнику, не ужиться вмѣстѣ, я задумалъ недоброе. Отправился въ Камышъ — у меня тамъ братъ лейтенантомъ — прошу у него 40 франковъ. Братъ удивился, что мнѣ нужно такъ много денегъ; спрашиваетъ, не надѣлалъ я чего-нибудь, не думаю ли я сдѣлать что-нибудь непозволительное. Я настаиваю, говорю, что ничего не замышляю. Братъ далъ. Отправляюсь въ Балаклаву; было часовъ 9 вечера. Въ Балаклавѣ зашелъ въ трактиръ, выпилъ немного, вдругъ встрѣчаю нашего капрала; я еще выпилъ съ нашимъ капраломъ. Капралъ, уже на-веселѣ, говоритъ мнѣ, что хочетъ передаться русскимъ. Я страшно этому обрадовался, открывъ своему сослуживцу, что не прочь и я отъ того. На сердцѣ у меня было тяжело. Мрачныя

мысли охватили меня разомъ. Думаю, что если попадусь французамъ, отправившись къ русскимъ? если русскіе ночью, прежде нежели объясню имъ въ чемъ дѣло, застрѣлятъ меня, какъ шпіона? А отечество? а неизвѣстная страна куда иду? Тутъ еще капралъ говоритъ, что онъ раздумалъ, что боится за будущее въ Россіи, боится нищеты, голодной смерти. Несмотря, однакожь, на все это, я рѣшился. Назадъ возвратиться поздно; а изъ географіи знаю, что русскіе народъ образованный; французы въ Россіи живутъ хорошо; я знаю грамотѣ, могу учить (faire quelque classe. Вы не можете повѣрить, какъ мнѣ нравится это выраженіе, я готовъ привести его еще нѣсколько разъ) и уговаривалъ капрала идти со мною. Наконецъ сослуживецъ, убѣдившись моими доводами, сказалъ, что готовъ. Часовъ около 10 вечера, изъ трактира мы направились къ Чоргуну, перешли Черную рѣчку и остановились въ небольшомъ оврагѣ отдохнуть. Я припалъ ухомъ къ землѣ и услышалъ лошадиный топотъ. Мы оба сѣли на край оврага, и закричали: Eh, là bas! Il y a des Français ici. Чрезъ нѣсколько минутъ слышимъ галопъ лошади: фуръ, фуръ, фуръ-фуръ и говорятъ намъ: Venez ici, Français, ne craignez rien. Мы пошли впередъ и наткнулись на нѣсколько казаковъ; офицеръ былъ съ ними. Мы переночевали въ палаткѣ офицера, который отлично съ нами обошелся и далъ намъ бѣлаго вина. На другой день насъ отвели въ прекрасную палатку генерала Бельгарда, расположившагося на большомъ возвышеніи. Генералъ принялъ насъ чрезвычайно-хорошо, говорилъ съ нами и подчивалъ виномъ. Потомъ отправили насъ въ Севастополь, а оттуда внутрь Россіи».

— При атакѣ батареи Жерве, въ дѣлѣ 6 (18) іюня завязался между французскимъ капитаномъ М. и русскимъ офицеромъ С. бой на сабляхъ, въ которомъ русскій тяжело раненъ въ плечо. Проведя нѣсколько недѣль въ Николаевскомъ Госпиталѣ, онъ былъ перевезенъ въ Одессу, для пользованія морскими купальнями. Въ числѣ плѣнныхъ, привезенныхъ въ Одессу, въ ожиданіи ихъ обмѣна, находился и капитанъ М., только-что вышедшій изъ херсонскихъ госпиталей. Встрѣтившись на улицѣ съ своимъ бывшимъ противникомъ, офицеромъ С., шедшимъ съ трудомъ на костыляхъ, онъ тотчасъ узналъ его и бросился ему въ объятія.

— Въ настоящее время, въ разныхъ мѣстахъ нашей обширной Россіи, снаряжается государственное ополченіе. Полученныя объ этомъ извѣстія заключаются въ слѣдующемъ:

Тамбовскія дружины, по словамъ корреспондента одной газеты, двинулись на враговъ со второй половины іюля. Ополченцы — молодецъ въ молодца, удалецъ въ удальца. Всѣ они свѣжи, бодры и прекрасно одушевлены. Сообщая эти извѣстія, корреспондентъ присовокупляетъ, что Россіи невпервые ополчаться, невпервые и побѣждать враговъ; шесть разъ ополчалась она и шесть разъ побѣждала; отпоръ грозныхъ монголовъ, на Куликовомъ Полѣ, совершенъ ополченіемъ; при Іоаннѣ III ополченіе освободило Русь отъ ига татарскаго; оно же, при Іоаннѣ IV, водрузило знамя на стѣнахъ непокорной Казани; ополченіе временъ Годунова заставило трепетать

безстрашный тогда Крымъ; въ 1612 году, оно же освободило Россію отъ ига чужеземцевъ, а потомъ, чрезъ 250 лѣтъ, на долю ополченія пришлось немало славы въ побѣдѣ надъ такимъ врагомъ, который завладѣлъ-было всей Европой, но не устоялъ противъ Россіи.

— *Ярославскія* дружины, пишутъ въ тамошнихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, горятъ святою ревностью стать грудью за родину. Подъ вліяніемъ этого чувства, военное ученье было для дружинъ потѣшнымъ занятіемъ, а для остающихся дома—веселымъ зрѣлищемъ. Пѣсни ратниковъ предъ ученіемъ и послѣ работы, многолюдныя толпы односемьянъ ихъ, стеченіе зрителей изъ гражданъ, постоянное угощеніе ополченцевъ со стороны городскихъ обывателей и ратныхъ начальниковъ, давали этому времени видъ оживленнаго праздника, а смотры, которые послѣдовательно дѣлались всѣмъ дружинамъ, представляли рядъ истинно-торжественныхъ дней. Результаты смотровъ, произведенныхъ со всѣми подробностями воинскаго устава и всякій разъ обстановленныхъ множествомъ зрителей, превзошли ожиданія: ружейные пріемы, а также построенія и движенія фронта и колоннъ исполнялись съ ловкостью регулярнаго войска. Успѣхи, достигнутые дружинами въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ набора, свидѣтельствуя о развитой смышлёности ярославскаго крестьянина и примѣрномъ усердіи ратниковъ къ изученію военнаго дѣла, признаны ручательствомъ, что и слабѣйшіе изъ нихъ, послѣ дальнѣйшаго упражненія, могутъ чрезъ самое непродолжительное время стать съ достоинствомъ лицомъ къ лицу противъ врага, гордаго своимъ образованіемъ. Но самую лучшую, торжественнѣйшую сторону этихъ смотровъ представляетъ то, что при нихъ высказался, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, глубокій патріотизмъ губерніи, указывающій на неистощимое богатство нравственныхъ силъ русскаго народа.

— Изъ Екатеринославской Губерніи, города Никополя пишутъ, что 11-ое іюля было торжественнымъ днемъ для этого города: въ этотъ день они встрѣтили дружину № 49 курскаго ополченія — первую шедшую въ Крымъ на помощь храбрымъ нашимъ воинамъ. Въ 10 часовъ утра звуки трубъ и барабанный бой возвѣстили приближеніе дружины; стройные ряды ея показались въ виду города. Духовенство никопольской Покровской Церкви, предшествуемое хоругвями, при колокольномъ звонѣ, вышло за городъ и встрѣтило дружину съ крестомъ и св. водою. Послѣ окропленія св. водою, дружина въ стройномъ порядкѣ, съ пѣснями подъ звукъ барабановъ и трубъ, вступила въ городъ и расположилась по квартирамъ. Чрезъ часъ того же числа вошла въ городъ дружина № 50. Обѣ дружины имѣли въ Никополѣ дневку и производили стрѣльбу въ цѣль. 13-го числа обѣ дружины переправились чрезъ Днѣпръ.

— Въ *Полтавской* и *Черниговской* губерніяхъ формируются шесть казачьихъ полковъ, замѣнившихъ тамъ ополченіе сѣверныхъ и среднихъ губерній. «Глазамъ не вѣрится!» говоритъ корреспондентъ, «вообразите себѣ красивѣйшихъ, черноглазыхъ и черноусыхъ молодцовъ, статныхъ и бойкихъ, въ темносинихъ кафтанахъ, подрѣзанныхъ коротко, по теперешнему покрою военныхъ кафтановъ, съ алыми ку-

шаками, высокими шапками, съ пунцовымъ вылетомъ на маковкѣ: это полтавскіе и черниговскіе казаки. Нѣтъ ничего красивѣе этихъ молодцовъ, когда-они учатся, или идутъ чрезъ городскія площади. Въ первомъ ряду театра и въ городскомъ саду мелькаютъ усачи-офицеры и генералы. Въ историческихъ селахъ размѣщаются уже готовыя сотни новыхъ казаковъ. Полковыми командирами избраны представители лучшихъ изъ здѣшнихъ старинныхъ фамилій. Полтавская сотня — верхъ красы; всѣ казаки на подборъ. И надо видѣть съ какимъ восторгомъ эта новая картина здѣшней жизни принимается украинцами! Всѣ ждутъ не дождутся минуты, когда очередь двинетъ новобранцевъ туда, гдѣ рѣшается великій вопросъ нашей родины. Мы слышали, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ художниковъ рисуетъ казаковъ полтавскихъ для «Художественнаго Листка».

— Одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, 27-го минувшаго іюня, въ шесть часовъ вечера, подошелъ къ прибрежному селенію Онежскаго Уѣзда, Лямцѣ, и, остановившись въ 400 саженяхъ отъ берега, отправилъ къ селенію четыре гребныя судна, подъ бѣлымъ и краснымъ флагами, съ значительнымъ числомъ людей.

Крестьяне этой деревни, въ числѣ 34 человѣкъ, подъ руководствомъ поступившаго изъ отставныхъ на вторичную службу рядоваго Изырбаева, съ приближеніемъ гребныхъ судовъ, открыли по нимъ огонь изъ ружей и тѣмъ принудили ихъ возвратиться къ пароходу.

Вслѣдъ за симъ пароходъ открылъ огонь по деревнѣ и крестьянамъ, ядрами, картечью, гранатами и ракетами. Послѣ трехчасовой стрѣльбы, онъ снова отправилъ къ берегу два гребныя судна съ десантомъ, который, однакожь, крестьяне не допустили выйдти на берегъ, и суда вторично возвратились къ пароходу, который послѣ этого обстрѣливалъ берегъ цѣлую ночь, а въ шесть часовъ утра ушелъ въ море.

Въ отраженіи непріятеля отъ Лямцы, кромѣ тамошнихъ жителей, принимали участіе бывшій тамъ въ это время архангельскій мѣщанинъ Александръ Лысковъ и мѣстный священникъ Петръ Лысковъ, ободрявшій крестьянъ словомъ своимъ, а изъ послѣднихъ наиболѣе отличились Совершаевъ и Изюмовъ.

Несмотря на столь продолжительное бомбардированіе, изъ числа защищавшихъ Лямцу раненъ только одинъ крестьянинъ Изюмовъ; селеніе пострадало весьма-мало и жители понесли самые незначительные убытки, ибо бомбы, гранаты и ракеты остались большею-частью неразорванными. Крестьяне, послѣ ухода непріятеля, успѣли собрать до 50-ти бомбъ.

— 6-го мая было предписано командиру шкуны «Опытъ» отконвоировать въ Каспійское Море за сорокъ миль отъ туркменскаго берега купеческое судно съ рыбнымъ товаромъ, принадлежащее юртовскому татарину Хаджи Реджебову, и потомъ возвратиться на ашурадесскій рейдъ, что̀ и было капитан-лейтенантомъ Рыдалевымъ исполнено. Упомянутое судно, на которомъ команды было восемь человѣкъ, продолжало, по уходѣ отъ него шкуны, слѣдовать въ Астрахань. 10-го мая лоцманъ этого судна, проходя въ виду Ферахабада,

замѣтилъ идущую отъ берега лодку подъ парусомъ; вскорѣ на ней были выкинуты весла, и она видимо старалась сблизиться съ судномъ. Замѣтя, что лодка эта разбойничья, лоцманъ немедленно взялъ обратный курсъ къ Амураде и въ то же время приказалъ для обороны, по неимѣнію у судорабочихъ никакого оружія, разобрать кирпичную печь. Въ скоромъ времени лодка съ 14–ю человѣками туркменъ догнала судно. Мужественный лоцманъ съ своею командою впродолженіе нѣсколькихъ часовъ отбивался одними кирпичами, и когда трое изъ туркменъ получили тяжелыя въ голову раны, то лодка, несмотря на всѣ возможныя усилія, употребленныя ими пристать къ судну и его ограбить, стала отъ него отставать и вскорѣ скрылась. Случай этотъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для каспійскихъ лоцмановъ, которые въ подобныхъ случаяхъ всегда сдаются, не оказавъ никакого сопротивленія.

— 20–го іюня, въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ происходилъ актъ восьмаго выпуска студентовъ, кончившихъ полный курсъ. По окончаніи божественной литургіи, профессоры и студенты собрались въ конференц–залу Института, гдѣ профессоръ Лебедевъ произнесъ рѣчь: «О впечатлѣніи древней и новой трагедіи». Затѣмъ ученый секретарь прочелъ извлеченіе изъ отчета о Главномъ Педагогическомъ Институтѣ за послѣднее двухлѣтіе, заключилъ оный провозглашеніемъ именъ студентовъ, кончившихъ курсъ и удостоенныхъ званія старшихъ въ числѣ 25 и младшихъ учителей въ числѣ 3-хъ. Отличнѣйшимъ изъ выпускаемыхъ студентовъ выданы четыре золотыя и десять серебряныхъ медалей.

— Изъ офиціальныхъ свѣдѣній, печатаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», видно, что въ Россіи, въ–теченіе 12 мѣсяцевъ, съ 1–го августа 1853 года по 1–е августа 1854 года, поражено молніей 343 мужчины и 194 женщины, всего 537. Эта цифра *почти вдвое* больше той, какая исчислена во Франціи; но если принять въ соображеніе, что народонаселеніе Россіи тоже *почти вдвое* больше народонаселенія Франціи, то окажется, что пропорція несчастныхъ случаевъ отъ молніи въ обѣихъ странахъ почти одна и та же. При этомъ нужно еще обратить вниманіе на то существенное обстоятельство, что во всей сѣверной полосѣ Россіи Европейской и Азіатской смертные случаи отъ молніи принадлежатъ къ весьма-рѣдкимъ явленіямъ, такъ–что ихъ можно считать какъ–бы вовсе неимѣющими мѣста въ народонаселеніи этой полосы; слѣдовательно для правильнаго вывода отношенія такихъ случаевъ у насъ къ числу жителей, должно брать въ разсчетъ не 65 мильйоновъ жителей, но, за вычетомъ всего того народонаселенія, которое пользуется относительно полною безопасностью отъ молніи и которое простирается до 6 мил., слѣдовательно вышеприведенное годичное число смертныхъ случаевъ отъ молніи — 537, должно относиться собственно не къ 65, а только къ 59 мил. Въ отношеніи пола пораженныхъ молніею жертвъ видна огромная разница: на 343 мужчины приходится 194 женщины, то–есть почти половиной меньше. Такое рѣзкое различіе между полами замѣчено и во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ были дѣ-

даны этого рода наблюденія; во Франціи на 55 убитыхъ молніей приходится 40 мужчинъ и только 15 женщинъ. Во Франціи объясняютъ эту разницу тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины больше всѣхъ носятъ шелковыя матеріи, составляющія самый дурной проводникъ электричества, и рѣже мужчинъ бываютъ во время грозы подъ открытымъ небомъ. Но объясненіе это, которое и для Франціи несовсѣмъ-удовлетворительно, для насъ положительно негодится: шелковая одежда составляетъ у насъ принадлежность самыхъ малочисленныхъ классовъ высшаго и отчасти средняго; во всемъ же остальномъ народонаселеніи, которое должно исключительно имѣть въ виду при обозрѣніи настоящаго предмета, мужчины и женщины у насъ употребляютъ для одежды одинакія ткани—шерстяныя, льняныя, рѣже бумажныя. Точно также въ этомъ преобладающемъ народонаселеніи женщина неразлучная спутница мужчины во всѣхъ полевыхъ работахъ; уборка хлѣба и сѣна съ полей, совпадающая съ самымъ обильнымъ громами періодомъ времени, производится у насъ повсемѣстно сколько мужчинами, столько и женщинами; стало-быть, ясно, что тутъ участвуютъ какія-то другія, неугаданныя причины, составляющія одну изъ тысячи тайнъ животной экономіи.

— Женщина 45-ти лѣтъ, бывшая пять лѣтъ замужемъ, подверглась, во время четвертой своей беременности, воспаленію лёгкихъ, увеличившемуся отъ чрезмѣрнаго употребленія водки. Когда позвали врача, болѣзнь длилась уже четыре дня и была такъ сильна, что представлялось мало надежды на выздоровленіе. Женщина эта умерла, или, по-крайней-мѣрѣ, сочтена была умершею, 31-го марта, въ четыре часа утра, на девятый день болѣзни, въ припадкѣ удушенія. За два дня уже больная говорила, что она не чувствуетъ болѣе движенія младенца. За четверть часа до смерти, она еще была въ полномъ присутствіи духа и ничто не заставляло предполагать преждевременныхъ родовъ. Врачъ, имѣвшій обязанность повѣрять смертные случаи, по прибытіи своемъ, засвидѣтельствовалъ смерть ея и приказалъ перенести трупъ на другой день, въ четыре часа пополудни, въ палату для мертвыхъ. До-тѣхъ-поръ женщину эту оставили на постели, въ-теченіе 36-ти часовъ. Сосѣди и знакомые приходили посѣтить ее и замѣтили, что отъ трупа не было никакого запаха. Во время погребенія, могильщики увидѣли, что у ней между бедрами находилась небольшая опухоль, которую они сочли за выпаденіе матки. На соотвѣтственномъ мѣстѣ кровати найдена была кровь; и могильщики были также поражены отсутствіемъ трупной одеревенѣлости. Однакожь, тѣло этой женщины положено было въ гробъ и перенесено въ палату для мертвыхъ. На другой день, 2-го апрѣля, незадолго до погребенія, тѣ же могильщики пришли освидѣтельствовать трупъ и, къ удивленію своему, нашли между его бедрами младенца женскаго пола, лишеннаго жизни. Когда позвали доктора Майера, онъ нашелъ, что трупъ еще не представлялъ тѣхъ знаковъ, какіе являются обыкновенно чрезъ 54 часа по смерти; только члены окрѣпли и [illegible]. Младенецъ, которому должно было предположить около [illegible]ли, былъ прикрѣпленъ къ послѣду, остававшемуся еще въ

маткѣ. Впослѣдствіи, при вскрытіи трупа, нашли, что брюшныя внутренности не представляли еще ни малѣйшаго признака начинавшагося рожденія. Докторъ Майеръ полагаетъ, что женщина эта не была еще мертвою 31-го марта, но находилась въ обморокѣ; еслибъ произвели тщательно аускультацію, то, конечно, ощутили бы движеніе сердца. Надобно полагать, что родовой пузырь прорвался подъ вліяніемъ приступа удушенія, предшествовавшаго мнимой смерти. Потрясеніе, которому подверглось тѣло при погребеніи, и перенесеніе тѣла въ погребальную залу, содѣйствовали изверженію младенца, и настоящая смерть произошла, повидимому, не прежде, какъ по окончаніи родоваго акта.

— Разрѣшено учредить пассажирное и буксирное пароходство по Днѣпру, ниже пороговъ, между городами Александровскомъ и Херсономъ, съ цѣлью перевозки по Днѣпру пассажировъ и грузовъ въ Херсонъ и къ портамъ черноморскимъ и азовскимъ.

— На Уралѣ открыто мѣсторожденіе металла, котораго у насъ, въ Россіи, не находили, именно *никкеля*. Никкель — металлъ довольно-рѣдкій и находится преимущественно въ Саксоніи и Богеміи, въ Рудныхъ Горахъ, и всегда въ сопровожденіи другаго металла — кобальта, составляющаго основаніе извѣстной голубой краски—*шмальты*.

— Въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду цвѣтетъ деревцо—лагестремія индійская (lagestrœmia indica), рѣдкое въ Россіи, да и въ Европѣ не вездѣ оно извѣстно. Деревцо это поступило въ Ботаническій Садъ изъ оранжереи зàмка Нельи, чтò въ окрестностяхъ Парижа. Наша лагестремія величиною въ небольшую сирень. Отъ земли начинается стволомъ, и вскорѣ дѣлится на множество перепутанныхъ сучьевъ, которые дробятся на вѣтви. Розовые цвѣты деревца весьма-красивы, но не имѣютъ запаха.

Въ томъ же саду распускаются исполинскіе и благовонные цвѣты (съ шести часовъ вечера) викторіи (victoria regia). Викторія, какъ извѣстно, цвѣла въ первый разъ въ прошломъ году и выростила сѣмена. Нынѣшнею весною они были посажены въ бассейнъ и взошло изъ нихъ только одно. Викторія прошлаго лѣта имѣла листы въ сажень въ діаметрѣ, листы же нынѣшней викторіи вполовину менѣе.

— Года за три предъ симъ, одинъ пятилѣтній мальчикъ, принадлежавшій къ прислугѣ бумгофскаго имѣнія (въ Курляндіи) пропалъ безъ вѣсти въ то время, когда мать его зачѣмъ-то отлучилась. На ребенкѣ, кромѣ рубашки, ничего не было. Многіе искали его впродолженіе нѣсколькихъ дней, но не могли найдти. Наконецъ онъ былъ найденъ въ нынѣшнемъ году. Мальчикъ былъ почти совсѣмъ-нагой, потому-что отъ рубашки сохранились только лохмотья; и хотя прежде началъ уже говорить, но теперь лишился этой способности и объяснялся только знаками; взглядъ его былъ почти дикій. Позвали мать и она узнала своего ребенка по шраму, который остался у него отъ обжога. Онъ могъ произнести только одно слово: memmin! Гдѣ находился мальчикъ и чѣмъ питался въ-теченіе трехъ лѣтъ и трехъ зимъ—объ этомъ можно будетъ узнать только тогда, когда онъ снова выучится говорить.

— Крестьянину Калужской Губерніи, Козельскаго Уѣзда, села Чернышева, нужно было вспахать нѣсколько земли въ озимомъ полѣ. Какъ слѣдуетъ, крестьянинъ пріѣхалъ и поднялъ нужное количество земли. Еще четверть часа — и поселянинъ уже былъ бы спокойный, невредимый, словомъ, каковъ выѣхалъ изъ дома, съ своими лошадьми. Но не тутъ-то было. Какъ на его бѣду, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ его пашни стояли вверху пчелы его односельца, около сорока колодъ. День былъ жаркій и тихій. Откуда ни возьмись, вдругъ, не терпя ли запахъ или потъ, какъ полагаютъ многіе, утомленныхъ лошадей, или, вообще, опасаясь за свою собственность, съ живостью вереницами пчелы бросились на невинныхъ лошадей. Крестьянинъ, спасая своихъ коней, едва самъ не потерялъ себя. Пчелы такъ жестоко искусали крестьянина, что онъ около недѣли былъ боленъ. Мальчикъ, бывшій съ крестьяниномъ, убѣжалъ, а изъ бывшихъ съ нимъ лошадей уцѣлѣла одна, успѣвшая убѣжать въ рѣчку и жеребенокъ, скрывшійся въ кустарникѣ; двѣ лошади пали на самой пашнѣ.

— Утромъ 12-го іюля жители города Херсона увидѣли одно не изъ рѣдкихъ, но весьма-страшныхъ явленій. Съ югозападной стороны ужасною тучей налетѣла саранча, покрывшая своею густою массою солнечный свѣтъ. Въ тѣхъ улицахъ, по которымъ этотъ маленькій, но сильный врагъ человѣческаго благосостоянія пролетѣлъ, было темно, какъ во время сильнѣйшей грозы. Занявъ нѣсколько улицъ и крыши домовъ для своего отдыха, саранча вскорѣ улетѣла на сѣверозападъ. Предъ вечеромъ она обратно пронеслась по направленію къ востоку, потомъ, повернувъ на югъ, перелетѣла Днѣпръ, въ Таврическую Губернію.

Саранча появлялась также въ огромномъ числѣ на всемъ почти пространствѣ задонской стороны Ростовскаго Уѣзда. Она истребляла хлѣба и травы въ поляхъ, принадлежащихъ многимъ селеніямъ. Саранча эта вывелась частью на тѣхъ же поляхъ, а частью прилетѣла изъ предѣловъ Войска Донскаго.

— Изъ оборотовъ главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1855 году, видно:

На *алексѣевскую*, въ городѣ Котельничѣ, Вятской Губерніи (съ 1-го по 23-е марта), товаровъ всякаго рода, а также лошадей и рогатаго скота, доставлено было на 468,820 р. (менѣе прошлогодняго на 166,240 р.), и продано на 244,120 р. (менѣе прошлогодняго на 72,865 р.). Въ томъ числѣ, отечественныхъ произведеній было въ привозѣ на 454,080, въ продажѣ на 238,720 р. Изъ нихъ, важнѣйшими статьями ярмарочныхъ оборотовъ были: бумажныя ткани и красная пряжа (привезено на 80,000, продано на 50,000 р.), шелковый и полушелковый товаръ (привез. на 60,000, продано на 23,000 р.), шерстяныя издѣлія (привез. на 44,000, продано на 19,000 р.), холстъ разный (привезено и продано на 40,000 р.), рыба разныхъ сортовъ (привез. на 34,000, продано на 12,000 р.), и лошади (приведено на 40,000, продано на 15,000 р.). Изъ иностранныхъ товаровъ, главнымъ по цѣнности, предметомъ была кубовая краска, которой привезено на 11,000, а продано на 4,000 р. Городская Дума, съ принадлежащихъ городу лавокъ, балагановъ и другихъ помѣщеній,

выручила 2,355 р. 19 к., а жители, отъ найма у нихъ квартиръ и лавокъ, получили до 1,400 р. сер.

Общая цѣнность привоза товаровъ и пригона лошадей и скота на *троицкую* ярмарку въ городѣ Лебедяни, Тамбовской Губерніи (съ 1-го по 16-е мая) простиралась до 702,790 р. (болѣе прошлогодняго почти на 10,000), а цѣнность сбыта до 459,305 р. (болѣе прошлогодняго на 35,655 р.). Въ томъ числѣ, отечественныхъ произведеній доставлено было на 615,000, и продано на 409,230 р. Изъ нихъ важнѣйшими статьями ярмарочной торговли были: лошади (привезено на 80,000, продано на 75,500 р.), бумажныя издѣлія (привезено на 49,000, продано на 25,750 р.), шелковыя и полушелковыя издѣлія (прив. на 30,000, прод. на 19,000 р.), желѣзо и чугунъ (привез. на 70,000, прод. на 44,000 р.), золотыя и серебряныя издѣлія (привез. на 93,000, продано на 55,000 р.), колокола (прив. на 35,000, прод. на 17,000 р.). Изъ иностранныхъ товаровъ значительнѣйшими по цѣнности были: шелковыя издѣлія (прив. на 18,000, прод. на 13,000 р.) и чай (привезено на 14,000, прод. на 7,800 р.). Съ принадлежащихъ городу мѣстъ собрано въ пользу городской казны 1,196 р. 36 к., а жителями, отъ найма у нихъ домовъ и лавокъ, выручено до 1,720 р. сер.

На *николошартомскую*, въ селѣ Пупкахъ, Владимірской Губерніи, Шуйскаго Уѣзда (конная (*) съ 6-го по 10-е, а краснорядская съ 7-го по 11-е мая). Товаровъ разнаго рода привезено было на 390,610 р. (болѣе прошлогодняго на 1,330 р.), и продано на 108,420 р. (менѣе прошлогодняго на 8,097 р.). Въ томъ числѣ отечественныхъ произведеній доставлено на 373,110 р., и продано на 100,220 р. Изъ нихъ важнѣйшимъ предметомъ торговаго оборота были, по обыкновенію, бумажныя издѣлія (прив. на 288,000, прод. на 85,490 р.), а затѣмъ шелковый и полушелковый товаръ (привез. на 48,000, прод. на 7,000 р.). Изъ иностранныхъ произведеній главною по цѣнности статьею была кубовая краска, которой привезено на 11,000 и продано на 5,800. р. Жители села Пупковъ и, сосѣдняго съ нимъ, Введенскаго (вѣдомства Государственныхъ Имуществъ), отъ найма у нихъ лавокъ и другихъ помѣщеній выручили до 2,640 р.

— Офиціальныя донесенія представляютъ въ нынѣшній разъ 119, наиболѣе-замѣчательныхъ пожаровъ, изъ которыхъ 37 были въ апрѣлѣ, 61 въ маѣ, 20 въ іюнѣ и 1 въ іюлѣ; въ этомъ числѣ, 3 пожара произошли отъ умышленныхъ поджоговъ и 14 отъ молніи. Городскихъ пожаровъ было 19. Въ пламени погибли 20 человѣкъ: 3 мужчинъ, 10 женщинъ, 5 мальчиковъ и 2 дѣвочки. Стоимость убытковъ, не считая 22 пожаровъ, оставшихся безъ оцѣнки, простирается до 761,892 р. сер. Изъ богослужебныхъ, общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ зданій сгорѣли: еврейскія синагога и молитвенная школа, въ Кіевской Губерніи; 4 татарскія мечети, въ Ка-

(*) О числѣ приведенныхъ и проданныхъ лошадей въ доставленной вѣдомости не упомянуто.

занской Губ. (да обгорѣли куполы и кровли на 3 православныхъ церквахъ въ губернскомъ городѣ Владимірѣ); Уѣздное Казначейство, Почтовая Контора и Духовное Правленіе въ г. Княгининѣ и всѣ присутственныя мѣста въ г. Горбатовѣ (Нижегородской Губ.); Канцелярія уѣзднаго предводителя дворянства и зданіе, гдѣ помѣщались арестанты въ г. Касимовѣ (Рязанской Губ.); квартира становаго пристава (въ Саратовской Губ.); два завода: винокуренный въ Волынской и маслобойный въ Казанской губерніяхъ, да на восковомъ заводѣ въ Московской Губерніи, паровой корпусъ и два сарая съ воскомъ до 700 пудовъ; 34 каменныя кузницы въ г. Касимовѣ (Рязанской Губ.); 5 мукомольныхъ мельницъ: 1 въ Черниговской и 4 въ Пермской Губерніяхъ; овчарня съ 465-ю овцами въ Гродненской; 4 постоялые двора и общественная еврейская баня въ Кіевской; корчма въ Могилевской; 3 питейные дома въ губерніяхъ: Оренбургской, Орловской и Пензенской; 34 торговые лавки въ г. Мглинѣ (Черниговской Губ.), магазинъ мужскаго платья въ Москвѣ; два рогожные балагана съ мукой и шесть деревянныхъ сараевъ съ сѣномъ и соломой въ С. Петербургѣ.

— Въ-продолженіе постоянныхъ жаровъ Саратовъ 16-го, 25-го и 28-го іюля подвергся пожарамъ, изъ которыхъ 25-го числа былъ самый сильный огонь, который, по причинѣ сухости и вѣтра, распространялся быстро. Прежде нежели успѣвали разламывать заборы и кровли и дѣйствовать щитами и водой, пламя уже налетало и охватывало цѣлыя зданія; въ это время сгорѣло нѣсколько кварталовъ, лучшихъ строеній частныхъ лицъ въ центрѣ города. При личномъ распоряженіи начальника губерніи, должностныя лица, пожарныя и жандармская команда, роты гарнизона и рабочій народъ дѣйствовали усердно; ихъ усиліями среди явной опасности, спасены: храмъ Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя и казенные домы Почтовой Конторы и Губернской Гимназіи. Отъ частыхъ несчастій, имѣя въ глазахъ дымящееся пепелище граждане день и ночь были въ страхѣ и тревогѣ; многіе вывезли всѣ свои пожитки куда только можно, а нѣкоторые совсѣмъ выбрались изъ своихъ жилищъ за городъ. 28-го и 29-го пронеслись тучи съ грозой и сильнымъ дождемъ; послѣ несносной духоты и горѣлаго запаха, атмосфера стала нѣсколько-свѣжѣе.

— Академія Художествъ понесла недавно двѣ тяжкія утраты.

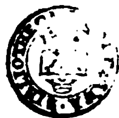
17-го іюля скончался профессоръ и ректоръ Императорской Академіи Художествъ Василій Кузмичъ Шебуевъ. Онъ происходилъ изъ дворянскаго семейства, родился въ Кронштадтѣ, 2-го апрѣля 1777 г., пяти лѣтъ отданъ былъ въ Академію и пробылъ въ ней пятнадцать лѣтъ. Учителемъ его былъ профессоръ Акимовъ. Получивъ въ 1791 г. вторую золотую медаль, В К. Шебуевъ былъ отправленъ на счетъ Императорскаго Кабинета въ Италію и пробылъ тамъ три года. Въ Италіи написалъ онъ, между-прочимъ, картину «Усѣкновеніе Главы Іоанна Предтечи», которая была послана въ Россію, но пропала въ дорогѣ, и «Гадающую Цыганку», а по возвращеніи въ Россію, огромную картину «Полтавская битва», находящуюся, по волѣ Государя Императора Николая Павловича, въ Полтавскомъ Кадетскомъ Корпу-

сѣ. Съ–тѣхъ–поръ дѣятельность его при Академіи не прерывалась и произвела много замѣчательныхъ трудовъ, которымъ суждено занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русскаго искусства.

Шебуевъ можетъ по всей справедливости назваться представителемъ русскаго искусства. Русскій по рожденію и воспитанію, онъ трудился въ Россіи и для Россіи, произвелъ много замѣчательнаго и, прослуживъ Академіи слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ профессоръ и ректоръ, образовалъ цѣлое поколѣніе живописцевъ, вошедшихъ въ составъ школы, справедливо называемой русскою. Произведенія его многочисленны, а потому мы укажемъ здѣсь только на болѣе–извѣстныя. Въ Казанскомъ Соборѣ есть его образа «Трехъ Святителей», образъ «Взятія Божіей Матери на Небо», писанный по эскизу Шебуева, его учениками; есть писанные имъ плафоны: въ Царскомъ Селѣ, въ церкви Академіи Художествъ и круглой ея залѣ; тамъ же многіе любуются его картиною «Иголкинъ, купецъ новгородскій» и «Тайною Вечерью», писанной для тифлисскаго собора, но оставленной, по повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, въ Академіи. Всѣмъ живущимъ въ Петербургѣ или бывавшимъ въ немъ, извѣстны эти превосходныя произведенія, составляющія только часть обширной дѣятельности покойнаго художника. Шебуевъ трудился неутомимо до самой смерти и незадолго до того окончилъ картину масляными красками «Святое Семейство», для Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. За исключеніемъ картинъ и множества превосходныхъ эскизовъ, Шебуевъ, оставилъ послѣ себя два неизданныя сочиненія съ рисунками, при содѣйствіи знаменитаго хирурга, Ильи Васильевича Буяльскаго, «Анатомію тѣла человѣческаго» и «Антропометрію». В. К. Шебуевъ умеръ семидесяти–восьми лѣтъ.

— Спустя нѣсколько времени, скончался профессоръ скульптуры *Витали*. Несмотря на итальянскую его фамилію, мы имѣемъ право считать его художникомъ русскимъ, потому–что онъ посвятилъ Россіи лучшую свою дѣятельность: какъ профессоръ Императорской Академіи Художествъ, онъ образовалъ нѣсколько русскихъ ваятелей, заслужившихъ уже почетную извѣстность; какъ художникъ, онъ украсилъ обѣ столицы наши многими отличными произведеніями.

— 14–го іюля, въ три часа пополуночи, скончался, послѣ кратковременной болѣзни, главный наставникъ–наблюдатель за преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ Военноучебныхъ Заведеніяхъ, коллежскій совѣтникъ *Иринархъ Ивановичъ Введенскій*, извѣстный, сверхъ–того, въ русской литературѣ превосходнымъ переводомъ нѣсколькихъ романовъ Диккенса и Тэккерея, и статьями по русской словесности. Подробныя свѣдѣнія о жизни и трудахъ покойнаго мы надѣемся сообщить въ непродолжительномъ времени.

VI.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТИПЫ.

(Листки изъ записокъ свѣтскаго человѣка).

Листокъ 1-й.

ѲЕДИНЬКА.

Я не люблю осени, не люблю этого скучнаго времени, когда небо подернуто какою-то грязно-сѣрою пеленою, когда цвѣты, убитые морозами-утренниками, какъ ихъ называетъ простонародье, смотрятъ болѣзненно-грустно, и желтые, бурые, иногда красные листья, уносимые вѣтромъ, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, подобно недовольнымъ, пресыщеннымъ жизнью туристамъ; когда мелкій, частый, холодный дождь мороситъ безостановочно съ утра до ночи землю и, растворяя по дорогамъ грязь въ одну густую, безконечную, глубоко-прорѣзанную колеинами массу, наводитъ ужасъ и унынiе на каждаго смертнаго, которому волею судебъ предназначается совершать какое-нибудь путешествiе.

Впрочемъ, бываютъ и исключенiя, и осенью иногда бываютъ дни съ яснымъ, безоблачнымъ небомъ, съ ярко-свѣтящимъ солнцемъ, которое, согрѣвая воздухъ, уже утратившiй свою прежнюю пахучесть, роскошно золотитъ запоздалые листья на полуобнаженныхъ вѣткахъ и своимъ теплымъ сiяньемъ какъ-будто спѣшитъ усладить послѣднiя минуты умирающей природы, улыбающейся прощальною, прекрасною улыбкой. Въ одинъ изъ такихъ дней я былъ званъ къ одному моему сосѣду и родственнику, праздновавшему какую-то торжественную *оказiю:* не то именины, не то рожденье, не то, что-то въ этомъ родѣ.

День, какъ я ужь сказалъ, былъ прекрасный осеннiй, одинъ изъ тѣхъ, которые незабвенный Пушкинъ сравнилъ съ чахоточной красавицей. Я велѣлъ заложить карету, одѣлся, сѣлъ и поѣхалъ. Опустивъ одно окно кареты и закутавшись въ ваточный плащъ, я думалъ заснуть — обыкновенное мое занятiе во время совершенiя про-

цеса перемѣщенія моего съ мѣста на другое, но мнѣ стало жарко; я отворилъ другое окно; однако мгновенно-пахнувшій сквозной вѣтеръ заставилъ меня удовольствоваться однимъ открытымъ окномъ, закутаться теплѣе, приведя на память пословицу, что паръ костей не ломитъ. Я ѣхалъ очень-скоро; дорога, къ удивленію моему, была прекрасная и я, отъ-нечего-дѣлать, принялся слѣдить за волнообразными прихотливыми изгибами этой дороги, сіявшей на солнцѣ, какъ атласная коричневая лента. Паутина тонкая и блестящая то разстилалась эѳирною, прозрачною сѣтью по желтѣющей травѣ и бурымъ жнивьямъ, то, уносимая прихотливымъ вѣтромъ, цѣплялась за лазины и прозрачными фестонами, какъ шелкомъ, обвивала ихъ вѣтки, то длинной полосой, точно змѣйками, вилась въ воздухѣ и какъ-будто догоняла мою карету. Насладившись всѣми этими прелестями, я принялся за другое наслажденіе: закурилъ папироску Бостонжогло, *новаго приготовленія*, въ полтора рубля серебромъ за сотню (удивительныя папиросы!) и погрузился въ размышленіе по поводу предстоявшихъ мнѣ встрѣчъ у дальняго сосѣда и столь же дальняго родственника. Но вотъ, какъ обыкновенно, сперва показалась крыша господскаго дома, потомъ ограда съ принадлежностями, а наконецъ и самый домъ, къ подъѣзду котораго легко и граціозно подкатила моя карета. Такъ же легко и граціозно, увѣряю васъ, выпрыгнулъ я изъ нея и, сопутствуемый моимъ камердинеромъ, взошелъ по весьма-просторному крыльцу, нелишенному, впрочемъ, двухъ потайныхъ, но видимыхъ дверей съ деревянными скобками, въ довольно-большую переднюю, гдѣ, къ крайнему моему удовольствію, замѣтилъ я огромную гору шинелей, пальто, бурнусовъ, манто, пардесю, словомъ — всего носимаго и сбрасываемаго на произволъ судьбы, и часто-грязныхъ лакеевъ, въ неменѣе-грязномъ ихъ мѣстопребываніи.

Всѣ эти, болѣе или менѣе-изящныя одѣянія, предохраняющія человѣчество отъ кашля, насморковъ, катарровъ и прочаго, тѣсно лѣпились одно на одномъ, на небольшой, узкой вѣшалкѣ. Нѣсколько пріѣзжихъ съ господами лакеевъ находилось въ пріятномъ бездѣйствіи и таковой же бесѣдѣ; тогда-какъ слуги хозяина съ озабоченнымъ видомъ перебирали тарелки, стаканы, ножи, вилки и проч., стуча всѣмъ этимъ безъ милосердія. При моемъ появленіи вся челядь шумно вскочила на ноги, привѣтствуя тѣмъ мою особу; я сбросилъ плащъ въ объятія моего камердинера и, поправивъ волосы, вошелъ въ залъ, соединенный съ гостиною огромною аркою, такъ-что изъ двухъ большихъ комнатъ составлялась, какъ-бы одна, чрезвычайно-обширная комната, устроенная, по словамъ хозяина, весьма-нѣжнаго отца, съ цѣлью — дать просторъ рѣзвости его пятерымъ, прелестнымъ, впрочемъ, малюткамъ. Длинный столъ, уже полунакрытый, тянулся во всю залу, захватывая собою и часть гостиной, которая, мимоходомъ сказать, была оклеена одинаковыми съ залой обоями и отличалась отъ него только мёбелью орѣховаго дерева, обитою зеленымъ драдедамомъ, тогда-какъ простые камышевые плетеные стулья скромно тѣснились вдоль стѣнъ залы. Всѣ уже съѣхались. По привычкѣ опаздывать, я пріѣхалъ изъ послѣднихъ, что, не знаю почему, было

всѣми замѣчено и чего я, разумѣется, не хотѣлъ. Поздоровавшись и дружески обнявшись съ хозяиномъ, весьма-умнымъ, дѣльнымъ и благороднымъ человѣкомъ, сдѣлавъ idem съ его братомъ, такимъ же, какъ и онъ, достойнымъ семьяниномъ, я поцаловалъ полную ручку жены хозяина, женщины очень-видной, отошелъ къ сторонкѣ, занялъ первый попавшійся мнѣ стулъ и, закуривъ папироску, предался обычной страсти моей — наблюденію. Всѣ эти господа, толпившіеся передо мною, большею частью были мнѣ совершенно незнакомы. Неясный говоръ отдѣльно спорящихъ групъ носился по комнатамъ вмѣстѣ съ густымъ слоемъ дыма отъ трубокъ, сигаръ, папиросъ и прочаго. Тутъ былъ господинъ очень-высокаго роста, въ длинномъ сюртукѣ, отличавшійся несказанно-высокимъ галстухомъ, рѣдкими сѣдыми волосами на вискахъ и весьма-серьёзнымъ, какъ и вся его осанка, лицомъ; этотъ господинъ молча и одиноко ходилъ по комнатѣ, садился, потомъ опять ходилъ и опять садился; ему было лѣтъ подъ семьдесятъ. Тутъ былъ еще черненькій, кругленькій, съ быстрыми глазками господинъ, лѣтъ подъ сорокъ, довольно-полный, обѣщающій быть еще полнѣе, одѣтый грязно, небрежно. Этотъ господинъ обратилъ на себя мое вниманіе тѣмъ, что, пріѣхавъ почти вслѣдъ за мною съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, похожимъ на батюшку какъ по лицу, такъ и по небрежности одежды, обратился къ хозяину съ словами: «извините, что я являюсь къ вамъ съ своимъ произведеніемъ...» при этомъ онъ указалъ на *произведеніе*, которое шаркнуло и сильно покраснѣло. Тутъ былъ еще господинъ пріятной наружности, съ большими усами, скромными манерами, съ постнымъ и цѣломудреннымъ лицомъ, одѣтый безукоризненно и замѣчательный, между-прочимъ, тѣмъ, что иногда являлся въ обществѣ въ парикѣ, иногда же, какъ, напримѣръ, теперь, съ обнаженною головою, хотя и несовсѣмъ еще лишенною темнорусыхъ волосъ. (Типъ, требующій современемъ отдѣльнаго листка). Тутъ было много помѣщиковъ съ супругами и безъ оныхъ, съ потомствомъ и безъ онаго; были и молодые франты средней руки въ усахъ и безъ усовъ, въ пестрыхъ, яркихъ жилетахъ и чистыхъ старомодныхъ фракахъ, съ широкими фалдами и узкими рукавами; иные же фраки отличались широчайшими рукавами, подбитыми огненно-красной подкладкой. Въ гостиной, на диванахъ, помѣщались дамы. Одна изъ нихъ, довольно-пожилая, въ тюлевомъ чепцѣ, обшитомъ и вышитомъ соломкой, что-то особенно-умильно поглядывала на меня. Подлѣ дамы сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати, пріятной наружности, съ темной, густой косой, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, прорѣзанномъ прошивками и ушитомъ узкимъ, впрочемъ, кружевомъ. Дѣвушка была, повидимому, дочерью дамы въ чепцѣ съ соломкой. Вглядѣвшись пристально, я вспомнилъ, что, года два тому, проѣздомъ, мнѣ случилось быть у нихъ въ домѣ — и взгляды матушки мнѣ стали понятны. Я подошелъ къ хозяину.

— Скажи, пожалуйста, кто эта дама, вонъ сидитъ на диванѣ?

— Которая?

— Ну вотъ, подлѣ твоей жены... Чепецъ на ней съ соломой...

— Это... Рощинская.

— Сестра Варвары Ивановны?

— Сестра родная.

— А какъ ее зовутъ?

— Анна Ивановна.

— Анна Ивановна, повторилъ я: — точно Анна Ивановна... Ну, а эта дѣвушка въ бѣломъ платьѣ?

— Ея дочь... отвѣчалъ мнѣ Николай Васильевичъ. (Хозяина звали Николаемъ Васильевичемъ).

— Дочь... да... прибавилъ я безсознательно и, повторяя въ умѣ своемъ «Анна Ивановна, Анна Ивановна», я пошелъ по направленію къ дивану. Анна Ивановна замѣтила мое движеніе и, не знаю почему, улыбка удовольствія осѣнила лицо ея.

— Сашенька, держись прямѣй! — шепнула она дочери и, не давъ мнѣ выговорить ни слова, вскрикнула, обращаясь ко мнѣ:

— Ахъ, Анатолій Петровичъ! васъ ли я вижу? Сколько лѣтъ не видались! На долго ли въ наши мѣста? Хозяйничаете?.. (и она засмѣялась). Да соскучитесь, привыкнувъ къ столицѣ... прибавила она. — А какъ же вы пополнѣли!.. Неправда ли, Сашенька, что пополнѣлъ Анатолій Петровичъ, продолжала она, обращаясь къ дочери: — дочь моя... имѣю честь представить...

— Я поклонился; барышня очень серьёзно присѣла.

— А давненько не видались, начала снова словоохотливая Анна Ивановна: — Сашенька тогда еще была ребенкомъ... по четырнадцатому годочку... да̀, такъ и есть... два года тому... Сашенькѣ теперь шестнадцать лѣтъ... Помнишь, Сашенька, какъ былъ у насъ Анатолій Петровичъ?... Надѣюсь и впередъ осчастливите... Безъ церемоніи... Покажу вамъ своихъ ребятишекъ... Сама занимаюсь, учу, нельзя: состояніе небольшое... не то, что̀ у васъ.

Анна Ивановна умильно посмотрѣла на меня и взоръ этотъ, полный чувства, скользнувъ съ моей особы на Сашеньку, потерялся въ пространствѣ. Богъ-знаетъ какія затаенныя думы волновали въ эти минуты умъ и сердце заботливой маменьки! Сложивъ въ умѣ привычную фразу, я только-что хотѣлъ облечь ее въ звуки, какъ Анна Ивановна воскликнула:

— Ка̀къ жаль, что я не привезла Антона Карпыча!.. то-то онъ обрадовался бы!..

— Кто это Антонъ Карпычъ? сорвалось у меня съ языка.

— Мужъ мой!.. Развѣ вы не помните?..

— Виноватъ... извините... я смѣшалъ... я думалъ... бормоталъ я сконфузясь и краснѣя.

— Прекрасный, кроткій человѣкъ... ангелъ сущій... да-съ... вотъ Сашенька вся въ него... такой же кроткій характеръ...

Дѣвушка вспыхнула, такъ-что круглое лицо ея уподобилось вишнѣ. Анна Ивановна нѣжно и ласково провела широкой ладонью по взбитымъ волосамъ дочери и продолжала:

— Вотъ Николинька мой—другое дѣло... бѣдовый мальчикъ!.. Лошади, собаки, знаете... весь въ дядюшку, въ Ѳедора Карпыча!.. Вы знакомы съ нимъ?..

— Не имѣю чести, отвѣчалъ я.

— Ѳедоръ Карпычъ... какъ же!.. помилуйте!.. братъ моего мужа... всѣ знаютъ... бѣдовый человѣкъ!.. сорви голова!.. А! да вотъ и онъ!.. вскрикнула она, обращая взоръ къ одному изъ оконъ гостиной:—Ѳедоръ Карпычъ!.. не слышитъ вѣдь... Ѳединька! Ѳединька... поди сюда!..

И она къ слову прибавила жесты, которыми подзывала мужчину, худенькаго, небольшаго роста, съ волосами на половину сѣдыми, съ лицомъ, испещреннымъ глубокими морщинами, съ густыми, волнообразными, длинными сѣдыми усами, скрывавшими непріятное выраженіе его весьма-рѣдкой улыбки. Ему казалось лѣтъ пятьдесятъ, хотя было не болѣе сорока двухъ, трехъ. На немъ былъ черный, довольно-поношеный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Голову онъ держалъ всегда на одинъ бокъ, отчего одинъ усъ его торчалъ кверху, а другой упирался въ манишку. Казалось, по странному капризу природы, голова этого человѣка поставлена не прямо на плеча, а какъ-бы криво приклеена. Была ли то привычка или, что другое—объяснить не умѣю. Ѳедоръ Карпычъ, или Ѳединька (какъ называла его Анна Ивановна), приблизился медленно и, погрузя руки въ карманы своихъ шараваръ, молча, наклоня голову, остановился передъ свояченицей.

— Вотъ Анатолій Петровичъ, такой-то... произнесла Анна Ивановна и указала на меня.

— Очень, стало-быть, пріятно... едва-внятно, густымъ охриплымъ голосомъ сказалъ Ѳедоръ Карпычъ, и вынувъ мощную длань изъ шараварнаго кармана, пожалъ мою руку. Въ это время хозяйка пригласила Анну Ивановну идти къ столу, а хозяинъ увлекъ за собою Ѳедора Карпыча, сказавъ:

— Ѳединька!.. пойдемъ, братецъ, водочки передъ обѣдомъ...

— Можно, стало-быть и, водочки... также глухо и дико отвѣчалъ Ѳединька и, склоня голову на одинъ бокъ, а руки опустя въ карманы, пошелъ за хозяиномъ.

Насъ раздѣлила толпа, спѣшившая занять мѣсто и я очутился на одномъ концѣ стола, а Ѳединька на другомъ, къ крайнему моему огорченію. Замолкъ шумъ стульевъ; дамы тѣснились къ дамамъ, мужчины къ мужчинамъ, какъ это искони ведется въ провинціи.

Подали супъ и я предался этому новому наслажденію; я очень люблю супы вообще, хорошіе—въ особенности. Впрочемъ, на большихъ провинціальныхъ обѣдахъ мнѣ всегда приходится сожалѣть о томъ, что подаютъ супъ на донышкѣ! Видно, ужь такая моя тяжкая доля! Здѣсь было исключеніе: обѣдъ былъ вкусный, безъ всякихъ лишнихъ вычуръ, которыми въ провинціи обыкновенно портятъ все дѣло. Между супомъ и холоднымъ я замѣтилъ, что, волею судьбы, а, можетъ-быть, и непостижимаго для меня разсчета заботливой маменьки, дѣвушка въ бѣломъ платьѣ была моимъ vis-à-vis. Это обстоя-

тельство вынудило меня сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ, на которые она отвѣчала, прилично краснѣя, два раза «нѣтъ—съ» и одинъ разъ «да—съ», изъ чего ясно слѣдуетъ, что я ей сдѣлалъ три вопроса; послѣ этого я положилъ себѣ удивительный кусокъ ростбифа и, взглянувъ по направленію къ маменькѣ, встрѣтилъ ея умильно—нѣжный взглядъ и чарующую улыбку. Этотъ взглядъ, выражавшій жажду сближенія между мною и ея дочерью, тронулъ меня до глубины души и я молча благодарилъ ее за такое предпочтеніе. Невольно тогда мнѣ пришелъ на память стихъ Лермонтова:

За все, за все тебя благодарю я...

но лучше всѣхъ стиховъ этой пьески шелъ къ дѣлу:

За жаръ души, растраченный въ пустынѣ...

и мнѣ стало жаль душевнаго жара Анны Ивановны, безплодно-растрачиваемаго на мою особу.

Между-тѣмъ, какъ соусы смѣняли другъ друга, отрывки разговоровъ долетали до моего слуха.

— И вы изволили—съ купить эту лошадку? Подобострастно спрашивалъ низенькій, скромно—одѣтый старичокъ, у высокаго, полнаго, рослаго своего сосѣда.

— Какже! какже!.. отвѣчалъ высокій господинъ, уплетая пуддингъ изъ грецкихъ орѣховъ съ сабайономъ: — какже, купилъ!.. При этомъ онъ гордо и небрежно взглянулъ на старичка—сосѣда.

— А позвольте спросить, какого завода? снова спросилъ старичокъ у своего сосѣда.

— Кровнаго... отъ Любезнаго, внукъ Колдуна...

— Сѣрый—съ?

— Вороной.

— Большая лошадь—съ?

— Вершковъ четырехъ.

— Чай, дорого дать изволили?

— Недешево... впрочемъ лошадь хорошая — тысячу цѣлковыхъ...

— Низенькій старичокъ щелкнулъ языкомъ и произнесъ значительно: — тысячу цѣлковыхъ!...

— Вретъ! право вретъ!... раздалось подъ лѣвымъ моимъ ухомъ.

Я взглянулъ на моего сосѣда, человѣка лѣтъ сорока, чернаго, съ курчавыми волосами и ничѣмъ, впрочемъ, особенно незамѣчательнаго, кромѣ сильнаго малороссійскаго выговора.

— Вретъ онъ!.. безсовѣстно вретъ!.. продолжалъ сосѣдъ: — купилъ на десятой ярмаркѣ, при мнѣ... я тутъ былъ... у барышника Ѳаддея Надувалина... онъ мнѣ пріятель... знаете, съ краснымъ носомъ... пьяница отъявленный... Шесть—сотъ рублей пошла лошадь... Лошадь съ норовомъ... куда тамъ тысячу!...

ѣкъ подалъ ему блюдо жаркого и онъ умолкъ, принимаясь кусокъ дичи. Отъ изумленія, я не отвѣчалъ ни слова моему чаже машинально отказался отъ жаркого, въ чемъ послѣ ько каялся. Между-тѣмъ, черезъ нѣсколько человѣкъ но уже продолжался разговоръ въ слѣдующей формѣ:

ты моего Порхая? спрашивалъ франтъ въ лиловомъ ми полосками, у сидѣвшаго подлѣ него франта, въ ѣ съ бѣлыми крапинками.

сный съ подпалинами? сказалъ франтъ съ кра-

о, въ полѣ видѣлъ ли ты его?

ецъ, продолжалъ франтъ съ полосками: — ... Что Петра Васильича Догоняй и Обожай!.. е годятся!..

-о?.. промычалъ франтъ съ крапинами.

— Ей-ей!... Да чего... самъ Василій Петровичъ намѣдни говоритъ (тутъ франтъ съ полосками перемѣнилъ голосъ и началъ густымъ басомъ, вѣроятно, копируя Василья Петровича, извѣстнаго охотника и заводчика, слывущаго за нѣчто весьма-замѣчательное между окружными помѣщиками): — вотъ это собака, такъ собака!.. у меня такой нѣтъ!..

— Врешь? воскликнулъ недовѣрчиво франтъ съ крапинами.

— Ну вотъ!.. спроси у кого хочешь!.. И оба франта, принявшись за бокалы, чокнулись и осушили ихъ залпомъ въ одинъ исполинскій невѣроятный глотокъ, должно-быть, за здоровье и долгоденствіе Порхая.

Сосѣдъ мой съ правой стороны, весьма-молодой человѣкъ, совершенно мнѣ незнакомый, вслушавшійся въ этотъ разговоръ, вдругъ обратился ко мнѣ и спросилъ довольно-рѣзко.

— А у васъ есть собаки?

— Есть, одна, отвѣчалъ я: — комнатная...

— Какой породы?

— Левретка.

— Да... ну, это дрянь!.. воскликнулъ онъ почти съ презрѣніемъ и отвернулся. Я посмотрѣлъ на сосѣда съ изумленіемъ, но не счелъ нужнымъ защищать права моей левретки на его уваженіе.

Между-тѣмъ дѣвицы, сидѣвшія рядкомъ, во все время держали другъ друга за руки, такъ-что правая рука каждой лежала на колѣняхъ правой, а лѣвая на колѣняхъ лѣвой сосѣдки; такая электрическая цѣпь мнѣ очень нравилась. Тутъ я замѣтилъ также, что всѣ дѣвицы кушали одни аксессуары, такъ, напримѣръ, въ супѣ онѣ ловили только цвѣтную капусту, изъ холоднаго брали одинъ картофель, потому, вѣроятно, что провинціальныя барышни считаютъ за стыдъ съѣсть кусокъ говядины, а вмѣсто жаренаго довольствовались со-

леньемъ, подаваемымъ всегда въ изобиліи, какъ произведеніе домашняго искусства.

Обѣдъ приближался къ концу; подавали пирожное, и когда очередь дошла до лысаго господина, сидѣвшаго vis-a-vis съ барышнями, то, по неловкости лакея, покачнувшаго блюдо, пирамида такъ-называемаго *безе* разсыпалась и одна штучка этого безе разбилась на самой макушкѣ испуганнаго гостя, отчего рѣдкіе волосы его покрылись сахарной пудрой. Онъ смутился; но барышнямъ это пустое и весьма-обыкновенное въ провинціи происшествіе показалось дотого забавнымъ, что онѣ, забывъ всякое приличіе, разразились громкимъ и продолжительнымъ хохотомъ. Мнѣ стало жаль господина съ лысиной и, сколь я ни слабъ къ прекрасному полу, досадно на смѣявшихся.

— А какъ зовутъ вашу собаку? также рѣзко и неожиданно спросилъ меня сосѣдъ съ правой стороны.

— Норма... отвѣчалъ я, невольно вздохнувъ.

— Какъ-съ?

— Норма, повторилъ я.

— Форма? переспросилъ сосѣдъ. Но я настаивалъ, что собаку мою зовутъ Нормой.

— Чортъ знаетъ, что̀ за кличка такая!.. произнесъ вполголоса, но довольно-слышно, странный сосѣдъ мой и отвернулся, вовсе не подозрѣвая, ка̀къ много доброжелательства и симпатіи къ своей особѣ заронилъ онъ въ мою душу.

Въ эту минуту хозяинъ переглянулся съ хозяйкой долгимъ, краснорѣчивымъ взглядомъ, слѣдствіемъ котораго былъ страшный взрывъ отодвинутыхъ стульевъ и мы встали изъ-за стола.

Вооружась чашкою кофе и не желая оставаться въ залѣ, гдѣ еще пахло мясомъ, что̀ весьма-непріятно, когда желудокъ уже полонъ, я перешелъ въ смежную комнату, выходившую на широкую террасу, обращенную на дворъ. Въ этой комнатѣ, за круглымъ столомъ, обѣдали дѣти хозяина и пріѣзжіе, подъ надзоромъ madame Faistout, гувернантки-француженки, и доѣдали медленно, съ сознаніемъ дѣла, обильно-розданное имъ пирожное. Я подсѣлъ къ мадамъ Фету̀ и между нами завязался тотъ пустой, но живой и бѣглый, приправленный остротами разговоръ, который однѣ француженки способны вѣчно поддерживать на родномъ языкѣ своемъ. Мадамъ Фету̀ не забыла между бездѣльемъ пожаловаться на свою судьбу, на хозяевъ, которые, балуя дѣтей, не понимаютъ ея методы воспитанія, и на многое другое. Разговоръ нашъ поминутно прерывался возгласами, обращавшимися къ дѣтямъ: Voulez vous finir monsieur Casimir, говорила она одному; mais soyez donc sage m-lle Héléne, говорила она другой и снова обращалась ко мнѣ съ разсказомъ объ одной своей пріятельницѣ m-lle Voadan.

— C'est donc un jeune veau, si c'est un veau à dents, сказалъ я: — car un bœuf n'est vieux que quand il les perd (quand il est père). И такимъ-образомъ смастеривъ вдругъ два каламбура, привелъ ее въ изумительный восторгъ.

Да простятъ мнѣ читатели, что я привелъ здѣсь мой натянутый вздоръ, и да удовольствуются убѣжденіемъ, что онъ восхитилъ француженку дотого, что она громко и во всеуслышаніе причислила меня къ отраднымъ явленіямъ въ ея провинціальной жизни.

Когда убрали со стола и подали лампы, пробило семь часовъ. Я взялся за шляпу, но Петръ Васильевичъ, братъ хозяина, основательно доказалъ мнѣ, что ѣхать нельзя, что темь теперь, хоть глазъ выколи, что луна взойдетъ поздно — и я остался. Въ гостиной составились партіи преферанса и ералаша, въ залѣ заигралъ прекрасный органъ и дѣти, обнявшись, закружились въ полькѣ, кто какъ умѣлъ: и въ кадансъ и безъ каданса, что̀ не мѣшало, впрочемъ, этимъ крошкамъ быть очень-милыми. Дѣвочки въ крахмаленныхъ шитыхъ платьицахъ, въ кружевахъ и лентахъ, летали точно бабочки; мальчики, въ нарядныхъ рубашкахъ, порхали за ними какъ пестрые и рѣзвые мотыльки; вообще картина этого импровизированнаго бала просилась прямо въ кипсекъ. Пожалѣвъ, что я не живописецъ, вошелъ я въ кабинетъ хозяина, примыкавшій справа къ той комнатѣ, гдѣ обѣдали дѣти, а я пилъ кофе и говорилъ каламбуры.

Кабинетъ этотъ былъ лучшею комнатою во всемъ домѣ. Три окна, соединенные въ одно, не образуя, впрочемъ, такъ-называемаго итальянскаго, освѣщали комнату; прекрасный, изящный дубовый столъ стоялъ посрединѣ; рѣзныя, съ высокими спинками кресла окружали его и приставленные къ одной стѣнѣ диванъ, а къ другой кушетка, тоже дубоваго дерева и также обитая зеленымъ сафьяномъ, какъ и вся остальная мебель. Отъ двери, выходившей въ переднюю, вдоль всей стѣны, тянулись ширмы, тоже дубоваго дерева и скрывавшіе за собою кровать хозяина. У дивана стоялъ ломберный столъ, за которымъ сражались четыре члена описываемаго общества. На диванѣ сидѣлъ самъ Николай Васильевичъ, по лѣвую его руку какой-то господинъ съ большими усами и темнымъ парикомъ, завитымъ а-ла-мужикъ; по правую — мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ огромными бѣлокуро-сѣдоватыми усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, съ орденомъ въ петлицѣ. Его бѣлокурые сѣдоватые волосы, весьма-рѣдкіе на лбу, но густые на вискахъ и затылкѣ, были зачесаны всѣ на одинъ бокъ и тщательно завиты въ одну длинную буклю, которая величественно покоилась на высокомъ, обложенномъ лбу своего владѣльца. Пріемы господина съ буклей были очень-пристойны, даже благородны, но отличались какою-то надменностью и сознаніемъ собственнаго своего величія. Еслибъ не сюртукъ исправника, господина съ буклей было-бы можно принять за весьма-важную и могущественную особу. Принадлежа къ хорошей фамиліи и бывъ дѣйствительно прекраснымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ, онъ не могъ преодолѣть слабости — пускать пыль въ глаза, что̀ не мѣшало ему, однакожъ, быть любезнымъ и многими любимымъ. Игрокъ въ душѣ, онъ игралъ во всѣ игры, по всякой цѣнѣ, несмотря на довольно-ограниченное состояніе. За картами онъ бывалъ иногда вспыльчивъ до дерзости и имѣлъ за-то въ жизни много ссоръ и непріятностей, которыя, впрочемъ, кончились ничѣмъ. Партнёромъ же Николая

Васильевича былъ мой несравненный Ѳединька! Читатель! полюбите, какъ и я, моего Ѳединьку! Посмотрите, ка̀къ онъ мило играетъ, склоня голову на-сторону, отчего одинъ усъ торчитъ его кверху, а другой утопаетъ въ складкахъ манишки!

Я подошелъ къ играющимъ и сѣлъ на диванъ подлѣ Николая Васильевича, слѣдя за игрою и выраженіемъ лицъ. Петръ Васильевичъ подсѣлъ съ тою же цѣлью къ господину въ темномъ парикѣ, завитымъ а-ла-мужикъ. У каждаго изъ играющихъ стоялъ стаканъ чаю, который, по принятому въ провинціи обычаю, стали подавать съ самаго обѣда и до поздняго вечера.

— Человѣкъ! *чайкю!* крикнулъ господинъ съ буклей и, протянувъ пустой стаканъ, подвернувшемуся лакею, отдалъ ему трубку, прибавя: — и трубку!

Ѳединька потянулъ изъ своего чубука и видя, что ничего не тянется, воспользовался присутствіемъ лакея, которому сунулъ чубукъ, промолвя глухо и дико:

— И мнѣ, стало-быть, трубку.

Между-тѣмъ, по знаку Николая Васильевича, невидимая Ѳединькою рука Петра Васильевича подбавляла рому въ стаканъ его, по-мѣрѣ-того, какъ онъ дѣлалъ глотки между сдачей и игрою. Мало оставалось чаю въ этомъ стаканѣ и много накоплялось рому, чего Ѳединька не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить.

Николай Васильевичъ велъ также всегда большую игру; на этотъ разъ онъ игралъ изъ угожденья, по маленькой, что̀ не мѣшало ему, однакожь, скрывать небрежность подъ самымъ натуральнымъ вниманіемъ. Господинъ въ парикѣ, предлагавшій играть по двѣ копейки и согласившійся по три, только по настоятельному требованію Ѳединьки, выигрывалъ; поэтому каждый разъ, когда собиралъ и складывалъ взятку, обращался къ нему съ вопросомъ:

— Что̀, напросился на три копейки? и, громко щелкая взяткой объ столъ, повторялъ: — что, напросился? и щелкнувъ снова, тянулся за слѣдующей, договаривая: — вотъ тебѣ и три копейки!

Когда же случилось Ѳединькѣ заручаться и отхаживать свою длинную масть, онъ при каждой взяткѣ говорилъ:

— Вотъ она, вотъ она... и обращаясь къ господину въ парикѣ, прибавлялъ: — что взялъ? задержалъ черви-то, стало-быть, а трефы-то... вотъ она! Что̀ взялъ?

— А левушко-то наше! говорилъ господинъ въ парикѣ, ударяя на слово «наше»: — напросился на три копейки!

Такія и тому подобныя выходки сопровождались громкимъ смѣхомъ Петра Васильевича, прибавлявшаго въ свою очередь:

— Что братъ, Ѳединька, плохо приходитъ?

— Ничего, стало-быть, гдѣ наше не пропадало? мычалъ Ѳединька и глоталъ изъ стакана, который безпрестанно и съ избыткомъ доколнялся свѣжимъ ромомъ.

— Какъ тузы? вопрошалъ весьма-важно господинъ съ буклей.

Тузы повѣрялись и онъ записывалъ партію; и если случалось, что она состояла изъ 13, то онъ проводилъ мѣломъ черту, подписывалъ подъ ней 12, а единицу ставилъ сверху—такъ не нравилось ему это роковое число, которое онъ называлъ чортовою дюжиной. Случилось, что, кончивъ роберъ и сочтя выигрышъ, онъ, по ошибкѣ, записалъ болѣе, нежели слѣдовало. Замѣтивъ это, Николай Васильевичъ прехладнокровно зачеркнулъ написанное. Господинъ съ буклей вспыхнулъ.

— Чтò это значитъ? спросилъ онъ гордо и значительно.

— Ты, братецъ мой, хабенъ зи цу филь гевезенъ зейнъ верденъ, отвѣчалъ ему Николай Васильевичъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Я не выдержалъ и расхохотался—такъ смѣшно показалось мнѣ это соединеніе разныхъ временъ одного глагола. Господинъ съ буклей тоже разсмѣялся и поправилъ ошибку. Даже Ѳединька кисло улыбнулся и прищурилъ, уже и безъ того маленькіе, глазки. Чай съ ромомъ, или, точнѣе, ромъ съ чаемъ, производилъ свое дѣйствіе: два розовыя пятна показались на блѣдныхъ и морщинистыхъ щекахъ Ѳединьки. Ненормальное состояніе его обнаруживалось въ ренонсахъ и частыхъ вопросахъ партнёру:

— Ты чтò несешь? И на отвѣтъ: черви, онъ повторялъ: — черви, стало-быть, хорошо, черви...

Но вотъ настала роковая минута: господинъ съ буклей, записавъ партію, сталъ сдавать красными, засдался и перемѣнилъ карты; при этомъ случайно въ синюю колоду захватилъ одну карту изъ красныхъ. Когда жь очередь дошла до захваченной карты, онъ отбросилъ ее въ сторону и продолжалъ сдачу. Глаза Ѳединьки налились кровью; голова еще болѣе склонилась на сторону.

— Чтò это такое? спросилъ онъ, указывая на выброшенную карту.

— Карта изъ той колоды! спокойно отвѣчалъ господинъ съ буклей.

— Пересдать! промычалъ повелительно Ѳединька и, не вскрывая, отстранилъ отъ себя свои 13 картъ.

— Какъ? вскричалъ, вспыхнувъ, исправникъ.

— Такъ, стало-быть, не по правиламъ... Это, стало-быть, пересдать...

— Я не пересдамъ! твердо и рѣшительно отвѣчалъ исправникъ.

— Да полно капризничать, Ѳедоръ Карпычъ! сказалъ господинъ въ парикѣ.

— Я не капризничаю, а, стало-быть, нельзя... говорилъ, горячась, Ѳединька: — не по правиламъ... гдѣ, стало-быть, это видано...

— Вездѣ-съ! возразилъ исправникъ, видимо-взбѣшенный и съ намѣреніемъ ударяя на каждомъ словѣ: — вездѣ-съ!... я игралъ-съ... въ Москвѣ-съ... съ людьми-съ... случилось!... да-съ, милостивый государь мой-съ!... Тутъ онъ очень возвысилъ голосъ.

— Милостивый государь! воскликнулъ въ свою очередь Ѳединька: — перездать, стало-быть!

— Я сдавать не стану, сказалъ исправникъ и сердито поправилъ буклю.

— Ну, стало-быть, я не играю, возразилъ Ѳединька и, лукаво подмигнувъ мнѣ на исправника, положилъ обѣ руки на столъ и уперся въ нихъ головой, наклоненною на бокъ, отчего одинъ усъ его торчалъ кверху, а другой упирался въ столъ. Дивно-хорошъ былъ въ эту минуту Ѳединька.

— Да полно, возьми карты! настаивалъ господинъ въ парикѣ.

— Не возьму, отстань, стало-быть... Перездайте!...

— Не стану! рѣшительно произнесъ исправникъ.

— Ну, такъ я, стало-быть, не играю... и быстро всталъ Ѳединька, опустилъ руки въ карманы и довольно-бодро направился къ двери.

Николай Васильевичъ махнулъ рукой. Карты остались на столѣ, сданныя, но не вскрытыя. Всѣ молчали; отъ-нѣчего-дѣлать, я спросилъ себѣ чаю. Между-тѣмъ, гости, болѣе храбрые, чѣмъ я, и небоявшіеся темноты, одинъ за другимъ уѣзжали. Въ залѣ становилось ужь не такъ шумно. Дѣтей стали упрашивать идти въ дѣтскую, представляя имъ въ резонъ, что девять часовъ, что всѣ умныя дѣти ужь спятъ, а только капризныя бодрствуютъ; но они не довольствовались этими доводами и, кто просьбой, кто слезами, отстаивали свою свободу. Наконецъ и ихъ увели. Прошло полчаса. Осиротѣвшіе игроки старались поддерживать разговоръ, однако онъ не клеился. Вдругъ, въ ту же дверь, тою же походкой, опустя руки въ карманъ и склоня голову на сторону, вошелъ Ѳединька, приблизился къ столу и, молча, сѣлъ на свое мѣсто. Я ожидалъ, что̀ будетъ. Послѣ минуты молчанія, исправникъ спросилъ Ѳединьку:

— Вамъ не угодно играть этими картами?

— Нѣтъ, стало-быть, отвѣчалъ Ѳединька.

Исправникъ сдѣлалъ бѣшеное движеніе и, судорожно схвативъ другую колоду, пока господинъ въ парикѣ съ трепетомъ собиралъ нетронутую сдачу, громко ударилъ ею по столу, что̀ приглашало Ѳединьку снять; получивъ желаемое, онъ быстро и сердито сдалъ, повернулся бокомъ къ Ѳединькѣ и продолжалъ игру. Ѳединька торжествовалъ.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

пришелъ мнѣ тутъ невольно стихъ Грибоѣдова. Вскорѣ, однакожь, роберъ былъ конченъ; оставался еще одинъ, послѣдній. Играющіе взяли по картѣ и усмотрѣли, что господину въ парикѣ приходилось играть съ Николаемъ Васильевичемъ, а Ѳединькѣ съ своимъ новымъ врагомъ.

— Садись за меня!... сказалъ исправникъ Петру Васильевичу и гордо вышелъ изъ комнаты.

Петръ Васильевичъ занялъ его мѣсто и игра продолжалась.

Между-тѣмъ исправникъ распорядился насчетъ своихъ лошадей; удостовѣрясь, что онѣ уже запряжены, онъ вернулся въ кабинетъ, гдѣ въ это время игроки кончили послѣдній роберъ и, считая, повѣряя и пересчитывая кто выигрышъ, кто проигрышъ, немилосердно чертили по столу. Получивъ выигрышъ, исправникъ взялъ свою фуражку, простился съ хозяиномъ, подалъ руку мнѣ, господину въ парикѣ и Петру Васильевичу; потомъ обратился къ Ѳединькѣ и сказалъ довольно-сердито:

— Честь имѣю кланяться, Ѳедоръ Карпычъ-съ...

— Прощай, стало-быть... отвѣчалъ, улыбаясь, Ѳединька.

— Прощайте-съ, повторилъ исправникъ.

— Да ты это, стало-быть, того... на вы... продолжалъ добродушно Ѳединька: — я тебѣ такое, стало-быть, задамъ вы!... Цалуй!... цалуй сейчасъ!... вскричалъ онъ неожиданно.

Исправникъ и Ѳединька поцаловались, или, точнѣе, огромные усы обоихъ, смѣшавшись, слились на минуту въ одно цѣлое.

— Что ты это, стало-быть, хорохоришься все... прибавилъ Ѳединька, провожая исправника, вмѣстѣ съ хозяиномъ, до двери передней.

— Нѣтъ-съ... это вы-съ все... возражалъ исправникъ, въ которомъ чувство досады не успѣло еще исчезнуть, несмотря на симпатическую доброту несравненнаго Ѳединьки.

— О, да ты, стало-быть, все еще *выкаешь*!... Цалуй опять!...

И они оба, смѣясь, заключили другъ друга въ объятія, опять слились усами и разстались. Исправникъ уѣхалъ; господинъ въ парикѣ послѣдовалъ его примѣру.

— А вѣдь и мнѣ, стало-быть, пора... сказалъ Ѳединька со вздохомъ и громко крикнувъ: — Эй! прибавилъ: — лошадей!...

— Погоди... куда спѣшишь?... посидимъ... поболтаемъ... сказалъ Николай Васильевичъ.

— Да что такъ-то сидѣть, стало-быть?...

— Ну, выпьемъ, сказалъ хозяинъ.

— Отчего жь?... выпьемъ, стало-быть...

— Шампанскаго! крикнулъ Николай Васильевичъ и помѣстился съ ногами на диванъ; я сѣлъ подлѣ него, Петръ Васильевичъ къ столу, оставшемуся на своемъ мѣстѣ, Ѳединька тоже. Между-тѣмъ гости всѣ разъѣхались; хозяйка, проводивъ послѣднюю даму, ушла на свою половину; огни въ залѣ и гостиной потухли, тишина воцарилась во всемъ домѣ; часы пробили одиннадцать.

Намъ подали шампанскаго и благородная влага заискрилась въ стаканахъ.

— А что́? заговорилъ первый Ѳединька: — моя-то Анночка... то-есть Анна Ивановна... удрала, стало-быть?...

— Стало-быть... отвѣчалъ съ улыбкой Николай Васильевичъ.

— Ну ее...

— За что̀ ты ее такъ не любишь? спросилъ Петръ Васильевичъ: — вѣдь она тебѣ не чужая — свояченица?...

— Я не люблю?... Нѣтъ!... я, стало-быть, не то, что не люблю... а такъ скажу, между нами, то-есть по расположенію, она демонъ... стало-быть, демонъ, демонъ она... это я, между нами... свои всѣ, стало-быть... Тутъ онъ указалъ на всѣхъ и на меня въ томъ числѣ.

— Да что̀ жь она тебѣ сдѣлала? спросили въ одинъ голосъ Николай и Петръ Васильевичи.

— Она-то?... ничего, видишь ты, и многое, стало-быть... Тонкая она, стало-быть, тонкая!... а жирна!... Продувная она... охъ, продувная!... а братъ, что̀? баба!... она за носъ его, стало-быть, водитъ... да̀, за носъ... за носъ...

Ѳединька прихлебнулъ изъ стакана и, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Въ полку я былъ... ну, стало-быть, мальчишка... было мнѣ, стало-быть, девятнадцать лѣтъ (тутъ онъ черкнулъ мѣломъ по столу и написалъ 19). Пишу ей такъ-и-такъ, стало-быть, пришли мнѣ, молъ, денегъ (при этомъ онъ сдѣлалъ видъ, будто пишетъ)... Написалъ, знаешь... Жду, стало-быть, отвѣта... долго жду... Нѣтъ ничего!... Я, то-есть, еще, стало-быть, пишу... Бацъ, отвѣтъ!... Читаю, стало-быть: нѣтъ, говоритъ, денегъ... неурожай, то, другое... подожди, говоритъ... Хорошо ждать-то!... пить, стало-быть, ѣсть надобно... Тутъ, знаешь, сердце... ну, молодъ, стало-быть, 21 годъ... фрррь — вспыхнуло!... влюбился, стало-быть... Женился... Ангелъ была она, то-есть, стало-быть, жена-то моя... Помнишь?... да нѣтъ, вы ея не знали...

Ѳединька махнулъ рукой и, бросивъ вокругъ печальный взглядъ, продолжалъ:

— Да̀, ангелъ была... вотъ, стало-быть, женился... глядь — ей 16 лѣтъ (онъ написалъ 16 и сдѣлалъ тире); мнѣ 21 годъ (онъ поставилъ 21 и, подчеркнувъ оба числа, воскликнулъ):—долгу, стало-быть, сто тысячъ!... (И взглянувъ на насъ значительно, онъ крупными цифрами выставилъ подъ чертою: 100,000).

Ѳединька задумался, снова глотнулъ шампанскаго и продолжалъ:

— Тутъ, стало-быть, вдругъ, здорово живешь, батюшка того... стало-быть, ударъ... скончался... Поразило меня, знаешь... Хожу, какъ шальной... А она, ангелъ, говоритъ: «Что̀, Ѳединька?... воля Божья...» Ну, и то, и сё говоритъ... Знаешь, легче, какъ она-то тутъ... Хорошо-съ... Не прошло, стало-быть, и году, вдругъ — горячка!... девять дней, и матушка — фю!... прощай!... Обмеръ, знаешь, теряюсь... Опять она, ангелъ-то, жена моя... «Что̀, говоритъ, Ѳединька? Я, говоритъ, стало-быть, замѣню тебѣ всѣхъ!...» И точно... всѣхъ замѣнила, всѣхъ!... Чудная была... ангелъ, просто, ангелъ!... Вотъ, знаешь, пріѣхали сюда... живемъ... ну, и того... дѣти... Глядимъ, пятеро. Откуда? пять, стало-быть... Пошли забо-

ты... учить нужно, присмотрѣть... Она, бывало, смотритъ, учитъ... Она—все... я—ничего... Бывало, вотъ какъ... деньги возьмешь, ну, и въ городъ... а тамъ, глядь—стало-быть, и проигралъ... Скверно!... вернешься скучный... а она тутъ....«Что ты, Ѳединька?» — «Такъ» говорю... — «Ну, стало-быть, такъ. — Да отчего?» — «Отчего?... извѣстное дѣло!...»—«Игралъ?» — «Стало-быть, игралъ». — «И проигралъ?»—«Да». — Иная бы весь домъ вверхъ дномъ... Фу! что бы такое!... А она говоритъ: ничего, стало-быть, денегъ достанемъ — и достанетъ... Это, тамъ то продастъ, другое — и деньги... Вѣришь ли, на гумно ли, напримѣръ — она... на погребъ ли — она... въ кухнѣ ли тамъ, домъ ли, ну, и все — вездѣ она... а я — ничего... Я, стало-быть, только съ собаками...

— Да когда жь мы-то съ тобой съ собаками? перебилъ его Николай Васильевичъ, желая перемѣнить разговоръ и отвлечь Ѳединьку отъ печальныхъ воспоминаній.

— Я съ удовольствіемъ... когда хочешь... Ну-съ, такъ вотъ... деньги есть, пошелъ, стало-быть, въ городъ... сѣлъ играть—и нѣтъ... тютю!... Она опять достанетъ... Двадцать лѣтъ такъ жили... душа-въ-душу, стало-быть... Вдругъ, холера... хвать-похвать — я въ городѣ... ей ромашки тамъ, того, сего... Я проигралъ... маршъ домой!... Вхожу, стало-быть, думаю: вотъ она... глядь — на столѣ!...

Ѳединька сильно ударилъ кулакомъ по столу и двѣ крупныя слезы, скатившись по морщинистымъ щекамъ, повисли на широкихъ усахъ его... Растроганный и увлеченный, я чуть-было не бросился къ нему на шею.

— Умерла!... проговорилъ онъ, дрожащимъ голосомъ: — умерла, стало-быть!... Боялся съ ума сойдти... Мѣста нѣтъ мнѣ нигдѣ... пусто, стало-быть... Тамъ — она, здѣсь — она, вездѣ она... а здѣсь-то, продолжалъ онъ, ударяя себя въ грудь: — въ сердцѣ-то, стало-быть, она... всегда она!... Вотъ гдѣ только нѣтъ ее! и быстро схвативъ стаканъ, онъ выпилъ залпомъ и воскликнулъ:

— Выпьешь — и забудешь, стало-быть... Запилъ, братцы!... Пью, стало-быть... горе убиваю... Онъ махнулъ отчаянно рукой, всталъ изъ-за стола, отворилъ дверь въ переднюю и крикнулъ: — Степка, лошадей!... и снова вернулся на свое мѣсто.

— Ночью, продолжалъ онъ: — страшно... Спать, стало-быть, не могу... Она, вижу... Встанешь — то, другое... размежеванье... спрашиваютъ — не понимаю... сердитъ все... желчь, стало-быть... Погибъ безъ нея... пропалъ!... Вотъ гдѣ счастье-то, стало-быть... вотъ гдѣ!...

— Ѳединька схватилъ бутылку, налилъ стаканъ и выпилъ все, не переводя духу.

— Это тебя и губитъ-то, промолвилъ Николай Васильевичъ.

— Опомнись, брось вино! прибавилъ Петръ Васильевичъ.

— Не могу! вскричалъ Ѳединька:—не могу! Околѣю, стало-быть... туда и дорога! Дѣтей только не оставь... будь опекуномъ... по рас-

положенію... Не отдавай ихъ этой, стало-быть, вѣдьмѣ-свояченицѣ... Не оставь дѣтей!...

— Да полно врать-то!...

— Чего врать?... Что жизнь безъ нея? — адъ, стало-быть, адъ... мука! повторялъ онъ, идя къ двери.

— Ты лучше скажи, когда мы на охоту-то поѣдемъ съ тобой?

— На охоту?... Я съ удовольствіемъ... когда угодно... Чтò, готово? спросилъ онъ, отворяя дверь въ переднюю.

— Готово-съ, отвѣчалъ лакей его, молоденькій, хорошенькій мальчикъ лѣтъ шестнадцати.

— Ну, прощай, стало-быть... сказалъ Ѳединька, цалуя хозяина и его брата: — всего не перескажешь... тяжело, стало-быть, тяжело...

— Когда же на охоту?

— Я съ удовольствіемъ, когда хочешь... и, обращаясь ко мнѣ, онъ прибавилъ:

— Вы меня извините... Я, стало-быть, человѣкъ потерянный... Чтò я безъ нея?...

Я молча и съ чувствомъ пожалъ ему руку. Онъ закурилъ трубку и, поцаловавъ еще разъ хозяина, вышелъ, пошатываясь, въ сѣни. Бубенчики его тройки прозвенѣли подъ окномъ — и затихли. Ѳединька уѣхалъ.

ИВАНОВСКІЙ-ЕЛЕЦКІЙ.

ПРОСТО СЛУЧАЙ.

Сцены изъ купеческаго быта.

Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Петровичъ Вихровъ, купецъ 50 лѣтъ.
Настасья Климовна, жена его.
Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.
Акулина Андреевна, купчиха, вдова.
Петръ Амосовичъ, обѣднѣвшій купецъ, проживающій въ домѣ Вихрова.
Щурковъ, неопредѣленная личность.
Кухарка, въ домѣ Вихрова.

Театръ представляетъ небольшую комнату.

ЯВЛЕНІЕ I.

Настасья Климовна *(сидитъ за столомъ и плачетъ)*. Дарья Спиридоновна *(входитъ)*.

Настасья Климовна. — А ужь я, кумушка, за тобой посылать хотѣла.

Дарья Спиридоновна. — Чтò это вы, сестрица? чтò съ вами?

Настасья Климовна. — Нужна ты мнѣ больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна. — Крестникъ вамъ кланяется, сѐстринька. Вѣдь ужь онъ у насъ, сестрица, на Покровъ сталъ дыбочекъ стоять... А я всѣ эти дни-то измучилась, сѐстринька: вѣдь у меня, внизу, жилецъ третій мѣсяцъ ни копеечки не платитъ. Ужь и къ барину-то къ его разовъ пять ходила, да на глаза-то не пущаютъ, потому, лакеи-то всѣ рука ему. Шутка-ли дѣло: пять четвертаковъ ни зà что, ни прò что посѣяла... такое-то горе!...

Настасья Климовна.—Что твое горе, кумушка!.. Моего ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна *(съ удивленіемъ)*.—Да чтò у васъ такое?

Настасья Климовна *(сквозь слезы)*. — Вѣдь Иванъ-то Петровичъ четвертый день домой глазъ не показываетъ.

Дарья Спиридоновна. — Что вы? да какъ же это?

Настасья Климовна. — Такъ. Уѣхалъ къ городовому (*), да вотъ...

Дарья Спиридоновна. — На своей лошади-то?

Настасья Климовна. — На своей. Да и лошади-то нѣтъ. Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается теперь *(плачетъ)*.

Дарья Спиридоновна. — Что жь вы такъ убиваетесь-то, сестрица? Его дѣло мужское: можетъ что̀ и нужное дѣлаетъ,

Настасья Климовна. — И вѣдь никогда съ нимъ этого не было. Вотъ двадцать лѣтъ живемъ — въ перво̀й такая оказія.

Дарья Спиридоновна. — Вы бы, сестрица, на картахъ разложили.

Настасья Климовна. — Раскладывала, да ничего не дѣйствуетъ. Ужь я послала къ Акулинѣ Андревнѣ: она мнѣ сказывала, что у кого-то такую книжку видѣла, въ которой всѣ несчастія описаны.

Дарья Спиридоновна. — Это, должно-быть, Сонникъ, сестрица... Оракулъ. А то вотъ, сѐстринька, книжка-то... ка̀къ бишь её... Брюсовъ Календарь! Въ ней, что̀ ни на есть на бѣломъ свѣтѣ людей, всѣ тамъ означены. Вотъ у Калужскихъ Воротъ живетъ старушка-гадалка, такъ у ней есть эта книжка.

Настасья Климовна. — Вѣришь ли Богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболѣла. Чего-чего ужь я не придумала: и убили-то его, и утонулъ-то онъ, и съ Ивана Великаго какъ не упалъ ли...

Дарья Спиридоновна. — Что это вы какія мнительныя!.. Молоденькій, что ли, онъ?.. Пойдетъ онъ на Ивана Великаго!.. Его и на парадное-то крыльцо ведутъ подъ-руки...

Настасья Климовна. — Да вѣдь все можетъ быть... Вотъ ноньче сонъ опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна. — А вы что̀ видѣли, сестрица?

Настасья Климовна. — Охъ!.. Вотъ вишь ты: будто бы я стою на горѣ...

Дарья Спиридоновна. — Да-съ.

Настасья Климовна. — На высокой, будто-бы, горѣ...

Дарья Спиридоновна. — Да-съ.

Настасья Климовна. — Только будто бы Иванъ-то Петровичъ, пьяный-распьяный, стоитъ да на меня пальцомъ грозитъ...

Дарья Спиридоновна. — Ишь страсти какія!

Настасья Климовна. — А лошадь-то, будто-бы...

Дарья Спиридоновна. — Вы бы, сестрица, къ Ивану Яковличу (**) съѣздили. Я къ нему за всякимъ дѣломъ хожу. Вотъ, бывало, мой покойникъ запьетъ — я и къ нему. Бывало, только и спросишь: Иванъ Яковличъ, что̀ будетъ рабу Симеону? Сейчасъ скажетъ, али такъ, на бумажкѣ напишетъ. Вѣдь онъ, говорятъ, сестрица, черную магію знаетъ.

Настасья Климовна. — Боюсь я одного, кумушка, какъ онъ да нехристіанской смертью померъ-то *(плачетъ)*.

(*) Городовыми называются иногородные купцы.

(**) Извѣстный всей Москвѣ «юродивый».

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Акулина Андреевна *(входитъ)*.

Настасья Климовна. — Матушка! Акулина Андревна! не знаешь ты моего горя... не пожалѣешь ты меня...

Акулина Андреевна. — Пожалѣла бъ я тебя, когда бы ты не такъ глупа была...

Настасья Климовна *(вскакивая со стула)*. — Да вы развѣ, голубка, слышали что̀?

Акулина Андреевна. — Это вотъ ты тутъ на боку-то лежишь, а я всѣ документы развѣдала.

Настасья Климовна *(бросаясь къ ней)*. — Матушка, успокой ты меня, скажи, что̀ съ нимъ сдѣлалось?.. Какой онъ смертью-то померъ?..

Акулина Андреевна. — Еще онъ насъ съ тобой переживетъ... Да кабы на мой ндравъ такія дѣла, да я бы... На что̀ это похоже? Пристало ли старику...

Настасья Климовна. — Да гдѣ же онъ?

Акулина Андреевна. — Да у меня волосъ дыбомъ сталъ, какъ мнѣ сказали... И ты дура будешь, если не сдѣлаешь по-мо̀ему. Сейчасъ надѣвай салопъ и поѣдемъ. Да я бы изъ его бороды весь пухъ повыщипала! Онъ, матушка ты моя, не тебѣ будь сказано, изволитъ въ Марьиной Рощѣ съ цыганками...

Настасья Климовна. Ахъ!...

Акулина Андреевна. — Все съ себя пропилъ. Лошадь-то ваша теперь въ Депѣ, вчера въ Депю взяли: пьяный Тимошка задавилъ кого-то.

Дарья Спиридоновна. — Что это вы, Акулина Андревна, во снѣ, или къ зубамъ? Да развѣ братецъ пьетъ?

Акулина Андреевна. — Нѣтъ, онъ только за галстухъ льетъ. Ужь молчи, коли тебя Богъ обидѣлъ... Потакай пьяницамъ-то! Твой такой же со̀колъ былъ. Вспомни-ко сколько разъ...

Дарья Спиридоновна. — Ужь вы всегда бѣдныхъ-то людей...

Акулина Андреевна. — Да ты роли-то не представляй! *(обращаясь къ Настасьѣ Климовнѣ)* Ну, что ты, матушка стоишь-то? Одѣвайся. Тащи его домой, да опозо̀ри его хорошенько, да въ бороду-то ему наплюй при всемъ честномъ народѣ, чтобъ онъ блажь-то въ голову не запускалъ.

Дарья Спиридоновна. — Что жь, сестрица, поѣзжайте! Можетъ, съ братцемъ въ-самомъ-дѣлѣ какое несчастіе: онъ васъ-то скорѣй послушаетъ.

Настасья Климовна. — А ну какъ онъ да безъ насъ сюда пріѣдетъ?

Акулина Андреевна. — Точи лясы-то! *(беретъ ее за руку и уводитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Вихровъ *(очень-навеселѣ)* и Щурковъ.

Вихровъ *(входя)*. —

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота.

Вотъ мы къ тебѣ вся компанія! Подчуй насъ чѣмъ Богъ послалъ.

Амосычъ. — Эхъ, Иванъ Петровичъ, на старооти ты лѣтъ...

Вихровъ. — Что ты мнѣ можешь препятствовать? Вонъ сейчасъ! Ты моей милостью на свѣтѣ живешь. Я тебя съ лица земнаго сотру! Ишь ты химикъ какой!.. Вонъ!

Дарья Спиридоновна. — Здравствуйте, братецъ.

Вихровъ. — А, сестрица любезная! А гдѣ жена?

Дарья Спиридоновна. — Ея нѣтъ, братецъ.

Вихровъ. — Зачѣмъ же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна. — Я навѣстить васъ пришла, братецъ.

Вихровъ. — Ладно. Ступай въ свое мѣсто. *(Обращаясь къ Щуркову)* Ну, ты, прощелыга! Представляй намъ кіятры.

Щурковъ. — Это можно-съ; только гитарки-то нѣтъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Настасья Климовна *(вбѣгаетъ)*. — Да что это ты, батюшка, вздумалъ на старости лѣтъ крамбольничать-то?

Вихровъ. — Молчать! Ходи въ страхѣ. Топну ногой — понимай, что значитъ.

Настасья Климовна *(къ Щуркову)*. — Ты что за человѣкъ? Вонъ изъ моего дому!

Вихровъ. — Гони его по шеѣ: это грабитель.

Щурковъ. — Въ гости звали, да и гнать-съ!

Вихровъ. — Ты дрянь! Я загулялъ, а ты дрянь! Вотъ мы какъ объ тебѣ понимаемъ *(опускаетъ голову на столъ)*.

Настасья Климовна. — Вонъ, вонъ!...

Щурковъ. — Конечно, сударыня, средства мои не позволяютъ мнѣ быть хорошо-одѣтымъ; но и въ несчастномъ положеніи я сохранилъ благородныя чувства. Конечно, благодѣтель мой въ такомъ видѣ, и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна. — Ступай, ступай!

Щурковъ. — Позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, попросить рюмку водки.

Настасья Климовна. — Да съ чего ты взялъ? Пришелъ въ чужой домъ незваный, непрошеный, да еще мудровать вздумалъ!

Щурковъ. — Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ вами проститься.

Настасья Климовна. — Прощай, батюшка.

Амосычъ. — Ступай, коли говорятъ, ступай...

(Щурковъ подходитъ къ Настасьѣ Климовнѣ и протягиваетъ ей руку).

Настасья Климовна. — Это ты что̀ еще выдумалъ?

Щурковъ. — Я уважаю васъ, какъ строгую женщину, а потому прошу позволенія поцаловать вашу руку.

Настасья Климовна. — Нѣтъ, батюшка, мы отродясь такими дѣлами не занимаемся.

Щурковъ. — Какъ вамъ угодно-съ. Впрочемъ, если вамъ не будетъ составлять безпокойства, позвольте мнѣ рюмку водки.

Настасья Климовна. — Вонъ!

(Щурковъ медленно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же безъ Щуркова.

Вихровъ *(подымая голову).* — А гдѣ мои гости? Давай намъ музыку. Алёнка, валяй въ-присядку.

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота̀...

Настасья Климовна. — Опомнись, Иванъ Петровичъ...

Вихровъ. — Прочь! Гдѣ моя подруга жизни?

Настасья Климовна. — Досталось твоей подругѣ-то жизни; тебя бы...

Вихровъ. — Меня? Не смѣй!.. Меня грабить!.. Я загулялъ, а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я въ Марьину Рощу попалъ, а за что̀ они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебромъ денегъ-то было... За что̀ они меня били?...

Всѣ. — Кто же тебя билъ-то?

Вихровъ. — Всѣ меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяинъ этого чувствовать не можетъ... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядомъ напоили, я помереть долженъ!.. Я пропащій человѣкъ! За что̀ они меня били?.. Цыганка... она меня у.. уду... удушить хотѣла!.. За что̀ они меня били? *(опускаетъ голову на столъ).*

Дарья Спиридоновна. — Должно-быть, сестрица, и впрямь его опутали.

Настасья Климовна. — За что же они его били-то?

Амосычъ. — Такая ужь компанія... пьющая!

Дарья Спиридоновна. — Да ничего, сестрица. Съ моимъ покойникомъ часто бывали такія оказіи-то. Пройдетъ!

И. ГОРБУНОВЪ.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ (*).

Посѣщеніе Парижа англійскою королевою. — Новыя постройки въ Парижѣ; Луврь и улица Риволи. — Описаніе промышленной выставки. — Романъ Эксворта и праздникъ въ Донжо, имъ возстановленный. — Восхожденіе на гору Мёнхъ (въ Бернскихъ Альпахъ), совершенное княгинею Кольцовою-Масальскою. — Погибель французской коллекціи ассирійскихъ древностей. — Продолженіе алжирскаго телеграфа до Остиндіи, Китая и Австраліи. — Переселеніе въ Сѣверо-американскіе Штаты.

Посѣщеніе Парижа англійскою королевою, событіе—дѣйствительно еще никогда небывалое, составляло и продолжаетъ составлять предметъ всеобщихъ толковъ въ Англіи и Франціи. Лондонскія и парижскія газеты начали задолго до визита, сдѣланнаго королевою Викторіею своему союзнику, наполняться разсужденіями объ этомъ намѣреніи; потомъ, когда намѣреніе было приведено въ исполненіе, онѣ истощили весь свой запасъ громкихъ фразъ, столь обильный, для выраженія удовольствія и удивленія по этому случаю. Диѳирамбы въ прозѣ были безконечны. Описанія праздниковъ, данныхъ въ Парижѣ англійской королевѣ. занимали по нѣскольку огромныхъ колоннъ въ каждомъ нумерѣ газетъ; каждый шагъ, каждый жестъ королевы Викторіи въ Парижѣ были двадцать разъ описываемы со всевозможными подробностями. Всѣ другія извѣстія были заглушены шумными криками о посѣщеніи англійскою королевою столицы Франціи. Мы не имѣемъ ни довольно мѣста, ни довольно охоты, чтобъ во всей утомительной подробности повторять эти однообразныя и по–большой–части прикрашенныя описанія. Ограничимся нѣсколькими словами.

(*) Составлены по журналамъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue Britannique, Revue Contemporaine, Edinburgh Review, Bibliothèque de Génève, Illustration, Illustrated London News, Illustrirte Zeitung, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Das Ausland, The Athenaeum, L'Athenaeum Français, Novellen–Zeitung, Institut, Indépendance Belge, Journal des Débats.

Англійскія газеты, а вслѣдъ за ними и французскія, чтобъ возвысить важность визита, сдѣланнаго королевою Викторіею, припоминали, что если три или четыре английскіе государя были въ Парижѣ, то всегда какъ враги и завоеватели Франціи, или какъ изгнанники, и враги самой Англіи. Но еще доселѣ никогда не бывало случая, чтобъ англійскіе вѣнценосцы добровольно являлись въ Парижъ представителями дружескихъ расположеній управляемой ими націи къ французамъ. Посѣщеніе королевы Викторіи первый, безпримѣрный случай такого рода.

Приготовленія, сдѣланныя въ Парижѣ для пріема англійской королевы, соотвѣтствовали необычайности такого событія. Нѣсколько мѣсяцевъ день и ночь тысячи работниковъ съ торопливостью трудились надъ окончаніемъ многочисленныхъ перестроекъ, производящихся въ Парижѣ: англійская королева должна была увидѣть столицу Франціи въ полномъ ея великолѣпіи. Конечно, всего отстроить не успѣли, а многое изъ отстроеннаго было сдѣлано кое-какъ, лишь бы только можно было снять лѣса и очистить улицы. Но многія зданія и улицы къ половинѣ августа получили дѣйствительно такой блестящій видъ, какого никогда еще не имѣли. Все время, которое англійская королева должна была пробыть въ Парижѣ (восемь дней), было занято праздниками, иллюминаціями, и проч. До ста тысячъ провинціаловъ и иностранцевъ стеклись въ Парижъ, чтобъ видѣть англійскую королеву и эти торжества. До двухсотъ тысячъ англичанъ (такъ по-крайней-мѣрѣ увѣряютъ газеты) послѣдовали въ Парижъ за своею королевою (городъ, впрочемъ, не сдѣлался отъ того многолюднѣе, потому-что сотни тысячъ его коренныхъ жителей уѣхали на это время, чтобъ избѣжать страшной дороговизны, пришедшей вмѣстѣ съ многочисленными гостями), и въ послѣдней половинѣ августа парижскія улицы представляли истинное подобіе вавилонскаго столпотворенія, въ которомъ, однакожь, среди хаоса звуковъ, принадлежащихъ всѣмъ языкамъ Европы, преобладалъ англійскій языкъ. Но миновалась недѣля праздниковъ и Парижъ снова принялъ свой, озабоченный тяжелыми мыслями о войнѣ, видъ. Припомнимъ нѣсколько подробностей объ этой знаменитой недѣлѣ.

Королева Викторія должна была ступить на французскую землю въ Булони, и приготовленія, сдѣланныя въ этомъ городѣ для ея встрѣчи, были великолѣпны и выполнены съ большимъ вкусомъ. Гавань и станція желѣзной дороги были украшены тріумфальными арками изъ цвѣтовъ; вдоль берега стояла флотилія, также украшенная цвѣтами и флагами. Большое число войскъ стояло подъ ружьемъ, чтобъ привѣтствовать королеву Викторію и было расположено въ два непрерывные ряда отъ гавани до станціи желѣзной дороги; въ два часа прибыла къ берегу яхта англійской королевы; она была привѣтствована пушечными выстрѣлами и еще болѣе громкими криками нѣсколькихъ десятковъ тысячъ зрителей. Наполеонъ, перешедъ мостки, къ которымъ пристала яхта, вошелъ на палубу и тамъ встрѣтилъ гостью, у которой поцаловалъ руку, а потомъ довелъ ее до великолѣпной кареты, для нея приготовленной. Королева Викторія съ прин-

цемъ Альбертомъ и дѣтьми сѣла въ этотъ экипажъ, а Наполеонъ поѣхалъ подлѣ его дверцы верхомъ на лошади. Завтракъ былъ приготовленъ въ самомъ вагонѣ на желѣзной дорогѣ, построенномъ нарочно для королевы, огромномъ и роскошно-убранномъ. Такимъ-образомъ путешествіе могло продолжаться безостановочно; тѣмъ неменѣе королева пріѣхала въ Парижъ неранѣе девяти часовъ вечера. Публика и сановники, приготовившіеся встрѣтить ее гораздо-ранѣе, были утомлены ожиданіемъ, потому энтузіазмъ толпы былъ не столь живъ, какъ можно было ожидать; тѣмъ не менѣе, встрѣча была довольно-восторженна, по-крайней-мѣрѣ на столько, сколько требовало самое приличіе. На слѣдующій день, поутру, англійская королева, въ сопровожденіи императора и императрицы французовъ, обозрѣвала выставку. Стеченіе публики было, само-собою разумѣется, неимовѣрное. Дворецъ Елисейскихъ Полей былъ, въ буквальномъ смыслѣ, наполненъ зрителями, такъ-что во многихъ мѣстахъ тѣсной толпы довольно-затруднительно было очищать путь для королевы, которую велъ подъ-руку Луи Наполеонъ. Въ отдѣленіи музыкальныхъ инструментовъ королева Викторія была встрѣчена импровизированнымъ концертомъ, что̀ ей, говорятъ, очень-понравилось. По возвращеніи въ Элизей, представлялся англійской королевѣ дипломатическій корпусъ, между членами котораго находится и негръ-посланникъ Сулука, съ острова Гаити. Потомъ королева Викторія обозрѣвала Парижъ и тогда-то всѣ жители его могли свободно удовлетворить своему желанію, видѣть англійскую королеву, что̀ въ день пріѣзда ея удалось только людямъ зажиточнымъ, потому-что окна и балконы по всему пути отъ станціи желѣзной дороги до дворца, гдѣ она остановилась, отдавались въ наймы по баснословнымъ цѣнамъ. Ежедневно послѣ того королева пріѣзжала въ Парижъ изъ загороднаго дворца Сен-Клу, который былъ назначенъ для нея, сообразно вкусамъ королевы, любящей сады и загородную жизнь. Нѣсколько разъ посѣщала она выставку; нѣсколько разъ проѣзжала по бульварамъ и главнымъ улицамъ Парижа, чтобъ видѣть всѣ его великолѣпныя зданія. Часы дня, остававшіеся отъ этихъ прогулокъ, были раздѣляемы между отдыхомъ, аудіенціями и парадами, для которыхъ собрано было въ Парижъ тридцать или сорокъ тысячъ войска. Каждый вечеръ королева присутствовала на спектаклѣ, большею-частью въ театрѣ дворца Сен-Клу, куда пріѣзжали играть передъ нею французскія и итальянскія труппы. Два или три вечера были заняты балами, изъ которыхъ особенно-великолѣпенъ былъ, данный городомъ Парижемъ въ Hotel de Ville, куда было приглашено болѣе 15,000 особъ, и блескъ котораго, по увѣренію газетъ, превосходилъ все, что̀ только можетъ представить воображеніе. Не говоримъ объ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ, блиставшихъ въ Парижѣ каждый вечеръ, который проводила въ немъ посѣтительница. День передъ отправленіемъ былъ посвященъ отдыху, потому-что всѣ эти торжества и церемоніи не могли не утомить королеву, какъ, вѣроятно, утомили наконецъ и самихъ парижанъ. Проводы были такъ же, или еще болѣе великолѣпны, какъ и встрѣча.

Всѣ предметы обыкновенной болтовни забыты парижскими фёльетонами для описаній этихъ встрѣчъ и праздниковъ. Почти на цѣлый мѣсяцъ прекратились извѣстія о ссорахъ Рашель съ Théatre Français, о новыхъ торжествахъ Ристори (которая, кажется, уже начинала наскучать парижской публикѣ, по-крайней-мѣрѣ послѣдніе фёльетоны говорили о ней не такъ восторженно, какъ кричали два мѣсяца назадъ), о новыхъ театральныхъ пьесахъ, о новыхъ выборахъ во Французскую Академію, объ азтекахъ и индійскихъ баснословныхъ богатыхъ раджахъ и проч. Потому мы прямо перейдемъ къ извѣстіямъ о томъ, какое впечатлѣніе производятъ улицы и зданія, перестройка которыхъ была окончена ко времени посѣщенія англійской королевы, и о парижской выставкѣ. Для этого мы воспользуемся письмами, помѣщенными въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, и имѣющими достоинство точности и умѣренности въ сужденіяхъ—качества, которыхъ недостаетъ почти всѣмъ до одного французскимъ отзывамъ о выставкѣ.

«Я ожидалъ, что, по случаю выставки найду Парижъ наполненнымъ иностранцами. Но бульвары, гдѣ особенно бываетъ замѣтно ихъ присутствіе, показались мнѣ пустыннѣе, нежели когда-нибудь. Многіе изъ коренныхъ парижанъ, отчасти опасаясь дороговизны при стеченіи ожидаемыхъ безчисленныхъ гостей, отчасти расположившись отдать имъ свои квартиры по дорогой цѣнѣ, удалились въ окрестныя деревни и даже въ провинціи, и пріѣзжіе посѣтители не были такъ многочислены, чтобъ замѣнить эту убыль населенія. Французы увлеклись необузданнѣйшимъ духомъ спекуляцій, разсчитывая на то, что въ Парижѣ во все время выставки будетъ до полумильйона провинціаловъ и иностранцевъ. Съ цѣлью поживиться на ихъ счетъ, было основано множество ресторановъ, гостинницъ, магазиновъ и проч. Спекулянты снимали огромныя квартиры, цѣлые домы, чтобъ потомъ передавать комнаты по страшнымъ цѣнамъ; мёбельные мастера и обойщики были завалены работою въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ выставкѣ. Но большая часть отважныхъ спекуляторовъ разорились и обанкрутились. Парижъ такъ огроменъ, что масса пріѣзжихъ совершенно исчезла въ этомъ лабиринтѣ улицъ и домовъ, и нужно только нѣсколько поосмотрѣться въ Парижѣ, чтобъ даже и теперь имѣть квартиру и столъ не дороже обыкновенной цѣны. Особенно жалобы на дороговизну стола совершенно-несправедливы: большая часть прежнихъ ресторановъ не повысили своей таксы; цѣны театральныхъ мѣстъ, и т. п. остались также прежнія. А если вспомнимъ, что французскія желѣзныя дороги почти вдвое понизили плату за проѣздъ въ Парижъ на время выставки, то нельзя не согласиться, что ея посѣщеніе вовсе не сопряжено съ особенными издержками.

«Когда я уѣхалъ изъ Парижа, мѣсяцевъ пять назадъ, луврскія пристройки были еще загромождены лѣсами, а часть улицы Saint-Honoré, гдѣ воздвигались на мѣстѣ старинныхъ грязныхъ домовъ великолѣпныя палаты, еще не была открыта для проѣзда. Теперь видъ этой части города совершенно измѣнился. Работы по соединенію

Лувра съ Тюльери совершенно окончены; чрезвычайно-длинная галерея, идущая по улицѣ Риволи отъ одного изъ этихъ дворцовъ къ другому и служащая связью между ними, состоитъ изъ нѣсколькихъ великолѣпныхъ павильйоновъ, построенныхъ въ различныхъ, но гармонирующихъ стиляхъ; архитектурный орденъ каждаго изъ нихъ приведенъ въ согласіе съ окружающими зданіями и съ общимъ эффектомъ всей галереи, которая потому составляетъ стройное и прекрасное цѣлое. Галерея изъ аркадъ въ улицѣ Риволи также совершенно кончена и доходитъ до знаменитой луврской колоннады. Роскошная и богато-вызолоченная чугунная рѣшетка замѣнила прежніе деревянные палисады вокругъ этого дворца, и мѣста, которыя недавно еще были погребены подъ грудами мусора, теперь покрыты прекрасными садами и цвѣтниками. Скоро будетъ совершенно очищена отъ лѣсовъ и находящаяся передъ церковью St. Germain l'Auxerrois площадь, примыкающая съ другой стороны къ луврской колоннадѣ, и тогда окрестности дворцовъ будутъ вполнѣ соотвѣтствовать прекраснымъ фасадамъ Лувра и Тюльери.

«Чтобъ дать понятіе о перестроенной части улицы Риволи, опишу одинъ кварталъ ея, именно тотъ, который находится между новыми пристройками къ Лувру и площадью Пале-Ройяля. Этотъ кварталъ образуется однимъ колоссальнымъ домомъ, занятымъ огромной гостинницей. Въ нижнемъ этажѣ (rez de chaussée) устроенъ магазинъ модныхъ товаровъ, огромнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ Парижѣ. Компанія, которой онъ принадлежитъ, израсходовала на одни объявленія о новомъ магазинѣ 150,000 франковъ и нанимаетъ огромныя его залы за 140,000 фр. въ годъ. Всѣ великолѣпнѣйшія шали, кружевныя издѣлія, шелковыя матеріи, которыя привлекаютъ общее вниманіе на выставкѣ, отмѣчены надписью «куплено луврскимъ магазиномъ» (такъ называется огромное депо, о которомъ я говорю). По этимъ замѣткамъ можно судить о блескѣ громаднаго магазина и о размѣрахъ гостинницы, занимающей всѣ четыре или пять остальные этажа въ домѣ, одинъ нижній этажъ котораго отдается въ годъ за 140,000 фр. Кстати, вотъ другой случай, относящійся къ парижскимъ громаднымъ магазинамъ. Въ улицѣ Монтескьё издавна существовала большая зала для танцовальныхъ вечеровъ. Съ одной стороны примыкаетъ къ ней магазинъ «Au coin des rues», на противоположной сторонѣ улицы находится магазинъ «Au pauvre diable», оба они ведутъ торговлю модными товарами и, естественно, находятся между собою въ жестокомъ соперничествѣ. Недавно кончился срокъ контракта, по которому зала была снимаема содержателемъ танцовальныхъ вечеровъ, и магазинъ Au coin des rues вздумалъ снять ее, чтобъ своею огромностью подавить соперника. Но хозяинъ залы потребовалъ 30,000 фр. въ годъ, и содержатель «Au coin des rues» поколебался въ своемъ намѣреніи. Едва узналъ объ этомъ магазинъ «Au pauvre diable», какъ тотчасъ же, не торгуясь, заплатилъ требуемую сумму. Но самъ магазинъ не могъ воспользоваться нанятою залою, которая отдѣляется отъ него улицею и отдалъ ее за половинную цѣну содержателю мясныхъ лавокъ Дювалю, который открылъ

тутъ ресторанъ. «Au pauvre diable» пожертвовалъ 15,000 франковъ въ годъ, лишь бы только отнять великолѣпную залу у соперника.

«Кромѣ множества уже оконченныхъ перестроекъ, Парижъ приводитъ къ концу или предпринимаетъ множество другихъ. Такъ, напримѣръ, значительно увеличится число бульваровъ отчасти распространеніемъ прежнихъ, отчасти проведеніемъ новыхъ. Вмѣстѣ съ перестройками близь Лувра, къ числу значительнѣйшихъ изъ производимыхъ въ центрѣ города принадлежитъ перестройка кварталовъ, прилегающихъ къ Palais de Justice, зданіе котораго также значительно увеличено.

«Не упоминая о проектахъ проложить желѣзныя дороги подъ землею черезъ центръ Парижа, скажу вамъ, что желѣзная дорога, опоясывающая его предмѣстья и соединяющая между собою станціи большихъ желѣзныхъ дорогъ, теперь открыта почти во всемъ своемъ протяженіи и устроена превосходно. Станціи отличаются изяществомъ; плата за проѣздъ очень-невысока. Сначала парижане мало пользовались этимъ новымъ средствомъ сообщенія; но компанія новой дороги нѣсколько времени возила задаромъ, и теперь населеніе, познакомившись съ удобствами вагоновъ, постоянно ихъ наполняетъ.

«Всѣ компаніи различныхъ парижскихъ омнибусовъ недавно соединились въ одно общество; и городъ, и публика, и самыя компаніи выиграли: городъ тѣмъ, что сталъ получать отъ омнибусовъ значительную пошлину; публика—тѣмъ, что цѣна за проѣздъ понизилась; компаніи—тѣмъ, что избавилась отъ убыточнаго взаимнаго соперничества.

«Въ послѣднее время правительство распорядилось также, чтобъ различныя компаніи освѣщенія газомъ парижскихъ улицъ слились въ одно общество, и уступило банкирамъ братьямъ Перейра право, на извѣстныхъ условіяхъ, быть директорами этого общества. Привилегія дана имъ на пятьдесятъ лѣтъ, и они обязались, несмотря на значительный акцизъ и 200,000 франковъ постоянной пошлины въ пользу города, доставлять газъ дешевле прежняго; возможность эта дается обширными размѣрами операцій. И въ-самомъ-дѣлѣ, цѣна газа въ Парижѣ такъ понизилась, что его употребляютъ нынче не только для освѣщенія, но также для нагрѣванія комнатъ и приготовленія пищи. Аппараты, устроенные для этой цѣли, возбуждаютъ общее удивленіе на выставкѣ.

«Какъ само-собою разумѣется, больше всего занято общее вниманіе выставкою. Упреки, которымъ она подвергалась въ началѣ, были справедливы. Но теперь большая часть причинъ къ недовольству устранены распоряженіями правительства, и зрѣлище этого стройнаго и полнаго собранія лучшихъ созданій образованнаго міра заслуживаетъ изумленія.

«О выставкѣ написано уже и пишется очень-много; но я, какъ одинъ изъ постояннѣйшихъ и внимательнѣйшихъ ея посѣтителей, долженъ признаться, что ничего особенно-хорошаго и основательнаго еще не написано о ней. Статьи французскихъ газетъ и журналовъ почти всѣ безъ исключенія поверхностны и очень-слабы. Пол-

ной и точной спеціальной оцѣнки и полнаго описанія должно ожидать только отъ присяжныхъ, присуждающихъ медали; ихъ доклады уже приготовляются къ печати.

«Я, съ своей стороны, не имѣю ни малѣйшаго притязанія судить о сотняхъ отраслей искусства и промышлености, большею-частью мнѣ совершенно-чуждыхъ. Едва-ли найдется человѣкъ, который имѣлъ бы достаточно различныхъ практическихъ знаній, чтобъ оцѣнить по достоинству хотя десятую часть разнородныхъ отдѣленій выставки. Потому я беру себѣ задачею только бросить общій взглядъ на распредѣленіе по различнымъ странамъ земнаго шара различныхъ отраслей промышлености, ка̀къ онѣ представляются на выставкѣ.

«Рядъ нѣмецкихъ государствъ на выставкѣ открывается Баваріею. Потому ли, что мюнхенская выставка предъидущаго года истощила силы баварскихъ фабрикантовъ, потому ли, что баварское правительство мало ободряло ихъ усилія достойнымъ образомъ явиться въ Парижъ, или по другимъ причинамъ, но баварская выставка заключаетъ въ себѣ мало блестящаго и вовсе не соотвѣтствуетъ развитію промышленныхъ силъ въ этой странѣ. Лучшую часть ея составляютъ стеклянныя издѣлія штейгервальдова завода въ Мюнхенѣ; затѣмъ зеркала, оптическіе и математическіе инструменты, красильные матеріалы, восковые анатомическіе препараты, рѣзныя вещи изъ дерева и слоновой кости. Упомянемъ также о фотографіяхъ Ганфштенгля, портреты котораго считаются едва-ли не лучшими въ своемъ родѣ на всей выставкѣ.

Въ виртембергскомъ отдѣленіи особеннаго вниманія заслуживаютъ ножевыя издѣлія, деревянныя и жестяныя игрушки, фортепьяно, отличающіяся умѣренностью цѣны, желѣзная и деревянная мёбель, рѣзныя вещи изъ дерева и слоновой кости, чучела животныхъ, хлопчатобумажные, шерстяные и пеньковые чулки, наконецъ шварцвальдскіе часы.

Саксонская выставка такъ же недостаточна, какъ баварская. Лучшія части ея—отдѣленія суконъ, хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, прекрасныя вышитыя вещи по шелковымъ и шерстянымъ матеріямъ, пеньковые и полотняные товары, чулки, перчатки и, наконецъ, типографскія произведенія. Относительно послѣднихъ, однакожъ, должно замѣтить, что многіе изъ значительнѣйшихъ лейпцигскихъ и дрезденскихъ типографщиковъ не приняли участія въ выставкѣ. То же надобно сказать и о знаменитой мейссенской фарфоровой мануфактурѣ.

Изъ произведеній брауншвейгской промышлености заслуживаютъ вниманія только полотна и типографскія произведенія.

Ганноверъ прислалъ въ Парижъ почти исключительно полотна и оружейныя издѣлія.

На ольденбургской выставкѣ замѣчательны вазы и другія издѣлія изъ оникса, агата и ясписа.

Въ баденской выставкѣ находимъ хлопчатобумажные и шелковые товары, хлопчатобумажный бархатъ, стеклянныя и глиняныя издѣлія, игрушки, часы и рѣзныя вещи изъ дерева и слоновой кости.

Курфиршество Гессен-Кассельское вообще прислало въ Парижъ мало произведеній. Но ювелирныя издѣлія изъ Ганау и математическіе инструменты Касселя очень-замѣчательны.

Гессен-дармштадтская выставка—одна изъ самыхъ полныхъ и прекрасныхъ между выставками второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Первое мѣсто въ ней занимаютъ гальванопластическія издѣлія оффенбахской фабрики Кресса, принадлежащія къ числу наилучшихъ произведеній подобнаго рода во дворцѣ Елисейскихъ Полей. Затѣмъ заслуживаютъ общей похвалы оффенбахскія и дармштадтскія кожаныя издѣлія (Leder-Arbeiten) и ювелирныя вещи.

Франкфуртъ также можетъ похвалиться своими кожаными издѣліями и прекрасными ювелирными вещами, а въ-особенности великолѣпными типографскими произведеніями.

Тюрингенскія герцогства прислали въ Парижъ очень-мало вещей. Главные предметы ихъ выставки — кожаныя и игрушечныя издѣлія, въ-особенности же ландкарты и другія изданія знаменитаго Пертесовскаго (von Perthes) Географическаго Института въ Готѣ.

Изъ ганзейскихъ городовъ, Любекъ и Бременъ не послали на выставку ничего замѣчательнаго; напротивъ, Гамбургъ выставилъ очень-много прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ назовемъ деревянныя и плетеныя мёбельныя издѣлія, шитыя матеріи, математическіе инструменты, хронометры и барометры, шляпные и парфюмерскіе товары.

Обозрѣвъ выставленныя произведенія мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, переходимъ къ выставкамъ большихъ нѣмецкихъ державъ, Пруссіи и Австріи. Прусская выставка занимаетъ во дворцѣ Елисейскихъ Полей одно изъ важнѣйшихъ и самыхъ блестящихъ мѣстъ, какъ по количеству и достоинству своихъ произведеній, такъ и по превосходному ихъ распредѣленію и изящной внѣшней отдѣлкѣ части дворца, отданной въ распоряженіе прусской промышлености. (Замѣтимъ, что въ послѣднемъ отношеніи похвалы автора писемъ совершенно оправдываются всѣми другими отзывами), потому остановимся на ней внимательнѣе. Въ центральную галерею дворца выходятъ три огромныя и богатыя ложи, съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ отдѣланныя бархатомъ и позолотою. Изъ нихъ одна заключаетъ въ себѣ лѣпныя глиняныя издѣлія фабрикъ Вильруа и Боха, вторая—зеркала аахенской мануфактуры и бронзовые канделябры Гекерта, наконецъ третья—великолѣпныя произведенія берлинской фарфоровой мануфактуры и хрустальные канделябры берлинской фабрики Шпинна. Кромѣ-того, изъ находящихся въ центральной галереѣ прусскихъ произведеній, замѣтимъ рѣзной алтарь дубоваго дерева, работы Пранга въ Мюнстерѣ, берлинскія литыя издѣлія изъ цинка, статую Фридриха-Вильгельма III (изъ Технологическаго Берлинскаго Института), наконецъ огромныя фарфоровыя вазы берлинской мануфактуры. Позади ложъ, между центральною галереею и стѣною зданія устроена большая четыреугольная зала, въ которой помѣщены ювелирныя вещи и металлическія и оружейныя издѣлія. Колонны этой залы украшены металлическими щитами съ королевскимъ вензелемъ, осѣнен-

нымъ множествомъ знаменъ. Оружейная прусская выставка превосходитъ всѣ подобныя, даже французскую и англійскую, полнотою и богатствомъ. Изъ числа оружія замѣчательна въ-особенности пушка, вылитая изъ стали Круппомъ. Богатствомъ отличается также выставка золотыхъ и серебряныхъ вещей, производствомъ которыхъ знамениты берлинскія фабрики. Серебряное блюдо съ рѣзными фигурами, выставленное Фольгольдомъ — значительнѣйшее изъ всѣхъ гальванопластическихъ вещей, находящихся во дворцѣ Елисейскихъ Полей. Замѣчательны также церковныя утвари и украшенія, дѣлаемыя въ Альтенѣ (въ Вестфаліи). Наконецъ чрезвычайно-хороши чугунныя берлинскія издѣлія. Остальныя отдѣленія прусской выставки въ нижнемъ этажѣ могутъ гордиться особенно стальными и желѣзными издѣліями (изъ нихъ замѣтимъ: ножи, ремесленные инструменты, иглы, металлическія пуговицы, вещи, литыя изъ цинка), деревянною и плетеною мёбелью, издѣліями изъ композиціи подъ-мраморъ, гаруснымъ и жемчужнымъ шитьемъ, желѣзными печами и кассами для денегъ. Длинными рядами тянутся издѣлія прусскихъ суконныхъ фабрикъ. Центральный пунктъ прусскаго отдѣленія въ верхней галереѣ составляетъ роскошная ложа, устроенная нишью въ стѣнѣ и огороженная богатою балюстрадою; возвышеніе изъ нѣсколькихъ ступеней ведетъ къ этой ложѣ, по обѣ стороны которой стоятъ колонны, увѣнчанныя прусскими орлами; въ самой ложѣ поставлены бюсты Шинкеля и Бейта, людей, которымъ одолжена прусская промышленность своимъ настоящимъ развитіемъ. Вокругъ нихъ расположены листы «Прусскаго Журнала рисунковъ для матерій» (Musterblätter), издаваемаго правительствомъ, архитектурные рисунки Шинкеля, рисунки издаваемаго насчетъ правительства «Описанія христіанскихъ зданій въ Константинополѣ», множество другихъ гравюръ и, наконецъ, знаменитый «Альбомъ рейнскихъ видовъ», поднесенный акварельными художниками Пруссіи принцу прусскому въ прошедшемъ году (достоинство этихъ акварелей таково, что каждая изъ нихъ цѣнится знатоками въ тысячу талеровъ). По обѣ стороны ложи сгруппированы произведенія двухъ главныхъ отраслей прусской промышлености, именно: силезскія, вестфальскія и рейнскія полотняныя издѣлія и шерстяныя матеріи, между которыми особенно-замѣчательны плюши. Далѣе помѣщенъ богатый выборъ рейнскихъ шелковыхъ и бархатныхъ товаровъ; за ними ковры, шляпы и готовое платье. На двухъ огромныхъ столахъ разложены типографскія произведенія, книги, политипажи, литографическія и особенно картографическія изданія. Быть-можетъ, замѣчательнѣйшую часть ихъ составляютъ прекрасныя хромолитографіи, архитектурные рисунки и ландкарты. Но и здѣсь, къ-сожалѣнію, замѣтны такіе же значительные пробѣлы, какъ въ саксонской выставкѣ: многія изъ важнѣйшихъ прусскихъ типографій не озаботились послать своихъ произведеній въ Парижъ. Богатству и полнотѣ отдѣленій прусской выставки, помѣщенныхъ въ главномъ зданіи, соотвѣтствуетъ своимъ богатствомъ ея отдѣленіе, помѣщенное въ пристройкѣ (annexe), гдѣ собраны произведенія рудокопныхъ и плавильныхъ заводовъ Рейнской Провинціи, Вестфаліи и Прусской Саксоніи. Особенно

привлекают здѣсь вниманіе желѣзо, цинкъ и каменный уголь. Тутъ же сосредоточены различныя машины, непереработанные продукты (Rohstoffe) и проч. Все это вмѣстѣ очень-выгоднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о разнообразныхъ богатствахъ прусской природы.

Австрійская выставка уступаетъ прусской въ полнотѣ и разнообразіи, но заключаетъ много очень-интересныхъ отдѣленій. Первое мѣсто, разумѣется, занимаютъ богемскія стеклянныя издѣлія, которыхъ прислано въ Парижъ очень-много и превосходнаго достоинства. Французскія могутъ соперничать съ ними относительно изящества формы, но въ мягкости красокъ и превосходной шлифовкѣ граней богемскія цвѣтныя и граненыя стеклянныя вещи сохраняютъ свое старинное первенство. Противное должно сказать о венеціанскихъ зеркалахъ, которыхъ фабрикація въ Венеціи очень-замѣтно упала. Фарфоровыя австрійскія фабрики хороши, особенно заслуживаютъ похвалы ихъ статуэтки и групы. Превосходны глиняныя издѣлія, особенно моравскія. Общее удивленіе возбуждаютъ произведенія императорской вѣнской типографіи своимъ разнообразіемъ и совершенствомъ. Особенно превосходны ея гальванопластическія и гальванографическія доски, хромолитографія и богатое собраніе шрифтовъ. Вообще вѣнская императорская типографія имѣетъ себѣ въ цѣломъ мірѣ двѣ или три соперницы. Къ лучшимъ отдѣламъ австрійской выставки принадлежатъ также музыкальные, особенно духовые инструменты. Очень-богата выставка ювелирныхъ вещей, между которыми особенно-интересны разнообразныя издѣлія изъ тирольскихъ и богемскихъ гранатовъ. Удивительныя токарныя произведенія занимаютъ цѣлую огромную залу и блестящимъ образомъ поддерживаютъ славу этой вѣтви промышлености въ Австріи. Въ отдѣлѣ мёбели есть много очень-хорошаго, но вообще на лондонской выставкѣ было болѣе блестящаго въ этомъ родѣ. На верхней галереѣ тянется цѣлый рядъ витринъ съ шелковыми матеріями, которыя могутъ возбуждать зависть даже въ ліонскихъ фабрикантахъ. Чрезвычайно-богата выставка шалей. Изъ готовыхъ платьевъ особенно-замѣчательны великолѣпіемъ и вкусомъ венгерскіе и валахскіе костюмы. Очень-богато австрійское отдѣленіе въ пристройкѣ (annexe), гдѣ помѣщаются машины и необработанные продукты. Здѣсь, кромѣ машинъ, роскошныхъ экипажей и земледѣльческихъ орудій, заслуживаютъ особеннаго вниманія продукты горныхъ заводовъ Австріи, Галиціи, Штиріи, Каринтіи, Истріи, Венгріи и Трансильваніи. Минеральныя богатства этихъ странъ изумительны.

За австрійской выставкою въ главномъ зданіи слѣдуетъ бельгійская, въ которой особенно-богаты отдѣленія двухъ главныхъ отраслей бельгійской промышлености: суконныхъ фабрикъ и оружейныхъ заводовъ, средоточіями которыхъ служатъ города Вервье и Люттихъ. Какъ сукна, такъ и оружейныя издѣлія удостоены особенныхъ трофеевъ въ центральной галереѣ. Столь же замѣчательны великолѣпныя (брабантскія) кружева, наборные мозаиковые паркеты, полотна и пеньковыя ткани, роскошные ковры, фаянсовыя издѣлія, мраморныя вещи, разрисованныя стекла и церковныя украшенія. Кромѣ-того, любопытна выставка машинъ и желѣзныхъ рудъ.

Голландская выставка необширна, но разнообразна. Замѣчательнѣйшіе отдѣлы ея: ковры, полотна, модели морскихъ судовъ, сукна и шелковыя матеріи, мёбель и фаянсовыя вещи.

Скандинавскія государства прислали въ Парижъ довольно-много любопытныхъ предметовъ. Изъ Швеціи доставлены превосходныя вещи изъ краснаго и зеленаго порфира, и чугунныя издѣлія. Между норвежскими произведеніями любопытны хронометры и рѣзныя вещи изъ дерева, сработанныя крестьянами. Та и другая страна прислала много образцовъ своей превосходной желѣзной руды. Кромѣ-того, выставка доказываетъ, что шведскія и норвежскія шелковыя, шерстяныя и полотняныя фабрики значительно развились въ послѣднее время.

Датская выставка разнообразна; но лучшія вещи въ ней принадлежатъ не собственно-датскимъ областямъ, а Герцогству Гольштинскому. Компанія гренландско-исландской торговли прислала коллекцію мѣховъ и другихъ произведеній полярной природы.

Швейцарская выставка превосходна. Къ числу замѣчательнѣйшихъ частей ея должно отнести великолѣпные шитые муслины и батисты, наполняющіе цѣлый рядъ витринъ; также тиснёныя хлопчатобумажныя и шерстяныя матеріи. Цюрихъ выставилъ шелковыя ткани, соперничествующія съ ліонскими. Женевскіе и нёвшательскіе часовщики прекрасно поддержали свою старинную славу. Ааргау и Фрейбургъ выставили соломенныя шляпы и проч., Бріэнцъ — рѣзныя вещи изъ дерева и слоновой кости; Женева, Цюрихъ и Сен-Галленъ — фортепьяно, соединяющія внутреннія достоинства съ необыкновенною дешевизною; Базель и Женева — оружейныя издѣлія.

Рядомъ съ швейцарскою выставкою помѣщаются испанская и португальская. Въ испанской довольно-замѣчательны кружева, перчатки, бронза и фаянсъ, но особенно минеральныя произведенія, которыми такъ богаты горы Испаніи: каменный уголь, желѣзо, свинецъ, мѣдь и серебро, сѣра и мраморъ. Интересны также коллекціи хлѣбовъ, фруктовъ и винъ.

Въ португальской выставкѣ есть прекрасныя фарфоровыя вещи и мраморныя издѣлія. Но и здѣсь богаче всего отдѣлы минераловъ и винъ.

Изъ итальянскихъ государствъ, кромѣ ломбардо-венеціанскихъ провинцій (которыя участвуютъ въ австрійской выставкѣ), во дворцѣ Елисейскихъ Полей видимъ только произведенія Сардиніи, Тосканы и Папской Области. Богаче двухъ остальныхъ сардинская выставка, гдѣ, кромѣ минеральныхъ и растительныхъ богатствъ, замѣчательны великолѣпныя шелковыя ткани, мёбель, мозаичныя произведенія и кожаные товары. Тоскана, кромѣ минераловъ и винъ, прислала богатое собраніе глиняныхъ издѣлій, превосходныя мозаичныя издѣлія изъ мрамора и алебастра, шелкъ и соломенныя шляпы. Римская Область выставила также мозаичныя издѣлія, которыя превосходятъ достоинствомъ всѣ подобныя вещи, производимыя другими государствами.

Греція, кромѣ фруктовъ, прислала въ Парижъ только національные костюмы и рядъ фотографій, изображающихъ древніе аѳинскіе памятники.

Но важнѣйшія, по громадности, выставки принадлежатъ Англіи и Франціи. Французскія произведенія занимаютъ половину, англійскія — четвертую часть всего пространства выставки, такъ-что всѣ остальныя государства занимаютъ втрое менѣе мѣста во дворцѣ и его пристройкахъ, нежели Англія и Франція. Трудно въ краткомъ обзорѣ указать всѣ отрасли промышлености, въ которыхъ Англія превосходитъ остальныя націи; но первое мѣсто занимаетъ, конечно, отдѣленіе мануфактурныхъ издѣлій. Сотни витринъ наполнены англійскими хлопчатобумажными, полотняными и шерстяными матеріями, въ которыхъ англійскіе фабриканты не имѣютъ соперниковъ. Французскія и нѣмецкія сукна, напротивъ, едва-ли уступаютъ англійскимъ. Англійскія шелковыя мануфактуры, судя по выставленнымъ образцамъ, значительно усовершенствовались въ послѣдніе годы. Ноттингемскія и остерскія кружева не уступаютъ французскимъ и бельгійскимъ. Англійскія фаянсовыя издѣлія, выставленныя въ огромномъ количествѣ, по отзыву французовъ, удивительны. Фарфоровыя и стеклянныя издѣлія очень-хороши; но здѣсь первенство остается за Франціею и Германіею. Выставка золотыхъ и серебряныхъ вещей несравнима и ослѣпительна по богатству и огромному количеству произведеній. Французы стараются отъискивать въ этихъ работахъ мелочные недостатки, но многія изъ нихъ могутъ выдержать по изяществу сравненіе съ лучшими французскими произведеніями. Огромная коллекція математическихъ инструментовъ составляетъ музей, единственный въ своемъ родѣ. Въ ней находится не только множество новыхъ и превосходныхъ инструментовъ, но также модели знаменитыхъ колоссальныхъ телескоповъ и цѣлыхъ обсерваторій. Столь же богато собраніе инструментовъ по другимъ отраслямъ науки, коллекція хронометровъ и магнитовъ. Всѣ отрасли произведеній и сооруженій относящихся къ мореплаванію и кораблестроенію, представляются въ чрезвычайной полнотѣ. Чрезвычайно-интересны разнообразнѣйшія модели кораблей, маяковъ, спасительныхъ лодокъ и проч. Несравненную въ своемъ родѣ коллекцію составляютъ также модели сооруженій, относящихся къ желѣзнымъ дорогамъ, мостамъ, каналамъ и проч. Выставка стальныхъ издѣлій изъ Шеффильда и Бирмингэма—огромна. Упомянемъ также о множествѣ ковровъ, хрустальныхъ вещей, канделябровъ, литографій, гравюръ, превосходныхъ переплетовъ, роскошной мёбели. Но самое блестящее и поразительное отдѣленіе англійской выставки—машины, собраніе которыхъ составляетъ цѣлый арсеналъ, образцы каменнаго угля, желѣза и другихъ минеральныхъ богатствъ Англіи, коллекція земледѣльческихъ орудій и проч.

Франція выставила множество произведеній по всѣмъ отраслямъ промышлености. Страсть быть первыми, не уступить никому ни въ чемъ, такъ овладѣла французскими фабрикантами и заводчиками, что, черезъ нѣсколько времени послѣ открытія выставки, было ими прислано множество подражаній произведеніямъ, выставленнымъ промышлениками другихъ странъ. По этой неразборчивой страсти хвастаться всѣмъ, во французскихъ отдѣленіяхъ встрѣчается очень-много предметовъ посредственнаго достоинства и даже произве-

деній, рѣшительно-неудачныхъ; превосходство остается за французами во всемъ, что относится до изящества формы, вкуса и художественнаго совершенства произведеній, и тѣ отдѣлы выставки, гдѣ эти стороны являются важнѣйшими условіями, самыя блестящія въ французской половинѣ. Ліонскія и парижскія шелковыя матеріи, кружева сѣверныхъ департаментовъ, седанскія, эльбёфскія, лильскія, руанскія, мюльгаузенскія шерстяныя и хлопчатобумажныя издѣлія и, наконецъ, такъ-называемые парижскіе товары (articles Paris): бронзы, лампы, ювелирныя, галантерейныя и туалетныя вещи, составляютъ самые блестящіе отдѣлы французской выставки. Неподражаемы по совершенству исполненія севрскія фарфоровыя вазы, гобленскіе и обюссонскіе ковры и обои. Хрустальныя издѣлія, особенно зеркала, не встрѣчаютъ себѣ соперничества на выставкѣ. Мраморныя вещи, приспособленныя къ домашнему быту (камины и пр.) также несравненны. То же самое должно сказать объ искусственныхъ цвѣтахъ. Огромна коллекція музыкальныхъ инструментовъ: фортепьяно и скрипки выставлены цѣлыми сотнями, и превосходны по достоинству тона. Мёбельные мастера французскіе безспорно первые въ мірѣ. Богато французское собраніе машинъ, особенно локомотивовъ и земледѣльческихъ орудій. Французскіе экипажи, несмотря на всѣ свои достоинства въ легкости и удобствѣ, уступаютъ бельгійскимъ и англійскимъ.

Особенный интересъ представляютъ выставки африканскихъ, азіатскихъ и американскихъ земель, особенно канадская и сѣверо-американская, и еще болѣе, алжирская и остиндская выставки, поражающія богатствомъ произведеній тропической природы.

— Читатели наши, вѣроятно, безъ скуки пробѣжали недавно-помѣщенный въ нашемъ журналѣ романъ Энсворта «Окорокъ единодушія», интересъ которому придается оригинальностью обычая, послужившаго для него тэмою. Странный этотъ обычай—давать въ награду счастливымъ супругамъ окорокъ ветчины—фактъ невымышленный, и забавныя подробности обряда не прикрашены романистомъ, а заимствованы изъ достовѣрныхъ описаній донмовскаго праздника. Веселый и несовсѣмъ-безполезный обычай этотъ пришелъ-было въ забвеніе: ровно сто лѣтъ не возобновлялся обрядъ награды (послѣдній случай былъ въ 1755 году) когда Энсвортъ вздумалъ воспользоваться этимъ установленіемъ, вмѣстѣ поэтическимъ и комическимъ, для того, чтобъ написать простой и интересный разсказъ. Романъ Энсворта произвелъ очень-сильное впечатлѣніе въ городѣ Донмо и его окрестностяхъ, и многіе изъ жителей Большаго-Донмо, находящагося въ двухъ миляхъ отъ Малаго-Донмо и знаменитаго пріорства, въ которомъ присуждалась почетная награда, составили комитетъ для возстановленія этого «славнаго стараго обычая» и извѣстили объ этомъ намѣреніи романиста, повѣсть котораго внушила имъ такое намѣреніе, прося его содѣйствія. Конечно, онъ не могъ отказаться отъ лестнаго приглашенія, и, подписавъ 5 гиней на издержки праздника, отвѣчалъ, что готовъ участвовать въ приготовленіяхъ къ нему. Тогда въ нѣсколько дней составилась значительная подписка; комитетъ для

завѣдыванія церемоніею образовался окончательно и столъ его былъ заваленъ сотнями просьбъ отъ счастливыхъ и согласныхъ супруговъ, считавшихъ себя вполнѣ-достойными награды. Тогда Энсвортъ, избранный президентомъ суда присяжныхъ, объявилъ, что, вмѣсто одного окорока, приготовитъ два, чтобъ наградить двѣ счастливыя четы. Права кандидатовъ были разсмотрѣны присяжными, которые объявили достойными награды, во-первыхъ, мистера Барло, плотника изъ мѣстечка Чиппинг-Онсэръ, и его жену, во-вторыхъ, Шевальё де-Шаплена и его супругу, изъ Лондона (де-Шапленъ—французъ, жена его англичанка и назначеніе имъ награды, вѣроятно, принадлежитъ къ числу союзническихъ любезностей). День торжества былъ назначенъ 19-го іюля. Была составлена программа великолѣпной процесіи въ костюмахъ среднихъ вѣковъ. Директоръ лондонскаго Дрюри-лэнскаго Театра, Смитъ, который самъ находился въ числѣ искателей окорока, снабдилъ членовъ процесіи костюмами рыцарей, пажей и проч. изъ богатаго театральнаго гардероба. Для торжества былъ построенъ особенный огромный амфитеатръ, близь Донмо, и 19-го іюля, несмотря на неблагопріятную погоду, поутру отправились изъ Лондона и другихъ большихъ городовъ тысячи зрителей, полюбоваться на веселую и дѣйствительно-любопытную церемонію. Чтобъ живѣе передать ея характеръ и впечатлѣніе, произведенное на зрителей донмовскимъ обрядомъ, заимствуемъ разсказъ о немъ у одного очевидца:

«Въ семь часовъ утра, когда я пошелъ на станцію желѣзной дороги, погода была пасмурна и собирались густыя тучи, но число отправляющихся было такъ велико, что съ каждою минутою прицѣпляли къ поѣздамъ новые вагоны. Дождь хлесталъ въ окна, когда мы пустились въ путь, но общество, сидѣвшее въ вагонахъ, было, противъ англійскаго обыкновенія, очень-весело. Люди, незнакомые между-собою, безъ церемоніи вели живой разговоръ, чего никогда я не видывалъ въ Англіи. Каждый чувствовалъ, что хоть на-время веселаго народнаго праздника можно забыть о скучномъ этикетѣ. Особенно это было замѣтно въ дамахъ, общество которыхъ было очень многочисленно. Моя сосѣдка безъ церемоніи позволила мнѣ закурить сигару—снисходительность рѣшительно-необыкновенная. Всѣ были одушевлены донмовскимъ праздникомъ, и, позавтракавъ на скорую руку въ донмовской гостинницѣ, отправились въ городскую Ратушу, уже наполненную дамами. Залы были великолѣпно убраны флагами и лентами, но лучшее ихъ украшеніе составляли два огромные окорока, поставленные на возвышеніяхъ по обѣ стороны президентскаго кресла и обвитые гирляндами цвѣтовъ. За большимъ столомъ сидѣли дѣвицы и молодые люди, согласившіеся быть «присяжными судьями окорока». Всѣ они были выбраны изъ коренныхъ жителей Донмо. Прекрасныя присяжныя были истинно-очаровательны, и шопотъ восхищенія долеталъ до нихъ, заставляя краснѣть этихъ милыхъ и скромныхъ красавицъ. Но президентъ, г. Энсвортъ, занялъ свое мѣсто — и все смолкло. Онъ въ прекрасной рѣчи разсказалъ исторію донмовскаго обычая, начало котораго относятъ къ XII вѣку, и пере-

числилъ всѣ извѣстные по исторіи случаи присужденія знаменитой награды, послѣдній изъ которыхъ былъ въ 1755 году, ровно сто лѣтъ до настоящей минуты, которая воскрешала обычай, надолго-забытый, но заслуживающій быть вѣчнымъ. Потомъ сказалъ другую рѣчь г. Белль, одинъ изъ лондонскихъ литераторовъ и книгопродавцевъ, доказывая, кàкъ полезны подобнаго рода народные праздники, невинные, но одушевленные. Явились счастливцы, которыхъ права на окорокъ были признаны судомъ — именно: первыми мистеръ и мистриссъ Барло. Джемсъ Барло, полный, румяный мужчина, лѣтъ сорока, отвѣчалъ на вопросы президента, что въ молодости былъ онъ простымъ работникомъ, потомъ составилъ себѣ капиталъ изъ нѣсколькихъ фунтовъ стерлинговъ, началъ самъ наниматься дѣлать мелкія поправки въ деревянныхъ домахъ (мистеръ Барло плотникъ), а теперь живетъ безбѣдно, чѣмъ обязанъ отчасти хозяйственнымъ способностямъ своей супруги. Относительно своей супружеской жизни, онъ сказалъ, что познакомился съ будущею мистриссъ Барло за четыре года до свадьбы, и постоянно переписывался съ нею въ нѣжномъ, но почтительномъ тонѣ; видѣлся съ нею рѣдко, потому-что она жила за сто миль отъ него. Со времени свадьбы онъ ни разу не ссорился съ женою и въ домашнихъ дѣлахъ всегда соглашался съ ея мнѣніемъ, наприм., когда она скажетъ: «Джемсъ, ты выпьешь еще третью чашечку чаю?» то онъ всегда отвѣчаетъ: «выпью, душенька» (громкій смѣхъ)— точно также никогда онъ не поперечилъ женѣ въ случаѣ покупки для нея платья: пусть выбираетъ сама что ей нравится (шумное одобреніе отъ всѣхъ присутствующихъ дамъ). Вотъ и нынѣ всталъ онъ нарочно заранѣе, чтобъ не задержать мистриссъ Барло, и дожидался окончанія ея сборовъ, безъ всякой досады, напротивъ, съ удовольствіемъ. Впрочемъ, мистриссъ Барло такая прекрасная хозяйка и милая жена, что развѣ извергъ могъ бы ссориться съ нею. Единственно, чтобъ всѣ знали о ея прекрасныхъ качествахъ ея характера, онъ проситъ окорока, а не изъ денежныхъ выгодъ, потому-что не будетъ продавать его, и вообще не изъ самолюбивыхъ видовъ, потому-что не кушаетъ самъ ветчины, развѣ иногда съѣстъ небольшой кусокъ въ угоду женѣ, которая до ветчины охотница. Шутливая рѣчь мистера Барло заслужила общее одобреніе. Тогда мистриссъ Барло объяснила въ свою очередь, что также старается всегда угождать мужу, даже перемѣнила прическу, и вмѣсто одной косы носитъ локоны, замѣтивъ, что это нравится мистеру Барло. Она всегда сама чиститъ ему сапоги, впрочемъ, не сердится, если онъ иногда уходитъ изъ дома безъ калошъ, лишь-бы грязь была не велика. Ни разу не случалось, чтобъ пролилъ онъ вино или супъ на скатерть — какъ же ссориться съ такимъ внимательнымъ мужемъ? У него мозоли, но даже и мозоли не заставляютъ его никогда браниться — какъ же не быть женѣ счастливой съ такимъ мужемъ? Свидѣтели подтвердили показанія счастливцевъ что впродолженіе пятнадцатилѣтняго супружества они никогда не ссорились, и награда присуждена имъ привсеобщемъ одобреніи зрителей.

«Съ подобными же обрядами была она присуждена де-Шаплену и

его женѣ. Засѣданіе суда кончилось, и процесія двинулась въ амфитеатръ, гдѣ награждаемые должны были произнесть клятву, предписываемую донмовскимъ обычаемъ. Улицы, окна и кровли прилежащихъ домовъ были наполнены народомъ. Ненастье къ этому времени миновалось и погода какъ–нельзя–болѣе благопріятствовала церемоніи, которая была величественна и вмѣстѣ забавна. Впереди шла полиція, потомъ гросс-маршалъ окорока, въ черной бархатной мантіи, съ золотыми каймами, за нимъ ѣхали рыцари въ золотыхъ латахъ, на коняхъ подъ богатыми чепраками, далѣе присяжные попарно въ колясках, убранныхъ цвѣтами, и осѣненныхъ флагами, наконецъ, г. Энсвортъ, авторъ романа, подавшаго поводъ къ возстановленію донмовскаго обычая, также въ коляскѣ; апплодисмены привѣтствовали его на каждомъ шагу; наконецъ, на высокихъ богато-украшенныхъ шестахъ были несены два окорока и за ними награжденные супруги, на носилкахъ, сдѣланныхъ въ видѣ креселъ; всѣ по дорогѣ снимали шляпы и встрѣчали громкими криками одобренія этихъ счастливцевъ. Процесію заключали оркестръ музыкантовъ и хоръ пѣвцовъ, въ костюмѣ среднихъ вѣковъ. Въ амфитеатрѣ, наполненномъ избранною публикою, награжденные произнесли требуемую клятву и церемонія кончилась общимъ пиромъ, продолжавшимся до вечера.

— Несмотря на выставку въ Парижѣ, привлекающую множество иностранцевъ, никогда еще число посѣтителей минеральныхъ водъ въ Баден-Баденѣ, Гомбургѣ, Спа, Эмсѣ и проч. не было такъ велико, какъ въ нынѣшнее лѣто. Нѣкоторые изъ названныхъ нами городовъ считаютъ своихъ гостей десятками тысячъ. Также необыкновенно-велико было нынѣшнимъ лѣтомъ число туристовъ, ѣздившихъ по Италіи, Швейцаріи, Рейну и проч. Особенно благопріятно былъ проходящій сезонъ для Альпійскихъ Горъ. Не говоря о многочисленныхъ восхожденіяхъ на Монбланъ, совершавшихся обыкновеннымъ порядкомъ и по обыкновенной дорогѣ, упомянемъ о новомъ пути, открытомъ въ нынѣшнее лѣто. До–сихъ–поръ на Монбланъ ходили только изъ знаменитой деревни Шамуни; мѣсяца два назадъ, нѣкоторымъ смѣльчакамъ удалось найдти новую дорогу къ вершинѣ высочайшей изъ европейскихъ горъ по южному склону изъ деревни Курмайеръ (Courmayer). Но особенно-интересно для насъ смѣлое и удачное восхожденіе на гору Мёнхъ (Mönch) совершенное русскою туристкою, которая такимъ-образомъ упрочила за собою славу проложить дорогу къ мѣстности, которой не мечтали достичь и отважнѣйшіе мужчины.

Суровая и утесистая гора Мёнхъ, поднимающаяся до 12,666 футовъ надъ уровнемъ моря, принадлежитъ къ числу высочайшихъ вершинъ Бернскихъ Альпъ. Доселѣ человѣческая нога не была еще на этой угрюмой скалѣ, представляющей множество почти непреодолимыхъ препятствій восхожденію. Но въ іюлѣ нынѣшняго года на эту неприступную вершину успѣла войдти дама, и, что̀ для насъ всего интереснѣе, русская дама — княгиня Кольцова–Масальская. Княгиня отправилась изъ Гринденвальда въ сопровожденіи нѣсколькихъ отважныхъ альпійскихъ охотниковъ, привыкшихъ безъ страха взбираться

на крутизны, опоясанныя пропастями. Но сами проводники признаются, что молодая путешественница подавала имъ примѣръ спокойствія и отважности; что, не будучи ободряемы ея рѣшимостью и хладнокровіемъ, они едва-ли могли бы найдти въ себѣ силу достичь вершины, которой доселѣ никто не отваживался посѣтить. Княгиня съ своими проводниками пустилась въ путь 10-го іюня, въ восемь часовъ утра; дорога вела сначала по льдянымъ спускамъ Меттенберга, гдѣ погибло нѣсколько отважныхъ, предпринимавшихъ этотъ путь прежде. Счастливо пройдя льдяной поясъ, княгиня продолжала восхожденіе до ручья, гдѣ всѣ отдохнули и напились чаю. Около шести часовъ вечера, путники достигли грота, находящагося у подошвы главной вершины, и провели въ немъ ночь. Этотъ гротъ извѣстенъ не болѣе, какъ пяти или шести отважнѣйшимъ охотникамъ. Ночью, при факелахъ, онъ представляетъ самую живописную картину: льдяной сводъ его, кажется, покрытъ тысячами огромныхъ брильянтовъ. Путники сидѣли всю ночь у костра, сокращая время альпійскими разсказами и преданіями. Въ три часа утра отправились они далѣе, по крутизнамъ горы Эйгера. Съ удивительною смѣлостью и твердостью переходила княгиня Кольцова-Масальская черезъ пропасти, потомъ черезъ снѣговыя поля и наконецъ, въ часъ пополудни, стояла на вершинѣ горы, которой до нея не касалась еще человѣческая нога. Вечеромъ въ тотъ же день, счастливо избѣгнувъ опасностей, какія представляло схожденіе съ горы, безстрашная путешественница была уже опять въ Гринденвальдѣ.

— На-дняхъ вышло описаніе путешествія, совершеннаго въ Мекку и Медину англичаниномъ Бортономъ (Burton), которому, первому изъ образованныхъ европейцевъ, удалось посѣтить эти мѣста, доселѣ бывшія неприступными для гяуровъ. Нѣтъ надобности говорить, ка̀къ много важнаго для науки заключается въ разсказахъ его о столь малоизвѣстной и интересной странѣ, какъ центральная Аравія; но, удерживаясь отъ длинныхъ выписокъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ удалось Бортону проникнуть въ эту таинственную землю, и заимствуемъ у него краткое описаніе мухаммедова гроба, о которомъ доселѣ ходило столько фантастическихъ разсказовъ, совершенно-опровергаемыхъ простыми фактами, которые сообщаетъ европейскій путешественникъ.

Бортонъ былъ посланъ Лондонскимъ Географическимъ Обществомъ, съ порученіемъ проѣхать черезъ весь материкъ Аравіи или отъ Эль-Медины до Муската, или отъ Мекки до Малаккаха; географическія разъисканія были главною его цѣлью; второстепеннымъ предметомъ путешествія было: узнать, нельзя ли завести торговлю лошадьми между центральною Аравіею и Остиндіею. Опасный и новый путь лежалъ передъ нимъ, потому-что земли центральной Аравіи не были еще посѣщены почти никѣмъ изъ европейцевъ, да и немногіе, успѣвшіе видѣть ихъ, не оставили намъ описаній этой страны. Бортонъ уже прежде имѣлъ случай, путешествуя по средней Азіи, привыкнуть выдавать себя за персіянина тамъ, гдѣ было опасно являться европейцу. Потому и въ новое свое путешествіе отправился онъ изъ

Англіи въ персидской одеждѣ. Въ Александріи и въ Каирѣ онъ считался персидскимъ дервишемъ, и со всею строгостью держалъ рамазанъ, потомъ, съ десяткомъ дромедаровъ, отправился въ Суэзъ, въ качествѣ мусульманскаго пильгрима, намѣревающагося посѣтить Мекку. Въ Суэзѣ онъ объяснилъ своимъ спутникамъ, что онъ афганъ, и потому правовѣрный суннитъ, а не персіянинъ, не злокачественный еретикъ-шіитъ. Послѣ этого могъ онъ продолжать поѣздку, не возбуждая вражды, и безопасно достигъ Медины. Извлекаемъ изъ его книги описаніе гробницы Мухаммеда, бывшей недоступною для христіанъ.

«Гуджра, то-есть «комната» (имя, данное мусульманскому святилищу потому, что оно служило жилищемъ Аише, жены Мухаммеда) неправильный четыреугольникъ отъ 50 до 55 футовъ въ длину и ширину, находится въ юговосточномъ концѣ зданія и со всѣхъ сторонъ отдѣляется отъ мечети, къ которой принадлежитъ, проходомъ шириною въ 20—26 футовъ. Внутри святилища находятся—или по-крайней-мѣрѣ мусульмане увѣрены, что находятся—три гроба, стоящіе на южной сторонѣ гуджры, и закладенные сплошною каменною одеждою безъ всякихъ отверстій. Этотъ каменный футляръ закрытъ занавѣсью, или пологомъ, который формою напоминаетъ пологъ огромной постели. Предполагаемый гробъ Мухаммеда — крайній съ южнаго края изъ трехъ гробовъ, находящихся, а, можетъ быть, и вовсе ненаходящихся подъ этимъ балдахиномъ. Подлѣ него стоитъ гробъ Абубекра, а съ другаго края гробъ Омара. Гуджра увѣнчана зеленымъ куполомъ, надъ которымъ возвышается золотая луна. Суевѣрные мусульмане говорятъ, что лучи чудеснаго свѣта, исходящіе отъ этой луны, озаряютъ путника за три дня пути отъ города и направляютъ его стопы къ святилищу. Но—увы! только любимцамъ своимъ Мухаммедъ посылаетъ этотъ свѣтъ, и неудивительно, что ни я, ни кто другой не видѣлъ его: очевидно, мы не были того достойны.»

Итакъ гробница Мухаммеда болѣе ничего, какъ простой, обыкновенный склепъ, и не можетъ быть болѣе рѣчи о желѣзномъ гробѣ, который удерживается на воздухѣ огромнымъ магнитомъ, вдѣланнымъ въ сводѣ храма. Такъ исчезаютъ разсказы, похожіе на басни «Тысяча и Одной Ночи», едва только представится возможность повѣрить ихъ наблюденіемъ.

— Но не однѣ удачи ожидаютъ европейскую науку на Востокѣ; въ нынѣшнее лѣто пришлось ей испытать потерю, едва-ли вознаградимую. Въ августѣ получено въ Пэрижѣ извѣстіе о томъ, что богатая и огромная коллекція ассирійскихъ и вавилонскихъ древностей, собранная учеными, посланными отъ французскаго правительства для изслѣдованія развалинъ Персеполя, Вавилона и Ниневіи, почти совершенно погибла. Она состояла, вопервыхъ, изъ древностей, отрытыхъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ въ Хорсабадѣ, именно пàры колоссальныхъ быковъ, множества статуй ассирійскихъ божествъ, собранія барельефовъ; огромнаго количества плитъ и кирпичей, покрытыхъ надписями, множества желѣзныхъ вещей, золотыхъ и серебря-

на крутизны, опоясанныя г·
ся, что молодая путеш·
отважности; что,
кровіемъ, они е
шины, котор
своими пр
совъ утг
гдѣ по
преж
во

[illegible] собранія коюнджикскихъ и нимруд-[illegible] до 150); втретьихъ, изъ вещей, отъ-[illegible] въ развалинахъ Вавилона, которыя однѣ на-[illegible] ящиковъ и были драгоцѣнны для исторіи. Кол-[illegible] богатая, требовала всевозможныхъ заботъ при перевозкѣ [illegible] и французское правительство отправило за нею въ [illegible] корабль. Благополучно были вещи перевезены [illegible] въ Багдадъ, нагружены тамъ на большую лодку и [illegible] путемъ, для доставленія въ Бассору. Но, при впаденіи Тигра [illegible] четыре плота, тяжелая лодка попала на скалу и потонула на глубинѣ въ Эвфратъ, пяти саженъ. Арабы, живущіе въ окрестностяхъ, увидѣвъ крушеніе, разграбили утопающую лодку, прорѣзали наполненные воздухомъ мѣха, которыми поддерживались плоты, надѣясь найдти тамъ сокровища, и плоты потонули вслѣдъ за лодкою. Изъ всего огромнаго музея сохранилось только шесть небольшихъ ящиковъ. Слабымъ утѣшеніемъ въ этой прискорбной потерѣ служитъ то, что съ многихъ статуй и барельефовъ были сняты фотографическіе рисунки, которые уже привезены въ Европу. — Напротивъ, знаменитому англійскому изслѣдователю гвоздеобразныхъ надписей, полковнику Ролинсону, удалось благополучно перевезти свою обширную коллекцію ниневійскихъ барельефовъ и гвоздеобразныхъ надписей въ Лондонъ, гдѣ онѣ составили новое огромное отдѣленіе въ Британскомъ Музеѣ. Скажемъ кстати, что важнѣйшія изъ гвоздеобразныхъ надписей, находящихся въ Британскомъ Музеѣ, приготовлены къ изданію въ свѣтъ. Чтобъ важность этого собранія была яснѣе, упомянемъ, что въ составъ его войдутъ 1) 35 надписей изъ эпохи первобытнаго халдейскаго царства (2000—1500 до Р. Х.); 2) надписи первыхъ ассирійскихъ царей (1273—1100 до Р. Х.); 3) надписи Сарданапала; 4) надписи Шаман-Фула, Семирамиды, Сеннехериба, Асаргаддона, Навуходоносора и его наслѣдниковъ, до взятія Вавилона Киромъ. Эти надписи составятъ довольно-толстый томъ. Другой томъ составятъ снимки съ уцѣлѣвшихъ памятниковъ ниневійской литературы, именно отрывки азбукъ и словарей, астрономическихъ таблицъ, миѳологическихъ легендъ, и проч. Издателемъ назначенъ Ролинсонъ.

— Въ наше время, столь озабоченное желѣзными дорогами и электро-магнитными телеграфами, едва-ли не самыя важныя и, безъ-сомнѣнія, самыя частыя новости относятся къ громаднымъ планамъ или извѣстіямъ о приведеніи къ концу обширныхъ предпріятій по этимъ частямъ. Такъ и въ нынѣшній мѣсяцъ, къ прежнимъ извѣстіямъ о счастливомъ погруженіи въ море телеграфическаго каната, соединяющаго Европу съ Алжиромъ, мы должны прибавить слухи, уже имѣющіе офиціальную достовѣрность, о проектѣ компаніи, проложившей этотъ телеграфъ дать дальнѣйшее громадное развитіе своему предпріятію, именно: компанія хочетъ продолжить телеграфическую проволоку отъ Сардиніи до западнаго берега Остиндіи и далѣе, черезъ Пегу (новопріобрѣтенная англійская провинція на Загангскомъ Полуостровѣ) до Китая, Австраліи и Ван-Дименовой Земли. Съ острова Сардиніи будетъ продолженъ подводный канатъ до Мальты, съ Мальты на островъ Корфу, съ Кор-

фу пойдутъ двѣ вѣтви—одна на Константинополь, другая на Александрію. Изъ Александріи телеграфъ пойдетъ черезъ степи на Каиръ и далѣе на Суэзъ, потомъ вдоль аравійскаго берега Чернаго Моря, далѣе по южному берегу Аравіи и черезъ Индійское Море, на западный берегъ Индустана. Остиндія уже перерѣзана телеграфическою проволокою почти на всемъ своемъ протяженіи (остиндскія телеграфическія линіи имѣютъ до 4,500 верстъ длины); изъ провинціи Пегу одна вѣтвь телеграфа пойдетъ въ Китай, на Гонг-Конгъ, другая вѣтвь на Борнео, Селебесъ и, по грядамъ коралловыхъ острововъ и отмелей, въ Порть Эссингтонъ въ Австраліи. Проектъ компаніи громаденъ и отваженъ; но до-сихъ-поръ ея смѣлыя предпріятія увѣнчавались успѣхомъ, а имя Бретта, ея директора, ручается за практическую возможность привести въ исполненіе проектъ, кажущійся по своей колоссальности мечтою фантазіи. Притомъ же, если проведеніе желѣзныхъ дорогъ представляетъ огромныя затрудненія и стоитъ мильйоновъ, то устройство электро-магнитныхъ телеграфовъ совершается несравненно-легче и съ гораздо-меньшими издержками.

— Перейдемъ къ свѣдѣніямъ о движеніи эмиграціи въ Соединенные Штаты, этомъ фактѣ, который своими огромными размѣрами, какихъ достигъ въ послѣдніе годы, ужасаетъ самихъ сѣвероамериканцевъ, начинающихъ бояться, чтобъ переселенцы не сдѣлались своею многочисленностью страшны коренному населенію страны. Эта боязнь породила сильное движеніе, извѣстное подъ страннымъ названіемъ Know-Nothingism'а, которое мы не умѣемъ перевести иначе, какъ «немогузнайствомъ». Know-Nothing'и или «немогузнайки» говорятъ, что «невозможно знать», какимъ волненіямъ и опасностямъ можетъ подвергнуться Америка, если иноземные элементы, съ каждымъ годомъ усиливающіеся въ ней и противоборствующіе основнымъ началамъ американской народности, не будутъ устранены отъ прямаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, стоитъ только сравнить таблицы переселенія въ Сѣвероамериканскіе Штаты за послѣдніе годы съ цифрами за предшествующія десятилѣтія до 1840 года, чтобъ видѣть, какъ основательны опасенія «Немогузнайской» партіи. Вотъ извлеченіе изъ этихъ списковъ:

годы.		число переселенцевъ.
1790 — 1810	(двадцать лѣтъ)	120,000
1810 — 1820		114,000
1820 — 1830		103,979
1830 — 1840		762,369
1840 — 1850	(до іюня 1850)	1,521,850
Всего въ-теченіе 60-ти лѣтъ		2,722,198

Въ-теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ:

Съ 1-го іюня 1850 по 31 декабря 1851 (19 мѣсяцевъ)	558,000
Въ 1852 году	375,000
— 1853 —	368,000
Въ первые шесть мѣсяцевъ 1854 года 250,000, слѣдовательно въ-теченіе цѣлаго года	500,000
Всего въ $4^1/_2$ года . .	1,801,000

Если пропорція переселенія, бывшая въ 1854 году, не измѣнится до 1860 года, то въ-теченіе десяти лѣтъ, 1850—1860, число европейскихъ переселенцевъ будетъ простираться до 5,000,000 человѣкъ.

Стремленіе къ эмиграціи въ Америку прежде ограничивалось почти исключительно Ирландіею, которая въ-теченіе десяти лѣтъ дала Сѣверо-американскимъ Штатамъ около 1,300,000 переселенцевъ. Теперь, напротивъ, переселеніе изъ Ирландіи съ каждымъ годомъ уменьшается, потому-что страшныя бѣдствія этой несчастной страны нѣсколько ослабѣли; напротивъ, ежегодно увеличивается число переселяющихся въ Америку изъ Германіи, и въ предъидущемъ году въ Сѣверо-американскіе Штаты переѣхало болѣе нѣмцевъ, нежели ирландцевъ, именно: количество нѣмецкихъ эмигрантовъ было въ 1854 году 206,000 человѣкъ; ирландскихъ только 101,600; кромѣ того, переселились въ Америку въ этотъ періодъ времени 49,000 англичанъ и шотландцевъ, 13,000 французовъ и 13,000 китайцевъ, всего болѣе 460,000 человѣкъ. Присоединивъ къ этой массѣ цифру переселившихся изъ Европы въ Азію, Африку и, преимущественно, въ Австралію, мы увидимъ, что въ-теченіе одного предъидущаго года выѣхало изъ Западной Европы около 600,000 человѣкъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Лебединая пѣснь лѣтнихъ увеселеній. — Воспоминанія прошлаго. — Гулянья: на Минеральныхъ Водахъ и въ виллѣ Боргезе, въ Нѣмецкомъ Клубѣ и Марьиной Рощѣ, въ Лѣсномъ и на Безбородкинѣ. — Ораніенбаумъ. — Гатчино. — Озеро у Поклонной Горы. — Лѣтнія увеселенія съ благотворительною цѣлью. — Лѣтніе балы: въ Палюстровѣ, Коломягахъ, на дачахъ петергофской и выборгской дорогъ. — Дачные интересы и слухи. — Петербургскіе омнибусы. — Лѣтнее воскресенье въ городѣ. — Переселеніе. — Рѣдкое растеніе въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду. — Освященіе новой церкви въ Л. Гв. Егерскомъ Полку. — Передѣлка петропавловскаго шпица — Два слова о крестьянинѣ Телушкинѣ. — Открытіе театровъ. — Дебютанты и дебютантки: г-жи *Владимірова*, *Гольцъ* и *Михайлова*, теноръ *Сетовъ*, баритонъ *Божановскій*, контральто *Эмма Редеръ*. — Новыя пьесы. — *Фанни Черито* и *Лотти*. — Передѣлка и украшеніе театровъ.

Еще нѣсколько свѣтлыхъ дней, еще нѣсколько концертовъ подъ открытымъ небомъ, нѣсколько американскихъ ночей въ виллѣ Боргезе и олимпическихъ праздниковъ у Излера—и лѣту конецъ, конецъ и всѣмъ лѣтнимъ наслажденіямъ. Августъ начался дождемъ и холодомъ; огоньки на дачахъ заблестѣли ранѣе обыкновеннаго; папеньки сердито стали посматривать на небо и не выходили на воздухъ, невооруженные дождевыми зонтиками. «Пора въ городъ!» говорили они, садясь за обѣдъ и вставая изъ-за чая, и непремѣнно бы привели въ исполненіе свое желаніе, еслибъ не встрѣчали сильной, а чаще ловкой оппозиціи со стороны маменекъ. Маменьки, благодѣтельныя маменьки, покровительницы нѣжныхъ чувствъ, надеждъ и мечтаній, знаютъ или догадываются съ свойственнымъ женщинамъ инстинктомъ объ удовольствіяхъ, которыя доставляютъ ихъ дочкамъ прогулки,

встрѣчи, бесѣды съ тѣми или другими лицами и находятъ множество предлоговъ къ продолженію пребыванія на дачѣ. Хорошая погода (если не въ настоящемъ, то въ будущемъ), передѣлки въ зимней квартирѣ, удобство празднованія на дачѣ именинъ кого-нибудь изъ членовъ семейства—вотъ доводы, употребляемые ими для убѣжденія супруговъ къ дальнѣйшему присутствованію при увяданіи природы. Противъ этихъ доводовъ возражать трудно. Папеньки остаются на дачахъ, хмурятся вмѣстѣ съ небомъ, и съ какимъ-то ожесточеніемъ, точно стрѣляя, распускаютъ зонтики, отправляясь къ пароходамъ и омнибусамъ. Но какъ ни хитри, какъ ни выдумывай, а осень скажется осенью. Августъ съ самаго начала сталъ посматривать сентябремъ... Конецъ прогулкамъ по густымъ и тѣнистымъ аллеямъ, конецъ поѣздкамъ въ далекія и близкія живописныя окрестности, конецъ начатымъ и недосказаннымъ рѣчамъ о чувствахъ, привязанностяхъ, любви... Обстановка дачной жизни сложена на возы, и длинные караваны мёбели съ половины августа потянулись въ городъ...

И теперь, когда лѣто кончилось и для многихъ отъ него не осталось ничего, кромѣ воспоминаній, мы, не говоря два мѣсяца ни слова объ общественной жизни Петербурга, бросимъ бѣглый взглядъ на его лѣтнюю жизнь и наслажденія въ-теченіе этого времени.

Гулянья, праздники, концерты и иллюминаціи непрерывно слѣдовали одни за другими въ разныхъ мѣстахъ лѣтнихъ увеселеній. Фонари и шкалики, какъ стеклышки калейдоскопа, перемѣняли свои мѣста, и различныя эти перемѣны давали музыкальнымъ праздникамъ различныя названія. Такъ, шкалики рыжеватаго цвѣта, разставленные въ видѣ громадной лиры, впереди которой, на транспарантахъ, красовались имена извѣстныхъ и неизвѣстныхъ русскихъ композиторовъ, въ бенефисъ Пуньи, составили праздникъ, названный «Лира Россіи», при чемъ имя бенефиціанта (какъ именинника) красовалось на первомъ мѣстѣ. Шкалики и фонарики, освѣщавшіе бананы и другія роскошныя деревья американской флоры, сдѣланные изъ картона, составляли «Ночь въ американскихъ лѣсахъ» и т. п. И въ то время, какъ «Лиры Россіи», «Американскія ночи» устроивались въ виллѣ Боргезе, на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ шли праздники съ названіемъ въ родѣ «Олимпъ на берегахъ Невы», «Воспоминаніе прошедшаго», «Излеріада» и т. п. съ блестящею иллюминаціею, устроиваемою въ послѣднее время г. Вальцомъ, и съ цыганскимъ хоромъ мрачнаго вида и чернаго цвѣта, громко-вопіявшимъ русскіе пѣсни и романсы...

Вилла Боргезе и Искусственныя Минеральныя Воды щеголяли другъ передъ другомъ устройствомъ праздниковъ. Слѣдствіемъ этого соперничества былъ рядъ блестящихъ иллюминацій, въ которыхъ, однако, Минеральныя Воды одержали верхъ. Хотя г. Фохтъ (декораторъ виллы Боргезе) обладаетъ и несомнѣннымъ талантомъ и богатствомъ фантазіи, но иллюминаціи, устроиваемыя г. Вальцомъ, отличаются постоянно и бо̀льшимъ вкусомъ и изяществомъ.

Одно изъ послѣднихъ гуляній на Минеральныхъ Водахъ: «Праздникъ патріотовъ», данное въ пользу защитниковъ столицы и прибалтійскаго края, было особенно-роскошно и великолѣпно. Тысячи цвѣт-

ныхъ фонарей превращали площадку передъ оркестромъ въ какой-то волшебный павильйонъ, тысячи шкаликовъ на другой площадкѣ, представляли блестящій храмъ съ колоннами и портиками. Посѣтителей на виллѣ Боргезе, а особенно на Минеральныхъ Водахъ, бывало въ послѣднее время множество.

Кромѣ этихъ двухъ лѣтнихъ общественныхъ гуляній, на другомъ концѣ окрестностей Петербурга, въ Марьиной Рощѣ, тоже собиралось немало публики. Болѣе всего привлекалъ сюда посѣтителей циркъ г. Віоля, построенный по образцу парижскаго, въ Елисейскихъ Поляхъ. Циркъ этотъ, закрывшійся скоро послѣ открытія, недѣли черезъ двѣ опять началъ свои представленія. Г-жи Присъ, Віоль и другія дамы имѣли здѣсь успѣхъ громадный и вызывали искусствомъ своимъ у зрителей цвѣты и подарки. Праздники въ Марьиной Рощѣ быстро слѣдовали за праздниками, бенефисы за бенефисами. Бенефисы здѣсь давались не только лицамъ, участвовавшимъ въ представленіяхъ, но и лицамъ, неизвѣстнымъ для мѣстныхъ посѣтителей и, очень-вѣроятно, участвовавшимъ только въ прогулкахъ. Такъ, на ряду съ бенефисами гг. Віоля и Пачифико, было гулянье въ пользу г-жи Богдановой съ дѣтьми. Кто это такая г-жа Богданова — никому сначала не было извѣстно, и только потòмъ возникло предположеніе, что праздникъ этотъ былъ не болѣе, какъ семейный подарокъ, сдѣланный содержателемъ сада своимъ супругѣ и дѣткамъ. Такимъ поступкомъ супружеской нѣжности учредитель гуляній въ Марьиной Рощѣ, какъ именемъ какого-нибудь извѣстнаго артиста, надѣялся привлечь значительную публику. Публикѣ Марьиной Рощи, впрочемъ, все-равно, даются ли праздники въ честь Нимфъ и Флоры или въ честь г-жи Богдановой съ дѣтьми. «Жоко, бразильская обезьяна», «Три обманутые любовника», «Вардарелли, или калабрійскіе разбойники» и тому подобныя пантомимы, даваемыя по окончаніи конныхъ представленій, иллюминаціи и пѣсенники—вотъ чтò привлекаетъ сюда посѣтителей...

По понедѣльникамъ и пятницамъ бывала музыка въ паркѣ Лѣснаго Института, и множество публики постоянно стекалось на эти концерты. Часть ея занимала лавочки передъ оркестромъ, другая слушала музыку съ высоты своихъ экипажей. Тотъ, кто отъ всего требуетъ comme il faut, могъ спокойно посѣщать это гулянье. Здѣсь было много изящныхъ нарядовъ, безпрестанно слышались разговоры пофранцузски; здѣсь всѣ и каждый чувствовали, кажется, свои собственныя (дѣйствительныя или мнимыя) достоинства. Здѣсь все было очень-чинно и очень-хорошо; но не оттого ли, что все это ужь очень-хорошо, гулянье въ Лѣсномъ Паркѣ казалось вялымъ, безцвѣтнымъ?... Недалеко отъ этой музыки, на дачахъ Лѣснаго Института была и другая, именно въ саду г-жи Беклешовой. Въ саду этомъ устроивались тоже разные праздники съ акробатическими и конными представленіями, изъ которыхъ, кажется, послѣдній назывался «Ночь всеобщаго удовольствія»... Не правда ли, недурное названіе?

На Безбородкиной давались большіе концерты по пятіалтынному со слушателя, и иногда иллюминаціи. Въ Нѣмецкомъ Клубѣ устрои-

вались разные праздники безъ особыхъ названій, но за-то съ пѣвицами и нѣкоторымъ количествомъ разноцвѣтныхъ фонарей.

На ряду съ этими оплачиваемыми гуляньями шли, по обыкновенію, гулянья даровыя, между которыми первое мѣсто снова занималъ Крестовскій Островъ, или, лучше, его русскій трактиръ. Была вилла «Mon plaisir», но отъ нея не осталось и слѣда; была Алгамбра (въ Старой Деревнѣ) и ея тоже нѣтъ; были праздники розъ на дачѣ Королева, и для этой дачи давно наступили будни. Но вотъ десятки лѣтъ назадъ, устроился трактиръ на Крестовскомъ Островѣ и до-сихъ-поръ существуетъ на удовольствіе публики. Минеральныя Воды, вилла Боргезе, Марьина Роща и т. п., задаютъ праздники въ честь нимфъ и амуровъ, въ честь фей и лѣтнихъ ночей, и привлекаютъ, а, случается, иногда и не привлекаютъ публику: на Крестовскомъ же Острову десятки лѣтъ только г. Вейнертъ съ чадами и домочадцами ходитъ по туго или слабо-натянутому канату—а между-тѣмъ, тысячи зрителей, пѣшкомъ и въ экипажахъ, стекаются каждое воскресенье на это зрѣлище. Слово *даромъ* имѣетъ магическую силу на публику. Всѣ эти тысячи зрителей собираются на представленія рано, остаются во все время самаго представленія и расходятся, а въ-особенности разъѣзжаются только тогда, когда дѣвочки или мальчики въ трико, тѣльнаго цвѣта, съ нарумяненными щечками, начинаютъ хожденіе не по канату, а по землѣ, и не съ шестомъ, а съ тарелкою въ рукахъ. Пусть бы тѣ еще, которые изъ дальнихъ странъ пѣшкомъ пришли на это гулянье, боялись просительнаго знака — тарелки, но бѣжать отъ нея людямъ, пріѣхавшимъ въ экипажахъ, нерѣдко собственныхъ, этимъ людямъ пользоваться даромъ удовольствіемъ, которое можетъ стоить головы человѣку, его доставляющему — это ужь, право, нехорошо. А между-тѣмъ, каждый, кто бывалъ на подобныхъ представленіяхъ, безъ-сомнѣнія, замѣчалъ, что эти господа болѣе другихъ избѣгаютъ просьбы бѣдныхъ акробатовъ, и тарелка попреимуществу наполняется даяніемъ бѣдняковъ, которые знаютъ цѣну каждаго труда, какъ бы ни былъ трудъ этотъ относительно-ничтоженъ.

Музыка всюду, музыка вездѣ—на Крестовскомъ и Петровскомъ, въ Александровскомъ Паркѣ и въ Екатерингофѣ. Музыка слышится въ близкихъ и далекихъ окрестностяхъ Петербурга, и даже въ Ораніенбаумѣ въ-теченіе прошлаго лѣта каждое воскресенье игралъ военный оркестръ, въ тамошнемъ Большомъ Саду. Несмотря на близость непріятеля, въ Ораніенбаумѣ жило много дачниковъ и постоянно живало много гостей изъ Петербурга, пріѣзжавшихъ взглянуть на непріятельскій флотъ. Флотъ этотъ былъ хорошо видѣнъ не только съ Бронной Горы, но и изъ самаго ораніенбаумскаго сада, именно съ такъ-называемой Катальной Горки. Горка эта, служившая нѣкогда для катанья, нѣсколько лѣтъ назадъ уже окончательно уничтожена, и ея имя присвоено стоящему на возвышеніи павильйону, изъ котораго открывается прекрасный видъ на море. Въ павильйонѣ этомъ есть зрительныя трубы, которыми дозволяется пользоваться публикѣ. Бывшіе здѣсь прошлымъ лѣтомъ, безъ-сомнѣнія, видѣли и стоящую возлѣ

павильйона мачту, унизанную разноцвѣтными флагами. Это—флажный телеграфъ для переговоровъ съ Кронштадтомъ.

Тотъ, кому наскучила музыка, кто хотѣлъ избавиться отъ этой пятой стихіи петербургскаго міра, долженъ былъ ѣхать въ Парголово, гдѣ, вмѣсто музыкальныхъ удовольствій, къ–счастью, было только ихъ предположеніе; въ Токсово, въ которомъ не было, конечно, даже и такого предположенія, или въ Гатчино—это живописное мѣсто, которое, по времени ѣзды по желѣзной дорогѣ, отстоитъ отъ Петербурга немного-далѣе Лѣснаго Института... Но любителей природы и уединенья немного въ Петербургѣ. Несмотря на близость Гатчины, оно незнакомо еще очень-многимъ петербургскимъ, потому-что здѣсь не бываетъ ни музыки, ни иллюминацій, ни другихъ тому подобныхъ привлеченій... А между-тѣмъ, право, очень стоитъ съѣздить въ Гатчину. Поѣзды желѣзной дороги отправляются туда два раза въ день: въ 11 часовъ утра и въ 6½ вечеромъ. Мѣста, по которымъ проходитъ дорога, не отличаются особенно-живописными видами. Митрофаньевское Кладбище, Воскресенскій Дѣвичій Монастырь, луга, поля, Пулково съ его Обсерваторіею, Царское, нѣсколько деревень промелькнутъ по сторонамъ вагона; черезъ часъ съ небольшимъ ѣзды покажется група каменныхъ и деревянныхъ строеній съ выступающимъ впереди соборомъ: это и есть Гатчино. Гатчино—небольшой, но чистенькій уютненькій городокъ. Домы его смотрятъ весело и привѣтливо; на Петербургскомъ Проспектѣ много лавокъ и магазиновъ. По календарю, въ Гатчино 4,500 жителей; но, благодаря стоящимъ обыкновенно въ Гатчино войскамъ и живущему тамъ довольно–большому числу служащихъ при Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, жизнь проходитъ нескучно даже и зимою; о лѣтѣ же и говорить нѣчего.

Гатчинскій Сиротскій Институтъ—большое каменное зданіе, занимаетъ видное мѣсто на Петербургскомъ Проспектѣ. Въ немъ воспитываются сироты, дѣти чиновниковъ, которыя готовятся для поступленія въ гражданскую службу. Независимо отъ занятій науками, многіе изъ нихъ занимаются музыкой, и г. Григорьевъ, который съ такимъ успѣхомъ игралъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ концертахъ прошлою весною, получилъ здѣсь свое музыкальное образованіе. Всѣ зданія города групируются около сада и парка, изъ которыхъ въ первомъ большой императорскій дворецъ.

Дворецъ этотъ построенъ въ видѣ буквы П, а съ четвертой стороны образуемой имъ площади поставленъ памятникъ императору Павлу І-му, представляющій императора во весь ростъ. Въ саду Гатчины много цвѣтовъ и статуй, много озерковъ и прудовъ, съ плавающими на нихъ островами, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Островъ Любви съ большою зеленою бесѣдкою, названною храмомъ Венеры. Вода въ Гатчинѣ отличается необыкновенною прозрачностью. Кромѣ Острова Любви, бывъ въ Гатчинѣ, необходимо отыскать гротъ, въ которомъ эхо повторяетъ каждое сказанное слово, кàкъ бы тихо оно произнесено ни было; домикъ, выстроенный въ видѣ полѣнницы; побывать на фермѣ, близь которой ходятъ стада оленей. и подальше погулять въ живописнѣйшемъ мѣстѣ гатчинскаго парка, называемомъ

Пріоратомъ. Но, чтобъ вполнѣ насладиться природою Гатчины, необходимо здѣсь провести по-крайней-мѣрѣ цѣлый день. Пріѣхавъ утромъ и торопясь возвратиться въ Петербургъ съ послѣобѣденнымъ четырех-часовымъ поѣздомъ, посѣтитель не будетъ имѣть возможности осмотрѣть все здѣсь замѣчательное, погулять спокойно посреди этой темной зелени, этихъ свѣтлыхъ озеръ... Здѣшніе садъ и парки очень велики...

Но вотъ еще одно мѣсто, близкое къ Петербургу, мѣсто очень живописное, это—первое парголовское озеро, лежащее близь Поклонной Горы. Видъ этого озера прекрасенъ, особенно вечеромъ при захожденіи солнца. Кàкъ хороши эти песчаные обрывы горы, съ бѣгущимъ по нимъ сосновымъ лѣсомъ, этотъ мелкій кустарникъ, опоясывающій озеро съ другой стороны! кàкъ весело смотрятъ эти маленькія желтоватыя ванны, стоящія у подножія обрывовъ! Кругомъ невидно никакого жилья, но на озерѣ постоянно движутся люди. Вдали виднѣются купающіеся на открытомъ воздухѣ; на срединѣ показалась лодка съ большою компаніею; у лѣска остановилась коляска, и какая-то семья расположилась пить чай; на горѣ промелькнули разноцвѣтныя групки и исчезли въ купальнѣ; появилась стая мальчиковъ и черезъ минуту съ шумомъ и крикомъ бросилась въ воду и заплавала близь берега. Маленькая лодочка остановилась посреди озера и господинъ, въ бѣломъ пальто и сѣрой шляпѣ, закинулъ удочку. Съ отлогаго берега мужики ведутъ въ воду лошадей... Движеніе здѣсь цѣлый день: кто гуляетъ, кто купается, кто, ничего не дѣлая, лежитъ подъ кустомъ, смотритъ на небо, на воду, на зелень. Всякій занятъ тѣмъ, чѣмъ вздумалось, не стѣсняясь самъ, не стѣсняя другихъ. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Часть озера подернулась розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца; вода едва рябитъ, отражая свѣтлое небо. Въ воздухѣ пахнетъ сосновымъ лѣсомъ; раздаются то ауканье гуляющихъ въ лѣсу, то веселое ржанье лошадей... Славное мѣсто это озеро!

Кромѣ исчисленныхъ нами гуляній, къ которымъ можно присоединить музыкальные вечера съ иллюминаціями и безъ иллюминацій въ Павловскѣ и большое народное гульбище съ нѣсколькими оркестрами музыки, тамъ и сямъ разсѣянными шарманщиками, акробатами и пѣсенниками, на Елагиномъ Островѣ, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Александровны, много публики присутствовало въ Царскомъ на трехъ бывшихъ тамъ скàчкахъ и рысистыхъ бѣгахъ. Скакунамъ-побѣдителямъ, какъ всегда, были назначены богатые призы, изъ которыхъ самый большой императорскій (назначенный для рысистыхъ жеребцовъ съ формами заводскихъ, рожденныхъ не прежде 1850 года) состоялъ изъ золотой медали въ 200 р., денегъ 600 р. и кубка заводчику, у котораго родился жеребецъ, въ 200 р.

Мы не станемъ перечислять буцефаловъ, явившихся на состязаніе, говорить о жокеяхъ и наѣздникахъ, пріобрѣтающихъ выигрыши чужими если не руками, то ногами, потому-что это завлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Пусть охотники до подобныхъ извѣстій обратятся къ ежедневнымъ изданіямъ, гдѣ подробно говорится, что такой-то

рысакъ пробѣжалъ двѣ версты во столько-то секундъ, сдѣлалъ такое-то число сбоевъ, оставилъ далеко за флагомъ своего соперника, и проч. и проч., а мы обратимся снова къ петербургской общественной жизни.

Современныя военныя событія отразились и въ лѣтнихъ удовольствіяхъ Петербурга. Въ разныхъ мѣстахъ общественныхъ увеселеній были устроеваемы гулянья въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ на войнѣ. Съ такою же цѣлью было большое гулянье въ саду наслѣдниковъ княгини Бѣлосельской, на Крестовскомъ Островѣ, концертъ въ Петергофѣ, концертъ въ Павловскѣ и музыкальный вечеръ въ селѣ Муринѣ, гдѣ только благотворительность собрала воедино два раза въ лѣто дачниковъ, ведущихъ обыкновенно самую уединенную жизнь. Мы слышали еще о нѣсколькихъ подобныхъ концертахъ, которые предполагалось дать, по примѣру Мурина, и въ другихъ дачныхъ окрестностяхъ, но дожди и холодъ первой половины августа помѣшали исполненію этихъ добрыхъ намѣреній.

Говоря о лѣтнихъ гуляньяхъ, нельзя не сказать о лѣтнихъ балахъ, играющихъ важную роль въ удовольствіяхъ дачной жизни. Самымъ древнимъ мѣстомъ, въ которомъ даются лѣтніе праздники въ честь Терпсихоры, кажется, безошибочно можетъ почитаться деревянный балаганчикъ на желѣзномъ ключѣ въ Полюстровѣ, недалеко отъ дачи графа Кушелева-Безбородко. Ключъ этотъ, извѣстный еще со временъ Петра-Великаго своими цѣлебными свойствами, пріобрѣлъ едва-ли не бо̀льшую, хотя и позднѣйшую извѣстность своими субботними балами. Эти танцовальные праздники въ нынѣшнемъ году начались съ первыхъ чиселъ іюля и первый изъ нихъ совершился довольно-оригинальнымъ образомъ.

Балъ былъ назначенъ въ восемь часовъ. Въ девять часовъ лампы въ залѣ давно сіяли полнымъ блескомъ; на эстрадѣ стояли музыканты, и раздавались пробные звуки разныхъ инструментовъ. Множество публики толпилось у оконъ, а въ самой залѣ никого не было. «Пора начинать балъ», кажется, подумалъ учредитель увеселеній и махнулъ рукою оркестру. Оркестръ заигралъ вальсъ и исполнилъ его для собственнаго удовольствія. За вальсомъ слѣдовала полька — нѣтъ никакого сомнѣнія, принесшая то же наслажденіе музыкантамъ. За полькою съигранъ кадриль, опять вальсъ и т. д. Всѣ эти пьесы, исполненныя съ цѣлью привлечь публику, имѣли успѣхъ самый ничтожный. Въ залѣ появились три дамы, собралось десять-пятнадцать кавалеровъ... Но такъ-какъ не пріятно танцовать кавалеру съ кавалеромъ, то кадрили составить было невозможно, и все танцовальное торжество ограничилось нѣсколькими польками и вальсами. Три дамы, конечно, (употребляя техническій терминъ) *не сидѣли:* онѣ переходили изъ рукъ въ руки десяти, пятнадцати юношей, пріѣхавшихъ изъ города съ рѣшимостью танцовать во что̀ бъ то ни стало... Участь дамъ была завидная—завидная, впрочемъ, лишь *для* тѣхъ, кто заботится о томъ только, чтобъ въ танцахъ брали, а не о томъ вмѣстѣ, чтобъ и выбирали.

Свѣтлый ли прекрасный вечеръ, или воспоминаніе объ одномъ изъ

прошлогоднихъ здѣшнихъ баловъ, на которомъ на всѣхъ присутствующихъ, какъ на слугу доктора Бартоло, напало страшное чиханье — помѣшали собраться большему числу посѣтительницъ — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, обстоятельства эти были недолго помѣхою для охотниковъ до танцевъ, и на слѣдующихъ вечерахъ, число публики постоянно увеличивалось. Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что балы Полюстрова доставляли наслажденіе многимъ барышнямъ (барышни такъ многимъ наслаждаются!), однако, можно сказать навѣрное, что наслажденіе это далеко не можетъ равняться съ тѣмъ, которое приносили танцы, происходившіе по воскресеньямъ въ Коломягахъ.

На берегу того несвѣтлаго пруда, которому туземцы, въ утѣшеніе себѣ, приписываютъ цѣлебную силу, устроенъ открытый павильйонъ. Деревянныя колонны павильйона украшены холстинными занавѣсками; деревянныя скамейки, вокругъ, уложены холстинковыми подушками. Къ одному уголку павильйона пристроено что-то въ родѣ эстрады, на которой, какъ на насѣстяхъ, помѣщается оркестръ музыки. Въ шесть часовъ, точно откашливаясь, инструменты начинаютъ издавать разные звуки... Эти звуки мало-по-малу собираютъ къ павильйону публику, которая, какъ опытный любитель вина, смотрящій на цвѣтъ и нюхающій букетъ его прежде его употребленія, два часа предвкушаетъ удовольствіе самыхъ танцевъ. Въ восемь часовъ, такихъ подушекъ на скамьяхъ ужь не видно: скамьи усѣяны, какъ макомъ, разноцвѣтными (по нарядамъ) нѣмочками. Танцы начинаются мальчиками и дѣвочками, продолжаются юношами и юницами, и затѣмъ въ нихъ участвуютъ всѣ возрасты, до весьма-почтенныхъ, потому-что вездѣ есть много почтенныхъ лицъ, любящихъ танцы. Дамы въ темныхъ платьяхъ, свѣтлыхъ спенсерахъ, перетянутыя въ шампанскую рюмочку, безъ шляпокъ и перчатокъ, кавалеры въ пальто и фуражкахъ и самыхъ разнообразныхъ шляпахъ — все это движется, вертится, смѣется, болтаетъ, припрыгиваетъ, выдѣлываетъ антраша и па, какія, вѣроятно, случалось видѣть не всякому. Тотъ, кто отъ всего требуетъ comme il faut, рѣшительно разстроитъ свои нервы, смотря на это веселье безъ претензій, и разстроитъ ихъ до-того, что не помогутъ ему даже и самыя мутныя воды Коломягъ... Но Богъ съ ними, думающими только о comme il faut! Смотрѣть на это веселье нужно иначе. Ставъ на ступеньку танцовальной эстрады, въ то же время нужно стать на ступень общественную, на которой стоятъ танцующіе, и посмотрѣть на веселье ихъ безъ предубѣжденій; тогда намъ во всемъ этомъ весельѣ не покажется ничего страннаго, мы найдемъ въ немъ даже мало смѣшнаго, потому-что все, что̀ особенно бросается въ глаза на этихъ баликахъ, часто противорѣча многому, происходящему въ другихъ обществахъ, въ то же время и просто и естественно. Маленькій господинъ, въ фуражкѣ на бекрень, выкидываетъ немножко-много ноги; vis-à-vis его, который выдѣлываетъ въ кадрилѣ что-то въ родѣ кренделей, старая, дѣвствующая нѣмка, которая смотритъ какими-то масляннистыми глазами на вальсирующаго съ нею юношу, нѣсколько свѣженькихъ дѣ-

вушекъ въ далеко-несвѣжихъ нарядахъ, шаркатня танцующихъ, какъ-будто бы всѣ они были въ калошахъ — все это поражаетъ сначала непривыкшаго къ такого рода веселью; но, присмотрясь, онъ невольно теряетъ всякое предубѣжденіе, и не безъ удовольствія смотритъ на веселье съ душою на-распашку. Если веселье это и выражается иногда въ забавныхъ (относительно) формахъ, то само-по-себѣ легко можетъ возбудить истинное сочувствіе, потому-что оно истинно и искренне. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что юныя нѣмочки въ бѣлыхъ — но, увы! далеко несвѣжихъ платьяхъ, немало мечтали объ этомъ праздникѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія воскресенья. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что господинъ, выдѣлывающій кренделя ногами, дѣлаетъ это потому, что танцовальныхъ фигуръ слишкомъ-мало для удовлетворенія великой его охоты къ танцованью. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что старая, дѣвствующая нѣмка трепещетъ отъ восторга, носясь въ вальсѣ, въ объятіяхъ юноши въ бѣлой, расшитой разными шелками фуражкѣ... Можно быть увѣрену, однимъ словомъ, что каждый и каждая черпаютъ здѣсь наслажденія прямо изъ источника, не помрачая ихъ мелкими заботами о формахъ наслажденія. Каждый чистосердечно пользуется весельемъ своею собственною персоною, не думая обращать себя въ какую-нибудь важную особу, что нерѣдко случается со многими другими... Только чувства, мысли, только нравственная жизнь человѣка имѣетъ значеніе безотносительное; все же прочее — вещи, совершенно условныя. Мы, щеголяя въ пальто, жилетахъ, галстухахъ и прочемъ, не находимъ нисколько страннымъ и предосудительнымъ лѣтняго наряда крестьянина, у котораго все это замѣняется только рубашкою: отчего же находить предосудительными или странными какія-нибудь особенныя фигурки, какіе-нибудь крендельки во время кадриля, выдѣлываемые честными ремесленниками и ихъ семействами, веселящимися по воскресеньямъ? Пусть такое мнѣніе о балахъ Коломягъ покажется слишкомъ-снисходительнымъ и даже болѣе — слишкомъ-страннымъ, но оно имѣетъ основаніе. Истину, искренность, правду должно искать и цѣнить прежде всего, во всемъ и вездѣ, хоть-бы онѣ выражались иногда въ немножко-странныхъ формахъ. Вотъ почему мы не станемъ смѣяться надъ балами въ Коломягахъ, приводящими въ движеніе самыхъ апатическихъ нѣмцевъ; на балахъ этихъ веселятся отъ-души. Нельзя было не любоваться этимъ неподдѣльнымъ весельемъ, которое вполнѣ высказывалось къ концу вечера, когда, послѣ вальсовъ и кадрилей, раздавались звуки роднаго нѣмецкаго гросфатера. Все, что стояло на эстрадѣ: малое и старое, женщины, мужчины, мальчики и дѣвочки, все схватывалось попарно, подъ-руки, и подъ звуки патріархальнаго танца, пускалось плясомъ въ польскій, потомъ вертѣлось въ бойкомъ вальсѣ и вдругъ опять шло мѣрнымъ, стариковскимъ шагомъ. Истинное чувство, если и поражаетъ иногда своимъ проявленіемъ, то мало-по-малу находитъ къ себѣ и участіе и сочувствіе. Истинное веселье заразительно. Бывали юноши, которые сначала иронически въ лорнетъ поглядывали на танцующихъ въ Коломягахъ, а потомъ сами слѣдовали ихъ примѣру и безцеремонно, съ видимымъ удовольствіемъ

носились въ полькахъ и вальсахъ по засыпанному пескомъ полу, подъ сѣнью, подобныхъ большимъ ведрамъ, холстинныхъ фонарей, объклеенныхъ разными изображеніями...

Кромѣ танцовъ, въ Коломягахъ и въ Палюстровѣ лѣтніе балы устроивались еще на дачахъ: г. Лбова, на петергофской дорогѣ, и г. Лихачева, близь Поклонной Горы, на выборгской дорогѣ. Въ окрестностяхъ Петербурга есть дачи, которыя, по числу своихъ помѣщеній и обитателей, походятъ на цѣлыя селенія. Сады этихъ дачъ (замѣчательно: принадлежащихъ по преимуществу купцамъ), стали почти публичными садами, потому-что въ какое время вы въ нихъ ни заглянете, постоянно увидите гуляющихъ... Если на этихъ дачахъ нѣтъ той свободы и приволья, которыхъ такъ многіе ищутъ въ дачной жизни, за-то есть постоянное общество, устроиваются различныя удовольствія, что̀ тоже нравится очень многимъ. Къ такимъ дачамъ принадлежатъ и двѣ названныя нами гг. Лихачева и Лбова. На первой изъ нихъ каждую среду бывали танцовальные вечера. Дачники, дачницы, ихъ знакомые, а иногда и незнакомые, составляли посѣтителей этихъ вечеровъ, которые, надо сказать правду, были довольно оживлены. Танцовали въ саду, въ легкомъ, хорошо освѣщенномъ павильйонѣ, и танцы, начинавшіеся съ восьми часовъ, длились часто до полуночи. Блескъ свѣчей, звуки музыки и свѣжіе, часто очень-изящные наряды дамъ — все это имѣло что-то особенное, что-то привлекательное среди окрестной зелени...

Обитатели дачи г. Лбова устроивали у себя по воскресеньмъ музыкальные вечера. Оркестръ музыки игралъ разныя оперныя пьесы и танцы; дачники и гости ихъ сначала слушали только музыку, потомъ, подъ звуки вальсовъ и полекъ, посылали танцовать дѣтей, а къ концу вечера начинали танцовать и сами.

Вотъ перечень различныхъ удовольствій, которыми пользовались дачники и преимущественно непереѣзжавшіе на дачу... Тѣ, которые остаются въ городѣ, составляютъ бо̀льшую часть посѣтителей разныхъ гульбищъ и праздниковъ, съ музыкой и иллюминаціями... Дачники пользуются этимъ тоже, но пользуются во всякомъ случаѣ менѣе. Прогулки, купанья, поѣздки занимаютъ у нихъ немало времени: разсказы, слухи и нѣжныя исторіи представляютъ немало интереса. Дачныя колоніи, особенно небольшія, имѣютъ огромное сходство съ уѣздными городами: здѣсь всѣ знаютъ другъ друга хоть въ лицо, хоть по фамиліи; здѣсь есть вѣстовщики и вѣстовщицы, сплетники и сплетницы. Люди самые ненаблюдательные дѣлаются наблюдательными; люди самаго благороднаго характера не прочь послушать, что̀ дѣлается въ сосѣднемъ домикѣ. Однимъ словомъ, какъ поётся въ одномъ русскомъ водевилѣ:

Здѣсь хоть умъ и бьетъ баклуши,
Но за-то во всѣхъ домахъ
Языки, глаза и уши
Съ утра до ночи въ трудахъ.

Для дачниковъ тайнъ не существуетъ. Здѣсь извѣстно каждому, отчего дама съ большимъ синимъ носомъ такъ часто страдаетъ флюсомъ; отчего господинъ въ соломенной шляпѣ, ходившій обыкновенно по правой сторонѣ дачъ, вдругъ началъ ходить по лѣвой. Здѣсь извѣстно, кто такой этотъ юноша, который гуляетъ не иначе, какъ съ книгою, и не говоритъ ни съ кѣмъ, кромѣ хорошенькой жены стараго мужа. Всѣ эти извѣстія служатъ постоянными ресурсами для разговоровъ, предположеній и соображеній дачниковъ, которые отличаются смѣлостью фантазіи... Но, кромѣ всего этого, въ каждомъ дачномъ селеніи случится какое-нибудь особенно-важное, особенно-поразительное событіе, которое выходитъ изъ уровня ежедневныхъ новостей и подавляетъ собою всѣ другіе интересы. Въ одномъ мѣстѣ нашли двухъ застрѣлившихся — мужчину и женщину, которые сдѣлались жертвами безнадежной любви другъ къ другу; въ другомъ — пропала безъ вѣсти молодая дѣвушка и нашелся трупъ, какъ предполагаютъ, въ близьлежащемъ озерѣ; изъ Коломягъ убѣжалъ вдовецъ, похитивъ въ Новой Деревнѣ дѣвушку, находившуюся подъ строгимъ присмотромъ своей тётки, и проч. и проч. На-ряду съ случаями, которые оканчиваются грустными катастрофами, идутъ другіе, часто забавные, которые на время тоже занимаютъ дачниковъ. Скучно разсказывать подробности событій трагическихъ; но вотъ довольно-забавная исторія, бывшая недавно на одной изъ изящныхъ дачъ въ окрестностяхъ Петербурга.

По случаю какого-то семейнаго праздника назначенъ былъ обѣдъ, на который приглашены пятнадцать, двадцать человѣкъ родныхъ и знакомыхъ. Гости начали съѣзжаться; на террасѣ нѣсколько старичковъ очень-жарко толковали о политикѣ; въ саду мелькали разноцвѣтные дамскіе наряды, передъ которыми кавалеры расточали свое краснорѣчіе и любезности. Все было какъ всегда, не исключая и того неопредѣленнаго положенія членовъ общества, въ какомъ обыкновенно бываютъ передъ обѣдомъ приглашенные на обѣдъ, передъ танцами — съѣхавшіяся на балъ. Часъ обѣда приближался, почтенные политики, посреди самыхъ горячихъ преній, стали поглядывать на столовую, и хозяинъ, взглянувъ на часы, отправилъ офиціанта къ повару, узнать, готово ли кушанье. Черезъ минуту посланный является; но на лицѣ его нѣтъ лица. Во всей его физіономіи выражается столько страху, ужаса, отчаянія, что можно бы подумать о встрѣчѣ его съ тигромъ, шакаломъ, или какимъ-нибудь другимъ разъяреннымъ звѣремъ, еслибъ таковые водились въ окрестностяхъ Петербурга.

— Что? готово? спрашиваетъ господинъ.

— Ничего неготово, слабымъ голосомъ отвѣчаетъ слуга.

— Какъ ничего? уже восклицаетъ первый.

— Совершенно-ничего, повторяетъ послѣдній.

— До-сихъ-поръ! съ ужасомъ говоритъ хозяинъ и быстро выходитъ изъ столовой.

Онъ быстро проходитъ дворъ, быстро отворяетъ двери кухни, дѣлаетъ шагъ—и останавливается. Посреди обстановки, достойной картины фламандской школы: печи съ ярко-пылающимъ въ ней огнемъ,

столовъ, съ некрошенною зеленью, ощипанными цыплятами, сырой говядиной и т. п.—поваръ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, колпакѣ и курткѣ, храпя и присвистывая, спалъ подъ одною изъ кухонныхъ лавокъ. Испитая до дна бутылка рома не позволяла сомнѣваться въ причинахъ такого положенія.

— Пьянъ! воскликнулъ хозяинъ и болѣе ничего не могъ выговорить... Пьянъ! повторилъ онъ снова, но ужь по дорогѣ на дачу... А! радостно, кажется, выразили лицами нѣкоторые гости, видя появленіе хозяина: теперь, сейчасъ сядемъ за столъ... Но хозяинъ не думалъ повторять извѣстной шутки Тимона Аѳинянина.

— Господа! началъ онъ: — я долженъ у васъ просить извиненія! и, вмѣсто приглашенія въ столовую, сообщилъ исторію о пьяномъ поварѣ и неготовомъ обѣдѣ.

Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на отощавшіе желудки! Случись подобное событіе между дикими, они непремѣнно растерзали бы и съѣли своего хозяина. Но, да здравствуютъ обычаи цивилизаціи! гости улыбались и находили случай этотъ только забавнымъ и оригинальнымъ. Чтобъ избавить хозяина отъ затруднительнаго положенія, нѣкоторые изъ нихъ взялись за шляпы, но Амфитріонъ не допустилъ никого до отступленія. Съ какой-то ближайшей дачи былъ приглашенъ трезвый поваръ и въ часъ, назначенный для обѣда, началось его приготовленіе. Однако, несмотря на весь жаръ, съ которымъ началось это приготовленіе, къ семи часамъ вечера были готовы только нѣкоторыя блюда, другія едва поспѣли къ восьми, третьи не ранѣе девяти. Обѣдъ шелъ съ длинными паузами, во время которыхъ гости гуляли по саду, и такія прогулки – entremets, имѣли, конечно, благодѣтельное вліяніе на желудокъ. Многіе обѣдали съ апетитомъ, какого не помнили со времени своей юности. Какъ знать, не войдутъ ли когда-нибудь подобные обѣды въ моду! Если такъ, то названіе для нихъ готово: «diner à la cuisinier gris».

Вотъ наши воспоминанія о лѣтней жизни, дачахъ и ихъ интересахъ! Это послѣдняя фёльетонная жатва, собранная въ окрестностяхъ петербургскихъ. Но прежде нежели окончательно перенесемся изъ зелени въ каменныя улицы, скажемъ слова два объ одномъ изъ средствъ сообщенія этихъ мѣстъ — омнибусахъ, которые въ-теченіе лѣта ежедневно сотнями и даже тысячами перевозятъ петербуржцевъ съ дачъ въ городъ и обратно.

Все совершенствуется въ мірѣ постепенно, кромѣ, однако, петербургскихъ омнибусовъ! Вотъ уже около пятнадцати лѣтъ, какъ впервые появилась громадная фура, перевозившая пассажировъ изъ города на Безбородкино; но съ-тѣхъ-поръ въ омнибусахъ не сдѣлалось никакихъ усовершенствованій. Вѣкъ богатырей, громадныхъ омнибусовъ на 16 персонъ, прошелъ; появились омнибусы меньшихъ размѣровъ. Появились такъ-называемыя общественныя городскія кареты. Но городскія кареты, кромѣ ходящихъ по Невскому и Садовой, изъ которыхъ, особенно первыя, постоянно сохраняютъ благообразіе, всѣ прочія прекратили свои рейсы и, перекрашенныя въ другія цвѣта, стали перевозить пассажировъ за городъ. Число этихъ омнибусовъ

ростетъ чрезвычайно-быстро; но, увеличиваясь количествомъ, они дѣлаются худшими по качеству. Какой грустный, жалкій видъ имѣютъ всѣ эти общественные загородные экипажи, останавливающіеся обыкновенно у Гостинаго Двора! Всѣ они какихъ-то мутныхъ, грязныхъ цвѣтовъ даже въ началѣ лѣта, когда можно бы ожидать ихъ въ возобновленномъ видѣ. Грязныя, разноцвѣтныя занавѣски печально колеблятся на окошкахъ, кучеръ въ армякѣ на-распашку, а часто въ пальто или шинели полулежитъ на козлахъ; оборванный кондукторъ, подпрыгиваетъ на троттуарѣ, предлагая каждому прохожему ѣхать въ Новую деревню, Лѣсной и т. п.

Кромѣ дилижансовъ полюстровскихъ и одного заведенія лѣсныхъ, у кондукторовъ другихъ экипажей нѣтъ никакой опредѣленной ливреи, и только нѣкоторые снабжены однообразными фуражками; одинъ видъ этихъ омнибусовъ съ ихъ прислугою, внушаетъ уже несовсѣмъ-пріятное чувство; но, опоздавъ на пароходъ, не желая нанимать экипажа или пылиться на дрожкахъ, вы влѣзаете въ желтую, черную, зеленую и красную карету. Тамъ уже сидитъ нѣсколько женщинъ съ узлами, старушка съ сакомъ, имѣющемъ полное право назваться вышитымъ кулькомъ, и господинъ громадной наружности. Вамъ кажется душно: вы хотите опустить окно, но этого сдѣлать невозможно: у окна нѣтъ тесьмы. Вашъ сосѣдъ, человѣкъ видимо-услужливый, съ нѣкоторымъ навыкомъ ухитряется исполнить ваше желаніе; вы благодарите и находите, что такимъ образомъ пріятнѣе, какъ вдругъ на головѣ своей чувствуете, что-то въ родѣ покрывала. Смотрите — это шаловливые зефиры покрыли голову вашу грязно-желтою оконною занавѣскою. Вы хотите прикрѣпить ее, но всѣ средства къ тому оборваны. Чтобъ унять зефировъ, вы хотите поднять противоположное окно, но, вмѣсто того, подымаете одну раму, потому-что стекло ея выбито. Вы изыскиваете различные способы освободиться отъ скучной занавѣски до-тѣхъ-поръ, пока кто-нибудь не посовѣтуетъ вамъ завернуть ее наверхъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Между-тѣмъ, какъ пассажиръ хлопочетъ съ занавѣскою, онъ чувствуетъ, что его что-то ударило по носу и, точно вожжой, слегка пощелкиваетъ по лицу. Это снурокъ связывающій кондуктора и кучера. Кучеръ, въ ожиданіи отъѣзда, не слѣзая съ козелъ, вздумалъ раздѣться. Снявъ кафтанъ, онъ спустилъ съ рукъ и снурокъ, который болтается во внутренности кареты. Между-тѣмъ въ омнибусѣ становится уже довольно-тѣсно.

— Скоро поѣдемъ? спрашиваютъ одинъ за другимъ пассажиры.

— Черезъ двѣ минуты, отвѣчаетъ кондукторъ; но эти двѣ минуты длятся полчаса. На всѣ возгласы пассажировъ и угрозы ихъ уйдти изъ омнибуса, кондукторъ съ трогательною нѣжностью увѣдомляетъ о скоромъ отъѣздѣ, но все-таки продолжаетъ скакать по троттуару и зазывать прохожихъ. Ему нужно, чтобъ человѣкъ десять или двѣнадцать сидѣло въ каретѣ, человѣка три или четыре спереди, на козлахъ съ кучеромъ, двое, по-крайней-мѣрѣ, позади на мѣстахъ, устроенныхъ снаружи, и одинъ или двое рядомъ съ нимъ, въ видѣ амуровъ на одной ножкѣ на ступенькахъ для входа... Наконецъ, это

желаніе приближается къ исполненію. «Садись!» кричитъ кондукторъ кучеру, который лежитъ. Тотъ садится и совершаетъ свой туалетъ. «Трогай!» снова кричитъ кондукторъ. Кучеръ слегка трогаетъ вожжами по лошадямъ, и омнибусъ, потряхиваясь и позванивая, шагомъ ѣдетъ мимо Гостинаго Двора. Онъ ѣдетъ шагомъ почти до Лѣтняго Сада, и только здѣсь уже пускается легкою рысцой. Пассажиры трясутся, подталкивая другъ друга то локтемъ, то плечомъ; рамы подпрыгиваютъ, производя трескъ и звонъ, способный ослабить самые крѣпкіе нервы. Порой звонъ и трескъ прекращаются, омнибусъ останавливается, чтобъ починить что–нибудь въ упряжи или подсадить новаго пассажира; въ одномъ мѣстѣ, въ окнѣ, надъ запятками, появляется какое–то таинственное лицо, считающее пассажировъ, на которое кондукторъ смотритъ съ нѣкоторою робостью и по уходѣ котораго, на вопросъ: кто это? съ пренебреженіемъ отвѣчаетъ: «левизоръ». Кондукторъ собираетъ деньги съ пассажировъ, кланяется со многимъ множествомъ другихъ кондукторовъ, съ стоящими на дорогѣ мелкими торговцами, и дѣлаетъ краткіе, но сильные отвѣты на ѣдкіе сарказмы извощиковъ, которыми они привѣтствуютъ постоянно омнибусы...

Кондукторы омнибусовъ — это особый классъ людей, явившійся у насъ въ Петербургѣ съ недавняго времени. Хотя классъ этотъ не образовалъ еще особаго типа, но тѣмъ не менѣе, омнибусные кондукторы имѣютъ многія характеристическія черты, отличающія ихъ отъ разныхъ слугъ другаго рода, и лица эти могли бы составить предметъ небольшой физіологической статейки — но это не по моей части.

Не заботясь о пассажирахъ, учредители омнибусовъ еще менѣе заботятся о своей прислугѣ. Въ–теченіе десяти лѣтъ существованія этого рода сообщенія, никто изъ учредителей не подумалъ объ этихъ людяхъ, которые, въ дождь и вёдро находятся на воздухѣ, которые не могутъ спастись ни отъ лучей палящаго лѣтняго солнца, ни отъ льющаго безъ пощады осенняго дождя. А между–тѣмъ, небольшая, легкая подвижная крышка надъ запятками и козлами спасла бы кучеровъ и кондукторовъ отъ зноя и отъ дождя, нисколько не препятствуя исполненію ихъ обязанностей.

Но переходимъ къ городу. Часть жителей Петербурга жила на дачахъ, другая не покидала столицы. Нѣкоторые изъ послѣднихъ дѣлали еще поѣздки за городъ, другіе же не видали вовсе лѣта, иной зелени, кромѣ той, которая растетъ на бульварахъ, въ Лѣтнемъ Саду и на кладбищахъ. Случалось ли вамъ, читатель, проводить когда–нибудь лѣтнее воскресенье въ городѣ? Въ этотъ день Петербургъ имѣетъ особую физіономію. Утро. На рынкахъ и площадяхъ усиленное движеніе, разный людъ идетъ по разнымъ улицамъ, съ провизіею въ рукахъ, среди которой видное мѣсто занимаютъ ягоды, дыни, тыквы и другіе спутники двухлѣтнихъ мѣсяцевъ. Часовъ въ девять на улицахъ городскихъ окраинъ показываются кучки; мужики, въ синихъ сибиркахъ, спѣшатъ куда-то толпами; бабы въ яркихъ сарафанахъ, бѣгутъ мальчишки въ пестряд-

ныхъ халатахъ, съ узелками подъ-мышкой или ярко-вычищенными сапогами въ рукахъ... Но вотъ раздается звонъ колокола; къ одному присоединяется другой, третій, четвертый; колокала гудятъ, призывая къ обѣднѣ. На улицахъ показывается народъ; групки мужчинъ и женщинъ, съ узелками и дѣтьми, тянутся по направленію къ кладбищамъ. На всѣхъ замѣтны праздничные наряды, и бѣлый цвѣтъ въ женскихъ платьяхъ играетъ главную роль... На-время движеніе утихаетъ; только порой, посреди улицы, пройдутъ, взявшись подъ-ручки, три-четыре сѣрые мужика, громко о чемъ-то разговаривая и размахивая руками съ растопыренными пальцами; пройдетъ мастеровой въ свѣтлыхъ панталонахъ, съ тоненькою тросточкою въ рукахъ, проѣдетъ лихачъ-извощикъ, занимая главное мѣсто и предвкушая, кажется, обиліе воскресной заработки... Обѣдня кончилась, народъ возвращается изъ церкви; проѣхалъ офицеръ въ каскѣ, съ фуражкою въ рукѣ; господинъ въ туго-накрахмаленныхъ полисонахъ, съ дождевымъ зонтикомъ, торгуетъ извощика; проѣхалъ купецъ съ дородною женою, въ линейкѣ, запряженной толстою лошадью; проѣхала извощичья коляска, нагруженная множествомъ дѣтей; по канавкамъ и Невѣ плывутъ лодки съ людьми, карзинами и самоварами... Всѣ спѣшатъ туда, куда имъ идти пріятно. Коломенскія барышни разрядились и съ маменьками и тётеньками идутъ въ Екатерингофъ, «петербургскія» на музыку въ парки... На Невскомъ пусто и безлюдно. Только безпрерывно взадъ и впередъ шныряютъ омнибусы, да проходятъ пары съ бородами съ одной стороны, и множествомъ цвѣтовъ на шляпкахъ съ другой, отправляющіяся въ Лѣтній Садъ. Въ Лѣтнемъ Саду мѣрно движется его лѣтняя публика. Жаръ и духота въ воздухѣ не лишаютъ гуляющихъ здѣсь дамъ удовольствія щеголять своими бархатными бурнусами и мантильями, и, смотря на шелковые и бархатные наряды, сидящіе на скамейкахъ, юноши и неюноши мечтаютъ о невѣстахъ съ домами и деньгами, мечтаютъ о превращеніи трехъ-четырехсотъ рублей своихъ доходовъ, посредствомъ бѣленькихъ ручекъ невѣстъ, въ цѣлыя тысячи... На улицахъ невидно извощиковъ; вмѣсто экипажей, посреди нихъ двигаются пьяные... Въ отдаленныхъ частяхъ города, у воротъ фабрикъ и заводовъ собрались рабочіе. Вотъ одинъ изъ нихъ, прислонясь къ стѣнкѣ, небрежно помахиваетъ по балалайкѣ, и подъ однообразные, отрывистые звуки трепака или пѣсни, въ кружкѣ, образованномъ зрителями, похаживаетъ застѣнчиво баба въ сарафанѣ, или, не шевеля туловищемъ, а подпрыгивая только, переходитъ съ одного конца круга въ другой, женщина въ нѣмецкомъ платьѣ и платочкѣ на головѣ... Проходя по улицамъ и заглянувъ въ окно нижнихъ этажей, часто видишь бесѣдующихъ за кофе или чаемъ, а на столикѣ, накрытомъ салфеткою, тарелки съ какими-нибудь ягодами. Въ то время, какъ одни у Излера, въ виллѣ Боргезе, въ Марьиной Рощѣ, и т. п. заведеніяхъ слушаютъ музыку, смотрятъ иллюминаціи и пр. и пр., такъ для другихъ проходитъ воскресенье въ городѣ. Но вотъ начинаетъ смеркаться, и опять по улицамъ движеніе возвращающихся съ гуляній или изъ гостей. Прежде всего идутъ бывшіе на кладбищахъ, потомъ въ гостяхъ, потомъ въ городскихъ окрестностяхъ.

Движеніе по улицамъ продолжается долго-долго, и тяжелый понедѣльникъ нерѣдко застаетъ нѣкоторыхъ на пути съ воскресной прогулки.

Лѣто прошло, и городъ начинаетъ принимать свою обычную физіономію. Цвѣты, которыми мы наслаждались три мѣсяца на дачахъ, какъ-бы не желая разстаться съ тѣми, кто холилъ ихъ и любовался ими, обрѣзанные, въ букетахъ, преслѣдуютъ дачниковъ на улицахъ столицы. Корзины съ букетами встрѣчаются на каждомъ шагу.

Кстати о цвѣтахъ, хоть не о простыхъ, а рѣдкихъ. Въ послѣднее время, въ оранжереяхъ Императорскаго Ботаническаго Сада, привлекаетъ вниманіе знатоковъ и любителей чрезвычайно-рѣдкое растеніе— индійская лагерстремія (lagerstroemia indica). Названіе говоритъ о его отечествѣ — Индіи; къ намъ оно поступило изъ оранжереи зàмка Нёльи, недалеко отъ Парижа. Это растеніе чрезвычайно-красиво; отчасти оно походитъ на сирень. Цвѣты его кистями висятъ на концахъ стеблей, но цвѣты эти розовые и имѣютъ совершенно-другую форму нежели цвѣточки сирени. Лагерстремія цвѣтетъ долго; одни цвѣты его немедленно замѣняются другими и имѣютъ одинъ недостатокъ (впрочемъ, какъ и многое прекрасное, можно бы сказать, повторяя старую истину): въ нихъ нѣтъ аромата — души произведеній царства Флоры.

Городъ, по обыкновенію, лѣтомъ строился и передѣлывался, хотя новыхъ построекъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ какъ-то менѣе обыкновеннаго. Дѣятельность рабочихъ, пришедшихъ на лѣто въ столицу изъ губерній, употребляется преимущественно на переправки, передѣлки и окончаніе начатыхъ зданій. Въ числѣ оконченныхъ строеній, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ церкви Лейб-Гвардіи Егерскаго Полка, находящейся у встрѣчи Обводнаго Канала съ идущимъ параллельно съ царскосельскою желѣзною дорогою Каналомъ Лебяжьимъ. Освященіе этой церкви происходило 17-го прошлаго августа. Церковь построена въ византійскомъ вкусѣ, по плану извѣстнаго архитектора К. А. Тона. Она стоитъ на высокомъ фундаментѣ и увѣнчана пятью остроконечными главами и такою же колокольнею. Величественная наружность соотвѣтствуетъ внутреннему благолѣпію. Трехярусный иконостасъ подымается высоко подъ куполъ, который поддерживается четырьмя массивными гранитными колоннами. Въ новой церкви три придѣла: во имя Апостола Павла, Великаго Князя Александра Невскаго и Пресвитера Мирона.

Съ отстройкою этой церкви, увеличилось еще число златыхъ главъ и шпицовъ въ Петербургѣ. Число это теперь сдѣлалось значительное, и золотыя маковки первыя бросаются въ глаза подъѣзжающему къ Петербургу, ѣдетъ ли онъ водою, или сухимъ путемъ. Вотъ перечень этихъ главъ: на строющемся Исакіевскомъ Соборѣ, на соборахъ Никольскомъ, и Андреевскомъ (на Васильевскомъ Острову), на церквахъ: Благовѣщенской, Воскресенской (на Бугоркахъ), Введенской, Митрофаніевской, Владимірской, во имя Св. Іоанна Предтечи (въ Ямской), вновь-отстроенной Егерскаго Полка и, наконецъ, шпицъ Петропавловской Крѣпости. У каждой изъ названныхъ церквей пять главъ, у нѣкоторыхъ есть и шестая глава — колокольни, и въ свѣтлый день,

издалека, всѣ эти блестящіе купола и шпицы надъ каменнымъ городомъ кажутся зубцами сіяющаго надъ нимъ золотаго вѣнца.

Самый высокій изъ этихъ шпицовъ — шпицъ Петропавловской Крѣпости, высота котораго 385 футовъ или 55-ти саженъ. Этотъ шпицъ въ настоящее время точно кружевомъ обвитъ симетрически-установленными лѣсами, устроенными для производства въ немъ исправленій. Смотря на эти лѣса и ходящихъ по нимъ людей, кажущихся булавками, многіе изъ петербургскихъ старожиловъ припоминаютъ русскаго мужичка Петра Телушкина. Въ 1830, когда предстояло сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ крестѣ и изображеніи ангела на самой вершинѣ шпица; Телушкинъ вызвался исполнить эту работу безъ всякихъ подмостокъ, предоставляя награжденіе за свои труды усмотрѣнію начальства. При помощи простой веревки, онъ взобрался на самую вершину и сдѣлалъ все, что было нужно. Народъ, говорятъ, толпами стоялъ на улицѣ и смотрѣлъ на смѣльчака, висѣвшаго въ 55-ми саженяхъ надъ землей. По окончаніи работы, независимо отъ щедраго вознагражденія за труды, Телушкинъ, за смѣлый свой подвигъ получилъ серебряную медаль на анненской лентѣ.

Въ-заключеніе упомянемъ о выходѣ въ свѣтъ нѣсколькихъ новыхъ изданій каррикатуръ на современную войну, каррикатуръ, впрочемъ, весьма-похожихъ на прежнія, да о выходѣ картъ и плановъ мѣстностей, сдѣлавшихся театромъ военныхъ дѣйствій. Изъ плановъ этихъ мы укажемъ на виды Кронштадта и Свеаборга со всѣми ихъ укрѣпленіями, представляющимися съ высоты птичьяго полета. Планы эти могутъ дать весьма-ясное понятіе о расположеніи мѣстностей, которыя теперь лицомъ-къ-лицу стоятъ съ армадою союзныхъ флотовъ возбуждаютъ живой интересъ,.. не говоримъ Россіи, но всего свѣта...

Наконецъ, поговоримъ о театрахъ, которые, послѣ болѣе шестимѣсячнаго отдыха, наложеннаго на нихъ горестнымъ для всей Россіи событіемъ, снова открыли свои двери 30-го августа. Въ-теченіе этого времени театры успѣли обновиться, украситься, и удивленные зрители не узнаютъ ихъ: пробиты новые входы, возведены новые лѣстницы, перестроены сцены; новый бархатъ и позолота украсили ложи; потолки также блестятъ новыми украшеніями; вездѣ новые люстры и канделабры, однимъ-словомъ, театры обновились и украсились сверху до низу, отъ партера до высшихъ ярусовъ ложъ. Заботливая Дирекція воспользовалась шестимѣсячнымъ срокомъ, чтобъ сдѣлать истинное чудо. Она не ограничилась одними архитектурными преобразованіями, а позаботилась въ то же время о постановкѣ на сцену новыхъ пьесъ, о пополненіяхъ въ составѣ труппъ, о пріобрѣтеніи для нашихъ сценъ новыхъ артистовъ. Слишкомъ-долго было бы разсказывать обо всемъ, сдѣланномъ въ этомъ отношеніи Дирекціей Театровъ въ-теченіе шести мѣсяцевъ; ограничимся указаніемъ улучшеній въ русской труппѣ, какъ наиболѣе-интересныхъ и важныхъ для насъ.

Въ драматической и оперной русскихъ труппахъ приготовлено до десяти дебютовъ, какъ на первыя, такъ и на второстепенныя роли. Очень-много хорошаго говорятъ о г-жѣ *Владимировой*. Въ будущемъ нумерѣ нашего журнала мы отдадимъ подробный отчетъ о ея дебю-

такъ, а сегодня можемъ сообщить только слухи о ней. Г-жа Владимірова очень-молода: ей, говорятъ, нѣтъ еще восьмнадцати лѣтъ, но она имѣетъ всѣ наружныя достоинства, важныя для актрисы, занимающей первыя роли: высокій ростъ, стройный станъ, выразительное лицо, звучный и гибкій голосъ. Мы не имѣемъ еще возможности опредѣлить характеръ ея дарованія; но, сказываютъ, что репертуаръ ея будетъ обширенъ. Она должна дебютировать въ комедіи «Весною», передѣланной съ французскаго, въ роли, которую играли у насъ г-жа Шубертъ и Луиза Мейеръ. Мы слышали, сверхъ-того, что у дебютантки прекрасный сопрано, позволяющій надѣяться, что она будетъ, современемъ, пѣвицей. За будущее, разумѣется, ручаться нельзя, но и теперь уже, какъ мы слышали, госпожа Владимірова въ-состояніи занять первыя роли въ легкой драмѣ, комедіи и водевилѣ. Вообще на нее возлагаютъ большія надежды и дебютовъ ея ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Для занятія первыхъ ролей второстепенной важности будетъ дебютировать госпожа *Гольцъ*, дочь извѣстнаго нашего танцовщика. Она, какъ слышно, появится на сценѣ въ роли Марьи Андреевны въ «Русской Свадьбѣ».

Будетъ дебютантка на комическія роли, г-жа Михайлова, и двѣ дебютантки на второстепенныя роли въ комедіи и водевилѣ.

Въ роляхъ молодыхъ людей появится г. *Арнольдъ*, бывшій воспитанникъ Императорскаго Театральнаго Училища, подававшій большія надежды. По выпускѣ изъ училища, г. Арнольдъ дебютировалъ, не безъ успѣха, на Александринскомъ Театрѣ, потомъ поѣхалъ для практики въ провинцію и игралъ на Тифлисскомъ Театрѣ, занимающемъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ провинціальныхъ сценъ. Г. Арнольдъ возвратился, говорятъ, хорошимъ актёромъ и будетъ очень-полезнымъ пріобрѣтеніемъ.

Будетъ дебютантъ на вторыя роли.

Русская оперная труппа сдѣлала также нѣсколько важныхъ пріобрѣтеній, между-прочимъ, превосходнаго тенора, которому мы смѣло пророчимъ самую блистательную будущность. Новый теноръ, г. *Сетовъ*, родился въ Россіи, въ Россіи воспитывался, слѣдовательно онъ русскій, хотя и происходитъ отъ венгерской фамиліи. Настоящая его фамилія Сеттофръ, но привыкнувъ считать себя русскимъ, онъ выбросилъ изъ нея двѣ согласныя, и сдѣлался Сетовъ. Подъ этимъ именемъ пѣлъ онъ и въ Италіи, гдѣ пробылъ семь лѣтъ, сперва учась, потомъ играя. Г. Сетову всего двадцать-шесть лѣтъ, но онъ имѣетъ уже извѣстность, а потому мы считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько біографическихъ о немъ свѣдѣній.

Г. Сетовъ родился въ Москвѣ, тамъ воспитывался, потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ и слушалъ лекціи въ здѣшнемъ Университетѣ. Онъ любилъ естественныя науки, занимался преимущественно ботаникой и химіей, не думая сдѣлаться пѣвцомъ. Впрочемъ, музыка играла также роль въ его образованіи: онъ учился на віолончели у извѣстнаго Гросса и пѣвалъ романсы въ обществѣ пріятелей. Когда г. Сетову исполнилось девятнадцать лѣтъ, одинъ изъ друзей его, отправлявшій-

ся за границу, предложилъ ему взять его съ собою; г. Сетовъ принялъ предложеніе, въ надеждѣ довершить свое образованіе въ чужихъ краяхъ и, возвратившись въ Россію, держать экзаменъ на ученую степень. Но, поѣздивъ по Европѣ, г. Сетовъ скоро перемѣнилъ намѣреніе: хоть онъ все еще любилъ ботанику и химію, но пересталъ помышлять объ ученомъ дипломѣ. Величественная архитектура городовъ старой Европы, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, поселила въ немъ желаніе сдѣлаться архитекторомъ и, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ съ ревностью принялся за изученіе полюбившагося ему искусства. Можетъ-быть, онъ и сдѣлался бы архитекторомъ, еслибъ неожиданный случай не опрокинулъ снова всѣхъ его плановъ.

Ему довелось быть въ Нанси, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько времени. Пѣвица Гельдеръ (Hélder), проѣзжавшая чрезъ этотъ городъ, вздумала дать концертъ и, зная, что у г. Сетова, съ которымъ была уже прежде знакома, довольно-пріятный голосъ, пригласила его спѣть въ концертѣ. Пѣвцовъ въ то время въ Нанси не было; предложеніе г-жи Гельдеръ показалось г. Сетову очень-оригинальнымъ, и онъ принялъ его Для этого перваго, импровизированнаго дебюта своего, г. Сетовъ выбралъ какой-то французскій романсъ и русскую пѣсню г. Бахметьева: «Аль опять не видать прежней красной доли». Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія и заставилъ импровизованнаго пѣвца образумиться. «Ужь не пѣвецъ ли я въ-самомъ-дѣлѣ?» думалъ онъ. Съ этой думой возвратился онъ въ Парижъ, гдѣ случай помогъ ему сблизиться съ тамошними извѣстными пѣвцами: Дюпре, Баруале и съ знаменитою Розиною Стольцъ. Артисты были поражены природными средствами г. Сетова и стали всѣ, въ-особенности же г-жа Стольцъ, уговаривать его, чтобъ онъ занялся музыкой. Сетовъ послушался ихъ совѣта и обратился къ извѣстному учителю Бордоньи, у котораго учился семь мѣсяцевъ и сдѣлалъ большіе успѣхи. Тогда стала манить его Италія, классическая страна пѣвцовъ, родина Рубини и Маріо. «Dahin, dahin wo die zitronnen blühen!» шепталъ ему ежедневно тайный голосъ, и вотъ, въ одно прекрасное утро нашъ молодой пѣвецъ очутился на берегахъ Неаполитанскаго Залива. Въ Неаполѣ жилъ тогда Гульельми, учитель Джульетты Гризи и Тамберлика: къ нему-то обратился г. Сетовъ. Онъ учился у него два года, а потомъ переѣхалъ во Флоренцію и сталъ учиться у знаменитаго Романи. Онъ засталъ тамъ незабвеннаго Рубини, который часто говаривалъ ему о Петербургѣ и предложилъ свои совѣты. Поучившись еще два года у Романи, г. Сетовъ почувствовалъ, что можетъ уже появиться передъ публикой, и потому принялъ предложеніе участвовать въ концертѣ, который давался въ классическомъ городкѣ Ареццо, тамошней Музыкальной Академіей, пользующейся старинной извѣстностью. Между-тѣмъ, Ланари, современный Барбайя, откупщикъ пѣвцовъ и музыкантовъ, успѣлъ разузнать о талантѣ молодаго тенора и точилъ на него зубы; онъ предложилъ ему довольно-значительную сумму, [illegible]тѣмъ, чтобъ имѣть право располагать его голосомъ по своему [illegible]ію. Г. Сетовъ жаждалъ дѣятельности, но, зная, сколько гос[illegible]обные Ланари, похитили у неопытныхъ пѣвцовъ лучшихъ

лѣтъ жизни, сколько нажили ихъ трудами денегъ, заключилъ съ нимъ контрактъ только на одинъ годъ. Аретинскій театръ былъ мѣстомъ первыхъ его дебютовъ. Онъ пѣлъ тутъ въ «Нормѣ», въ «Линдѣ» и въ «Bice del Balzo», оперѣ Карлини, съ такимъ успѣхомъ, что Аретинская Академія Музыки поспѣшила избрать его въ свои члены. Немногіе начинаютъ такъ удачно, и такое начало какъ-нельзя-болѣе ободрило молодаго пѣвца. Журналы также заговорили о немъ и пророчили ему самую блестящую будущность, а содержатели театровъ прислали ему нѣсколько выгодныхъ предложеній. Къ-несчастью, г. Сетовъ принадлежалъ не себѣ, а Ланари, который отправилъ его, съ цѣлою оперною труппою въ Африку, въ Тунисъ. Молодой теноръ сначала испугался, но, пріѣхавъ въ Тунисъ, успокоился, найдя тамъ хорошій театръ и многочисленную европейскую публику. Труппа собрала много денегъ, а г. Сетовъ съигралъ съ огромнымъ успѣхомъ роль въ оперѣ Верди «Луиза Миллеръ», о чемъ журналъ «del Arte», выходящій въ Италіи, въ Фирензе, не преминулъ извѣстить итальянскихъ меломановъ. Въ Тунисѣ пробыли они пять мѣсяцевъ, а потомъ возвратились въ Италію. Г. Сетовъ пѣлъ въ Фирензе, въ Перуджіи, въ Пистойи, въ Ливорно, наконецъ въ Павіи, съ постоянно-возроставшимъ успѣхомъ. Итальянскіе журналы особенно хвалятъ его за исполненіе ролей въ «Лучіи», въ «Giuramento» Меркаданте, въ «Луизѣ Миллеръ» Верди, въ «Риголетто», въ «Il Trovatore», въ «Черномъ Домино», оперѣ «Лауро-Росси», въ «Линдѣ ди Шамуни». Въ Фирензе онъ произвелъ, въ «Лучіи», рѣшительный furore, а въ оперѣ «Риголетто» такъ понравился, что эту оперу дали, въ Ливорно, двадцать разъ сряду. Въ нынѣшнемъ году его приглашали въ Миланъ и въ Мадридъ, но онъ предпочелъ возвратиться въ Россію.

У г. Сетова чрезвычайно-пріятный теноръ, мягкій, гибкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильный; нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ перваго же дебюта сдѣлается любимцемъ публики. Говорятъ, что, для выхода своего, онъ выбралъ «Лучію». Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать этого дебюта.

Незадолго до г. Сетова возвратился изъ Италіи другой русскій пѣвецъ, также московскій уроженецъ, также пѣвшій съ успѣховъ въ Италіи. Этотъ пѣвецъ коренной русакъ, г. *Божановскій*. У него, какъ говорятъ, превосходный баритонъ. Г. Божановскій уѣхалъ въ Москву.

Къ этимъ двумъ важнымъ пріобрѣтеніямъ русской оперы должно присоединить еще одно—контральто, г-жу *Эмму Рёдеръ*. Возвратясь, годъ назадъ, изъ-за границы, она употребила этотъ годъ на упражненіе въ русскомъ языкѣ, на которомъ и прежде, впрочемъ, немного говорила.

Изъ этого короткаго перечня видно, что театры наши приготовили много интереснаго и новаго; мы не перечислили и половины новостей. Ставятъ на сцену новыя пьесы гг. Писемскаго, Дружинина; г. Перро готовитъ новый балетъ, въ которомъ также явится дебютантка, воспитанница Императорскаго Театральнаго Училища *Радина*; ждутъ изъ-за границы танцовщицу *Фанни Черито* и пѣвицу

Лотти, съ которой г. Сетовъ пѣлъ съ такимъ успѣхомъ «Риголетто». Кромѣ того, возобновили нѣсколько пьесъ стараго репертуара, сошедшихъ со сцены вслѣдствіе смерти или отставки артистовъ, занимавшихъ въ нихъ главныя роли. Г. Максимовъ 1-й приготовилъ роль Лудовика XI, въ драмѣ «Заколдованный Домъ», и пр. и пр.

Передѣлки во всѣхъ театрахъ сдѣланы капитальныя. Большой Театръ совершенно преобразовался. Плафонъ его вновь расписанъ г. Лабастидомъ, ложи покрыты новымъ бархатомъ, позолотою и лѣпною работою; особенно-великолѣпны ложи царскія и офиціальныхъ лицъ. Мѣсто прежнихъ *бра* (bras) заняли небольшія, чрезвычайно-красивыя люстры. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что зала Большаго Театра принадлежитъ теперь къ числу великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Сдѣланы также, для избѣжанія тѣсноты у подъѣздовъ, двѣ новыя лѣстницы прямо въ четвертый и пятый ярусы. Залы, составляющія фойе, соединены арками; въ корридорахъ настланы паркетные полы. На сценѣ и въ уборныхъ для артистовъ сдѣлано также много новаго. Г. Роллеръ приготовилъ для Большаго Театра новую великолѣпную занавѣсь.

Въ Театрѣ-Циркѣ сдѣлано еще болѣе преобразованій. Извѣстно, что въ этомъ театрѣ, выстроенномъ для конныхъ представленій, была арена, на которую настилался, въ случаѣ надобности, полъ, обращавшій ее въ партеръ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ конныя представленія прекратились, накладной полъ не снимался; но этотъ партеръ имѣлъ много неудобствъ. Онъ былъ гораздо-ниже сцены, и потому зрители, сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ креселъ, могли видѣть только туловище и голову актёровъ, безъ ногъ, что много вредило сценическому эффекту. Оркестръ помѣщался неудобно и тѣсно. Всѣ эти недостатки происходили оттого, что театръ предполагался первоначально преимущественно для конныхъ, а не для драматическихъ представленій. Теперь эти неудобства уже не существуютъ. Сцена выдвинута впередъ и сдѣлана болѣе-покатою, партеръ поднятъ; оркестръ получилъ приличное и удобное помѣщеніе. Вслѣдствіе увеличенія сцены въ длину, занавѣсь перемѣнила мѣсто, подвинулась ближе къ зрителямъ и будетъ висѣть подъ самой аркой, отдѣляющей залу отъ сцены. Принята новая система освѣщенія. Но самое важное улучшеніе въ Театрѣ-Циркѣ состоитъ въ постройкѣ 17-ти бенюаровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ амфитеатръ, или мѣста за креслами. Такъ-какъ бенюары выдаются въ залу дальше бельэтажей, то надъ ними, рядомъ съ бельэтажемъ, устроена галерея, въ родѣ существующихъ въ нѣкоторыхъ заграничныхъ театрахъ. Ложи отдѣланы бархатомъ бирюзоваго цвѣта и позолотой. Театръ-Циркъ сдѣлался теперь однимъ изъ красивѣйшихъ театровъ въ Европѣ.

Въ Михайловскомъ Театрѣ поновлена зала, передѣлана сцена, положены новые полы въ фойе и корридорахъ, ложи и мёбель обиты оранжевымъ бархатомъ.

Въ Александринскомъ Театрѣ совершенно передѣлана сцена, на которой, какъ говорятъ, не осталось ни одной старой дощечки. Зала поновлена.

Перестройкою сцены въ Большомъ Театрѣ занимался г. Роллеръ, въ Александринскомъ и Циркѣ — г. Вальцъ, въ Михайловскомъ — г. Шафферъ. Всѣ вообще работы въ театрахъ производились по планамъ архитектора Кавоса и подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Ему же поручено возобновленіе Большаго Петровскаго Театра въ Москвѣ, сгорѣвшаго въ 1853 году, и перестройка Малаго-Театра тамъ же.

МОДЫ.

Впродолженіе всего лѣта костюмы были самые однообразные и чрезвычайно-простые: черныя и сѣрыя платья, соломенныя шляпы, убранныя черными кружевами и черными бархатными лентами. Иногда появлялись бѣлыя кисейныя платья и бѣлыя шляпы, но съ самой простой уборкой. Ныньче уже много дѣлается платьевъ изъ сѣрой или лиловой матеріи. Изъ нихъ въ большой модѣ полосатыя матеріи, но съ такими огромными полосами, что ихъ на полотнищѣ помѣщается только двѣ, и потому на всей юбкѣ бываетъ неболѣе четырнадцати полосъ. Для лифа и рукавовъ заткано нѣсколько аршинъ этой матеріи безъ полосъ, а полосы сдѣланы отдѣльно, и ими обшиваютъ кругомъ лифъ и рукава. Очень-красива эта матерія лиловаго цвѣта съ черными атласными полосами.

Для волановъ полосы должны быть поперегъ, то-есть на концѣ каждаго волана, а юбка гладкая.

Воланы на шелковыхъ матеріяхъ бываютъ большею-частью большіе, не болѣе трехъ на юбкѣ, но на легкихъ матеріяхъ они дѣлаются мелкіе и покрываютъ всю юбку; впрочемъ, это зависитъ отъ вкуса, и потому ихъ дѣлаютъ чрезвычайно-разнообразно, отъ одного до пятнадцати и даже семнадцати.

Уборка на платьяхъ все та же: бархатъ, клѣтчатыя ленты, кружева, бахрома. Впрочемъ, ныньче появилась новая уборка для обшивки платьевъ: это — тесьма, на которой сдѣланы петли изъ крученаго шелка, но такъ часто одна возлѣ другой, что онѣ стоятъ и имѣютъ видъ мѣха. Эта уборка чрезвычайно-оригинальна и очень-красива.

Лифы высокіе должны быть непремѣнно съ басками и съ такими длинными, чтобъ лифъ былъ похожъ на сюртукъ или на курточку съ фалдами. Концы басокъ дѣлаются большею-частью острые. Берты теперь въ большой модѣ на высокихъ лифахъ. Онѣ отъ таліи идутъ въ видѣ отворотовъ, но сзади скругляются, какъ пелеринка.

Много платьевъ дѣлается съ пелеринками, но съ самыми маленькими, такъ, чтобъ онѣ покрывали только плечи, а талія была видна. Легкія платья изъ кисеи всегда бываютъ съ сборчатыми лифами. Гладкіе лифы вырѣзываются четыреугольникомъ, и эти лифы очень-красивы, особенно если они обшиты бархатомъ.

Вотъ очень-миленькое платье, которое мы видѣли на картинкѣ, полученной изъ Парижа: оно сдѣлано изъ бѣлаго тарлатана; юбка въ три волана, и каждый воланъ обшитъ узенькимъ чернымъ бархатомъ въ пять рядовъ. Лифъ вырѣзанъ четыреугольникомъ и обшитъ въ три ряда; на рукавахъ одинъ воланъ, который начинается отъ проймы и обшитъ въ три ряда. На плечахъ наброшена мантилья. Шарфъ изъ такого же бѣлаго тарлатана съ воланомъ обшитымъ, такъ же, какъ платье, бархатомъ.

Другое платье изъ розовой шелковой матеріи съ одиннадцатью воланами, на которыхъ только широкій рубецъ. Лифъ высокій, застёгнутый напереди пуговицами; рукава съ тремя воланами и доходятъ только до локтя; внизу надѣты другіе вышитые бѣлые кисейные рукава съ обшивкой у кисти; воротникъ тоже вышитый. Сверхъ лифа надѣты бретельки изъ черныхъ шелковыхъ лентъ, собранныхъ и нашитыхъ на черный тюль, къ концу котораго пришиты черныя кружева. Сзади и спереди эти бретельки пришпилены къ платью бантами изъ лентъ. Подобныя бретельки теперь въ большой модѣ: ихъ надѣваютъ со всякимъ платьемъ.

Мантильи дѣлаются теперь въ видѣ пелеринки, но очень-большой, которая доходитъ до колѣнъ; къ концу ея пришиты широкія кружева, а на ней нашитъ бархатъ шириною въ ладонь, на равное другъ отъ друга разстояніе, такъ-что эта мантилья имѣетъ видъ какъ-бы сдѣланной изъ шелковой и бархатной ленты. Сверхъ этой обшивки вышиваются вгладь большіе букеты шелкомъ одинакаго цвѣта съ мантильей, а иногда сверхъ бархата нашивается стеклярусъ.

Шляпы прибавились немного въ поляхъ, но только напереди, а съ боковъ онѣ попрежнему открыты. Впрочемъ, и это хорошо, потому-что темя уже немного прикрывается полями. Къ осени, вѣроятно, покажется новый фасонъ, а теперь носятъ еще все лѣтнія шляпы.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11,

Для скрипки.

	Сер. Р. К.
Alard. — Collection progressive et méthodique de duos pour deux violons, classés progressivement. 1re suite: 4 Duos élémentaires op. 22 (2 р. 85 к.). 2de suite: 4 Duos faciles op. 23 (4 р. 60 к.). 3me suite: 4 Duos brillans. op. 27	5 70
Bazzini. — L'absence. Mélodie avec piano op. 22 (1 р.). Souvenir de Naples Grande fantaisie avec piano op. 23. Fantaisie sur l'opéra Anna Bolena. op. 24	1 70
Beriot. — 12me air varié op. 88 avec piano (2 р. 30 к.) 12 petits duos faciles et progressifs pour deux violons. op. 82	2 85
Dancla. — Collection progressive de duos. 3me serie. Liv. 1. Trois duos faciles. op. 60 (1 р. 70 к.). Liv. 2. Trois duos faciles op. 61 (1 р. 70 к.). Liv. 3. Trois duos faciles et concertans. op. 62 (1 р. 70 к.). Le souvenir. Morceau de salon avec piano. op. 58.	1 15
Ernst. — Six morceaux de salon avec piano op. 25 liv. 1. .	2 30
Haupt. — Suite d'airs russes nationaux variés pour violon et piano № 1, 2, 3, каждый	1 —
Hauser. — Trois mélodies de Bellini: Mira o Norma, Casta Diva, Vaga luna transcrites avec piano № 1, 2, 3 (каждый 60 к.). Trois mélodies de Schubert: Sérénade, Eloge des larmes, La plainte de la jeune fille transcrites avec piano № 1, 2, 3, каждый	— 40
Hübsch. — Souvenir des Carpates. Nocturne avec piano. . .	— 70
Jansa. — «Der junge Opernfreund». Nouvelle série. Mélodies choisies avec piano. op. 75 № 1 à 8, каждый. . . .	1 —
Kayser. — Souvenir de la Russie. Transcriptions en forme de fantaisies sur des airs russes favoris. op. 29 № 1 à 6, по 1 р. 15 к. и	1 75
Кажинскій. — Думка. Малороссійская пѣсня съ акомпаниментомъ фортепіано	— 75
Kündinger. — Collection de fantaisies pour le violon avec piano. Собраніе фантазій для скрипки съ акомпаниментомъ фортепіано на любимые русскіе романсы и пѣсни. Тетрадь I. Вотъ на пути село большое, За Ураломъ, Коровушка (1 р. 15 к.). Тетрадь II. Сарафанчикъ, Душечка дѣвица, Внизъ по матушкѣ по Волгѣ (1 р. 15 к.). Тетрадь III. Матушка голубушка, Ты не повѣришь, Ѣхали ребята (1 р.	

Сер. Р. К.

15 к.). Тетрадь IV. Мы двѣ дѣвицы, Она миленькая, Тяжело, не стало силы (1 р. 15 к.). Тетрадь V. Онъ меня разлюбилъ, Ты скоро меня позабудешь, Сердце (1 р. 15 к.). Тетрадь VI. Вѣтка, Коса, Обойми, поцалуй 1 15

— Это же собраніе фантазій на любимые русскіе романсы и пѣсни, изданное для одной скрипки, въ двухъ тетрадяхъ, каждая . . . . 1 —

Léonard. — Le désir. Grande fantaisie sur la célèbre valse. op. 18 avec piano (2 р. 30 к.) avec orchestre . . . 4 60

Lipinski. — Fantaisie sur des airs napolitains nationaux avec piano. op. 31 . . . . 1 70

Maurer. — Romance de l'opéra Guido et Ginevra variée avec piano (1 р. 50 к.). Les adieux. Impromptu. . . . . — 60

Мазасъ. — Лучшій скрипичный учитель, или новѣйшая школа нынѣшней игры на скрипкѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ . . . . 3 —

Reber. — Berceuse avec piano . . . . — 60

Rode. — 7me Concerto op. 9 publié pour la première fois avec piano (1 р. 70 к.). 8me Concerto op. 13 avec piano (1 р. 70 к.). 9me Concerto op. 17 d° (2 р.). 10me Concerto op. 19 d°. . . . . 2 —

Soirées dansantes. Собраніе любимыхъ петербургскихъ танцевъ для одной скрипки. Три тетради, каждая . . . . . — 75

Сто русскихъ народныхъ пѣсенъ, аранжированныхъ для одной скрипки М. Бернардомъ. Новое изданіе. . . . . . 2 —

Vieuxtemps. — Six divertissement d'amateurs sur des melodies russes favorites avec piano op. 24 № 1 à 6, каждый . 1 30

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе ***трехъ рублей серебромъ***, получаютъ ***двадцать пять*** процентовъ уступки, а выписывающіе на ***десять руб. сер.***, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями ***непосредственно*** въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го сентября 9-я тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XVI), содержащая въ себѣ между прочими: ***Thalberg.*** Choeur de l'opéra Il Crociato de Meyerbeer transcrit. — ***Ascher.*** La perle du nord, mazurka. — ***Mayer.*** La complainte. — ***Kuhé.*** Impromptu. — ***Faust.*** Polka-Mazurka. — ***Nabokoff.*** Valse. — ***Duvernoy.*** — Petite fantaisie sur Rigoletto. — ***Князь Л. Голицынъ.*** Я васъ люблю! — Музыкально-литературное прибавленіе № 9. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

Печатать позволяется, августа 31-го дня 1855 г. Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 116.

Варьяціи на русскія пьесы для фортепьяно.

	Сер. Р.	К
Beyer. — Боже, Царя храни! съ варьяціями	—	50
Biron. — Чѣмъ тебя я огорчила (40 к.). То теряю, что люблю, съ варьяціями.	—	40
Глинка. — Молитва (1 р.). Мазурка изъ оперы: Жизнь за Царя	1	—
Гензельтъ. — Прелестнымъ глазамъ, съ варьяціями	1	—
— Романсъ и каватина изъ оперы: Русланъ и Людмила (1 р. 50 к.). Я все еще его люблю	—	85
Гюнтенъ. — Красный сарафанъ, съ варьяціями	1	—
Meyer. — Скажи, зачѣмъ явилась ты	—	85
Плюсковъ. — Соловей мой, соловей.	—	50
Штейбельтъ. — Выйду ль я на рѣченьку.	—	60
Венцель. — Гори, гори, моя лампада	—	85

Французскіе романсы для пѣнія съ фортепьяно.

Adam. — Fernanda (30 к.). Plus je vous vois, plus je vous aime	—	40
Labarre. — Pauvre Negresse (30 к.). Jeune fille aux yeux noir	—	30
Masini. — Crois moi (30 к.). Ange á la voix tendre (30 к.). Veux tu mon nom (30 к.). La Prairie	—	50
Puget. — Plus de mère (30 к.). Le soleil de ma Bretagne (50 к.). A la grace de Dieu (50 к.). Jeunne fille à quinze aus (30 к.). Les compliments de Normandie.	—	50
Schubert. — Les plaintes de la jeunne fille (75 к.). Le Voyageur (60 к.). Adieu (30 к.). Jeunne fille et la mort . .	—	30

Разныя школы.

Аларъ. — Теоретическая и практическая школа для скрипки, самая полная и употребительная, со многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Школа эта принята для руководства всѣми музыкальными консерваторіями въ Европѣ. Цѣна.	6	—
Крамеръ. — Лучшая практическая школа для фортепьяно съ примѣрами и пьесами. Цѣна	1	50

Сер. Р. К.

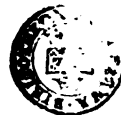
Ли, С. — Школа для віолончели или легчайшая метода для скорѣйшаго изученія игры на віолончели, приспособленная къ самоученію, съ присовокупленіемъ многихъ практическихъ примѣровъ и упражненій изъ любимѣйшихъ пьесъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Цѣна . . 4 —

Роде, Бальо и Крейцеръ.—Полная школа для скрипки на русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями изданіе, съ присовокупленіемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно видитъ, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ возможные тоны. Цѣна . . . . 3 —

Сихра. — Школа для семиструнной гитары на русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное изданіе, со многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной, двухъ и трехъ гитаръ, а равно и для гитары съ фортепьяно, со отлично-литографированнымъ и весьма-похожимъ портретомъ автора. Цѣна . . . . 3 —

Черни. — Школа для фортепьяно или практическое наставленіе какъ по этой легкой методѣ въ короткое время выучиться легко и хорошо играть на фортепьяно, на русскомъ языкѣ. Третье исправленное изданіе. Цѣна. . . 3 —

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо-больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейскурантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволяется, августа 31-го дня 1855 г. Цензоръ *Ю. Шидловскій*

